Ниал Фергюсон

ИМПЕРИЯ

Чем современный мир обязан Британии

CORPUS

173

Блестящий вызов упрощенному взгляду на расизм, насилие и эксплуатацию.

WASHINGTON POST

Ниал Фергюсон

ИМПЕРИЯ

Чем современный мир обязан Британии

[historia]

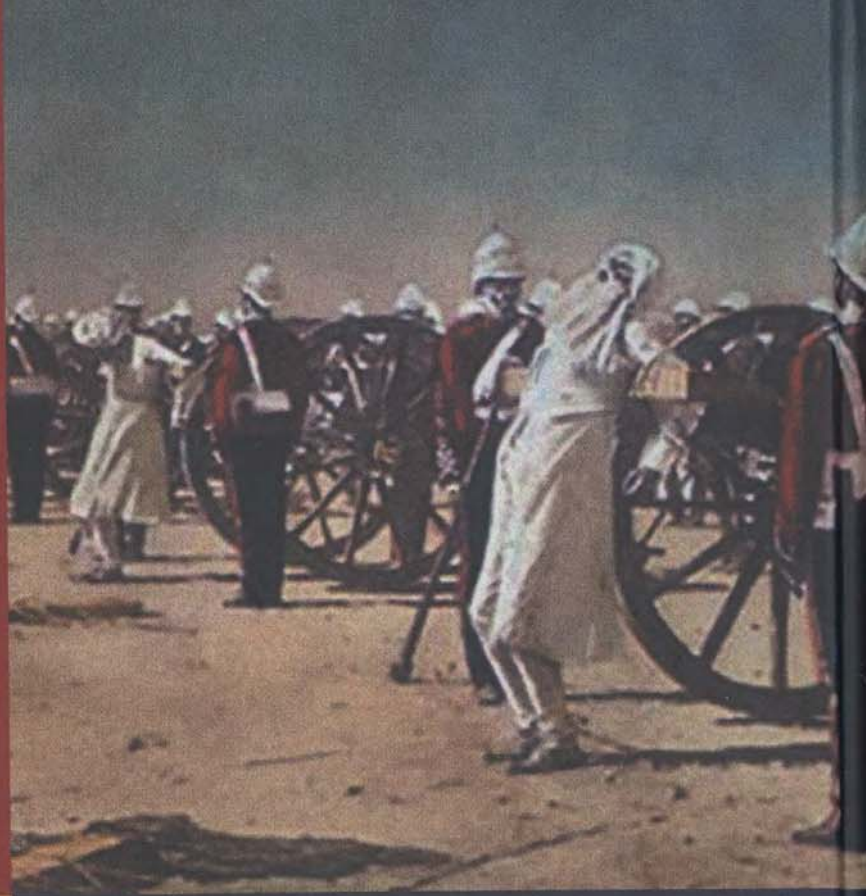
CORPUS

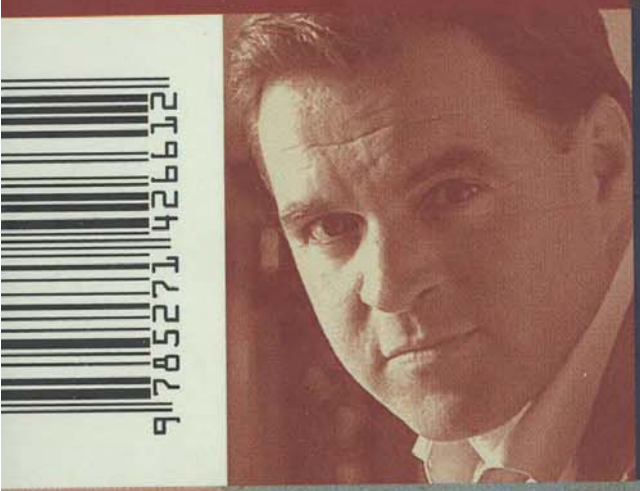
Вот так следует популяризировать историю.

THE ECONOMIST

Фергюсон... искренне и обоснованно высказывает мысли, стыдливо и безосновательно скрываемые большинством социологов и политиков нашего времени.

Ex Libris НГ





9 785271 426612

Как удалось обитателям дождливого островка в Северной Атлантике построить, а после потерять империю, над которой "не заходило солнце"? Что было целью колониальной политики британцев: грабеж — либо "экспорт свободы и порядка"? Есть ли в XXI веке спрос на империализм? Провокационная книга Ниала Фергюсона повествует о почти трехвековом мировом владычестве англичан и его плодах, сладких и горьких.

Ниал Фергюсон — это Лени Рифеншталь нового имперского порядка Джорджа Буша... Точно так же, как съемки Рифеншталь прославляли бесчинства фашистов, книга Фергюсона... представляет в выгодном свете имперскую жестокость.

GUARDIAN

Ниал Фергюсон

Империя

Niall Ferguson

Empire

How Britain Made the Modern World

Ниал Фергюсон

Империя

Чем современный мир обязан Британии

Перевод с английского
Константина Бандуровского

издательство **астрель**

Москва

УДК 94(410)
ББК 63.3(4Вел)
Ф43

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Издание осуществлено при содействии издательства АСТ

Фергюсон, Ниал

Ф43 Империя: чем современный мир обязан Британии / Ниал Фергюсон; пер. с англ. К. Бандуровского. – Москва : Астрель : CORPUS, 2013. – 560 с.

ISBN 978-5-271-42661-2 (ООО "Издательство Астрель")

Как удалось обитателям дождливого островка в Северной Атлантике построить, а после потерять империю, над которой "не заходило солнце"? Что было целью колониальной политики британцев: грабеж — либо "экспорт свободы и порядка"? Есть ли в XXI веке спрос на империализм? Провокационная книга Ниала Фергюсона повествует о почти трехвековом мировом владычестве англичан и его плодах, сладких и горьких. Одни критики считают "Империю" оправданной попыткой реабилитировать колониализм. Другие шлют Британской империи — и Фергюсону — проклятия.

УДК 94(410)
ББК 63.3(4Вел)

ISBN 978-5-271-42661-2 (ООО "Издательство Астрель")

© Niall Ferguson, 2003
All rights reserved
© К. Бандуровский, перевод на русский язык, 2013
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2013
© ООО "Издательство Астрель", 2013
Издательство CORPUS ®

Оглавление

Введение 11

Глава 1. Почему Британия? 35

Глава 2. "Белая чума" 97

Глава 3. Миссия 171

Глава 4. Порода небес 233

Глава 5. Сила "максима" 303

Глава 6. Империя на продажу 391

Заключение 475

Благодарности 499

Иллюстрации 502

Библиография 505

Предметно-именной указатель 527

Посвящается Кену и Вивьен

Старая широкая река, не тронутая рябью, покоилась на склоне дня после многих веков верной службы людям, населявшим ее берега; она раскинулась невозмутимая и величественная, словно водный путь, ведущий к самым отдаленным уголкам земли... Поток, вечно несущий свою службу, хранит воспоминания о людях и судах, которые поднимались вверх по течению, возвращаясь домой на отдых, или спускались к морю, навстречу битвам. Река служила всем людям, которыми гордится нация... По ней ходили все суда, чьи имена, словно драгоценные камни, сверкают в ночи веков... Река знала суда и людей; они выходили из Дэтфорда, из Гринвича, из Эрита — искатели приключений и колонисты, военные корабли и торговые капитаны, адмиралы, неведомые контрабандисты восточных морей и эмиссары, "генералы" Восточного индийского флота. Те, что искали золота, и те, что стремились к славе, — все они спускались по этой реке, держа меч и часто — факел, посланцы власти внутри страны, носители искры священного огня. Какое только величие не плыло вверх по реке в тайну неизведанной земли! ... Мечты мужчин, семена республик, гермы империй.

Джозеф Конрад,
"Сердце тьмы"*

* Пер. А. Кривцовой. Далее, если не указано иное, — примечания автора.

Введение

Британия распоряжается сегодня судьбами около 350 миллионов чужеземцев, неспособных пока еще управлять самостоятельно и становящихся легкими жертвами грабежа и беззакония, если сильная рука не ведет их. Она дает им порядок, который, без сомнения, имеет свои недостатки, но который, осмелюсь утверждать, ни один завоеватель прежде не давал зависимым от него людям.

Профессор **Джордж М. Ронг** (1909)

Мы признаем, что колониализм привел к расизму, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости и что жители Африки и лица африканского происхождения, а также лица азиатского происхождения и коренные народы были жертвами колониализма и продолжают быть жертвами его последствий.

Декларация ООН о ликвидации всех форм
расовой дискриминации (2001)

Некогда существовала империя, которая управляла примерно четвертью населения планеты, занимала примерно четверть ее суши и господствовала почти над всеми ее океанами. Британская империя была крупнейшей в истории. Как дождливый архипелаг, лежащий на северо-западе Европы, получил такую власть над миром — один из фундаментальных вопросов не только истории Англии, но и всемирной истории. Это один из вопросов, на который стремится дать ответ эта книга. Второй — возможно, более трудный — вопрос звучит просто: была ли империя благом — или злом.

Сейчас принято считать, что в конечном итоге она была злом. Вероятно, главной причиной того, что империя приобрела дурную славу, была ее причастность к атлантической работорговле и непосредственно к рабству. Это больше не предмет только исторического спора. Теперь это политический и потенциально юридический вопрос. В августе 1999 года Африканская комиссия правды по вопросам мировых репараций и репатриации, собравшаяся в Аккре (Гана), потребовала компенсации от "всех западноевропейских и американских народов и институтов, которые участвовали в работорговле и колониальных захватах и извлекли из этого выгоду". Была определена и сумма, основанная на оценке "числа человеческих жизней, потерянных Африкой в период ведения работорговли, а также стоимо-

сти золота, алмазов и других полезных ископаемых, отнятых у континента за время колониального правления": 777 триллионов долларов. Если учесть, что более трех миллионов рабов-африканцев из примерно десяти миллионов, пересекших до 1850 года Атлантику, ехали на английских судах, британская доля может составить около 150 триллионов фунтов стерлингов.

Эти требования могут показаться фантастическими, однако идея получила некоторую поддержку Всемирной конференции ООН против расизма, расовой дискриминация, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости, прошедшей летом 2001 года в Дурбане (Южная Африка). В итоговом документе конференции "признается", что рабство и работорговля являются "преступлением против человечности", жертвами которого стали "жители Африки и лица африканского происхождения, а также жители Азии и лица азиатского происхождения и коренные народы". В призыве к государствам-членам ООН "почтить память жертв прошлых трагедий" колониализм свален в кучу с "рабством, работорговлей, трансатлантической торговлей рабами... апартеидом и геноцидом". Участники конференции, отметив, что "некоторые государства взяли на себя инициативу, принесли извинения и, в соответствующих случаях, выплатили возмещение за совершенные грубые и массовые нарушения", порекомендовали "всем, кто еще не внес вклад в восстановление достоинства жертв, изыскать соответствующие пути для этого".

Эти требования не прошли незамеченными в и самой Англии. В мае 2002 года директор лондонского аналитического центра "Демос", который можно назвать авангардом "новых лейбористов", предложил, чтобы королева предприняла "кругосветное путешествие, чтобы принести извинения за прошлые грехи империи как первый шаг, чтобы сделать [Британское] Содружество более эффективным и дееспособным". Новостное агентство, сообщившее об этом замечательном предложении, добавило полезное примечание: "Критики Британской империи, которая в 1918 году господствовала над четвертью

мирового населения и суши, утверждают, что ее огромные богатства были получены путем притеснения и эксплуатации".

Во время написания этой книги один из сайтов Би-би-си, видимо, предназначенный для школьников, предложил столь же категоричную трактовку:

> [Британская] империя достигла величия, истребив множество хуже вооруженных людей и обокрав их страны. Позднее методы изменились: особенную известность получила такая военная тактика, как расстрел множества людей из пулеметов... [Она]... распалась на части благодаря таким людям, как Махатма Ганди — герою-революционеру, чуткому к чаяниям своего народа.

Вопросы, недавно озвученные выдающимся историком на телеканале Би-би-си, по сути, выразили общепринятую точку зрения. Он спросил: "Почему народ, который считал себя свободным, в итоге поработил большую часть мира? Почему империя свободных людей стала империей рабов"? Почему, несмотря на свои "благие намерения", британцы пожертвовали общечеловеческим ради "фетиша рынка"?

Бенефициары

Благодаря Британской империи мои родственники расселились по всему миру — они живут в Альберте, Онтарио (Канада), Филадельфии (США) и Перте (Австралия). Благодаря империи Джон, мой дед по отцовской линии, в двадцатилетнем возрасте продавал скобяные изделия и выпивку индейцам в Эквадоре*. Я рос, восхищаясь двумя большими пейзажами Анд, которые он повесил на стене гостиной моей бабушки, и двумя мрачными куклами индейцев, согнувшимися под тя-

* Не колония, конечно, но все же часть британской неофициальной экономической империи.

жестью вязанки, которые совершенно не сочетались с фарфоровыми статуэтками в застекленном шкафу. Из-за империи мой второй дед, Том Гамильтон, офицер ВВС, более трех лет сражался с японцами в Индии и Бирме. В своих письмах, любовно сохраненных бабушкой, он удивительно подробно и выразительно рассказывает о Британской Индии в военное время и рассматривает английское владычество через призму своего скептического либерализма. Я все еще помню, как радовался, перебирая его индийские фотографии. Помню мурашки от его историй о пикирующих "бортах" и изматывающей жаре. Благодаря империи мой дядя Иан Фергюсон, имевший образование архитектора, получил работу в калькуттской фирме "Макинтош-Берн" — филиале управляющего агентства "Гилландерс". Затем он пошел на флот и оставшуюся часть жизни провел за границей: сначала в Африке, а после в странах Персидского залива. Мне он казался самой сущностью авантюриста-бродяги: загоревший, сильно пьющий и отчаянно циничный. Это был единственный человек, который всегда, с самого раннего моего детства, обращался ко мне как к взрослому — со сквернословием, черным юмором и всем прочим.

Его брат — мой отец — тоже испытал в свое время приступ *Wanderlust*[*]. В 1966 году, после окончания медицинского факультета в Глазго, он пренебрег советами друзей и родственников и уехал с женой и двумя маленькими детьми в Кению, в Найроби, где и работал в течение двух лет, преподавая и занимаясь врачебной практикой. Таким образом, благодаря Британской империи мои воспоминания раннего детства связаны с колониальной Африкой: хотя Кения к тому времени три года была независимой, а по радио постоянно звучало *харамбе* ("потянем") Джомо Кениаты, едва ли там что-либо изменилось со времен Второй мировой. У нас были свое бунгало, служанка, поверхностное знание суахили и ощущение совершенной безопасности. Это волшебное время навсегда запечатлело в моей

[*] Охота к перемене мест (*нем.*) — *Прим. пер.*

памяти вид охотящегося гепарда, пение женщин из племени кикуйю, запах первых дождей и вкус спелого манго. Думаю, моя мать никогда не была более счастлива. И хотя мы в итоге возвратились в Глазго, наш дом всегда оставался полон кенийских сувениров. На диване лежала кожа антилопы, на стене висел портрет воина масаи. В комнате стояла грубая, но изящно украшенная скамья для ног, на которую моей сестре и мне нравилось залезать. У каждого из нас был барабан из кожи зебры, пестрая корзина из Момбасы, мухобойка из волос антилопы гну, кукла кикуйю. Не осознавая того, мы росли в небольшом постколониальном музее. У меня до сих пор хранятся деревянные гиппопотам, бородавочник, слон и лев, которые некогда были главными моими сокровищами.

Мы вернулись домой, в Шотландию — навсегда. А вот моя двоюродная бабушка Агнес Фергюсон (для тех, кто ее знал — Агги) не вернулась. Она родилась в 1888 году в семье моего прадеда Джеймса Фергюсона, садовника, и его первой жены Мэри. Агги стала примером преобразующего влияния имперской мечты. В 1911 году, соблазненные очаровательными картинами канадских прерий, она и ее новоиспеченный супруг Эрнест Браун решили последовать примеру его брата: оставить дом, семью и друзей в Файфе и отправиться покорять Запад. В обмен на бесплатные сто шестьдесят акров целины в Саскачеване они должны были построить там жилье и обрабатывать землю. Согласно семейной легенде, Агги и Эрнест хотели плыть на "Титанике", но на борту случайно оказался только их багаж. Это была удача, однако им пришлось начать новую жизнь с нуля. Агги и Эрнест, думавшие сбежать от противной шотландской зимы, быстро разочаровались. Гленрок оказался глушью, где постоянно дул ветер и где было гораздо холоднее, чем в промозглом Файфе. Там было *жуть как* холодно, о чем Эрнест и написал своей невестке Нелли. Первое их жилище было настолько примитивным, что они прозвали его "курятником". Ближайший город, Муз-Джо, находился на расстоянии девяноста пяти миль. Сначала

их непосредственными соседями были индейцы — к счастью, дружелюбные.

И все же черно-белые фотографии, аккуратно отправляемые родственникам на Рождество и изображавшие самих переселенцев и их "дом в прериях", безыскусно рассказывают историю успеха и самореализации, историю о трудном достижении счастья. Став матерью трех здоровых детей, Агги перестала выглядеть жалкой эмигранткой. Эрнест, обрабатывая землю прерий, стал загорелым и широкоплечим, он похорошел и сбрил усы. "Курятник" сменился домом, обшитым досками. Ощущение изоляции по мере того, как все больше шотландцев селилось в этом районе, уходило. Это давало возможность вдали от родины отмечать вместе с соотечественниками Хогманай*, поскольку "здесь немногие, кроме шотландцев, празднуют Новый год". Сейчас десять их внуков живут в Канаде — стране, в которой доход на душу населения не просто на 10 % выше британского. Он таков, что уступает только показателю Соединенных Штатов. И это все благодаря Британской империи.

Поэтому я не могу сказать, что вырос в "тени империи": это значило бы нарисовать слишком мрачную картину. Для шотландцев империя была ярким солнечным светом. К 70-м годам XX века от нее, возможно, осталось не так уж и много, однако моя семья была всецело воспитана в имперском духе, и его важность не подвергалась сомнению. Действительно, наследие империи было вездесущим, и мы считали ее частью жизни. Каникулы, проведенные в Канаде, нисколько не изменили это впечатление — как и систематические нападки на католическую Ирландию, которые в те дни были обычным делом для обитателей южного берега реки Клайд. Я рос, все еще самодовольно думая о Глазго как о "втором городе" империи. Я читал — некритически — романы Генри Р. Хаггарда и Джона Бакена. Я восторгался всеми (по сути импер-

* Шотландский народный праздник, отмечаемый в последний день уходящего года. — *Прим. пер.*

скими) спортивными схватками, в первую очередь — турами "Британских львов" по Австралии, Новой Зеландии и Южной Африке (пока они не были, к сожалению, прекращены)*. Дома мы ели "имперское печенье", а в школе посещали "имперскую стрельбу".

Доводы против

Ко времени, когда я стал подростком, образ мира, управляемого невозмутимыми парнями в красных мундирах и пробковых шлемах, стал чем-то вроде избитой шутки, сырьем для "Летающего цирка Монти Пайтона" или "Так держать: вперед через Хайбер". Архетипический сюжет этого жанра показан, на мой взгляд, в фильме "Смысл жизни по Монти Пайтону". Забрызганный кровью "Томми", смертельно раненный в сражении с зулусами, исступленно восклицает: "Полагаю, я убил пятнадцать этих гомиков, сэр. Там, дома, меня бы повесили! Здесь мне дадут гребаную медаль, сэр!"

В 1982 году, когда я поступил в Оксфорд, империя уже не казалась даже смешной. "Оксфордский союз"** тогда обсуждал торжественные заявления, выдержанные в духе "Наш колледж сожалеет о колонизации". Будучи молодым и глупым, я опрометчиво выступил против подобных жестов и тем самым преждевременно завершил свою карьеру в студенческой политике. Мне стало понятно, что далеко не все разделяют мое радужное видение имперского прошлого Британии. Мало того: некоторых однокашников возмутила моя готовность его

* Запрет спортивных туров по Африке легко согласуется с либерал-империалистическими взглядами моей юности. Казалось очевидным, что отказ от предоставления африканерами чернокожим южноафриканцам гражданских и политических прав попросту открыл истинное лицо первых, оправдав прежние (к сожалению, неудачные) усилия просвещенных британцев сломить их господство. Боюсь, что мысль о возможной связи между системой апартеида и британским правлением (или о том, что британцы когда-либо практиковали апартеид) вообще не приходила мне в голову.

** Дискуссионное общество Оксфордского университета. — *Прим. ред.*

защищать. Начав изучать предмет более серьезно, я с прискорбием заключил, что я сам, как и моя семья, были дезинформированы: издержки Британской империи существенно перевесили выгоду от нее. В конечном счете империя оказалась одним из Величайших Зол.

Нет нужды приводить аргументы против империализма. Я думаю, их можно объединить в две группы. Первый подход подчеркивает отрицательные последствия империализма для порабощенных, второй — для колонизаторов. К первой традиции принадлежат как националисты, так и марксисты (Голам Хосейн Хан, индийский историк, живший еще в эпоху Великих Моголов, автор "Обзора новых времен" (1789), палестинский ученый Эдвард Саид, автор книги "Ориентализм" (1978), Ленин и другие). Ко второму лагерю относятся либералы — от Адама Смита до тех, кто утверждал, что Британская империя даже для англичан является "пустой тратой денег".

Основной смысл и националистического, и марксистского подходов заключается в том, что империализм основывается на экономической эксплуатации и колониализм во всех его проявлениях (включая даже искренние попытки европейцев понять культуру коренных народов), в сущности, нацелен на максимизацию "прибавочной стоимости", получаемой в процессе такой эксплуатации. Точка зрения либералов еще парадоксальнее. Именно потому, что империализм исказил рыночные силы, используя все средства (от войны до преференциальных пошлин), чтобы соблюсти интересы метрополии, он не пошел на пользу экономике метрополии в долгосрочной перспективе. Согласно этой точке зрения, нужна была свободная экономическая интеграция с остальными частями мира, а не имперская, принудительная интеграция. Таким образом, Британии следовало инвестировать в национальную промышленность, а не в далекие колонии. При этом затраты на оборону империи несли английские налогоплательщики, которые, возможно, в ином случае потратили бы деньги на современные потребительские товары. Некий ученый муж

в новой "Оксфордской истории Британской империи" предположил даже, что если бы Британия в середине 40-х годов XIX века избавилась от своей империи, то она, возможно, получила бы от деколонизации "дивиденды" в форме снижения налогов на 2,5 %. Деньги, которые сэкономили бы в этом случае налогоплательщики, они, вероятно, потратили бы на электричество, автомобили и потребительские товары длительного пользования и тем самым помогли бы модернизации отечественной промышленности.

Почти сто лет назад люди вроде Дж. А. Гобсона и Леонарда Хобхауса приводили очень похожие аргументы. Сами они в какой-то мере были наследниками Ричарда Кобдена и Джона Брайта, работавших в 40-х — 50-х годах XIX века. Конечно, еще Адам Смит в своем "Исследовании о природе и причинах богатства народов" (1776) выразил сомнения в разумности "формирования нации потребителей, которые были бы принуждены покупать у различных наших производителей все, что те смогут предложить". Однако именно Кобден первый настаивал на том, чтобы расширение британской торговли шло рука об руку с внешней политикой полного невмешательства. Он утверждал, что торговля есть "главная панацея", которая,

> как благотворное медицинское открытие, будет служить тому, чтобы привить всем нациям здоровый... вкус к цивилизации. От наших берегов отправляется не просто кипа товара: он несет семена рациональности и плодотворной мысли членам менее просвещенного общества. Иностранный торговец не просто посещает наши предприятия... Он возвращается в свою страну миссионером, несущим весть о свободе, мире и хорошем правительстве. А наши пароходы, которые заходят во все порты Европы, и наши удивительные железные дороги, о которых говорят все народы, служат рекламой и свидетельствами ценности наших просвещенных общественных институтов.

Кобден считал, что ни торговля, ни распространение британской "цивилизации" не нуждаются в *насаждении* посредством имперских структур. Действительно, силой нельзя достичь ничего, если она входит в противоречие с законами глобального свободного рынка:

> Что касается нашей торговли за границей, то ей нельзя ни содействовать, ни воспрепятствовать ей силой. Иностранцев приводит на наш рынок не страх перед нашей мощью либо искусство британских дипломатов, их не гонят сюда наши флоты или армии, и в столь же малой степени влекут их нежные чувства к нам, поскольку принцип "в торговле нет места дружбе" одинаково применим и к нациям, и к людям. Торговцы из Европы, как и из остальных частей мира, шлют свои суда в наши порты, чтобы нагрузить их плодами наших трудов, руководствуясь исключительно собственными интересами. Тот же самый порыв влек все народы... в Тир, Венецию и Амстердам, и если... найдется страна (что весьма вероятно), чьи хлопковые и шерстяные ткани будут дешевле, чем таковые из Англии и остальных частей света, то туда (даже если эта страна будет лежать в самом далеком уголке планеты) соберутся все торговцы Земли, и никакая власть, никакие флоты или армии не уберегут Манчестер, Ливерпуль или Лидс от судьбы своих некогда гордых предшественников в Голландии, Италии и Финикии.

Таким образом, в империи нет никакой нужды, торговля может сама о себе позаботиться, и этот подход верен и в отношении всего остального, включая мир во всем мире. В мае 1856 года Кобден заявил даже, что "придет радостный день, когда у Англии не останется ни акра земли в континентальной Азии".

Однако общим местом в такой аргументации было и остается предположение, что выгоды от международного обмена следовало получить, не строя для этого империю. Но возможна ли глобализация без канонерок?

Империя и глобализация

Стало почти общепринятым мнением, что нынешняя глобализация имеет много общего с интеграцией мировой экономики в десятилетия, предшествовавшие Первой мировой войне. Но что значит это слово — глобализация? Значит ли оно, как подразумевал Кобден, по сути экономическое явление, когда свободный обмен предметами потребления и товарами "объединяет человечество узами мира"? Или свободной торговле нужна политическая опора?

Левые противники глобализации, естественно, расценивают ее не иначе, как последнее проявление чертовски живучего международного капитализма. А либеральные экономисты сейчас соглашаются в том, что увеличение экономической открытости поднимает жизненный уровень, несмотря на то, что всегда будут проигравшие (когда в международное соревнование вовлекаются прежде привилегированные или защищенные социальные группы). Экономисты и историки экономики заостряют свое внимание на движении товаров, капитала и трудовых ресурсов. О движении знаний, культуры и институтов они говорят реже. Они уделяют больше внимания тому, как может правительство, отказываясь от вмешательства в различные сферы, *облегчить* глобализацию, чем тому, как оно может *подтолкнуть* ее. Растет и оценка важности для международного движения капитала таких правовых, финансовых и административных институтов, как верховенство закона, надежные кредитно-денежные режимы, прозрачные финансовые системы и некоррумпированная бюрократия. Но что вызвало повсеместное распространение западноевропейских типов таких институтов?

В редких случаях (самый очевидный случай — Япония) это было сознательным, волевым подражанием. Но в большинстве случаев европейские институты насаждались силой. Теоретически в международной системе многостороннего сотрудничества возможна спонтанная глобализация, как предпо-

лагал Кобден. Но она может явиться и результатом принуждения, если держава, занимающая господствующее положение в мире, исповедует экономический либерализм. Сразу приходит на ум империя — конечно, и Британская империя тоже.

Сегодня главные препятствия для оптимального распределения труда, капитала и товаров в мире — это, во-первых гражданские войны и коррумпированные, плюющие на закон правительства, которые обрекли на десятилетия нищеты народы множества африканских стран, лежащих южнее Сахары, а также в Азии, во-вторых, нежелание Соединенных Штатов и их союзников "проповедовать" или практиковать свободную торговлю либо делать что-то выходящее за рамки незначительной доли собственных гигантских ресурсов на программы экономической помощи. Британская империя, напротив, на протяжении большей части (хотя, как мы увидим, не всей) своей истории, действовала примерно на четверти мировой суши как относительно некоррумпированное учреждение, насаждающее свободный рынок, верховенство закона, защищающее инвесторов. Также англичане посредством "фритредерского империализма" много сделали для поощрения принятия этих принципов странами, которые не принадлежали к империи, однако находились в орбите ее экономического влияния. Другими словами, на первый взгляд кажется, что империя, увеличивающая благосостояние всего мира, была благом.

Конечно, против Британской империи можно выдвинуть много обвинений, и я не стану их игнорировать. Я не утверждаю, как это делал Джон Стюарт Милль, что британское правление в Индии было "не только самым чистым в намерениях, но и одним из самых благотворных из когда-либо известных человечеству". Я не утверждаю, как это делал лорд Керзон, что "Британская империя избрана самим Провидением в качестве самого значительного орудия насаждения добродетели, которое видел мир". Я не говорю также, как это сделал генерал Смэтс, что это была "самая обширная система организованной человеческой свободы, которая когда-либо существовала

в истории". Империя никогда не была настолько бескорыстной. В XVIII веке британцы столь же рьяно приобретали рабов и эксплуатировали их, как впоследствии стремились искоренить рабство, и намного дольше они практиковали расовую дискриминацию и сегрегацию в формах, которые сегодня мы считаем отвратительными. Когда империи бросили вызов (в Индии в 1857 году, на Ямайке в 1831 и 1865 годах, в Южной Африке в 1899 году), ее ответ был жестоким. Когда разразился голод (в Ирландии в 40-х годах, в Индии в 70-х годах XIX века), ее ответ был равнодушным, в какой-то мере влекущим позитивную вину. Даже когда они обратились к изучению восточных культур, возможно, они тонко очернили их.

И все же факт остается фактом: ни одно сообщество в истории не сделало больше для свободного перемещения товаров, капитала и труда, чем Британская империя в XIX — начале XX века. Ни одно сообщество не сделало больше для распространения в мире западного права и государственного управления. Если охарактеризовать все это как "джентльменский капитализм", мы рискуем преуменьшить масштаб — и новизну — достижений в сфере экономики, а если подчеркнем "декоративный" характер британского заморского правления, то упустим из виду абсолютно поразительную неподкупность администрации. Не одна только моя семья извлекла выгоду из всего этого.

■

Трудность оценки достижений Британской империи состоит в том, что эти достижения рассматриваются как нечто само собой разумеющееся — в отличие от ее грехов. Однако давайте представим себе мир без империи. Да, вообразить, на что походил бы мир, не случись Французской революции или Первой мировой войны, вполне возможно, но вот представить себе современную историю без Британской империи я не в силах.

В первой половине 2002 года я ездил по свету, посещая руины империи, и постоянно поражался ее вездесущей творческой силе. Мир без империи — это мир без изящных бульваров Вильямсбурга и старой Филадельфии; мир без осевших уже оборонительных стен Порт-Ройала на побережье Ямайки; вообразить мир без империи — это значит вернуть бушу великолепный горизонт Сиднея; сровнять с землей душную приморскую трущобу, коей является Фритаун (Сьерра-Леоне); снова наполнить алмазами "Большую дыру" в Кимберли*; уничтожить миссию в Курумане; спустить город Ливингстон вниз по водопаду Виктория (который, конечно, вернул бы себе имя Моси-оа-Тунья). Без Британской империи не было бы ни Калькутты, ни Бомбея, ни Мадраса: индийцы сколько угодно могут их переименовывать, однако они остаются городами, заложенными и построенными англичанами**.

Конечно, заманчиво думать, что вышеперечисленное все равно бы рано или поздно явилось на свет. Возможно, железные дороги были бы изобретены в другой стране Европы, а подводные телеграфные кабели проложены кем-то еще. Возможно, как утверждал Кобден, и торговля поддерживались бы в тех же объемах без вмешательства агрессивных империй. Возможно даже, что великие переселения, преобразовавшие культуру и облик целых континентов, каким-нибудь неведомым образом все-таки бы произошли.

И однако же есть причина сомневаться в том, что мир выглядел бы таким же, как сейчас (или хотя бы на него похожим), не будь Британской империи. Даже если допустить возможность, что торговля, движение капитала и миграция были "естественными" явлениями последних трехсот лет, у нас все равно остается перемещение культуры и институтов. И здесь имперские "отпечатки пальцев" куда заметнее, а стереть их куда труднее.

Огромный, ныне заброшенный алмазный рудник. — *Прим. ред.*

Калькутта в 2001 году была переименована в Колкату. Бомбей с 1995 года носит название Мумбаи. Мадрас в 1996 году стал называться Ченнаи. — *Прим. ред.*

Когда британцы управляли некоей страной (или только оказывали влияние на ее правительство, поигрывая военными и финансовыми мускулами), они, как правило, стремились привить — или хотя бы передать — ей определенные черты собственного общества. Вот наиболее важные из них:

1 Английский язык
2 Английские формы землевладения
3 Шотландское и английское банковское дело
4 Общее право*
5 Протестантизм
6 Командные виды спорта
7 Минимальное участие государства (взгляд на государство как на "ночного сторожа")
8 Собрания представителей
9 Идея свободы.

Последний пункт, возможно, главный. Идея свободы остается основной чертой Британской империи, отличающей ее от континентальных европейских конкурентов. Я не хочу сказать, что все без исключения английские империалисты являлись либералами: некоторые были очень и очень от этого далеки. Однако в истории Британской империи поразительно вот что: почти всякий раз, когда британцы вели себя как деспоты, изнутри британского общества звучала либеральная критика. Тенденция судить британские имперские действия в соответствии с критерием свободы была столь сильной и последовательной, что это давало Британской империи импульс к самоликвидации. Как только колонизированное общество в достаточной мере воспринимало институты, привнесенные

* Система, в которой основным источником права признается прецедент (судебное решение), а не статутное право (закон). Общее право распространено в Великобритании (кроме Шотландии), США (кроме Луизианы), Канаде (кроме Квебека), Австралии, Новой Зеландии и некоторых других бывших английских колониях. — *Прим. ред.*

британцами, последним становилось очень трудно запретить ту политическую свободу, которой сами они придавали такое большое значение.

Под силу ли было бы другим империям оказать такое же влияние? Сомневаюсь. Я имел возможность бросить взгляд на осколки потенциальных мировых империй: в ветхой Чинсуре (так могла выглядеть Азия, если бы Голландская империя не пришла в упадок), в выбеленном Пондишери* (на него походила бы вся Индия, победи французы в Семилетней войне), в пыльном Дели (так могла выглядеть реставрированная империя Великих Моголов, если бы Сипайское восстание не было подавлено) и во влажном Канчанабури, где Японская империя руками рабов-англичан построила мост через реку Квай. Стал бы Новый Амстердам похож на нынешний Нью-Йорк, если бы голландцы в 1664 году не отдали его британцам? Или он скорее напоминал бы Блумфонтейн — город, сохранивший дух голландской колонизации?

"Англобализация"

Опубликовано несколько хороших книг по истории Британской империи. Моя цель состояла не в том, чтобы повторять их, а в том, чтобы написать историю глобализации, которую осуществляла Британия и ее колонии — историю "англобализации", если угодно. Структура данной работы является в широком смысле хронологической, но у каждой из шести глав есть отдельная тема:

1 глобализация товарного рынка,
2 глобализация рынка труда,
3 глобализация культуры,
4 глобализация государственного управления,

* С 2006 года — Пудучерри. — *Прим. ред.*

5 глобализация финансового рынка,
6 всемирный характер войны.

Или, если говорить о людях, то речь пойдет о:

1 пиратах,
2 плантаторах,
3 миссионерах,
4 чиновниках,
5 банкирах,
6 банкротах.

В главе 1 я подчеркиваю, что вначале Британская империя представляла собой прежде всего экономическое явление и ее рост обуславливался торговлей и потреблением. Спрос на сахар привлекал торговцев к Карибскому бассейну, а спрос на пряности, чай и текстиль влек их в Азию. Но это с самого начала была глобализация с канонерками. Ведь англичане не были первыми строителями империи: они были пиратами, подбиравшими объедки со стола Португалии, Испании, Голландии и Франции. Империалистами-подражателями.

Глава 2 описывает роль миграции населения. Британская колонизация сопровождалась массовым перемещением людей, *Völkerwanderung*, не похожим ни на что. Одни покидали Британские острова, стремясь обрести свободу вероисповедания, вторые из-за ущемления их политической свободы, третьи — преследуя выгоду. У остальных — рабов или ссыльных преступников — просто не было выбора. Центральной темой этой главы является расхождение между британскими концепциями свободы и практикой имперского владычества, а также то, как это расхождение было преодолено.

В главе 3 подчеркиваются добровольный, негосударственный характер создания империи и важная роль, которую в расширении британского влияния сыграли евангелистские секты и миссионерские общества. Ключевой пункт здесь — проду-

манный проект модернизации, предложенный викторианскими неправительственными организациями. Парадокс вот в чем: именно уверенность в том, что аборигенные культуры можно англизировать, вызвала самое масштабное восстание XIX века против имперского владычества.

Британская империя поразительным образом напоминала мировое правительство. Тем не менее ее функционирование характеризовалось настоящим триумфом минимализма. Управлявшая сотнями миллионов человек Индийская гражданская служба едва насчитывала тысячу сотрудников. В главе 4 я попытаюсь ответить на вопрос, как горстка чиновников могла управлять огромной империей, и исследую симбиотическое, но, в конечном счете, нежизнеспособное сотрудничество британских администраторов с местными элитами — как традиционными, так и новыми.

Глава 5 повествует в основном о роли военной силы в период "драки за Африку" и о связи финансовой глобализации с гонкой вооружений, которую вели европейские державы. То была эпоха, когда явились три важнейших современных феномена: действительно глобальный рынок ценных бумаг, военно-промышленный комплекс и средства массовой информации. Их влияние было крайне важно для достижения империей высшего могущества. Пресса, однако, и ввела империю в искушение, именуемое греками *гибрис*: гордыня, которая предшествует падению.

Наконец, в главе 6 рассматривается роль Британской империи в XX веке, когда она столкнулась с противодействием не столько националистических движений (с ними она справиться смогла бы), сколько гораздо более безжалостных империй-соперниц. В 1940 году империя оказалась на весах истории. Она была перед выбором: компромисс с гитлеровской "империей зла" — или борьба ради победы, в лучшем случае пирровой. И, по моему мнению, империя сделала правильный выбор.

В одном томе, охватывающем четыреста лет всемирной истории, конечно, должны быть огрехи и упущения, и я с бо-

лью это осознаю. Однако я не старался приукрасить действительность. Нельзя обойти стороной рабство и работорговлю, Великий голод в Ирландии, конфискацию земель народа матабеле и Амритсарскую бойню. Но в балансовом отчете следует указать и достижения Британской империи. Мы стремимся продемонстрировать, что она оставила миру в наследство не только расизм, расовую дискриминацию, ксенофобию и "связанную с ними нетерпимость" (они существовали и прежде колониализма), но также:

> триумф капитализма как оптимальной системы экономической организации,
> англизацию Северной Америки и Австралазии*,
> интернационализацию английского языка,
> устойчивое влияние протестантской версии христианства;

и, разумеется —

> выживание парламентских институтов, которые куда более ужасные империи стремились уничтожить в 40-х годах XX века.

Молодой Уинстон Черчилль, вернувшись со своей первой колониальной войны, задал вопрос:

> Есть ли дело для просвещенного общества благороднее и выгоднее, чем освобождение от варварства плодородных областей и больших народов? Дать мир враждующим племенам, вершить правосудие там, где царило насилие, сбить цепи с рабов, заставить землю плодоносить, посеять первые семена торговли и образования, увеличить шансы на достижение счастья целыми народами и уменьшить возможность стра-

* Географический термин для обозначения Австралии, Новой Зеландии, Новой Гвинеи, Новой Британии и расположенных рядом небольших островов. — *Прим. ред.*

> даний, — есть ли идеал прекраснее, есть ли награда ценнее для человека?

Он, однако, признавал, что империалистическая практика редко бывала созидательной:

> И все же, когда ум обращается от страны грез и чаяний к уродливым строительным лесам попыток и результатов, возникает ряд других идей... Неизбежный разрыв между завоеванием и владением заполняется фигурами жадного торговца, неуместного миссионера, честолюбивого солдата и лжеца-биржевика, которые настораживают покоренных и возбуждают отвратительные желания у завоевателей. И когда мысленный взгляд останавливается на этих зловещих элементах, едва ли мы можем поверить, что столь грязный путь приведет к чему-либо хорошему.

К худу или к добру, к беде или к радости, наш мир в значительной степени является продуктом влияния Британской империи. Вопрос не в том, был ли британский империализм безупречным. Это не так. Но можно ли было обойтись меньшей кровью? Теоретически да. Но практически? Я надеюсь, что моя книга позволит читателю решить самому.

Глава 1
Почему Британия?

Каковы те средства... что делают европейцев такими могущественными? И почему, если они могут так легко приплыть в Азию и Африку для торговли или завоеваний, азиаты и африканцы не могут вторгнуться на их берега, устраивать колонии в их портах и диктовать законы их природным правителям? Тот самый ветер, который принес их к нам, мог бы принести и нас к ним.

Сэмюэль Джонсон,
"Расселас, принц Абиссинский"

В декабре 1663 года Генри Морган, выходец из Уэльса, преодолел пятьсот миль по Карибскому морю, чтобы совершить набег на Гранаду — поселение испанцев на северо-западном берегу озера Никарагуа. Цель экспедиции была проста: найти и украсть испанское золото — или любое другое движимое имущество. Когда люди Моргана добрались до Гранады, они, как указал губернатор Ямайки в своем донесении в Лондон, "дали залп, перевернули восемнадцать пушек... захватили дом сержант-майора, где было все оружие и боеприпасы [испанцев], заперли в церкви триста заложников из их лучших людей... грабили шестнадцать часов, выпустили пленных, потопили все суда — и с тем уплыли". С этих событий начался невиданный даже для XVII века разгул насилия и грабежа.

Да, Британская империя начиналась с пиратства. Она не была задумана сознательными империалистами, стремившимися установить британское владычество над далекими землями, или же колонистами, надеявшимися на новую жизнь за морями. Морган и его товарищи-буканьеры* были грабителями, стремившимися присвоить доходы других империй.

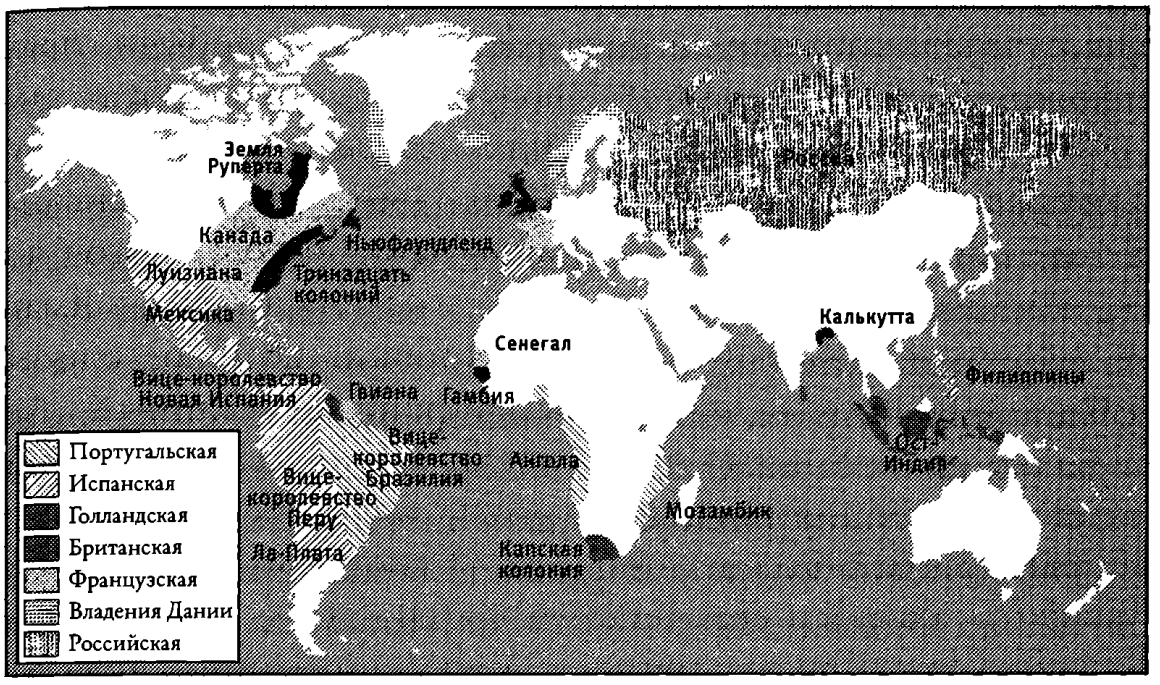
* Изначально слово "буканьеры" обозначало высаженных на берег моряков или беглых рабов, которые коптили полосы мяса на решетке, называемой "букан".

Буканьеры называли себя "береговым братством". У них существовала сложная система распределения добычи, практиковались страховые выплаты получившим увечья "братьям". По сути же их занятия были самой настоящей организованной преступностью. Во время набега в 1668 году на испанский город Портобелло в Панаме Морган награбил так много (четверть миллиона песо), что испанские монеты стали на Ямайке законным средством платежа. Прибыль всего от одного набега составила шестьдесят тысяч фунтов стерлингов. Английское правительство не только закрывало глаза на деятельность Моргана, но и поощряло его. С точки зрения Лондона, морской разбой был малозатратным способом войны с Испанией — главным европейским противником Англии. Фактически корона предоставляла пиратам лицензии (каперские патенты), легализуя их деятельность в обмен на часть добычи. Карьера Моргана отлично иллюстрирует самое начало Британской империи, которая прибегала к услугам предпринимателей-фрилансеров столь же часто, как и полагалась на собственные силы.

Пираты

Обыкновенно считают, что англичане обзавелась империей, "как бы сами не отдавая себе в том отчета". На самом же деле английская экспансия совсем не случайна: она была сознательным подражанием. Историки экономики часто называют Англию "первой промышленной державой", но к европейской имперской гонке англичане опоздали. Например, Ямайку Англия приобрела только в 1655 году. В то время Британская империя включала в себя всего лишь горстку карибских островов, пять североамериканских колоний и парочку индийских портов.

Христофор Колумб заложил основы Испанской империи более чем на полтора столетия раньше. Эта империя была



Европейские колониальные империи (ок. 1750 г.)

предметом зависти всего мира. Она простиралась от Мадрида до Манилы, вобрав в себя Перу и Мексику: самые богатые и густонаселенные территории на американском континенте. Еще обширнее и прибыльнее была Португальская империя. Ее территория начиналась от атлантических островов Мадейра и Сан-Томе и вмещала в себя Бразилию и многочисленные фактории в Западной Африке, Индонезии, Индии и даже в Китае. В 1493 году папа римский выпустил буллу, закрепляющую торговлю в обеих Америках за Испанией, а торговлю в Азии — за Португалией. При этом разделе мира португальцы получили сахар, пряности и рабов. Англичане, впрочем, сильнее завидовали испанцам, нашедшим в Америке золото и серебро.

Со времен Генриха VII англичане мечтали о собственном Эльдорадо. Они очень надеялись, что страна сможет разбогатеть на американских металлах, но снова и снова терпели неудачу. Лучше всего у них получалось грабить испанцев на море и на суше — разумеется, благодаря мореходным навыкам. Уже в марте 1496 года Генрих VII, явно вдохновленный открытием четырьмя годами ранее Америки Колумбом во имя испанской

короны, выдал венецианскому мореплавателю Джону Каботу патент, предоставляющий ему и его сыновьям возможность отправиться

> под нашим флагом... в плавание за их собственный счет ко всем местам, областям и берегам восточного, западного и северного морей [но не южного, чтобы избежать конфликтов с испанцами] ... чтобы искать, открывать и исследовать всяческие острова, страны, области и провинции язычников и неверных, остающиеся до сего времени неизвестными христианскому миру, в какой бы части света они ни находились... [и] покорять, занимать и владеть любыми поселениями, замками, городами и островами, которые они смогут покорить и занять, в качестве наших вассалов и наместников в этих местах, распространяя наш суверенитет и права на эти поселения, замки, города, острова и материки, обнаруженные таким образом.

Зависть англичан к империи лишь обострилась после Реформации, когда сторонники войны против католической Испании стали утверждать, что на Англии лежит религиозная обязанность построить протестантскую империю в пику "папистским" империям испанцев и португальцев. Ричард Хаклюйт, ученый елизаветинской эпохи, утверждал, что если папа римский мог дать Фердинанду и Изабелле право занимать за границами христианского мира "все острова и материки, найденные и те, которые будут найдены, открытые и те, которые будут открыты", то на английском монархе лежит обязанность "возвеличения и распространения... веры" — протестантской. Таким образом, английская концепция империи была сформулирована в ответ на концепцию империи, которой следовали конкуренты. Империя англичан должна была основываться на протестантизме, испанцев — опиралась на католицизм.

Существовали и политические различия. Испанская империя была автократией. Располагая казной, полной аме-

риканского серебра, король Испании мог уверенно стремиться к мировому господству. Для чего нужны эти деньги, как не для преумножения славы? В Англии же власть монарха никогда не была абсолютной. Ее ограничивали сначала богатая землевладельческая аристократия, а позднее — двухпалатный парламент. В 1649 году короля даже казнили за то, что он игнорировал политические требования парламента. Английские монархи, желавшие воевать, но зависимые от парламента в финансовом отношении, часто не имели иного выбора, кроме как полагаться на наемников. И все же в слабости английской короны таилась сила: поскольку политическая власть не концентрировалась в одних руках, подобное происходило и с богатством. Налоги могли взиматься только с одобрения парламента, и те, у кого были деньги, твердо знали, что монарх их ни у кого просто так не отнимет. Это было важным стимулом для предпринимателей.

Оставался вопрос, где Англии следует строить свою империю? В 1589 году кузен и тезка Хаклюйта раскрыл ему глаза.

> Я увидел на столе [своего кузена] ... карту мира. Он, увидев мой интерес, начал врачевать мое невежество, показывая разделение Земли на три части согласно древним воззрениям и, согласно новому и лучшему разделению, на большее число частей. Он указал мне указкой все известные моря, заливы, бухты, пути, мысы, реки, империи, королевства, герцогства и территории каждой части и перечислил их особые товары, имеющиеся в избытке, а также те, в которых есть нужда и которые в изобилии привозят... торговцы. От карты он привлек меня к Библии... где я прочитал, что сходящие в море на кораблях и творящие делания в водах многих видят дела Бога и Его чудеса в пучине, и проч.

Но вот что кузен Хаклюйта не смог показать, так это места, где могли остаться серебро и золото, на которые никто пока не претендовал. Первое документированное путешествие

из Англии с целью поиска таких мест относится к 1480 году, когда судно, снаряженное оптимистами, вышло из Бристоля, надеясь отыскать "остров Бразил к западу от Ирландии".

Джон Кабот (Джованни Кабото), венецианский моряк на английской службе, успешно пересек Атлантику, выйдя из Бристоля в 1497 году, но умер в следующем году в море. Он не сумел убедить англичан в том, что открыл новый путь в Азию (пунктом назначения его провальной экспедиции была "страна Сипангу" — Япония).

В 1501 году испанское правительство забеспокоилось, что английские "конкистадоры" обойдут их в Мексиканском заливе, и даже снарядило экспедицию, чтобы "остановить продвижение англичан в том направлении". Но если бристольские моряки, такие, к примеру, как Хью Элиот, действительно к тому времени уже пересекли Атлантику, то земля, которой они достигли, была Ньюфаундлендом, и нашли они там отнюдь не золото. В 1503 году среди расходов двора Генриха VII значилась покупка "ястребов с острова Ньюфаундленд". Огромный интерес для бристольских купцов представлял также промысел трески в том районе.

Богатство влекло и сэра Ричарда Гренвилла. Он стремился к южной оконечности Южной Америки, потому что, как он выразился в прошении, поданном в 1574 году, была "вероятность обретения в тех странах великих сокровищ — золота, серебра и жемчуга, — подобно тому, как другие правители получают их в таковых странах". Три года спустя надежда на золото и серебро (не говоря уже о "пряностях, снадобьях, кошенили") подвигла сэра Фрэнсиса Дрейка на поход в Южную Америку. Хаклюйт с энтузиазмом провозглашал: "Без сомнения, мы подчиним Англии все золотые копи Перу". Экспедиции Мартина Фробишера 1576, 1577 и 1578 годов, как и многие прочие, были нацелены на поиск драгоценных металлов. Открытие и эксплуатация золотых, серебряных и медных рудников, согласно патенту, предоставленному сэру Томасу Гейтсу и его ком-

паньонам в 1606 году, значились и среди целей колонизации Виргинии. Еще в 1607 году англичане питали надежду на то, что Виргиния "весьма богата золотом и медью". То была *ideé fixe* эпохи. Величие Испании, о котором писал сэр Уолтер Рэли в книге "Открытие богатой, обширной и прекрасной Гвианской империи..." (1596), никак не было связано с "торговлей мешками с севильскими апельсинами... Именно индийское золото... угрожает всем нациям Европы и тревожит их". Рэли отправился на Тринидад. В 1595 году он совершил набег на Сан-Хосе-де-Орунья и захватил там Антонио де Беррио-и-Орунья, который, как он верил, знал местоположение Эльдорадо. Сидя на зловонном корабле в дельте Ориноко, Рэли жаловался, что "не было тюрьмы отвратительнее и омерзительнее — особенно для меня, много лет имевшего хороший стол и разборчивого в еде".

Страдания оправдали бы себя, если был бы найден желтый металл. Но, увы, этого не случилось. Фробишер привез домой одного пленного эскимоса, а мечты Рэли о Гвианской империи так и остались мечтами. Самое прекрасное, что он нашел на Ориноко, была женщина:

> В жизни мне не доводилось видеть более красивую женщину — она была хорошего роста, черноглазая, дородная телом, с прекрасным лицом. В Англии я видел леди, так похожую на нее, что, если бы не различие в цвете кожи, я мог бы поклясться — это та самая*.

Около устья реки Карони Рэли отыскал немного руды, но она оказалась не золотоносной. Как сообщила его жена, он возвратился в Плимут "с великой честью, но с малым богатством". Королева была разочарована. Изучение руды, найденной в Виргинии Кристофером Ньюпортом, разбило все надежды. Сэр Уолтер Коуп 13 августа 1607 года сообщил лорду Солсбе-

* Пер. А. Дридзо. — *Прим. пер.*

ри: "Прежде мы известили вас о золоте, а теперь не можем дать ничего большего, чем медь. Вновь открытая земля — скорее Ханаан, чем Офир". Три плавания в Гамбию в 1618–1621 годах ни к чему не привели, и 5,6 тысячи фунтов стерлингов были потрачены впустую.

Испанцы, захватившие Перу и Мексику, нашли серебро, много серебра. Англичане пробовали искать его в Канаде, Гвиане, Виргинии и Гамбии — и не преуспели. Оставалось одно: грабить испанских счастливцев. Именно так в 70-х годах XVI века Дрейк добывал деньги в Карибском море, а Хокинс — на Азорских островах в 1581 году. Золото было главной целью нападения Дрейка на Картахену и Санто-Доминго четыре года спустя. Вообще, когда у путешественников все шло не так (например, когда провалилась экспедиция сэра Хамфри Гилберта из Ирландии в Вест-Индию в 1578 году), оставшиеся в живых обычно прибегали к разбою, чтобы покрыть расходы. Рэли пытался финансировать экспедицию в Эльдорадо, послав своего капитана разграбить Каракас, Риоачу и Санта-Марту. В 1617 году Рэли предпринял еще одну попытку. Он убедил Якова I освободить его из Тауэра, где он сидел с 1603 года по обвинению в государственной измене, и, с трудом собрав тридцать тысяч фунтов стерлингов, снарядил эскадру. Но к тому времени испанский контроль над регионом усилился, и экспедиция окончилась неудачей. К тому же, вопреки данному королю обещанию не ссориться с испанцами, сын Рэли, Уот, напал на испанский город Сан-Томе — и поплатился за это жизнью. В результате морского похода Рэли удалось поживиться только двумя золотыми слитками из сундука губернатора Сан-Томе, несколькими серебряными посудинами, изумрудами, некоторым количеством табака — а также пленить индейца, который, как надеялся Рэли, знал местоположение "золотой залежи". После возвращения в Англию Рэли, которого испанский посол вполне справедливо охарактеризовал как "пирата, пирата, пирата", казнили. Он умер, веря в то, что не да-

лее чем в трех милях от Сан-Томе есть золото. На эшафоте Рэли сказал: "Моим единственным намерением было добыть золото для Его Величества, и тех, кто шел со мной, и остальных соотечественников".

Даже когда английские суда отправлялись на поиски товаров менее ценных, чем золото, столкновения с другими державами оказывались неизбежными. Когда в 60-х годах XVI века Джон Хокинс занялся работорговлей, это очень быстро вошло в противоречие с испанскими интересами.

Из неприкрытого пиратства возникла система каперства (приватирства) — частной морской войны. Столкнувшись с испанской угрозой (отнюдь не устраненной после разгрома Непобедимой армады), Елизавета I решила одобрить то, уже творилось. Таким образом, грабеж испанцев стал вопросом государственной политики. В 1585–1604 годах, во время войны с Испанией, от ста до двухсот кораблей ежегодно снаряжалось для нападения на испанцев в Карибском море. Ежегодная добыча составляла по меньшей мере двести тысяч фунтов стерлингов. Английские каперы нападали на любое судно, входящее в иберийские порты или их покидающее.

"Море — единственная империя, которая может принадлежать нам естественным образом", — писал в конце XVII века Эндрю Флетчер из Сальтуна. В начале XVIII века Джеймс Томсон рассуждал о "империи морской, сулящей выгоду". Приблизительно в течение века после гибели Непобедимой армады "морская империя" стала реальностью.

Почему англичане преуспели в пиратском ремесле? Потому что им приходилось туго. С одной стороны, из-за направления атлантических ветров и течений португальским и испанским судам почти не составляло труда преодолеть путь между Пиренейским полуостровом и Центральной Америкой. А вот в Северо-Восточной Атлантике ветры большую часть года дуют с юго-запада, то есть против хода судов, идущих из Англии в Северную Америку. Английским морякам, предпочитавшим каботажное плавание, понадо-

билось некоторое время на изучение искусства океанской навигации, усовершенствованное португальцами. Поход Дрейка, в 1586 году отправившегося из Картахены на Кубу, завершился возвращением в Картахену же шестнадцать дней спустя из-за собственных ошибок и недооценки магнитного наклонения.

Англичане отставали от иберийских народов и в кораблестроении. Португальцы с самого начала оказались лидерами гонки за скоростью. К концу XV века они сконструировали трехмачтовое судно с прямыми парусами на передней и средней мачтах и с треугольным ("латинским") парусом на корме. Такое парусное вооружение позволяло легче брать галсы. Кроме того, португальцы стали строить каравеллы — суда, обшивка которых была выполнена вгладь, а не внакрой. Она не только обходилась дешевле, но и позволяла прорезать в корпусе водонепроницаемые пушечные порты. Проблема состояла в поиске оптимального соотношения маневренности и огневой мощи. В стрельбе иберийская каравелла была не в силах соперничать с венецианской галерой, поскольку последняя могла нести гораздо более мощную артиллерию. Генрих VIII убедился в этом в 1513 году, когда у берегов Бретани французские галеры потопили одно из его судов, повредили другое и убили лорд-адмирала. В 30-х годах XVI века венецианские галеры могли пускать ядра весом до шестидесяти фунтов, а английский и шотландский флоты получили суда типа каравеллы с палубами, на которых можно было размещать артиллерию, только в 40-х годах XVI века.

Однако англичане быстро наверстывали упущенное. Ко времени вступления на престол Елизаветы I основным английским судном стал галеон, конструкция которого постоянно совершенствовалась. Благодаря успехам в литейном деле повысилось и качество английских пушек. Генриху VIII приходилось завозить бронзовые орудия с континента. Теперь же изготовленные в Англии железные пушки стоили почти впятеро дешевле, хотя и были сложнее в производстве.

Так англичане приобрели техническое преимущество, которое удерживали несколько столетий. Они делали успехи и в навигации — благодаря реорганизации Тринити-хауса*, изучению геометрии, лучшему пониманию сути магнитного наклонения, переводу голландских карт и таблиц (в таких книгах, как, к примеру, "Зерцало моряков" 1588 года), а также публикации исправленных карт (вроде "новой карты с добавлением Индий", упомянутой в "Двенадцатой ночи" Шекспира).

Англичане первыми позаботились о здоровье корабельных экипажей. Болезни были серьезным препятствием для европейской экспансии. В 1635 году Люк Фокс так описал участь моряка: "Ничего, кроме терпения и страдания... Твердая постель, холодная солонина, беспокойный сон, заплесневелый хлеб, скисшее пиво, мокрая одежда, мечта об огне". В дальнем плавании цинга представляла собой самую серьезную проблему, поскольку в обычном морском рационе не хватало витамина С. Команды были также уязвимы для пищевого отравления, чумы, сыпного тифа, малярии, желтой лихорадки, влажного бери-бери и дизентерии. Первым учебником по оказанию помощи на борту стала книга "Лечение больных в дальних странах" Джорджа Уэйтсона (1598), хотя его советы помогли немногим: лечение основывалось на кровопускании и изменении диеты. Только в конце XVIII века в этой области наметился прогресс. Казалось, впрочем, что Британские острова готовы вечно рождать крепких мужчин, способных терпеть лишения. Одним из них был Кристофер Ньюпорт из Лаймхауса, который из простого моряка превратился в богатого судовладельца. Ньюпорт, потерявший руку в бою с испанцами, сколотил состояние, пиратствуя в Вест-Индии и ограбив город Табаско в Мексике в 1599 году. Так что случай Генри Моргана не был единичным.

* Правление маячно-лоцманской корпорации. — *Прим. ред.*

■

Рейд Моргана в Гранаду был одной из многих подобных операций на испанской территории. В 1668 году Морган нападал на Пуэрто-дель-Принсипе на Кубе, Портобелло в современной Панаме, Кюрасао и Маракайбо. В 1670 году он захватил остров Санта-Каталина (ныне Провиденс), высадился на побережье материка и пересек Панамский перешеек, чтобы захватить саму Панаму*. Однако масштаб таких операций не следует преувеличивать. Нередко участвовавшие в них корабли лишь чуть-чуть превосходили гребные шлюпки. Самое крупное судно Моргана в 1668 году было не более пятидесяти футов длиной** и несло всего восемь орудий. Так что каперы не представляли особой опасности, хотя и мешали испанской торговле. И все же эти рейды сделали Моргана богатым человеком.

Удивительно, как именно распорядился Морган награбленными у испанцев песо. Ведь он мог вернуться в Монмутшир "сыном доброго джентльмена", каковым он, по его словам, являлся. Вместо этого Морган вложил деньги в недвижимость, купив 836 акров земли на Ямайке, в долине Рио-Миньо ("долина Моргана"). Позднее он прибавил к своим владениям четыре тысячи акров в округе Сент-Элизабет. Эти земли идеально подходили для выращивания сахарного тростника. Империя началась с грабежа, но теперь природа британской экспансии стала меняться.

В 70-х годах XVII века британская корона потратила тысячи фунтов стерлингов на постройку укреплений для защи-

* Детальные описания известных набегов Моргана на испанские владения содержатся в книге некоего голландца Эксквемелина, который, очевидно, принимал участие в некоторых рейдах. Его книга *De Americaensche Zee-Rovers* (ок. 1684) была переведена как "Пираты Америки". Морган предъявил иск английским издателям, но не потому, что Эксквемелин обвинил его в поощрении злодеяний, а потому, что сообщил, будто Морган был наемным работником, когда прибыл в Карибский регион.

** Около пятнадцати метров. — *Прим. пер.*

ты гавани Порт-Ройала на Ямайке. Те стены еще стоят, хотя и гораздо дальше от моря, чем прежде: береговая линия изменилась из-за землетрясения 1692 года. Англичане считали эти инвестиции необходимыми, так как Ямайка быстро становилась чем-то большим, чем просто база буканьеров. Правительство получало солидный доход от пошлин на ввоз в Англию ямайского сахара. Остров превратился в первостепенный актив, который следовало защитить любой ценой. Примечательно, что за строительством в Порт-Ройале присматривал Генри Морган — теперь *сэр* Генри Морган. Через несколько лет после набега на Гранаду Морган стал не только крупным плантатором, но и вице-адмиралом, комендантом гарнизона Порт-Ройала, судьей Адмиралтейского суда*, мировым судьей, даже вице-губернатором Ямайки. Бывшего капера наняли управлять колонией. Правда, Моргана в 1681 году сместили со всех постов после произнесенных им в подпитии "разного рода неуместных выражений". И все же отставка была почетной. По случаю похорон бывшего пирата в августе 1688 года корабли в гавани Порт-Ройала салютовали, отдавая ему адмиральские почести.

Карьера сэра Генри Моргана прекрасно иллюстрирует эволюцию империи. Это был переход от пиратства к политической власти, которой было суждено навсегда изменить мир. Эта эволюция стала возможной благодаря некоторым радикальным переменам в самой Англии.

Сахарная лихорадка

Даниэль Дефо, сын лондонского купца и автор бестселлеров "Робинзон Крузо" и "Молль Флендерс", был тонким наблюдателем. На его глазах, в начале XVIII века, в Англии зарожда-

* Специальный судебный орган, учрежденный в XIV веке — первоначально для рассмотрения дел о пиратстве. — *Прим. ред.*

лось массовое потребительское общество. Дефо писал в трактате "Образцовый английский купец" (1725):

> В Англии потребляют больше иноземных товаров... чем любая другая нация в мире... Ввозят к нам главным образом сахар и табак, потребление которых в Великобритании прежде едва ли можно было себе представить, и, кроме того, много хлопка, индиго, риса, имбиря, гвоздичного, или ямайского, перца, какао, или шоколада, рома и патоки.

Можно предположить, что возвышение Британской империи было в меньшей степени обусловлено протестантской трудовой этикой и английским индивидуализмом, чем пристрастием к сладкому. В течение жизни Дефо объем ежегодного импорта сахара удвоился. Спрос на него во многом обусловил потребительский бум. Со временем товары, прежде предназначавшиеся для богатой элиты, перестали быть редкими. Сахар был главной статьей британского импорта с 50-х годов XVIII века (тогда он обошел ввозной лен) до 20-х годов XIX века, когда ему пришлось уступить первенство хлопку-сырцу. К концу XVIII века в Англии средний размер потребления сахара на душу населения десятикратно превышал французский показатель (двадцать фунтов против двух). Интерес англичан к импортным товарам был гораздо сильнее, чем у других европейцев.

Английский потребитель очень любил смешать сахар с принимаемым перорально и вызывающим сильное привыкание наркотиком — кофеином — и сопроводить эту процедуру вдыханием другого вещества, вызывающего сильную зависимость, — никотином. Во времена Дефо чай, кофе, табак и сахар еще были в диковинку. И все эти товары нужно было ввозить из-за границы.

Первая письменная просьба англичанина о чашке чая содержится в письме, датированном 27 июня 1615 года: в нем г-н Р. Викхэм, агент Ост-Индской компании на японском острове Хирадо, просит своего коллегу, г-на Итона из Макао, прислать

ему наилучший чай. Однако лишь осенью 1658 года в Англии появилась реклама будущего национального напитка. Она была опубликована в финансируемом из казны еженедельнике "Меркуриус политикус", в неделю, заканчивающуюся 30 сентября, и звучала так: "Превосходный и одобренный всеми врачами китайский напиток, именуемый чаем... продается в 'Голове султанши', второй кофейне у Свитинга, рядом с биржей, в Лондоне". Примерно в то же время Томас Гарравей, владелец кофейни, издал листовку "Точное описание выращивания, качеств и достоинств растения чай". Автор заверял, что чай избавит от головной боли, сонливости, дурных снов, камней и песка в почках, запоров, излечит водянку, цингу, укрепит память и так далее. Гарравей сообщал, что "чай, принимаемый с самотечным медом вместо сахара, очищает почки и мочеточник, а с молоком и водой — предотвращает чахотку. Если у вас тучное тело, чай обеспечит вам хороший аппетит, а если вы объелись, чай вызовет мягкую рвоту". Чай пила Екатерина Брагансская, португальская супруга Карла II (мы не знаем, по какой причине). Стихотворение Эдмунда Уоллера, сочиненное по случаю дня ее рождения, восхваляло чай — "друга Муз, который шлет нам чудодейственную помощь, гонит туман из головы и хранит спокойствие дворца души". Двадцать пятого сентября 1660 года Сэмюэль Пипс выпил свою первую "чашку *чая* (китайского напитка)".

Однако массовый потребительский рынок чая возник лишь в начале XVIII века, когда импорт чая в Англию достиг достаточного объема и цена его снизилась. В 1703 году судно "Кент" доставило в Лондон шестьдесят пять тысяч фунтов чая, что почти равнялось прежнему годовому импорту. Но настоящая революция произошла тогда, когда количество чая, предназначенного для домашнего потребления, возросло примерно с восьмисот тысяч (начало 40-х годов XVIII века) до двух с половиной миллионов фунтов (1746-1750). К 1756 году привычка пить чай распространилась настолько, что Иона Ханвей в своем сочинении "О чае" осудил ее ("Даже горничные губят

свою молодость, распивая чай"). Сэмюэль Джонсон ("закоренелый, бесстыдный любитель чая", как он себя охарактеризовал) опубликовал статью, в которой отстаивал противоположную точку зрения.

Еще больше споров вызвал табак, привезенный в Англию Уолтером Рэли и бывший одним из немногих плодов его неудачной попытки основать колонию Роанок. Как и в случае чая, поставщики табака рекламировали его целебные свойства. В 1587 году Томас Хериот, слуга Рэли, сообщал, что курение этой высушенной "травы" "удаляет лишнюю флегму и другие гуморы, открывает поры и протоки тела... Применение табака не только предохраняет его от закупорок, но и... в короткое время устраняет их, благодаря чему тело остается весьма здоровым и нечасто поддается злосчастным болезням, от которых мы в Англии нередко страдаем". Одно из объявлений расхваливало способность табака "сохранить здоровье, преодолеть боль, усладить чувства и оказать помощь работающему мозгу". Но убедить в этом торговцам удавалось не всех. Для короля Якова I (человека, во многих отношениях опередившего свое время) горящий табак был "отвратителен для глаз, омерзителен для носа, вреден для мозга и опасен для легких". Масштабное культивирование табака в Виргинии и Мэриленде привело к падению его цены (между четырьмя и тридцатью шестью пенсами за фунт в 20-х — 30-х годах XVII века до примерно пенни за фунт в 60-х годах того же столетия, и так далее) и массовому потреблению. Если в 20-х годах табак употребляли только благородные люди, то в 90-х курение стало "обычаем, модой, всеобщим поветрием — у каждого пахаря была трубка". В 1624 году Яков I отбросил сомнения и установил королевскую табачную монополию. Доход явно стоил "омерзительного" дыма, хотя монополия оказалась столь же бессильной, как и огульный запрет.

Новые импортные товары изменили не только экономику, но и образ жизни. Дефо в "Образцовом английском купце" упомянул модные новинки: "чайный столик у леди, кофейня

у мужчин". Людей в новых наркотиках привлекало сильнее всего то, что действовали они отлично от традиционного европейского наркотика — алкоголя. Алкоголь — это, по сути, успокаивающее средство. Глюкоза же, кофеин и никотин были для людей XVIII века эквивалентом современного амфетамина. Чай, кофе и табак обеспечили английскому обществу мощный "приход". Можно сказать, что строительство империи подстегивал глюкозный, кофеиновый и никотиновый кайф.

В то же самое время Англия (особенно Лондон) стала центром распространения этих новых стимуляторов по всей Европе. К 70-м годам XVIII века около 85 % объема импортированного в Британию табака и почти 94 % кофе фактически реэкспортировалось, главным образом в Северную Европу. Отчасти это происходило из-за разности налогов: высокие ввозные пошлины ограничивали внутреннее потребление кофе, способствуя расцвету чайной торговли. Как и другие национальные особенности, предпочтение англичанами чая, а не кофе обусловлено налоговой политикой.

Перепродавая на континентальных рынках часть своего импорта из Вест- и Ост-Индии, британцы получали достаточно денег, чтобы удовлетворить устойчивый спрос в другой сфере. Важным компонентом нового консюмеризма стала "портновская революция". В 1595 году Питер Стаббс отметил, что "ни один народ в мире не проявляет столько интереса к модным новинкам, как англичане". Он имел в виду растущий потребительский спрос на новые виды ткани, который к началу XVII века привел к исчезновению целой отрасли законодательства — законов о расходах, определявших согласно положению в обществе, какую одежду англичанам и англичанкам следовало носить. Тот же Дефо в памфлете "У семи нянек дитя без глазу" писал, что

> сельская простушка Джоан превратилась в изысканную лондонскую леди. Она может пить чай, нюхать табак и держаться столь же высокомерно, как благородные. Она носит фиж-

мы, как ее хозяйка, а вместо прежней убогой нижней юбки из сермяги на ней отличная шелковая.

В XVII веке было только одно место, где разборчивая английская покупательница приобретала одежду. Индийские материи превосходили все прочие по орнаменту и выделке. Когда английские купцы начали привозить индийские шелка и ситцы домой, это привело к настоящему преображению нации. В 1663 году Пипс взял с собой жену Элизабет, чтобы сделать покупки в Корнхиле, одном из фешенебельных торговых районов Лондона, где "после того, как многое осмотрели, купили для жены ситец, то есть разукрашенный индийский коленкор для обивки ее новой комнаты, весьма симпатичный". А когда сам Пипс позировал художнику Джону Хейлсу, он позаботился о том, чтобы взять напрокат модный индийский шелковый халат, или баньян. В 1664 году в Англию было ввезено до 250 тысяч штук набивного ситца. Почти таким же высоким спросом пользовались бенгальский шелк, шелковая тафта и белый хлопчатобумажный муслин. Дефо отметил 31 января 1708 года в "Уикли ревю": "Они проникли в наши дома, наши гардеробы, наши спальни. Для занавесей, подушек, стульев, наконец, кроватей брали только коленкор или индийские ткани".

Прелесть импортного текстиля состояла в том, что рынок его был фактически неограниченным. Человек в состоянии потребить конечный объем чая или сахара, а вот стремление людей к новой одежде не имело (и не имеет) предела. Индийский текстиль, который могла позволить себе даже служанка вроде "сельской простушки" у Дефо, означал, что англичане, пристрастившиеся к чаю, не только чувствовали себя лучше, но и лучше выглядели.

Эта импортная экономика была устроена относительно просто. У английских купцов XVII века было не так уж много вещей, которые они могли предложить индийцам и которые индийцы не могли производить самостоятельно. Поэтому

вместо того, чтобы обменивать английские товары на индийские, они оплачивали свои покупки звонкой монетой, вырученной от торговли в других местах. Сейчас, говоря о глобализации, мы имеем в виду интеграцию мирового рынка. Но в одном важном отношении глобализация XVII века отличалась от нынешней. Доставка монеты в Индию, а товаров — домой, да даже и простая передача указаний означали поездки туда и обратно на расстояние примерно двенадцать тысяч миль, причем на каждом шагу корабль подстерегали опасности — бури, скалы и мели, пираты.

Однако самая серьезная угроза исходила не от пиратов, а от других европейцев, делавших то же самое, что и англичане. Азии суждено было стать сценой ожесточенной битвы за рынки.

То была глобализация с канонерками.

Так, как голландцы

Широкая бурая река Хугли — самый большой рукав дельты Ганга. Это одна из исторических торговых артерий Индии. От ее устья в Калькутте можно отправиться вверх по течению до слияния Хугли с Гангом, а далее в Патну, Варанаси, Аллахабад, Каннур, Агру и Дели. В другом направлении лежит Бенгальский залив, где дуют муссоны и пассаты, где проходят маршруты в Европу. Когда европейцы приехали в Индию торговать, река Хугли — экономические ворота субконтинента — была одним из главных пунктов их назначения.

Несколько разрушающихся зданий в Чинсуре, севернее Калькутты, — вот и все, что осталось сейчас от первой индийской фактории одной из крупнейших торговых фирм в истории: Ост-Индской. Более ста лет она доминировала на рынках Азии, почти монополизировав торговлю многими товарами — от пряностей до шелка. Я говорю о голландской Ост-Индской компании (*Vereenigde Oostindische Compagnie*). Обветшавшие

ные виллы и склады Чинсуры были построены не для англичан, а для купцов из Амстердама, которые делали в Азии деньги еще до прихода англичан.

Голландская Ост-Индская компания была основана в 1602 году. Тогда шла полномасштабная финансовая революция, превратившая Амстердам в наиболее динамично развивающийся город Европы. С тех пор как в 1579 году голландцы избавились от испанского владычества, они шли в авангарде европейского капитализма. Голландцы создали систему государственных займов, которая позволяла правительству одалживать у населения деньги под низкий процент. Голландцы придумали прототип современного центрального банка. Голландская валюта была твердой, а система налогообложения, основанная на акцизах, — простой и действенной. Сама Ост-Индская компания представляла собой веху в истории корпоративных организаций. К 1796 году, когда компания была ликвидирована, она ежегодно выплачивала в среднем 18 % дивидендов на первоначально вложенный капитал.

Правда, группа лондонских торговцев уже собрала тридцать тысяч фунтов стерлингов, чтобы "совершить вояж... к Восточной Индии и прочим островам и странам поблизости", если они смогут получить королевскую монополию. Правда и то, что в сентябре 1600 года Елизавета I предоставила "Компании лондонских купцов, торгующих с Ост-Индией" пятнадцатилетнюю монополию на торговлю, а в следующем году первая эскадра из четырех судов пришла на Суматру. Однако голландцы торговали с Индией, плавая вокруг Африки, с 1595 года. К 1596 году они закрепились в Бантаме, на острове Ява, откуда в 1606 году в Европу отправился первый груз китайского чая. Кроме того, голландская Ост-Индская компания была постоянно действующим акционерным обществом, в отличие от английской компании, которая не была постоянной до 1650 года. Несмотря на то, что голландская компания была основана на два года позднее английской, она быстро заняла доминирующее положение в прибыльной торговле пряностя-

ми с Молуккскими островами (что некогда было португальской монополией). Дело в том, что голландский бизнес оказался масштабнее. Голландцы были в состоянии снарядить в Азию кораблей почти впятеро больше, чем португальцы, и вдвое больше, чем англичане. Это было обусловлено отчасти тем, что, в отличие от английской компании, голландская вознаграждала управляющих, исходя из дохода, а не из чистой прибыли, что поощряло расширение бизнеса. В XVII веке голландцы расширили зону своего влияния, основав базы в Масулипатнаме на восточном побережье Индии, в Сурате на северо-западе субконтинента, в Джафне на острове Цейлон. К 80-м годам XVII века, однако, большую часть груза, отправляемого домой, составлял текстиль из Бенгалии. Казалось, Чинсура станет столицей Голландской Индии.

В других отношениях две Ост-Индские компании имели много общего. Их не следует сравнивать с современными транснациональными корпорациями. Они походили на лицензируемые государством монополии, однако все же были устроены сложнее братства буканьеров. Голландские и английские купцы сумели объединить ресурсы, организовав крупные и очень рискованные предприятия, действовавшие под защитой государства. В то же время эти компании позволили правительствам "приватизировать" заморскую экспансию, приняв на себя существенный риск. Если эти компании делали деньги, то у них также можно было забирать часть дохода или, чаще, брать ссуды в обмен на продление лицензии. В то же время частные инвесторы могли быть уверены в том, что их компаниям гарантирована стопроцентная доля рынка.

Ост-Индская компания не была единственной английской организацией этого рода. Общество "купцов-искателей для открытия неизвестных и до этого обычно не посещаемых морским путем стран, областей, островов, владений и княжеств" (основано в 1555 году) под названием Московской компании торговало с Россией. В 1592 году в результате слияния Венецианской и Турецкой компаний появилась

Левантийская компания. В 1588 и 1592 годах были пожалованы хартии компаниям, желающим монопольно торговать с Сенегамбией и Сьерра-Леоне (Западная Африка). В 1618 году была образована Гвинейская компания (Общество лондонских купцов-искателей, торгующих с портами Африки), которая в 1631 году получила хартию на монополию на всю торговлю с Западной Африкой в течение тридцати одного года. В 1660 году появилась могущественная Королевская Африканская компания (Компания королевских предпринимателей, торгующих с Африкой), с монополией, рассчитанной на тысячелетний срок. Это предприятие оказалось особенно прибыльным, поскольку в Африке англичане нашли, наконец, золото (хотя, в конечном счете, главный экспортный товар этого региона составляли рабы). В радикально отличных климатических условиях действовала Компания Гудзонова залива ("Благородная компания авантюристов Англии, торгующих в Гудзоновом заливе"), основанная в 1670 году для монополизации торговли канадской пушниной. В 1695 году шотландцы в подражание англичанам основали Шотландскую компанию по торговле с Африкой и обеими Индиями. В 1710 году появилась Компания Южных морей, стремившаяся монополизировать торговлю с Испанской Америкой.

Но занимали ли эти монополии действительно исключительное положение на рынке? Ни у одной из Ост-Индских компаний не могло быть монополии на азиатскую торговлю. Учитывая географическую близость голландского и английского рынков, идея разделить товарные потоки, идущие в Лондон и в Амстердам, была абсурдной. Обосновавшись в 1613 году в Сурате, на северо-западном побережье Индии, английская Ост-Индская компания стремилась захватить часть рынка пряностей. А его характер был таков, что преуспеть она могла, лишь вытеснив с рынка конкурентов-голландцев. По словам современного политэконома Уильяма Петти, существовала "лишь определенная доля мировой торговли". Директор ан-

глийской Ост-Индской компании Джозайя Чайльд надеялся, что "другие нации, конкурирующие с нами в этом [бизнесе], не вырвут его у нас, и мы сможем развивать его, ослабляя их". Это игра с нулевой суммой — сущность меркантилизма. С другой стороны, если бы спрос на пряности был эластичным, то увеличение объема поставок в Англию привело бы к снижению европейских цен. Первые экспедиции англичан в Сурат принесли более чем двукратный доход. Но затем англо-голландское соревнование привело к предсказуемому результату: цены пошли вниз. Те, кто вложил деньги в акционерный капитал Ост-Индской компании в 1617–1632 годах (1,6 миллиона фунтов стерлингов), потеряли их.

Поэтому попытки англичан торговать с Востоком почти неизбежно привели к конфликту, тем более что торговля пряностями тогда приносила голландской Ост-Индской компании три четверти ее дохода. Вспышка насилия произошла в 1623 году, когда голландцы убили на Амбоине десять английских купцов. В 1652–1674 годах англичане трижды воевали с голландцами. Главной целью этих кампаний было установление контроля над морскими путями в Западной Европе, ведущими не только в Ост-Индию, но и в Балтийское море, Средиземноморье, Северную Америку и Западную Африку. Мало кто воевал исключительно во имя коммерции. Англичане, полные решимости достичь господства на море, более чем вдвое увеличили свой торговый флот, всего за одиннадцать лет (1649–1660) построив не менее 216 судов. В 1651 и 1660 годах были приняты Навигационные акты, предписывающие, чтобы товары из английских колоний в Англию ввозили английские суда, а не, например, голландцы, контролировавшие морские перевозки грузов.

И все же, несмотря на первоначальные успехи англичан, голландцы взяли над ними верх. Английские фактории на побережье Западной Африки были почти полностью уничтожены. В июне 1667 года голландский флот вошел в Темзу, занял Ширнесс, по реке Медуэй дошел до Чатема и Рочесте-

ра, где сжег английские суда и верфи. В конце Второй англо-голландской войны британцы были изгнаны из Суринама, а в 1673 году временно оставили Новый Амстердам (теперь Нью-Йорк). Для многих это стало неожиданностью: ведь население Англии в два с половиной раза превышало голландское, да и ее экономика была мощнее. Во время третьей войны англичане также пользовались поддержкой Франции. Однако превосходная финансовая система позволила голландцам нанести удар сопернику, относящемуся к иной весовой категории.

В то же время расходы на неудачные войны стали неподъемными для английской казны. Даже правительство оказалось на краю банкротства: в 1671 году Карл II был вынужден наложить мораторий на некоторые правительственные долги. У этого финансового переворота были глубокие политические последствия, поскольку связи между Сити и политической элитой в Британии никогда не были теснее, чем в правление Карла II. Англо-голландские войны вызвали переполох не только в залах заседаний в Сити, но и в королевских дворцах, и в величественных домах аристократии. Герцог Камберлендский был одним из учредителей Королевской Африканской компании, а позднее управляющим Компании Гудзонова залива. Герцог Йоркский, будущий король Яков II, был управляющим Новой королевской африканской компании, основанной в 1672 году, после того как голландцы уничтожили ее предшественницу. В 1660–1683 годах Ост-Индская компания передала Карлу II 324150 фунтов стерлингов в качестве "добровольного вклада". Беспощадная конкуренция с голландцами мешала партии реставрации. Нужно было найти альтернативу. Решением стало, как это часто бывает в бизнесе, слияние компаний — но не Ост-Индских.

Летом 1688 года, испытывая недоверие к католичеству Якова II и опасаясь его политических амбиций, могущественная английская аристократия организовала успешный переворот. Примечательно то, что аристократов поддержали купцы Сити.

Заговорщики призвали голландского статхаудера Вильгельма III Оранского захватить Англию. Яков II был изгнан. Почти бескровную "Славную революцию" обычно представляют политическим событием, окончательно закрепившим британские свободы и конституционную монархию. Однако эти события можно расценить и как слияние фирм. Вильгельм III Оранский фактически стал новым "исполнительным директором" Англии, а голландские бизнесмены — главными акционерами английской Ост-Индской компании. Люди, организовавшие "Славную революцию", осознавали, что не нуждаются в поучениях голландцев по части религии или политики: у англичан уже были протестантство и парламент. Однако голландцы могли обучить их финансовому делу.

Англо-голландское слияние 1688 года дало британцам многие важные финансовые институты, созданные голландцами. В 1694 году для валютного регулирования и управления государственными заимствованиями был учрежден Английский банк, почти аналогичный успешному Амстердамскому банку (*Amsterdam Wisselbank*), основанному восьмьюдесятью пятью годами ранее. Лондон также воспринял голландскую систему государственного долга, обслуживаемого через фондовую биржу, где можно было легко купить и продать долгосрочные облигации. Это позволило английскому правительству делать значительные заимствования по низким процентным ставкам и облегчало осуществление крупномасштабных проектов, например ведение войны. Проницательный Дефо быстро понял, что может дать стране дешевый кредит:

> Кредит ведет войну и заключает мир, пополняет армии, снаряжает флоты, дает сражения, осаждает города. Одним словом, называть мускулами войны справедливее его, а не деньги... Кредит заставляет солдата сражаться без платы, армии — идти без провианта... он — неприступная крепость... он выдает бумагу за деньги... и по требованию кладет в казну и банки сколько угодно миллионов.

Развитые финансовые институты позволили Голландии не только финансировать свою внешнюю торговлю, но и защищать ее силами первоклассного военно-морского флота. Теперь эти институты должны были заработать в Англии — в гораздо большем масштабе.

Англо-голландское слияние позволило англичанам заметно увереннее действовать на Востоке. В результате сделки голландцам досталась Индонезия и торговля пряностями, а англичанам — развивающаяся торговля индийским текстилем. Это оказалось выгодно английской компании, поскольку рынок текстиля стремительно перерастал рынок пряностей. Выяснилось, что спрос на перец, мускатный орех, мускатный цвет, гвоздику и корицу, от торговли которыми зависело благосостояние голландской компании, гораздо менее эластичен, чем спрос на ситец и хлопок. Это стало одной из причин того, что к 20-м годам XVIII века доходы английской Ост-Индской компании сравнялись с доходами голландского конкурента, и если первая в 1710–1745 годах несла убытки в течение всего двух лет, то прибыли второй неуклонно снижались. Главный офис британской Ост-Индской компании теперь находился на улице Лиденхолл. Здесь происходили встречи двух руководящих органов компании — собрания директоров (обладатели акций на сумму не менее двух тысяч фунтов стерлингов) и собрания владельцев (обладатели акций на сумму не менее тысячи фунтов стерлингов). Наглядными символами доходности компании стали огромные склады для индийских тканей в лондонском районе Бишопсгейт.

Переход от торговли пряностями к текстилю также подразумевал перенесение базы Ост-Индской компании. Сурат потерял свое былое значение. Были основаны три фактории, вокруг которых выросли некоторые из самых густонаселенных городов Азии. Первая фактория была учреждена на юго-восточном побережье Индии — сказочном Коромандельском берегу. Там, на береговом участке, приобретенном в 1630 году, компания построила форт, который, как будто чтобы подчерк-

нуть его английскость, был назван фортом Святого Георгия*. Здесь возник Мадрас. Более тридцати лет спустя, в 1661 году, Англия приобрела у Португалии Бомбей — в качестве доли приданого Екатерины Браганской, супруги Карла II. Наконец, в 1690 году, компания основала форт в Сутанути, на восточном берегу реки Хугли. Затем он был объединен с двумя другими поселениями, вместе образовавшими Калькутту.

Сегодня еще можно увидеть остатки этих факторий. Более или менее цел форт в Мадрасе — с церковью, плацем, домами и складами. В его планировке нет ничего необычного. Португальцы, испанцы и голландцы строили свои фактории почти так же. Но после компромисса, достигнутого англичанами и голландцами, такие места, как Чинсура, остались в прошлом. Будущее было за Калькуттой.

■

Едва избавившись от конкурентов-голландцев, Ост-Индская компания столкнулась с гораздо более коварными соперниками — с собственными служащими. Экономисты называют ситуацию, когда владельцы компании испытывают неустранимые трудности в управлении служащими, агентской проблемой (проблемой "принципал — агент"). Трудности растут пропорционально расстоянию между теми, кому принадлежат акции, и наемными работниками.

Здесь следует сказать несколько слов не только о расстоянии, но и о ветрах. Около 1700 года плавание из Бостона в Англию занимало четыре-пять недель (обратная дорога — пять-семь недель). Путь до Барбадоса занимал около девяти недель. Из-за ветров торговля подчинялась сезонному ритму: суда уходили в Вест-Индию в ноябре-январе, а в Северную Америку — с середины лета до конца сентября. Но плавание

* Небесный покровитель Англии. — *Прим. пер.*

в Индию и обратно длилось гораздо дольше: на поездку из Англии в Калькутту через Кейптаун требовалось в среднем около полугода. В Индийском океане с апреля по сентябрь дуют юго-западные ветра, с октября по март — северо-восточные. В Индию надо было отправляться весной, вернуться же домой, в Англию, можно было только осенью.

Долгие плавания между Азией и Европой делали монополию Ост-Индской компании одновременно и затруднительной, и легко осуществимой. В отличие от торговли с Северной Америкой, в индийской торговле малые компании не могли составить конкуренцию крупным. К 80-м годам XVII века сотни компаний возили товары в Америку и Карибский регион и обратно. В то же время издержки и риск шестимесячного плавания в Индию поощряли концентрацию торговли в руках одной крупной компании. Однако эта крупная компания испытывала трудности с контролем над сотрудниками, поскольку им требовалось полгода только для того, чтобы добраться до места работы. Директивы шли так же долго. Поэтому служащие Ост-Индской компании пользовались значительной автономией. На самом деле большинство их находилось совершенно без присмотра со стороны лондонского начальства.

А поскольку жалование сотрудников компании было относительно скромным (писарю платили пять фунтов стерлингов в год — не намного больше, чем домашней прислуге в Англии), большинство их не стеснялись вести бизнес на стороне, за собственный счет. Позднее это прозвали "старыми добрыми экономическими принципами Лиденхолл-стрит: маленькое жалование и огромный приработок". Иные пошли еще дальше: забросили работу в компании и сосредоточились на собственном бизнесе. Эти нарушители монополии были сущей бедой для директоров в Лондоне.

Главным нарушителем оказался сын дорсетского священнослужителя Томас Питт, который поступил на работу в Ост-Индскую компанию в 1673 году. Добравшись до Индии, Питт попросту скрылся. Он начал покупать товары у индийских

купцов и отправлять их в Англию за собственный счет. Правление компании настаивало на том, чтобы Питт ("отчаянный молодой человек с заносчивым, раздражительным, отчаянным характером, который не удержится от нанесения любого вреда, который только сможет причинить") вернулся домой. Питт, однако, игнорировал эти требования. Он вошел в сговор с руководящим сотрудником компании в Бенгальском заливе, Маттиасом Винсентом, на племяннице которого женился. Представ наконец перед судом, Питт пошел на сделку с компанией, заплатив пеню в четыреста фунтов (сумма к тому времени была для него пустяковой).

Такие фигуры, как Питт, были очень важны для торговли. Наряду с официальной коммерцией, которую вела компания, бурно развивалось частное предпринимательство. Это подрывало монополию Ост-Индской компании на англо-азиатскую торговлю. Вполне вероятно и то, что без нарушителей монополия, возможно, не расширила бы так скоро торговлю между Британией и Индией. Действительно, сама компания со временем поняла, что нарушители (даже строптивец Питт) могут быть подмогой, а не помехой в делах.

■

Не стоит думать, будто англо-голландское слияние отдало Индию в руки английской Ост-Индской компании. И голландские, и британские купцы были незначительными фигурами в этой обширной азиатской империи. Мадрас, Бомбей и Калькутта были не более чем крошечными факториями на окраине обширного, экономически развитого субконтинента. Англичане тогда были паразитами, кормившимися благодаря партнерству с индийскими бизнесменами: мадрасскими *дубаши*, бенгальскими *баньянами*. Центром политической власти в то время была делийская крепость Лал-Кила, резиденция Великого Могола, мусульманского "повелителя вселенной".

Предки императора, пришедшие в XVI веке в Индию с севера и покорившие ее, с тех пор управляли большей частью субконтинента. Английские путешественники вроде сэра Томаса Роу могли позволить себе с пренебрежением отозваться об увиденном в Дели ("Религий бесчисленное множество, закона ни одного; чего можно ждать от такого беспорядка?" — такой вердикт вынес Роу в 1615 году), однако империя Великих Моголов была богатым и могущественным государством, затмевавшим европейские страны. В 1700 году население Индии было в двадцать раз больше населения Британии. Доля Индии в мировом производстве тогда оценивалась в 24 %, Британии — в 3 %. Мысль о том, что однажды Британия сможет править Индией, показалась бы человеку, посетившему Дели в конце XVII века, нелепой.

Ост-Индская компания могла вести торговлю только с позволения Великого Могола и с согласия его наместников. А они были не всегда благосклонны к англичанам. Совет директоров компании жаловался:

> [Местные] губернаторы ловко... третируют нас, вымогают все, что им захочется... осаждая наши фактории* и останавливая наши судна на Ганге. Они... будут так поступать и впредь, до тех пор, пока мы не дадим почувствовать свою власть, поскольку за нами истина и правосудие.

Это было легче сказать, чем сделать. Ублажать императора — вот была главная задача Ост-Индской компании, так как утрата его расположения означала бы потерю денег. Следовало наносить визиты ко двору Великих Моголов. Представители компании должны были склоняться перед Павлиньим троном во дворце Дивани-Ам. Нужно было заключать сложные соглашения и давать взятки. Для этого требовались люди, которые были столь же искусны в махинациях, как и в купле-продаже.

* Имеются в виду товарные склады. Компания не занималась промышленным производством.

В 1698 году компания решила послать в Мадрас в качестве губернатора форта Святого Георгия — кого бы вы думали? — Томаса Питта. Его жалование составляло двести фунтов в год, однако в контракте было недвусмысленно сказано, что губернатор вправе вести дела и на стороне. Удачливый браконьер превратился в опытного егеря (который имел право заниматься браконьерством). Питту почти немедленно пришлось улаживать острый дипломатический кризис. Император Аурангзеб не только наложил запрет на торговлю с европейцами, но и повелел их задерживать, а товары — конфисковать. Питту пришлось одновременно вести переговоры с Аурангзебом и защищать форт Святого Георгия от Дауд-хана, наваба Карнатика, который поспешил выполнить указ своего императора.

К 40-м годам XVIII века, однако, императорская власть ослабела. В 1739 году персидский владыка Надир-шах Афшар разграбил Дели. После 1747 года афганцы во главе с Ахмед-шахом Абдали неоднократно вторгались в северную Индию. Вдобавок бывшие наместники Великих Моголов (вроде наваба Аркота и низама Хайдарабада) основывали собственные государства. На западе правили маратхи, независимые от Дели. Индия входила в фазу междоусобных войн, которые англичане позднее пренебрежительно охарактеризуют как "анархию": доказательство того, что индийцы якобы неспособны управлять самостоятельно. На самом деле индийская междоусобица мало чем отличалась от борьбы за господство над Габсбургской Европой, которая бушевала с XVII века. Угроза с севера вынуждала индийских правителей совершенствовать систему управления и налогообложение, чтобы держать большие регулярные армии. Так поступали и их европейские коллеги.

Поселения европейцев в Индии всегда были укрепленными. Теперь, в смутные времена, они должны были иметь значительные гарнизоны. Ост-Индская компания, которая не могла набрать достаточно людей из служащих-англичан, стала создавать собственные подразделения из представителей воинских каст субконтинента (кунби на западе, раджпутов

и браминов в долине Ганга, и так далее), вооружать их и отдавать под начало английских офицеров. Теоретически это была служба безопасности, предназначенная для защиты активов компании в случае войны. На деле же это была настоящая частная армия, без которой ведение бизнеса скоро стало невозможным. Теперь у Ост-Индской компании были собственные поселения, дипломаты и даже вооруженные силы. Она начинала все сильнее походить на самостоятельную державу. В этом заключалось различие между Европой и Азией. Европейские державы могли беспощадно сражаться друг с другом, но победительницей могла стать только одна из них. Когда боролись индийские государства, победителем могла стать и сторонняя сила. Но какая?

Люди и корабли

Джинджи — одна из самых впечатляющих крепостей в Карнатике. Выстроенная на склоне горы, вздымающейся из тумана долин, она господствует над внутренней частью Коромандельского берега. Но в середине XVIII века здешний гарнизон не был британским. Не принадлежала крепость и местным правителям. Джинджи был в руках французов.

Англо-голландский конфликт был по сути коммерческим: только бизнес, соревнование за положение на рынке. Конфликт же с Францией — глобальный вариант Столетней войны — определял, кто будет *управлять* миром. И итог этого состязания отнюдь не был предрешен.

■

Говорят, французский министр просвещения точно знает, что преподают в любой вверенной его попечению школе. Все французские школьники обучаются по одной и той же про-

грамме. Они изучают один и тот же курс математики, литературы, истории, философии. Поистине имперский подход к образованию! И он применяется как во французском лицее в Пондишери, так и в парижских учебных заведениях. Если бы в 50-х годах XVIII века ситуация сложилась иначе, то, вероятно, школы по всей Индии были бы такими же. И, возможно, мировым *lingua franca** стал бы французский, а не английский язык.

Представить это не так уж сложно. Безусловно, англо-голландское слияние усилило Англию, а еще одно слияние, произошедшее в 1707 году, породило новое грозное юридическое лицо — Соединенное Королевство (название, использованное Яковом I для обозначения захвата Англией Шотландии, а также оправдания владычества шотландца над англичанами). К концу Войны за испанское наследство (1701-1714) новое государство, бесспорно, было ведущей морской державой Европы. Приобретя Гибралтар и порт Маон на острове Менорка, Великобритания получила возможность контролировать ворота Средиземноморья. В то же время Франция оставалась главной силой в континентальной Европе. В 1700 году французская экономика была вдвое мощнее британской, а население Франции почти втрое превышало население Великобритании. Как и Британия, Франция стремилась заполучить заморские земли. У нее уже были Луизиана и Квебек в Америке — "Новая Франция". Французские "сахарные острова", например Мартиника и Гваделупа, были среди богатейших в Карибском море. В 1664 году французы учредили собственную Ост-Индскую компанию (*Compagnie des Indes Orientales*) с базой в Пондишери — немного южнее английского поселения в Мадрасе. Опасность того, что Франция победит Британию в борьбе за глобальное господство, оставалась реальной почти столетие. По словам автора "Критикал ревю" (1756),

* Язык межэтнического общения. — *Прим. пер.*

> каждый бритт должен знать о честолюбивых замыслах Франции, ее вечном стремлении к мировому господству, ее непрерывных посягательствах на достояние соседей... Наша торговля, наши свободы, наша страна — нет, вся остальная часть Европы — [находятся] в постоянной опасности: стать жертвой общего врага, всемирного обжоры, который, если представится возможность, проглотит земной шар целиком.

Правда, в коммерческом отношении французская Ост-Индская компания не представляла для англичан значительной угрозы. В первом своем воплощении она потеряла значительную сумму денег, несмотря на правительственные субсидии, и в 1719 году ее учредили повторно. Французская компания, в отличие от английской, находилась под государственным контролем. Ею управляли аристократы, которые мало заботились о торговле и много — о политике силы. Таким образом, форма, которую приняла французская угроза, не была похожа на голландскую. Голландцы стремились приобрести долю рынка. Французам нужна была территория.

В 1746 году Жозеф Франсуа Дюплекс, французский губернатор Пондишери, решил бросить вызов английскому присутствию в Индии. Дневник его индийского переводчика Ананды Ранги Пиллаи описывает настроения французов накануне выступления Дюплекса: "Общественное мнение гласит, что удача теперь на стороне французов... Говорят, что Фортуна оставила Мадрас, чтобы поселиться в Пондишери". Дюплекс уверял, что "английская компания прекратит свое существование. Она уже долго сидит без денег, они отданы в долг королю, а его свержение неизбежно. Поэтому потеря капитала... приведет к краху компании. Попомните мои слова. Вы очень скоро поймете, что мое пророчество сбылось". Двадцать шестого февраля 1747 года, записал Пиллаи, "французы бросились на Мадрас... как лев устремляется на стадо слонов... Они захватили форт, водрузили флаг на валу, овла-

дели городом и воссияли в Мадрасе как солнце, которое шлет лучи по всему миру".

Ост-Индская компания опасалась, что понесет значительный ущерб от французского конкурента. Согласно сообщению, полученному лондонскими директорами, французы стремились "ни к чему иному, как к вытеснению нас из торговли на этом побережье [район Мадраса], а постепенно изо всей торговли с Индией".

Однако Дюплекс выбрал неудачное время. Окончание войны за Австрийское наследство в Европе, завершившейся Аахенским миром (1748), вынудило его оставить Мадрас. Затем, в 1757 году, военные действия между Британией и Францией возобновились — в беспрецедентном масштабе.

Семилетняя война (1756-1763) была похожа на мировую. Как и глобальные конфликты XX века, она вспыхнула в Европе. Воевали все: Британия и Франция, Пруссия и Австрия, Португалия и Испания, Саксония и Ганновер, Россия и Швеция. Однако пушки гремели и далеко от европейских берегов: от Коромандельского берега до Канады, от Гвинеи до Гваделупы, от Мадраса до Манилы. Индийцы и индейцы, африканские рабы и американские колонисты — все участвовали в войне. Под угрозой было будущее империи. Вопрос стоял так: чьим будет мир — французским или английским?

Человеком, который стал определять британскую политику в этом Армагеддоне эпохи Ганноверской династии, был Уильям Питт. Неудивительно, что тот, чье фамильное состояние опиралось на англо-индийскую торговлю, не имел никакого намерения уступить позиции Британии ее старейшему европейскому конкуренту. Будучи внуком Томаса Питта, он думал о войне в глобальном масштабе. В этом он положился на флот и верфи, дававшие Англии преимущество перед соперниками. И пока пруссаки, союзники англичан, связывали в Европе силы французов и их союзников, британский флот громил французский, предоставив британским сухопутным силам захват неприятельских колоний. Таким образом, ключом

к победе англичан стало господство на море. Питт, выступая в Палате общин в декабре 1755 года (раньше, чем война была объявлена, но позднее момента, когда она коснулась колоний), выразился так:

> Наш флот должен быть полностью укомплектован, насколько возможно, прежде, чем мы объявим войну... Когда, как не теперь, на грани войны, нам необходимо использовать любой способ, который только можно помыслить, чтобы привлечь способных и опытных моряков на службу Его Величества? Открытая война уже идет: французы напали на войска Его Величества в Америке, и в ответ корабли Его Величества напали на корабли французского короля в той же части света. Разве это не открытая война? Если мы не избавим территории наших индейских союзников, да и наши собственные, в Америке, от всех французских крепостей, всех французских гарнизонов, мы можем лишиться своих плантаций.

Питт добился от парламента решения рекрутировать пятьдесят пять тысяч моряков. Он довел численность линейных кораблей до ста пяти (у французов было семьдесят). Королевские верфи стали крупнейшим в мире промышленным предприятием с тысячами работников.

Политика Питта учитывала растущее экономическое могущество Британии. В судостроении, металлургии и литье пушек страна теперь была явным лидером. Править морями англичанам помогала не только техника, но и наука. Во время кругосветного плавания эскадры Джорджа Ансона в 40-х годах XVIII века лекарства от цинги еще не знали, а Джон Харрисон еще работал над третьим вариантом своего хронометра, предназначенного для определения долготы в море. Множество моряков умирало, флот часто терял корабли. Однако к 1768 году, когда Джеймс Кук отправился на "Индеворе" исследовать юг Тихого океана, Харрисон уже получил премию от Совета по изысканию способов определения долго-

ты в море, а моряки Кука уже ели квашеную капусту, чтобы не заболеть цингой. Союз науки и политики символизировали присутствие на борту "Индевора" натуралистов (в том числе ботаника Джозефа Банкса), а также двойная миссия капитана Кука: во-первых, распространение суверенитета Британии на Австралазию (этого жаждало Адмиралтейство), во-вторых, исследование прохождения Венеры через диск Солнца (этого желало Королевское общество).

При этом дисциплина на флоте оставалась жесткой. В начале войны адмирала Джона Бинга расстреляли за то, что он оказался не в состоянии отбить у французов Менорку, чем нарушил ст. 12 Инструкций по кораблевождению и ведению боя:

> Достоин смерти тот командир, который... не предпримет все от него зависящее, чтобы захватить или уничтожить каждое судно, с которым он должен был сражаться и помогать и облегчать положение каждому судну Его Величества, которое будет в этом нуждаться[*].

Стойкие мужчины вроде сэра Джорджа Покока, кузена Бинга, прогнали французский флот от берегов Индии. Стойкие мужчины вроде Джеймса Кука помогли генералу Вольфу пройти по реке Святого Лаврентия, чтобы напасть на Квебек. Стойкие мужчины вроде Джорджа Ансона (ставшего первым лордом Адмиралтейства) руководили блокадой французского побережья — возможно, самой ясной в той войне демонстрацией превосходства англичан на море.

В ноябре 1759 года наконец появился французский флот, отчаянно стремившийся осуществить вторжение в Англию. Его ждал сэр Эдвард Хоук. При усиливающемся шторме он загнал французов в бухту Киберон на южном побережье Бретани, где и разгромил их: две трети вражеских кораблей было

[*] Судьба Бинга вдохновила Вольтера на сочинение следующих строк: "В нашей стране полезно время от времени убивать какого-нибудь адмирала, чтобы взбодрить других" ["Кандид", пер. Ф. Сологуба].

потоплено или захвачено. Вторжение сорвалось. Британское превосходство на море стало абсолютным. Теперь поражение французов было предрешено, поскольку, перерезав коммуникации между Францией и ее империей, английский флот дал сухопутным войскам в колониях решающее преимущество. С захватом Квебека и Монреаля закончилось французское владычество в Канаде. Карибские "сахарные острова" — Гваделупа, Мари-Галант и Доминика — пали. В том же году французский гарнизон покинул Джинджи. К тому времени французские поселения в Индии, в том числе Пондишери, были захвачены.

Победа англичан на море в немалой степени определялась возможностями Британии занимать деньги. Более трети всех британских военных расходов было оплачено кредитами. Институты, заимствованные у голландцев при Вильгельме III Оранском, прижились и расцвели, позволив правительству Питта финансировать войну, продавая инвесторам низкопроцентные облигации. Французам, в отличие от них, приходилось выпрашивать деньги или грабить. Как заметил епископ Беркли, кредит был "основным преимуществом, которое имела Англия перед Францией". Французский экономист Исаак де Пинто был согласен с этим: "Отказ от займов в период нужды принес большой вред и, вероятно, стал главной причиной последующих бедствий". За каждой британской морской победой стоял государственный долг. Его рост с 74 до 133 миллионов фунтов стерлингов за время Семилетней войны был мерой британского финансового могущества.

В 80-х годах XVII века все еще существовало различие между Англией и "английской империей в Америке". К 1743 году можно было говорить о "Британской империи, взятой в ее единстве, то есть о Британии, Ирландии, колониях и рыбных промыслах в Америке, а также ее владениях в Ост-Индии и Африке". Но теперь сэр Джордж Макартни был вправе писать о "обширной империи, над которой никогда не заходит солн-

це и чьи границы природа еще не установила". Единственное, о чем жалел Питт (мир не был заключен, пока он не оставил должность), — что у французов не отняли их заморские владения, в том числе карибские острова. Новое правительство, жаловался Питт членам Палаты общин в декабре 1762 года,

> упустило из виду важнейший принцип. Франция... опасается нашего торгового и морского могущества... Вернув ей все ценные острова в Вест-Индии... мы дали ей средства для восстановления своих огромных потерь... Торговля с этими территориями будет удивительно прибыльной... [и] все, что мы получаем... в четыре раза превосходит то, что утрачивает Франция.

Питт верно предугадал, что условия мирного договора таят в себе "семена войны": борьба Британии и Франции за мировое господство продолжалась с краткими перерывами до 1815 года. Но одну проблему Семилетняя война решила окончательно: Индия будет британской, а не французской. И она стала почти на двести лет огромным рынком сбыта британских товаров, а также неистощимым источником военных ресурсов. Индия была чем-то большим, чем "жемчужина в короне". В буквальном и переносном смысле она была настоящей алмазной россыпью.

■

А что же сами индийцы? Они позволили, чтобы Индию разделили — и, в конечном счете, повелевали ими. Англичане и французы и до Семилетней войны вмешивались в индийские дела, пытаясь повлиять на назначение преемников субадара Деккана и наваба Карнатика. Роберт Клайв, наиболее способный из людей Ост-Индской компании, вышел на передний план, когда снял осаду с Тричинополи, где сидел Мухаммед

Али, британский кандидат на пост наместника Деккана, а затем захватил Аркот, столицу Карнатика, и отбил атаки на город войск Чанды Сахиба, конкурента Мухаммеда Али.

Когда началась Семилетняя война, бенгальский наваб Сирадж-уд-Доула напал на Калькутту и бросил в тюрьму форта Уильям некоторое количество (от шестидесяти до ста пятидесяти) англичан. Камера, в которой они погибли, теперь известна как Черная яма*. Сирадж-уд-Доула пользовался поддержкой французов. Его конкуренты — банкирский дом Джагет Сета — субсидировали британцев. Клайв же сумел убедить сторонников наваба Мир Джафара оставить Сирадж-уд-Доула и перейти на сторону англичан. Это произошло 22 июня 1757 года, во время битвы при Плесси. Выиграв сражение и получив должность губернатора Бенгалии, Клайв сверг Мир Джафара и заменил его Мир Касимом, его зятем. Когда последний оказался недостаточно покорным, его сместили и вернули Мир Джафара. Европейцы снова воспользовались враждой между индийцами, чтобы добиться своих целей. Для того времени не было необычным то обстоятельство, что из 2900 солдат Клайва, дравшихся при Плесси, более двух третей были индийцами. По словам историка Голама Хосейна Хана, автора "Обзора новых времен" (1789),

> именно из-за раздора [между индийскими правителями] большинство цитаделей, нет, почти весь Индостан, перешли во владение англичан... Два правителя борются за одну и ту же страну, и один из них обращается к англичанам и сообщает им о том, какими путями и средствами те могут стать ее хозяевами. Благодаря... их помощи он привлекает к себе некоторых из влиятельных мужей страны, которые, будучи его друзьями, быстро присоединяются к нему. Тем временем англичане заключают на своих условиях некий договор с ним

* Источники того времени указывают число 146. Большинство пленников умерло от удушья. Весьма вероятно, что их было меньше, но нет сомнения, что погибло большинство из них. Стояла летняя жара, а "дыра" имела размеры восемнадцать на четырнадцать футов.

> и в течение некоторого времени соблюдают его условия, пока не вникнут в способы правления и обычаи той страны, а также пока не познакомятся с партиями в ней. Затем они обучают армию и, заручившись поддержкой одной из партий, скоро одолевают другую, постепенно проникают в страну и захватывают ее... Англичане, которые кажутся весьма пассивными, как будто позволяя собой руководить, на самом деле приводят в движение эту машину.

Историк замечает: "Нет ничего странного в том, что эти купцы нашли способ стать хозяевами этой страны". Просто они "воспользовались глупостью некоторых владетелей Индостана, сколь горделивых, столь и невежественных".

Клайв ко времени своей победы над оставшимися индийскими противниками при Буксаре (1764) сделал радикальный вывод о будущем Ост-Индской компании. Торговли с разрешения индийцев более было недостаточно. В письме директорам в Лондоне он выразился так:

> С определенной долей уверенности могу сказать, что это богатое и процветающее королевство может быть полностью подчинено нам не более чем двумя тысячами европейцев... [Индийцы] немыслимо ленивы, пристрастны к роскоши, невежественны и трусливы... [Они] достигают всего предательством, а не силой... Что, в таком случае, может позволить нам защитить наши приобретения или расширить их, как не сила, с которой не сравнится власть предательства и неблагодарности?

По Аллахабадскому договору (1765) Великий Могол предоставил Ост-Индской компании *дивани* (право на фискальный контроль) над Бенгалией, Бихаром и Ориссой. Не право чеканки денег, конечно, но тоже очень выгодное дело. Компания смогла обложить податями более двадцати миллионов человек. Если предположить, что по меньшей мере треть производимых ими

товаров могла быть присвоена таким способом, то ежегодный доход составлял два-три миллиона фунтов стерлингов. Теперь Ост-Индская компания занималась, вероятно, самым перспективным бизнесом в Индии: государственным управлением. В донесении Калькуттского совета лондонским директорам (1769) говорилось: "С этих пор торговлю можно рассматривать скорее как канал для перевода доходов в Британию".

Англичане — сначала пираты, потом купцы — превратились в повелителей с миллионами иностранных подданных (и не только в Индии). Благодаря своему флоту и финансам они выиграли европейскую гонку за империю. То, что начиналось как деловое предприятие, превратилось в субъект власти.

■

Теперь британцы задались вопросом: как править Индией? Устремления Роберта Клайва не шли дальше грабежа. Им Клайв и занимался, хотя позднее он утверждал, что "сам удивлялся своей умеренности". Клайв, человек столь жестокий, что в отсутствие противников подумывал о самоуничтожении, стал прототипом беспутных строителей империи из рассказа Киплинга "Человек, который хотел стать королем".

> Мы отправимся в какое-нибудь другое место, где нет толкотни и человек может получить то, что ему причитается... Человек, знающий, как муштровать солдат, станет королем везде, где дерутся. Так вот, мы отправимся туда и спросим у первого попавшегося короля: хотите победить врагов? И покажем ему, как обучают солдат: это мы умеем лучше чего бы то ни было. А потом низложим короля, завладеем его троном и дадим начало своей *династии*.

Но чтобы британская власть в Бенгалии превратилась в нечто большее, чем затянувшийся пиратский рейд, необходим был

иной, более тонкий подход. Назначение Уоррена Хейстингса первым генерал-губернатором Бенгалии в соответствии с Актом об управлении Индией (1773), казалось, свидетельствовало о том, что подход был найден.

Хейстингс был невысоким человеком, столь же умным, сколь Клайв — жестоким. Он нанялся в Ост-Индскую компанию писарем в возрасте семнадцати лет. Хейстингс быстро заговорил по-персидски и на хинди, и чем глубже он узнавал индийскую культуру, тем больше почтения к ней испытывал. В 1769 году он писал, что изучение персидского языка "не может не открыть наш ум, не может не наполнить нас милосердием ко всему человеческому роду, которое внушает наша религия". Хейстингс писал в предисловии к выполненному по его поручению английскому переводу "Бхагавад-гиты":

> Каждый пример, который позволит нам усвоить истинный характер [индусов], обогатит нас пониманием их естественных прав, научит мерить их собственной мерой. Но такие примеры могут быть извлечены только из их писаний, а они будут существовать еще долго после прекращения британского владычества в Индии, когда источники, из которых оно некогда черпало богатство и власть, будут забыты.

Кроме того, Хейстингс инициировал перевод исламских текстов "Аль-Фатава аль-Хиндийя" и "Аль-Хидайя", способствовал открытию в Калькутте медресе. "Мусульманское право, — говорил он лорду Мэнсфилду, — столь же всеобъемлюще и строго, как право большинства государств Европы". Не меньшее рвение Хейстингс проявлял и в поощрении изучения географии и флоры Индии.

Под покровительством Хейстингса в Бенгалии стало развиваться "смешанное" общество. Мало того что британские ученые переводили индийские юридические тексты и литературу: служащие Ост-Индской компании женились на индианках и перенимали местные обычаи. То удивительное время

культурной интеграции наводит на мысль, что расизм не был первородным грехом империи. Так ли это?

Важная черта эпохи Хейстингса, о которой часто забывают, состоит в том, что большинство людей из Ост-Индской компании, кто полностью или частично "отуземился", принадлежало к одному из национальных меньшинств. Они были шотландцами.

В 50-х годах XVIII века население Шотландии составляло немногим более 10 % населения Британских островов. И все же штат Ост-Индской компании был по меньшей мере наполовину укомплектован шотландцами. Из 249 писарей, командированных компанией в Бенгалию в последнее десятилетие правления Хейстингса, 119 были шотландцами. Из 116 кандидатов в офицеры Бенгальской армии, принятых в 1782 году на службу, 56 были шотландцами*. Среди 371 человека, допущенного в качестве вольного купца, 211 были шотландцами. Из 254 хирургов-ассистентов 132 были шотландцами. Хейстингс называл своих советников Александра Эллиота из Минто, Джона Самнера из Петерхеда, Джорджа Богла из Ботвелла "шотландской стражей". Из тридцати пяти человек, которым Хейстингс поручал важные миссии в течение своего пребывания на посту генерал-губернатора, по крайней мере двадцать два были шотландцами. Вернувшись в Лондон, Хейстингс также полагался на акционеров-шотландцев из Совета владельцев, особенно на Джонстонов из Вестерхолла. В марте 1787 года Генри Дандас, генеральный стряпчий по делам Шотландии, в шутку сказал сэру Арчибальду Кэмпбеллу, своему кандидату на должность губернатора Мадраса, что "вся Индия скоро будет в [наших] руках... а графство Аргайл обезлюдеет из-за переезда Кэмпбеллов в Мадрас". (Даже первая жена Хейстингса, Мэри, была шотландкой: урожденная Эллиот, из Камбусланга, вдова капитана Бакенена, сгинувшего в калькуттской Черной яме.)

* А ирландцев было больше среди нижних чинов. В начале XIX века 34 % личного состава Бенгальской армии составляли англичане, 11 % — шотландцы, 48 % — ирландцы.

Эта непропорциональность объясняется главным образом большей готовностью шотландцев искать счастье за границей. Удача не улыбнулась им в 90-х годах XVII века, когда Шотландская компания пыталась основать колонию в Дарьене на восточном побережье Панамы. Местоположение поселения оказалось настолько неудачным, что у затеи с самого начала было мало шансов на успех, а враждебность со стороны испанцев и англичан лишь ускорила ее крах. К счастью, уния 1707 года объединила экономику Англии и Шотландии — и их амбиции. Отныне не нашедшие себе места в Шотландии предприниматели и инженеры, врачи и солдаты могли применить на деле свои навыки и энергию, служа английскому капиталу под защитой английского флота.

Возможно, шотландцы были больше, чем англичане, готовы к ассимиляции в туземном обществе. Джордж Богл, отправленный Хейстингсом исследовать Бутан и Тибет, имел двух дочерей от уроженки Тибета и с восхищением отзывался о тибетской полиандрии (у одной женщины могло быть несколько мужей). Джон Максвелл, сын священника из-под Абердина, который стал редактором "Индиа гэзетт", был тоже заинтригован роскошным и изнеженным (с его точки зрения) индийским образом жизни и имел по меньшей мере троих детей от индианок. Уильям Фрэзер, один из пяти братьев из Инвернесса, приехавших в Индию в начале 1800-х годов, сыграл ключевую роль в покорении гуркхов. Он коллекционировал рукописи эпохи Великих Моголов и... индианок. Если верить одному свидетельству, он имел шесть или семь жен и бесчисленных детей, которые были "индусами и мусульманами согласно религии и касте их матерей". Среди плодов таких союзов был Джеймс Скиннер, друг и товарищ Фрэзера по оружию, сын шотландца из Монтроза и принцессы из Раджпутаны, основатель кавалерийского полка Скиннера. У него было по меньшей мере семь жен. Ему приписывали отцовство восьмидесяти детей ("Черные или белые — не имеет особенного значения пред Господом"). Скиннер одел своих людей в алые тюрбаны, серебряные пояса и ярко-желтые мундиры. Он писал мемуары

на персидском. При всем этом он был набожным христианином, который воздвиг в Дели одну из самых роскошных церквей (Святого Иакова) в благодарность за свое спасение в особенно кровавом сражении.

Конечно, не все так относились к чужой культуре. Голам Хосейн Хан жаловался:

> Врата... между людьми, населяющими эту страну, и чужестранцами, которые становятся их хозяевами, затворены, и эти последние непрестанно выражают свое отвращение к обществу индийцев и презрение в разговоре с ними... Ни один из английских джентльменов не выказывает склонности или желания общаться с джентльменами этой страны... Таково отвращение, которое англичане открыто выказывают к местному обществу, и таково презрение, с которым они относятся к нему, что никакая любовь и никакое содружество (две составляющих всякого союза и привязанности и источник всякого управления и улаживания) не могут пустить корни между завоевателями и завоеванными.

Мы, однако, не должны позволить привлекательным аспектам индийско-кельтского сплава XVIII века заслонить от нас тот факт, что Ост-Индская компания существовала не ради науки или смешения рас, но чтобы делать деньги. Хейстингс и его современники стали очень богатыми людьми. Они сумели разбогатеть, даже несмотря на то, что для защиты английских ткачей от индийского текстиля были приняты протекционистские меры. И независимо от того, насколько привержены они были индийской культуре, их цель состояла в переводе прибыли домой, в Британию. Началась утечка капитала.

В 1701 году Питт, будучи губернатором Мадраса, обнаружил прекрасный способ переводить прибыль в Англию: алмазы! Он называл их "моим великим предприятием, моей большой заботой, всем, что у меня есть, наилучшим камнем в мире". В то время алмаз "Питт" (примерно 410 каратов)

был самым крупным из всех, что видел свет. После огранки его оценили в 125 тысяч фунтов стерлингов. Питт никогда не рассказывал полную историю алмаза (почти наверняка он был добыт в копях Великого Могола в Голконде, хотя Питт это отрицал). В любом случае, позднее он продал алмаз регенту Франции, и камень украсил французскую корону. Этот драгоценный камень буквально сделал Питту имя: с тех пор алмаз стал известен под именем Питт. Не было лучшего символа богатства, которое честолюбивый и способный англичанин мог приобрести в Индии, и многие поспешили последовать примеру Питта. Клайв также отсылал прибыль домой, в Англию, в виде алмазов. В целом около восемнадцати миллионов фунтов стерлингов были перевезены в Британию таким способом. С 1783 года за десятилетие утечка составила 1,3 миллиона фунтов стерлингов. По словам Голама Хосейна Хана,

> у англичан, кроме прочих, есть обычай после многих лет, проведенных здесь, уезжать назад, на родину, и никто из них не выказывал склонность к тому, чтобы осесть здесь, в этой стране... Вдобавок к этому обычаю у них есть другой, которого каждый из этих эмигрантов придерживается как обязательства пред Богом — накапливать в этой стране столько денег, сколько возможно, и увозить эти деньги с собой, в Английское королевство. Таким образом, не удивительно, что эти два обычая должны когда-либо подорвать и разрушить эту страну и стать вечным препятствием для того, чтобы она когда-нибудь достигла процветания.

Конечно, не каждый писарь Ост-Индской компании становился богачом. Из 645 служащих, попавших в Бенгалию и указанных в реестре, более половины умерли в Индии. Около четверти из 178 человек, возвратившихся в Британию, не слишком-то разбогатели. Сэмюэль Джонсон как-то заметил: "Лучше иметь десять тысяч фунтов после десяти лет, проведенных в Англии, чем двадцать тысяч фунтов после десяти лет, прове-

денных в Индии, поскольку следует учесть, чего вы лишаетесь за эти деньги. Человек, который прожил эти десять лет в Индии, потерял десять лет, наполненных бытовыми удобствами и всеми теми преимуществами, которые дает жизнь в Англии".

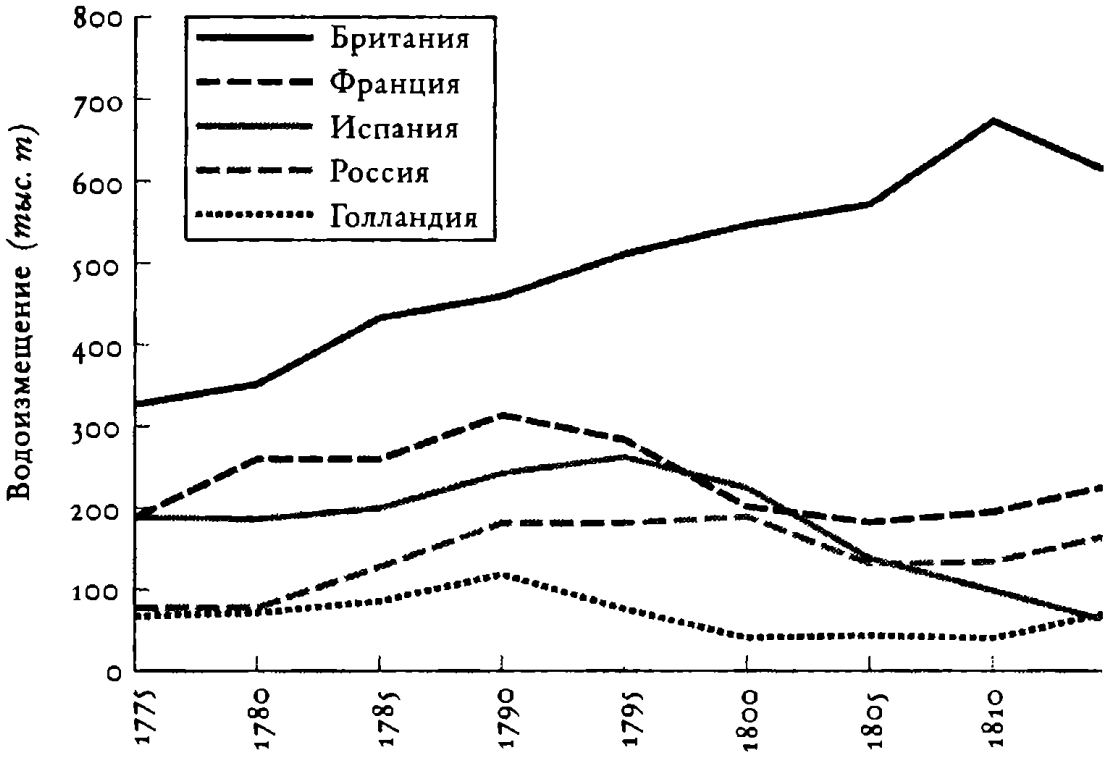
Однако в английском языке появилось новое слово: набоб, искаженное *наваб*, правитель. Набобами были Питт, Клайв и Хейстингс, которые свои индийские состояния вложили в постройку величественных домов (Питт в Сваллоуфилде, Клайв в Клермонте, Хейстингс в Дейлсфорде). Кроме того, именно благодаря деньгам, накопленным в Индии, Томас Питт приобрел кресло депутата от города Олд-Сарум, одного из "гнилых местечек"*, которое его внук, человек гораздо более известный, позднее занимал в Палате общин. Было изумительным лицемерием со стороны Уильяма Питта жаловаться в январе 1770 года на то, что

> мы были осыпаны богатством Азии, но с ним мы получили не только азиатскую роскошь, но, боюсь, и азиатские принципы правления... Люди, привезшие заграничное золото, пробивались в парламент благодаря такому потоку тайной коррупции, которому никакое частное наследственное состояние не могло сопротивляться.

Двенадцать лет спустя он же ворчал: "Среди нас представители раджи Тангора и наваба Аркота, мелких восточных деспотов".

Бекки Шарп из "Ярмарки тщеславия" Теккерея, желающая стать женой коллектора из Богли-Уоллаха, воображала, что наряжается "в бесконечное множество шалей-тюрбанов, увешивалась брильянтовыми ожерельями и... садилась на слона", поскольку, "говорят, индийские набобы ужасно богаты". Воз-

"Гнилыми местечками" в Англии называли захудалые городки и поселения с ничтожным количеством жителей, иногда и вовсе исчезнувшие (занятые под пастбища или затопленные водой), но сохранившие, на основе старых привилегий, избирательные права и посылавшие в парламент депутатов. — *Прим. ред.*



Флоты европейских держав: общий тоннаж судов водоизмещением свыше 500 т (1775–1815 гг.). В конце XVIII века Британия и в самом деле "правила морями".

вратившись в Лондон из-за "какой-то болезни печени", упомянутый набоб

> катался по парку на собственных лошадях, обедал в модных трактирах... стал записным театралом, как требовала тогдашняя мода, и появлялся в опере старательно наряженный в плотно облегающие панталоны и треуголку... очень остроумно прошелся насчет шотландцев, которым покровительствовал генерал-губернатор... Как восхищалась мисс Ребекка... рассказами о шотландцах-адъютантах*!

Более робкую и невоинственную фигуру, чем Джоз Седли, было бы трудно вообразить. И все же доходы набобов во все большей степени гарантировались огромным военным контингентом в Индии. Ко времени воцарения там Уоррена Хей-

* Пер. М. Дьяконова под ред. Р. Гальпериной и М. Лорие. — *Прим. пер.*

стингса у Ост-Индской компании находилось под ружьем более ста тысяч человек. Она пребывала в состоянии, близком к бесконечной войне. В 1767 году началась длительная борьба с княжеством Майсур. В следующем году у низама Хайдарабада были отняты Северные саркары — территории на восточном побережье Индостана. Спустя еще семь лет Бенарес и Газипур были захвачены у наваба Ауда. То, что вначале было службой безопасности компании, стало ее *raison d'être**: выигрывать битвы, чтобы завоевывать территорию, чтобы оплатить предыдущие победы. Британское присутствие в Индии также зависело от способности флота победить французов, если они ввяжутся в борьбу, как это случилось в 70-х годах XVIII века. Это требовало еще больших затрат.

Легко найти тех, кто разбогател благодаря империи. Вопрос в том, кто платил за ее функционирование?

Сборщик налогов

Роберт Бернс подумывал попытать счастья в империи. В 1786 году, когда его любовные отношения не сложились, он серьезно подумывал об отъезде на Ямайку. В итоге он опоздал на корабль и после раздумий решил остаться в Шотландии. Его стихи, песни и письма дают нам бесценные сведения об имперской политэкономии XVIII века.

Бернс родился в 1759 году, в разгар Семилетней войны, в семье бедного садовника из Аллоуэя. Ранний литературный успех принес ему известность, но не помог оплатить счета. Он попробовал свои силы в сельском хозяйстве, но безрезультатно. Имелась и третья возможность. В 1788 году Бернс претендует на должность в акцизной службе. Стоит сказать, что эта перспектива смущала поэта достаточно сильно, во всяком случае куда сильнее, чем его знаменитое пьянство и рас-

* Смысл существования *(фр.)* — *Прим. пер.*

путство. Но бедность угнетала, и Бернс признавался другу: "Ради наживы я сделаю что угодно, стану кем угодно... Пять и тридцать фунтов в год — неплохое последнее пристанище для бедного поэта". Он допускал, что "на характере акцизного запечатлевается клеймо... и, хотя жалование сравнительно мало, его с избытком хватит на все, что первые двадцать пять лет жизни научили меня желать... Люди могут говорить все, что угодно, о бесчестье акцизных, но что поможет мне содержать семью и сохранять независимость от мира — для меня очень важный вопрос".

Смирив гордость ради жалованья, Бернс оказался звеном в цепи имперской финансовой системы. Войны с Францией оплачивались из растущих заимствований, и волшебная гора в основании британского могущества — государственный долг — росла пропорционально приобретенной территории. Когда Бернс начал работать акцизным, долг достиг 244 миллионов фунтов. Поэтому главной заботой акцизных стал сбор средств, необходимых для выплаты процентов по государственным обязательствам.

Кто платил акцизные сборы? Акцизами облагались крепкие спиртные напитки, вина, шелк, табак, пиво, свечи, мыло, крахмал, кожа, окна, дома, лошади и экипажи. Теоретически налогами облагались производители соответствующих товаров, фактически же их оплачивали потребители, так как производители просто включили налог в цену. За каждый стакан пива или виски, за каждую трубку табака приходилось платить налог. По словам Бернса, он "размалывал трактирщиков и грешников беспощадными жерновами акциза". Но и добродетельные также должны были платить. Каждая свеча, которую человек зажигал, чтобы почитать, даже мыло, которым он мылся, были обложены налогом. Конечно, набобы эти налоги едва ли замечали. Но они съедали существенную часть дохода обычной семьи. Таким образом, в действительности расходы на имперскую экспансию (точнее, проценты по государственному долгу) покрывали бедняки Британии.

А кто получил от этого прибыль? Немногочисленная элита, состоящая главным образом из держателей южных облигаций — около двухсот тысяч семей, которые инвестировали часть своих денег в ценные бумаги.

Поэтому одна из самых больших загадок 80-х годов XVIII века состоит в том, почему политическая революция произошла не в Британии, а во Франции, где налоги были намного ниже и менее регрессивными. Бернс был одним из тех, кого привлекала идея революции. Именно он дал революционной эпохе один из ее наиболее долговечных гимнов — "Честную бедность". Инстинктивный меритократ, Роберт Бернс негодовал по поводу "величественной глупости самоуверенных сквайров и безмерной дерзости выскочек-набобов". Несмотря на свое соучастие, чиновник Бернс написал критическое стихотворение — "Со скрипкой черт пустился в пляс и в ад умчал акцизного...". И все же Бернс должен был оставить свои политические принципы, чтобы сохранить работу. После того как на Бернса настрочили донос*, ему пришлось написать подобострастное письмо Генеральному инспектору Совета акцизного управления Шотландии и обязаться "наложить печать на [свои] уста" в вопросах революции.

Как бы то ни было, положение бедных пьяниц и курильщиков Эршира было не худшим в Британской империи. На индийцев налоговый пресс давил сильнее, поскольку английскому налогоплательщику не приходилось оплачивать стремительно растущие расходы на Индийскую армию. К несчастью, рост налогов в Бенгалии совпал с сильным голодом, который погубил около пяти миллионов человек — примерно треть населения региона. Голаму Хосейну Хану была очевидна

* Когда офицеры в театре Дамфриса потребовали, чтобы оркестр сыграл гимн, из партера, где сидел Бернс, раздались крики: "Играйте лучше 'Ах, са-ира!' [неофициальный гимн революционной Франции]". Началась драка. Когда все-таки заиграли гимн, Бернс, согласно доносу, остался сидеть, "не снимая шляпы и скрестив руки". — *Прим. ред.*

Колебания курса акций Ост-Индской компании (1753–1823 гг.)

связь между "ежегодным широким вывозом монеты в Англию" и тяжелым положением в стране:

> Снижение производства в каждом районе, вдобавок к тому, что неисчислимое множество людей было унесено голодом и смертью, все еще продолжается, опустошая страну... Поскольку англичане теперь правители и хозяева этой страны, а также единственные, кто богат, кому еще бедные люди могут предложить произведения своего ремесла?.. Множеству ремесленников... не осталось ничего, кроме нищенства и воровства. Поэтому многие уже оставили свои дома и провинции. Другие, не желающие покинуть свои жилища, смирились с голодом и бедствиями и окончили свою жизнь в углах своих хижин.

Проблема заключалась не только в том, что британцы вывозили большую часть денег, вырученных ими в Индии. Даже деньги, которые они тратили, уходили чаще на покупку британских, а не индийских товаров. Беды казались нескончаемыми. В 1783–1784 годах голод погубил более пятой части

населения Индо-Гангской равнины. За ним последовали 1791, 1801 и 1805 неурожайные годы.

Лондонские акционеры чувствовали себя неуютно, и цена акций Ост-Индской компании в тот период проясняет, почему. Взлетев в период, когда генерал-губернатором был Клайв, при Хейстингсе она резко упала. Если бы дойная корова — Бенгалия — погибла от голода, будущие доходы компании оказались бы под угрозой. При этом Хейстингс не мог больше полагаться на военные операции, чтобы пополнить казну компании. В 1773 году он взял у наваба Ауда сорок миллионов рупий за войну с афганским племенем рохиллов, которые обосновались в Рохилканде, но затраты на эту операцию оказались лишь чуть меньше прибыли (которую англичане, впрочем, так никогда не получили). В 1779 году маратхи разбили британскую армию, посланную, чтобы бросить вызов их господству в Западной Индии. Год спустя правитель Майсура Хайдар Али и его сын Типу напали на Мадрас. По мере того, как доходы Ост-Индской компании сокращались, а расходы росли, ей пришлось прибегнуть к продаже облигаций и краткосрочным займам, чтобы остаться на плаву. Наконец, директора были вынуждены не только снизить дивиденды, но и обратиться к правительству за помощью — что вызвало отвращение у идеолога свободного рынка Адама Смита. В своем "Исследовании о природе и причинах богатства народов" (1776) Смит с презрением отметил, что "ее долги вместо уменьшения увеличивались невнесением в казначейство... четырехсот тысяч фунтов стерлингов, неплатежом пошлин в таможню, большим долгом банку по сделанным займам и, наконец, по векселям, выданным в Индии и неосторожно акцептованным, в сумме свыше 1,2 миллиона фунтов".

К 1784 году долг компании достиг 8,4 миллиона фунтов стерлингов. Среди критиков Хейстингса теперь было много влиятельных политиков, в том числе Генри Дандас и Эдмунд Берк (первый — шотландец, жесткий бизнесмен от политики, второй — выдающийся ирландский оратор). Когда Хейстингс

ушел с поста генерал-губернатора и в 1785 году возвратился домой, они привлекли его к суду парламента.

Суд над Хейстингсом длился семь лет и являл собой нечто большее, чем публичный разнос, устроенный раздраженными акционерами руководителю компании. Судили саму колониальную систему в Индии. Первоначально Хейстингса, представшего перед Палатой общин, обвиняли

> в вопиющей несправедливости, жестокости и подрыве доверия народов, в найме британских солдат с целью уничтожения невинного и беспомощного... племени рохиллов...
> в вымогательстве и других неправомерных действиях в отношении раджи Бенареса...
> [в] невыносимых тяготах, которым подверглась правящая фамилия Ауда...
> в разорении и опустошении Ауда, в превращении этой страны, прежде бывшей садом, в необитаемую пустыню...
> в безответственном, несправедливом и пагубном использовании своих полномочий и злоупотреблении тем огромным доверием, которым он пользовался в Индии, в уничтожении древних установлений этой страны и неподобающем влиянии, заключающемся в потворстве расточительным контрактам и назначении несоразмерного жалования...
> в получении денег вопреки указаниям компании, акту парламента и своим собственным, строго определенным, обязанностям, и в использовании этих денег для целей, совершенно неприемлемых и неправомочных, и в невероятной расточительности и получении взяток при заключении различных контрактов в целях обогащения своих нахлебников и фаворитов.

Хотя в окончательный вариант обвинения были включены не все пункты, и оставшихся оказалось достаточно, чтобы арестовать Хейстингса и обвинить его в "должностных преступлениях и проступках". Тринадцатого февраля 1788 года начался

самый знаменитый — и самый длительный — судебный процесс в Британской империи. Обстановка напоминала премьеру в Вест-Энде. Перед блестящей аудиторией выступили Эдмунд Берк и драматург Ричард Шеридан.

> Берк. Я выдвигаю обвинение от имени английской нации, древнюю честь которой он запятнал. Я выдвигаю обвинение от имени народа Индии, права которого он попрал, страну которого он превратил в пустыню. Наконец, от имени самой человеческой природы, от имени обоих полов, всех возрастов, каждого сословия, я привлекаю к ответственности всеобщего врага и угнетателя.
> Шеридан. Все, что у него на уме — хитро, сомнительно, темно, коварно и низко. Притворная простота и лицемерие на деле — разнородная масса противоречащих друг другу качеств. В нем нет ничего значительного, кроме его преступлений, и даже им противостоит мелочность его побуждений, которые одновременно выказывают и его низость, и его подлость, выдают в нем предателя и обманщика.

Хейстингс не мог ответить: он плохо знал свою роль. С другой стороны, успешный судебный процесс и успешная пьеса — не одно и то же. В итоге Хейстингс был оправдан утомившейся и существенно измененной Палатой лордов.

Однако Британская Индия не осталась прежней. Еще до суда над Хейстингсом Уильям Питт-младший, сын героя Семилетней войны и правнук "алмазного" Питта, провел через парламент новый Акт об Индии (Акт о лучшем регулировании и управлении делами Ост-Индской компании и британскими владениями в Индии, а также об установлении беспристрастного суда для более быстрого и эффективного разбора дел с участием лиц, обвиненных в деяниях, совершенных в Восточных Индиях). Цель его состояла в том, чтобы очистить Ост-Индскую компанию и положить конец самоуправству набобов-грабителей. С этого времени генерал-

губернаторы в Индии были не служащими компании, а сановниками, назначаемыми непосредственно короной. Когда первый из них, Корнуоллис, прибыл в Индию (только что потерпев поражение в Америке), он немедленно взялся за этос компании, увеличив жалование и сократив возможности применения "старых добрых экономических принципов Лиденхолл-стрит". Так был основан институт, позднее восхваляемый за свою невероятную устойчивость к коррупции: Индийская гражданская служба. Вместо произвольного налогообложения при Хейстингсе Корнуоллис в 1793 году ввел права земельной собственности в английском духе и так называемое постоянное обложение (заминдари). В результате крестьяне должны были превратиться в арендаторов, а нарождающееся бенгальское джентри — усилиться.

Новый дворец генерал-губернатора, воздвигнутый в Калькутте преемником Корнуоллиса, графом Ричардом Морнингтоном (позднее маркизом Уэлсли) — братом будущего герцога Веллингтона, — был символом того, к чему стремились британцы в Индии после Уоррена Хейстингса. Место восточной коррупции заняли классические добродетели (хотя деспотия осталась). Хорас Уолпол несколько неискренне выразился, что "миролюбивые, тихие лавочники" стали "прямыми наследниками римлян".

Кое-что осталось неизменным. При Корнуоллисе и Уэлсли британская власть в Индии держалась на штыках. Одна война за другой расширяли английское влияние за пределами Бенгалии: маратхи, Майсур, пенджабские сикхи. В 1799 году пал Серингапатам, столица Типу, а сам он был убит. В 1803 году, после поражения маратхов при Дели, сам Великий Могол принял британский протекторат. К 1815 году около сорока миллионов индийцев находились под британским владычеством. Формально Ост-Индская компания оставалась деловым предприятием, однако теперь она была чем-то большим. Она стала наследницей Великих Моголов, а британский генерал-губернатор фактически стал императором субконтинента.

■

В 1615 году Британские острова были чем-то экономически незначительным, политически нестабильным и стратегически неважным. Двести лет спустя Британия владела крупнейшей империей в истории, включавшей сорок три колонии, лежащие на пяти континентах. Название трактата Патрика Колхауна "О богатстве, могуществе и ресурсах Британской империи в каждой части земного шара" (1814) говорит именно об этом. Она грабила испанцев, подражала голландцам, била французов и обокрала индийцев. Теперь она управляла всем.

Случилось ли это в припадке рассеянности? Нет. Со времен Елизаветы I англичане занимались тем, что отнимали чужие империи. И все же торговли и завоеваний для успеха было недостаточно. Требовалась еще колонизация.

Глава 2
“Белая чума”

Что делать, как не петь Тому хвалы,
Кто вел вперед нас через волн валы
К неведомым далеким островам,
Что благодатнее известных нам?
Он уничтожил гадов тех, чьи спины
Вздымают разъяренные пучины,
Он дал нам землю, полную садов
С оградою от штормов и попов.
И властвует там вечная весна,
Покрыла блеском все вокруг она...

Эндрю Марвел, "Песня эмигрантов на Бермудских островах" (1653)

Мы [видели] людей... находившихся под покровительством английского правительства и защищаемых им... в течение долгих лет... восходящих к такому процветанию и счастью, которому можно было бы позавидовать... Они обезумели от избытка счастья и ударились в открытый бунт против своего родителя, который защищал их от козней врагов.

Питер Оливер, "Происхождение и ход американского бунта" (1781)

Между началом XVII века и 50-ми годами XX века более двадцати миллионов человек покинули Британские острова, чтобы начать за морем новую жизнь. Малая часть их впоследствии вернулась обратно. Ни одна страна в мире не приблизилась к такому высокому показателю эмиграции. Покидая Британию, первые эмигранты рисковали не только накопленными в течение жизни сбережениями, но и самой жизнью. Их путешествия никогда не были безопасными, а место назначения редко оказывалось приветливым. Их решимость поставить все на билет в один конец сбивает нас с толку. И все же без миллионов таких билетов, приобретенных иногда добровольно, иногда нет, может, и не было бы никакой Британской империи. Основой ее существования была массовая миграция — самая масштабная в истории. Исход англичан из Британии изменил мир. Целые континенты стали белыми.

Для большинства эмигрантов Новый Свет означал свободу: в некоторых случаях религиозную, но прежде всего — экономическую. Британцам нравилось думать, что Британская империя свободна, в отличие от Испанской, Португальской и Голландской. Эдмунд Берк в 1766 году заметил, что "без свободы не существовало бы и Британской империи". Но могла ли быть империя, подчинявшая себе чужие земли, основана на свободе? Нет ли здесь противоречия? Конечно, не все,

кто пересек океаны, сделали это добровольно. Кроме того, и после переезда они остались подданными британского монарха. Насколько это делало их политически свободными? Ведь именно это привело к первой большой антиколониальной войне.

Конечно, с 50-х годов XX века миграционные потоки повернули вспять. Более миллиона человек со всей Британской империи уехали в Англию. Эта "обратная колонизация" вызывает столь бурную полемику, что теперь ее строго ограничивают. А в XVII–XVIII веках сами британцы были нежелательными элементами, по крайней мере, с точки зрения тех, кто уже населял Новый Свет. "Принимающей стороне" английской "империи свободы" миллионы приезжих казались немногим лучше "белой чумы"*.

Колонизация

В самом начале XVII века группа отважных первопоселенцев переплыла море, чтобы приобщить к цивилизации примитивную, по их мнению, страну, населяемую "варварским народом", — Ирландию.

Английскую колонизацию Ирландии санкционировали Мария I и Елизавета I из династии Тюдоров. Сначала пришельцы обосновались в Манстере, на юге острова, а затем в Ольстере, на севере. Считается, что здесь коренится ирландская проблема. Однако колонизация задумывалась как ответ на хроническую нестабильность в Англии.

С 1541 года, когда Генрих VIII провозгласил себя королем Ирландии, власть английского монарха ограничивалась районом Пейл (то есть "ограда"), образованным английскими поселениями в окрестностях Дублина, и лагерем у осажденного шотландского замка Каррикфергус. Остальная Ирландия

* Устаревшее название туберкулеза. — *Прим. ред.*

отличалась языком, религией, поземельными отношениями, общественной структурой. При этом существовала опасность того, что Испания могла воспользоваться католической Ирландией как "черным ходом" в протестантскую Англию. В этих обстоятельствах англичане сочли колонизацию оправданной контрмерой. В 1556 году Мария I пожаловала "добрым людям" земли, конфискованные у ирландцев в Ленстере (в графствах Лейкс и Оффали), и те заложили города Филипстаун и Мэриборо (которые, однако, были не крупнее сторожевых застав). При Елизавете I, единокровной сестре Марии I, идея английской колонизации претворилась в дело. В 1569 году сэр Уорхэм Сентлежер предложил основать колонию на юго-западе Манстера. Два года спустя сэр Генри Сидни и граф Лестер убедили королеву предпринять подобные шаги в Ольстере после конфискации владений Шана О'Нила.

Идея была такой: купцы основывали бы "города-убежища", а "добрые люди — землепашцы, каретники и кузнецы... также селились бы там... и служили у джентльменов, которые там поселятся". Уолтер Девере, граф Эссекс, который заложил свои имения в Англии и Уэльсе для финансирования "предприятия Ольстера", убеждал, что эта "пустынная", "заброшенная" и "безлюдная" земля будет течь "молоком и медом".

Но дела у предполагаемых колонистов пошли неважно, и многие из них вернулись в Англию, "не сумев забыть об изысканной жизни... и испытывая нехватку людей решительных, готовых терпеть муки в течение года или двух в этой пустынной стране". В 1575 году английский отряд отбил Каррикфергус у шотландцев, а графу Эссексу пришлось сражаться с ирландскими вождями под предводительством О'Нила. Год спустя Эссекс умер от дизентерии в Дублине, будучи уверенным в том, что будущее за "учреждением английских колоний". К 1595 году власть в Ольстере оказалась в руках Гуга О'Нила, графа Тирона, который объявил себя верховным правителем Ольстера после того, как заручился поддержкой Испании. В августе 1598 года О'Нил разбил английскую армию на реке Блекуотер у Желтого

Брода (графство Арма). То же произошло и в Манстере. После подавления выступлений католиков там началась колонизация. Земли планировалось разделить на имения площадью двенадцать тысяч акров и предоставить их англичанам, которые обяжутся заселить их колонистами. Среди тех, кто приобрел земли в Манстере, были сэр Уолтер Рэли и Эдмунд Спенсер, сочинивший "Королеву фей" в своем доме в Килколмане (графство Корк). В октябре 1598 года поселенцы были перебиты восставшими. Жилище Спенсера сровняли с землей.

Только неудача испанского десанта, запертого в Кинсейле, и поражение О'Нила, пытавшегося ему помочь, предотвратили провал елизаветинского плана колонизации. После поражения О'Нила и его бегства в 1607 году на континент* преемник Елизаветы — шотландский король Яков VI, который стал английским королем Яковом I, вернулся к колонизации.

Как известно любому, читавшему стихи Джона Донна, люди эпохи короля Якова безмерно любили метафоры. Они называли колонизацию "насаждением" (*plantation*): по словам сэра Джона Дэвиса, поселенцы были "добрым зерном", а местные жители — "сорняками". Но это было чем-то большим, чем "возделывание" общества. Теоретически "насаждение" являлось тем же самым, что и древнегреческая колонизация, то есть основанием приграничных поселений с лояльным населением. На практике же она означала этническую чистку. Земли ирландских мятежников (большая часть территории графств Арма, Колрейн, Фермана, Тирон, Каван и Донегол) были конфискованы. Наиболее ценные в военном и сельскохозяйственном отношении земли передавались, по словам Чичестера, ирландского наместника, "колониям, составленным из достойных людей из Англии и Шотландии". Сейте доброе английское и шотландское зерно, "и страна когда-нибудь будет счастливо устроена". Сам король ясно дал понять, что местное население "сведут" везде, где только возможно.

* Умер в Риме в 1616 году. — *Прим. ред.*

Так называемая Печатная книга, изданная в апреле 1610 года, подробно разъясняла, как должна функционировать колония. Землю следует аккуратно поделить на участки площадью от одного до трех тысяч акров. Крупнейшие участки должны получить люди, зловеще названные "предпринимателями"*. Они должны были построить на своей земле протестантские церкви и фортификационные сооружения. Стены Дерри (с 1610 года — Лондондерри) были символической оградой, защищающей новое сообщество протестантов, "высаженное" в Ольстере Лондоном. Католики должны были жить вне стен, в Богсайде. Ничто не иллюстрирует лучше этническую и религиозную сегрегацию, сокрытую в политике "насаждения".

Едва ли кто-то всерьез считал, что после всего этого Ирландия будет "устроена". Двадцать второго октября 1641 года ольстерские католики поднялись против пришельцев. В "ужасной кровавой буре" погибло около двух тысяч протестантов. Не в последний раз подтвердилось, что колонизация ведет к конфликту, а не сосуществованию. И все-таки английские "посадки" прижились. Перед восстанием 1641 года более тринадцати тысяч англичан и англичанок жили в шести графствах, входящих в колонию короля Якова, и еще более сорока тысяч шотландцев — в Северной Ирландии. Манстер тоже возродился: к 1641 году в Ирландии насчитывалось двадцать две тысячи "новых англичан". И это было только начало. К 1673 году анонимный памфлетист мог с уверенностью описывать Ирландию как "один из важнейших членов Британской империи".

Таким образом, Ирландия была экспериментальной лабораторией британской колонизации, а Ольстер — опытной колонией. Казалось бы, это доказывало, что империя может быть построена не только благодаря торговле и завоеванию, но и благодаря миграции и расселению. Теперь проблема состояла в том, чтобы экспортировать эту модель дальше: не только через Ирландское море, но и через Атлантику.

* Слово *undertaker* значит и "предприниматель", и "гробовщик". — *Прим. пер.*

■

Идея разбить "насаждения" в Америке, как и в Ирландии, относится к эпохе Елизаветы. Как обычно, желание подражать Испании — и боязнь быть превзойденным Францией* — убедили корону поддержать это начинание. В 1578 году девонширский дворянин Хамфри Гилберт (единоутробный брат сэра Уолтера Рэли) получил патент от королевы на колонизацию свободных земель к северу от испанской Флориды. Девять лет спустя было основано первое британское поселение в Северной Америке — на острове Роанок, к югу от Чесапикского залива, там, где сейчас стоит город Китти-Хок. К этому времени испанская и португальская колонизация Центральной и Южной Америки шла уже почти сто лет.

Один из самых важных вопросов истории Нового времени таков: почему заселение североевропейцами Северной Америки привело к иным результатам, нежели освоение Южной Америки южноевропейцами?

Поиски золота и серебра быстро сменились интересом к сельскохозяйственным культурам. В Новом Свете уже произрастали: кукуруза, картофель, батат, помидоры, ананасы, какао и табак. Там можно было выращивать и культуры, завезенные с других материков: пшеницу, рис, сахарную свеклу, бананы и кофе. Ко всему прочему производительность сельского хозяйства выросла благодаря распространению в Новом Свете неизвестных там прежде свиней, крупного рогатого скота, овец, коз, лошадей, кур. Однако гибель примерно трех четвертей коренного населения (случай Латинской Америки) из-за болезней, принесенных европейцами (оспы, кори, гриппа и сыпного тифа), а после африканцами (особенно желтой лихорадки), создавала не только удобный вакуум власти, но также хроническую нехватку рабочих рук. Это делало крупномасштабную иммиграцию в Новый Свет не только

Французские гугеноты поселились на территории нынешней Южной Каролины и на севере Флориды уже в 60-х годах XVI века.

возможной, но и желательной. Это означало также, что даже спустя сто лет иберийского владычества большая часть Американского континента все еще не была освоена европейцами. Рэли назвал окрестности Чесапикского залива Виргинией, "девственной" землей, не только в честь "королевы-девственницы" Елизаветы I.

Виргиния вселяла большие надежды. Говорили, например, что она родит "все плоды Европы, Африки и Азии". По словам одного энтузиаста, "земля [там] порождает все в изобилии, как при сотворении, без усилия или труда". Поэт Майкл Дрейтон назвал Виргинию "единственным раем на земле". Считали, что земля там будет течь молоком и медом. Виргиния казалась

> Тиром красок, Басаном лесов, Персией масел, Аравией пряностей, Испанией шелков... Нидерландами рыбы, Вавилоном зерна... Там в изобилии тутовые деревья, и руды, и рубины, и жемчуга, и самоцветы, и виноград, и олени, и дичь, и лекарственные снадобья, и съедобные растения, и корней для красок, и золы для мыла, и древесины для построек, и пастбищ, и рек для рыболовства, и всяких других товаров, какие только ни пожелает Англия.

Проблема была в том, что Америка отстояла от Англии на тысячи миль дальше Ирландии и сельское хозяйство там нужно было начинать на пустом месте, а прежде чем получить первый урожай, нужно было решить продовольственную проблему. Кроме того, оказалось, что желающим поселиться в Америке угрожает нечто более опасное, чем паписты-"дровосеки" в Ольстере.

Как и в случае британской торговли с Индией, колонизация Америки была формой общественно-частного партнерства: правительство диктовало правила посредством выдачи королевских хартий, а частные лица рисковали, причем не только своими деньгами. Первое поселение в Роаноке просуществовало всего год. К июню 1586 года оно было по-

кинуто из-за напряженных отношений с индейцами. Вторую экспедицию к Роаноку (1587) возглавил Джон Уайт, который, уехав в Англию за помощью, оставил там свою жену и детей. Вернувшись в 1590 году, он не нашел никого: все колонисты исчезли. К услугам Виргинской компании, основанной в апреле 1606 года, прибегали лишь те, кто был готов рисковать.

Сейчас мало что осталось от Джеймстауна — первого американского аванпоста компании в Виргинии. Его по праву можно назвать первой успешной британской колонией в Америке, хотя и он едва избежал гибели в первый же год. Малярия, желтая лихорадка и чума пощадили тогда тридцать восемь колонистов примерно из ста. Почти десять лет Джеймстауну грозило исчезновение. Его спас полузабытый сейчас Джон Смит. Бесстрашный солдат и моряк, побывавший в рабстве у турок, Смит видел будущее Британской империи в колонизации Америки. Хотя он прибыл в Виргинию в оковах (его обвинили в попытке мятежа на корабле посреди Атлантики), он сумел навести порядок и, замирив индейцев, предотвратить второй Роанок. Даже в этом случае шанс прожить год в Джеймстауне составлял примерно 50 %, и зима 1609 года, в которую Смит должен был получить долгожданные припасы из Англии, запомнилась как голодное время. Только отчаянные люди при таком раскладе рисковали жизнью. Джеймстаун нуждался в умелых ремесленниках и фермерах, а Смит получал отбросы общества. Нужно было нечто большее, чтобы британские "насаждения" в Америке могли укорениться.

Одним из важных стимулов для переселенцев было предложение Виргинской компанией 50-акровых участков, передаваемых навечно за незначительную арендную плату (подушное право). Причем поселенцу полагалось пятьдесят акров и на каждого иждивенца, которого тот привез с собой. Но одной перспективы получить в Америке землю было мало для привлечения таких людей, в которых нуждался Джон Смит. Столь же важно было открытие, сделанное в 1612 году: здесь было легко выращивать табак. К 1621 году объем экспорта табака из Вир-

гинии увеличился до 350 тысяч фунтов в год. Шесть лет спустя сам король посетовал виргинскому губернатору и совету колонии на то, "что провинция целиком построена на дыме".

На первый взгляд, табак был решением проблемы. Этот бизнес не нуждался в крупных инвестициях: требовалось немного инструментов, пресс и сушильный сарай. Хотя на производство уходило много времени, оно не требовало тяжелого труда. Для него требовались простые навыки вроде умения вершковать растения. То, что табак истощал почву за семь лет культивации, только поощряло продвижение колонистов на запад. Однако легкость выращивания табака едва не привела Виргинию к краху. В 1619–1639 годах, когда объем вывоза табака, увеличивавшийся в геометрической прогрессии, достиг полутора миллионов фунтов, цена фунта табака снизилась с трех шиллингов до трех пенсов. Монополистические торговые компании, действовавшие в Азии, не вынесли бы такого спада. Но в Америке, где целью было привлечение переселенцев, таких монополий быть не могло.

В общем, положение Британской Америки оставалось шатким, и благодаря одной экономике она, возможно, не преуспела бы. Кроме прибыли, для переезда за океан нужен был дополнительный стимул. Им стал религиозный фундаментализм.

■

Англия — после разрыва с Римом при отце Елизаветы I, искреннего увлечения Реформацией при ее сводном брате и попытки возвращения к католицизму при ее сводной сестре — после вступления на престол Елизаветы I встала наконец на умеренно протестантский "средний путь"*. Однако для людей,

* Имеются в виду: Генрих VIII, отлученный от католической церкви и провозгласивший себя главой англиканской церкви, и его дети, Эдуард VI (вводивший в Англии элементы протестантизма) и ревностная католичка Мария I. — *Прим. пер.*

которые нам известны как пуритане, англиканские установления были вздором. Когда стало ясно, что Яков I намеревается поддерживать елизаветинские порядки, несмотря на свое шотландское воспитание, группа "пилигримов" из Скруби в Ноттингемшире решила, что пришло время уехать. Они попробовали обосноваться в Голландии, но спустя десять лет решили оставить и ее как страну слишком земную. И тут они услышали об Америке. Именно обстоятельство, отпугивавшее прочих (то, что Америка была глушью), пришлось им по вкусу: где еще строить действительно благочестивое общество, как не на земле "безвидной и пустой"?

Девятого ноября 1620 года, спустя почти восемь недель после отплытия из Саутгемптона, "пилигримы" пристали к Кейп-Коду. Будто бы специально отыскав для себя самую "чистую доску", они высадились примерно в двухстах милях севернее Виргинии, на холодных берегах, которые Джон Смит окрестил Новой Англией. Любопытно, на что могла бы походить сейчас Новая Англия, если бы "пилигримы" были единственными людьми на "Мейфлауэре"? Ведь они были не только фундаменталистами, но и в буквальном смысле коммунистами, намеревающимися совместно владеть собственностью и справедливо распределять плоды своих трудов. "Пилигримами" оказались всего около трети из 149 пассажиров, а большинство переселенцев просто откликнулось на рекламные объявления Виргинской компании, так что их мотивы были скорее материальными, чем духовными. Некоторые из пассажиров покинули родину из-за упадка текстильной промышленности Восточной Англии. Их целью было преуспеть, причем вовсе не в благочестии. И влекло их в Новую Англию не отсутствие епископов и других рудиментов папизма, а рыба.

Большая Ньюфаундлендская банка давно привлекала английских рыбаков. Но, конечно, намного легче было достичь рыбных мест из Америки. Береговые воды Новой Англии также были богаты рыбой: у Марблхеда, "казалось, можно пройти по рыбьим спинам, не замочив ног". Неутомимый Джон

Смит осознал важность этого ресурса, когда впервые обследовал береговую линию. Позже он написал: "Не позволяйте гнусности слова 'рыба' отвратить вас, поскольку она обеспечит вас золотом, как и копи Гвианы или Тумбату, с меньшей опасностью и издержками и с большей надежностью и легкостью". Совсем другое дело: не бог, но треска (*not God but cod*). Битые непогодой надгробия на кладбище в Марблхеде на побережье Массачусетса свидетельствуют о существовании на этом месте английского поселения уже в 1628 году. В этом городе не было церкви и проповедника до 1684 года — то есть прошло более шестидесяти лет с тех пор, как "пилигримы" основали Плимут. К тому времени рыболовная промышленность была уже налажена и ежегодно давала на экспорт сотни тысяч бочек трески. Может, "пилигримы" и сбежали в Новый Свет от папистов. Целью же обитателей Марблхеда было стать ловцами не человеков, а рыбы.

Итак, вот формула успеха Новой Англии: пуританство плюс мотив прибыли. Эту формулу институциализировала Компания Массачусетского залива, основанная в 1629 году. Ее глава Джон Винтроп удачно объединял в себе индепендентство и капитализм. К 1640 году Массачусетс благодаря не только рыболовству, но и меховому промыслу и сельскому хозяйству, стал быстро развиваться. К тому времени в колонии осели около двадцати тысяч человек — намного больше, чем все население побережья Чесапикского залива. Всего через тридцать лет население Бостона утроилось.

Был и другой важный аспект: воспроизводство. В отличие от европейских колонистов, обосновавшихся южнее, население Новой Англии очень быстро начало воспроизводиться, в 1650–1700 годах увеличившись вчетверо. Там был отмечен, вероятно, самый высокий коэффициент рождаемости в мире. В Британии вступали в брак фактически около трех четвертей граждан, а в американских колониях — девять из десяти, и брачный возраст женщин в колониях был значительно ниже — следовательно, была выше и рождаемость. В этом состояло одно

из основных различий между Британской и Латинской Америками. Испанские *encomanderos*[*] чаще всего были одинокими мужчинами. Женщины составляли всего около четверти из полутора миллионов испанских и португальских мигрантов, приехавших в Латинскую Америку до завоевания ею независимости. Поэтому большинство иберийских мигрантов-мужчин находили партнерш среди сокращающегося местного населения или рабынь, число которых росло. В результате в течение жизни нескольких поколений на свет появилось значительное число метисов и мулатов — потомков выходцев с Пиренейского полуострова и африканцев[**]. Британские переселенцы в Северной Америке были не только гораздо многочисленнее. Их поощряли привозить с собой английских жен и детей, чтобы таким образом сохранить свою культуру более или менее неизменной. Поэтому в Северной Америке, как и в Северной Ирландии, британская колонизация была семейным делом. Вследствие этого Новая Англия действительно была новой Англией, в отличие от Новой Испании, которая никогда не была новой Испанией.

■

Как и в Ольстере, в Новом Свете устраивать плантацию значило насаждать не только людей, но и злаки. А выращивание злаков подразумевало возделывание земли. Вопрос был в том, чьей земли?

Колонисты едва ли могли притворяться, что никто не жил здесь прежде. В одной только Виргинии жило десять-двадцать тысяч индейцев-алгонкинов. Джеймстаун находился в цен-

* Колонисты. — *Прим. пер.*

** В 1800 году всего три с половиной миллиона из тринадцати с половиной миллионов человек в Латинской Америке были белыми, причем тридцать тысяч из них родились на Пиренейском полуострове. Остальные белые были креолами, рожденными в Новом Свете. К 1820 году около четверти населения Латинской Америки имело смешанное этническое происхождение.

тре территории поватенов. Сначала казалось, что есть шанс на мирное сосуществование, основанное на торговле и даже на смешанных браках. Вождь поватенов Вахунсонакок преклонил колено и был коронован Джоном Смитом как вассал короля Якова. Покахонтас, дочь Вахунсонакока, была первой коренной американкой, вышедшей замуж за англичанина (и одного из первых табачных плантаторов) — Джона Ролфа. Но этому примеру последовали немногие. Когда сэр Томас Дейл посватался к младшей дочери Вахунсонакока ("желая всегда жить в его [Вахунсонакока] стране, он полагает, что не может быть истиннее поддержки мира и дружбы, чем такая естественная связь"), его авансы были отклонены. Вахунсонакок к тому времени заподозрил, что Дейл вынашивает план "завоевать мой народ и овладеть моей страной". Он оказался прав.

Капеллан Виргинской компании Роберт Грей в своем памфлете "На всех парусах к Виргинии" вопрошал: "На каком основании и по какому праву мы можем вступать на землю этих дикарей, забирать их законное наследие и населять их земли, без того, чтобы они причинили нам вред или спровоцировали нас?" Ответ Ричарда Хаклюйта заключался в том, что коренные американцы "взывают к нам... чтобы мы пришли и помогли". На печати Компании Массачусетского залива (1629) был даже изображен индеец, предлагающий всем желающим: "Придите и помогите нам". В действительности британцы намерены были помочь самим себе. По словам сэра Фрэнсиса Уайта, губернатора Виргинии, "нашим первым делом является изгнание дикарей, чтобы получить свободные земли для выпаса скота, свиней и проч., и это с лихвой нам воздастся, поскольку бесконечно лучше, если среди нас не будет никаких язычников". Чтобы оправдать экспроприацию, британские колонисты придумали замечательное оправдание — концепцию *terra nullius*, ничьей земли. По словам Джона Локка (великого политического философа, который также служил секретарем графа Шефтсбери, лорда-собственника Каролины), земля

принадлежит человеку, только если он "смешал с ней свой труд и тем самым присоединил ее к своей собственности". Проще говоря, если земля была не ограждена и не использовалась для сельского хозяйства, ее можно было занимать. По мнению Джона Винтропа,

> туземцы Новой Англии не огораживают земли, не пытаются осесть на ней, ничего не сажают, не приручают скот для того, чтобы обустроить землю. Поэтому естественно оставить им небольшую территорию, достаточную для их нужд, и по праву занять остальные земли, так что их хватит и им, и нам.

Переселенцы терпели коренных американцев, пока тем было место в зарождающейся экономической системе. Компания Гудзонова залива в Канаде охотно прибегала к помощи индейских охотников из племени кри, поставлявших скупщикам шкуры бобра и карибу. Индейцы наррагансетт также пользовались уважением колонистов, поскольку собирали на берегах пролива Лонг-Айленд вампум — фиолетовые и белые раковины, служившие самой старой североамериканской валютой. Но там, где индейцы требовали собственности на пригодную для сельского хозяйства землю, мирное сосуществование было исключено. Если индейцы сопротивлялись экспроприации, их было можно и должно, говоря словами Локка, "уничтожить как льва или тигра — одного из тех диких кровожадных зверей, с которыми люди не могут иметь ни совместной жизни, ни безопасности"*.

Уже в 1642 году Миантономо, вождь племени наррагансетт с Род-Айленда, предсказал:

> Вы знаете, что у наших отцов было много оленей и шкур, наши равнины, как и наши леса, изобиловали оленями и индюками, и наши бухты были полны рыбой и птицей. Но ан-

* Пер. Е. Лагутина. — *Прим. пер.*

> гличане, захватившие нашу землю, косами срезают траву, топорами валят деревья. Их коровы и лошади поедают траву, а боровы портят наши отмели с моллюсками, и все мы будем голодать.

То, что уже случилось в Центральной Америке, теперь повторялось вдоль Североатлантического побережья. В 1500 году на территории, которая впоследствии стала Британской Северной Америкой, жило около 560 тысяч индейцев. К 1700 году их осталось меньше половины. И это было только начало. На территории современных Соединенных Штатов в 1500 году было, вероятно, около двух миллионов коренных жителей. К 1700 году их осталось 750 тысяч, к 1820 году — всего 325 тысяч.

Здесь сказались, кроме прочего, короткие кровавые войны с хорошо вооруженными колонистами. После того, как в 1622 году поватены напали на Джеймстаун, колонисты лишь утвердились в своей правоте. По мнению сэра Эдварда Кока, индейцы могли только быть *perpetui enimici*, "вечными врагами... поскольку между дьяволом, чьими подданными они являются, и христианами может быть только вечная вражда и не может быть никакого мира". На повестке дня стояла резня: поватенов в 1623 и 1644 годах, пекотов в 1637 году, доегов и сусквеханноков в 1675 году, вампаноагов в 1676–1677 годах. Но наибольший урон коренным американцам нанесли инфекционные болезни, привезенные со всех концов мира переселенцами: оспа, грипп, дифтерия. Подобно крысам, разносившим "черную смерть" в Средние века, белые колонисты были носителями смертоносных микробов.

С другой стороны, опустошение, производимое оспой, в глазах переселенцев было доказательством, что Бог на их стороне и очень кстати избавляет новый мир от прежних его обитателей. Одно из обстоятельств, за которое благодарили Бога "пилигримы" в Плимуте в конце 1621 года, заключалось в том, что 90 % коренного населения Новой Англии умерло

от болезней в десятилетие перед их приездом, прежде — очень предусмотрительно — обработав землю и припася на зиму зерно. По словам Джона Арчдейла, губернатора Каролины в 90-х годах XVII века, "Рука Господа [была] весьма заметна в том, что количество индейцев уменьшилось, чтобы освободить место для англичан".

■

Как бы то ни было, почти полное исчезновение прежних собственников не означало, что земля в колониальной Америке не принадлежала никому. Она принадлежала королю, и он мог отдать ее достойным подданным. Поскольку жизнеспособность американских колоний стала очевидной, они превратились в новый источник земель для Стюартов: колонизация и протекция шли рука об руку. Это заметно повлияло на общество Британской Америки. Например, в 1632 году наследникам лорда Балтимора Карл I передал Мэриленд своей хартией, составленной по образцу хартий епископов Даремских (XIV век), дающих право палатината, а также даровав им титул лордов-владельцев. Разделив Каролину между восемью своими приближенными, Карл II изобрел откровенно иерархический общественный строй с "ландграфами" и "касиками", владевшими 48 тысячами и 24 тысячами акров соответственно, и исключительно аристократическим по составу Большим советом, управлявшим колонией. Новый Амстердам — Нью-Йорк — получил свое нынешнее название после того, как он был отнят у голландцев в 1664 году. Король Карл II пожаловал его во владение своему брату Якову, герцогу Йоркскому.

Чтобы отдать долг в шестнадцать тысяч фунтов одному из своих сторонников — адмиралу Уильяму Пенну, который захватил Ямайку, — Карл II передал сыну Пенна в собственность землю, названную Пенсильванией. Это в одночасье

сделало Пенна-младшего крупнейшим частным землевладельцем в английской истории: он распоряжался территорией, значительно превышающей площадь Ирландии. Это также дало ему возможность показать, к чему может привести религиозное усердие вкупе с желанием разбогатеть. Как и "отцы-пилигримы", Пенн в 1667 году стал квакером — членом радикальной религиозной секты, и за свою веру был даже заключен в Тауэр. Но воззрения Пенна сильно отличались от взглядов плимутских колонистов: согласно его проекту под названием "Священный эксперимент" предстояло создать "поселение терпимости" не только для квакеров, но и для любой религиозной секты, если та была монотеистической. В октябре 1682 года "Велкам", корабль Пенна, поднялся по реке Делавэр, и он с королевской хартией в руке сошел на берег, чтобы основать город Филадельфию (по-древнегречески — братская любовь).

Пенн понимал: чтобы его колония преуспела, она должна приносить доход. Он выразился так: "Я желаю укрепить религиозную свободу, однако я хочу также получить некоторую компенсацию за свои хлопоты". Пенн стал крупным продавцом недвижимости, распродававшим огромные участки по удивительно низким ценам: за сто фунтов стерлингов можно было купить пять тысяч акров земли. Пенн также показал себя дальновидным градостроителем, желавшим, чтобы его столица была противоположностью переполненного, пожароопасного Лондона: так появилась американская система городской планировки с прямоугольной сеткой улиц. Но прежде всего Пенн был специалистом по маркетингу, который знал, что даже американская мечта должна продаваться. Не ограничиваясь только английскими, валлийскими и ирландскими переселенцами, он способствовал эмиграции в Америку и из континентальной Европы, переводя свои брошюры на немецкий и другие языки. Это сработало: в 1689–1815 годах более миллиона европейцев с континента (главным образом немцы и швейцарцы) переехали в Северную Америку

и Британскую Вест-Индию. Комбинация религиозной терпимости и дешевой земли была отличной приманкой для колонистов. В Америке их ждала настоящая свобода: свобода совести — и почти даровая недвижимость*.

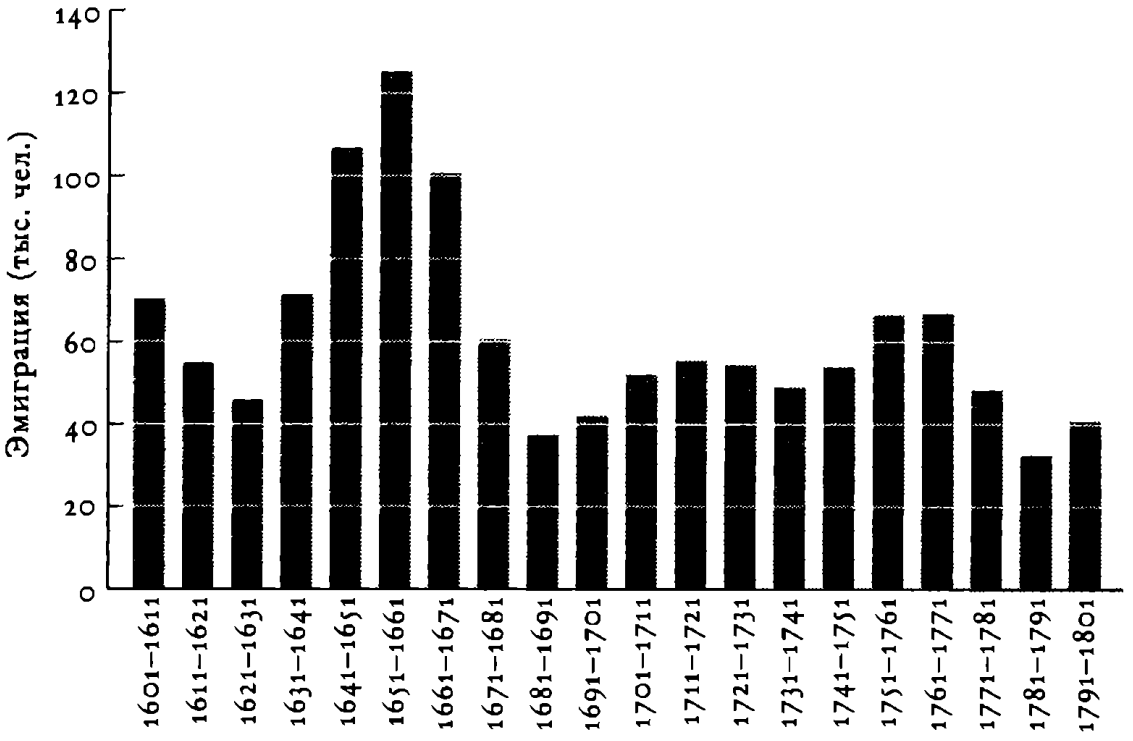
Но была одна загвоздка. Не все жители этой новой белой империи могли стать землевладельцами. Некоторые должны были трудиться, особенно там, где выращивали сахар, табак и рис. Рабочие руки нашлись через Атлантику. И здесь Британская империя обнаружила пределы свободы.

Черные и белые

Британские острова в XVII–XVIII веках дали Америке столько колонистов, сколько ни одна другая европейская страна. Чистая эмиграция из одной только Англии в 1601–1701 годах превысила семьсот тысяч человек. Ее пик пришелся на 40–50-е годы XVII века и не случайно совпал со временем Английской революции. Тогда ежегодный показатель эмиграции был выше 0,2 на тысячу (примерно то же сейчас наблюдается в Венесуэле).

Первых английских переселенцев в Америку влекли свобода совести и дешевая земля. Но смысл эмиграции был совсем иным для тех, кому нечего было продать, кроме своего труда. Для них переезд за океан означал не свободу, а, напротив, расставание с ней. Не многие из таких мигрантов ехали в колонии за свой счет. Чтобы восполнить постоянную нехватку рабочей силы, в Америку ввозили сервентов, или "законтрактованных слуг". В обмен на переезд в договор включалось обязательство несколько лет (обычно четыре-пять) работать на своего покупателя. По сути, "законтрактованные" стали рабами — рабами по договору с фиксированным сроком. Возможно, при отъезде из Англии они этого не понимали. Когда Молль Флендерс,

Еще одним стимулом для эмигрантов-авантюристов стало основание Джорджии в 1732 году в качестве убежища для должников.



Чистая эмиграция из Англии (1601–1801 гг.)

героиня романа Даниэля Дефо, приехала в качестве невесты плантатора в Виргинию, ее мать (и одновременно свекровь*) объяснила ей, что

> большинство жителей этой колонии прибыло из Англии в очень жалком состоянии и что, вообще говоря, их можно разделить на два разряда: одни были завезены хозяевами кораблей и проданы в услужение — "так это называют, дорогая, — сказала она, — на самом же деле они просто рабы", — другие после пребывания в Ньюгейте или иных тюрьмах и смягчения приговора сосланы за преступления, караемые в Англии смертной казнью. Когда они прибывают к нам, — сказала свекровь, — мы не делаем между ними различия: плантаторы покупают их, и они все вместе работают на полях до окончания срока**.

* Мать Молль Флендерс была также матерью ее мужа, то есть ее свекровью. — *Прим. пер.*

** Пер. А. Франковского. — *Прим. пер.*

От половины до двух третей европейских эмигрантов, уехавших в Америку в 1650–1780 годах, были "законтрактованными слугами". Среди английских эмигрантов на берегах Чесапикского залива пропорция приближалась к семи из десяти. Такие поселения, как Вильямсбург — элегантная столица Виргинии, — в большой степени зависели от дешевого труда сервентов. Они работали не только на табачных плантациях, но и производили разнообразные товары и оказывали услуги зарождающейся колониальной аристократии. Местная "Виргиниа гэзетт" рекламировала "законтрактованных" будто рабов: "Только что прибыли... 139 мужчин, женщин и мальчиков. Кузнецы, каменщики, штукатуры, сапожники... стекольщик, портной, печатник, переплетчик... несколько швей".

Среди сервентов (возраст большинства составлял 15–21 год) оказался сорокалетний Джон Харроуэр. Он вел дневник, чтобы показать его жене, когда ему удастся воссоединиться с семьей. Много месяцев Харроуэр искал работу на родине, чтобы прокормить жену и детей, но напрасно. Запись в дневнике, оставленная в среду, 26 января 1774 года, объясняет, что именно служило двигателем британской эмиграции в конце XVIII века: "Сегодня мне, оставшемуся без единого шиллинга, пришлось отправиться на четыре года в Виргинию, чтобы работать там учителем за постель, пропитание, мытье и плату в пять фунтов в течение всего этого срока". Это было не стремление к свободе, а последняя, отчаянная мера. В Атлантике судно "Плантатор", на котором ехал Харроуэр, попало в сильный шторм. Он так описал ситуацию под палубой, где находились пассажиры:

> В восемь вечера мне приказали задраить фор-люк и гротлюк, и несколько времени спустя я увидел самую дикую сцену из всех, о которых я когда-либо слышал или видел. Кто-то спал, кто-то блевал, кто-то гадил, кто-то пускал газы, кто-то бранился, кто-то ругал свои ноги и ляжки, кто-то печень, легкие, глаза. И, что делает сцену еще более странной, некоторые проклинали мать, отца, сестер и братьев.

Чтобы подчеркнуть полную потерю свободы, пассажиров били или заковывали в железо, если они плохо себя вели. Когда Харроуэр наконец добрался после более чем двухмесячного изнурительного путешествия до Виргинии, владение грамотой дало ему преимущество. Он стал учить детей местного плантатора. К сожалению, удача недолго ему улыбалась. В 1777 году, спустя всего три года, он заболел и умер прежде, чем смог оплатить переезд в Америку своих детей и жены.

Опыт Харроуэра был типичен в двух отношениях. Он был шотландцем, что типично для второй волны переселенцев в американские колонии после 1700 года: шотландцы и ирландцы в XVIII веке составили почти три четверти всех британских переселенцев. Именно люди из нищих уголков Британских островов менее всего проигрывали, нанимаясь в сервенты. В 1773 году, когда Джонсон и Босуэлл путешествовали по северу Шотландии, они неоднократно наблюдали признаки того, что последний неодобрительно назвал "повальным неистовством эмиграции". Взгляд Джонсона был реалистичнее:

> г-н Артур Ли упомянул некоторых шотландцев, которые получили бесплодные части Америки, и задавался вопросом, почему они сделали это. Джонсон: "Да ведь сэр, бесплодие относительно. Шотландцы не сказали бы, что те земли бесплодны". Босуэлл: "Ну-ну, он льстит англичанам. Вы только из Шотландии, сэр, и скажите, разве вы не видели там достаточно еды и питья?" Джонсон: "Ну почему же, сэр, видел: еды и питья достаточно, чтобы придать жителям силы бежать из дома".

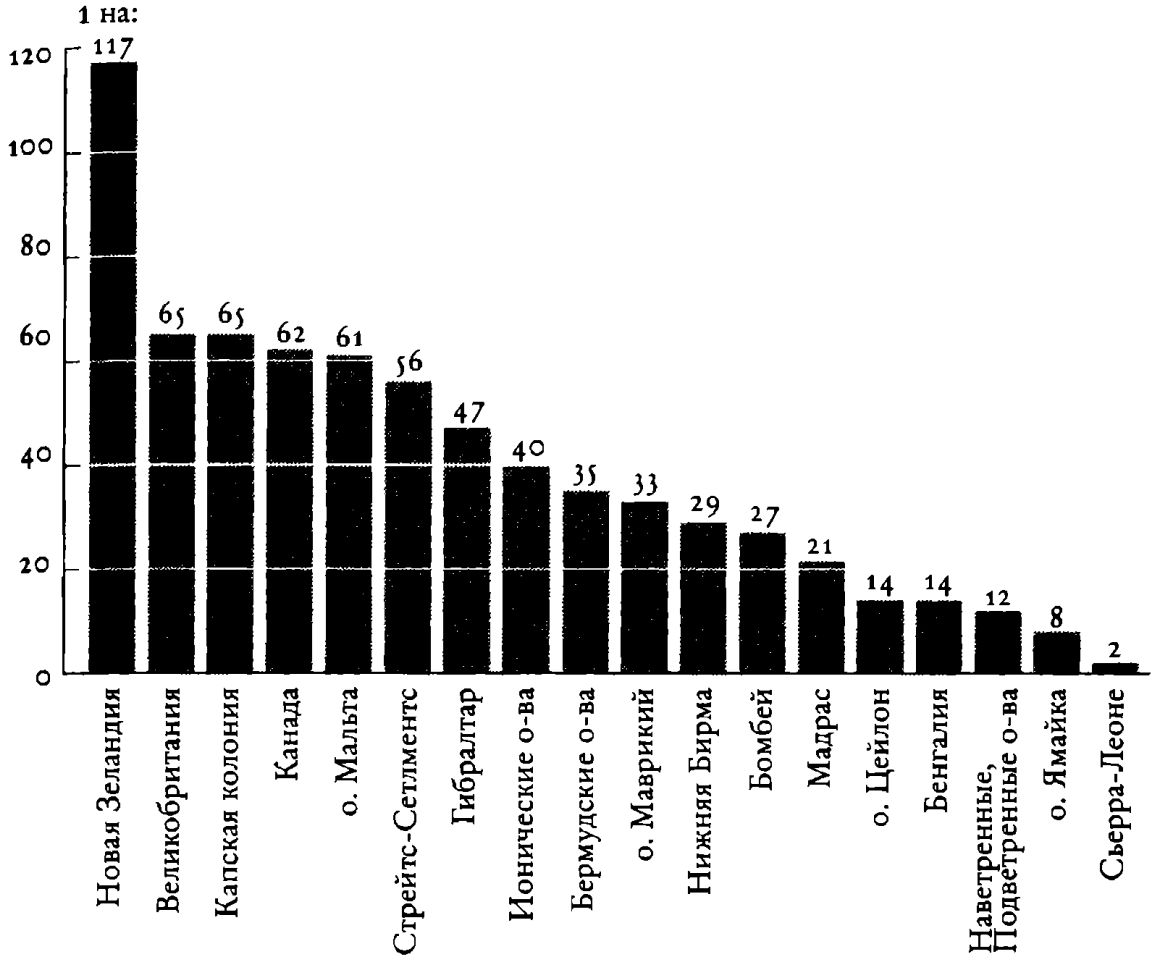
Но никто из этих людей не понимал, что на самом деле из дома мужчин и женщин гнали в таком числе непомерное повышение арендной платы лендлордами и череда скудных урожаев. Ирландцев еще сильнее привлекала перспектива "счастливых стран и менее деспотического правительства". Две пятых эмигрировавших из Британии в 1701–1780 годах было ирландцами, и миграция только увеличилась в следующем веке, после того

как из Америки был завезен картофель и значительный прирост населения привел остров к бедствиям 40-х годов XIX века. Это бегство с периферии придало Британской империи стойкий кельтский оттенок*.

Преждевременная смерть Харроуэра не была необычной. Приблизительно двое из пяти вновь прибывших умирали в течение нескольких первых лет в Виргинии — обычно от малярии или желудочно-кишечных болезней. Выживание после таких болезней называлось "закалкой". "Закаленных" колонистов можно было легко отличить по нездоровому внешнему виду.

Труда "законтрактованных слуг" хватало в Виргинии, где климат сносный, а собрать урожай было относительно легко. Не то происходило в британских карибских колониях. Сейчас нередко забывают о том, что большинство — около 69 % — британских эмигрантов в XVII веке отправилось не в Америку, а в Вест-Индию. Там водились деньги. Объем британской торговли с Карибским регионом превышал объем американской: в 1773 году ямайский импорт был впятеро больше импорта из всех американских колоний. В 1714–1773 годах с Невиса вывозили в Британию втрое больше товаров, чем из Нью-Йорка, а с Антигуа — в три раза больше, чем из Новой Англии. Сахар, а не табак был главной статьей торговли в колониальной империи XVIII века. В 1775 году сахар составил почти пятую часть британского импорта, а стоил он в пять раз дороже ввезенного в Британию табака. В течение большей части XVIII века американские колонии были немногим важнее, чем дочерние компании "сахарных островов", и снабжали их продовольствием, которое не могло дать монокультурное сельское хозяйство. Уильям Питт, выбирая в конце Семилетней вой-

* К концу XIX века около трех четвертей населения Британских островов жило в Англии, по сравнению с десятой частью, проживавшей в Шотландии, и десятой частью в Ирландии. Но в колониях англичане составляли всего половину колонистов. В Новой Зеландии шотландцы составляли около 23 % выходцев с Британских островов, в Канаде — 21 %, в Австралии — 15 %. В Канаде и Новой Зеландии ирландцы составляли 21 % рожденных в Британии жителей, в Австралии — 27 %.



Жить и умереть в Британской империи:
смертность среди английских солдат (1817–1838 гг.)

ны между расширением британской территории в Америке и приобретением Гваделупы, французского "сахарного острова", одобрил второй вариант, поскольку "состояние торговли на покоренных территориях в Северной Америке плачевно, размышления об их будущем умозрительны, а перспективы, в самом лучшем случае, очень отдаленные".

Проблема заключалась в ужасающей смертности на тропических островах, особенно летом. И если для формирования девяностотысячной общины Виргинии потребовалось 116 тысяч иммигрантов, то Барбадосу, чтобы население острова достигло всего двадцати тысяч, — 150 тысяч. После 1700 года эмиграция в Карибский регион резко снизилась, поскольку люди выбирали умеренный климат (и более плодородную зем-

лю) Америки. Уже в 1675 году Ассамблея Барбадоса пожаловалась: "В прежние времена мы в изобилии получали из Англии сервентов-христиан... но теперь мы можем привлечь не много англичан, поскольку не имеем земли, чтобы предоставить ее им после окончания контракта, что прежде было главной приманкой". Нужно было найти альтернативу труду сервентов. И она была найдена.

■

С 1764 по 1779 год приход Святых Петра и Павла в Олни, Нортхемптоншир, находился на попечении Джона Ньютона, набожного священнослужителя и автора одного из самых популярных в мире гимнов. Большинство из нас когда-либо слышали или пели "О, благодать" (*Amazing Grace*). Менее известен тот факт, что автор этого гимна был успешным работорговцем, за шесть лет переправившим из Сьерра-Леоне в Карибский регион сотни африканцев.

"О, благодать" является высшим гимном евангелического искупления:

О, благодать, спасен тобой
Я из пучины бед;
Был мертв и чудом стал живой,
Был слеп и вижу свет[*].

Заманчиво предположить, что Ньютон, внезапно прозрев относительно рабства и оставив свое порочное ремесло, посвятил себя Богу. Но такое предположение о времени обращения Ньютона целиком ошибочно: именно после религиозного пробуждения он стал сначала первым помощником, а затем капитаном невольничьих кораблей и только гораздо позже на-

* Пер. Д. Ясько. — *Прим. пер.*

чал подвергать сомнению этичность покупки и продажи своих братьев и сестер.

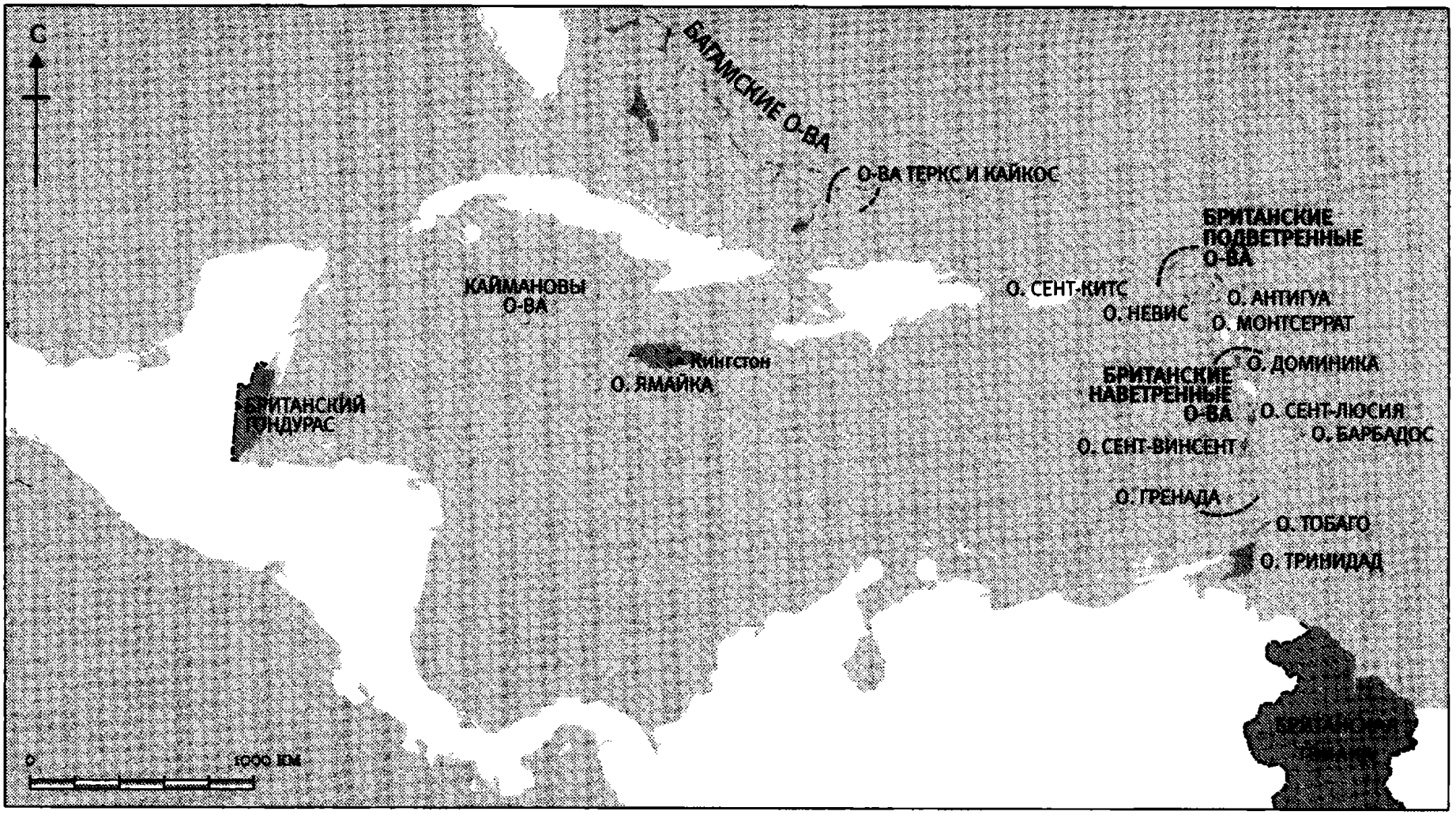
Сегодня мы, конечно, отвергаем рабство, и нам трудно понять, почему оно не претило Ньютону и его современникам. Однако рабство имело огромное экономическое значение. Прибыли от культивирования сахарного тростника были огромны. Хозяйничавшие на Мадейре и Сан-Томе португальцы доказали, что только африканские рабы могли выдержать работу на плантациях, и карибские плантаторы платили за них в восемь-девять раз дороже, чем те стоили на западноафриканском побережье. Бизнес был опасным (Ньютон называл его своего рода лотереей, в которой каждый делец надеялся получить приз), однако и прибыльным. Ежегодный доход от невольничьих рейсов в последние полвека использования британцами рабского труда колебался в среднем между 8 и 10 %. Не удивительно, что работорговля показалась Ньютону "благородным занятием", подходящим даже для утвердившегося в вере христианина.

Число участников работорговли было огромным. Мы склонны думать о Британской империи как о продукте миграции белых, однако в 1662–1807 годах в Новый Свет на британских судах попали почти три с половиной миллиона африканских невольников. Это более чем втрое превышало число белых мигрантов в тот же самый период. И это более трети всех африканцев, которые когда-либо пересекли Атлантику в оковах. Поначалу британцы делали вид, что отвергают рабство. Как-то одному купцу предложили купить в Гамбии рабов, и он ответил: "Мы не из тех, кто торгует подобным товаром, никто из нас не покупал и не продавал ни друг друга, ни себе подобного". Это заявление прозвучало незадолго до того, как на сахарные плантации Барбадоса начали доставлять рабов из Нигерии и Бенина. В 1662 году Новая королевская африканская компания обязалась ежегодно поставлять в Вест-Индию три тысячи рабов. К 1672 году это число выросло до 5600 человек. После того как в 1698 году монополия компании закончи-

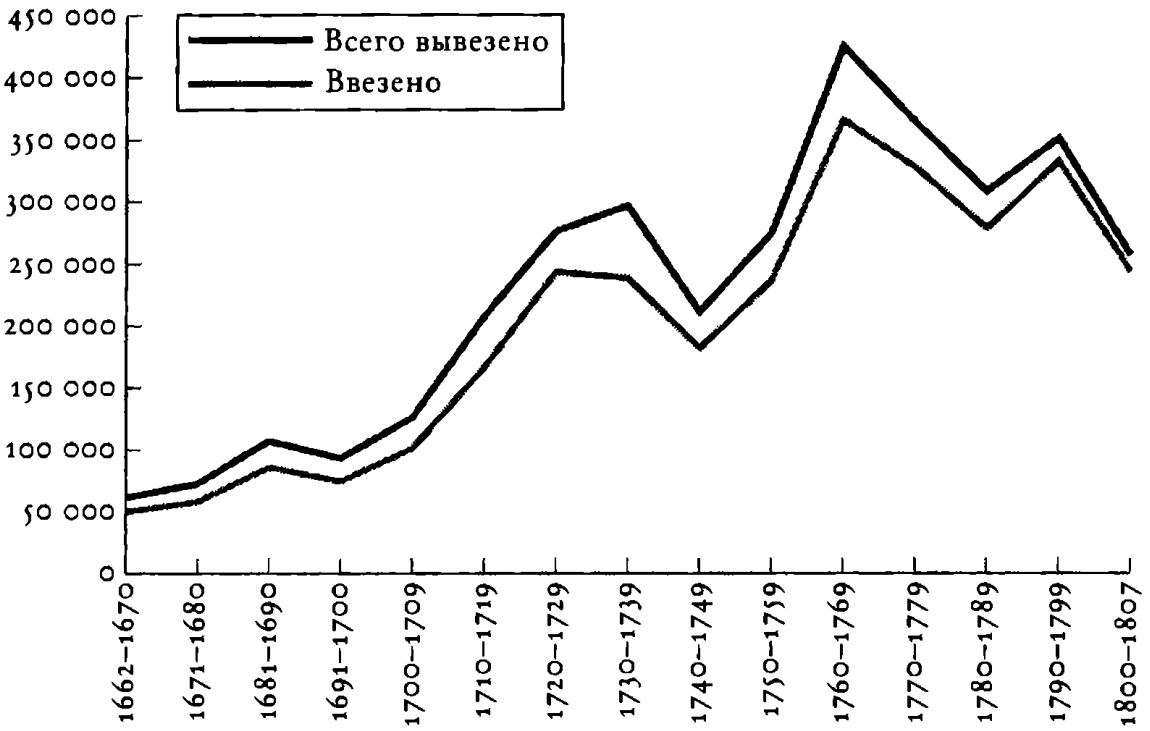
лась, увеличилось число частных работорговцев вроде Ньютона. К 1740 году из Ливерпуля ежегодно отправлялись тридцать три судна: сначала в Африку, после — в Карибский бассейн. В том же 1740 году прозвучала песня на стихи Джеймса Томсона "Правь, Британия", в которой есть выразительные слова: "Британы никогда не будут рабами". Однако давний запрет на покупку рабов был забыт.

Ньютон занялся работорговлей в конце 1745 года, когда, будучи молодым моряком, поступил на службу к купцу Амосу Клоу. Тот держал базу на Банановых островах близ побережья Сьерра-Леоне. В результате удивительной инверсии африканская конкубина Клоу скоро стала относиться к Ньютону немногим лучше, чем к рабу. Более года спустя Ньютон, проведший это время в болезни и небрежении, был спасен командой судна "Грейхаунд", и именно там, на борту, во время шторма в марте 1748 года молодой человек пережил религиозное пробуждение. Только после этого события он стал работорговцем, возглавив свой первый невольничий транспорт.

Дневник Джона Ньютона за 1750–1751 годы (в то время он командовал судном "Дюк оф Аргайл") откровенно описывает работорговцев. Плавая вдоль побережья Сьерра-Леоне, Ньютон выменивал у работорговцев людей на товары (включая "главные — пиво и сидр"). Он был разборчивым покупателем, сторонящимся старых женщин "с обвисшей грудью". Седьмого января 1751 года Ньютон обменял древесину и слоновую кость на восемь рабов и понял, что переплатил, когда заметил, что у одного из купленных невольников "очень плохой рот". Ньютон жаловался, что "сейчас очень много конкурентов и хороший товар идет за цену вдвое выше прежней". (Употребление слова "товар" в этом контексте весьма примечательно.) В тот же день он сделал запись о смерти "отличной рабыни № 11". Но если африканцы для Ньютона были только номерами, то самим африканцам Ньютон казался фигурой дьявольской, даже каннибалом. Олауда Эквиано был одним



Британские владения в Карибском море (1815 г.)



Вывоз рабов из Африки и их ввоз в Америку на британских и других судах (1662–1807 гг.)

из тех немногих африканцев, привезенных в Британскую Вест-Индию, кто описал пережитое*. Эквиано упоминает о широко распространенном поверье, будто белые поклоняются богу мертвых Мвене-Путо, и захватывают рабов, чтобы их съесть. Некоторые из товарищей Эквиано по несчастью были убеждены, что красное вино, которое пьют их поработители, сделано из крови африканцев, а сыр на столе капитана Ньютона — из их мозгов. Это побудило рабов бросить свои фетиши в судовую бочку с водой: они "были настолько суеверны, что полагали, будто это неминуемо убьет всех, кто пил оттуда".

К маю 1751 года, когда Ньютон взял курс на Антигуа, на борту было больше африканцев, чем англичан: 174 раба и менее тридцати членов команды, семеро из которых к тому же хворали. Это было наиболее опасное для работорговцев время

* Бывший раб Олауда Эквиано, получивший при крещении имя Густав Васа, в 1789 году в Лондоне опубликовал книгу "Увлекательная повесть о жизни Олауды Экиано, или Густава Вазы, африканца". — *Прим. ред.*

не только из-за риска вспышки холеры или дизентерии на переполненном судне, но и из-за вероятности бунта. Ньютон был вознагражден 26 мая за свою бдительность:

> Вечером, по милости Провидения, открылось, что рабы замышляют бунт, за несколько часов до их выступления. Молодой человек... который в течение всего пути был свободен от цепей, сначала из-за большой язвы, а затем по причине своего кажущегося хорошим поведения, передал им свайку* через решетку люка, но был, по счастью, замечен одним из людей [из команды]. Они располагали ею приблизительно час, прежде чем я ее нашел, и за это время так хорошо с нею управились (поскольку это инструмент, не издающий шума), что утром я обнаружил, что около двадцати из них избавились от оков.

Подобное приключение Ньютон пережил и в следующем году, когда выяснилось, что у группы из восьми рабов есть "несколько ножей, камней, пуль и т. д., и зубило". Нарушителей наказали ошейниками и тисками.

Учитывая условия на борту судна вроде "Аргайла" (теснота, плохая гигиена, вынужденная неподвижность, недоедание), едва ли удивительно, что в среднем каждый седьмой раб умирал в Атлантике**. Удивительно вот что: Ньютон, который вел для команды церковную службу, а по воскресеньям отказывался даже говорить о делах, был в состоянии заниматься таким промыслом и почти не испытывал угрызений совести.

* Такелажный инструмент в виде конусообразного металлического или деревянного стержня. — *Прим. ред.*

** Такова была средняя смертность в течение всего времени, когда британцы вели работорговлю (1662-1807). В первые десятилетия показатель приближался к одному из четырех. Из описания Ньютона явствует, что рабы были всегда прикованы цепями и лежали на полках двух с половиной футов высоты, "будто книги". Уровень смертности среди экипажей невольничьих судов был еще выше: во второй половине XVIII века он составлял около 17 %. Отсюда стих: "Опасайся, беги / Залива Бенин: / На одного, кто оттуда убирается, / Приходятся сорок входящих".

В письме к жене от 26 января 1753 года Ньютон изложил свою апологию работорговли:

> Три наивысших блага, доступных человеческой природе, — это, несомненно, религия, свобода и любовь. Сколь щедро Господь наделил меня каждым из них! Вокруг меня целые народы, языки которых совершенно отличны друг от друга, но все же я полагаю, что они все одинаковы в том, что у них нет никаких слов, чтобы выразить какую-либо из этих прекрасных идей. Отсюда я вывожу, что и сами эти идеи не находят места в их умах. И, раз не существует посредника между светом и тьмой, эти бедные существа не только не ведают о тех преимуществах, которыми я наслаждаюсь, но и погружены во зло. Вместо указанных благ и перспектив блестящего христианского будущего они обмануты и запуганы черной магией, ворожбой и всеми суевериями, которые страх, соединенный с невежеством, может породить в человеческом уме. Единственная свобода, о которой у них есть хоть какое-то понятие, — свобода не быть проданным, и даже от этой участи защищены очень немногие. Часто случается так, что человек, который продает другого на корабль, не позднее недели будет сам куплен и продан таким же образом, причем, возможно, на то же судно. Что касается любви, то среди тех, кого я встречал, попадались податливые души, но чаще всего, когда я пытался растолковать это восхитительное слово, я редко добивался хоть малейшего понимания.

Как можно было считать, что лишаешь африканцев свободы, когда у них не было никакого понятия о ней, кроме как о свободе "не быть проданным"?

Взгляды Ньютона не были уникальными. По словам ямайского плантатора Эдварда Лонга, африканцы "лишены гения и кажутся почти неспособными достичь каких-либо успехов в образовании или науках. У них нет никакого плана или системы этики... у них нет никакого чувства морали". Поэто-

му африканцы, делает Лонг далеко идущий вывод, являются просто низшим видом. Джеймс Босуэлл, в других случаях спешивший поднять свой голос в защиту свободы, категорически отрицал, что "негров угнетают", поскольку "сыны Африки всегда были рабами".

■

Из дневника Ньютона следует, что заставлять людей привыкать к их новому, рабскому состоянию приходилось с того момента, как поднимали паруса. На Ямайке, на одном из рынков, на который Ньютон поставлял рабов, белых было в десять раз меньше, чем тех, кого они поработили. В Британской Гвиане соотношение было двадцать к одному. Трудно представить, что без угрозы насилием эта система могла долго продержаться. Орудия пыток для рабов Карибского моря (кандалы с шипами, в которых было невозможно убежать; железные ошейники, на которые подвешивался груз в качестве наказания, и так далее) напоминают о том, что Ямайка была линией фронта британского колониализма XVIII века.

Стихотворение Джеймса Грейнджера "Сахарный тростник", опубликованное в 1764 году, лирически изображает жизнь плантатора, которому следует знать,

На какой почве примется тростник, как обрабатывать ее,
Когда приходит время сажать, какой ждать беды,
Как горячий нектар становится кристаллами
И как обходиться с черным потомством Африки.

Однако именно "потомство Африки" несло тяготы ради пристрастия британцев к сладкому. Это рабы сажали тростник, ухаживали за ним, собирали, давили сок и выпаривали его в огромных чанах. Изначальное испанское слово, обозначающее сахарную плантацию, было *ingenio* — машина, — и про-

изводство сахара из тростника относилось в равной степени к промышленности и к сельскому хозяйству. Однако сырьем для сахарной промышленности служил не только тростник, но и люди. К 1750 году в английские колонии в Карибском море было перевезено около восьмисот тысяч африканцев, однако уровень смертности был настолько высок, а уровень воспроизводства настолько низок, что число рабов все равно не превышало трехсот тысяч. Опыт позволил барбадосскому плантатору Эдварду Литтлтону вывести следующий принцип: плантатор, у которого есть сто рабов, ежегодно должен покупать еще восьмерых или десятерых, "чтобы сохранить свои запасы". В "Речи г-на Джона Тэлбота Кампо-Белла" (1736), брошюре священнослужителя с Невиса, защищавшего рабство, сказано, что "по общим подсчетам, приблизительно две пятых части из привезенных негров умирают в ходе 'закалки'".

Не стоит забывать, что в рабовладельческих колониях африканцы подвергались и сексуальной эксплуатации. В 1757 году, когда Эдвард Лонг приехал на Ямайку, его встревожило открытие, что его коллеги-плантаторы нередко выбирали половых партнеров из числа своих рабынь: "Здесь многие мужчины, любого сословия, сорта и ранга, предпочитают разврат... чистому и законному счастью, проистекающему из супружеской взаимной любви". Эта практика была известна как "мускатный орешек", но резкая критика Лонга свидетельствует о растущем в обществе неодобрении "смешения рас"*. Примечательно, что одной из популярных историй той эпохи был рассказ об Инкле и Ярико — моряке, потерпевшем кораблекрушение, и темнокожей деве:

Когда он проводил свои дни в бесплодной кручине,
Дева-негритянка встретилась ему.
Он с удивлением взирал на ее обнаженные прелести,
На ее соразмерные члены и живые глаза.

* В Виргинии в 1662 году было установлено правило, что дети-мулаты рабынь должны стать рабами, а в 1705 году были запрещены межрасовые браки.

Однако, едва насладившись "мускатным орешком", Инкл продал несчастную Ярико в рабство.

Тем не менее неверно изображать африканцев, проданных в рабство, только покорными жертвами. Многие рабы сопротивлялись угнетателям. На Ямайке восстания были почти столь же часты, как и ураганы. Согласно одному подсчету, в промежутке между приобретением острова Британией и отменой рабства рабы восставали двадцать восемь раз. Более того, часть черного населения всегда оставалась вне британского контроля: мароны.

В 1655 году, когда отец Уильяма Пенна отнял у Испании Ямайку, там уже существовало сообщество беглых рабов, живших в горах. Их называли маронами (искаженное испанское *cimarron* — одичалый). Сегодня вы можете насладиться джерк-порком*, кулинарным даром маронов миру, на ежегодном фестивале в Аккомпонге. (Город назван в честь одного из братьев великого предводителя маронов капитана Каджо.) Если вы услышите, как поют мароны, и увидите, как они танцуют, то поймете, что маронам, несмотря на изгнание, удалось многое сохранить из культуры африканских предков. Рабство оставило только один явный отпечаток. Многие мароны первоначально говорили на языке акан (Гана), однако Каджо настоял, чтобы все его последователи говорили на английском. Причина была исключительно практической. Мароны не только не желали повторного порабощения новыми британскими хозяевами Ямайки, но и старались пополнять свои ряды, освобождая недавно прибывших рабов. Будучи многоженцами, мароны особенно стремились освобождать женщин. Так как работорговцы отправляли через Атлантику людей из огромного числа африканских племен, их интеграция в сообщество маронов требовала усвоения английского языка.

Вдохновляемые королевой Нэнни, мароны во главе с Каджо вели партизанскую войну. Плантаторы впадали

* Вяленая свинина, маринованная в специях. — *Прим. пер.*

в ужас от далекого звука абенга, рожка из раковины. Например, в 1728 году Джордж Мэннинг купил двадцать шесть рабов. К концу года, в основном из-за набегов маронов, остались только четверо. Мароны вынудили полковника Томаса Брукса вообще покинуть свое имение в Мант-Джордже. Некоторые ямайские географические названия (вроде района Доунт-Лук-Бихайнд, Не-Оглядывайся) свидетельствуют о паранойе, которую порождали мароны. В отчаянии британцы призвали на помощь индейцев мискито с побережья Гондураса. Из Гибралтара были вызваны регулярные войска. Наконец, в 1732 году, британцам удалось нанести серьезный удар, захватив главное поселение маронов Нэнни-Таун. Но мароны отступили в леса, чтобы продолжать драться, а солдаты, прибывшие из Гибралтара, пали жертвами болезней и пьянства. В конце 1732 года один из депутатов Ассамблеи Ямайки сетовал на "ненадежность нашей страны, причина которой наши рабы, восстающие против нас... Дерзость их дошла до того, что мы не можем быть уверены в завтрашнем дне, а грабежи и убийства столь обычны на наших главных дорогах, что путешествие по ним крайне опасно".

В конце концов англичанам пришлось пойти на сделку. В 1739 году было подписано соглашение, которое фактически предоставляло маронам автономию на территории площадью примерно полторы тысячи акров. Взамен они согласились не только не освобождать новых рабов, но и возвращать владельцам беглых — за вознаграждение. К этому приему нередко прибегали англичане: если они не могли вас победить, они делали так, что вы к ним присоединялись. Безусловно, сделка с маронами не предотвратила новые восстания. Напротив, после нее у недовольных рабов не осталось другого выбора, кроме бунта, так как укрыться в Нэнни-Тауне они более не могли. Рабы восставали в 60-е годы, вдохновляемые примером маронов. Но теперь англичане более или менее могли положиться на своих недавних противников. Мароны и сами становились рабовладельцами.

Казалось, что к 1770 году Британская империя на берегах Атлантики обрела равновесие. "Треугольник" с вершинами в Британии, Западной Африке и Карибском море обеспечивал плантации рабочей силой, а североамериканские колонии — продовольствием. Сахар и табак везли в Британию, для реэкспорта существенной доли на континент. Доходы от продажи товаров Нового Света позволяли английским купцам улаживать дела в Азии. Правда, существовали еще мароны. Они напоминали и плантаторам, и их "одушевленным орудиям", что невольники, на изуродованных спинах которых, казалось, покоится здание империи, могут избавиться от гнета. Позднее, в 90-х годах, успех восстания рабов во французской колонии Сан-Доминго (Гаити) вызвал репрессии в отношении маронов. На пике репрессий лейтенант-губернатор Ямайки лорд Балкаррес выслал почти шестьсот маронов из города Трелони*. Но к тому времени мароны представляли собой наименьшую проблему империи. Рабы Сан-Доминго соединили силы с недовольными мулатами и в 1804 году основали Республику Гаити. Это не была первая колония в Новом Свете, объявившая о своей независимости. Менее чем за тридцать лет до этого на американском континенте появилась республика совсем другого рода. Здесь вызов империи бросили не отчаявшиеся рабы, а преуспевающие белые колонисты.

Гражданская война

Это был момент, когда британский идеал свободы обернулся другой стороной. Момент, когда Британская империя начала рваться на части. Около Лексингтона, в Массачусетсе, "красные мундиры" впервые вступили в перестрелку с американскими колонистами. Это случилось 19 апреля 1775 года.

* Сначала в Новую Шотландию, затем в Сьерра-Леоне.

Солдат послали в Конкорд, чтобы реквизировать склад оружия, принадлежащий колониальной милиции, в лояльности которой власти усомнились. Но ополченцев предупредил Пол Ревир, прискакавший с криками: "Солдаты идут!" (а не "Англичане идут!" — колонисты еще сами были англичанами). В Лексингтоне семьдесят семь минитменов, "людей минуты" (говорили, что на то, чтобы встать в строй, они тратят не более минуты), вышли, чтобы остановить британцев. Неясно, кто выстрелил первым, но итог сомнений не вызывает: ополченцы были рассеяны хорошо вымуштрованными военными.

Жители Лексингтона до сих пор ежегодно вспоминают самопожертвование минитменов, в деталях реконструируя ту перестрелку. Это мероприятие — благодушный, начинающийся рано утром праздник национального самосознания американцев, — дает шанс поесть маффинов и выпить кофе на свежем воздухе. Но британца (который едва ли останется равнодушным к звукам волынок и барабанов, играющих марш "Люди Харлека", когда "красные мундиры" выходят на площадку и уходят с нее) День патриотов в Лексингтоне ставит в тупик. Почему это нападение не ознаменовало конец маловнятного восстания в Новой Англии? Ответ в том, что, во-первых, сопротивление колонистов росло по мере того, как регулярные войска продвигались к Конкорду, а во-вторых, что тучный и нерешительный полковник Фрэнсис Смит, командовавший солдатами, почти потерял контроль над своими людьми после того, как его ранили в ногу. Когда солдаты отступали к Бостону, они попали под снайперский огонь. Американская война за независимость началась.

Эта война составляет сердцевину американского самосознания: миф о сотворении страны — это идея борьбы за свободу против империи зла. Но парадокс Американской революции, который поражает, когда вы видите, как современные лексингтонцы пытаются пережить самопожертвование предков, заключается в том, что восставшие против британского владычества были лучшими из всех британских колонистов.

Есть серьезное основание полагать, что к 70-м годам XVIII века жители Новой Англии являлись одними из богатейших людей в мире. Доход на душу населения был по крайней мере равен таковому в Соединенном Королевстве и распределялся равномернее. У жителей Новой Англии фермы были крупнее, семьи многолюднее и образование лучше, чем у жителей Англии. И, что важно, они платили гораздо меньше налогов. В 1763 году средний англичанин в виде налогов ежегодно отдавал двадцать шесть шиллингов. Соответствующая сумма для налогоплательщика из Массачусетса составляла один шиллинг. Сказать, что быть британскими подданными для этих людей было удачей, было бы преуменьшением. И все же именно они, а не сервенты из Виргинии или рабы с Ямайки, первыми сбросили имперское ярмо.

С британской точки зрения Лексингтон-Грин кажется идеальным местом не для взаимного истребления, а для игры в крикет. Кстати, некогда американцы играли в эту самую английскую из игр. Так, в 1751 году "Нью-Йорк гэзетт" и "Уикли пост бой" сообщили:

> Днем в прошлый понедельник (1 мая) на нашем пустыре состоялся крикетный матч на значительные ставки между одиннадцатью лондонцами и одиннадцатью ньюйоркцами. Играли по лондонским правилам...

Команда из Нью-Йорка победила за восемьдесят семь пробежек. И почему американцы забросили крикет?

Всего за двадцать лет до "битвы" при Лексингтоне американские колонисты доказали свою лояльность Британской империи, во время Семилетней войны десятками тысяч вступая в борьбу с французами и их союзниками-индейцами. Примечательный факт: в той войне первый выстрел сделал молодой колонист по имени Джордж Вашингтон. В 1760 году Бенджамин Франклин напечатал анонимный памфлет, в котором предсказал, что из-за быстрого прироста населения в Америке

через столетие британских подданных на том берегу будет больше, чем теперь на этом*; но я далек от того, чтобы испытывать какой-либо страх перед тем, что они станут бесполезными или опасными... и я считаю такие страхи выдуманными, не имеющими какого-либо правдоподобного основания.

Что же пошло не так?

■

Школьникам и туристам причины Американской революции объясняют прежде всего утяжелением экономического бремени. Лондон, согласно этой точке зрения, желал получить некоторую компенсацию за траты по изгнанию французов из Северной Америки в ходе Семилетней войны и по содержанию десятитысячной армии для усмирения за Аппалачами недовольных индейцев, выступивших на стороне французов. Это привело к учреждению новых налогов. Однако при тщательном рассмотрении выясняется, что в действительности налоги отменяли, а не учреждали.

В 1765 году английский парламент издал закон о гербовом сборе, который означал, что все, от газет до игральных карт, должно было быть напечатано на специальной — следовательно, обложенной налогом — бумаге. Планируемый доход не был значителен: сто десять тысяч фунтов стерлингов, причем почти половина приходилась на Вест-Индию. Но налог оказался настолько непопулярным, что Джордж Гренвилл — министр, который предложил его, — ушел в отставку, и к марту 1766 года закон был пересмотрен: теперь империя облагала сбором только внешнеторговые сделки. Два года спустя Чарльз Тауншенд, новый министр финансов,

* Вполне реалистичный взгляд. В 1700 году население Британской Северной Америки составляло около 265 тысяч человек, к 1750 оно выросло до 1,2 миллиона, к 1770 — до 2,3 миллиона (больше населения Шотландии).

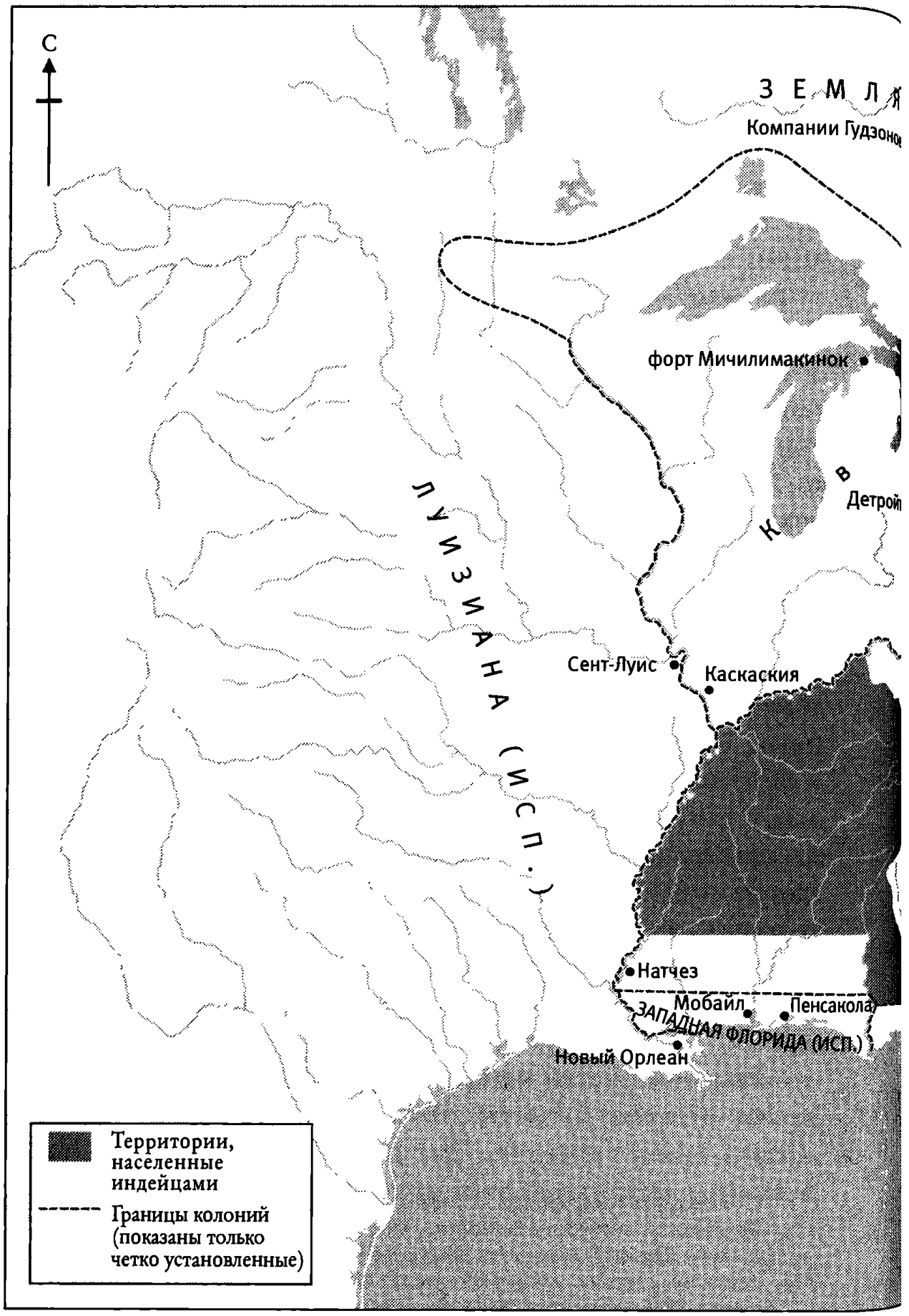
попробовал опять обложить колонистов налогами (на сей раз речь шла о таможенных пошлинах). В надежде подсластить пилюлю налог на чай, один из самых популярных товаров в колонии, был снижен с шиллинга до трех пенсов с фунта. Это ни к чему не привело.

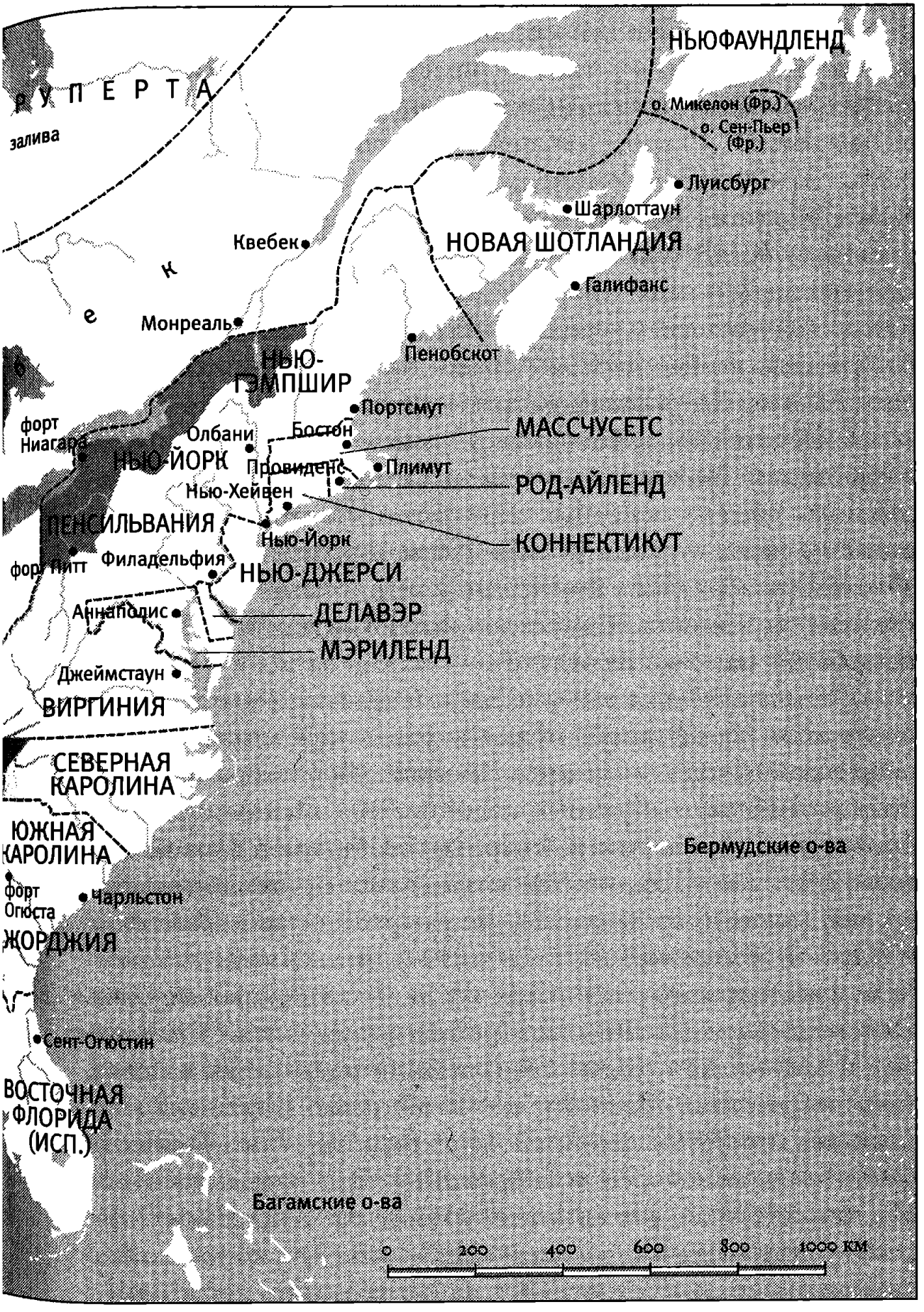
Сэмюэль Адамс по заданию Ассамблеи Массачусетса сочинил циркулярное письмо, призывающее к невыплате даже этих налогов. В январе 1770 года новое правительство Британии, возглавляемое лордом Нортом, отменило все новые налоги, кроме налога на чай. Тем не менее протесты в Бостоне продолжались.

Все слышали о "Бостонском чаепитии" 16 декабря 1773 года: тогда 342 ящика чая стоимостью десять тысяч фунтов стерлингов были сброшены с борта судна "Дартмут", пришедшего из Ост-Индии, в темные воды гавани Бостона. Большинство считает, что это было сделано в знак протеста против повышения налога на чай. На самом деле цена этого чая была исключительно низкой: британское правительство только что предоставило Ост-Индской компании льготу по выплате намного более высокой пошлины, которой чай облагался при ввозе в Британию*. В результате чай беспошлинно вывозили из Англии. Он облагался только низким американским налогом по прибытии в Бостон. Итак, чай в Новой Англии никогда еще не стоил дешевле, а "чаепитие" устроили не рассерженные потребители, а богатые контрабандисты из Бостона, которые могли лишиться доходов. Современники понимали нелепость причины протеста:

> Разве потомство не будет поражено сообщением, что это возмущение было вызвано тем, что парламент снизил на-

* Столкнулись специфические институты азиатской и американской половин Британской империи. Американский бойкот чая (часть кампании против налогов Тауншенда) сильно ударил по Ост-Индской компании. Борясь с растущими долгами, компания просто хотела реализовать на американском рынке образовавшиеся излишки.


С
З Е М Л Я
Компании Гудзонов
форт Мичилимакинок
Детройт
К а н а д а
ЛУИЗИАНА (ИСП.)
Сент-Луис
Каскаския
Натчез
Мобайл
Пенсакола
ЗАПАДНАЯ ФЛОРИДА (ИСП.)
Новый Орлеан
Территории, населенные индейцами
Границы колоний (показаны только четко установленные)



Британские владения в Северной Америке (1774 г.)

> лог за фунт чая с одного шиллинга до трех пенсов, и разве оно не назовет это еще менее объяснимым безумием и более позорной страницей летописи Америки, чем охота на ведьм?

Таким образом, налоги, вызвавшие столько шума, были пустячными. К 1773 году почти все они были отменены. В любом случае, споры о налогообложении были ничтожны по сравнению с фактом: для американской колониальной экономики быть частью имперской экономики было благом, даже большим благом. Да, получившие дурную славу Навигационные акты обеспечивали британским судам монополию на торговлю с колониями. Но в то же время они гарантировали североамериканцам сбыт их основных сельскохозяйственных продуктов, рогатого скота, чугуна в чушках и даже кораблей. Подлинным яблоком раздора был конституционный принцип: право британского парламента облагать американских колонистов налогами без их на то согласия.

Дольше столетия длилось "перетягивание каната" между центром и периферией: между королевской властью, представленной в колониях назначенными губернаторами, и властью ассамблей, выбранных колонистами. Отличие ранних британских поселений в Америке, особенно в Новой Англии, состояло в том, что там развивались представительные органы власти (еще одно важное различие между Северной и Южной Америкой). Попытки насадить там наследственную аристократию европейского типа потерпели неудачу. Однако с 1675 года Лондон стремился увеличить свое влияние в колониях, которые сначала были вольны как в целях, так и в средствах. До этого времени только Виргиния именовалась коронной колонией. Но в 1679 году Нью-Гэмпшир был объявлен королевской провинцией, а пять лет спустя Массачусетс стал доминионом Новая Англия. Нью-Йорк с 1685 года находился под королевской властью, когда его владелец взошел на английский престол, а вскоре после этого

Род-Айленд и Коннектикут также приняли королевское покровительство.

Безусловно, центростремительная тенденция замедлилась в 1688 году, когда Стюарты лишились трона. "Славная революция" позволила колонистам расценивать собственные ассамблеи как равные по статусу Вестминстеру: некоторые легислатуры приняли тогда законы, повторяющие Великую хартию вольностей и закрепляющие права тех, кого они представляли. В 1739 году одному королевскому чиновнику показалось, что колонии стали настоящими "независимыми содружествами" с собственными законодательными органами, обладающими полнотой власти в "границах соответствующих владений" и едва ли "ответственными за свои законы или действия" перед короной.

Это привело к возвращению Лондона к централизации перед, в течение и после Семилетней войны. Споры 60-х годов XVIII века о налогообложении должны рассматриваться именно в этом контексте — конституционном. Неуклюжая попытка правительства лорда Норта после "чаепития" заставить строптивых законодателей Массачусетса покориться (закрытие порта Бостона и введение чрезвычайного положения с заменой гражданского губернатора военным комендантом) стала последним из оскорблений, нанесенных колониальным законодателям. Отменив в 1766 году закон о гербовом сборе, парламент решительно объявил, что он "по праву имел, имеет и будет иметь все полномочия и власть утверждать законы и постановления... обязательные для колоний и народа Америки". Именно это положение и оспаривали колонисты.

Возможно, дело было и в колониальном сепаратизме. Франклин жаловался, что некогда было "не только уважение, но и привязанность к Британии, к ее законам, к ее обычаям и манерам, даже пристрастие к ее модам, что весьма способствовало торговле. Уроженцев Британии всегда рассматривали с особым отношением, и происхождение человека

из старой Англии само по себе вызывало у нас некоторое уважение". В колонистах, напротив, видели не подданных, а "подданных подданных": "республиканскую расу, пеструю толпу шотландских, ирландских и иностранных бродяг, потомков каторжников, неблагодарных мятежников и т.д.", будто они не были "достойны имени англичан и годятся только на то, чтобы быть оскорбляемыми, обузданными, скованными и ограбленными". Джон Адамс выразил те же чувства — резче. "Мы не будем их неграми, — сердито восклицал он на страницах "Бостон гэзетт", укрывшись за псевдонимом Хамфри Плагджоггер. — Мы столь же благородны, как и древний английский народ, и должны быть столь же свободными".

Атмосфера накалялась. Осенью 1774 года в филадельфийском Карпентер-Холле собрался Первый Континентальный конгресс, объединивший самых строптивых депутатов колониальных ассамблей. Прежде всего они решили отвергнуть все налоги британского правительства, а в случае необходимости — драться. Все же известный лозунг Сэмюэля Адамса "Нет налогов без представительства" знаменовал не отказ от британского духа, а скорее его решительное утверждение. Колонисты требовали свободы в той же степени, которой обладали их соотечественники по другую сторону Атлантики. Пока в собственных глазах они были не более чем англичанами, желающими иметь реальное местное самоуправление, а не "виртуальное", которое им предлагала далекая Палата общин. Другими словами, они хотели, чтобы их ассамблеи были признаны равными Вестминстеру, в рамках преобразованной квазифедеральной империи. Как выразился лорд Мэнсфилд в 1775 году, колонисты "будут иметь такое же отношение к Британии... как Шотландия к Англии до заключения договора об унии".

Некоторые дальновидные британцы (среди них великий экономист Адам Смит и глостерский декан Джозайя Тукер) видели в переходной империи решение проблемы.

Смит предлагал создать империю-федерацию с Вестминстером на вершине, а Тукер предложил прообраз Содружества, в рамках которого империю объединяет только суверенитет монарха. Умеренные американские патриоты вроде Джозефа Галлоуэя тоже искали компромисс. Галлоуэй предложил учредить американский законодательный совет, с членами, избранными колониальными ассамблеями, и под руководством президента, назначенного короной. Лондон отверг все эти варианты. Проблема стала просто вопросом о супрематии парламента. Правительство лорда Норта оказалось в тисках, между двумя одинаково настойчивыми законодательными органами, каждый из которых был убежден в своей правоте. Самое большее, что мог предложить Норт, — чтобы парламент воздержался от своего права на налогообложение (оставляя его за собой), если колониальные законодатели окажутся готовы собирать и вносить необходимый вклад в защиту империи, а также оплачивать собственную систему власти. Этого было мало. Палата лордов отвергла даже предложение Питта-старшего о выводе войск из Бостона. К этому времени, по мнению Бенджамина Франклина, правительственное "притязание на суверенитет над более чем тремя миллионами добродетельных и разумных людей в Америке кажется самой большой из нелепостей, так как оно выказало недостаточно предусмотрительности даже для того, чтобы пасти стадо свиней". Это был призыв к борьбе.

Прошло чуть более года после первых выстрелов в Лексингтоне, и бунт превратился в настоящую революцию. Четвертого июля 1776 года в зале с аскетическим убранством, в котором обычно заседала Ассамблея Пенсильвании, представителями тринадцати колоний, собравшимися на Второй Континентальный конгресс, была принята Декларация независимости. Всего двумя годами ранее ее главный автор, 33-летний Томас Джефферсон, обращался к королю Георгу III от имени "подданных в Британской Америке". Теперь заокеанские ("континентальные") англичане стали амери-

канскими "патриотами". Фактически, большая часть Декларации представляет собой довольно скучный перечень бед, которые навлек на колонистов король, обвиняемый ими в попытке установить "неограниченный деспотизм". Судя по всему, в редактировании Декларации приняло участие множество людей. Однако сейчас мы помним именно преамбулу Джефферсона:

> Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью*.

В наши дни это звучит не более революционно, чем слова "материнство" или, например, "яблочный пирог". Однако в то время это был опасный вызов не только королевской власти, но и традиционным ценностям иерархического христианского общества. До 1776 года дебаты о будущем колоний в значительной степени велись в терминах, знакомых по британским конституционным препирательствам предыдущего столетия. Однако с публикацией Томасом Пейном в 1776 году памфлета "Здравый смысл" в политический дискурс вошла совершенно новая идея, которая с удивительной быстротой стала преобладающей: антимонархизм с явным республиканским духом. Конечно, республика не была чем-то новым. Она существовала у венецианцев, ганзейских немцев, швейцарцев и голландцев, да и сами англичане предприняли недолгий республиканский эксперимент в 50-х годах XVII века. Но из преамбулы Джефферсона следовало, что идеологической основой американской республики будут принципы Просвещения, естественные права человека — и прежде всего право каждого "самому судить, что обеспечивает или подвергает опасности его свободу".

* Пер. О. Жидкова. — *Прим. пер.*

Возможно, самым замечательным в Декларации было то, что представители всех тринадцати колоний смогли ее подписать. Всего двадцатью годами ранее разногласия между ними казались столь значительными, что Чарльз Тауншенд нашел "невозможным предположить, что так много различных представителей столь многих областей, разделенных интересами, враждебными из-за ревности и неисправимых предубеждений, когда-либо сумеют договориться о всеобщей безопасности и взаимных расходах". Даже Бенджамин Франклин признавал, что колонисты имели

> различные формы правления, законы, интересы, а некоторые из них различные религиозные убеждения и образ жизни. Их ревность друг к другу была настолько сильной, что хотя был необходим союз колоний для всеобщей безопасности и защиты от врагов и каждая колония признавала, что имеет такую потребность, они не были в состоянии заключить такой союз.

Декларация должна была покончить с этими разногласиями. В ней даже появилось название "Соединенные Штаты". Тем не менее, ее принятие вызвало раскол. Революционный язык Джефферсона оттолкнул некоторых консервативно настроенных колонистов. Оказалось, что удивительно многие из них готовы сражаться за короля и империю. Когда доктор Джеймс Тэтчер решился присоединяться к патриотам, он обнаружил, что друзья

> не выразили никакой поддержки, утверждая, что если я попаду в руки британцев, то, как это случается во время гражданской войны, меня ждет виселица... Тори нападают на меня: "Молодой человек, действительно ли вы в своем уме, если собираетесь нарушить свой долг по отношению к наилучшему из королей и с головой броситься в разрушение? Поверьте, этот бунт недолго продлится".

■

Голливуд изображает Войну за независимость как столкновение героических американцев-патриотов со злобными, напоминающими нацистов "красными мундирами". Действительность была совсем иной. Это была настоящая гражданская война, расколовшая общественные классы и даже семьи. И худшее насилие вершили не английские солдаты, а колонисты-мятежники против своих соотечественников, оставшимися лояльными короне.

Приглядимся к филадельфийской Церкви Христа. Ее часто рассматривают как очаг революции, потому что некоторые ее прихожане подписали Декларацию независимости. На самом деле сторонники независимости в этой конгрегации находились в меньшинстве: всего около трети прихожан поддерживали идею независимости, а остальные высказывались против или оставались безразличными. Этот приход, как и многие другие общины колониальной Америки, разделился по политическим причинам. Раскололись не только конгрегации, но даже семьи. Члены семьи Франклина были постоянными прихожанами Церкви Христа, и у них имелись даже постоянные места в храме. Бенджамин Франклин почти десятилетие безуспешно защищал колонистов в Лондоне, прежде чем, возвратившись, присоединиться к Континентальному конгрессу и к борьбе за независимость. Его сын Уильям, губернатор Нью-Джерси, во время войны остался лояльным короне. Они никогда больше не разговаривали.

Давление на священнослужителей было особенно сильным, поскольку те подчинялись королю как главе англиканской церкви. Будучи настоятелем Церкви Христа, Джейкоб Душе разрывался между лояльностью англиканской церкви и симпатией к тем своим прихожанам, которые поддержали революцию. Пометки в его экземпляре "Книги общей молитвы" свидетельствуют о поддержке им идеи независимости. Душе вычеркнул слова "Смиренно молим Тебя расположить и направить сердце Георга [III], Твоего слуги и нашего короля и правителя..." и за-

менил их следующими: "Смиренно молим Тебя направить правителей этих Соединенных Штатов". Это было, несомненно, революционным актом. И все же после объявления независимости Душе (несмотря на то, что один из подписавшихся был его шурином) смалодушничал. Он возвратился к англиканской пастве и стал лоялистом. Пример Душе показывает, что Американская революция разделила даже личности. Но не только англикане отвергли восстание по религиозным соображениям. Члены секты гласситов из Коннектикута остались лояльными короне, будучи твердо уверенными в том, что христианин должен быть "верноподданным, повинуясь в гражданских вопросах любому человеческому приказанию во благо Господа".

В целом около пятой части белого населения Британской Северной Америки во время войны хранило верность короне. Отряды лоялистов зачастую сражались гораздо более стойко, чем нерешительные британские генералы. Звучали лоялистские песни, например "Конгресс":

Эти закоренелые негодяи и глупые дураки,
Одни подобные обезьянам и рабочим мулам,
Другие послушные рабские орудия,
Они, это они составили Конгресс!

Когда Юпитер решил наслать проклятие
И перебрал все беды, он
Не чуму, не голод, намного хуже, —
Наслал на нас Конгресс.
Тогда мир покинул этот безнадежный берег,
Тогда орудия сверкнули с ужасным ревом,
Мы слышим о крови, смерти, ранах, —
Вот все, что дал Конгресс...

Стороны спора называли друг друга вигами и тори. Это действительно была вторая британская — возможно, первая американская — гражданская война.

Дэвид Фэннинг — лоялист, сражавшийся в Каролине, — оставил захватывающие записки о своих приключениях во время войны. После того как вьючный обоз Фэннинга в 1775 году был разграблен милицией мятежников, он "поставил подпись за короля", хотя кажется более вероятным, что весь район, где жил Фэннинг, остался лояльным короне. В течение шести лет Фэннинг принимал участие в спорадической партизанской войне в Северной Каролине, получил две пули в спину и "заслужил" награду за свою голову. Двенадцатого сентября 1781 года он с другими лоялистами, поддержанными подразделением британских регулярных войск, под прикрытием утреннего тумана захватил город Хиллсборо, а с ним Генеральную ассамблею* Северной Каролины в полном составе, губернатора мятежного штата и множество офицеров армии патриотов. Вслед за этим успехом лоялистские силы в Северной Каролине выросли до 1200 человек. Подобные лоялистские отряды действовали в Нью-Йорке, Восточной Флориде, Саванне, Джорджии, в Дауфуски-Айленд в Южной Каролине.

Очевидно, существовала возможность более близкого сотрудничества между такими силами, как милиция Фэннинга и "красные мундиры". И все же по двум причинам Британия не могла победить в этом противостоянии. С одной стороны, гражданскую войну за океаном быстро заслонила глобальная борьба с Францией. У Людовика XVI появился шанс отомстить за поражение в Семилетней войне, и он с радостью им воспользовался. На этот раз у Британии не было союзников на континенте (не считая Испании), чтобы связать французские силы в Европе, и в этих условиях крупномасштабная кампания в Америке могла быть предельно опасной.

С другой стороны, многие в Англии симпатизировали колонистам. Сэмюэль Джонсон относился к меньшинству

* Законодательное собрание. — *Прим. ред.*

("Я готов полюбить все человечество — за исключением американцев... Сэр, это раса каторжников. Они должны быть благодарны за все, что мы им позволяем, кроме повешения"). Большое число агрессивных высказываний Джонсона по этому вопросу, многие из которых были записаны его биографом и другом Джеймсом Босуэллом, подтверждают это. Сам Босуэлл имел "ясное и твердое мнение, что у народа Америки есть полное право отвергать притязания на то, чтобы их соотечественники в метрополии управляли их судьбой, облагая налогами без их на то согласия". Многие ведущие политики из партии вигов думали так же. В английском парламенте Чарльз Джеймс Фокс, склонный к эпатажу лидер вигов, демонстрировал свои симпатии, появляясь в желто-синем костюме, — это были цвета мундира армии Вашингтона. Эдмунд Берк выразил мнение многих, когда заявил, что "использование одной только силы... может подчинить на мгновение, но не устраняет необходимость поддерживать подчинение; невозможно править нацией, которую нужно постоянно завоевывать". Короче, Лондон оказался не в состоянии навязать британское правление белым колонистам, которые были настроены сопротивляться. Одно дело — сражаться с коренными американцами или мятежными рабами, и совсем другое — с теми, кто является частью вашего собственного народа. Сэр Гай Карлтон, британский губернатор Квебека, заявил, оправдывая свое снисходительное обращение с пленными патриотами: "Поскольку нам не удалась попытка заставить их признать нас братьями, по крайней мере, давайте попытаемся расположить их к тому, чтобы считать нас кузенами". Британский главнокомандующий Уильям Хау, очевидно, испытывал столь же противоречивые чувства, иначе непонятно, почему он не разбил армию Вашингтона на Лонг-Айленде, хотя мог это сделать.

Следует помнить и о том, что континентальные колонии в экономическом отношении были гораздо менее важными,

чем карибские. Фактически они сильно зависели от торговли с Британией, и было бы резонно предположить, что, независимо от политики, они останутся таковыми и в обозримом будущем. Оглядываясь назад, мы понимаем, что потерять Соединенные Штаты во многом означало лишиться экономического будущего. Но в то время затраты на восстановление британской власти в Тринадцати колониях выглядели значительно большими, чем вероятная выгода.

Правда, британцы добились некоторых военных успехов. Они победили при Банкер-Хилле, выиграв, хотя и высокой ценой, первое большое сражение войны. Нью-Йорк был взят в 1776 году, а Филадельфия, столица мятежников, — в сентябре следующего года. Здание, в котором была подписана Декларация независимости, стало госпиталем для раненых и умирающих патриотов. Но Лондон не мог предоставить ни достаточно войска, ни достаточно хороших генералов, чтобы превратить локальный успех в полномасштабную победу. К 1778 году мятежники восстановили контроль над большей частью территории колоний от Пенсильвании до Род-Айленда. И хотя британцы стремились перенести свои операции на юг, где они могли рассчитывать на поддержку лоялистов, ограниченные успехи в Саванне и Чарлстоне не могли предотвратить их поражения. На севере мятежники под руководством генералов Горацио Гейтса и Натаниэля Грина оттеснили Корнуоллиса в Виргинию. В 1781 году Вашингтон, вместо того, чтобы напасть на Нью-Йорк (как он первоначально планировал), двинулся на юг против Корнуоллиса. Он поступил так по совету французского командующего, графа де Рошамбо. Одновременно французский адмирал Франсуа де Грасс разбил британскую эскадру адмирала Томаса Грейвза и заблокировал Чесапикский залив. Корнуоллис был пойман в ловушку на полуострове Йорктаун, между реками Джеймс и Йорк. Здесь был отмщен Лексингтон: англичан оказалось более чем вдвое меньше, к тому же они были хуже вооружены.

Сегодня поле битвы при Йорктауне выглядит не мрачнее поля для игры в гольф. Но в октябре 1781 года оно было изрыто траншеями. Одиннадцатого октября Вашингтон начал обстреливать британские позиции из более чем сотни мортир и гаубиц. Отстоять редуты №9 и 10 — маленькие укрепления, сделанные из деревянных частоколов и мешков с песком, — было крайне важно, поскольку Корнуоллис хотел продержаться до прибытия подкрепления. Ожесточенная рукопашная схватка произошла ночью 14 октября, когда американская колонна во главе с Александром Гамильтоном, будущим министром финансов, с примкнутыми штыками пошла на правый редут. Это была отважная, умелая атака, свидетельствовавшая об эволюции колонистов как солдат. Но если бы французы одновременно не бросились на второй редут, атака патриотов, возможно, захлебнулась бы. Отметим еще раз французский вклад в американский успех. И именно французский флот в тылу Корнуоллиса, препятствовавший эвакуации британцев, обрек их на капитуляцию. Утром 17 октября Корнуоллис послал мальчика-барабанщика, чтобы тот подал сигнал к переговорам. Это было, как отметил один американский солдат в своем дневнике, "самой восхитительной музыкой на свете".

При Йорктауне сдались 7157 британских солдат и матросов. Их противники получили более двухсот сорока орудий и шесть знамен. Когда англичане шли сдаваться, их оркестр играл "Мир перевернулся". (Другой свидетель указал, что пленные, достигнув Йорктауна, искали утешения в алкоголе.) Но что именно перевернуло мир? Кроме французского вмешательства и некомпетентности британских генералов, по существу это была утрата Лондоном политической воли. Когда британская армия капитулировала при Йорктауне, лоялисты вроде Дэвида Фэннинга почувствовали, что брошены на произвол судьбы. Джозеф Галлоуэй выразил сожаление относительно "нехватки мудрости в планах и мужества и настойчивости в их осуществлении".

С другой стороны, лоялисты не были разочарованы британским правлением настолько сильно, чтобы отвергнуть его. Совсем наоборот: многие ответили на поражение эмиграцией на север, в канадские колонии, которые остались верными короне. Фэннинг оказался в Нью-Брансуике. Около ста тысяч лоялистов покинули Соединенные Штаты, отправившись в Канаду, Англию и Вест-Индию. Говорили, что, получив в результате Семилетней войны Канаду, Британия ослабила свое положение в Америке. Не будь французской угрозы, зачем бы Тринадцати колониям оставаться лояльными? И все же потеря Америки неожиданно привела к сохранению в составе империи Канады — благодаря наплыву англоязычных лоялистов, которые вместе с новыми британскими поселенцами превратили французских жителей Квебека в связанное меньшинство. Как ни удивительно, многие должны были "голосовать ногами" против американской независимости, предпочитая верность королю и империи "жизни, свободе и стремлению к счастью".

■

Мы хорошо знаем имя автора этой фразы: Томас Джефферсон. Но один вопрос смущал американских революционеров. Относятся ли слова Декларации о том, что все люди "созданы равными", к четыремстам тысячам их чернокожих рабов (это примерно пятая часть населения бывших колоний, почти половина населения Виргинии)? Джефферсон в своей автобиографии (процитированной на стене мраморного мемориала в Вашингтоне, округ Колумбия) выразился вроде бы недвусмысленно: "Ничто не записано в книге жизни определеннее, чем то, что эти люди [рабы] должны быть освобождены". Но в тексте автобиографии далее следует — и строители мемориала необъяснимым образом пропустили эти слова, — что "две расы" разделены "нестираемыми границами". В кон-

це концов, Джефферсон был виргинским землевладельцем и владел примерно двумястами рабами, из которых освободил всего семерых.

Ирония в том, что приобретя независимость, чтобы самим быть свободными, американские колонисты сохранили рабство в южных штатах. Сэмюэль Джонсон в антиамериканском памфлете "Налоги не есть тирания" едко вопрошал: "Как же получается так, что самые громкие ВОПЛИ о свободе испускают те, кто владеют неграми?" Британцы же в течение нескольких десятилетий после отпадения американских колоний отменили сначала работорговлю, а затем и сам институт рабства во всей империи. Уже в 1775 году британский губернатор Виргинии лорд Данмор предложил рабам, выступившим на стороне англичан, свободу. Это не было авантюрой: решение, вынесенное лордом Уильямом Мэнсфилдом по делу Сомерсета тремя годами ранее, сделало рабовладение в Англии противозаконным. С точки зрения большинства афроамериканцев обретение Соединенными Штатами независимости по меньшей мере на поколение отсрочило их освобождение. Хотя рабство постепенно отменяли в северных штатах, например в Пенсильвании, Нью-Йорке, Нью-Джерси и Род-Айленде, позиции рабовладельцев оставались прочными на Юге, где проживало большинство рабов.

Для коренных американцев независимость также не стала хорошей новостью. Во время Семилетней войны британское правительство выразило стремление расположить к себе индейские племена — хотя бы затем, чтобы удержать их от союза с французами. Были заключены соглашения, согласно которым Аппалачи объявлялись границей британского расселения, а земли к западу, в том числе долина Огайо, оставались индейскими. Конечно, эти соглашения не исполнялись строго после того, как наступил мир, что и привело к восстанию Понтиака в 1763 году. Но факт остается фактом: далекая имперская власть в Лондоне была более склонной признать права коренных американцев, чем жаждущие земли колонисты.

■

Возможно, провозглашение американскими колониями независимости стало началом конца Британской империи. Оно определенно отметило рождение новой динамичной силы — революционной республики, которая могла теперь эксплуатировать свои обширные природные ресурсы, не имея необходимости подчиняться далекому монарху. И все же империю не сломила утрата, как это произошло с Испанией, так и не оправившейся от потери южноамериканских колоний. Напротив, отделение Тринадцати колоний стало стимулом для дальнейшей экспансии. Да, половина Северной Америки была утрачена. Но англичан уже манила новая далекая земля.

Марс

Азия влекла британцев своей торговлей, Америка — землей. Расстояние являлось препятствием, но таким, которое могло быть преодолено благодаря постоянным ветрам. Однако был и другой континент, привлекательный по совершенно другой причине: он был бесплодным. И невероятно далек. Он представлял собой естественную тюрьму.

Австралия со своей красной почвой и невероятной флорой и фауной — эвкалиптами и кенгуру — в XVIII веке заменяла европейцам Марс. Это объясняет первую официальную реакцию на открытие капитаном Куком в 1770 году Нового Южного Уэльса: идеальное место для отбросов общества.

Неофициально ссылка практиковалась с начала 1600-х годов, формально же в систему наказаний она была включена тольков 1717 году. В течение следующих полутора веков действовал закон, гласивший, что преступникам, совершившим незначительные преступления, порка или клеймение могли быть заменены каторгой (до семи лет), а тем, кто был пригово-

рен к смертной казни — до четырнадцати. К 1777 году не менее сорока тысяч мужчин и женщин из Британии и Ирландии были высланы по этим основаниям в американские колонии и присоединились к сервентам (так объясняла Молль Флендерс ее свекровь). Теперь, когда американские колонии отпали, англичанам следовало найти новое средство от переполнения тюрем (не считая открытия новых на юго-восточном побережье Британских островов). Имелись и стратегические расчеты. Зная о давних испанских притязаниях в южной части Тихого океана, а также голландских и французских экспедициях, некоторые английские политики полагали необходимым заселение Нового Южного Уэльса для отстаивания прав Великобритании в Австралии. Но избавление от преступников все же было главной целью.

Северная Ирландия находилась в одном дне плавания, Северная Америка — в нескольких неделях. Но кому хотелось создавать новую колонию на пустом месте, отстоящем на шестнадцать тысяч миль*? Вовсе не удивительно, что для заселения Австралии потребовалось принуждение.

■

Тринадцатого мая 1787 года из Портсмута вышла флотилия из одиннадцати судов с 548 преступниками и 188 преступницами на борту — начиная с девятилетнего трубочиста Джона Хадсона, который украл одежду и пистолет, и заканчивая 82-летней тряпичницей по имени Дороти Хэндленд, осужденной за лжесвидетельство. Спустя почти девять месяцев плавания корабли достигли залива Ботани-Бей, и 19 января 1788 года бросили якорь южнее нынешней Сиднейской гавани.

В 1787–1853 годах к антиподам на "адских кораблях" было отправлено около 123 тысяч мужчин и всего 25 тысяч жен-

* Первый корабль с каторжниками преодолел расстояние в 15900 миль (Портсмут — Рио-де-Жанейро — Кейптаун — Ботани-Бей).

щин за различные преступления, от подлога до кражи овец. С ними прибыло неизвестное число детей, причем многие из них были зачаты в пути. Еще раз подчеркну: с самого начала британцы в новой колонии были полны решимости плодиться и размножаться. Распущенность, питаемая импортным ромом, была одной из главных характеристик тогдашнего Сиднея.

Заселение Австралии было призвано решить проблемы на родине — прежде всего проблему преступлений против собственности. В сущности, каторга была альтернативой повешению воров или постройке для них тюрем в Британии. Но среди ссыльных встречались также "политические": луддиты, участники голодных бунтов, ткачи-радикалы, участники "бунтов Свинга"*, толпаддлские мученики**, чартисты, квебекские патриоты. Около четверти ссыльных было ирландцами, и каждый пятый ирландец был политическим преступником. В Австралию попали не только ирландцы: там оказалось множество шотландцев, хотя шотландские судьи менее охотно, чем их английские коллеги, отправляли соотечественников в ссылку. Удивительно много Фергюсонов было сослано в Австралию: десять человек. Скупые записи об их преступлениях и наказаниях показывают, как тяжела была жизнь на каторге. Семь лет каторги за кражу нескольких куриц — вот приговор, вынесенный одному из моих однофамильцев — обычный для того времени. В Австралии каторжане, совершившие проступки, подвергались телесным наказаниям. Те, кто бежал, наивно надеясь попасть в Китай, погибли в безводных ущельях Голубых гор.

Парадокс австралийской истории состоит в том, что колония, заселенная людьми, вышвырнутыми из Британии, долго

Восстания сельскохозяйственных рабочих, писавших письма с угрозами, подписанные "капитан Свинг" (*swing* — взмах цепом при молотьбе; виселица). — *Прим. пер.*

Шестеро сельскохозяйственных рабочих из деревушки Толпаддл (графство Дорсет), осужденные за организацию профсоюза в 1834 году и приговоренные к ссылке на семь лет. — *Прим. пер.*

оставалась лояльной Британской империи. Америка — вначале сочетание табачной плантации и пуританской утопии, порождение экономической и религиозной свободы — закончила как мятежная республика. Австралия вначале была тюрьмой, прямым отрицанием свободы. В итоге оказалось, что более надежными колонистами стали не "отцы-пилигримы", а каторжники.

Возможно, лучшее объяснение австралийского парадокса таково. Хотя каторжная система являлась насмешкой над притязанием Британской империи быть империей свободы, результатом этой политики стало фактическое освобождение людей, высланных в Австралию. Это произошло отчасти потому, что во времена, когда частная собственность была святыней, британские суды признавали людей виновными в преступлениях, которые сегодня считаются пустячными. Рецидивисты в массе своей (между половиной и двумя третями каторжников) совершали мелкие кражи. Австралийцы вначале буквально были нацией магазинных воришек.

В первое время каторжники, вынужденные работать на правительство или "приписанные" к частным землевладельцам (среди них офицеры полка Нового Южного Уэльса), были обеспечены немногим лучше, чем рабы. Но как только заключенные получали свидетельство об условно-досрочном освобождении, они были вольны продать свой труд тому, кто предложит самую высокую цену. Да и прежде каторжникам предоставлялось время для ухода за собственными участками. Уже в 1791 году двое бывших заключенных Ричард Филлимор и Джеймс Рюз выращивали на своих участках (на острове Норфолк и в Параматте соответственно) достаточно пшеницы и кукурузы, чтобы выкупить себя "со скидкой". Действительно, те, кто пережил переезд и отсидел положенное по приговору, получили шанс начать новую жизнь, пусть и на Марсе.

И все же Австралия без вдохновенных руководителей никогда, возможно, не стала бы чем-то большим, чем огромным

Чертовым островом*. В его преобразовании из свалки для отбросов общества в исправительное учреждение важную роль сыграл Лаклан Маккуори, губернатор колонии в 1809–1821 годах. Уроженец Гебридских островов, кадровый армейский офицер, дослужившийся до командира полка в Индии, Маккуори был таким же деспотом, как и его предшественники из ВМФ. Когда зашел разговор об учреждении совета в помощь губернатору, Маккуори заявил: "Я питаю надежду, что такой институт в этой колонии никогда не появится". При этом, в отличие от своих предшественников, Маккуори был *просвещенным* деспотом. Для него Новый Южный Уэльс был не только местом наказания, но и местом для искупления. Он верил, что под его руководством каторжники смогут превратиться в граждан:

> Перспектива обретения свободы является самым большим стимулом, который может служить исправлению нравов жителей... Вкупе с высокой моралью и должным поведением она должна вернуть человеку то положение в обществе, которое он утратил, и избавит его, насколько позволит случай, от возврата к прежнему дурному поведению.

По совету Уильяма Редферна, сосланного хирурга, который стал семейным врачом губернатора, Маккуори предпринял меры для улучшения условий на кораблях, перевозящих каторжников. В результате уровень смертности резко снизился (с одного из тридцати одного человека до одного из 122). Маккуори смягчил систему уголовного судопроизводства в колонии и даже позволил преступникам с юридическим опытом защищать обвиняемых в суде. Но самым явным и долговременным достижением Маккуори стало превращение Сиднея в образцовый колониальный город. Как раз тогда, когда экономика *laissez-faire* начала задавать тон в Лондоне, Маккуори стал ревностным сторонником планирования. Центральным

* Один из островов Французской Гвианы, в 1852–1952 годах — тюрьма для особо опасных преступников. — *Прим. ред.*

элементом городского плана Сиднея стали огромные казармы Гайд-парка — самое большое в то время здание этого типа в империи вне Британских островов. Казармы — строгое симметричное сооружение (проект Фрэнсиса Говарда Гринуэя, глостерского архитектора, осужденного за подделку ценных бумаг) — напоминают утилитаристский "паноптикум" Иеремии Бентама. Шестьсот преступников, обладавших ремесленными навыками, спали в гамаках, по сто человек в комнате, и за ними было легко наблюдать через глазки. Но это не было тюрьмой. Это был центр распределения квалифицированного труда бывших ремесленников, которые, оказавшись в затруднительном положении, совершили мелкие преступления. Они были нужны Маккуори для строительства в Сиднее сотен общественных зданий, которые, по мысли губернатора, сделают из каторги городскую агломерацию. Первым таким зданием стала прекрасная больница, финансируемая из доходов от специального налога на ром.

В основном покончив с инфраструктурой, Маккуори сосредоточился на уменьшении зависимости колонии от импорта продовольствия. На берегах реки Хоксбери — вплоть до Голубых гор — были заложены "города Маккуори". То были земли, идеально подходящие для выращивания зерновых культур и разведения овец. В таких городах, как Виндзор, Маккуори стремился реализовать свой замысел колониального искупления, предлагая по тридцать акров земли тем, кто уже отбыл наказание. Ричард Фитцджеральд был лондонским уличным мальчишкой. Будучи приговорен к пятнадцати годам каторги, Фитцджеральд скоро был отмечен за свою "выдающуюся работу и образцовое поведение". Маккуори назначил его заведовать сельским хозяйством и складами в Виндзоре. Всего за несколько лет правонарушитель сделался столпом общества, владельцем паба на одной окраине города и строителем внушительной церкви Св. Матфея — на другой.

По мере того, как все больше преступников отбывало срок или зарабатывало досрочное освобождение, облик колонии

менялся. Всего один из четырнадцати экс-каторжан предпочитал возвратиться в Британию, и к 1828 году свободных людей в Новом Южном Уэльсе стало больше, чем преступников. Некоторые из бывших рецидивистов быстро стали нуворишами. Сэмюэль Терри был неграмотным манчестерским рабочим, которого сослали на семь лет за кражу четырехсот пар чулок. Освободившись в 1807 году, он обосновался в Сиднее и заделался трактирщиком и ростовщиком. Терри в новой роли был столь успешен, что уже к 1820 году владел девятнадцатью тысячами акров земли (около десятой доли угодий, находившихся во владении всех остальных бывших преступников). Он остался в истории как "Ротшильд из Ботани-Бей". Мэри Рейби, увековеченная на австралийской двадцатидолларовой банкноте, была сослана в Австралию в возрасте тринадцати лет за кражу лошади. Она удачно вышла замуж и преуспела в грузовых перевозках и торговле недвижимостью. В 1820 году ее состояние оценивалось в двадцать тысяч фунтов.

Маккуори к концу своего губернаторского срока нажил множество врагов. В Лондоне его считали расточителем, в то время как в Австралии находились люди, полагавшие его слишком снисходительным. Однако он мог с полным правом сказать:

> Я принял Новый Южный Уэльс тюрьмой и оставил его колонией. Я нашел здесь праздных заключенных, нищих и чиновников, а оставил большое свободное сообщество, преуспевающее трудами преступников.

А что же с наказанием? Успех политики Маккуори означал, что Новый Южный Уэльс быстро становился преуспевающей колонией. Это также означало, что каторга более не была средством устрашения: теперь приговор был путевкой в новую жизнь, с перспективой большого выходного пособия в виде земельного надела. Начальник одной из английских тюрем был очень удивлен, когда пять заключенных-ирландок резко воз-

разили против снижения срока своего заключения. Они дали ему понять, что предпочли бы каторгу — и Австралию.

Это не значило, что каждый преступник мог последовать плану Маккуори. Что, например, делать с закоренелыми злодеями? Строить тюрьму в тюрьме. В начале своей деятельности в качестве губернатора Маккуори отказался от использования адского острова Норфолк и продолжил отправлять рецидивистов на Землю Ван-Димена (теперь остров Тасмания) и в Мортон-Бей в Квинсленде. Чарльзу О'Харе Буту, начальнику лагеря в Порт-Артуре (Тасмания), предоставили свободу действий, чтобы вершить "законное возмездие вплоть до крайних пределов человеческой выносливости". В районе Мортон-Бей Патрик Логан регулярно "потчевал" подопечных бичеванием. После того как остров Норфолк вновь стал тюрьмой, новых рубежей жестокости и садизма достиг Джон Джайлс Прайс. После порки он привязывал людей к ржавым железным кроватям, чтобы гарантировать заражение ран. Немногие в Британской империи заслужили такую смерть, какую Прайс принял от рук, молотов и ломов каторжников в карьере Уильямстауна в 1857 году.

■

Но жестокое обращение с рецидивистами в Австралии блекло в сравнении с тем, как обходились с аборигенами, которых в 1788 году насчитывалось около трехсот тысяч. Как и индейцы, они стали жертвами "белой чумы". Колонисты принесли с собой инфекционные болезни, к которым у аборигенов не было иммунитета, и сельское хозяйство, что потребовало изгнания кочевых племен с их охотничьих угодий. Овцы для Австралии были тем же, чем сахар для Вест-Индии и табак для Виргинии. К 1821 году в Австралии было уже 290 тысяч овец. Они наводнили буш, где аборигены в течение многих тысячелетий охотились на кенгуру.

Патерналист Маккуори надеялся вывести аборигенов из "неприкаянного голого состояния" и преобразовать в почтенных фермеров. В 1815 году он попытался поселить шестнадцать из них на маленькой ферме на побережье в Миддл-Хеде, предоставив в их распоряжение специально построенные хижины и лодку. В конце концов, рассуждал он, раз преступников можно превратить в образцовых граждан, снабдив их всем необходимым и предоставив второй шанс, то почему бы не попробовать с аборигенами? Увы, к отчаянию Маккуори, они быстро потеряли интерес к обустроенной жизни, которую он предложил. Они потеряли лодку, не стали пользоваться хижинами и вернулись в буш. Такое безразличие — в противоположность воинственному сопротивлению новозеландских маори белым колонизаторам — предопределило судьбу коренных австралийцев. Чем настойчивее они отвергали "цивилизацию", тем больше жаждавшие земли фермеры чувствовали себя вправе истреблять их. Некий флотский хирург объявил, что "единственное, в чем они [аборигены] превосходят скот, заключается в использовании копья, в их чрезвычайной свирепости и в применении огня для приготовления пищи".

Одна из самых отвратительных глав истории Британской империи повествует о настоящей охоте на коренных жителей Земли Ван-Димена, о лишении их свободы и, в конечном счете, истреблении. Этот случай заслуживает названия "геноцид" — термина, которым теперь злоупотребляют. (В 1876 году умерла последняя из тасманийцев, Труганини.) Все, что можно сказать в качестве смягчающего обстоятельства, — если бы Австралия была в XIX веке независимым государством, как США, то геноцид, возможно, принял бы континентальный масштаб, а не остался бы частью истории только Тасмании. Спустя два года после смерти Труганини романист Энтони Троллоп посетил Австралию. Он спросил местного магистрата,

> что бы тот порекомендовал сделать... если стечение обстоятельств вынудит меня выстрелить в буше в чернокожего?

> Следует ли мне явиться в ближайший участок... или предаться радости, словно я... убил смертоносную змею? Его совет был ясным и четким: "Никто, будучи в своем уме, не проронит об этом и слова".

Троллоп заключил, что "их [аборигенов] судьба — исчезнуть". И все же одной из черт Британской империи было то, что центральная имперская власть пыталась сдерживать безжалостные импульсы колонистов на периферии. Беспокойство английских парламентариев дурным обращением с коренными народами привело в 1838–1839 годах к назначению Уполномоченных по делам аборигенов в Новом Южном Уэльсе и Западной Австралии. Увы, эти усилия не смогли предотвратить резню в Майол-Крике в 1838 году: тогда группа из двенадцати скотоводов (все, кроме одного — бывшие каторжники) расстреляли и закололи двадцать восемь безоружных аборигенов. Война между фермерами и аборигенами шла бы еще много десятилетий — по мере расширения сельскохозяйственных земель. Но наличие сдерживающей власти, независимо от того, насколько далекой она была, отличало британские колонии от независимых республик, созданных поселенцами. Когда Соединенные Штаты вели войну против индейцев, их ничто не ограничивало.

Судьба аборигенов — поразительный пример того, как менялось отношение к проблеме в зависимости от расстояния. В Лондоне на нее смотрели совершено иначе, чем в Сиднее. Здесь заключена сущность имперской дилеммы. Как могла империя, фундаментом которой якобы была свобода, оправдывать отказ учесть пожелания колонистов, когда они противоречили воле далеких законодателей?

Этот вопрос был главным для Америки в 70-х годах XVIII века, и окончательным ответом на него стало отпадение колоний. В 30-х годах XIX века этот вопрос был поставлен вновь — Канадой. И в этот раз у англичан нашелся лучший ответ.

■

Со времен американской Войны за независимость Канада казалась самой надежной из британских колоний благодаря притоку лоялистов из Соединенных Штатов. Однако в 1837 году восстали франкоязычный Квебек и проамериканские реформаторы Верхней Канады. Претензия оказалась знакомой: несмотря на то, что у них была собственная выборная Палата ассамблеи, их пожелания могли быть проигнорированы Законодательным советом и губернатором, которые несли ответственность исключительно перед Лондоном. В Британии возникла настоящая тревога по поводу того, что быстро растущие Соединенные Штаты могут получить возможность аннексировать территорию своего северного соседа: в конце концов, их объединение декларировалось в статье XI американских Статей конфедерации*. В 1812 году Соединенные Штаты даже отправили в Канаду двенадцатитысячную армию, но она потерпела сокрушительное поражение.

Американский эксперимент существования в одиночку в качестве республики оказался, бесспорно, успешен. Но могли ли другие "белые" британские колонии отделиться, также став республиками? Могли ли возникнуть Соединенные Штаты Канады или, например, Австралии? Возможно, удивительнее всего то, что этого не случилось.

Отчасти это результат усилий Джона Джорджа Лэмбтона, графа Дарема, кутилы эпохи Регентства, которого послали в Канаду, чтобы воспрепятствовать новому восстанию. По словам современника, "роскошный деспот" Дарем дал всем знать о своем прибытии в Квебек, гарцуя по улицам на белом коне,

* Первая конституция США, принятая в 1777 году и действовавшая в 1781–1789 годах. Статья XI гласит: "Ввиду того, что Канада присоединяется к этой Конфедерации и принимает участие в мерах, предписываемых Соединенными Штатами, она должна быть принята в Конфедерацию и должна иметь право пользоваться всеми выгодами этого Союза..." (пер. В. Неведомского). — *Прим. ред.*

обосновавшись в Шато-Сен-Луи*, кушая на золоте и серебре, смакуя старое шампанское. Тем не менее Дарем не был пустым человеком. Он был одним из авторов парламентской реформы 1832 года, благодаря чему заслужил прозвище "Радикальный Джек". Кроме того, у него хватало ума прислушиваться к дельным советам. Чарльз Буллер, личный секретарь Дарема, родился в Калькутте, изучал историю вместе с Томасом Карлейлем и, прежде чем стать членом Палаты общин, завоевал репутацию блестящего барристера**. Эдвард Гиббон Уэйкфилд, главный советник Дарема, много писал о земельной реформе в Австралии, по иронии судьбы томясь в тюрьме Ньюгейт, куда его отправили на три года за похищение несовершеннолетней богатой невесты. Уэйкфилд был одним из многих мыслителей своего поколения, которых посещал призрак, вызванный демографом Томасом Мальтусом: неприемлемый прирост населения на родине. Для Уэйкфилда колонии были очевидным ответом на вопрос, куда девать "избыток" англичан. Но он был убежден, что для поощрения свободного расселения (в противоположность каторге) с колонистами, обладающими истинно британским чувством независимости, должно достигать некоего компромисса.

После шести месяцев, проведенных в Канаде, Дарем, Буллер и Уэйкфилд вернулись в Англию и представили свой доклад. Хотя он касался прежде всего специфических проблем управления Канадой, у него был глубокий подтекст, относящийся ко всей империи. Действительно, можно сказать, что доклад Дарема спас империю. Он признавал правоту американских колонистов: они имели право требовать, чтобы те, кто управлял "белыми" колониями, несли ответственность перед их представительными органами, а не были бы просто агентами далекой королевской власти. Дарем предлагал дать

* Официальная резиденция губернатора Новой Франции, затем британского губернатора Квебека, генерал-губернатора Британской Северной Америки и вице-губернатора Нижней Канады. — *Прим. ред.*

** Высшее адвокатское звание в Англии. — *Прим. ред.*

Канаде как раз то, в чем британские министры прежнего поколения отказали американским колониям: "систему ответственного правительства, которое вручило бы людям подлинный контроль над их судьбами... Управление колониями впредь должно осуществляться в соответствии с представлениями большинства в ассамблее". Также авторы доклада указывали на удачный выбор американцами федеративной формы государства. Этот опыт следовало повторить в Канаде и позднее в Австралии.

Впрочем, это не было сделано сразу. Хотя правительство поспешило осуществить основную рекомендацию Дарема (то есть объединить Верхнюю и Нижнюю Канаду, чтобы ослабить французское влияние), ответственного правительства не существовало до 1848 года (да и тогда оно появилось только в Новой Шотландии). До 1856 года большинство канадских колоний его не имело. К тому времени идея получила популярность в Австралии и Новой Зеландии. К 60-м годам XIX века баланс власти в "белых" колониях сместился. С тех пор губернаторы играли декоративную роль представителей декоративного монарха. Власть же находилась в руках избираемых колонистами депутатов.

Таким образом, учреждение "ответственного правительства" было способом увязать имперскую практику с принципом свободы. Смысл доклада Дарема заключался в том, что запросы канадцев, австралийцев, новозеландцев и южноафриканцев, мало отличающиеся от чаяний американцев в 70-х годах XVIII века, могут (и должны) быть удовлетворены без освободительных войн. И чего бы с тех пор ни пожелали колонисты, они в значительной степени добивались этого. Когда австралийцы потребовали прекратить присылать ссыльных, Лондон уступил: в 1867 году в Австралию пришло последнее судно с каторжниками.

Таким образом, в Окленде не произошло ничего, подобного сражению при Лексингтоне, в Канберре не появился второй Джордж Вашингтон, а в Оттаве обошлись без Декла-

рации независимости. Действительно, когда читаешь доклад Дарема, трудно не почувствовать его сожаление. Если бы американским колонистам дали ответственное правительство, когда они впервые попросили об этом в 70-х годах XVIII века, то есть если бы британцы руководствовались собственными речами о свободе, то, возможно, не было бы Войны за независимость. И тогда, возможно, не было бы США. И миллионы английских эмигрантов, возможно, выбрали бы Калифорнию вместо Канады*.

* Фактически, несмотря на правительственную поддержку эмиграции в Австралию, США долго оставались главным пунктом назначения для эмигрантов из Соединенного Королевства. Приблизительно из шестисот тысяч человек, которые уехали из Англии, Уэльса и Шотландии между 1815 и 1850 годами, 80 % отправились в Соединенные Штаты. Среди почти тринадцати миллионов человек, уехавших из Соединенного Королевства в течение шестидесяти лет после 1850 года, пропорция была той же. Особенно предпочитали "страну свободных" ирландцы. Только в XX веке больше британцев стало расселяться по империи, а не уезжать в Америку. Более шести миллионов англичан эмигрировали в империю в 1900–1963 годах (примерно восемь десятых всех британских эмигрантов).

Глава 3
Миссия

Когда видишь противоречия между правлением христиан и язычников, когда знание о нищете народа вынуждает думать о несказанном благе для миллионов, которое последовало бы за расширением британского влияния, то не амбиции, а человеколюбие диктует желание овладеть страной. Там, где будет вести божье провидение, одно государство за другим будет подчинено британцам.

Маклеод Вайли, "Бенгалия
как поле для миссий" (1854)

В XVIII веке Британская империя была в лучшем случае безнравственной. При Ганноверской династии* англичане захватили власть в Азии, земли в Америке и рабов в Африке. Туземцев облагали налогами, грабили и истребляли. При этом англичане, как это ни парадоксально, чаще всего терпимо относились к культуре этих народов. В некоторых случаях она даже становилась объектом изучения и восхищения.

У викторианцев были иные устремления. Они мечтали не только править миром, но и дать ему искупление. Им было мало эксплуатации других рас. Они стремились исправить их. Эксплуатацию туземцев, может, и следовало прекратить, но их культуру — суеверную, отсталую, языческую — следовало перекроить на европейский лад.

В числе прочих мест викторианцы желали принести свет на "темный континент". На самом деле Африка была гораздо менее примитивной, чем они думали. Далекая от "дикого хаоса", как ее охарактеризовал английский путешественник, Африка южнее Сахары была родиной многочисленных государств и народов. Некоторые были экономически намного

* Правили с 1714 года. Последним представителем стала Виктория (1837-1901). — *Прим. ред.*

более развитыми, чем современные им доколониальные общества Северной Америки или Австралазии. В Африке существовали крупные города вроде Тимбукту (в современном Мали) и Ибадана (в современной Нигерии), золотые и медные рудники, текстильная промышленность. Однако Африка южнее Сахары казалась викторианцам отсталой в трех отношениях. Во-первых, здесь, в отличие от северной части материка, верования не были монотеистическими. Во-вторых, за исключением северных и южных окраин, материк пребывал во власти малярии, желтой лихорадки и других болезней, смертельных для европейцев и привычного им домашнего скота. В-третьих, главную статью африканского экспорта составляли рабы. Специфический путь глобального экономического развития привел африканцев к бизнес-модели, заключавшейся в поимке и продаже друг друга европейским и арабским работорговцам.

Подобно современным благотворительным организациям, викторианские миссионеры полагали, что знают, что лучше для Африки. Их целью была не столько колонизация, сколько цивилизация, "окультуривание": распространение образа жизни, который был, во-первых, христианским, а во-вторых, явно североевропейским в своем благоговении перед промышленностью и умеренностью. Человеком, в котором воплотился новый идеал империи, стал Дэвид Ливингстон. С его точки зрения, коммерции и колонизации, прежде составлявших фундамент империи, было недостаточно. Главное, чего желали Ливингстон и тысячи подобных ему миссионеров — возрождения империи.

Распространение благой вести о цивилизации было не государственным проектом, а инициативой того, что мы сейчас называем "третьим сектором". Благие намерения викторианских благотворительных организаций принесли нежданные, порой очень горькие плоды.

От Клэпхема до Фритауна

У британцев есть давняя традиция: помощь Африке. Британские военные с мая 2000 года находятся в Сьерра-Леоне в качестве миротворцев. Их миссия, в сущности, альтруистическая: помочь восстановить стабильность в стране, долгие годы раздираемой гражданской войной*. Немногим менее двухсот лет тому назад в Сьерра-Леоне базировалась эскадра королевского ВМФ, имевшая высоконравственную миссию. Морякам было вменено в обязанность перехватывать суда работорговцев, отплывающие из Африки в Америку, и таким образом положить конец трансатлантической торговле невольниками.

Удивительная смена ролей, особенно для самих африканцев!** После того как в 1562 году британцы пришли в Сьерра-Леоне, им не понадобилось много времени для того, чтобы заняться работорговлей. За следующие два с половиной века более трех миллионов африканцев в оковах на британских судах покинули родину. В конце XVIII века, однако, что-то резко переменилось: как будто в британской душе щелкнул тумблер. Внезапно англичане начали освобождать рабов и отправлять их домой, в Западную Африку. Сьерра-Леоне переименовали в Либерию, "страну свободы", а ее столица стала Фритауном, "городом свободных". Освобожденные рабы проходили через Арку свободы с надписью, теперь почти неразличимой: "Освобождены от рабства благодаря британской доблести и человеколюбию". Вместо того, чтобы окончить свои дни на плантации на другом берегу Атлантики, каждый невольник получал четверть акра земли, котелок, лопату — и свободу.

Не только альтруистическая, но и весьма успешная. Я посетил Фритаун в феврале 2002 года, за три месяца до того, как в стране были проведены свободные выборы, и один человек, узнав о моей национальности, воскликнул: "Хвала Господу за Британию!"

По словам вождя Гезо, который ежегодно продавал девять тысяч рабов, "работорговля была главным принципом народа. Это источник их славы и богатства. В их песнях прославляются победы, и матери баюкают детей, воспевая победы над врагами, обращенными в рабство. Так могу ли я, подписав... соглашение, изменить чувства всего народа?"

Районы Фритауна походили на национальные поселения, каковыми они остаются и сегодня: конголезцы живут в Конготауне, фулани — в Уилберфорсе, ашанти — в Кисси. Прежде рабов приводили на побережье и приковывали к железным прутьям в ожидании переезда за океан. Теперь они прибывали во Фритаун, чтобы освободится от цепей и начать новую жизнь. Что же заставило Британию превратиться из главного закабалителя в главного освободителя? Религиозный подъем, центром которого стал (кто бы мог подумать!) лондонский Клэпхем.

■

Захария Маколей — один из первых губернаторов Сьерра-Леоне. Сын священника из Инверури и отец самого значительного историка викторианской эпохи, Маколей некоторое время управлял сахарной плантацией на Ямайке. Но вскоре оказалось, что работа противоречит вере: побои, которые он ежедневно наблюдал, вызывали у него отвращение. Он возвратился в Англию, где сошелся с банкиром и членом парламента Генри Торнтоном, основным спонсором Компании Сьерра-Леоне — небольшого частного предприятия, основанного для того, чтобы репатриировать в Африку немногочисленных бывших рабов, живущих в Лондоне. По инициативе Торнтона Маколея в 1793 году отправили в Сьерра-Леоне, где его страсть к труду во имя благой цели вскоре обеспечила ему должность губернатора. В течение следующих пяти лет Маколей вникал в механику торговли, которую он решился искоренить. Он встречался с вождями племен, которые поставляли рабов из внутренних областей Африки и даже пересек Атлантику на невольничьем судне, чтобы лично оценить страдания невольников. К тому времени, когда Маколей возвратился в Англию, он уже не был *одним из* экспертов по работорговле — он стал Экспертом.

Было только одно место в Лондоне, где Маколей мог найти единомышленников: Клэпхем. Можно сказать, что моральный

ное преобразование Британской империи началось в церкви Святой Троицы на севере Клэпхема. Единоверцы Маколея, включая Торнтона и великолепного парламентского оратора Уильяма Уилберфорса, соединили евангелическое усердие с трезвым политическим расчетом. Клэпхемская секта преуспела в привлечении нового поколения активистов. Вооружившись собственноручными отчетами Маколея о работорговле, они решили добиться ее отмены.

Нелегко объяснить столь глубокое изменение морали этих людей. Принято считать, что рабство было отменено просто потому, что перестало приносить прибыль, однако это не так: рабство отменили, несмотря на его прибыльность. Как и всегда, крупные перемены начались с малого. Долгое время меньшая часть населения Британской империи не одобряла рабство по религиозным соображениям. Пенсильванские квакеры высказывались против него еще в 80-х годах XVII века, утверждая, что оно нарушает библейское предписание: "Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними" (Мф. 7:12). В 40–50-х годах XVIII века так называемое Великое пробуждение в Америке и расширение влияния методистской церкви в Британии послужили пропаганде этих принципов среди широких кругов протестантов. Другие отвратились от рабства под влиянием Просвещения. Так, Адам Смит и Адам Фергюсон были противниками работорговли (Смит по той причине, что "труд свободных людей обходится в конечном счете дешевле труда рабов"). Однако только в 80-х годах XVIII века кампания против рабовладения и работорговли получила достаточный импульс, чтобы поколебать законодателей. В 1780 году рабство было отменено в Пенсильвании. Этому примеру более или менее скоро последовали многие другие северные штаты. В 1788 году был принят закон, регулирующий условия на невольничьих судах. Четыре года спустя законопроект о постепенной отмене был утвержден Палатой общин, но отклонен Палатой лордов.

Кампания по отмене работорговли была одним из первых крупных внепарламентских движений. Его лидеры при-

надлежали к разным социальным слоям. Гренвил Шарп и Томас Кларксон, основатели Общества за искоренение работорговли, принадлежали к англиканской церкви, в то время как большинство их соратников были квакерами. Начинание поддержали многие за пределами Клэпхема, в том числе Питт-младший, бывший работорговец Джон Ньютон, Эдмунд Берк, поэт Сэмюэль Т. Кольридж и "король гончаров" Джозайя Веджвуд, унитарий. Представители разных конфессий сообща выступили против рабства. Одну из встреч аболиционистов в Эксетер-холле посетил молодой Дэвид Ливингстон.

Масштаб кампании поражал. Веджвуд изготовил тысячи значков (вскоре повсеместно распространившихся) с изображением чернокожего раба и девизом: "Разве я не человек и не твой брат?". Когда множество людей (одиннадцать тысяч человек в одном только Манчестере — две трети мужского населения города) подписало петицию с требованием прекращения работорговли, это, по сути, явилось призывом к подчинению внешней политики морали. Их требование правительство не посмело игнорировать, и в 1807 году работорговлю отменили. Отныне работорговцы, признанные судом виновными, отправлялись на каторгу, в Австралию. Реформаторы этим не удовлетворились, и в 1814 году петиции, призывающие к отмене самого рабства, подписали не менее 750 тысяч человек.

Так родилась политика нового типа: групп давления. Усилиями активистов, вооруженных только бумагой, перьями и священным гневом, Британия восстала против рабства. Еще замечательнее то, что работорговлю отменили, несмотря на решительное сопротивление могущественного рабовладельческого лобби. Некогда плантаторы Вест-Индии оказались достаточно влиятельными, чтобы запугать Берка и подкупить Босуэлла. Ливерпульские работорговцы были не намного слабее, однако их снес евангелический порыв. Ливерпульские купцы удержались на плаву только потому, что приняли взамен работорговли новую специализацию: импорт западноафриканского пальмового масла для изготов-

ления мыла. Буквально и метафорически бесчестно нажитое богатство отмыли.

Одна победа привела к другой. После запрета работорговли рабовладение было обречено. В 1808–1830 годах число рабов в британской Вест-Индии снизилось примерно с 800 до 650 тысяч. К 1833 году рабовладение на британской территории было объявлено вне закона. Илоты Карибского моря получили свободу, а их владельцы — компенсацию из доходов от специального правительственного займа.

Это, конечно, не положило конец ни трансатлантической работорговле, ни рабству в обеих Америках. Рабовладение сохранилось не только в южных штатах США, но также — и в гораздо большем масштабе — в Бразилии. Известно, что после британского запрета около 1,9 миллиона африканцев было увезено за океан (большинство — в Латинскую Америку). Однако англичане прилагали все усилия, чтобы перекрыть этот поток. Британская Западная Африка снарядила эскадру для патрулирования побережья (базой стал Фритаун) и определила для офицеров ВМФ награду за каждого освобожденного раба. С рвением новообращенных британцы взялись "очистить африканские и американские моря от бесчеловечной торговли, которой они теперь наполнены".

Под английским давлением испанское и португальское правительства запретили торговлю невольниками, и королевский флот смог беспрепятственно преследовать подданных этих стран, подозреваемых в работорговле. Были даже учреждены международные арбитражи. Французы участвовали в патрулировании без особенного энтузиазма, ворча, что британцы мешают другим получать прибыль от того, что сами имели глупость запретить. Только суда под флагом Соединенных Штатов игнорировали британский режим.

Итак, аболиционисты не только смогли подтолкнуть законодателей к запрету работорговли. К кампании присоединился и королевский флот, добивавшийся соблюдения этого запрета. А то, что английский флот почти тогда же участвовал

в кампании по принуждению Китая к открытию своих портов для торговли индийским опиумом, свидетельствует о том, что моральный импульс в войне против работорговли исходил не от Адмиралтейства.

■

Мемориал Клэпхемской секте у восточной стены церкви Святой Троицы восхваляет Маколея и его друзей, которые "дали себе отдых только тогда, когда проклятие рабства было снято со всех британских владений". Однако это был только первый пункт честолюбивого плана. Примечательно, что в надписи упоминается и о том, что они трудились "неустанно во имя национальной добродетели и обращения язычников". Это был новый подход. Двести лет империя вела торговлю, воевала и основывала колонии. Она экспортировала товары, капитал и поселенцев. Теперь она желала экспортировать британскую культуру. Африканцы могли быть отсталыми и суеверными, но новому поколению британских евангелистов они казались способными воспринять "цивилизацию". Как выразился Маколей, пришло время "свету, свободе и цивилизации пролиться на мрачную землю [Африки]". Распространение слова Божьего и спасение душ язычников стало новым — бескорыстным — стимулом к расширению британского влияния. Эту миссию и взяли на себя наиболее успешные неправительственные организации XIX столетия.

Миссионерские общества были гуманитарными организациями викторианской эпохи, оказывавшими "менее развитому" миру и духовную, и материальную поддержку. Их родословная восходит к Обществу распространения христианского Евангелия (1698) и Обществу проповеди Евангелия (1701), однако последние были обеспокоены почти исключительно духовным благополучием британских колонистов и солдат, расквартированных за границей. В конце XVIII века движение

за обращение в христианство коренных народов, как и аболиционистское движение, стало быстро расширяться. В 1776 году "Евангелический журнал" посвятил передовицу "Африке — израненной земле". Редакторы журнала намерены были "распространять Евангелие Христово... важнейшее благословение, которое облегчает тяготы самой печальной жизни" именно в "этой отсталой и угнетаемой стране". Шестнадцать лет спустя Уильям Кэри произнес знаменитую проповедь в Ноттингеме. Он призвал своих слушателей "ожидать многого от Бога, стремиться делать многое для Бога". Вскоре он и некоторые его друзья учредили первое Баптистское общество проповеди Евангелия язычникам. За ним последовало Лондонское миссионерское общество (1795), которое принимало миссионеров из всех нонконформистских сект, а в 1799 году — англиканское Церковное миссионерское общество, объявившее своей целью (на самом деле — христианским долгом) "проповедь Евангелия язычникам". Действовали и шотландские общества, основанные в Глазго и Эдинбурге в 1796 году.

Самым подходящим местом для начала миссионерской работы в Африке был Фритаун. Уже в 1804 году там начало действовать Церковное миссионерское общество, вслед за ним — методисты. И те, и другие взялись за "освобожденных пленников" из йоруба (бывших рабов, оказавшихся во Фритауне благодаря вмешательству ВМФ). Но миссионеры отправлялись не только в Африку. Уже в 1809 году англиканские миссионеры прибыли в самую далекую из британских колоний, Новую Зеландию. На Рождество 1814 года Сэмюэль Марсден прочитал маори проповедь на слова "Не бойтесь; я возвещаю вам великую радость" [Лк. 2:10]. Слушатели, правда, не уловили смысл его слов, но то, что он остался после этого в живых, ободрило других миссионеров. Методисты основали миссию в Новой Зеландии в 1823 году, католики — в 1838 году. К 1839 году у англикан в Новой Зеландии было одиннадцать миссионерских пунктов, у методистов — шесть. Возможно, самым успешным из первых миссионеров в Новой Зеландии был бесстрашный

Генри Уильямс, англиканин, бывший моряк, который работал там с 1823 года до своей смерти, последовавшей в 1867 году. Он построил первую церковь (в Пайхия) и перевел Библию на язык маори. Уильямс завоевал уважение маори, не в последнюю очередь благодаря тому, что решился напомнить им о Евангелии прямо в середине сражения. Но не каждый миссионер был в состоянии противостоять местным нравам. Преподобный Карл С. Фелкнер приехал в Новую Зеландию в 50-х годах XIX века. Он утратил расположение маори из Опотики, принявшись убеждать их воздержаться от кровопролития, когда в 1865 году вспыхнула война с конкурирующим кланом. Один из вождей повесил Фелкнера, выстрелил в него, обезглавил прямо в церкви, а затем выпил его кровь и проглотил оба глаза.

Обращение язычников вообще было опасным занятием. Миссионерское движение нуждалось в целой армии молодых людей — идеалистов, альтруистов, авантюристов, — готовых идти на край света и нести туда Слово Божье. Между устремлениями миссионеров и прежних строителей империи — головорезов, работорговцев и поселенцев — наблюдался сильнейший контраст.

Уильям Трелфол, на которого методисты возлагали едва ли не самые большие надежды, в 1824 году отправился в Южную Африку в возрасте 23 лет. Уже по дороге Трелфол оказался на волосок от смерти: на корабле вспыхнул сыпной тиф, и вскоре после прибытия в Африку он слег. В Кейптауне миссионер, пребывая, как он думал, на смертном одре, взял друга за руку и "с самой волнующей серьезностью выразил пожелание стать чернокожим, чтобы находиться среди туземцев, не будучи заподозренным в низменных или суетных намерениях". Трелфол поправился, но менее года спустя вместе с двумя компаньонами погиб от рук бушменов.

Трелфол и тысячи таких, как он, стали мучениками "евангелического империализма". Их готовность к самопожертвованию не ради благ, а ради Бога отличала викторианскую империю ото всех, бывших прежде. И за каждым миссионером

(фактически за каждой викторианской неправительственной организацией) на родине стояло множество мужчин и женщин, поддерживавших и спонсировавших их. Этот тип людей Диккенс вывел в "Холодном доме" в лице госпожи Джеллиби, преступно пренебрегающей ближайшими родственниками, но неистово посвящающей себя благим делам:

> Она занималась разрешением чрезвычайно разнообразных общественных вопросов, а в настоящее время посвящает себя (пока не увлечется чем-либо другим) африканскому вопросу, точнее — культивированию кофейных бобов... а также туземцев... и благополучному переселению на берега африканских рек лишнего населения Англии... Это была миловидная, очень маленькая, пухленькая женщина лет сорока-пятидесяти, с красивыми глазами, которые, как ни странно, все время были устремлены куда-то вдаль. Казалось, будто они видят только то, что находится не ближе Африки![*]

Образцовая африканская миссия была открыта Лондонским миссионерским обществом в Курумане, в Бечуаналенде, почти в шестистах милях к северо-востоку от Кейптауна. О Курумане регулярно упоминали в литературе Лондонского миссионерского общества. Миссия по описаниям напоминала славную шотландскую деревушку в самом сердце Африки, с церковью, крытой тростником, побеленными домами и красным почтовым ящиком. Суть проекта была проста: превращая африканцев в христиан, миссия одновременно воспитывала их, меняя не только их веру, но и манеру одеваться и вести хозяйство. Об успехах Курумана с энтузиазмом сообщал "Миссионерский журнал":

> Люди теперь одеты в британскую мануфактуру и, появляясь в Божьем доме, имеют очень представительный вид. Дети,

[*] Пер. М. Клягиной-Кондратьевой. — *Прим. пер.*

> которые прежде бегали голыми и имели самый отвратительный вид, теперь прилично одеты... Вместо нескольких жалких хижин, напоминающих свинарники, у нас теперь есть ухоженная деревня. Долина, в которой она лежит, и которая до последнего времени была невозделанной, ныне утопает в садах.

Другими словами, здесь происходило не только обращение в христианство. Это была настоящая англизация.

Тридцать первого июля 1841 года эта идиллия была нарушена человеком, которому суждено было произвести переворот в миссионерском движении и навсегда изменить отношения Англии и Африки.

Викторианский супермен

Дэвид Ливингстон — сын портного, занявшегося чайной торговлей, — родился в 1813 году в Блантайре, городе текстильщиков, в шотландском Ланаркшире. Он начал работать на фабрике, будучи всего десяти лет от роду. Ливингстон был удивительным самоучкой. Несмотря на то, что он работал двенадцать с половиной часов в день, шесть дней в неделю, он изучал латынь и основы древнегреческого языка, читая буквально за ткацким станком. В шотландце Ливингстоне соединились два великих интеллектуальных течения начала XIX века: благоговение перед наукой, присущее эпохе Просвещения, и чувство долга, характерное для обновленного кальвинизма. Первое влекло его к изучению медицины, второе побуждало отдавать себя работе в Лондонском миссионерском обществе. Ливингстон самостоятельно оплатил свою учебу в колледже Андерсона в Глазго, а в 1838 году изъявил желание стать миссионером. Два года спустя, в ноябре 1840 года, он стал лицензиатом Королевского факультета врачей и хирургов в Глазго. В том же месяце Ливингстон стал священнослужителем.

Ответы Ливингстона на анкету Лондонского миссионерского общества показывают глубокое понимание им сути труда миссионера:

> Когда я понял ценность Евангелия... желание, чтобы все могли наслаждаться этим даром, немедленно охватило меня, и мне стало ясно, что наряду с собственным спасением это должно быть главной целью каждого христианина... Обязанности [миссионера], как я их понимаю, заключаются главным образом в том, чтобы стремиться любым способом, который ему доступен, распространять Евангелие, проповедуя, увещевая, обращая, научая молодежь, улучшая, насколько в его силах, условия жизни тех, среди кого он трудится, распространяя искусства и науки цивилизации и делая все, что в его силах, чтобы донести христианство до слуха и совести. Его вера и терпение подвергнутся великим испытаниям, исходящим из безразличия, недоверия и даже прямого противостояния и презрения тех, для блага кого он бескорыстно трудится. Он может испытать соблазн впасть в отчаяние от того, что плоды его трудов оказываются незначительными и открытыми разлагающему влиянию язычества.
>
> Тяготы и опасности миссионерской жизни, насколько я могу понять их природу и масштабы, были предметами серьезных раздумий и, благодаря обещанной помощи Святого духа, [у меня] нет никакого сомнения в том, что я охотно подчинился бы им, учитывая мое сложение, благодаря которому я способен выносить любые обычные лишения и усталость.

Ливингстон хорошо понимал, на что идет, и у него была странная уверенность, что он обладал всем, что для этого требуется. Он был прав: после темных, сатанинских фабрик Ланаркшира ничто в мире не могло его испугать.

Сначала он намеревался отправиться в Китай, но этому намерению помешала Опиумная война. Тогда он убедил Лондонское миссионерское общество послать его в Южную Африку.

Он казался прекрасной кандидатурой для работы в Курумане. Ливингстон, будучи проповедником и врачом, идеально подходил для распространения и христианства, и цивилизации. Кроме того, в отличие от многих молодых миссионеров, Ливингстон отличался железным здоровьем, а это было очень кстати, учитывая суровую африканскую жизнь. Он пережил нападение льва и бесчисленные приступы малярии, для избавления от которой придумал собственное, весьма неприятное, средство*. Ливингстона разочаровало увиденное в образцовой миссии. Оказалось, что обращение африканцев было процессом крайне медленным, как дают понять его ранние куруманские дневники:

> Население погружено в состояние сильной моральной деградации. Действительно, должно быть очень трудно или совершенно невозможно христианам на родине хотя бы приблизительно составить представление о грубости их ума. Никто не может описать состояние, в котором они живут. Все их представления всецело земные, и лишь с огромным трудом их можно заставить отвлечься от чувственных объектов... Вся их одежда пропитана жиром, поэтому и моя вскоре испачкалась. А сидеть среди них изо дня в день и слушать их ревущую музыку довольно для того, чтобы вызвать отвращение к язычникам навсегда. Пока они не набьют животы мясом и пивом, они ворчат, а когда они насытятся, начинается шум, именуемый пением.

Такой была действительность, скрывающаяся за пропагандой "Миссионерского журнала". Роберт Моффат, основатель миссии, признавал, что не было

* Ливингстон описывал его так: "Сильное слабительное с хинином и теплой ванной или согреванием ног. Я замечал, что как только произойдет малейшее движение в кишках, прекращаются ручьи пота из кожи и головная боль уходит. Если смешать с небольшим количеством спирта 3 грана хлористой ртути, 3 хинина, 10 гранов ревеня, 4 грана сока ялапы, то получится великолепная микстура". Позднее этот рецепт стал основой "Ливингстоновой пилюли", или "Замбезийской встряски".

> никакого обращения, никакого вопрошания о Боге... Безразличие и глупость на каждом челе, невежество, величайшее невежество, в глубине каждого сердца. Земные, физические, дьявольские вещи возбуждают радость и оживление, в то время как великие вопросы о спасении души представляются им не более красивым или ценным, чем рваное тряпье... Мы проповедуем, беседуем, наставляем, но без малейшего успеха. Насыщайте их нищенствующий дух постоянными подачками, и вы для них будете хорош. Но откажитесь удовлетворить их бесконечные требования, и их похвалы обратятся в насмешки и оскорбления.

Ливингстон постепенно пришел к пониманию, что африканцы проявляют интерес к нему не столько из-за проповедей, сколько из-за его познаний в медицине, а также "ружейной магии", которая позволяла ему убивать диких животных. Он сурово отозвался о племени бахтала: "Они желают, чтобы белые жили рядом, не потому, что желают узнать Евангелие, а потому... что 'благодаря нашему присутствию и молитвам они в избытке получают дождь, бусы, ружья и так далее'".

Даже когда Евангелие великолепно иллюстрировалось картинками волшебного фонаря, который Ливингстон носил с собой, реакция туземцев приводила его в уныние. В августе 1848 года, когда Сечеле, вождь баквена, позволил ему обратиться к своему племени, результат оказался вполне ожидаемым:

> Хорошая, внимательная аудитория... После проповеди я пошел осмотреть больного и, когда я возвратился, увидел, что вождь удалился в хижину, чтобы пить пиво, и, по обычаю, приблизительно сорок мужчин стояли снаружи и пели, или, говоря другими словами, просили таким образом пива. Начинающий миссионер... был бы потрясен, увидев, сколь малое влияние оказала серьезная беседа о грядущем Суде.

Только после того, как он вылечил одного из детей Сечеле, вождь воспринял проповедь серьезно. Оказалось, что толь-

ко как целитель тела Ливингстон может спасти африканскую душу.

К этому времени Ливингстон служил миссионером уже семь лет. Подобно Моффату, на дочери которого, Мэри, Ливингстон женился в 1845 году, он изучил местные языки и теперь работал над переводом на них Библии. Сечеле, однако, оставался одним-единственным обращенным. И всего через несколько месяцев вождь оступился, вернувшись к племенному обычаю многобрачия. Подобная история произошла и несколько лет спустя, когда Ливингстон попытался обратить в христианство членов племени макололо. Другой британский путешественник отметил, что "излюбленное времяпрепровождение племени" — "подражать Ливингстону, читающему проповедь и поющему псалмы. Это занятие сопровождалось взрывами смеха". Ни один макололо не был обращен.

Ливингстон пришел к выводу, что следование миссионерским руководствам не могло разрушить "суеверия". Уместнее было найти способ проникнуть в Африку, чем просто проповедовать в глуши. Сама эта глушь должна была быть так или иначе преобразована, чтобы стать восприимчивее к британской цивилизации.

Но как он может открыть "сердце тьмы"? Чтобы ответить на этот вопрос, Ливингстону пришлось сменить род занятий. В 1848 году он фактически перестал быть миссионером. Ливингстон стал путешественником.

■

Со времени образования Королевского географического общества в 1830 году находились те, кто утверждал, что Африку необходимо сначала исследовать, и только потом проповедовать там. Уже в 1796 году Мунго Парк нанес на карту течение реки Нигер. Ливингстон вел любительские исследования в Курумане, а своей экспедицией через пустыню Калахари,

предпринятой в 1849 году, чтобы найти озеро Нгами, он внес настоящий вклад в исследовательское движение. Отчет Ливингстона о своем 600–700-мильном путешествии, переданный Лондонским миссионерским обществом в Королевское географическое общество, принес ему золотую медаль и долю ежегодной королевской премии за географическое открытие. Так жена Ливингстона, хотела она того или нет, стала путешественницей (как и трое их детей). Ливингстон сознавал риск семейного путешествия в неизвестность, однако был совершенно уверен в том, что должен взять близких с собой:

> Перед нами простирается огромная земля... Взять свою жену и детей в страну, где царствует лихорадка, африканская лихорадка, — авантюра. Но разве тот, кто верит в Иисуса, откажется пойти на эту авантюру, имея такого предводителя? Только сердце родителя может почувствовать то, что переживаю я, когда я смотрю на своих маленьких детей и вопрошаю, вернусь ли я с ними или один?

Это одна из тех черт первых миссионеров, которые нам труднее всего понять: они придавали больше значения душам других, чем жизни собственных детей. Однако вторая экспедиция чуть не погубила их всех, так что Ливингстон наконец решил отослать семью домой, в Англию. Они не виделись четыре с половиной года*.

Экспедиции к Нгами стали первыми в ряду почти сверхчеловеческих путешествий, которые приводили в восторг людей средневикторианского периода. В 1853 году Ливингстон прошел триста миль от устья Замбези и достиг ее верховий, а после отправился из Линьянти (современная Ботсвана) в Луанду на побережье португальской Анголы. По выражению автора

* В конце жизни Ливингстон признался: "Я жалею только об одном, о том, что я не понимал своего долга играть с детьми в той же мере, как и учить их... Я очень много работал и к вечеру уставал. Теперь у меня нет никого, с кем бы я мог играть".

"Таймс", это стало "одним из величайших путешествий эпохи". Затем Ливингстон, восстановив силы, повторил путь к Линьянти перед удивительным походом в Келимане в Мозамбике. В результате он стал в буквальном смысле первым европейцем, пересекшим Африку от Атлантического океана до Индийского. Ливингстон был настоящим героем своего времени. Этот человек скромного происхождения открыл британской цивилизации дорогу на континент, наименее гостеприимный из всех. И сделал это по собственному почину. Ливингстон стал неправительственной организацией из одного человека, первым *médicin sans frontières** XIX века.

Стремление Ливингстона открыть Африку для христианства и цивилизации стало еще сильнее после того, как он обнаружил, что рабство все еще процветает. Хотя работорговля на западе континента, казалось, была уничтожена после британского закона об ее отмене, вывоз рабов из Центральной и Восточной Африки в Аравию, Персию и Индию продолжался. В XIX веке около двух миллионов африканцев были проданы на Восток. Сотни тысяч рабов прошли через занзибарский невольничий рынок, который был экономическим узлом бассейна Индийского океана**. Ливингстона, не сталкивавшегося с гораздо более обширной работорговлей, которую сами англичане когда-то вели в Западной Африке, глубоко потряс вид невольничьих караванов, опустошение и безлюдье, которое они оставляли за собой. Позднее Ливингстон писал:

> Это, кажется, самая странная болезнь, которую я увидел в этой стране, действительно приносящая большое горе, — разбитое сердце. Она нападает на свободных людей, которых обращают в рабов... Один мальчуган приблизительно двенадцати лет... сказал, что не чувствует ничего, кроме сердечной боли.

* Врачом без границ (*фр.*). — *Прим. пер.*

** В Стоунтауне еще можно увидеть камеры для рабов: темные, влажные и душные, они говорят о страданиях рабов так красноречиво, как ничто другое из виденного мной.

Ливингстон был столь же возмущен страданиями рабов, как предыдущее поколение было безразлично к ним.

Викторианских миссионеров легко счесть "культур-шовинистами", с пренебрежением относящимися к африканским обществам. Это обвинение невозможно предъявить Ливингстону. Без помощи местных народов Центральной Африки его путешествия были бы невозможны. Пусть макололо и не приняли христианство, однако они с готовностью сотрудничали с Ливингстоном, и по мере того, как он узнавал их и другие помогавшие ему племена, его отношение к африканцам постепенно менялось: они зачастую оказывались "мудрее своих белых соседей".

Тем, кто изображал африканцев жестокими, Ливингстон отвечал, что "никогда не сталкивался с коварством, когда находился среди одних негров, и за одним или двумя исключениями со мной всегда обращались вежливо. Центральные племена были настолько культурными, что миссионер, обладающий обычным благоразумием и тактом, конечно, добился бы у них уважения". Позднее он напишет, что отказывается верить в "умственную или душевную неполноценность африканцев... Что касается положения африканцев среди других народов, то мы не заметили ничего, что могло бы подтвердить мнение, будто они принадлежат к особой 'породе' или 'виду' и чем-либо отличаются от самых цивилизованных людей". Именно уважение Ливингстона к африканцам, с которыми он общался, сделало работорговлю для него отвратительной. Эта "адская торговля" разрушала общины у него на глазах.

Прежде Ливингстон боролся только с суевериями и примитивным натуральным хозяйством. Теперь у него возникли острые разногласия со сложной экономической системой, построенной на восточноафриканском побережье арабскими и португальскими работорговцами. И скоро он придумал, как открыть Африку христианскому богу и цивилизации, а также искоренить рабство. Подобно многим викторианцам, Ливингстон считал очевидным, что свободный рынок лучше несвободного. С его точки зрения, "чары работорговли" от-

влекали внимание африканцев "от любого иного источника дохода": "Кофе, хлопок, сахар, нефть, железо, даже золото было оставлено ради призрачной прибыли от торговли, которая редко обогащает". Ливингстон считал, что если найти путь вглубь материка, куда честные купцы отправились бы для "законной торговли" и покупки у африканцев продуктов их свободного труда, а не их самих, то работорговцы остались бы не у дел. Свободный труд победил бы несвободный. Все, что требовалось от Ливингстона, — найти этот путь.

Ливингстон, увлеченный поиском артерии цивилизации, был неутомим. Действительно, по сравнению с теми, кто изо всех сил пытался идти в ногу с ним, он казался неуязвимым. Будучи первым белым, перешедшим пустыню Калахари, увидевшим озеро Нгами и пересекшим материк, в ноябре 1855 года Ливингстон стал первым белым, увидевшим, возможно, величайшее из естественных чудес света. К востоку от Эшеке ровное течение Замбези внезапно прерывается. Местные жители называли этот водопад Моси-оа-Тунья, "гремящий дым". Ливингстон, осознающий необходимость поддержки на родине, переименовал водопад в Викторию — "в доказательство лояльности".

Читая дневники Ливингстона, нельзя не заметить его восторженного отношения к африканским пейзажам. "Зрелище это чрезвычайно красивое, — писал он о водопаде Виктория, — невозможно себе представить красоту этого вида, исходя из чего бы то ни было, виденного в Англии":

> Вся масса воды переливается целиком через край водопада, но десятью или более футами ниже вся эта масса превращается в подобие чудовищной завесы гонимого метелью снега. Водяные частицы отделяются от нее в виде комет со струящимися хвостами, пока вся эта снежная лавина не превращается в мириады стремящихся вперед, летящих водяных комет... Каждая капля воды Замбези производит впечатление обладающей собственной индивидуальностью. Она стекает с весел и скользит, как бисер, по гладкой поверхности, подобно

капелькам ртути на столе. Здесь же они предстают перед нами в массе, каждая капля с продолжением в виде чистого белого пара, и стремятся вниз, пока не обратятся в облака брызг*.

Это был "вид настолько прекрасный, что, должно быть, заглядываются и ангелы небесные". Эти чувства помогают объяснить переход Ливингстона от миссионерской работы к исследованиям. Одиночка, время от времени даже мизантроп, он явно нашел гораздо большее удовлетворение в том, чтобы тащиться тысячу миль через внутренние районы Африки ради прекрасного вида, чем прочитать тысячу проповедей ради единственного неофита. Однако явная красота водопада Виктория лишь частично объясняет волнение Ливингстона. Ведь он всегда настаивал, что путешествует с целью найти способ открыть Африку для британской торговли и цивилизации. И, казалось, он отыскал ключ к осуществлению своего великого замысла в самой Замбези.

Ливингстон предполагал, что за водопадом Виктория Замбези, текущая в океан, должна быть пригодной для судоходства на протяжении примерно девятисот миль. Следовательно, она могла стать дорогой, по которой торговля и цивилизация проникнет во внутренние районы Африки. А после того, как местные "суеверия" развеются, пустит корни и христианство. Распространяясь внутри страны, законная торговля подорвала бы работорговлю, создавая условия для свободного труда африканцев. Короче говоря, Замбези была — должна была стать — путем, начертанным Господом.

Очень кстати около водопада Виктория нашлось место, подходящее для британских переселенцев: плато Батока. Это была "открытая холмистая местность, заросшая невысокими травами, — такую поэты... называют пасторальной". Кроме того, здесь росли "в изобилии пшеница превосходного качества" и другие разнообразные "злаки и превосходные кор-

* Пер. П. Добровицкой. — *Прим. пер.*

неплоды". Здесь, верил Ливингстон, его соотечественники (в идеале бедные, но стойкие шотландцы вроде него самого) смогут основать новую британскую колонию. Как и многие путешественники до и после него, он считал, что нашел Землю обетованную. Но она должна была стать Эльдорадо как в культурном, так и в экономическом отношении. От населенного белыми колонистами плато Батока расходились бы концентрические круги цивилизованности и целый континент очистился от суеверия и рабства.

Помня о необходимости включить свою новую колонию в имперскую экономику, Ливингстон даже подобрал сельскохозяйственную культуру для колонии. Хлопок, который можно было вырастить там, уменьшил бы зависимость британских текстильных фабрик (вроде той, где он провел свое детство) от хлопка, выращенного американскими рабами. Это был смелый план, учитывавший не только торговлю, цивилизацию и христианство, но также свободную торговлю и свободный труд.

■

В мае 1856 года Ливингстон отправился в Англию с новой миссией. На сей раз, однако, он намеревался обратить в свою веру британскую общественность и правительство, а "доброй книгой", которой он торговал вразнос, были его собственные "Путешествия и исследования в Южной Африке". И на сей раз обращение произошло мгновенно. Он был осыпан наградами и почестями, даже получил аудиенцию у королевы. Что касается книги, то она стала настоящим бестселлером: за семь месяцев было продано двадцать восемь тысяч экземпляров. В "Домашнем чтении" сам Диккенс посвятил ей восторженный обзор.

> Она повлияла на мою самооценку поразительным, роковым образом. Прежде я думал, что обладаю такими добродете-

лями, как храбрость, терпение, решительность и самообладание. Но после того как я прочел томик доктора Ливингстона, я пришел к нелицеприятному заключению: формируя мнение о себе, я пользовался негодными весами. Применив к себе меру этого южноафриканского путешественника, я обнаружил, что храбрость, терпение, решительность и самообладание, которыми я так гордился, оказались просто позолоченными побрякушками.

На Диккенса произвела особенное впечатление

> непоколебимая честность автора в описании своих затруднений и в признании своего разочарования в попытках привить христианство африканским дикарям; его здравая независимость от всех тех вредных сектантских влияний, которые удручающим образом сковывают усилия многих хороших людей; его бесстрашное признание абсолютной необходимости любой законной помощи, которую бытовая мудрость может предоставить делу проповедования Евангелия язычникам.

Этот отзыв, подчеркивающий экуменическую широту взглядов Ливингстона, возможно, наилучшим образом рекламирует его грандиозный африканский проект. Диккенс пишет: "Ни один из множества читателей доктора Ливингстона не желает ему так же сердечно успехов в благородной работе, которой он снова посвятил себя, и ни один не будет радоваться столь же искренне вестям о его безопасном и успешном продвижении всякий раз, когда они достигают Англии, чем автор этих немногих строк". Даже Лондонское миссионерское общество, которое было не в восторге от того, что Ливингстон оставил свои миссионерские обязанности, вынуждено было признать в отчете за 1858 год, что "Путешествия и исследования в Южной Африке" "увеличили симпатию" к миссионерскому движению. Слабая, но все же похвала.

И все же, указывалось в отчете Лондонского миссионерского общества, успех Ливингстона был омрачен "ужасными, но поучительными событиями... которые Господь неожиданно допустил". В том самом году, когда вышла книга, в Азии поднялась буря.

Столкновение цивилизаций

Миссионерам внутренние районы Африки казались нетронутой территорией. Местные культуры они сочли примитивными. Контакты местного населения с европейцами прежде были редки. Ситуация в Индии выглядела совершенно иначе. Там, в отличие от Африки, существовала высокая цивилизация, развитые политеистические и монотеистические религии. Европейцы жили бок о бок с индийцами более полутора веков и не пытались навязать им собственную веру.

До первой трети XIX века британцы не предпринимали попыток англизировать Индию, тем более насадить там христианство. Напротив, британцы поддавались восточному влиянию, нередко с большой охотой. Со времен Уоррена Хейстингса британцы в Индии (в основном мужчины, купцы и военные) приспособились к местным обычаям и освоили местные языки. Многие взяли индианок в наложницы и жены. Поэтому когда капитан Роберт Смит из 44-го Восточно-Эссекского пехотного полка объехал в 1828–1832 годах Индию, он не удивился, повстречав прекрасную принцессу из Дели, сестра которой "вышла замуж, хотя она и принадлежала к царскому роду, за сына офицера, состоявшего на службе у [Ост-Индской] компании": "У нее было несколько детей, двоих из которых я видел... Они имели несколько магометанский внешний вид, носили тюрбаны и т.д.". Сам Смит усмотрел в этой леди черты "красоты самого высокого порядка". Будучи художником-любителем, он часто делал наброски индианок, и не просто из антропологического интереса:

> Мягкое выражение лица, свойственное этой расе, красота, правильность черт... поразительны и передают высокую идею интеллектуальности азиатской расы... Но не только форма головы отличается классической элегантностью. Бюст тоже имеет великолепнейшие пропорции, заимствованные у древних скульптур. Когда изящная индианка заканчивает утреннее омовение в водах Ганга (сюжет, достойный запечатления поэтом или художником), его можно созерцать сквозь тонкую завесу ниспадающего муслина*.

Ирландец Смит был женат на своей землячке, когда познакомился с Индией. Мужчины, которые поступали на службу в Ост-Индскую компанию холостяками, в своем восхищении азиатской женственностью заходили гораздо дальше. Сэмюэль Снид Браун в одном из "Писем из Индии домой" (датируются главным образом 30-ми годами XIX века) отметил, что

> те, кто жил с местной женщиной... никогда не женится на европейской... Они [индианки] так удивительно игривы, так стремятся угодить и доставить удовольствие, что человек, привыкший к их обществу, гонит от себя мысль о том, чтобы следовать прихотям англичанки или потакать ее фантазиям.

Атмосфера взаимной терпимости и даже восхищения совершенно устраивала Ост-Индскую компанию, которая, впрочем, придерживалась религиозной терпимости из прагматизма. Хотя теперь она была скорее государством, чем деловым предприятием, ее директора продолжали считать торговлю главной задачей, а поскольку в 30–40-х годах XIX века 40 % объема индийского экспорта стал составлять опиум, высокомерию места не осталось. Старые служащие в Калькутте, Мадрасе и Бомбее совершенно не желали бросать вызов традиционной туземной

* При этом Смит жаловался на то, что нижняя половина тела большинства индианок "ужасно сформирована и плохо сложена, не гармонируя со столь красивым строением верхней части". Он явно хорошо обдумал этот вопрос.

культуре. Напротив, они полагали, что любое противоречие такого рода негативно скажется на бизнесе. Томас Манро, губернатор Мадраса, в 1813 году выразился так: "Если цивилизация когда-либо станет предметом торговли [между Британией и Индией], я убежден, что эта страна извлечет пользу благодаря импорту". По его мнению, не было никакого смысла "делать из индийцев англосаксов":

> У меня нет ни малейшей веры в современную доктрину об усовершенствовании индийцев либо любых других народов. Когда я читаю о мерах, благодаря которым можно было бы моментально наладить дела какой-либо обширной области, или о расе полуварваров, окультуренных почти до уровня квакеров, я выбрасываю такую книгу.

Поэтому капелланам Ост-Индской компании строго запрещалось проповедовать индийцам. Компания использовала все свое влияние, чтобы ограничить въезд миссионеров в Индию, вынуждая их оставаться в анклаве Серампур. Роберт Дандас, глава правительственного Контрольного совета, в 1808 году заявил лорду Минто, генерал-губернатору:

> Мы очень далеки от того, чтобы склониться к крещению Индии... Ничто не может быть глупее неразумной попытки достичь этого средствами, которые вызовут у индийцев раздражение и пробудят их религиозные предрассудки... Желательно, чтобы христианское учение было усвоено туземцами, но средства достижения этой цели не должны вызвать опасности или тревоги... Наша верховная власть обязывает нас защищать свободу... религиозных убеждений туземного населения.

В 1813 году компании, однако, пришлось возобновить хартию, и евангелисты ухватились за возможность получить контроль над миссионерской деятельностью в Индии. Старый ориентализм столкнулся с устремлениями евангелистов.

За открытие Индии для миссионеров выступали те же самые люди, которые вели кампанию против работорговли и поддерживали христианизацию Африки: Уилберфорс, Маколей и остальная Клэпхемская секта, получившая подкрепление в лице Чарльза Гранта, бывшего директора Ост-Индской компании. Грант, испытавший религиозное перерождение после беспутной молодости, проведенной в Индии, был инсайдером. Он играл в этой кампании такую же роль, как Ньютон, бывший работорговец, и Маколей, бывший управляющий плантацией, в кампании против рабства. В своих "Наблюдениях относительно общественного состояния азиатских подданных Британии" Грант бросил перчатку Манро и другим сторонникам толерантности:

> Разве не необходимо сделать вывод, что... азиатские территории... были даны нам не просто для того, чтобы мы могли получать ежегодную прибыль, но чтобы мы могли бы распространить среди их жителей, так долго пребывавших во тьме, пороках и страданиях, свет и благодать истины?

Кампания началась со встречи в таверне. Участники "Комитета протестантского общества" призывали к "скорому и повсеместному распространению" христианства "в восточных областях". Тщетно протестовали директора Ост-Индской компании. Ко времени вотирования вопроса в парламенте было подано 837 петиций от ревностных евангелистов со всей страны, призывавших покончить с препятствованием миссионерам в Индии. Петиции подписало почти полмиллиона человек. Двенадцать из этих петиций (большинство с юга Англии) можно увидеть в библиотеке Палаты лордов. О том, насколько хорошо была отлажена машина внепарламентского давления, свидетельствовало то, что начало почти всех этих писем было одинаковым:

> Жители густонаселенных областей Индии, которая составляет важную часть Британской империи, погруженные в самое

> прискорбное состояние моральной темноты и находящиеся под влиянием самых отвратительных и унизительных суеверий, громогласно взывают к чувству сострадания и милосердной поддержке британских христиан.

Одна группа просителей "с горем взирает на ужасные обряды и унизительную безнравственность огромного народа Индии — людей, которые теперь являются нашими соотечественниками и... лелеют надежду, что мы дадим им надежные религиозные блага, которыми наслаждаются жители Британии". Эту формулу, принятую Церковным миссионерским обществом, собиравшемся в Чипсайде в апреле 1813 года, распространили евангелические газеты вроде "Стар".

Шла и другая умело скоординированная кампания, организаторы которой тоже посягали на статус-кво. Кампанию вела Клэпхемская секта. Акт о хартии Ост-Индской компании (1813) не только открыл дорогу миссионерам, но и предусмотрел назначение для Индии епископа и трех архидьяконов. Поначалу представители церковного истеблишмента не вступали в конфликт с компанией и не покровительствовали миссионерам. В 1819 году, когда миссионер Джордж Годжерли прибыл в Индию, он поразился тому, что

> миссионеры не могли рассчитывать ни на поддержку правительства, ни на одобрение живущих там европейцев. Мораль последних была самого сомнительного свойства, и присутствие миссионера сковывало их, а этого они не терпели... Должностные лица смотрели на миссионеров с подозрением. Обе стороны делали все, что могли, чтобы местное население презирало их, описывая их как людей, относящихся в их собственной стране к низкой касте, недостойных вести беседу с учеными браминами.

Второй епископ Калькутты Реджинальд Хебер после своего назначения в 1823 году оказал миссионерам большую поддерж-

ку. Девять лет спустя в Индии действовали пятьдесят восемь проповедников из Церковного миссионерского общества. Две цивилизации пришли в столкновение.

Для многих миссионеров этот субконтинент был полем битвы, в которой они, Христовы воины, боролись против сил тьмы. "Это жестокая религия, — провозглашал Уилберфорс. — Все ритуалы этой религии должны быть уничтожены". Реакция индийцев только укрепляла их решимость.

Когда Годжерли собирался начать службу в собственном бунгало, на него напали двое мужчин,

> столь отвратительных по виду, как только можно вообразить, с налитыми кровью глазами и бесноватым взглядом, очевидно под влиянием некоего сильного снадобья. Громким угрожающим тоном [они] приказали, чтобы мы замолчали. Затем, обратившись к людям, они объявили, что мы являемся платными агентами правительства, которое не только отняло у них страну, но и намеревается силой подавить индуизм и мусульманство и установить повсюду христианство; что их дом осквернят убийцы священных коров, пожиратели их плоти; что детей будут учить в школах оскорблять святых браминов и отвращать от поклонения богам. Указывая на нас, они воскликнули: "Эти люди приходят к вам со сладкими словами, но в их сердцах яд, они собираются обмануть и погубить".

Годжерли возмутило это вмешательство, особенно когда толпа, устремившаяся на него и коллег, начала бить их и гнать по улицам (хотя позднее он "радовался, что нас сочли достойными перенести поругание во имя Его"). Впрочем, напавшие на него *бойраджи** были вполне правы: миссионеры не просто желали обратить индусов в христианство, но и радикально англизировать культуру Индии.

Нищенствующий отшельник, поклоняющийся Вишну. — *Прим. пер.*

Так считали не только миссионеры. В середине XIX века в Индии все большее влияние стала приобретать светская доктрина либерализма. Его предшественники в XVIII веке, особенно Адам Смит, к империализму относились враждебно. Джон Стюарт Милль, величайший из викторианских мыслителей-либералов, считал иначе. В работе "Несколько слов о невмешательстве" он писал, что Англия была "самой совестливой из всех наций... единственной, которую сдерживали угрызения совести..." и "державой, которая лучше все существующих понимает свободу". Поэтому в интересах британских колоний в Африке и Азии, утверждал Милль в "Основаниях политической экономии" (1848), наслаждаться благами ее удивительно развитой культуры:

> Во-первых, лучшая форма правления, более надежное обеспечение собственности, умеренные налоги... более прочное и выгодное владение землей, обеспечивающее, насколько возможно, земледельцу все выгоды от того трудолюбия, искусства и экономии, какие он может выказать; во-вторых, умственное развитие народа, уничтожение обычаев и суеверий, препятствующих успешному занятию промышленностью, увеличение умственной деятельности, заставляющей людей стремиться к новым целям; в-третьих, введение иностранных искусств, которые поднимут доход на вновь затраченный капитал до размера, соответствующего низкой силе стремления к накоплению, и привлечение иностранного капитала, которое сделает то, что увеличение производства более не будет исключительно зависеть от благосостояния и предусмотрительности самих жителей... кроме того, иностранный капитал будет служить для них возбуждающим примером*.

Главное здесь — "уничтожение обычаев и суеверий, препятствующих успешному занятию промышленностью". Милль,

* Пер. Е. Остроградской. — *Прим. пер.*

как и Ливингстон, видел, что культурное и экономическое преобразование неевропейского мира неразрывно связаны. Эти два устремления — желание обратить Индию в христианство и в капитализм — шли рука об руку по всей Британской империи.

Сегодня аналоги прежних миссионерских обществ искренне выступают против тех "обычаев" далеких стран, которые они расценивают как варварские, например детского труда или женского обрезания. Викторианские неправительственные организации не слишком от них отличались. В частности, три индийских обычая вызывали гнев равно у миссионеров и у модернизаторов. Первым был женский инфантицид, распространенный в некоторых районах Северо-Западной Индии. Вторым был культ тугов, о которых рассказывали, что они душили неосторожных путешественников. Третьим обычаем, вызывавшим у викторианцев наибольшую ненависть, было сати: акт самопожертвования, когда вдова индуиста сгорала живьем на погребальном костре мужа*.

Британцы знали, что в некоторых слоях индийского общества женский инфантицид существовал с конца 80-х годов XVIII века. Основной причиной, по-видимому, была чрезмерная стоимость приданого дочерей из высшей касты. Однако только в 1836 году Джеймс Томасон (тогда магистрат в Азамгархе, позднее вице-губернатор Северно-Западных провинций) предпринял шаги для искоренения этого обычая. В 1839 году англичане убедили махараджу Марвара официально запретить женский инфантицид. Это стало началом длительной кампании. Исследование, проведенное в 1854 году, выявило, что женский инфантицид практикуется только в Горакхпуре, Газипуре и Мирзапуре. После изысканий, включавших анализ данных переписи в деревнях, в 1870 году был принят новый закон, который применялся сначала только в Северно-Западных провинциях, а позднее распространился на Пенджаб и Ауд.

* Индусскую практику анумарана ("умирание после") или сахамарана ("соумирание") британцы неправильно назвали "сати". На самом деле сати, "святой", называли саму вдову, сжигающую себя.

С тугами-душителями англичане боролись с таким же рвением, хотя распространенность практики была в целом сомнительной. Уильям Слиман, военный из Корнуолла, ставший судьей-следователем, намеревался искоренить, по его мнению, сложно организованное, зловещее тайное общество, занимавшееся ритуальными убийствами на индийских дорогах. Из статьи на эту тему, напечатанной в 1816 году в "Мадрас литерари гэзетт", следовало, что предполагаемые туги,

> преуспевшие в искусстве обмана... вступают в беседу и входят, благодаря подобострастному вниманию, в доверие путешественников любого рода... Когда [они] решают напасть на путешественника, они предлагают ему поехать вместе, якобы ради взаимной безопасности или приятного общества, и при достижении удобного места и подходящего случая, предоставляют одному из банды обвить веревку или пояс вокруг шеи несчастного, в то время как другие помогают лишить его жизни.

Современные ученые предполагают, что по большей части это плод воспаленного воображения экспатрианта и что Слиман фактически столкнулся с волной грабежей вследствие демобилизации сотен тысяч туземных солдат, когда британцы расширяли свои владения. Однако серьезность, с которой он посвятил себя поставленной им самим задаче, отлично показывает, насколько ответственно британцы относились к своей миссии по модернизации индийской культуры. К 1838 году Слиман схватил и допросил 3266 тугов. Еще несколько сотен находились в тюрьме, ожидая суда. Повешено или сослано на Андаманские острова было 1400 человек. Один из них на допросе открыл, что убил 931 человека. Потрясенный Слиман спросил, чувствовал ли преступник "раскаяние в хладнокровном, совершенном после уверения в дружбе убийстве тех, кого вы обманули, внушив ложное чувство защищенности?" Обвиняемый ответил:

> Конечно, нет! Разве вы сами не были шикари [охотником], разве не наслаждались острыми ощущениями от выслеживания зверя, хитрости против хитрости животного, и разве вы не были рады, увидев его мертвым у ваших ног? Так же и с тугом, который расценивает выслеживание людей как вид спорта.

Судья-председатель на суде над предполагаемыми тугами объявил:

> Я, имея более двадцати лет опыта работы в суде, прежде не слышал о таких злодеяниях и не заседал в процессе по делам о таких хладнокровных убийствах, с такими душераздирающими сценами бедствия и страдания, с такой черной неблагодарностью и полнейшим отказом от всех принципов, связывающих человека с человеком, смягчающих сердце и поднимающих человечество выше грубых тварей.

Если было необходимо доказательство вырождения традиционной индийской культуры, оно было получено.

Обычай сати, конечно, не был выдумкой. В 1813–1825 годах только в Бенгалии 7941 женщина приняла такую смерть. Трагические отчеты об отдельных случаях были еще более шокирующими, чем статистика. Так, 27 сентября 1823 года вдова по имени Радхабай дважды вырывалась из погребального костра. Согласно показаниям одного из двух офицеров, которые стали свидетелями произошедшего, когда она попыталась спастись в первый раз, обгорели только ее ноги. Она выжила бы, если бы ее не удерживали на костре трое мужчин, которые швыряли на нее дрова. Когда она выбралась снова и бросилась в реку, "почти каждый дюйм ее кожи был обожжен". Мужчины погнались за ней и утопили. Подобные инциденты были, конечно, исключением, и сати практиковалось далеко не повсеместно. Действительно, много индийских авторитетов, особенно ученые Мритюнджаи Видьяланкар и Раммохан Рай, осуждали сати как обычай, противоречащий индуизму. И все же множество

индийцев продолжало считать "самопожертвование" вдовы высшим актом не только супружеской верности, но и женского благочестия. Хотя сати традиционно было связано с высшими кастами, оно распространялось все шире, и не в последнюю очередь потому, что радикально решало проблему заботы о вдове.

Много лет британские власти терпели сати, полагая, что запрет был бы расценен как вмешательство в местные обычаи. Время от времени должностные лица, следуя примеру основателя Калькутты Джоба Чарнока*, вмешивались там, где казалось возможным спасти вдову, но официальная политика следовала принципу *laissez faire*. Акт 1812 года, требовавший присутствия должностного лица, чтобы гарантировать, что вдова не была моложе шестнадцати лет, беременной, матерью детей моложе трех лет или одурманенной, казалось, потворствовал сати во всех других случаях. Неудивительно, что Клэпхемская секта инициировала кампанию за запрет сати, организованную по уже знакомому плану: эмоциональные речи в парламенте, иллюстрированные репортажи в "Мишионари реджистер" и "Мишионари пейперс", ворох петиций от возмущенных граждан. В 1829 году новый генерал-губернатор Индии Уильям Бентинк, поддался: сати было объявлено вне закона.

Бентинк, вероятно, сильнее всех викторианских генерал-губернаторов Индии был подвержен влиянию и евангелистов, и либералов. Он был убежденным модернизатором. В 1837 году Бентинк заявил членам парламента: "Паровая навигация — великий привод нравственного усовершенствования [Индии] ...По мере того, как сообщение между двумя странами будет становиться короче и легче, цивилизованная Европа станет ближе к этим отсталым областям. Иначе широких преобразований добиться нельзя".

Землевладелец-реформатор из Норфолка, Бентинк видел себя "главным управляющим огромного имения" и нетерпели-

* Чарнок женился на вдове, спасенной из погребального костра ее первого мужа.

во стремился осушить болота Бенгалии — как будто эта провинция была одной гигантской топью. Бентинк и индийскую культуру считал нуждающейся в дренаже. В споре ориенталистов со сторонниками англизации по поводу образовательной политики в Индии он решительно принял сторону последних. Целью сторонников англизации было, по словам Чарльза Тревельяна, "преподать азиатам западные науки", а не "засорять" добрые британские мозги санскритом. Попутно британцы, насаждая в Индии свой "язык... обучение и, в конечном счете, религию", могли оказать содействие "моральному и интеллектуальному возрождению народов Индии". Цель, по словам Тревельяна, состояла в том, чтобы сделать индийцев "скорее англичанами, чем индийцами, так же, как жители римских провинций стали скорее римлянами, чем галлами или италиками".

Бентинк сформулировал свое отношение к сати еще до назначения на пост (1827): "Христианин и англичанин, который одобряет это жестокое и нечестивое жертвоприношение, несет ответственность перед Господом".

> Есть одно-единственное обоснование — государственная необходимость, то есть безопасность Британской империи, но даже его... недостаточно, если учесть, что британское правление полностью зависит от будущего счастья и развития многочисленного населения Восточного мира... Думаю, что из всех самых взволнованных защитников этой меры никто не чувствовал глубже огромную ответственность, нависающую над моим счастьем в этом и будущем мире, если как генерал-губернатор Индии я должен был бы согласиться с существованием этой практики хотя бы на мгновение дольше, чем того требует не наша безопасность, а реальное счастье и благосостояние индийского населения.

Несколько прежних руководителей Индии высказались против запрета. Лейтенант-полковник Уильям Плэйфер писал из Ситапура военному секретарю Бентинка:

> Любой приказ правительства, запрещающий практику, вызвал бы самые тревожные чувства по всей туземной армии. Они сочтут это вмешательством в их обычаи и религию, отказом от принципов, которыми до настоящего времени руководствовалось правительство в своем отношении к ним. Если такие чувства возникнут, нет никакой возможности предсказать, что случится. Это может привести к открытому мятежу в некоторых армейских подразделениях.

Такие страхи были преждевременны и пока могли быть проигнорированы на фоне тысяч писем с благодарностями, полученных Бентинком от англичан-евангелистов и просвещенных индийцев. В любом случае, другие офицеры, с которыми советовался Бентинк, поддержали запрет*. Но тревоги Плэйфера не были беспочвенны, и их разделял Хорас Х. Уилсон, один из выдающихся ученых-ориенталистов той эпохи. Протест против навязывания Индии британской культуры действительно зрел, и Плэйфер верно указал очаг будущего пожара.

■

Фундаментом британского владычества была Индийская армия. Хотя к 1848 году Ост-Индская компания получила возможность аннексировать владения туземных правителей в отсутствие у них преемников (доктрина выморочных владений), в конечном счете именно военная угроза позволяла действовать таким образом. Когда дело доходило до стрельбы (в Бирме

* Капитан Роберт Смит, упомянутый выше ценитель красоты индианок, был убежден в том, что запрет женского инфантицида и сати усилил бы, а не ослабил положение британцев, так как "весьма многочисленный класс индусов теперь не столь чувствителен в вопросах религии, как прежде". Он хотел видеть и последующий запрет на выставление трупов у реки Ганг. Все это продемонстрировало бы "желание со стороны правительства освободить [индийское население] от рабства властного и преследующего собственные интересы духовенства, позволяя им спокойно исповедовать свою веру, но без обрядов, заставляющих содрогнуться".

в 20-х годах XIX века, в Синде в 1843 году, в Пенджабе в 40-х годах XIX века), Индийская армия редко терпела поражение. Единственная крупная неудача в XIX веке постигла ее в Афганистане, где в 1839 году погибла армия численностью семнадцать тысяч человек, — погибла целиком, кроме единственного солдата. Восемь из десяти военнослужащих Индийской армии были сипаями из воинских каст. Британские солдаты (многие из них были ирландцами) составляли меньшинство, хотя в военном отношении нередко играли главную роль.

Сипаев, в отличие от их белокожих товарищей по оружию, набирали не из отбросов общества, для которых шиллинг от королевы был последней надеждой. Сипаи, будь они индусами, мусульманами или сикхами, считали воинское призвание неотделимым от веры. Накануне сражения солдаты-индуисты совершали жертвоприношения или давали обеты Кали, богине разрушения, чтобы заручиться ее благосклонностью. Но Кали была опасным, непредсказуемым божеством. Согласно легенде, когда она впервые пришла на землю, чтобы очистить ее от злодеев, она впала в ярость, убивая всех без разбора. Если сипаи чувствовали, что их религия оказывалась под угрозой, они вполне могли бы последовать ее примеру. Так случилось однажды в Веллуре, летом 1806 года, когда был принят новый военный устав. Сипаям было запрещено наносить на лоб знаки касты, они должны были стричь особым образом бороды и носить тюрбан новой формы. Это привело к мятежу. Как и в 1857 году, началось с пустяка. Прошел слух, будто кокарда на новом тюрбане сделана из кожи коровы или свиньи. За этим скрывалась гораздо более глубокая неудовлетворенность сипаев своим жалованием, условиями службы и политикой*. Тем не менее мятеж в Веллуре имел религиозные причины, и жертвами его стали преимущественно местные христиане. Сэр Джордж Барлоу без колебаний возложил вину на "методистов-проповедников и сумасшедших

Мятежники призвали в лидеры сыновей Типу, "тигра Майсура".

визионеров", которые "нарушали туземные религиозные обряды".

В этом смысле события 1857 года были повторением Веллура, но в гораздо более значительном, страшном масштабе. Как знает любой школьник, восстание началось со слуха, что новые патроны пропитаны жиром. Поскольку во время заряжания винтовки бумажный патрон надо было надорвать зубами, индуисты и мусульмане рисковали быть осквернеными: первые в случае, если жир был говяжьим, вторые — если свиным. Таким образом, случилось так, что патрон привел к конфликту прежде, чем он был заряжен, а тем более выстрелил. По мнению сипаев, это подтверждало стремление британцев обратить Индию в христианство — что, как мы видели, планировали сделать многие англичане. А то, что новые патроны не имели никакого отношения к этому плану, к делу не относилось.

Поэтому Сипайское восстание явилось чем-то большим, чем подразумевает это слово. Это была настоящая война. И причины ее были серьезнее, чем пропитанные жиром патроны. "Первая война за независимость" — так называют события 1857 года индийские учебники и монументы. Стоит заметить, однако, что индийцы сражались с обеих сторон — и отнюдь не за независимость. Восстание имело, как и мятеж в Веллуре, политическое измерение, но цели мятежников не были в современном смысле национальными. Существовали и обыденные причины: например, невозможность для солдат-индийцев продвинуться по служебной лестнице*. Гораздо важнее, однако, была защитная реакция индийцев на английские посяга-

* Свидетельство Генри Лоуренса является показательным: "Сипаи чувствуют, что мы не можем обойтись без них, и все же самая высокая награда, которую может получить сипай — около ста фунтов в год без перспективы более успешной карьеры для его сына. Конечно, это не является достаточным вознаграждением, которое можно было бы предложить иностранным солдатам за особую преданность и длительную службу". Стоило ли ждать, "что самым энергичным и устремленным среди огромных масс военных понравятся наши... притязания... на всю власть и жалование"?

тельства на культуру, которые, казалось (в некотором смысле так оно и было) имели своей целью христианизацию Индии. "Я чувствую приближение бури, — написал один проницательный британский офицер накануне катастрофы. — Я слышу звуки урагана, но я не могу сказать, как, когда или где он проявит себя... Не думаю, что они сами знают, что им делать, или что у них есть какой-либо план действий, кроме сопротивления вмешательству в их религию и веру".

Прежде всего, как ясно дают понять скудные индийские свидетельства, это действительно была "религиозная война" (фраза, повторяющаяся вновь и вновь). В Мируте мятежники кричали: "Братья! Индуисты и мусульмане! Спешите к нам. Мы идем на войну за веру":

> Кафиры [неверные] решили уничтожить касты магометан и индусов... этим неверным нельзя позволить остаться в Индии, или нам придется делать все, что они прикажут, все равно, будь мы магометанами или индусами.

В Дели мятежники жаловались: "Англичане пытаются сделать из нас христиан". Называли ли они своих правителей европейцами, ферингами, кафирами, неверными или христианами, их главная обида была именно в этом.

■

Первыми мятежниками стали солдаты 19-го Бенгальского пехотного полка, расквартированного в Берхампуре: 26 февраля они отказались от патронов нового образца. Этот полк, а также 34-й пехотный полк в Барракпуре, где прозвучал первый выстрел восстания, были сразу же расформированы. Но в Мируте (севернее Дели) искру оказалось не так легко потушить. Когда 85 солдат 3-го полка Бенгальской легкой кавалерии были заключены в тюрьму за то, что отказались от новых патронов,

товарищи решили освободить их. Рядовой Джозеф Боуотер так описал случившееся вечером в воскресенье 9 мая:

> Внезапно восстали... кинулись к лошадям, быстро оседлали, помчались галопом к тюрьме... сломали ворота и освободили не только мятежников, осужденных военным судом, но также более тысячи всякого рода головорезов и негодяев. Одновременно туземная пехота напала на своих офицеров-англичан и истребила их. [Сипаи] убивали женщин и детей так, что вообразить нельзя. Уголовники, базарная шушера, сипаи — все недовольные туземцы в Мируте, опьяненные кровью, приступили к своему занятию с дьявольской жестокостью, а в довершение всего подожгли все попавшиеся им на пути здания.

Восстание с удивительной скоростью распространялось по северо-западу Индии: Дели, Бенарес, Аллахабад, Канпур. После того, как мятежники решились бросить вызов своим белым офицерам, они, казалось, взбесились и начали убивать всех европейцев, которых могли найти. Нередко городские толпы оказывали им пособничество и подстрекали восставших.

Первого июня 1857 года миссис Эмма Эварт, жена английского офицера, вместе с другими белыми оказалась в ловушке в осажденных канпурских казармах. Она писала своей подруге в Бомбей: "Никогда не поверила бы, что бывают такие беспокойные ночи. Следующие две недели, как мы ожидаем, решат нашу судьбу, и, вне зависимости от того, какова она будет, я верю, что мы окажемся в состоянии ее принять". Спустя шесть недель (без одного дня) Эмма Эварт — вместе с более чем двумя сотнями британских женщин и детей — была мертва. Несчастные погибли в ходе осады или были зарублены в поместье Бибигар после того, как индийцы пообещали им безопасный проход в случае сдачи в плен. Среди погибших были подруги миссис Эварт — мисс Изабелла Уайт и миссис Джордж Линдси вместе с тремя дочерями последней: Кэро-

лайн, Фанни и Элис. Эти и другие женщины Канпура пополнили британский список жертв.

Героями восстания стали мужчины Лакнау. Британский гарнизон, осажденный в Резиденции, держался до конца, и защита Лакнау стала самым знаменитым эпизодом восстания. Резидент погиб одним из первых. Он похоронен рядом с тем местом, где был сражен, под камнем с краткой эпитафией:

Здесь лежит Генри Лоуренс,
который пытался исполнить свой долг.

Разрушенная, изрешеченная пулями Резиденция по праву стала мемориалом. Государственный флаг Соединенного Королевства, который развевался здесь во время осады, не был спущен ни разу до 1947 года, словно вторя трепетным строкам Теннисона: "И всегда наверху, над крышей дворца, вьется старое Англии знамя". Оборона Лакнау была одним из тех редких случаев, которые действительно достойны высокого слога Теннисона. В защите участвовали даже старшие ученики соседнего колледжа "Ла Мартиньер", заслужив ему уникальную военную награду (о которой и сегодня помнят его индийские ученики). При непрерывном снайперском огне и под угрозой минирования защитники Резиденции без помощи извне держались почти три месяца и оставались в осаде даже после того, как в конце сентября экспедиционный корпус прорвал блокаду, эвакуировав женщин и детей. Только 21 марта 1858 года, после девяти месяцев осады, британцы вернули Лакнау себе. К тому времени почти две трети англичан, пойманных в ловушку в Резиденции, погибло.

О Лакнау необходимо помнить две вещи. Во-первых, город был столицей Ауда, княжества, которое англичане аннексировали всего годом ранее, так что индийцы просто пытались освободить свою страну. Множество сипаев (в Бенгальской армии — 75 тысяч) набиралось в Ауде. Они явно были настроены враждебно после низложения их наваба и роспуска

его армии*. По словам Майнодина Хасана Хана, одного из немногих выживших мятежников, "сипаев вынудили бунтовать, чтобы вернуть древним правителям их троны и прогнать нарушителей. Благоденствие касты воинов потребовало этого, честь их предводителей оказалась под угрозой". Во-вторых, приблизительно половина из семи тысяч человек, укрывшихся в Резиденции, были лояльными индийскими солдатами и слугами. Несмотря на написанное позднее, Сипайское восстание не было одной только борьбой черных с белыми.

Даже в Дели линия фронта была нечеткой. Этот город являлся столицей империи Великих Моголов и, конечно, полем решающей битвы, коль скоро мятежники искренне мечтали об изгнании британцев из Индии. И действительно, многие мятежники-мусульмане желали видеть своим вождем Бахадур-шаха II, последнего Великого Могола, теперь просто правителя Дели, — к его огромному испугу. Сохранилось воззвание из пяти пунктов, распространенное от его имени и обращенное к различным группам индийского общества: заминдарам (местным землевладельцам и одновременно сборщикам податей, на которых опирались и Великие Моголы, и англичане), купцам, чиновникам, ремесленникам и священнослужителям. Их призвали сплотиться против британцев. Возможно, этот документ ближе к манифесту национальной независимости, чем прочие, относящиеся ко времени восстания. Правда, автор воззвания в пятом пункте признает, что "идет религиозная война с англичанами", и взывает "к пандитам и факирам... предать себя в мое распоряжение и принять участие в священной войне". В остальном же тон воззвания вполне светский. Британцы обвиняются в поборах заминдаров, отстранении от торговли индийских купцов, в замещении продуктов индийских ремесленников британским импортом и монополизацией "всех должностей, приносящих почет и деньги" на государственной службе и в армии. И все же мемориал павшим солдатам, сра-

* Для евангелической эпохи было весьма характерно, что Ваджида Али-шаха свергли на том основании, что он был чрезмерно распущенным человеком.

жавшимся на стороне англичан, который все еще стоит на холме над Дели, показывает, как невелико было действие этого воззвания. Надписи на нем показывают, что треть погибших офицеров и 82 % низших чинов могут быть классифицированы как "туземцы". Британские войска, взявшие мятежный Дели, состояли в основном из индийцев.

Британцы у себя на родине, тем не менее, настаивали, что Сипайское восстание было восстанием против белых. При этом, как считалось, индийцы убивают не только англичан. Сипаи убивали — и, по слухам, насиловали — англичанок. Существовало много подобных историй. Рядовой Боуотер вспоминал:

> Не считаясь с полом, невзирая на мольбы о милосердии, глухие к жалобным крикам несчастных, мятежники делали свою чудовищную работу. Сама по себе резня была ужасной, но они не довольствовались этим и прибавили к убийству поругание и немыслимые увечья... Я видел то, что осталось от жены адъютанта. Прежде чем она была застрелена и разрублена на части, ее одежду подожгли люди, переставшие быть людьми.

Распространялись слухи. В Дели, как рассказывали, сорок восемь англичанок были проведены по улицам, публично изнасилованы, а затем казнены. Жена капитана была заживо сварена в *гхи* — топленом масле. Такие рассказы доверчивым англичанам на родине служили подтверждением того, что восстание было борьбой между добром и злом, белым и черным, христианами и язычниками. И если беды рассматривать как проявление божественного гнева, то оно только могло показать, что обращение Индии началось слишком поздно для того, чтобы быть угодным Господу.

57-й стал *annus horribilis*, "несчастливым годом" евангелического движения. Миссионеры предложили Индии христианскую цивилизацию, и это предложение было не просто отклонено, а яростно отвергнуто. Теперь викторианцы показали изнанку

своего миссионерского рвения. В церквях по всей Англии темой воскресных проповедей стало отмщение вместо искупления. Королева Виктория, чье безразличие к империи из-за восстания сменилось живым интересом, призвала нацию к покаянию и молитве: 7 октября 1857 года был объявлен Днем унижения — не более и не менее. В Хрустальном дворце, этом памятнике викторианской самоуверенности, двадцать пять тысяч прихожан услышали пламенную речь баптистского проповедника Чарльза Сперджена. Это был настоящий призыв к священной войне:

> Друзья мои, какие преступления они совершили!.. Индийское правительство вообще не должно было терпеть религию индийцев. Если бы моя религия состояла из скотства, детоубийства и убийства, я не имел бы права ни на что иное, кроме повешения. Религия индийцев — это не более чем масса крайних непристойностей, которые только можно вообразить. Божества, которым они поклоняются, не имеют права даже на крупицу уважения. Их вероисповедание требует всего, что является порочным, и мораль требует прекратить это. Чтобы отсечь наших соотечественников от мириад индийцев, меч должен быть вынут из ножен.

Эти слова были восприняты буквально, когда в районы, охваченные восстанием, прибыли оставшиеся лояльными британцам туземные войска, например гуркхи и сикхи. В Канпуре бригадный генерал Нейл заставил пленных мятежников перед казнью слизывать со стен кровь своих жертв. В Пешаваре сорок человек были привязаны к орудийным стволам и разорваны в клочья: старое наказание за мятеж в государстве Великих Моголов. В Дели, где борьба была самой отчаянной, британские войска не составляли и четверти сил осаждавших. Падение города в сентябре стало оргией насилия и грабежа. Майнодин Хасан Хан вспоминал, что "англичане ворвались в город подобно реке, прорвавшей плотину... Никто не мог чувствовать себя в безопасности. Все здоровые мужчины... были застре-

лены как мятежники". Три принца, сыновья правителя Дели, были арестованы, раздеты и застрелены Уильямом Ходсоном, сыном священника. Он так объяснил этот поступок своему брату, также священнику:

> Я обратился к толпе, говоря, что они были мясниками, убивавшими и надругавшимися над беспомощными женщинами и детьми, и теперь [британское] правительство их наказывает. Взяв у одного из своих людей карабин, я застрелил принцев, одного за другим... Тела были отвезены в город и выброшены в помойную яму... Я собирался их повесить, но когда встал вопрос, мы либо они, у меня не было времени для размышлений.

Как заметил сын Захарии Маколея, наблюдался ужасающий пароксизм мстительности евангелистов: "Отчет о... действиях в Пешаваре... был прочитан с восхищением людьми, которые три недели назад были настроены против смертной казни". "Таймс" требовала, чтобы "на каждом дереве и коньке крыши... висел мятежник".

Действительно, путь мстителей-англичан был отмечен трупами, которыми были увешаны деревья. Лейтенант Кендэл Когхилл вспоминал: "Мы сожгли все деревни, повесили всех крестьян, плохо обращавшихся с нашими беженцами, так что на каждой ветке... висело по негодяю". В Канпуре в разгар репрессий огромный баньян (он все еще растет там) "украшали" сто пятьдесят трупов. Плоды восстания действительно были горькими.

Никто не может сказать точно, сколько людей погибло во время разгула насилия. Мы можем убедиться в том, что ханжество порождало специфическую жестокость. После освобождения Лакнау мальчик-индиец, сопровождавший шатающегося старика, приблизился к городским воротам и

> бросился в ноги офицеру, моля о пощаде. Офицер... вынул револьвер и приставил его к голове несчастного просите-

> ля... Осечка. Он взвел курок — снова осечка; снова взвел, и еще раз оружие отказалось подчиниться. В четвертый раз — три раза у него была возможность смягчиться — доблестный офицер преуспел, и кровь мальчика хлынула к его ногам.

Эта история напоминает то, как во время Второй мировой войны офицеры СС вели себя с евреями. И все же есть одно отличие. Английские солдаты, бывшие свидетелями убийства, осудили офицера: сначала восклицаниями "позор", а затем, когда оружие сработало, выражением "негодования" его поступком и "громким криком". Очень редко случалось, если вообще случалось, чтобы немецкие солдаты в подобной ситуации открыто критиковали старшего по званию.

Модернизация и христианизация Индии пошла по неверному пути. Настолько неверному, что все закончилось одичанием англичан. Те, кто фактически управлял Индией, оказались правы: вмешательство в туземные обычаи только создавало проблемы. Однако евангельские христиане отказывались это признать. С их точки зрения, восстание было вызвано недостаточно активной христианизацией Индии. Уже в ноябре 1857 года английский миссионер написал из Бенареса, что чувствовал, "как будто благодать сходила на нас в ответ на пылкие молитвы наших братьев в Англии":

> Вместо того чтобы уступить отчаянию, возьмемся вновь за работу во имя нашего Господа, с уверенностью, что наш труд не будет напрасным. Сатана будет вновь побежден. Он, несомненно, намеревался посредством этого восстания изгнать Евангелие из Индии, однако он только подготовил путь, как часто случалось прежде в истории церкви, для его широкого распространения.

Руководители Лондонского миссионерского общества повторили эту мысль в 1858 году в своем сообщении:

> Учитывая вероломные и кровавые деяния, которые характеризовали Сипайское восстание, следует навсегда покончить с заблуждениями и чувством ложной безопасности, которые многие испытывали в Британии и в Индии. Идолопоклонство вкупе с принципами и духом Магомета выказали свой истинный характер, который... можно понимать только так, что он достоин лишь страха и ненависти... Труды христианского миссионера, на которые прежде смотрели с насмешкой и презрением, теперь рекомендуются как и лучшая, и единственная защита свободы, собственности и жизни.

Миссионерское общество решило послать в Индию в течение следующих двух лет дополнительно двадцать миссионеров, выделив пять тысяч фунтов стерлингов на "проезд и экипировку", шесть тысяч — на содержание. Ко 2 августа 1858 года специально учрежденный фонд собрал пожертвований на сумму двенадцать тысяч.

Воины Христа были на марше.

По стопам Ливингстона

Четвертого декабря 1857 года, когда у мятежников был отбит Канпур, Дэвид Ливингстон прочитал в Кембридже воодушевляющую лекцию. Ливингстон — человек, который отправился обращать в христианство африканцев, — считал восстание в Индии результатом недостаточных, а не избыточных, усилий миссионеров:

> Я полагаю, мы сделали большую ошибку, когда принесли в Индию торговлю, устыдившись при этом своего христианства... Эти два провозвестника цивилизации — христианство и торговля — должны быть неразлучны. Англичанам должно послужить уроком пренебрежение этим принципом в управлении индийскими делами.

Ливингстон переоценил себя. Ни его советы, ни инвективы миссионерских обществ не были учтены при восстановлении английского владычества в Индии после восстания. Первого ноября 1858 года королева Виктория объявила амнистию. Отныне Индией должна была управлять не Ост-Индская компания (ее решили ликвидировать), а английская корона в лице вице-короля. Новое правительство Индии впредь не должно было поддерживать христианизацию. Напротив, новой британской политикой в Индии должно было стать управление с учетом местных традиций, а не вопреки им. Попытка преобразовать индийскую культуру, возможно, была "благой" и "в принципе правильной", но, как выразился британский чиновник Чарльз Райкс, восстание выявило "фатальную ошибочность попытки применить европейскую политику к народам Азии". С того времени "политическая безопасность" стала приоритетом: индийское общество неизменно и не подлежит изменению, и правительство Индии будет терпеть миссионеров, только если они согласятся с этим постулатом. К 80-м годам XIX века большинство британских чиновников усвоил привычку своих предшественников 20-х годов считать миссионеров людьми в лучшем случае нелепыми, в худшем — смутьянами.

Однако Африка — дело совсем другое, и главным вопросом кембриджской лекции Ливингстона стало ее будущее. Здесь, в Африке, полагал Ливингстон, англичане могли избежать ошибок, уже совершенных в Индии, и именно потому, что развитие коммерции в Африке могло *совпасть* с ее обращением в христианство. Цель Ливингстона состояла в "открытии пути" к плоскогорью Батока — плато, граничащему с Баротселендом, чтобы "туда проникли цивилизация, торговля и христианство". С этого плацдарма была бы "открыта вся Африка... для торговли и Евангелия":

> Поощрение склонности туземцев к торговле принесло бы бесчисленные выгоды... При этом мы не должны упускать

> из виду неоценимые блага, которыми мы можем наделить темных африканцев, принеся им свет христианства... Также, торгуя с Африкой, мы освободимся, наконец, от рабского труда и так прекратим практику, столь неприятную любому англичанину.

Закончил Ливингстон так:

> Я вижу перед собой как раз таких людей, которые нужны для миссионерства. Я прошу обратить ваши взгляды к Африке. Я знаю, что через несколько лет меня не станет — в той самой, ныне открытой стране. Не позвольте ей закрыться снова! Я возвращаюсь в Африку, чтобы попытаться открыть путь торговле и христианству. Закончите труд, который я начал!

В обстановке национального кризиса, вызванного индийскими событиями, предложение Ливингстона получило восторженный отклик. Те, на кого произвело должное впечатление его видение христианской Африки, поспешили присоединиться к новой организации — Университетской миссии в Центральной Африке. Среди этих людей был молодой пастор из Оксфорда по имени Генри де Винт Беррап. За два дня до отъезда в Африку Беррап женился. Этот союз оказался недолгим.

В феврале 1861 года жена Беррапа возвратилась домой без него. Ее муж вместе с недавно назначенным епископом, Чарльзом Фредериком Маккензи, погиб в болотах Малави: Беррап от дизентерии, Маккензи от лихорадки. Они были не единственными жертвами. Лондонское миссионерское общество послало преподобного Холлоуэя Хелмора с помощником по имени Роджер Прайс в Баротселенд вместе с женами и пятью детьми. Спустя лишь два месяца в живых остались только Прайс и двое детей. В Центральной и Восточной Африке — десятки могил миссионеров: мужчин, женщин, детей, последовавших призыву Ливингстона. Проблема была проста. Несмотря на горячие заверения Ливингстона, что миссионе-

ров ждет "высокогорье со здоровым климатом", плато Батока оказалось изобилующим малярийными комарами. Они же ждали англичан и в другом месте, которое Ливингстон предлагал на роль миссионерского центра — Зомба (в современном Малави). К тому же местные племена оказались там неожиданно враждебными. Эти места были просто непригодны для европейцев.

Еще более серьезные последствия имела фундаментальная географическая ошибка Ливингстона. Идя вдоль Замбези от водопада Виктория к Индийскому океану, он срезал пятидесятимильный изгиб, полагая, что река в этом месте столь же широка. Это, возможно, стало его самой серьезной ошибкой.

После лекций в Кембридже, на пике своей популярности, Ливингстон впервые получил помощь от правительства. С правительственным грантом в пять тысяч фунтов стерлингов и статусом консула он смог предпринять экспедицию на Замбези. Основная ее цель состояла в том, чтобы продемонстрировать судоходность этой реки и ее пригодность для коммерческих перевозок. К тому времени амбиции Ливингстона не знали границ. Конфиденциально он сообщал герцогу Аргайлу и кембриджскому профессору географии Адаму Седжвику:

> Я возьму с собой горного инженера из Горной школы [Ричард Торнтон], который расскажет нам о полезных ископаемых страны, и ботаника [доктор Джон Керк], чтобы он сделал всестороннее разыскание относительно экономических возможностей выращивания растений и производства волокон, латекса, лекарств, красителей — всего, что может быть полезным для торговли. Также — художника [Томас Бэйнс], чтобы он изобразил пейзажи, морского офицера [капитан Норман Бедингфилд], чтобы он изучил возможности речного сообщения, и специалиста в сфере духа, чтобы заложить основу, дающую уверенность, что цели будут исполнены [вероятно, имеется в виду Чарльз, брат Ливингстона, священник-индепендент из США]. Весь этот механизм имеет своей явной

> целью развитие африканской торговли и поощрение цивилизации, но я не могу сказать никому, кроме вас, поскольку я испытываю к вам полное доверие, что надеюсь на создание английской колонии в здоровой горной местности в Центральной Африке.

С этими надеждами 14 мая 1858 года Ливингстон достиг устья Замбези. Не потребовалось много времени, чтобы действительность разочаровала его. Вскоре стало очевидно, что река слишком мелка для парохода, предоставленного экспедиции правительством. Путешественники пересели в меньший колесный пароход, но и он слишком часто садился на мель. Только к ноябрю, одолеваемые болезнями и разногласиями, они достигли Кебрабасы. Здесь открылся главный изъян плана Ливингстона: около Кебрабасы, на участке, который прежняя экспедиция миновала по суше, Замбези впадает в узкий, с каменными берегами проток, в котором она превращается в бурную, непроходимую стремнину, в одном месте обрушивающуюся тридцатифутовым водопадом, преодолеть который не способно никакое судно. Одним словом, Замбези не была судоходной. Проект проникновения в Африку торговли, цивилизации и христианства потерпел крушение.

Ливингстон лихорадочно пытался спасти положение. Он твердил, что "легкий пароход без труда преодолеет стремнины, когда река будет полноводной". Он поднялся вверх по реке Шире, столкнувшись с еще большим количеством порогов и враждебностью местных жителей. Он пытался преодолеть озеро Шире, чтобы достичь озера Ньяса. Однако к этому времени экспедиция распадалась: Бедингфилд был вынужден уйти в отставку, Торнтон был уволен (однако отказался уехать), Бэйнс отстранен по ложному обвинению в хищении припасов, инженер Джордж Рей отослан в Англию за новым судном. В марте 1862 года пришли вести о смерти епископа Маккензи и Генри Беррапа. Месяц спустя Мэри Ливингстон, которая к этому времени присоединилась к мужу, сама заболела гепа-

титом. Ее организм был ослаблен хроническим алкоголизмом. Ливингстон был в смятения и бурно ссорился с теми немногими, кто еще оставался с ним. Керка, лояльность которого к Ливингстону была непоколебимой, однажды оставили на берегу, когда он отправился собирать гербарий на горе Морумбала. Ему пришлось бежать по берегу за вспомогательным судном экспедиции, пароходом "Леди Ньяса", с отчаянными криками. "Это будет вам уроком, чтобы больше не опаздывали на двадцать минут", — только и сказал Ливингстон, когда Керк вскарабкался на борт.

Керк с горечью отметил: "Доктор Л., что называется, сломлен".

Дома, в Британии, общественное мнение теперь было настроено против Ливингстона. Получив от него письмо с предложением основать колонию на Шире, премьер-министр лорд Пальмерстон ответил, что "совершенно не желает заниматься приобретением новых британских владений". Ливингстону "нельзя позволить искушать нас основанием колоний, которых можно достичь, лишь заставляя пароходы карабкаться по водопадам". Второго июля 1863 года экспедиция была отозвана. "Таймс" отразила разочарование общества в горькой передовице:

> Нам обещали хлопок, сахар и индиго — товары, которые дикари никогда не производили, и, конечно, мы не получили ничего. Нам обещали торговлю — мы не получили никакой торговли. Нам обещали новообращенных — но ни один человек не был обращен. Нам обещали здоровый климат — и некоторые из лучших миссионеров с женами и детьми умерли на малярийных болотах Замбези.

В Курумане Ливингстон потерпел неудачу как миссионер. Теперь, казалось, он потерпел неудачу как путешественник.

Но этот железный викторианец не умел сдаваться. Несмотря на неудачу похода по Замбези, он все еще видел воз-

можность обратить поражение в победу. Это был вопрос возвращения к аболиционистским истокам евангелического движения. Обследуя окрестности озера Ньяса, экспедиция не раз сталкивалась с невольничьими караванами. Вид человеческого страдания побуждал Ливингстона к действию. Преодолев на "Леди Ньясе" две с половиной тысячи миль [более 4600 км] через Индийский океан и дойдя до Бомбея (это само по себе было подвигом, так как это был речной пароход сорока футов длины и с малой осадкой), Ливингстон вернулся в Лондон и подготовился к битве против "адской торговли". Девятнадцатого марта 1866 года он отправился из Занзибара с новой экспедицией и прежним намерением: искоренить рабство раз и навсегда.

Оставшиеся годы своей жизни Ливингстон провел в почти мистическом странствии по Центральной Африке. Порой он, казалось, исследовал работорговлю. Или одержимо искал истоки Нила — Святой Грааль путешественников викторианской эпохи. Или просто бродил по джунглям на свой страх и риск. Пятнадцатого июля 1871 года он стал свидетелем бойни в Ньянгве: арабские торговцы после спора о цене цыпленка расстреляли без разбора более четырехсот человек. Этот опыт углубил отвращение Ливингстона к работорговцам. Тем не менее он был вынужден полагаться на них в снабжении припасами и поиске носильщиков, когда лишился собственных. Поиск Ливингстоном истоков Нила успехом не увенчался. Они ускользнули от него, как и его новый Иерусалим на Замбези. "Бьющие ключи", описанные Птолемеем и Геродотом, увы, оказались болотами, к тому же питающими не Нил, а Конго.

■

На могиле Дэвида Ливингстона, которая выглядит неподобающе среди готического великолепия Вестминстерского аббат-

ства, начертаны его собственные слова: "Все, что могу в своем уединении — пожелать, пусть щедрое благословение Небес снизойдет на каждого: американца, англичанина или турка, кто поможет исцелить эту открытую язву мира"*. Эта эпитафия стала завещанием следующему поколению. "Открытая язва" — это, разумеется, работорговля, которая, по убеждению Ливингстона, была источником всех бед Центральной Африки.

Он умер в деревне Читамбо, к югу от озера Бангвеулу, вскоре после полуночи 1 мая 1873 года, пребывая в разочаровании: ему казалось, что работорговля неискоренима. И все же около месяца спустя "открытая язва" рабства начала заживать. Пятого июня того же года султан Занзибара подписал соглашение с Британией о запрете работорговли в Восточной Африке**. Старый невольничий рынок был продан Университетской миссии в Центральной Африке, которая заложила на месте камер для рабов довольно пышный собор — достойный памятник Ливингстону-аболиционисту. Символично, что алтарь собора построен на том самом месте, где прежде пороли рабов.

Триумф Ливингстона продолжался и после его кончины. У плато Батока, рядом с водопадом Виктория, лежит замбийский город Ливингстон, названный в честь доброго доктора. Десятилетиями после его путешествия ни один христианин, прибывший сюда, не мог и надеяться уцелеть из-за малярии и враждебности туземцев. И все же в 1886–1895 годах количество протестантских миссий в Африке утроилось. Сейчас в Ливингстоне, городе с населением всего девяносто тысяч человек***, не менее ста пятидесяти церквей, что делает его одним из наиболее христианизированных мест на планете. И это только один маленький город на континенте, где христианство в наши дни исповедуют миллионы. Африка сейчас христиани-

* Пер. Н. Коврижных. — *Прим. пер.*

** Чтобы он поставил свою подпись, потребовалось вмешательство ВМФ, который предпринял блокаду архипелага.

*** Согласно переписи 2010 года — почти 137 тысяч. — *Прим. ред.*

зирована сильнее Европы. Например, в Нигерии приверженцев англиканской церкви больше, чем в самой Англии.

Как получилось, что проект, который казался Ливингстону потерпевшим провал, привел к таким удивительным результатам? Почему стало возможным в конце концов достичь на обширной территории Африки того, что потерпело ужасную неудачу в Индии? Очевидно, часть объяснения кроется в действенной профилактики малярии благодаря хинину. Это сделало миссионерство гораздо менее самоубийственным занятием, чем в начале XIX века. К концу столетия на этой ниве трудилось двенадцать тысяч британских миссионеров, представляющих не менее 360 различных обществ и других организаций.

Вторая половина ответа кроется в одной из самых известных встреч в истории Британской империи.

■

Генри Мортон Стэнли, получивший при рождении имя Джон Роулендс, незаконнорожденный сын уэльской горничной — был честолюбивым, беспринципным и жестоким американским журналистом. Кроме железного здоровья и железной же воли, у него не было почти ничего общего с Дэвидом Ливингстоном. Ренегат и дезертир, решивший держаться подальше от полей сражений Гражданской войны в США, Стэнли заслужил репутацию первоклассного репортера, подкупив во время Англо-эфиопской войны* телеграфиста, чтобы тот отправил его сообщение прежде текстов конкурентов**. Когда редактор

* См. главу 4.

** После взятия крепости Магдала Стэнли первым из корреспондентов прискакал на телеграф и передал свой текст, а после того как подоспели коллеги, не уступил им места, а продолжал диктовать — целую сотню страниц из Библии. В результате газета с репортажем Стэнли вышла на сутки прежде конкурентов. Проданный тираж с лихвой окупил расходы на телеграф. — *Прим. ред.*

газеты "Нью-Йорк геральд" поручил ему найти Ливингстона, от которого не было вестей уже много месяцев — с начала экспедиции по реке Ровума к озеру Танганьика, Стэнли учуял самую большую сенсацию в своей карьере.

После десяти месяцев поисков (с перерывом на участие в незначительной войне арабов с африканцами), 3 ноября 1871 года Стэнли нашел наконец Ливингстона в Уджиджи на северном берегу Танганьики. Отчет Стэнли о встрече показывает, что он был почти ошеломлен этим моментом славы:

> Что бы я ни отдал за мгновение в... дикой местности, где, будучи невидимым, я мог бы выразить свою радость в каких-либо безумных странностях, вроде идиотического кусания руки, прыжках или скачках, чтобы выразить... чувства, которые почти не поддавались контролю. Сердце бешено колотилось, но я не должен был допустить, чтобы мое лицо выражало эмоции, дабы не уронить достоинства белого, явившегося при таких необычайных обстоятельствах.
> Поэтому я сделал то, что я полагал наиболее достойным. Я раздвинул толпу и... пошел по аллее из людей, пока не подошел к полукругу арабов, перед которыми стоял белый человек с серой бородой. Медленно подходя к нему, я сразу заметил, что он выглядел бледным и уставшим, борода седая, на голове фуражка с выцветшим золотым околышем; одет он был в сюртук с красными рукавами и серые брюки. Мне хотелось подбежать к нему, но меня удерживало от этого присутствие людей. Я охотно бросился бы к нему на шею, но не знал, как он, англичанин, отнесется к этому. Степенно подойдя к нему (я поступал так, ведомый малодушием и наигранной гордостью), я снял шляпу и произнес:
> — Доктор Ливингстон, полагаю?

Чтобы довести британскую сдержанность до апогея, понадобился американец.

Репортаж Стэнли занял первые полосы англоязычных газет. И все же это было нечто большее, чем сенсация. Это была символическая встреча поколения евангелистов, которое мечтало о моральном преображении Африки, с новым, трезвым поколением с мирскими приоритетами. Хотя Стэнли был циником, хотя он быстро осознал ошибки придирчивого старика, он был все же тронут и вдохновлен встречей. Он решил стать преемником Ливингстона, как будто их встреча в Уджиджи неким образом помазала его. Позднее он записал: "Если Бог того пожелает, я стану следующим мучеником географической науки, или если Он убережет мою жизнь... открою... тайны Великой реки [Нила] по всему его течению". После похорон Ливингстона, на которых Стэнли был среди восьми человек, несших гроб, он отметил в дневнике:

> Может быть, я избран, чтобы последовать за ним в его открытии Африки сияющему свету христианства... Однако мои методы будут иными, нежели методы Ливингстона. У каждого собственный путь. Его, я думаю, имел свои недостатки, хотя старик лично был почти подобен Христу в своей доброте, терпении... и самопожертвовании.

Доброта, терпение и самопожертвование — вовсе не то, что принес в Африку Генри Стэнли. Когда он вел экспедицию вверх по Конго, он шел, вооруженный винчестером и ружьем для охоты на слонов, которые не колеблясь пускал в ход против несговорчивых туземцев. Один только вид копий, направленных в сторону лодки, заставил его достать винтовку. "Шести выстрелов и четырех трупов оказалось достаточно, чтобы прекратить насмешки", — отметил он с мрачным удовлетворением после одной из таких стычек. В 1878 году Стэнли по поручению бельгийского короля Леопольда II работал над созданием в Конго частной колонии для его Африканской международной ассоциации. Ирония, которая ужаснула бы Ливингстона, заключалась в том, что Бельгийское Конго ско-

ро стало печально известно своей смертоносной системой рабского труда.

Ливингстон верил в силу Евангелия, Стэнли — только в насилие. Ливингстона ужасало рабство, Стэнли способствовал его восстановлению. Ливингстон не обращал внимания на политические границы, Стэнли хотел видеть Африку расчлененной. Так и произошло. За время, прошедшее между смертью Ливингстона в 1873 году и смертью Стэнли в 1904 году, приблизительно треть Африки была занята Британской империей, а почти все остальное было разделено между горсткой других европейских держав. И только на этом фоне политического доминирования может быть понято обращение в христианство Африки южнее Сахары.

Как и намечал Ливингстон, в Африку пришли торговля, цивилизация и христианство. Но с ними пришли и завоеватели.

Глава 4
Порода небес

При всех обстоятельствах человек должен держаться своей касты, своей расы и своего племени. Пусть белый прилепится к белому, а черный к черному.

Редьярд Киплинг

Мемориал Виктории в центре Калькутты должен был стать английским ответом индийскому Тадж-Махалу, неподвластным времени символом имперского величия. Однако сейчас статуя королевы, устало глядящей на парк Майдан, стала скорее символом недолговечности британского владычества. Роскошный мемориал — белый остров — утопает в море бенгальцев, которые занимают все годные для житья уголки миазматического мегаполиса. Поразительная вещь: несколько тысяч англичан почти два века управляли не только Бенгалией, но и всей Индией. Кто-то заметил, что здешняя колониальная администрация была "гигантским аппаратом управления делами пятой части жителей Земли без их на то позволения и без их помощи".

Кроме того, англичане из Индии контролировали целое полушарие от Мальты до Гонконга. Индия была фундаментом, на котором в средневикторианский период стояла империя.

И все же Британская Индия таит за своим мраморным фасадом тайну: как всего девятьсот английских чиновников и семьдесят тысяч военных держали в узде более 250 миллионов индийцев? В самом деле: как?

Уничтожение расстояний

На вершине имперской пирамиды стояла королева: женщина трудолюбивая, своевольная, пылкая в частной жизни и чопорная на публике, удивительно плодовитая и отличавшаяся долголетием. Как и последними Плантагенетами, ею владела охота к перемене мест*. Виктории не нравился Букингемский дворец. Она предпочитала ему Виндзор и питала слабость к далекому сырому Балморалу**. Однако ее любимой резиденцией оставался, вероятно, Осборн-хаус на острове Уайт. Дворец, приобретенный и реконструированный принцем Альбертом, ее обожаемым мужем и кузеном, был одним из немногих мест, где венценосная чета могла насладиться одиночеством и близостью в такой степени, которая обычно была им недоступна. Виктория писала, что "так уютно и приятно иметь *собственный уголок*, тихий и уединенный... Невозможно вообразить место симпатичнее. Здесь очаровательный берег, предназначенный почти только для нас, и мы можем везде гулять, не будучи сопровождаемыми толпой".

Осборн-хаус построен в стиле Возрождения, типичном для XIX века. Он отстоит — буквально и метафорически — за тысячи миль от глобальной империи, которой правила Виктория. Однако Осборн-хаус был далек от устремленности в прошлое. Бросающаяся в глаза аллегорическая фреска над главной лестницей сначала кажется пастишем в итальянской манере. Однако при внимательном изучении мы замечаем, что фигуру Британии, получающую из рук Нептуна корону морей, сопровождают Промышленность, Торговля и Навигация. Эти три фигуры свидетельствуют о том, что королевская чета отлично понимала связь между экономической мощью Британии и ее положением в мире.

* Английская королевская династия (1154–1399). Некоторые Плантагенеты имели странствующий двор, перемещавшийся по Англии. — *Прим. пер.*

Резиденция королевы в Шотландии. — *Прим. пер.*

С конца XVIII века Англия держала лидерство в технике. Британские инженеры шли в авангарде Промышленной революции, поставившей на службу человеку силу пара и прочность железа, преобразовавшей мировую экономику и изменившей баланс сил в мире. Ничто не иллюстрировало это лучше, чем вид, открывавшийся из Осборн-хауса через пролив Солент. Там, в Портсмуте, находилась главная морская база, тогда крупнейшая в мире. В ясную погоду королева и ее супруг, гулявшие в садах Осборн-хауса, могли наблюдать за кораблями. В 1860 году Виктория, например, могла различить вдалеке силуэт броненосного крейсера "Уорриор" — символа средневикторианской эпохи. "Уорриор", приводимый в движение паром, закованный в пятидюймовую броню, вооруженный казнозарядными пушками, стреляющими не ядрами, а снарядами, был самым мощным кораблем в мире — настолько мощным, что ни один иностранный корабль не мог померяться с ним силами. И это был лишь один из примерно 240 военных кораблей, на которых служили сорок тысяч моряков. Безусловно, британский ВМФ был сильнейшим в мире. Благодаря непревзойденной производительности своих верфей Британия обладала примерно третью мирового торгового флота. Никогда прежде на планете не было державы, которая контролировала бы моря в той мере, в какой Британия в середине XIX века. У Виктории были веские причины чувствовать себя в Осборн-хаусе в безопасности.

Когда англичане пожелали пресечь работорговлю, они просто послали в Африку корабли. К 1840 году не менее 425 невольничьих судов были перехвачены у побережья Западной Африки и препровождены в Сьерра-Леоне, где почти все они были конфискованы. В этой международной полицейской операции участвовало тридцать военных кораблей. Когда англичане захотели, чтобы и бразильцы запретили работорговлю, они отправили в Бразилию канонерку (да, лорд Пальмерстон поступил так в 1848 году, и к сентябрю 1850 года работорговля в Бразилии оказалась под запретом).

Когда англичане пожелали, чтобы китайцы открыли свои порты для торговли (не в последнюю очередь для ввоза индийского опиума), они отправили в Китай флот. Причиной Опиумных войн 1840–1842 и 1856–1860 годов было, конечно, нечто большее, чем опиум. Газета "Иллюстрейтед Лондон ньюс" изображала войну 1840 года крестовым походом, несущим блага свободной торговли отсталой восточной деспотии. При этом в тексте Нанкинского договора, подписанием которого завершился конфликт, об опиуме прямо не говорилось. Вторая Опиумная война (ее иногда называют "войной из-за 'Арроу'" — корабля, задержание которого китайцами явилось поводом к войне) велась отчасти за то, чтобы поддержать британский престиж (по той же причине были блокированы порты Греции в 1850 году; тогда рожденный в Гибралтаре еврей заявил, что его, британского подданного, права были нарушены греческими властями). И все же трудно представить Опиумные войны, если бы не запрет китайскими властями ввоза опиума в 1821 году (эта торговля была критически важна для финансирования администрации в Индии)*. Единственная выгода от приобретения Гонконга в результате войны 1840 года состояла в том, что это обеспечило фирмам вроде "Джардин-Матесон" опорную базу для контрабанды опиума. Поистине горькая насмешка над викторианскими ценностями: тот самый флот, который способствовал пресечению работорговли, использовали для расширения торговли наркотиками.

И войну против работорговли, и войны за опиум сделало возможными британское господство на море. Вначале, правда, Адмиралтейство было потрясено появлением паровых машин, которые, как предполагалось, нанесут "фатальный удар

Весьма примечателен тот факт, что в течение первой половины XIX века доход Ост-Индской компании от монополии на экспорт опиума был примерно равен сумме, которую она должна была переводить в Лондон, чтобы выплатить проценты по своему огромному долгу. Торговля опиумом была крайне важна и для индийского платежного баланса.

Долги и наркотики: уплата Ост-Индийской компанией процентов по долгам и ее доходы от торговли опиумом в 1814–1857 гг. (млн. ф. ст.)

по военно-морскому превосходству империи". Но вскоре стало очевидно, что новую технологию придется принять, просто чтобы не отстать от французов. (Французский броненосец "Глуар", заложенный в 1858 году, был одной из главных причин постройки британского "Уорриора".) Пар ничуть не ослабил империю, а, напротив, укрепил ее. Во времена парусного флота для того, чтобы пересечь Атлантику, требовалось от четырех до шести недель. Пар сократил этот срок до двух недель в середине 30-х годов XIX века и всего десяти дней — в 80-х годах. С 50-х до 90-х годов время путешествия из Англии в Кейптаун сократилось с 42 до 19 дней. Пароходы становились не только быстрее, но и вместительнее: за тот же период средняя валовая вместимость флота удвоилась*.

Уменьшилась и стоимость перевозки грузов. Так, стоимость перевозки бушеля пшеницы из Нью-Йорка в Ливерпуль сократилась в 1830–1880 годах вдвое, еще наполовину — в 1880–1914 годах. В 1830 году стоимость транспортировки железа в брусках не намного превышала суммарные издержки на его производство, а к 1910 году составляла меньше пятой их части.

Однако это не был единственный способ, благодаря которому империя стала прочнее. Королеву Викторию в начале ее царствования (точнее — до Сипайского восстания) сравнительно мало интересовало происходящее за пределами Европы. Восстание в Индии побудило ее к исполнению своих имперских обязанностей, и с течением времени государственные дела все сильнее стали занимать ее. В декабре 1879 года она сделала запись в дневнике о "долгом разговоре после чая с лордом Биконсфильдом об Индии, Афганистане и о необходимости для нас стать хозяевами этой страны и необходимости ее удержать..." В июле 1880 года она "настоятельно призвала правительство сделать все, что в его силах, для сохранения безопасности и защиты чести империи". В 1884 году она сказала лорду Дерби, что "защита бедных туземцев и распространение цивилизации" являются, на ее взгляд, "миссией Великобритании". В 1898 году Виктория провозгласила: "Очень важно, я полагаю, чтобы в мире не сложилось впечатления, будто мы не позволим никому, кроме нас, владеть чем-либо". В одном из дальних уголков Осборн-хауса можно найти ответ на вопрос, почему королева с течением времени чувствовала себя все теснее связанной с империей: там находился телеграфный офис (в 1902 году, когда дворец передали общественности, его не сочли достойным сохранения). В 70-х годах XIX века сообщения из Индии доходили за несколько часов, и королева внимательно их читала. За время правления Виктории мир сжался, и произошло это в значительной степени благодаря британской технике.

Правда, Адмиралтейство пыталось игнорировать телеграф. Его изобретателю Фрэнсису Рональдсу, в 1816 году предложившему флоту свои разработки, отказали. Не военные, а частный сектор озаботился развитием информационной супермагистрали XIX века, первоначально привязанной к железнодорожной инфраструктуре. К концу 40-х годов стало ясно, что телеграф произведет переворот в коммуникациях, а к 50-м годам телеграфная сеть в Индии оказалась достаточно

развитой для того, чтобы сыграть важную роль в подавлении восстания*. Однако решающую роль для империи сыграло конструирование прочных подводных телеграфных кабелей. Примечательно, что именно имперский продукт (подобная каучуку малайская гуттаперча) решил эту проблему, позволив в 1851 году проложить первый кабель по дну Ла-Манша, а пятнадцать лет спустя — по дну Атлантического океана. Двадцать седьмого июля 1866 года корабль "Грейт-Истерн", построенный Изамбар-Кингдомом Брюнелем, дотянул кабель Англо-американской телеграфной компании до Америки. Это, несомненно, ознаменовало наступление новой эпохи. Маршрут трансатлантической линии (Ирландия — Ньюфаундленд) ясно давал понять, какая держава будет господствовать в эпоху телеграфа. А то, что правительство Индии несколькими годами ранее провело телеграфную линию в Европу, показало, что эта держава, даже учитывая ее приверженность принципу *laissez-faire*, держит руку на пульсе**. К 1880 году 97568 миль подводного кабеля связывало Британию с Индией, Канадой, Африкой и Австралией. Теперь сообщение, переданное из Бомбея в Лондон (четыре шиллинга за слово), доставлялось адресату на следующий день***. По словам Чарльза Брайта, одного из апостолов новой технологии, телеграф стал "мировой электрической нервной системой".

Телеграф и пароходное сообщение были двумя из трех металлических сетей, которые опутали мир, одновременно облегчив контроль над ним. Третьей стала железная дорога, и здесь британцы молчаливо допустили ограничение свободного рынка. Железнодорожная сеть в Англии была построена

* Некий мятежник, ведомый на казнь, назвал телеграфную линию "проклятой веревкой, которая душит меня".

** Внутрибританская телеграфная сеть была национализирована, однако большая часть заграничной сети была построена и эксплуатировалась частными предприятиями.

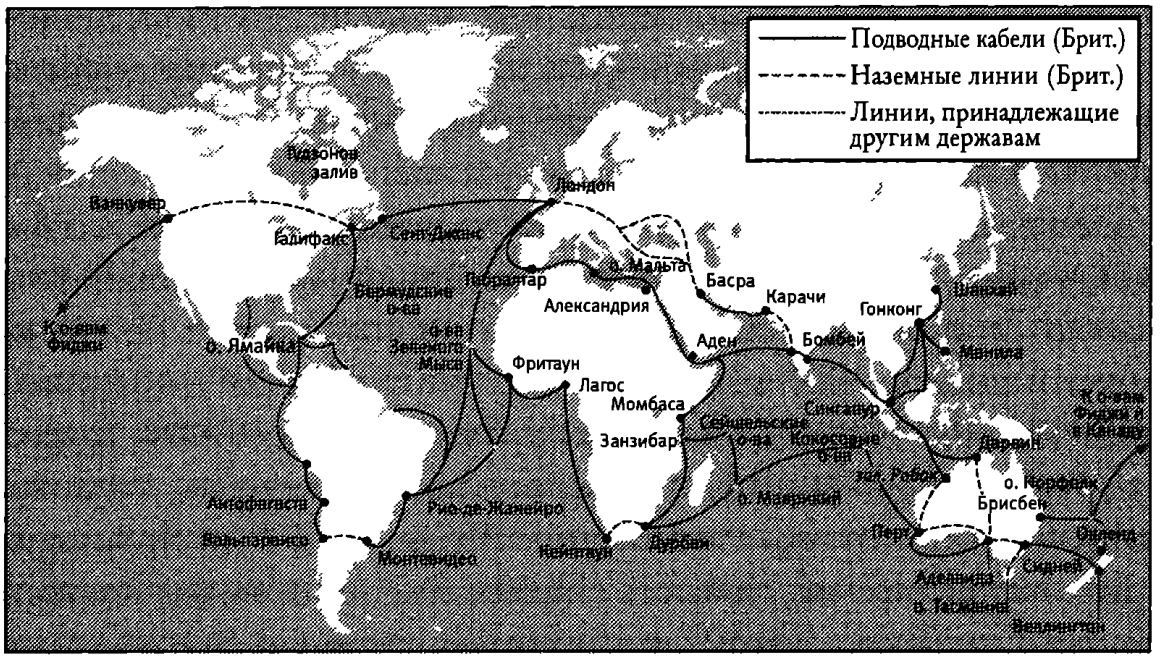
*** Депеши, адресованные МИД или Министерству по делам колоний, приходили в офисы Восточной телеграфной компании в Сити, а затем регистрировались и доставлялись как обычная корреспонденция.

строено в Британии. Эта сеть с самого начала имела как экономическое, так и военное значение: отнюдь не благодаря щедрости британских акционеров новый вокзал Лакнау стал напоминать грандиозную готическую крепость.

Как выразился известный обозреватель, викторианская революция в глобальных коммуникациях привела к "уничтожению расстояний". В то же время она сделала возможным уничтожение *на расстоянии*. К тому же главный источник военной мощи Британии теперь находился в другом полушарии.

Регулярная английская армия долгое время была немногочисленной. Страну защищали моряки. Более трети огромного имперского флота базировалось на Британских островах и в Средиземноморье. Большую же часть сухопутных сил британцы держали в Индии. В этом отношении Сипайское восстание изменило немногое. Правда, после 1857 года количество туземных солдат было сокращено, а британских — примерно на треть увеличено. Однако, в 1863 году королевская комиссия подсчитала, что в 1800–1856 годах смертность среди военнослужащих в Индии составляла шестьдесят девять человек на тысячу. Аналогичный показатель для гражданских лиц в Англии, принадлежавших к той же возрастной группе, составлял приблизительно десять человек на тысячу. Кроме того, английские солдаты в Индии гораздо чаще заболевали. С истинно викторианской основательностью комиссия подсчитала: из семидесяти тысяч солдат, составляющих британский контингент в Индии, ежегодно будут умирать 4830, а на больничных койках окажутся 5880. Поскольку вербовка солдата и его расквартирование в Индии обходились в сто фунтов стерлингов, Британия тратила на военных более миллиона в год.

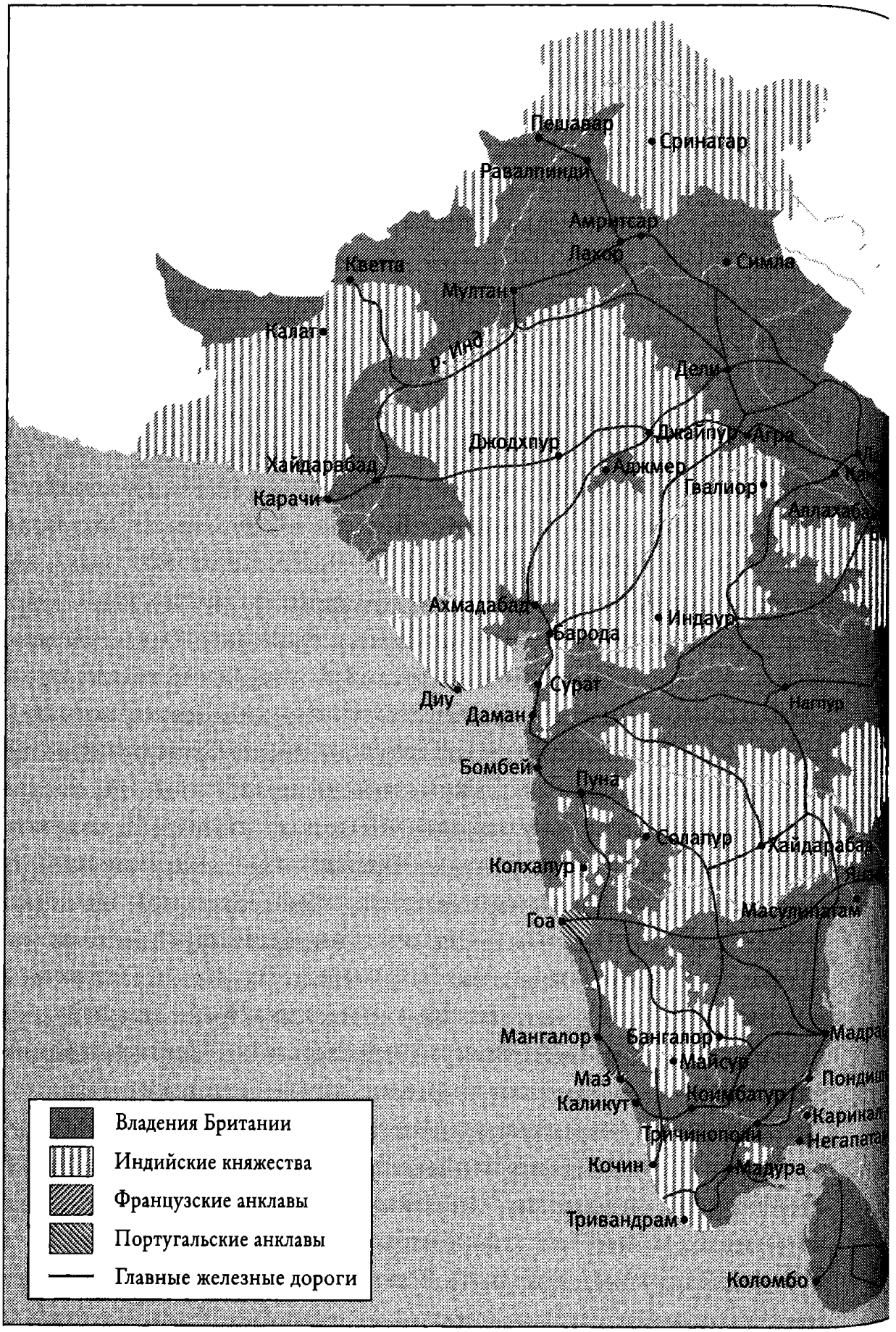
Учитывая, что размещение такого же контингента в Европе обошлось бы приблизительно в двести тысяч фунтов стерлингов, оставшиеся восемьсот тысяч следует рассматривать как надбавку за службу в тропиках. Это был намек на то, что нельзя больше посылать британских солдат в Индию, чтобы они там болели и умирали. И если было необходимо со-

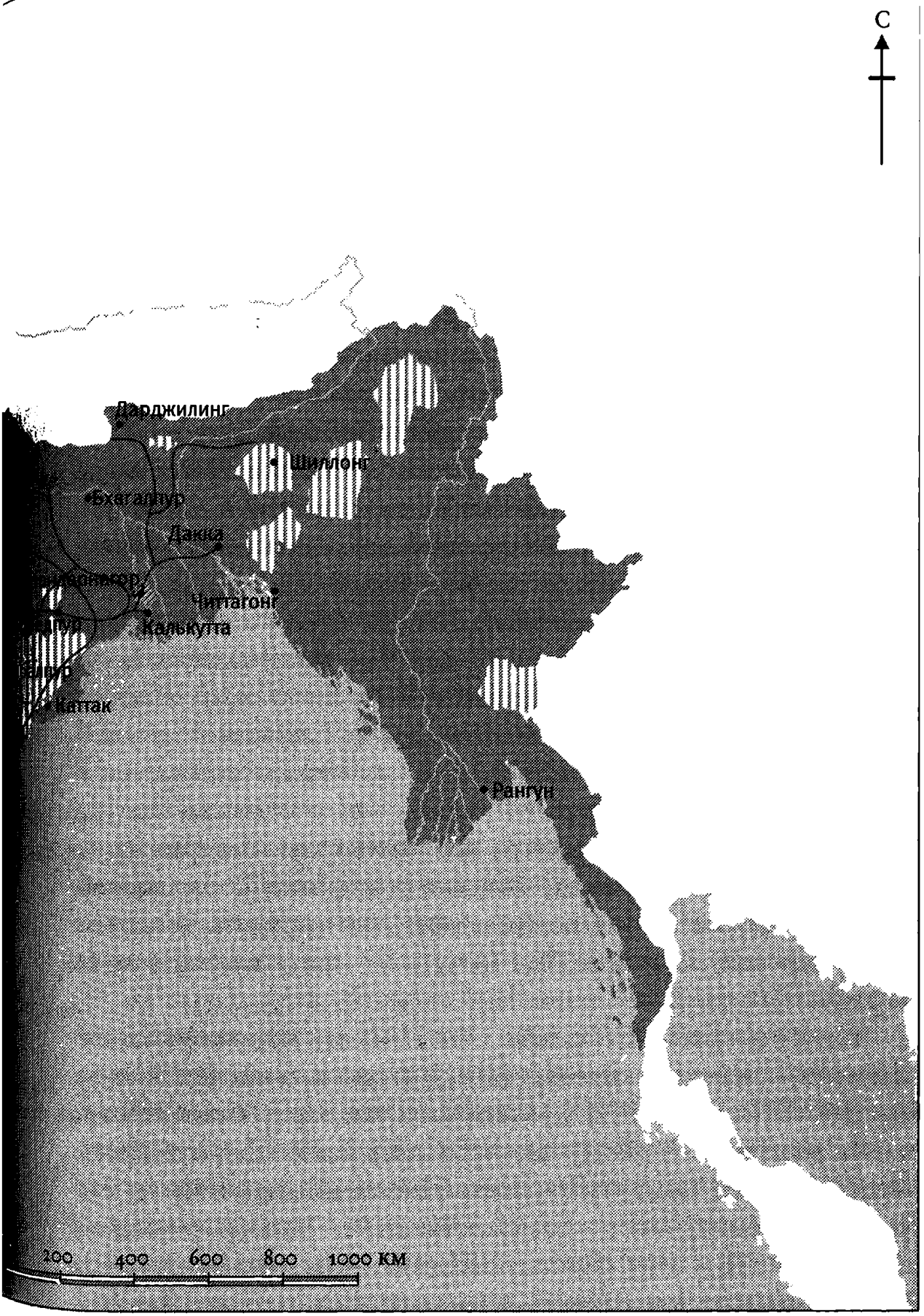


Всемирная телеграфная сеть:
имперская информационная супермагистраль (ок. 1913 г.)

после 1826 года с минимальным участием государства. Но железные дороги империи, хотя они и были проведены частными компаниями, зависели от щедрых правительственных субсидий, гарантировавших выплату дивидендов. В 1853 году была открыта первая в Индии линия Бомбей — Тхана (21 миля). Менее чем за пять лет было проложено более 24 тысяч миль путей. В течение жизни одного поколения поезд изменил экономику и общество Индии. Миллионы людей за семь анн* — стандартная плата за проезд в третьем классе — смогли позволить себе путешествие на поезде, "сближающем друзей и соединяющем встревоженных". Некоторые современники предсказывали, что в результате произойдет культурная революция, поскольку "тридцать миль в час — это фатальная скорость для медлительных языческих божеств". Конечно, индийское железнодорожное сообщение образовало огромный рынок для английских изготовителей локомотивов, так как большинство из десятков тысяч паровозов, эксплуатировавшихся в Индии, было по-

* Разменная индийская колониальная монета (16 анн = 1 рупия). — *Прим. пер.*


Пешавар
Сринагар
Равалпинди
Амритсар
Лахор
Симла
Кветта
Мултан
Калат
р. Инд
Дели
Джайпур
Агра
Джодхпур
Хайдарабад
Аджмер
Карачи
Гвалиор
Ахмадабад
Индаур
Барода
Сурат
Диу
Даман
Нагпур
Бомбей
Пуна
Солапур
Колхапур
Масулипатам
Гоа
Мангалор
Бангалор
Майсур
Маэ
Каликут
Коимбатур
Тринкополи
Кочин
Мадура
Тривандрам
Коломбо
Владения Британии
Индийские княжества
Французские анклавы
Португальские анклавы
Главные железные дороги



Британская Индия (1931 г.)

хранить боеспособность Индийской армии, следовало продолжать набор сипаев.

В результате к 1881 году в рядах Индийской армии служили 69647 англичан и 125 тысяч индийцев (сравните с английскими и ирландскими войсками в Британии — 65809 и 25353 человек соответственно). Таким образом, Индийская армия составляла 62 % имперских сил. По ядовитому замечанию лорда Солсбери, Индия была "английской казармой в восточных морях, из которой мы можем бесплатно взять сколько угодно войска" (что Солсбери и другие премьер-министры регулярно и делали). За полвека (до 1914 года) индийские войска приняли участие более чем в дюжине кампаний от Китая до Уганды. В 1878 году политик-либерал У. Э. Форстер сетовал на то, что правительство полагается "не на патриотизм и силу духа нашего народа", а на "гуркхов, сикхов и мусульман, воюющих вместо нас". В мюзик-холлах пели:

Мы не хотим воевать,
Но если, черт возьми, прижмет,
Мы сами не пойдем на фронт,
Отправим кроткого индуса.

Индийская армия, как и почти все институты империи средневикторианского периода, зависела от техники, которая снабжала военных не только винтовками, но и картами. Теодолит для имперской политики был ничуть не менее важен, чем телеграф.

Уже в 70-е годы XVIII века Ост-Индская компания оценила военное значение картографии. В англо-индийских войнах конца XVIII и начала XIX века армия, чьи карты были точнее, имела решающее преимущество. Сами Британские острова были нанесены на карту — по той же самой причине — стараниями сотрудников Государственной топографической службы. В 1800 году была учреждена Геодезическая служба Индии под началом отважных картографов Уильяма Лэмбто-

на и (с 1818 года) Джорджа Эвереста. Работая по ночам, чтобы защитить показания теодолитов от искажений, вызываемых жарой, они стремились составить точный атлас Индии: свод географической, геологической и экологической информации, изложенной в масштабе четыре мили на дюйм.

Знание — сила, а знание о том, где что находится, является важнейшим для нужд государственного управления. Правда, по мере того, как геодезисты продвигалась к Гималаям (там Эверест дал свое имя самой высокой вершине мира), их изыскания приобрели новое значение. Где заканчивается Британская Индия? На пике могущества она была гораздо больше современной Индии и включала территорию современного Пакистана, Бангладеш и Мьянмы, южного Ирана и Непала. Одно время казалось, что британское владычество распространится и на Афганистан. Некоторые подумывали даже о Тибете. Однако на севере, по ту сторону горных цепей, начинались владения другой европейской империи со сходными устремлениями — Российской. В XIX веке ее расширение на суше было столь же быстрым, как Британской — на море: Кавказ, Черкесия, Грузия, Восточная Армения и Азербайджан, в восточном направлении — от Каспийского моря вдоль Великого шелкового пути через Бухару, Самарканд и Ташкент до Коканда и Андижана. Там Лев и Медведь (так неизменно изображал "Панч" конкурентов) бросали друг на друга воинственные взоры, разделенные одним из самых неприветливых ландшафтов мира.

С 1879 (вторая попытка британцев покорить Афганистан) до 1919 года (третья попытка) Британия и Россия вели холодную войну в районе северо-западной индийской границы, и шпионами в той войне были картографы: тот, кто первый нанес границу на карту, получал удобную возможность ее контролировать. Таким образом, работа геодезистов стала неразрывно связана со шпионажем (один из первых британских первопроходцев назвал его "большой игрой"). Временами это действительно походило на игру. Британские агенты, действуя

на неотмеченной на карте территории за Кашмиром и Хайберским проходом, притворялись буддийскими монахами. Они измеряли расстояние с помощью четок (одна бусина — сто шагов) и прятали карты в молитвенных барабанчиках. Игра была смертельно опасной. Она шла в зоне, где единственным правилом был беспощадный кодекс чести пуштунов: незнакомцу оказывали гостеприимство, однако если он нарушал обычаи, ему перерезали горло и объявляли вендетту его семье*.

Британцы не могли позволить себе забросить дела на северо-западной границе. И все же это был не предел: благодаря викторианской технике влияние Британской Индии распространилось и за океаном.

■

В 1866 году произошел захват заложников. Этот кризис проверил на прочность имперскую систему коммуникаций. Группа британских подданных была заключена в тюрьму абиссинским императором Федором II (Теодросом II), который счел, что Англия выказывает его режиму — единственной христианской монархии в Африке — недостаточное уважение. Федор II отправил в Лондон послание, стремясь добиться своего признания. Когда Министерство по делам колоний не ответило, Федор II арестовал всех европейцев, которых смог, и заточил их в горную крепость Магдала. В Абиссинию отправилась дипломатическая миссия, однако и ее посадили под замок.

Никто не мог обращаться с подданными королевы Виктории подобным образом и избежать при этом неприятностей. Однако вызволение заложников из мрачной Эфиопии было трудной задачей, и королева поручила ее решение "силам быстрого реагирования". Примечательно, что экспедиционный

* Среди героев этой романтической игры были пандиты, например Кишен Сингх и Сарат Чандра дас — прототип Хурри Чендера Мукерджи в "Киме" Киплинга.

корпус состоял не только из англичан. Абиссиния должна была почувствовать и мощь Британской Индии.

Операция была бы невозможна без быстро растущей телеграфной сети и паровых машин. Решение об отправке экспедиции для освобождения заложников принял премьер-министр лорд Дерби после консультации с кабинетом министров и королевой. Когда письменный призыв Виктории к Федору отпустить заложников (апрель 1867 года) остался без ответа, у правительства не осталось иного выхода, кроме как освободить их силой. Разумеется, это решение повлияло на все крупные департаменты правительства. Министерство иностранных дел, Военное министерство, Адмиралтейство, Министерство финансов: со всеми нужно было консультироваться. Но чтобы приказ королевы был выполнен, он должен был преодолеть десять тысяч миль, отделявших лондонский офис министра по делам Индии от губернатора Бомбейского президентства, где стояли войска. Прежде для передачи приказа понадобились бы месяцы. Теперь можно было положиться на телеграф.

Планирование экспедиции поручили генерал-лейтенанту сэру Роберту Нейпиру — поборнику дисциплины и гениальному военному инженеру. Приказ королевы ("Ты разорвешь цепи") воодушевил публику, и Нейпир впоследствии сделал эту фразу (на латыни *Tu vincula frange*) своим девизом. К решению задачи Нейпир подошел с мрачным реализмом кадрового военного. Следовало надеяться, писал Нейпир герцогу Кембриджскому 25 июля 1867 года, что

> пленники могут быть освобождены дипломатическим путем за любой выкуп, поскольку экспедиция обошлась бы очень дорого и стоила бы немалых трудов. Даже если не прозвучит ни единого вражеского выстрела, потери из-за климата и несчастных случаев десятикратно превысят число заложников. Тем не менее, если эти несчастные будут убиты или насильно удержаны, я полагаю, мы должны будем что-либо предпринять.

Как Нейпир, вероятно, и ожидал, это выпало сделать ему — и Индийской армии. Тринадцатого августа Нейпир подсчитал, сколько ему потребуется войска: "Четыре полка туземной кавалерии, эскадрон британской кавалерии, десять полков туземной пехоты... четыре батареи полевой и конной артиллерии; горная артиллерия; батарея из шести 5,5-дюймовых мортир... если возможно, две из них 8-дюймовые; кули (три тысячи человек) для переноски грузов и выполнения работ". Два дня спустя ему предложили командовать экспедицией. К ноябрю парламент (созванный досрочно Дизраэли, который надеялся извлечь из этой истории некоторую электоральную выгоду) одобрил выделение необходимых Нейпиру средств. После этого сэр Стаффорд Норткот, министр по делам Индии, сообщил вице-королю, что "дальнейшие решения, связанные с организацией и снабжением подкреплений, если таковые потребуются сэру Роберту Нейпиру, должны лежать на правительстве Индии". Норткот также напомнил вице-королю, что участие в операции "туземной составляющей" корпуса Нейпира будет оплачивать, как обычно, правительство Индии.

Через несколько месяцев экспедиционный корпус отбыл из Бомбея в Массауа, город на побережье Красного моря. Корабли везли тринадцать тысяч английских и индийских солдат, двадцать шесть тысяч вспомогательного персонала, огромное количество скота (тринадцать тысяч мулов и пони, столько же овец, семь тысяч верблюдов, семь тысяч бычков, тысячу ослов и сорок четыре слона). Нейпир даже взял с собой сборную гавань с маяками и железнодорожной системой. Это был настоящий интендантский подвиг, удачная комбинация индийских мускулов и британской техники.

Абиссинский император был уверен, что ни одна армия не сумеет преодолеть четыреста миль по выжженной солнцем гористой местности, отделяющих Магдалу от побережья. Однако он не знал Нейпира. Тот медленно, но упорно вел своих людей к цели, и путь их отмечали тысячи трупов обезвоженных животных. Экспедиция подошла к крепости через три месяца.

Почувствовав облегчение — пеший переход был завершен, — солдаты приготовились к штурму. Будто бы гром загрохотал над головами, и с оркестром, играющим "Гарри Оуэна", полки пошли на приступ. Всего за два часа ожесточенного боя солдаты Нейпира убили более семисот воинов Федора II и ранили тысячу двести. Император, не желая сдаваться, покончил с собой. Ранения получили всего двадцать британских солдат. Не погиб ни один. Один из членов экспедиции вспоминал: "Шелк развевающихся полковых знамен, поднятые в воздух шлемы и гул победных криков. Крики победителей... разносились по плато на расстоянии двух миль... и эхо над горами вторило: 'Боже, храни королеву'".

Победа Нейпира была типичной для средневикторианского периода. Заметное превосходство англичан в логистике, огневой мощи и дисциплине привело к свержению императора с минимумом жертв с их стороны. Победители возвратились с триумфом, не только освободив заложников, но и взяв трофеи (в частности, тысячу древних христианских рукописей и ожерелье императора — к удовольствию Дизраэли). У восхищенной королевы не возникло ни малейшего сомнения в том, что Нейпир заслужил титул пэра, не говоря уже о неизбежной конной статуе. Теперь она стоит в саду старой вице-королевской резиденции в Барракпуре.

■

То, что индийские войска могли действовать так далеко от родины и с таким успехом, свидетельствовало о том, как изменилась Индия после восстания 1857 года. Всего за десять лет до экспедиции Нейпира британское владычество в Индии было поколеблено. Но англичане усвоили горький урок. Восстание привело к реформе аппарата управления Индией. Ост-Индская компания была ликвидирована, и аномалия (то, что корпорация управляла субконтинентом) была устранена.

Впрочем, изменения отчасти свелись к переименованию. Генерал-губернатор стал называться вице-королем. Незначительные перемены коснулись и его совета. Теоретически высшие полномочия теперь принадлежали министру по делам Индии, находившемуся в Лондоне, и Совету по делам Индии (сочетание прежнего Совета директоров и Контрольного совета). Правилом было, однако, то, что "управление Индией должно... осуществляться из самой Индии". Первого ноября 1858 года королева Виктория дала своим индийским подданным некоторые гарантии относительно будущей власти на субконтиненте. Первую мы уже знаем: отказ от вмешательства в религиозную жизнь (неявное признание одной из главных причин восстания). В прокламации был упомянут "принцип, согласно которому должно существовать совершенное равенство между европейцами и туземцами в отношении всех должностей". Как выяснилось впоследствии, это был опрометчивый шаг.

Конечно, в Индии сохранялась деспотия, и миллионы индийских подданных Виктории не имели даже намека на представительство своих интересов. Как выразился один вице-король, фактически Индией "управляли статс-секретарь [по делам Индии] и вице-король с помощью конфиденциальной переписки". Кроме того, гарантии примирения, данные в прокламации Виктории, сопровождались практическими мерами на основаниях, которые были в целом конфронтационными. Но то, что случилось в Лакнау, показывает, насколько радикально изменилось британское правление. Как только затихли отголоски Сипайского восстания, по крайней мере одному человеку, бригадиру Бенгальского инженерного корпуса, стало ясно, что только радикальными мерами можно предотвратить повторение событий 1857 года. Как заметил этот офицер в "Меморандуме относительно военного занятия города Лакнау", упомянутым городом "из-за его обширной территории и отсутствия господствующих высот всегда будет трудно управлять иначе, как при помощи большого войскового соединения". Этого офицера звали Роберт Нейпир (это он приве-

дет британцев к Магдале). К решению "проблемы Лакнау" он подошел с той же методичностью:

> Этих трудностей в значительной мере можно избежать, построив достаточно постов... и проведя широкие улицы... так, чтобы войска могли быстро перемещаться в любом направлении... Пригороды и препятствия... мешающие свободному перемещению войск... следует снести... Относительно [новых] улиц... — они абсолютно необходимы... Это, несомненно, подвергнет лишениям тех, чья собственность пострадает, но общество в целом выиграет, и его можно принудить компенсировать убытки пострадавшим.

Прежде всего из города было выслано население, затем начался снос. Когда Нейпир закончил, примерно две пятых старого города перестали существовать. К разрушениям прибавилось оскорбление: главную мечеть англичане на время превратили в казармы. И все это оплатили горожане, которым не позволяли вернуться домой, пока они не рассчитаются со сборщиками налогов.

Как и в любом большом городе Индии, гарнизон Лакнау теперь размещался за городской чертой, в военном городке. Оттуда солдаты могли выступить по тревоге, чтобы подавить любое выступление. Каждый офицер поселился в собственном бунгало с садом (размер соответствовал чину), помещением для слуг, а также конюшней. Английские солдаты жили в кирпичных казармах поблизости, туземные — поодаль, в крытых тростником хижинах, которые они должны были сами и построить. Даже новый вокзал Лакнау был спроектирован с учетом военных нужд: здание представляло собой крепость, а длинные платформы были удобны для высадки подкреплений, если это понадобилось бы. Широкие бульвары за вокзалом, проложенные Нейпиром, позволяли солдатам стрелять. Говорят, что викторианская Британия не смогла сделать ничего похожего на реконструкцию Парижа, проведенную бароном

Османом для Наполеона III. В Лакнау англичане хотя бы попытались.

Изменение облика Лакнау иллюстрирует следующий факт: британское владычество в Индии опиралась на силу. Армия была не только стратегическими силами империи, но и гарантом стабильности ее азиатского арсенала. Правда, англичане не управляли Индией исключительно силой. Наряду с педантами вроде Нейпира были и чиновники. Гражданская администрация, фактически управлявшая Индией, отправляла правосудие и справлялась с бесконечными кризисами, большими и малыми — с обрушившегося моста до массового голода. Этих людей, выполнявших неблагодарный, адский труд, называли "рожденными небом".

Вид с холмов

К концу марта на Индо-Гангской равнине становится невыносимо душно. Жара стоит до конца сентября — начала муссонных ливней:

> Все двери и окна были закрыты, поскольку воздух снаружи был как из духовки. Воздух внутри имел температуру в 104° [40°C], как свидетельствовал термометр, и был тяжелым, с неприятным запахом коптящих керосиновых ламп, и это зловоние, объединенное со зловонием местного табака, раскаленных кирпичей и иссушенной земли, заставляет сердца многих сильных людей уходить в пятки, поскольку это запах великой индийской империи, когда она превращается на шесть месяцев в пыточный застенок.

До изобретения кондиционеров воздуха Индия летом действительно становилась для европейцев сродни пыточному застенку, и их муки едва ли облегчали слуги с опахалами. Потеющие и проклинающие все на свете англичане хотели сбе-

жать от изнуряющей жары равнин. Как они могли управлять субконтинентом, не подвергаясь ежегодно тепловому удару? Решение нашлось в предгорьях Гималаев. Там погода в разгар лета представляла собой сносную имитацию климата старой доброй Англии.

Было несколько высокогорных убежищ для вечно обожженных солнцем англичан — Дарджилинг на востоке, Утакамунд на юге, — но одно место было исключительным. Если вы в Дели сядете на поезд, идущий на север, в горный штат Химачал-Прадеш, то проследуете путем, который проделали многие поколения британских солдат и администраторов, не говоря уже об их женах и возлюбленных. Некоторые англичане отправлялись туда в отпуск, чтобы проветриться, развлечься и найти себе пару. Но большинство ехало потому, что ежегодно на семь месяцев Симла становилась столицей Индии.

Симла лежит на высоте чуть более семи тысяч футов над уровнем моря и на расстоянии более тысячи миль от Калькутты. Пока в 1903 году не была проложена железная дорога из Калки, попасть в Симлу можно было на лошади, на носилках или в паланкине. Если вода в реках стояла высоко, для переправы требовались слоны. Симла с ее захватывающими дух видами, соснами и мягкой прохладой (не говоря уже о случайных дождевых облаках) напоминает скорее Шотландское нагорье, чем Гималаи. В Симле есть даже театр Гейти* и готическая шотландская церковь (ее заложил некий Чарльз Пратт Кеннеди, построивший первый дом на возвышенности в 1822 году). Для викторианцев, наученных литераторами-романтиками идеализировать каледонские горы, Симла казалась настоящим раем. Горный воздух буквально приводил их в экстаз: "Казалось, эфир вошел в мои вены, поскольку я чувствовал, что я могу нырнуть с головой в самые глубокие долины или проворно прыгнуть с их обрывистых склонов с потрясающей легкостью". Правители Индии быстро оценили по досто-

* По названию известного музыкального театра в Дублине. — *Прим. пер.*

инству омолаживающий воздух. Лорд Амхерст посетил Симлу уже в 1827 году, будучи генерал-губернатором, а в 1864 она стала официальной летней резиденцией вице-короля.

Симла была странным мирком: отчасти Шотландия, отчасти Гималаи; отчасти средоточие власти, отчасти игровая площадка*. Этот мирок никто не понял лучше, чем Редьярд Киплинг. Родившийся в Бомбее в 1865 году, в первые пять лет своей жизни Киплинг проводил больше времени с индийской няней, чем ссобственными родителями. Он заговорил на хиндустани прежде, чем на английском, и возненавидел Англию, когда его послали туда в возрасте пяти лет, чтобы получить образование. Киплинг возвратился одиннадцать лет спустя, чтобы занять должность помощника редактора лахорской "Сивил энд милитари гэзетт", которую он вскоре оживил потоком бойких стихов и рассказов из англо-индийской жизни, описываемой, по его словам, "без полутонов". Проницательный начинающий репортер, Киплинг любил бродить в поисках материала по базарам Лахора ("чудесному, грязному, таинственному муравейнику"), обмениваясь шутками и торгуясь с лавочниками-индусами и мусульманами, продававшими лошадей. Это была настоящая Индия, и она пьянила его: "Жара, запахи масла и пряностей, и клубы дыма от фимиама из храмов, и пот, и темнота, и грязь, и вожделение, и жестокость, и, прежде всего, вещи чудесные, неисчислимые". Вечерами он даже начал посещать опийные притоны. Чопорный человек, жаждущий риска, Киплинг считал, что наркотик — "сам по себе превосходная вещь".

О Симле у Киплинга сложилось неоднозначное мнение. Как и все, он смаковал "шампанский" воздух, радовался "зеленым холмам, вздымающимся как грудь женщины": "Ветер

* Очень скоро склоны командных высот, занятых резиденциями вице-короля и главнокомандующего, застроили псевдо-тюдоровскими домами для отдыха. Лютьенс высказался о Симле так: "Если бы сказали, что обезьяны построили все это, можно было бы ответить только: 'Какие чудные обезьяны! Их следует застрелить, если они сделают это снова'".

шумит в траве, дождь в деодарах [гималайских кедрах] шепчет: 'Шшш-шшш-шшш'". Он счел здешнюю светскую жизнь захватывающим вихрем "приемов на открытом воздухе, и теннисных матчей, и пикников, и завтраков в Аннандейле, и соревнований в стрельбе, обедов и балов, не говоря уже о прогулках верхом и пешком". Временами жизнь в Симле казалась Киплингу "единственным способом достойного существования в этой пустынной земле". Он полушутя признавался в "Повести о двух городах", Калькутте и Симле, что

купец рискует на равнине
Ради выгоды.
Но правители не могут управлять домом,
Где богатеют, из кухни.

Он отлично понимал, почему

правители в том городе у моря
Обратились в бегство,
И бегут, с наступлением весны, от ее бед,
На холмы.

Помимо приятной погоды, была еще одна забава: флирт с чужими женами, посланными в горы для поправления здоровья доверчивыми мужьями, оставшимися потеть внизу.

Однако Киплинга мучил вопрос, действительно ли разумно вице-королю и его советникам проводить половину года "на той стороне легкомысленной реки", вдалеке от тех, кем они управляли, как будто "на расстоянии месячного морского пути". Хотя Киплинг любил соломенных вдов Симлы, его симпатии всегда были с соотечественниками на равнине: Ким, сын британского солдата, "отуземившийся" у Великого Колесного пути; солдат-стоик Теренс Малвени, говорящий на собственном странном наречии (наполовину ирландский язык, наполовину хиндустани); чиновники Индийской гра-

жданской службы (ИГС), изнемогающие от жары на своих сожженных солнцем станциях. Они бывали, как он однажды написал, "циничными, потрепанными и сухими". Их, как бедного Джека Баррета, могли предать порочные жены, оставшиеся на холмах*. Но именно на них, "гражданских", держалась власть англичан в Индии.

■

Вероятно, из всех статистических данных о Британской Индии удивительнее всего размер штата ИГС. В 1858–1947 годах число сотрудников службы редко превышало тысячу**. При этом население Индии к концу эпохи британского правления перевалило за четыреста миллионов. По словам Киплинга, "одно из немногих преимуществ, которым обладает Индия по сравнению с Англией, это большая возможность завести знакомства... Спустя двадцать лет человек знает любого англичанина в империи, или хотя бы слышал о нем".

Была ли ИГС самой эффективной бюрократией в истории? И был ли один-единственный британский чиновник в состоянии управлять примерно тремя миллионами индийцев, живущих на территории в семнадцать тысяч квадратных миль (а именно это некоторым окружным чиновникам и приходилось делать)? Да, это возможно; но только в случае, говорил Киплинг, если господа работали как рабы:

* "Джек Баррет уехал в Кветту, / Как и приказали. / Оставил жену в Симле / С тремя четвертями месячного жалования... / Джек Баррет уехал в Кветту, / И дух там испустил, / Работая за двоих / На том благодатном посту; / А госпожа Баррет оплакивала его / Самое большее пять веселых месяцев".

** Почти весь XIX века ИГС насчитывала около девятисот сотрудников. Только в XX веке число должностных лиц в ИГС значительно превысило тысячу. В 1939 году их было 1384. Этот кадровый принцип не был присущ только Индии. Вся административная элита Африканской колониальной службы, распределенная по дюжине колоний с населением около сорока трех миллионов, насчитывала немногим более тысячи двухсот человек. На Малакке на 3,2 миллиона человек приходилось двести двадцать администраторов — по индийским меркам чудовищно раздутый штат.

> Год за годом Англия посылает подкрепления на передний край, который официально именуется Индийской гражданской службой. Они умирают, или губят себя переутомлением, или доводят себя до нервного истощения, или подрывают здоровье, и надеются, что страну можно защитить от смерти и болезней, голода и войны, что она сможет, в конечном счете, стать самостоятельной. Она никогда не станет самостоятельной, но эта идея очень привлекательна, и люди готовы умереть ради нее, и ежегодно продолжается работа по подталкиванию, уговорам, порицанию и похвалам, чтобы жить в стране стало хорошо. Если наблюдается прогресс, почести достаются туземцам, в то время как англичане отходят в сторону, чтобы вытереть пот со лба. Если случается неудача, англичане выходят вперед и берут вину на себя.

Киплинг писал в "Воспитании Отиса Йира": до тех пор, пока "пар не заменит ручной труд в имперском механизме, всегда будут люди, вымотанные рутинной работой и выброшенные". Такие люди были "просто рядовыми, пищей для лихорадки, разделяющие с райотом [крестьянином] и запряженным в плуг волом честь быть постаментом, на котором покоится государство". Отис Йир был типичным "человеком с запавшими глазами, который, по иронии службы, нес 'ответственность' за бурлящий, воющий, никчемный улей, неспособный помочь себе, но сильный в своей власти вредить, мешать и раздражать".

Та ИГС, которую описывает Киплинг, едва ли кажется привлекательной в отношении карьеры. Однако конкуренция за места была жесткой настолько, что кандидаты сдавали, вероятно, самые строгие экзамены в истории. Рассмотрим некоторые из вопросов, задаваемых кандидатам в 1859 году. По современным меркам, тесты по истории — сущий пустяк для зубрилы. Вот два вполне обычных вопроса:

> 14. Перечислите главные колонии Англии. Расскажите, как и когда она приобрела каждую из них.

15. Перечислите генерал-губернаторов Британской Индии до 1830 года. Назовите даты их правления и кратко опишите основные события, произошедшие в Индии при каждом из них.

А вот вопросы из курса логики и философии сознания куда требовательнее и изящнее:

3. Какие экспериментальные методы применимы для выявления истинного антецедента в явлениях, которые могут иметь множество причин?
5. Дайте классификацию логических ошибок.

Тест по философии сознания и этике являлся важнейшей частью экзамена:

1. Опишите различные обстоятельства ситуаций, которые порождают чувство наслаждения властью.

Если тогда задавали провокационные вопросы, то это один из них (по-видимому, любой кандидат, который бы признал, что власть действительно вызывает радостное чувство, провалился бы). Следующий вопрос не намного легче:

2. Определите... обязанности, проистекающие из... отправления правосудия.

И, наконец (только чтобы отделить сливки Баллиоля*), давали задание:

7. Приведите аргументы за и против принципа пользы, рассматриваемого как: а) фактическое и б) долженствующее основание морали.

Особенно под руководством имперски мыслящего Бенджамина Джоуэтта Баллиоль стали выбирать те, кто желал стать губернатором колонии. В 1874–1914 годах не менее 27 % выпускников Баллиоля поступили на имперскую службу

Конечно, все изменилось со времен Томаса Питта и Уоррена Хейстингса. В те времена должности в Ост-Индской компании продавались и покупались в рамках сложной системы аристократического покровительства. Даже после основания в 1805 году колледжа Хейлибери в качестве школы для будущих индийских гражданских служащих и проведения в 1827 году первого квалификационного экзамена директора компании расценивали посты в ИГС как нечто, чем они вправе распоряжаться. Только в 1853 году патронаж сменила меритократия. Парламентский акт, принятый в том же году, покончил с фактической монополией Хейлибери на должности ИГС и ввел вместо этого принцип открытой конкуренции посредством экзамена. Викторианцы хотели, чтобы Индией управляла по-настоящему образованная элита: беспристрастная, неподкупная, всезнающая.

Идея состояла в том, чтобы привлечь прилежных студентов (желательно Оксфорда или Кембриджа) к управлению империей сразу после первой ступени обучения. Их год или два натаскивали бы в правоведении, языках, индийской истории и верховой езде. Заметим, что ИГС виделась малопривлекательной *crème de la crème** Оксфорда и Кембриджа — лучшим студентам. Индию, как правило, выбирали те, кто не мог рассчитывать на особенный успех на родине: умные молодые сыновья провинциальных профессионалов, которые желали попытать счастья ради престижной работы за границей — такие, как девонширец Эван Макхоноки. Его двоюродный дед и старший брат служили в ИГС, и именно их письма домой убедили его, что "путь к счастью ведет на Восток". В 1887 году, после двух лет зубрежки, Макхоноки сдал экзамен ИГС, но отправился в Бенгалию лишь после нескольких лет в Оксфорде, где он изучал индийскую историю, право и языки и сдал по ним экзамены. Но это был еще не финал забега, поскольку первые несколько месяцев в Индии Макхоноки провел, гото-

* Лучшие из лучших (*фр.*). — *Прим. пер.*

вясь к еще большему количеству экзаменов. После предварительного теста по хиндустани имя мирового судьи третьего класса Макхоноки было официально опубликовано в газете. К несчастью, он провалился на первых ведомственных экзаменах по гуджарати, индийскому праву, финансовому праву и бухгалтерскому учету (потому что голова была "полна намного более интересными делами — моими первыми лошадьми, щенком фокстерьера [и] упражнениями в стрельбе по перепелам"), но он преуспел при второй попытке.

Макхоноки нашел жизнь мирового судьи (теперь второго класса), а затем и окружного коллектора, удивительно приятной:

> Если не было какой-либо особой работы, то раннее утро проходило в конных тренировках, установке тента и т. п., в саду или с камерой. Дневная работа продолжалась с одиннадцати до пяти. После работы, до обеда, — игра в теннис и болтовня на веранде у коллектора... Представьте себе молодого ассистента, восседающего на лошади свежим утром в ноябре, после хорошего муссона... У него почти нет забот, у него на сердце легко, а вокруг виды такие, что только унылая душа может не откликнуться на них. Между деревнями, которые нужно объехать, недолгая охота — если позволит время... Много подсказок относительно того, что думает сельский житель, получены из разговоров между объездами или за наблюдением за тем, как кто-то плывет по тихому пруду.

Но у жизни чиновника-экспата была другая сторона. Была скука от выслушивания жалоб на ставку налога, когда "днем, в жаркую погоду, после долгого утреннего обхода (в лагере) и плотного завтрака, попытки не заснуть, пока записываешь показания или слушаешь, как местные зачитывают бумаги, причиняли почти физическую боль". Кроме того, было одиночество единственного на сотни миль окрест белого человека:

> Когда я только начинал, никто из моих сотрудников (лишь немногие из мамлатдаров, и больше никто в талуках*) не говорил на английском, и я редко встречал другого окружного чиновника. В течение семи месяцев я очень редко говорил на английском и был предоставлен исключительно самому себе.

Тяжелее всего была ответственность за управление буквально миллионами людей, особенно во время таких кризисов, как чума, которая посетила Бомбей в 1896 году или голод, разразившийся в 1900 году. Макхоноки позднее вспоминал, что тогда подошли к концу "счастливые безответственные дни. В последующие годы они были редко свободны от беспокойств, которые приносят чума и голод"**. Наконец в 1897 году наступила передышка: пост в Симле в качестве заместителя главы Департамента государственных сборов и сельского хозяйства. Именно там он смог оценить, что "вы были не маленьким человеком... а частью великой машины, работе которой вы имели честь помогать".

Макхоноки не сомневался в том, что поведение окружного чиновника в глазах его подопечных должно быть безупречным: "У райота посещение саиба или случайная встреча с ним вызывает сильное волнение... Об этом будут говорить много дней у деревенских очагов и помнить об этом много лет. Белый будет оценен проницательно и искренне. Так следите за своими манерами и привычками!"

* Мамлатдар — чиновник, осуществляющий исполнительную власть в талуке, части округа. — *Прим. пер.*

** Принято считать, что британские власти не сделали ничего, чтобы смягчить вызванный засухой голод этого периода. Это не так. В 1874 году Х. М. Кишу, мировому судье ИГС второго класса, поручили организовать помощь голодающим в Бихаре (198 квадратных миль, около ста тысяч человек). Он гордо сообщал домой: "Когда я приехал, я устроил 15 правительственных складов зерна, завел общественные работы (22), дал работу приблизительно пятнадцати тысячам мужчинам и женщинам в день, и еще бесплатное питание приблизительно трем тысячам человек. У меня есть полная власть делать то, что я считаю нужным, и я делаю это". Беда в 1877 году случилась из-за того, что такие методы применялись недостаточно широко.

Все же между строками его мемуаров можно увидеть действительность. Макхоноки и другие окружные чиновники зависели от большого числа бюрократов, стоявших ниже на административной лестнице. Они были не связаны договором государственной службы, набирались из индийцев, но именно они несли ответственность за повседневное управление талуками и тахсилами каждого округа. Четыре тысячи индийцев, не связанных договором, состояли на службе в 1868 году, а ниже их была настоящая армия мелких государственных служащих: телеграфисты и билетеры, многие из которых были индийцами. В 1867 году в общественном секторе начитывалось приблизительно тринадцать тысяч рабочих мест, с платой в 75 или больше рупий в месяц, из которых приблизительно половина была занята индийцами. Без помощи этих гражданских служащих "рожденные небом" были бессильны. Такова умалчиваемая правда о Британской Индии, и поэтому Индия, как выразился Макхоноки, не была похожа "на завоеванную страну". Индийских правителей заменили британцы. Большинство же индийцев преуспевало: значительной их части британское владычество давало возможность сделать карьеру.

■

Ключом к появлению проанглийски настроенной местной элиты было образование. Хотя сами британцы сначала сомневались, следует ли давать туземцам западное образование, многие индийцы (особенно бенгальцы из высшей касты) быстро оценили выгоду от знания языка и понимания культуры новых господ. Уже в 1817 году преуспевающими бенгальцами, стремящимися к западному образованию, в Калькутте был основан Индийский колледж. Он стал первым из множества заведений, в которых изучали европейскую историю, литературу и естественные науки. Как мы уже видели, и сторонники модернизации, и проповедники христианства в Индии ухватились

за идею предоставить индийцам доступ к западному образованию. В 1835 году великий историк-либерал и индийский администратор Томас Бабингтон Маколей — сын аболициониста Захарии Маколея — объяснял, чего можно таким образом достичь, в своих "Замечаниях об образовании":

> Нам, учитывая ограниченные средства, не стоит пытаться образовать всю массу народа. Мы должны в настоящее время приложить все усилия, чтобы сформировать класс, который может быть переводчиком между нами и миллионами, которыми мы управляем, класс индийцев по крови и цвету кожи, но англичан по вкусу, суждениям, этике и интеллекту.

К 1838 году действовали сорок школ с английской программой, находившихся под контролем Генерального комитета народного образования. К 70-м годам план Маколея был в значительной степени осуществлен. Шесть тысяч индийцев получали высшее образование, не менее двухсот тысяч учились в англоязычных школах "высшего порядка". В Калькутте быстро развивалось издательское дело. Ежегодно на английском языке печаталось до тысячи литературных произведений и научных трудов.

Среди бенефициаров распространяющегося англоязычного образования был честолюбивый молодой бенгалец Джанакинат Бос. Получив образование в Калькутте, Бос в 1885 году стал адвокатом в городе Каттак, а после возглавил муниципалитет. В 1905 году он стал стряпчим в суде и главным прокурором, а семь лет спустя достиг вершины карьеры, будучи назначенным в Законодательный совет Бенгалии. Успехи Боса позволили ему купить просторный особняк в фешенебельном районе Калькутты. Он также получил титул радж-бахадур — индийский эквивалент рыцарского. Двое из трех братьев Боса также поступили на правительственную службу, один из них служил в имперском секретариате в Симле.

Представители этой новой элиты встречались даже среди верхушки ИГС. В 1863 году Сатьендранат Тагор стал пер-

вым индийцем, сдавшим экзамен (который был всегда открыт для претендентов независимо от цвета кожи, как и обещала королева Виктория), а в 1871 году еще трех "туземцев" допустили в ряды "рожденных небом".

Бос был из тех людей, от которых англичане действительно зависели. Без их способности претворять приказы ИГС в жизнь управлять Индией просто не получилось бы. Управление империей было возможно только при сотрудничестве с ключевыми группами управляемых. Это было сравнительно легко сделать в Канаде, Австралии и Новой Зеландии, где туземное население почти исчезло. Гораздо труднее оказалось сохранить лояльность и белых, и местных элит там, где белые были в меньшинстве, как в Индии: там британцы составляли максимум 0,05 % населения*.

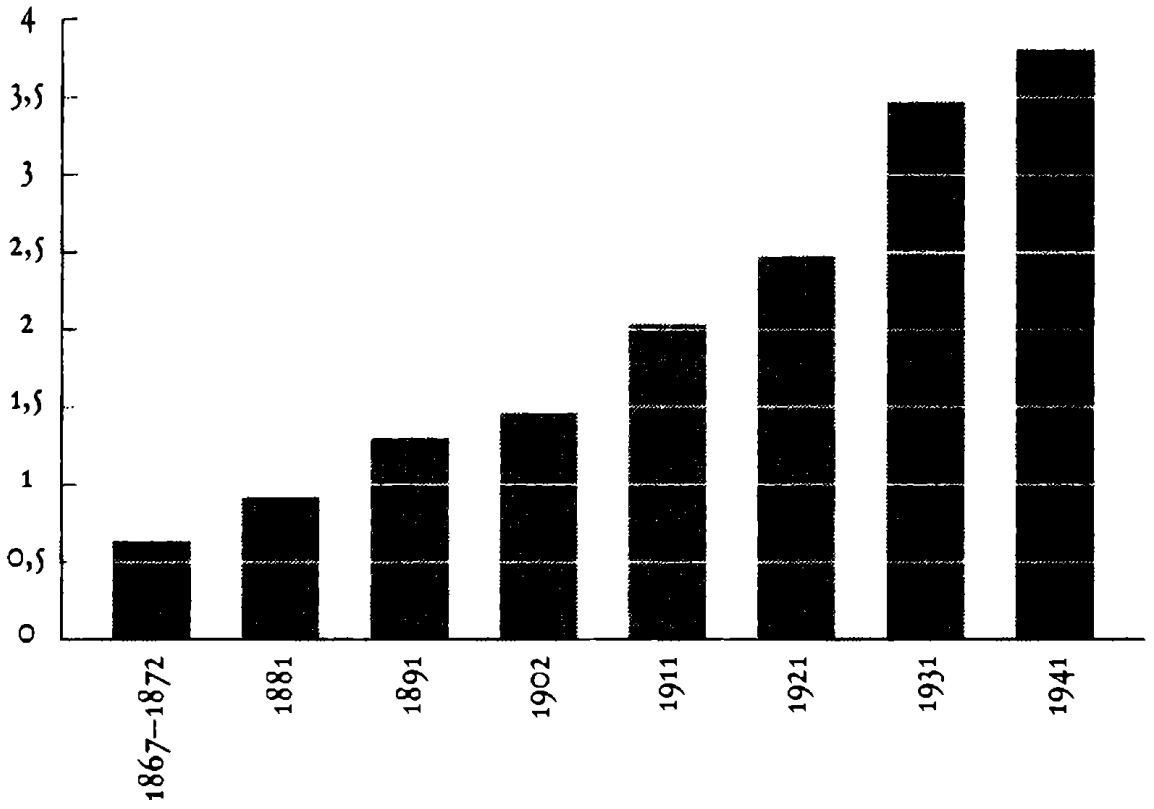
Администраторы, приехавшие в Индию из Лондона, не видели иного выхода, кроме кооптации туземной элиты. Но именно этого британцы, которые давно жили в Индии, и не желали. Они предпочли подавлять туземцев: принуждать их в случае необходимости, но не допускать в свои ряды. Это было дилеммой викторианской эпохи, и от нее зависела не только Индия, но и вся Британская империя.

Разделение рас

В июне 1865 года в Лусеа, столице ямайского округа Ганновер, появился плакат с таинственным пророчеством:

> Я слышал голос, говорящий со мной в 1864 году, и он изрек: "Скажи сыновьям и дочерям Африки, что грядет великое избав-

* В 1805 году в Индии насчитывалась тридцать одна тысяча англичан (двадцать две тысячи военных, две тысячи гражданских чиновников, семь тысяч бизнесменов), в 1881 году — 89778 англичан, к 1931 году — 124 тысячи: шестьдесят тысяч военных и полицейских, четыре тысячи гражданских чиновников, шестьдесят тысяч бизнесменов.



За время английского владычества доля индийского населения, получившего начальное и среднее образование, неуклонно росла, хотя по европейским меркам оставалась низкой. В 1911 году она составляла 8–18 %.

ление для них от руки притесняющей", поскольку, сказал голос, "их угнетают правительство, судьи, господа, торговцы", и голос также сказал: "Вели им собрать собрание и освятить себя в день избавления, который воистину придет; но если не послушаются, я принесу меч на землю, чтобы наказать их за их неповиновение и за неправедность, которую они сотворили"... Я вижу, что бедствия, обрушивающиеся на землю, будут настолько ужасными и настолько мучительными, что многие возжелают смерти. Но великим будет избавление сыновей и дочерей Африки, если они склонятся во вретище и пепле, как дети Ниневии пред Господом нашим Богом; если мы молимся от всего сердца и склоняемся, у нас нет нужды бояться; иначе враг будет так жесток, что призовет Гог и Магог на брань. Уверуйте.

Воззвание было подписано просто: "Сын Африки".

Ямайка когда-то была центром крайней формы колониального гнета — рабства. Но его отмена не слишком облегчила участь среднего чернокожего жителя острова. Бывшим рабам для прокорма выделили крохотные участки земли. Из-за засухи цены на провиант взлетели. Тем временем, без поддержки, обеспечиваемой несвободным трудом, старая плантационная экономика стагнировала. Цены на сахар падали, а распространение кофе как товарной культуры лишь отчасти спасало положение. Там, где люди буквально работали до смерти, теперь они пребывали в праздности, поскольку безработица выросла. В этой обстановке власть оставалась в руках белого меньшинства, доминирующего в Ассамблее и судах. Ничтожная часть ямайских афроамериканцев получила собственность и образование, достаточные для того, чтобы сформировать зачаточный средний класс. Однако "плантократы" относились к ним с сильным подозрением. Только в церкви большинство чернокожих ямайцев могло свободно выразить себя.

На 60-е годы пришлось религиозное возрождение. Христианство, смешанное с африканским культом майал, дало опасную милленаристскую смесь. Размышления о грядущем "великом избавлении" подхлестнула публикация письма Эдварда Андерхилла, секретаря Баптистского миссионерского общества, призвавшего к изучению причин бедственного положения Ямайки. Ходили слухи, будто королева Виктория, освобождая рабов, желала наделить их землей, а не правом ее аренды у прежних рабовладельцев. На собраниях обсуждалось содержание письма Андерхилла. В умах зрела классическая революция растущих ожиданий.

Революция началась в городе Морант-Бей (округ Сент-Томас-Ин-Те-Ист), 7 октября 1865 года, в субботу. На эту дату было назначено рассмотрение апелляции некоего Льюиса Миллера против обвинения в незначительном нарушении границ владения, выдвинутого соседом-плантатором. Миллер приходился кузеном Полу Боглу, хозяину маленькой фермы в Стоуни-Гат и активному прихожанину местной черной баптистской церкви.

Письмо Андерхилла вдохновило Богла на прямое политическое выступление. Прежде Богл поддержал учреждение альтернативных "судов" для чернокожих. Теперь он собрал собственное вооруженное ополчение. Со ста пятьюдесятью "бойцами" он явился к зданию суда, где должно было слушаться дело его кузена. Последующая перестрелка с полицейскими у здания суда дала властям основание для ареста Богла и его людей, но полицейские были осыпаны угрозами, когда в следующий вторник попытались выполнить этот приказ в Стоуни-Гат. На следующий день несколько сотен человек, сочувствующих Боглу, двинулись в Морант-Бей, "трубя в раковины и рожки, стуча в барабаны", и столкнулись с добровольцами, охранявшими встречу прихожан. В ходе столкновения были зарезаны и забиты до смерти восемнадцать человек, в том числе прихожане. Семеро были убиты ополченцами. В следующие дни, когда насилие стало распространяться по округе, были убиты два плантатора. Семнадцатого октября Богл разослал соседям письмо с открытым призывом к оружию:

> Каждый из вас должен оставить свой дом, взять оружие, а у кого нет оружия, взять мотыги... Дуйте в раковины, стучите в барабаны, обходите дом за домом, зовите всех... Война идет, мои чернокожие братья, не сегодня-завтра начнется война.

Теперь это был открытый расовый конфликт. Белая женщина утверждала, что слышала, как мятежники поют:

> *Бакрасов [белых] жаждем мы крови,*
> *Бакрасов кровь мы получим.*
> *За кровью бакрасов идем мы,*
> *Пока ее всю не получим.*

Некий плантатор получил угрозу убийства, подписанную "Томасом Киллмэни*, собирающимся убить еще больше".

* "Убей многих" (англ.). — *Прим. пер.*

Восстания против белых на Ямайке случались и прежде. Предыдущее, в 1831 году, было жестоко подавлено. Эдвард Эйр, недавно назначенный губернатором Ямайки, был человеком, закаленным в австралийской глуши, и у него нашелся только один ответ*. С его точки зрения, причинами бедности чернокожих были "безделье, недальновидность и пороки". Тринадцатого октября Эйр объявил в округе Суррей военное положение и отправил туда войска. За месяц около двухсот человек были казнены, двести — выпороты. Разрушена была тысяча домов. Тактика, которую санкционировал Эйр, сильно напоминала ту, при помощи которой восемью годами ранее подавили восстание в Индии. Было выказано, мягко выражаясь, недостаточно уважения к надлежащей судебной процедуре. Фактически солдаты (многие — сами чернокожие, из 1-го Вест-Индского полка, плюс мароны) получили лицензию на убийство. Многих расстреляли без суда. Молодого инвалида застрелили на глазах его матери. Какую-то женщину изнасиловали в собственном доме.

Кроме Богла, казнили Джорджа У. Гордона. Землевладелец, бывший судья и депутат Ассамблеи, Гордон был столпом черного общества и отнюдь не революционером. На единственной сохранившейся фотографии он изображен в очках и с усами — воплощение респектабельности. Он почти наверняка не играл никакой роли в восстании. Его даже не было ни в Морант-Бэе, ни поблизости, когда вспыхнул мятеж, хотя Сент-Томас-Ин-Те-Ист и был его избирательным округом. Гордон — "полукровка", сын плантатора и рабыни, который публично выступал в защиту бывших рабов, — был определен Эйром как зачинщик. Именно Эйр уволил его с должности судьи за три года до этого. Теперь, чтобы гарантировать окон-

* Третий сын викария из Уипснейда, Эйр был первым белым, пересекшим австралийскую пустыню от Аделаиды до Мурунди. Как ни иронично это выглядит в свете событий в Морант-Бэе, в награду за подвиг он был назначен мировым судьей и уполномоченным по делам аборигенов в этом регионе. Сегодня озеро, полуостров и автострада между Аделаидой и Пертом носят его имя.

чательное избавление, Эйр арестовал его и выслал из Кингстона в область, где было объявлено военное положение. После поспешного разбирательства, исходя из весьма сомнительных письменных показаний, Гордона признали виновным в подстрекательстве к восстанию и 23 октября повесили.

Восстание в Морант-Бэе было безжалостно подавлено. Однако скоро белые плантаторы, которые приветствовали методы Эйра, были повергнуты в шок, как и он сам. Получив поначалу похвалы от министра по делам колоний за свои "дух, энергию и рассудительность", Эйр был ошеломлен, услышав, что произошедшее станет предметом расследования королевской комиссии, а сам он временно отстранен от должности губернатора. Преследование Эйра инициировало Общество за отмену рабовладения в Британии и за рубежом, которое не позволяло погаснуть пламени аболиционизма и видело в использовании Эйром военного положения возвращение к дням рабства. Ливингстон, узнавший в далекой Африке об этом деле, метал молнии:

> Англия встала на дыбы. Напуганная матерями в младенчестве жупелом чернокожего, она ужаснулась до потери разума перед бунтом, и писаки, любящие сенсации, играя роль "ужасных мальчишек", пугающих тетушек, завопили, что эмансипация была ошибкой. "Негры Ямайки — такие же дикие, какими они были, когда покинули Африку". Они, возможно, сумели бы выразиться намного сильней, как толпа... которая собирается у Ньюгейта.

К кампании против Эйра, инициированной "старыми леди из Клэпхема", однако, скоро присоединились некоторые великие интеллектуалы-либералы викторианской эпохи, в том числе Чарльз Дарвин и Джон Стюарт Милль. Не удовлетворившись отставкой Эйра с поста губернатора, они сформировали комитет, выдвинувший против него четыре иска, начиная с обвинения в соучастии в убийстве. Однако у поверженного

губернатора нашлись и влиятельные сторонники (среди них Томас Карлейль, Джон Рескин, Чарльз Диккенс и поэт-лауреат лорд Альфред Теннисон). Ни один иск не был удовлетворен, и Эйр смог удалиться в Девон на пожизненную пенсию. Эйр умер в 1901 году. Ему было восемьдесят шесть лет.

После отъезда Эйра с Ямайки с плантаторским режимом было покончено. Отныне островом управлял губернатор, подотчетный Лондону. Законодательный совет, в котором преобладали назначенные губернатором люди, заменил прежнюю Ассамблею. Это был возврат к временам, когда британские колонисты еще не получили "ответственное правительство". Тем не менее это был прогрессивный шаг, нацеленный на ограничение власти плантаторов и защиту прав чернокожих жителей Ямайки*. Это стало характерной чертой поздней Британской империи. В Уайтхолле и Вестминстере господствовали либеральные идеи, и это означало, что приоритет имело верховенство права, а не цвет кожи. А иначе волю колониальных легислатур просто следовало игнорировать. И все же британские колонисты все чаще рассматривали себя как высших по отношению к другим расам не только юридически, но и биологически. Что касается тех, кто нападал на Эйра, то они были бесхитростными *bien pensants***, у которых не было никакого опыта или понимания колониальных условий. Рано или поздно эти два подхода — либерализм центра и расизм периферии — должны были столкнуться.

■

К 60-м годам XIX века расовая проблема существовала во всех британских колониях, и в Индии, и на Ямайке, и никто не от-

* Никому даже на мгновение не пришла в голову мысль, что этого можно было достичь проще, позволив им должным образом участвовать в Ассамблее и занимать судейские должности.

** Благонамеренные (*фр.*). — *Прим. пер.*

носился к ней серьезнее, чем англо-индийское деловое сообщество*. Экономика Ямайки находилась в упадке. Викторианская Индия, напротив, быстро развивалась. Английские капиталисты вкладывали огромные деньги в новые отрасли промышленности: выращивание хлопка и джута, добычу угля и выплавку стали. Особенно это было заметно в Канпуре, на берегах Ганга. За несколько лет он превратился в процветающий промышленный центр, "Манчестер Востока". Этому преображению город был в значительной степени обязан твердости таких, как Хью Максвелл.

Максвеллы из Абердиншира обосновались здесь в 1806 году и начали выращивать индиго и хлопок-сырец. После 1857 года Максвелл и люди его типа принесли в Индию Промышленную революцию. Они импортировали английские прядильные и ткацкие машины и заводили текстильные фабрики по британскому образцу. До появления паровых машин Индия была мировым лидером в ручном прядении, ткачестве и окрашивании. Англичане поднимали ввозные пошлины, стремясь защититься от индийской продукции. После усовершенствования индустриального способа производства возник спрос на свободную торговлю, и теперь британцы были полны решимости восстановить промышленную экономику субконтинента на основе английской техники и дешевого труда индийцев.

Изображая Британскую Индию, мы обращаем внимание на чиновников и военных, ярко описанных Редьярдом Киплингом, Э.М. Форстером и Полом Скоттом. В результате легко забыть, как мало их там было: в несколько раз меньше, чем бизнесменов, плантаторов и профессионалов. Взгляды делового сообщества сильно отличались от взглядов администраторов. Такие, как Хью Максвелл, видели в росте образо-

* Термин "англо-индиец" иногда используется, создавая путаницу, чтобы обозначить людей смешанного происхождения. Я предпочел следовать викторианской практике и называю "англо-индийцами" британцев, долго живших в Индии.

ванной индийской элиты угрозу — и не в последнюю очередь потому, что понимали, что сами могут оказаться лишними. В конце концов, почему получивший должное образование индиец не сможет быть во всех отношениях столь же пригодным для управления текстильной фабрикой, как члены семьи Максвеллов?

Когда люди чувствуют угрозу, исходящую от другой этнической группы, их обычная реакция заключается в ее унижении и утверждении своего превосходства. Так делали и англо-индийцы после 1857 года. Еще до восстания шла медленная сегрегация белых и туземных поселений, своего рода неофициальный апартеид, разделивший такие города, как Каннур, на "белый" и "черный". Между ними, по словам Киплинга, проходила "граница, где заканчивается последняя капля белой крови и начинается высокий прилив черной". В то время как прогрессивные либералы в Лондоне предвидели в отдаленном будущем участие индийцев в управлении делами субконтинента, англо-индийцы перенимали язык американского Юга, чтобы унизить "черномазых". И они ожидали, что закон закрепит их превосходство.

Эти надежды рухнули в 1880 году, когда новое правительство Гладстона назначило вице-королем Индии Джорджа Фредерика Сэмюэля Робинсона, графа де Грея и графа Рипона. Даже королева Виктория была "изумлена", услышав о назначении этой особенно прогрессивной фигуры, вдобавок католика (черная метка в ее глазах). Она написала премьер-министру, что она "полагает, что это очень сомнительное назначение, поскольку он, хотя и достойный, но слабый человек". Рипону не потребовалось много времени, чтобы подтвердить ее подозрения. Едва прибыв в Калькутту, он начал вмешиваться в дела, к которым старые хозяева Индии вроде Хью Максвелла относились очень серьезно.

В 1872–1883 годах существовало принципиальное различие между полномочиями англичан, исполнявших обязанности магистратов и сессионных судей в сельской местности,

и их туземных коллег*. Хотя и те, и другие состояли на гражданской службе, у индийцев не было права вести уголовные процессы по делам белых обвиняемых. В глазах нового вице-короля это было недопустимой аномалией, поэтому он потребовал принять закон, который бы покончил с ней. Задачу поручили юристу совета Кортни П. Ильберту. Столь же убежденный либерал, как и его начальник, Ильберт во многом являлся противоположностью Хью Максвелла. Максвеллы десятилетиями жили в Индии, а только что приехавший туда Ильберт, довольно робкий юрист, мало что повидал кроме оксфордского Баллиоль-колледжа и лондонского Суда лорда-канцлера. Однако и у него, и у Рипона не было ни малейшего сомнения в том, что следует поставить принцип выше опыта. Согласно законопроекту Ильберта, индиец, имевший необходимую квалификацию, мог судить людей вне зависимости от цвета их кожи. Впредь правосудие не должно было различать расы, как и олицетворяющая его статуя с завязанными глазами в парке Высокого суда в Калькутте.

Нововведение касалось положения не более двадцати индийских магистратов, однако англо-индийскому сообществу предложение Ильберта показалось покушением на их привилегированное положение. Реакция на законопроект Ильберта оказалась настолько резкой, что некоторые назвали его "восстанием белых". Двадцать восьмого февраля 1883 года, всего через несколько недель после публикации законопроекта и предварительной бомбардировки газет сердитыми письмами, в Калькутте, во внушительном неоклассическом здании муниципалитета собрались несколько тысяч человек, чтобы послушать подстрекательские речи против образованных индийских служащих, презрительно называемых бенгальскими *бабу*, "господами". Атаку возглавил величественный Дж.Дж. Дж. Кесвик (Король), старший партнер в чайной фирме "Джардин, Скиннер и К°". Он обратился к аудитории: "Считаете ли вы,

* Иначе дело обстояло в таких городах, как Бомбей, Калькутта и Мадрас.

что туземные судьи, прожившие три или четыре года в Англии, вернутся настолько европеизированными по нраву и характеру, что окажутся в состоянии опровергать ложные обвинения, выдвинутые против европейцев, как если бы они сами были этого рода-племени? Может ли Ефиоплянин переменить кожу свою и барс пятна свои?" Получение индийцами образования, по словам Кесвика, не привело ни к чему хорошему: "Образованием, которое правительство дало им... они пользуются главным образом для того, чтобы насмехаться над ним, выказывая свое недовольство... И эти люди... требуют власти, чтобы разбирать дела и судить расу с львиным сердцем, храбрость и кровь которой сделали эту страну такой, какой она стала, и возвысила их до нынешнего состояния". С точки зрения Кесвика, обучать индийцев для того, чтобы они становились судьями, было бессмысленно, так как те якобы неспособны и по своему рождению, и по воспитанию судить европейца. "В этих обстоятельствах, — закончил он под одобрительный гул, — стоит ли удивляться тому, что мы должны протестовать, что мы должны сказать, что эти люди непригодны к тому, чтобы управлять нами, что они не могут судить нас?"

В грубости Кесвика превзошел только второй главный оратор, Джеймс Бренсон: "Воистину, осел лягает льва. (*Гром аплодисментов.*) Покажите ему, как вы оцениваете свою вольность, покажите, что лев не мертв, а уснул, и ради Бога, заставьте страшиться его пробуждения. (*Одобрительные крики со всех сторон.*)"

В резиденции, находящейся через улицу, Рипон был озадачен этой враждебной реакцией на законопроект Ильберта. Он писал министру по делам колоний лорду Кимберли:

> Признаюсь, я понятия не имел, что так много англичан в Индии испытывают подобные чувства. Я заслуживаю такого порицания, которое только возможно, за то, что я, прожив два с половиной года в Индии, не проник в истинные чувства среднего англо-индийца, которые тот испытывает к тузем-

> цам, среди которых живет. Теперь они мне известны, и это знание порождает у меня чувство относительно будущего этой страны, близкое к отчаянию.

Однако Рипон решил стоять на своем: "Поскольку мы подняли этот вопрос, мы должны довести дело до конца и проложить путь для наших преемников". Вопрос стоял острый: как управлять Индией — "во благо народов Индии всех рас, классов и верований" или "только в интересах маленькой группы европейцев"?

> Разве обязанность Англии не состоит в том, чтобы попытаться поднять индийский народ, возвысить его в общественном отношении, образовать политически, вывести на путь движения к материальному процветанию, образования и этики? Или же весь смысл и цель ее правления заключается в том, чтобы удерживать сомнительную власть над теми, кого г-н Бренсон называет "подчиненной расой, глубоко ненавидящей своих поработителей"?

Рипон, конечно, был прав. Оппозиция калькуттских деловых кругов основывалась не только на расовых предрассудках, но и на личном интересе: попросту говоря, такие люди, как Кесвик и Бренсон, привыкли пользоваться законом для того, чтобы проложить себе дорогу в сельскую местность, где производился джут, шелк, индиго и чай для их фирм. Но теперь, когда их оппозиция законопроекту Ильберта стала открытой, вице-король должен был думать не только о принципах. К сожалению, он положился на прецедент. Метнув снаряд в белое сообщество, Рипон почти сразу же уехал из Калькутты. Приближалось лето, и ничто не могло нарушить заведенный порядок. Пришло время ежегодного путешествия в Симлу, и вице-король отправился в Симлу. Дельцы из калькуттских контор воспользовались его бегством. Бизнес шел внизу, на равнине, какой бы ни была температура. Зрелище того, как Рипон пе-

ребирается в Симлу, не могло утихомирить людей, подобных Кесвику.

На холмы, в Чапсли, свою элегантную резиденцию в Симле, отправился и автор билля, вызвавшего ожесточенные споры. Тактика Ильберта заключалась в том, чтобы переждать лето. "О... чувствах, которые вызвал билль, — писал он с тревогой своему оксфордскому наставнику Бенджамину Джоуэтту, — я не имел ни малейшего представления... и... конечно, не ожидал такой бури". "Я сильно сожалею, — сказал он другому другу, — что эта мера обнаружила и усилила расовую враждебность". Друг Ильберта, сэр Томас Фаррер из Совета по торговле, заверил его, что либералы на его стороне:

> Борьба между жаждой власти, гордостью расы [и] жадностью торговца... с одной стороны и истинным самоуважением, человечностью, справедливостью к подчиненным, симпатией... с другой — это продолжающийся бой между ангелом и дьяволом... за души человеческие.

Законопроект Ильберта поляризовал не только индийское общество, но и английское. Для либералов вроде Фаррера это была борьба за нравственность. Просвещенных поклонников Нагорной проповеди, однако, в Калькутте оказалось меньше, чем в Клэпхеме. Углубляющийся кризис, вызванный законопроектом Ильберта, прекрасно проиллюстрировал опасности управления континентом *с горы*.

По всей стране, при невыносимой жаре индийского лета, шла агитация. Англо-индийцы сформировали комитеты и собрали деньги. Киплинг, используя свой авторитет, обвинил Рипона в "проектировании темной утопии, питающей гордость *бабу* / Сказками о правосудии — и с предвзятостью с его стороны". Политика вице-короля, жаловался он, такова: "Суматоха, и лепет, и непрерывная борьба". Хью Максвелл из Канпура также присоединил свой голос к хору недовольных. По его мнению, для правительства было бы "неблагоразумно" "прово-

цировать расовую вражду". Почему Рипон и Ильберт не видят, "что туземный ум не способен оценить и принять европейские идеи управления в руководстве страной и народом"?

"Восстание белых" было глубоко связано с воспоминаниями о Сипайском восстании, подавленном четвертью века ранее. Тогда в Канпуре были перебиты все белые женщины — и, как мы видели, вскоре возникла легенда о том, что совершались изнасилования, а не только убийства, как если бы каждый индиец только и ждал возможности похитить первую встречную мем-саиб. В удивительно схожем духе актуальной темой кампании против законопроекта Ильберта была угроза, которую якобы представляют для англичанок судьи-индийцы. Анонимный автор писал в "Инглишмен": "Чья-либо жена может быть заподозрена в мнимом преступлении и... что понравилось бы нашим подданным сильнее, чем запугать и опозорить несчастную европейскую женщину?.. Чем выше положение ее мужа... тем больший восторг будет испытывать ее мучитель". "Мадрас мейл" вопрошала: "Разве наши жены должны быть вырваны из домов по лживым оговорам, [которые] возводят люди, не уважающие женщин, не понимающие, а во многих случаях и ненавидящие нас?.. Вообразите, прошу вас, англичане, что она схвачена полуголым туземцем, чтобы предстать перед судом и, возможно, быть осужденной".

Такой язык выдает один из наиболее странных комплексов викторианцев: страх перед сексуальностью. Не случайно сюжеты самых известных романов эпохи — "Поездка в Индию" Форстера и "Жемчужина в короне" Скотта — начинаются с предполагаемого посягательства индийца на англичанку, за которым следует судебный процесс, где председательствует судья-индиец. Такое действительно случалось. Когда анти-ильбертова кампания достигла кульминации, англичанка по фамилии Юм обвинила своего уборщика в изнасиловании, и хотя обвинение оказалось ложным (на самом деле они были любовниками), в лихорадочной атмосфере того времени оно казалось доказательством справедливости такого опасения.

Вопрос в том, почему угроза, что индийские судьи смогут судить англичанок, связывалась с вероятностью сексуальных контактов между индийцами и англичанками. В конце концов, между мужчинами-англичанами и индианками не было недостатка в таких контактах (до 1888 года существовали даже легальные бордели для британских солдат). И все-таки законопроект Ильберта, казалось, угрожал разрушением не только казармам, но и спальням в бунгало. Девяносто тысяч белых, которые претендовали на управление 350 миллионами коричневых, видели в равенстве перед законом прямую дорогу к межрасовому насилию*.

■

В декабре, когда Рипон вернулся в Калькутту, он получил смешанный — или скорее раздельный в расовом отношении — прием. Когда он ехал через мост от железнодорожной станции, толпы ликующих индийцев приветствовали "друга и спасителя". Но в Резиденции Рипон был освистан, ошикан и осмеян соотечественниками, один из которых дошел до того, что назвал его "проклятым старым педерастом". На банкетах только официальные лица были готовы выпить за здоровье вице-ко-

* Одним из возможных источников беспокойства было понимание того, что считающаяся четкой линия между белыми и черными была в действительности размытой. После двух столетий жизни европейцев бок о бок с индийцами появилось существенное число людей смешанной расы, которые часто нанимались на государственную службу низкого уровня (особенно на железных дорогах и телеграфах). Отвращение к "смешению рас" было важной особенностью поздневикторианского периода: Киплинг посвящает по крайней мере два рассказа тому "факту", что оттенок ногтей женщины был лучшим свидетельством чистоты ее происхождения. Один солдат, рожденный в Индии и прославившийся во время Первой мировой войны, услышал, как его мать воскликнула, когда его отец прикурил сигарету от сигары бирманской девушки: "Вот из-за подобной слабости в Симле и появилось тридцать тысяч смуглых детей!" Тот факт, что связи между белыми мужчинами и индийскими женщинами были обыкновенным делом, не останавливал людей, фантазирующих на тему связей индийцев с англичанками.

роля. Ходили даже слухи о заговоре с целью похитить его и отправить в Англию. Чучело злополучного Ильберта публично сожгли.

Вице-король уступил. Он оказался, как и предсказала королева, слабым и не получил помощи от несвоевременно посетившего Индию ее сына, герцога Коннахта (тот назвал Рипона "самым большим дураком в Азии"). Принципиально важные положения законопроекта Ильберта были отвергнуты, и белые подсудимые в любом уголовном деле, которое мог слушать индийский судья, получили право требовать, чтобы жюри присяжных не менее чем наполовину состояло из англичан или американцев. Это был удивительно странный компромисс. И все же это была уступка, причем опасная. Презрение, которое питало большинство англо-индийцев к образованным индийским судьям и их друзьям, теперь выказывалось открыто. Как заметил с тревогой один из коллег Ильберта, тон кампании в печати против этого законопроекта был рискованно несдержанным. Письма "изобиловали дикими оскорблениями и обидными нападками на туземцев, и каждый железнодорожный охранник или бригадир с плантации индиго мог безнаказанно их третировать, будто господин своих рабов... Политическое покрывало, которое правительство набрасывало на тонкие отношения между двумя расами", было "грубо разорвано толпой, потрясающей кулаками перед лицом всего туземного населения". И теперь, как он опасался, стало очевидно действительно важное следствие провала законопроекта Ильберта: не "восстание белых", а реакция индийцев. Лорд Рипон совершенно неумышленно пробудил подлинно индийское национальное самосознание. Газета "Индиан миррор" отмечала:

> Первый раз в современной истории индусы, мусульмане, сикхи, раджпуты, бенгальцы, мадрасцы, бомбейцы, пенджабцы и пурби соединили усилия, чтобы создать конституционное объединение. Целые расы и классы, которые никогда прежде не интересовались делами страны, принимаются

за них теперь с таким рвением и серьезностью, что это искупает прежнюю их апатию.

Всего два года спустя после "восстания белых" состоялся первый съезд Индийского национального конгресса (ИНК). Хотя британский основатель видел в этой партии подобие клапана для выпуска пара, ИНК занял видное место в националистическом движении*. С самого начала в него входили стойкие люди из образованного класса, которые служили британской власти, вроде Джанакината Боса и аллахабадского адвоката Мотилала Неру. Джавахарлал, сын последнего, стал премьер-министром независимой Индии. А сын Боса, Субхас Чандра, во время Второй мировой войны возглавил армию, сражавшуюся против англичан. Совсем не преувеличение видеть в "восстании белых" причину отчуждения этих двух семей от колониальной администрации.

Индия была ядром Британской империи. Как только британцы начали вызывать отчуждение у англизированной элиты, фундамент империи пошел разрушаться. Но могла ли найтись другая часть индийского общества, которая поддерживала бы британцев? В это довольно трудно поверить, но альтернативу азиатскому апартеиду некоторые искали в английской классовой системе.

"Ториентализм"

Многие британские чиновники, долго работавшие в Индии, утешали себя мыслью о доме — не имитации, которую можно было увидеть в Симле, а о настоящем, куда они однажды возвратятся. Викторианская эпоха близилась к концу, а воспоминания экспатриантов о родине все сильнее расходились с действительностью. Они с ностальгией вспоминали неиз-

* Конгресс был основан Алленом Октавианом Юмом, либералом из ИГС, у которого вызвала отвращение анти-ильбертова кампания.

менную сельскую Англию, сквайров и пасторов, крытые соломой дома и приветливых деревенских жителей. То было характерное для тори видение традиционного, иерархического общества, которым в духе мягкого патернализма управляют помещики. О том, что Британия стала промышленным гигантом и что с 1870 года большинство британцев жило в городах с населением свыше десяти тысяч человек, как-то забывали.

Подобное происходило и тогда, когда жители Британии думали об Индии. "Что может знать об Англии тот, кто знает только Англию?" — упрекал Киплинг соотечественников, которые управляли мировой империей, не покидая Британских островов. Возможно, этот вопрос адресовался самой королеве Виктории. Она была рада, когда в 1877 году парламент предоставил ей (по ее собственному предложению) титул императрицы Индии. Но она никогда не бывала там. Виктория предпочитала, чтобы Индия сама являлась к ней. К 80-м годам ее любимым слугой стал индиец по имени Абдул Карим, также известный как мунши, учитель. Он прибыл с нею в Осборн-хаус в 1887 году, олицетворяя собой такую Индию, которую королеве нравилось воображать: учтивый, почтительный, послушный, преданный. Незадолго до этого королева-императрица пристроила к Осборн-хаусу новое крыло, центром которого стал впечатляющий зал Дурбар. Локвуд Киплинг, отец Редьярда, наблюдал за работами. Постройка была явно вдохновлена интерьерами Лал-Кила в Дели. Ни намека на новую Индию железных дорог, шахт и хлопковых фабрик. Так британцам нравилось видеть Индию в 90-х годах. Это была фантазия.

В 1898 году правительство консерваторов, возглавляемое маркизом Солсбери, назначило вице-короля, вся карьера которого в Индии стала попыткой претворить эту фантазию в жизнь. Джордж Натаниэль Керзон для многих современников был совершенно невыносимым человеком. Родившийся в аристократической дербиширской семье, гордящейся своими корнями, уходящими в эпоху норманнского завоевания,

он как стрела пронесся через Итон, Оксфорд, Палату общин и Министерство по делам Индии. По правде говоря, знаменитое чувство превосходства* давалось ему без усилий. Порученный в детстве заботам сумасшедшей гувернантки, он периодически был вынужден проходить по деревне в высоком колпаке с надписями "лгун", "ябеда" и "трус". (Позднее он размышлял: "Ни один родовитый и смышленый ребенок никогда не плакал так много и по столь справедливым причинам".) В школе Керзон "должен был первенствовать во всем, за что бы ни брался... Я хотел делать все так, как считал нужным я, а не они". В Оксфорде — "этом кратком промежутке между Итоном и кабинетом", как пошутил кто-то, — он был не менее деятелен. Не получив первого места на экзаменах, он решил "доказать им, что они совершили ошибку", добившись премии Лотиана, премии Арнольда и членства в колледже Олл-Соулз. Марго Асквит не могла не впечатлить его "лакированная самоуверенность". Другие выражались жестче. Карикатура, изображающая его выступающим в парламенте у Ящика депеш**, называлась так: "Божество, вещающее тараканам".

Когда Керзон стал вице-королем, ему не исполнилось и сорока. То была работа, для которой он родился на свет. В конце концов, разве не была великолепная резиденция вице-короля в Калькутте точной копией имения его семьи в Кедлстоне? Стать вице-королем, как он открыто признавал, было "мечтой моего детства, исполнением амбиций моей взрослой жизни, моего самого высокого понимания обязанностей по отношению к государству". Керзон чувствовал себя призванным укрепить британское правление в Индии, которое подрывали либералы вроде Рипона. Они полагали,

* Его высмеяли в кратком стихотворении: "Меня зовут Джордж Натаниэль Керзон / я — самая важная персона, / Мои щеки розовы, а волосы — гладки, / я обедаю в Бленхейме раз в неделю".

** Специальные декорированные ящики для официальных бумаг, находящиеся по сторонам от места спикера и служащие трибуной.

что у всех должны быть равные права, независимо от цвета кожи. Англо-индийцы, как мы видели, предпочли своего рода апартеид, при котором крошечное белое меньшинство могло помыкать массой "черных". Но Керзон, аристократ-тори, не мог иметь столь простой взгляд на индийское общество. Видя себя почти на самой вершине пирамиды, увенчанной монархом, Керзон жаждал прежде всего иерархии. Он и ему подобные стремились копировать в империи то, чем они восхищались в британском феодальном прошлом. Раньше британские правители Индии погружались в индийскую культуру, чтобы стать истинными ориенталистами. Керзон был "ториенталистом".

Черты феодальной Индии разглядеть было нетрудно. Так называемые "туземные княжества" составляли приблизительно треть территории Индии. Номинальными их хозяевами оставались махараджи, находящиеся под неусыпным оком британского "личного секретаря" (роль, которая в других восточных империях называлась "Великий визирь"). Даже в областях, которыми управляли сами британцы, большинство сельских районов было во власти индийских аристократов-землевладельцев. В глазах Керзона именно эти люди являлись лидерами Индии. Выступая в 1905 году в Калькуттском университете, он выразился так:

> Я всегда был сторонником сохранения в Индии туземных государств и искренним доброжелателем наследных правителей. Я верю, что они не исторические реликты, но правители, не марионетки, но активные администраторы. Я хочу, чтобы они разделили как обязанности, так и славу британского правления.

К этому типу людей принадлежал махараджа Майсура, которому в 1902 году был придан личный секретарь Эван Макхоноки. Этот махараджа был, по крайней мере теоретически, наследником Типу, некогда самого опасного противника Ост-

Индской компании. Однако те дни давно прошли. Махараджа получил образование у сэра Стюарта Фрэзера, занимавшего значительный пост в ИГС. Считалось, вспоминал Макхоноки, "что личный секретарь, привлеченный из той же самой службы, обладающий необходимым опытом, будет в состоянии облегчить Его Высочеству тяготы трудов, продемонстрировать ему некоторые из наших методов и... подталкивать его в нужном направлении". Рассказы Макхоноки о семи годах, проведенных в Майсуре, дают представление о марионеточной роли, которую, как ожидалось, будут играть такие правители: "Его Высочество... на молодых плечах нес удивительно зрелую голову, которая, однако, никоим образом не препятствовала ребяческому и искреннему удовольствию от... спортивных состязаний... У него [также] были вкус и знание западной и родной музыки... [Тем временем] мы приступили к работе, снесли трущобы, сделали прямыми и широкими дороги, устроили открытую систему дренажа, соединенную с главными коллекторами, ведущими в септические резервуары, предоставили новое жилье перемещенному населению и организовали уборку мусора".

Махараджа-повеса, богатый, вестернизированный — и политически почти бессильный — станет известной фигурой во всей Индии.

В обмен на невмешательство в дела управления и щедрое содержание британцы требовали только одного: лояльности. И они ее получали. Когда Керзон посетил Нашипур, ему преподнесли специально сочиненное по этому случаю стихотворение:

Приветствуем тебя, о вице-король,
Могущественный правитель Индии!
Виждь! Тысяча глаз нетерпеливо ждет, чтобы созерцать тебя!
Переполнены наши сердца льющейся через край радостью,
Освящены мы, и наши желания исполнены;
И Нашипур чтит тебя, склоняясь к твоим ногам.

Великолепно и твердо владычество Англии в Индии.
Благословенен народ, имеющий такого правителя.
Стойко держался ты цели достижения
благосостояния подданных;
Любя и защищая их, как добрый сердечный отец;
О! Где еще найти такого благородного правителя, как ты!

Действительно, где? На самом деле озабоченность Керзона иерархией не была чем-то новым. Вице-король лорд Литтон питал еще более странные надежды на индийский "феодальный нобилитет", на принцип, согласно которому, "чем дальше на восток вы идете, тем важнее церемонии". Литтон даже попытался создать в ИГС отдел, специально предназначенный для сыновей этой восточной аристократии. Цель, как сказал один чиновник из Пенджаба в 1860 году, заключалась в том, чтобы "прикрепить к государству... рассеянный по всей стране корпус, значимый своей собственностью и рангом". "Ориентализм" свойствен был не только Индии. В Танганьике сэр Дональд Камерон стремился укрепить связи от "крестьянина... к старейшине, от старейшины к младшему вождю, от младшего вождя к старшему вождю, от старшего вождя к окружному чиновнику". В Западной Африке лорд Кимберли полагал, что лучше "не иметь отношений с 'образованными туземцами' в целом. Я бы предпочел общаться только с наследственными вождями". Леди Гамильтон, жена губернатора Фиджи, даже расценивала местных вождей как равных себе по статусу (в отличие от английской няни своих детей). "Все восточные люди чрезвычайно возвышают господина", — настаивал Ллойд Джордж незадолго перед тем, как стать Верховным комиссаром в Египте. Цель империи, размышлял Фредерик Лугард, состояла в том, чтобы "поддержать традиционное правление как твердыню социальной безопасности в меняющемся мире... Действительно важной категорией является статус". Лугард разработал целую теорию "косвенного правления" — антитезу прямого, которое было установлено на Ямайке в 1865 году. Со-

гласно ей британское присутствие могло быть минимальным, вся местная власть принадлежала элитам, а институты центральной власти (в особенности тесемки кошелька) оставались в руках британцев.

Параллельно реставрации, консервации и (там, где это было необходимо) созданию традиционной иерархии разрабатывалась административная иерархия империи. В Индии в 1881 году насчитывалось не менее семидесяти семи рангов. По всей империи чиновники жаждали членства в ордене Святого Михаила и Святого Георгия в качестве *CMG* ("Зовите меня Богом"), *KCMG* ("Прошу называть меня Богом") и *GCMG* ("Бог зовет меня Богом")*. Существовала, как пояснял лорд Керзон, "жадная страсть [среди] англоязычного сообщества во всем мире к титулам и старшинству".

Эти люди, по его мнению, предпочитали величественную архитектуру. При Керзоне реставрировали Тадж-Махал и Фатехпур-Сикри, а в Калькутте построили Мемориал Виктории. Примечательно, что самым нелюбимым для Керзона местом в Индии был город, который викторианцы построили на пустом месте. Симла ("пригород среднего класса на холме"), где Керзону приходилось обедать в "обществе молодых людей, интересовавшихся только игрой в поло и танцами". Резиденция вице-короля казалась Керзонам вульгарной. ("Я пытаюсь сдержать разочарование, — признавалась леди Керзон, — хотя миллионер из Миннеаполиса упивался бы этим".) Компания за обедом заставляла их чувствовать, что они обедали "каждый день в комнате домоправительницы с дворецким и горничной". Это стало для них настолько невыносимым, что они поселились в кемпинге в полях неподалеку от Симлы, около площадки для игры в гольф. Грустная правда заключалась в том, что британцы в Индии были нестерпимо банальны.

* Орден, вручаемый за заслуги в иностранных делах, имеет несколько степеней — кавалер (*CMG*), рыцарь-командор (*KCMG*) и рыцарь большого креста (*GCMG*); автор приводит шутливые расшифровки этих аббревиатур. — *Прим. пер.*

Зенитом "ториентализма" Керзона стал делийский дурбар 1903 года, захватывающее зрелище, которое он лично организовал в честь коронации Эдуарда VII. Дурбар, или "керзонация", стал прекрасным выражением псевдофеодального представления вице-короля об Индии. Его основным моментом была символическая процессия слонов, на которых восседали индийские правители. Это было, как заметил наблюдатель,

> великолепное зрелище, и никакое описание не в состоянии дать представление о... сиянии цветов... разнообразии... попон, великолепии платьев, украшающих высокопоставленных персон, следовавших за вице-королем... Шепот восхищения, врывающийся в отрывистые приветствия, доносился из толпы.

Там были они все, от Бегум из Бхопала* до махараджи Капуртала, покачивающиеся на слонах позади Великого Панджандрума**. На журналиста произвели большое впечатление "чернобородые короли, раскачивающиеся туда-сюда в такт движению их гигантских ездовых животных... Это зрелище было совершенно невероятно для нашего XIX века [*sic*]". Среди этой феерии была зачитано послание отсутствующего короля-императора, которое настолько точно отражало представления вице-короля, что могло быть написано только Керзоном:

> Его империя сильна... потому что он почитает привилегии и уважает достоинство и права всех своих вассалов и подданных. Лейтмотивом британской политики в Индии должно быть сохранение всех лучших черт туземного общества. Благодаря этой политике мы достигли удивительного успеха, в этом мы видим залог триумфов и в будущем.

* Бхопалом в 1819–1926 годах управляли женщины.

** Панджандрум — шуточное слово, придуманное драматургом Сэмюэлем Футом для обозначения очень важной персоны.

У всего этого был фатальный изъян*. Дурбар, без сомнения, получился роскошным, но это была только ширма, а не нечто реальное. Второй после Индийской армии опорой британской власти были не махараджи на слонах, а созданная Маколеем элита, состоящая из англизированных юристов и служащих. И в этих самых людях Керзон видел угрозу. Он принципиально избегал "бенгальских *бабу*". Когда у него спросили, почему при нем так мало туземцев преуспевает на службе, он ответил, что

> высокопоставленный туземец обыкновенно не соответствует [задачам], не вызывает уважения у подчиненных, европейских или даже туземных, и склонен уклоняться от трудностей или избегать их.

Спустя два года после дурбара Керзон начал наступление на *бабу*. Он объявил — якобы во имя административной эффективности — что Бенгалию разделят на две части. Будучи столицей и Бенгалии, и Индии, Калькутта являлась политической опорой Индийского национального конгресса, который к тому времени прекратил играть роль (если вообще играл ее) предохранительного клапана для выпуска туземного недовольства. Керзон очень хорошо понимал, что раздел Бенгалии расколет националистическое движение. Столица была, как сам он выразился,

> центром, из которого управляется Конгресс... Любая мера с последствиями, которые разделили бы бенгалоязычное население... или ослабили влияние адвокатов, держащих в своих руках всю организацию, встречает... негодование с их стороны.

* По замечанию Макхоноки, многие индийские правители неофициально выражали недовольство "менторским" обращением Керзона. Последнему удалось расстроить их даже в момент апофеоза на дурбаре (он пренебрег ответными визитами).

Это предложение оказалось настолько непопулярным, что против англичан поднялась такая волна насилия, какой не бывало со времен Сипайского восстания.

Националисты начали с бойкота английских товаров и пропаганды свадеши (буквально "отечественный") — экономической самодостаточности Индии. Эту тактику поддержали умеренные, например Рабиндранат Тагор*. Проводились забастовки и демонстрации. Некоторые недовольные пошли еще дальше. По всей Бенгалии начались нападения на британских чиновников, несколько раз неизвестные покушались на жизнь самого губернатора Бенгалии. Первое время власти считали насилие делом рук бедных, необразованных индусов. Но 30 апреля 1908 года, когда две англичанки погибли от взрыва бомбы, предназначавшейся для Дж. Д. Кингсфорда, судьи Музаффарпурского округа, полицейские раскрыли тревожную правду: это была совершенно иная угроза, чем та, которую представляли мятежные сипаи в 1857 году. Простые солдаты, защищавшие традиции и религию, очень отличались от радикальных националистов, вооруженных нитроглицерином. И главарями их выступали вовсе не бедные *кули*. Одну из террористических организаций, "Анушилан Самити", возглавлял Праматанат Митра, барристер, выступавший в Высоком суде в Калькутте. Когда полицейские из спецотдела провели обыски по пяти чрезвычайно респектабельным калькуттским адресам, они обнаружили оборудование для изготовления бомб. Были арестованы двадцать шесть молодых людей, и не подозрительных *кули*, а бенгальских браминов, представителей элиты.

У тех, кто предстал перед судом в Алипуре, едва ли могло быть менее респектабельное происхождение. Один из подсудимых, Ауробиндо Гхош, был лучшим учеником

* Серьезным ударом по самолюбию британской литературной элиты стало награждение Тагора в 1913 году Нобелевской премией. Джордж Б. Шоу глумился над "Стьюпиндранатом Бегорром" [*stupid* — глупый, *beggar* — попрошайка] — дешевая колкость, которая иллюстрирует, как широко распространилось отвращение к образованным бенгальцам.

в лондонской школе Святого Павла и студентом кембриджского Кингс-колледжа. Он даже оказался ровесником одного из своих судей, которого, кстати, превзошел в греческом языке во время поступления на службу (Гхош не занял должность только потому, что не сдал экзамен по верховой езде). Один из юристов-англичан, участвовавших в процессе, заметил, что

> оставалось только сожалеть, что человек такого умственного масштаба, как Ауробиндо, не получил должности только потому, что не умел или не желал ездить верхом... Если бы для него нашлось место в Службе народного образования, полагаю, он пошел бы далеко не просто в личной карьере, но и в укреплении связей между своими соотечественниками и нами.

Но было поздно. Британцы желали создать индийцев по своему образу. Теперь, отворачиваясь от этой англизированной элиты, они, подобно Франкенштейну, создали монстра. Ауробиндо Гхош воплощал национализм, который должен был вскоре проявиться по всей империи именно потому, что являлся продуктом высшего английского образования.

Алипурское дело отличалось от скорой расправы в Морант-Бэе. Суд шел почти семь месяцев. Ауробиндо Гхоша оправдали, и даже смертный приговор, вынесенный главе группы, его брату Бариндре Кумару Гхошу, был позднее смягчен, несмотря на то, что он признался в суде, что позволил убить государственного обвинителя. Последняя уступка националистам была сделана в 1911 году, когда решение Керзона об административном разделе Бенгалии отменили. (Это все-таки случилось после обретения Индией независимости.) Демонстрация слабости не положила конец терроризму.

Впрочем, англичане нашли лучший способ наказать непокорную столицу Бенгалии: правительство переехало в Дели, бывшую столицу Великих Моголов. Некогда,

до появления докучливых *бабу*, Калькутта была естественной базой империи, нацеленной на прибыль. Дели должен был стать подходящим штабом в "ториенталистскую" эпоху, а Нью-Дели — высшим выражением несказанного снобизма эпохи.

Увы, Керзон не пробыл в должности достаточно долго, чтобы увидеть, как город из холста, который он построил для дурбара, превратился в город из розового камня. Архитекторы Нью-Дели Герберт Бейкер и Эдвин Лютьенс видели свою цель в том, чтобы создать символ могущества Британии, затмившей величие Моголов. Они сразу поняли, что город должен стать наследием "ториентализма". Лютьенс признавался, что пребывание в Индии заставило его почувствовать себя "феодалом, как тори, и даже древнее" (он даже женился на дочери лорда Литтона). Бейкер встал на "политическую точку зрения". Цель, полагал он, состоит в том, чтобы "выразить чувства индийцев там, где они не вступают в конфликт с великими принципами". То, что сделали эти два человека, поразительно: они создали единственный архитектурный шедевр Британской империи. Нью-Дели грандиозен. Одна только резиденция вице-короля занимала четыре с половиной акра. В ее штате было шесть тысяч слуг и четыреста садовников (пятьдесят из них занимались только тем, что прогоняли птиц). Дворец, бесспорно, удивительно красив. Только очень сурового антиимпериалиста не тронет зрелище смены караула у здания, теперь являющегося Президентским дворцом, когда его огромные башни и купола сияют в робких лучах рассвета. Однако политический месседж Нью-Дели ясен настолько, что нет нужды выводить его из символики архитектуры. Бейкер и Лютьенс украсили свое творение такой надписью на стене Секретариата:

> Свобода не нисходит к людям. Люди должны подняться к свободе. Это благо, прежде чем пользоваться им, следует заслужить.

Это, конечно, не слова Керзона, но по тону определенно керзонианские.

Ирония в том, что всю эту архитектурную расточительность оплатил индийский налогоплательщик. Вот уж действительно: прежде чем индийцы заслужат свободу, они заплатят за привилегию быть управляемыми британцами.

Но стоило ли того дело? Британцам это было очевидно. Но даже сам Керзон иногда признавал, что британское владычество "может быть благом для нас, но не является (ни равным образом, ни в целом) благом для них". Индийские националисты искренне с этим соглашались, жалуясь, что богатство Индии течет в карманы иностранцев. Теперь мы знаем, что эта утечка — если судить о колониальном бремени по положительному торговому балансу — составляла немногим более 1 % чистого внутреннего продукта Индии в 1868–1930 годах. Это гораздо меньше, чем утекало в карманы голландцев из их Ост-Индской империи в тот же период (7–10 % индонезийского чистого внутреннего продукта).

В другом столбце бухгалтерского баланса — огромные инвестиции в индийскую инфраструктуру, ирригационную систему и промышленность. К 80-м годам XIX века англичане инвестировали в Индию 270 миллионов фунтов стерлингов (чуть менее пятой части иностранных инвестиций Великобритании). К 1914 году этот показатель достиг четырехсот миллионов фунтов стерлингов. Усилиями англичан площадь орошаемых земель в Индии увеличилась в восемь раз. К концу эпохи британского правления орошалось 25 % земель (при Моголах — 5 %). Британцы с ноля создали индийскую угольную промышленность, которая к 1914 году давала почти шестнадцать миллионов тонн угля в год. При британцах производство джута увеличилось в десять раз. Британцы улучшили и систему здравоохранения: средняя продолжительность жизни в Индии выросла на одиннадцать лет*. Британ-

* Точнее — с 21 года до 32 лет. В тот же период (1820-1950) продолжительность жизни в самой Британии увеличилась с 40 до 69 лет.

цы ввели в обычай употребление хинина для профилактики малярии. Они пропагандировали вакцинацию от оспы (часто вопреки сопротивлению индийского населения) и совершенствовали городское водоснабжение, нередко становившееся источником холеры и других болезней. Трудно усомниться и в том, что индийцам пошла на благо неподкупность чиновников из Индийской гражданской службы. После обретения страной независимости англофила Нирада Чандру Чоудхури уволили с Всеиндийского радио за то, что он посвятил свою "Автобиографию неизвестного индийца" "памяти Британской империи в Индии... потому что всем, что в нас есть хорошего, мы обязаны... Британской империи". Это, конечно, преувеличение. Но в этих словах есть и зерно правды, и именно оно оскорбило националистов.

Правда, средний индиец не стал при англичанах намного богаче. В 1757–1947 годах британский ВВП на душу населения увеличился в реальном исчислении на 347 %, индийский — на 14 %. Существенная доля прибыли, которую приносила индийская промышленность, доставалась английским управляющим компаниям, банкам и акционерам, хотя не было нехватки и в индийских инвесторах и предпринимателях. Политика фритредерства, введенная в Индии в XIX веке, принудила местных производителей к гибельному соревнованию с европейскими (в это же время США защищали свою зарождающуюся промышленность высокими ввозными пошлинами). В 1896 году индийская текстильная промышленность всего на 8 % удовлетворяла внутренний спрос на ткани*. Следует помнить и о том, что от дешевого труда индийских рабочих зависела имперская экономика. С 20-х годов XIX века до 20-х годов XX века около 1,6 миллиона индийцев покинуло Индию, чтобы работать в колониях Карибского бассейна, Африки, Индийского и Тихого океанов — от каучуковых плантаций

* Ситуация изменилась в межвоенный период. К 1945 году индийская промышленность на три четверти удовлетворяла потребности внутреннего рынка.

Малайи до сахарных заводов Фиджи. Условия, в которых они путешествовали и работали, зачастую были не намного лучше условий жизни африканских рабов столетием раньше. Благие устремления таких чиновников, как Макхоноки, не смогли предотвратить ужасный голод 1876–1878 и 1899–1900 годов. Действительно, британская склонность к экономике *laissez-faire* фактически привела к ухудшениям*. Но стали бы индийцы богаче под властью Великих Моголов? Или им лучше жилось бы при голландцах либо, например, русских?

Было вроде бы самоочевидно, что индийцы станут богаче, если ими будут управлять индийцы. Но это было верно лишь с точки зрения правящих элит, которых лишили власти англичане и чью часть национального дохода (около 5 %) использовали затем в собственных целях. Большинству индийцев не было очевидно, что их участь улучшится в случае обретения страной независимости. При британском владычестве в деревенской экономике доля чистого дохода фактически выросла с 45 до 54 %. Поскольку этот сектор кормил около трех четвертей населения, остается мало сомнений в том, что британское правление сглаживало неравенство в Индии. И пусть при британцах доходы индийцев не слишком выросли: вероятно, дела могли бы пойти гораздо хуже, если бы в результате Сипайского восстания трон Моголов был восстановлен. Китай при китайских правителях отнюдь не процветал.

Таким образом, индийский национализм питало не обнищание большинства, а отверженность привилегированного меньшинства. В эпоху Маколея британцы сформировали англоязычную, образованную на английский манер индийскую элиту гражданских служащих, на которых держалась колониальная административная система. Со временем эти люди,

* Было бы несправедливо сравнивать надежду англичан на свободный рынок во время голода 1877 года с нацистской политикой геноцида евреев. Вице-король лорд Литтон, конечно, переоценил возможности рынка, который не смог накормить голодающих после катастрофической засухи 1876 года. Но у него не было *намерения* убивать людей. У Гитлера — было.

как и предсказывал Маколей*, захотели принять некоторое участие в управлении страной. Однако в эпоху Керзона англичане отвергли их ради махараджей — фигур декоративных, в большой степени утративших свою значимость.

На закате викторианской эпохи британское владычество в Индии походило на один из дворцов, которыми так восхищался Керзон. Фасад блистал, но слуги топили печи драгоценным паркетом.

■

Тускнеют наши маяки,
И гибнет флот, сжимавший мир...
Дни нашей славы далеки,
Как Ниневия или Тир.
Бог Сил! Помилуй нас! — внемли,
*Дабы забыть мы не смогли!***

"Отпустительная молитва" Киплинга (1897) вызвала мурашки у англичан, праздновавших бриллиантовый юбилей Виктории***. Можно уверенно сказать, что, подобно гордым твердыням Ниневии и Тира, труды Керзона обратились в прах. На посту вице-короля он стремился со всем своим самоуверенным рвением сделать британское управление Индией эффективнее. Керзон был уверен, что без Индии Великобритания из "крупнейшей державы мира" превратится в "третьеразрядную". Однако он желал модернизировать британскую систему управления Индией, а не саму Индию. Восстанавливая древние памятники, он желал возложить их сохранение на индийских правителей,

* "Найти великий народ погруженным в глубины рабства и суеверия, управлять им так, чтобы... сделать способным ко всем привилегиям граждан, было бы действительно славным деянием".

** Пер. О. Юрьева. — *Прим. пер.*

*** Шестидесятилетие пребывания на троне. — *Прим. пер.*

населить здания из реестра исторических памятников надежной аристократией "реестровых" людей. Это было невыполнимой задачей.

Керзон продолжил деятельность в качестве лорда-хранителя печати в 1915 году и министра иностранных дел в 1919 году. И все же он никогда не достиг того высокого поста, которого столь страстно желал. Керзон не сумел стать лидером тори (в конфиденциальном меморандуме его охарактеризовали как "представителя привилегированного консерватизма", которому больше не было места "в демократическую эпоху"). Это можно счесть эпитафией "ториентализму".

Однажды депутат парламента Артур Ли столкнулся с лордом Керзоном в музее мадам Тюссо. Тот "внимательно рассматривал, с некоторым разочарованием, собственное восковое изображение". Сколько еще разочарований он бы испытал, если бы увидел статуи королевы-императрицы и губернаторов на заднем дворе зоопарка Лакнау, куда они были "сосланы" после обретения Индией независимости. Не много есть в мире столь же ярких символов быстротечности имперского могущества, как огромная мраморная Виктория, возвышающаяся в этом убогом месте. Одна лишь транспортировка такой глыбы обработанного камня из Лондона в Лакнау была подвигом, свершившимся только благодаря подъемным кранам, пароходам и поездам, — истинным приводам викторианской власти. Мысль о том, что эта старая леди некогда управляла Индией, кажется почти нелепой. Без своего постамента великая белая королева-императрица утратила значение тотема*.

■

К концу XIX века (при всем уважении к Керзону) Индия уже не была той же "жемчужиной в короне", как в 60-е годы. Яви-

* И все же тот факт, что у статуи отбит нос, все еще кажется кощунством.

лось новое поколение империалистов, считавших, что империи, желавшей уцелеть и приспособиться к вызовам нового столетия, придется расширяться. С их точки зрения, следовало оставить церемонии и вернуться к истокам: завоевывать рынки, основывать колонии и — в случае необходимости — драться.

Глава 5
Сила “максима”

Есть две орифламмы... Какую из них нам следует водрузить на далеких островах: охваченную небесным огнем или тяжело повисшую, отягощенную земным золотом? Есть путь действительно благодетельной славы, открытый нам, но никогда прежде не являвшийся... никому из смертных. Теперь нашим девизом должно стать — и стало: "Царствуй или умри"... Этому призыву [Англия] должна следовать — или погибнуть: она должна основывать колонии так быстро, как только сможет, призвав своих самых энергичных и самых достойных мужей, и завладеть каждой пядью плодородной необитаемой земли, на которую она ступит.

Джон Рескин, инаугурационная лекция в качестве профессора кафедры Слейда (Оксфорд, 1870)

Возьмите устав Иезуитского ордена... и замените римско-католическую религию английской империей.

Сесил Родс в письме **лорду Ротшильду** о сути стипендии Родса (1888)

Не разбив яйца, не приготовишь яичницу. Невозможно устранить варварство, рабство, суеверия... не прибегая к использованию силы.

Джозеф Чемберлен

В течение всего нескольких первых лет XX века отношение британцев к своей империи перешло от высокомерия к беспокойству. Последние годы правления Виктории были временем гордыни, *гибриса*: казалось, нет преград ни для британского оружия, ни для британского капитала. Будучи всемирным полицейским и банкиром, Британская империя владела территорией, несопоставимой ни с одной империей прошлого. Даже ее успешные конкуренты, Франция и Россия, не могли состязаться с первой настоящей сверхдержавой. И все же еще до 1901 года, когда королева-императрица скончалась в своей спальне в Осборн-хаусе, пришла расплата. Африка, которая, казалось, по праву принадлежала британцам, нанесла империи неожиданный болезненный удар. Одни ответили на него дерзким джингоизмом, других охватили сомнения. Даже самые талантливые генералы и губернаторы выказывали упадок духа. И самый честолюбивый конкурент Британии не замедлил воспользоваться открывшимися возможностями.

От Кейптауна до Каира

В середине XIX века Африка (за исключением нескольких прибрежных аванпостов) была последним чистым листом в им-

перском атласе. К северу от мыса Доброй Надежды британские владения ограничивались Западной Африкой (Сьерра-Леоне, Гамбия, Золотой Берег* и Лагос — плоды борьбы сначала за рабовладение, а затем против него). Однако после 1880 года в течение всего двадцати лет десять тысяч африканских племенных образований были преобразованы всего в сорок государств, причем тридцать шесть из них находились под прямым европейским контролем. Никогда в истории человечества не было настолько радикального перекраивания карты континента. К 1914 году весь континент (за исключением Абиссинии и Либерии, этой квазиколонии США), находился под европейским владычеством. Примерно треть территории была британской. Произошедшее получило известность как "драка за Африку".

Феноменальное расширение империи в конце викторианской эпохи было обусловлено комбинированным применением финансов и оружия. Вершин мастерства в этом деле достиг Сесил Джон Родс. В возрасте семнадцати лет Родс, сын священнослужителя из Бишоп-Стортфорда, эмигрировал в Южную Африку, поскольку "более не мог выносить холодную баранину". Он был одновременно гениальным бизнесменом и имперским провидцем, "бароном-разбойником" и мистиком. В отличие от других "рандлордов"**, не в последнюю очередь от своего партнера Барни Барнато, Родсу было мало сколотить состояние благодаря алмазным копям Кимберли. Он стремился к чему-то большему, чем деньги: Родс мечтал стать строителем империи.

Хотя Родс имел репутацию одинокого колосса, взнуздавшего Африку, он, возможно, не добился бы почти монопольного положения в южноафриканской алмазной промышленности без помощи своих друзей из Сити, в частности банка Ротшильда — средоточия финансового капитала. Когда Родс

* Участок побережья Гвинейского залива на территории Ганы. — *Прим. ред.*

** От *rand* (африкаанс) — хребет, рудная жила. Также наименование этой территории. — *Прим. пер.*

приехал на алмазные прииски Кимберли, там действовало более сотни небольших компаний, которые разрабатывали четыре главные трубки, наводнившие рынок алмазами и вытеснявшие друг друга из бизнеса. В 1882 году агент Ротшильда посетил Кимберли и рекомендовал провести слияние. Через четыре года компаний в Кимберли осталось всего три. Еще год спустя банк профинансировал слияние компании Родса "Де Бирс" с "Компани франсэ", а после и с самой крупной компанией — Центральной. Теперь существовала только одна фирма — "Де Бирс". Считается, что она находилась в собственности Родса, однако это не так. У лорда де Ротшильда* было больше акций: к 1899 году доля Ротшильда вдвое превышала долю Родса. В 1888 году Родс писал Ротшильду: "Я знаю, что, имея вас у себя за спиной, я могу сделать все, о чем говорил. Если, однако, вы думаете по-другому, я не смогу ничего сказать". Итак, в октябре 1888 года, когда Родс нуждался в финансовой поддержке своих африканских планов, у него не было ни малейших колебаний о том, к кому обратиться за помощью.

Предложение, о котором упоминает Родс, заключалось в создании концессии. Он только что получил разрешение Лобенгулы, верховного вождя матабеле, на разработку "бескрайних" золотых копей, которые, как был уверен Родс, существуют за рекой Лимпопо. Письмо Родса Ротшильду показывает, что его намерения по отношению к Лобенгуле едва ли были дружелюбными. Правитель народа матабеле, писал Родс, оставался "единственным препятствием в Центральной Африке, и как только мы захватим его территорию, остальное не составит труда, поскольку остальное — просто система деревень со своими предводителями, независимыми друг от друга... Ключ к успеху — земля матабеле с ее золотом, сведения о котором основаны отнюдь не на слухах... Золотой прииск, который два года назад можно было купить приблизительно

* Натаниэль Ротшильд получил титул пэра в 1885 году. Он стал первым евреем в Палате лордов.

за сто пятьдесят тысяч, теперь продается более чем за десять миллионов фунтов".

Ротшильд ответил утвердительно. Когда Родс объединил усилия с Компанией Бечуаналенда, чтобы создать новую Центральную ассоциацию исследований Матабелеленда, банкир стал главным акционером и увеличил свою долю в 1890 году, когда она стала Компанией объединенных концессий. Он был также среди акционеров-основателей, когда Родс в 1889 году основал Британскую южноафриканскую компанию. Фактически Ротшильд играл роль неоплачиваемого финансового советника компании.

Пока "Де Бирс" воевала в залах заседаний в Кимберли, Британская южноафриканская компания вела настоящую войну. Когда Лобенгула понял, что его обманули, отняв намного больше, чем права на добычу полезных ископаемых, он задумал померяться силами с Родсом. Решив раз и навсегда избавиться от Лобенгулы, Родс послал отряд из семисот добровольцев. У матабеле была сильная, хорошо организованная по африканским меркам армия: *импи** Лобенгулы насчитывали около трех тысяч воинов. Люди Родса явились с секретным смертоносным оружием. Обслуживаемый четырьмя людьми 0,45-дюймовый пулемет Максима производил пятьсот выстрелов в минуту: в пятьдесят раз больше, чем самая скорострельная из винтовок. Отряд, располагающий всего пятью пулеметами, мог буквально дочиста вымести поле боя.

Бой у реки Шангани в 1893 году (один из первых случаев применения "максима") свидетель описал так:

> Матабеле не удалось подойти ближе, чем на сто ярдов. Впереди них двигался полк нубуцу — охрана короля. Они неслись с дьявольскими воплями навстречу неминуемой смерти, поскольку "максимы"превзошли все наши ожидания и косили их буквально как траву. Я никогда не видел ничего подобного

* Воинское подразделение. — *Прим. ред.*

> пулеметам Максима, я даже вообразить не мог, что такое возможно: патронные ленты расстреливались настолько быстро, насколько человек мог заряжать и стрелять. Каждый в лагере вверил свою жизнь Провидению и пулемету Максима. Туземцы сказали королю, что они не боятся нас или наших ружей, но они не могут убить животное, которое делает "Пух! пух!", то есть пулемет Максима.

Матабеле показалось тогда, что "белый человек пришел... с оружием, которое выплевывает пули, как небеса иногда плюются градом, и кто такие беззащитные матабеле, чтобы устоять против этого оружия?" Погибли около полутора тысяч воинов матабеле — и четверо из семисот пришельцев. Газета "Таймс" самодовольно сообщила, что матабеле "приписывают нашу победу колдовству, полагая 'максим' порождением злых духов. Они называют его *скокакока*, вследствие специфического шума, который он издает во время стрельбы".

Чтобы ни у кого не оставалось сомнений в том, кто руководил операцией, захваченную территорию переименовали в Родезию. Однако за Родсом стояло финансовое могущество Ротшильда. Примечательно, что член французской ветви этой фамилии с удовлетворением отметил связь между новостями о "жестком столкновении с матабеле" и "небольшим повышением акций" Британской южноафриканской компании Родса. Единственное, что вызывало у Ротшильда беспокойство (и вполне оправданное), это то, что Родс направлял деньги из прибыльной компании "Де Бирс" в совершенно спекулятивную Британскую южноафриканскую компанию. Когда лорд Рэндолф Черчилль, независимый политик-консерватор, возвратился в 1891 году из Южной Африки, он объявил, что "нет более неблагоразумного помещения средств, чем в ведущих изыскания синдикатах", и обвинил Родса в том, что он "обманщик... который не мог собрать в Сити пятьдесят одну тысячу фунтов, чтобы открыть шахту". Ротшильд был рассержен. Немного в глазах финансиста

fin de siècle было преступлений серьезнее, чем пренебрежительное отношение к его инвестициям.

Официальный сувенир кампании в Матабелеленде, выпущенный к четвертой годовщине этого незначительного конфликта, открывается "выражением уважения" Родса тем, кто покорил "дикарей". Гвоздем программы стал гротескный гимн, посвященный любимому оружию завоевателей. Это стихотворение начало свой путь как либеральная сатира, но люди Родса бесстыдно сделали ее своим гимном:

Вперед, солдаты с хартией, на земли язычников,
С молитвенниками в карманах, с винтовками в руках.
Славная весть, вот где можно делать дело,
Распространять мирное евангелие пулеметом Максима.

Скажите порочным туземцам, что грешны их сердца,
Превратите их языческие храмы в рынки духа.
И если вашему учению они не уступят,
Прочтите им другую проповедь — пулеметом Максима.

Когда они вполне поймут эти десять заповедей,
Вы должны одурманить вождя и захватить их землю;
И если они коварно призовут вас к ответу,
Прочитайте им другую проповедь — "максимом" с горы.

Пулемет Максима был американским изобретением, но его изобретатель всегда рассчитывал на британский рынок. Как только у Хайрема Максима оказался рабочий опытный образец, изготовленный в тайной мастерской в Хаттон-Гардене, в Лондоне, он начал рассылать важным персонам приглашения его испытать. Среди тех, кто приглашение принял, были герцог Кембриджский (в то время главнокомандующий), принц Уэльский, герцог Эдинбургский, герцог Девонширский, герцог Сатерлендский и герцог Кентский. Герцог Кембриджский ответил с готовностью, которая была характерна для его класса.

Он объявил, что "весьма впечатлен характеристиками пулемета" и "уверен, что он очень скоро будет использоваться повсеместно, во всех армиях". Однако герцог "не думает, что целесообразно покупать его прямо сейчас... Когда потребуется, мы сможем купить новейшие образцы, а управление ими может быть освоено сметливыми людьми за несколько часов". Другие быстрее оценили огромный потенциал изобретения Максима. В ноябре 1884 года, когда была основана компания Максима, лорд Ротшильд вошел в число ее управляющих. В 1888 году его банк выделил 1,9 миллиона фунтов для слияния компании Максима с оружейной фирмой Норденфельда.

Отношения Родса и Ротшильда были настолько тесными, что первый даже поручил лорду Ротшильду выполнение своего завещания. Родс распорядился, чтобы его состояние было потрачено на финансирование империалистического эквивалента Иезуитского ордена: такова цель стипендии Родса. Деньги предназначались для создания "общества избранных, действующих во благо империи". Родс писал: "Возьмите устав Иезуитского ордена... и замените римско-католическую религию английской империей". Ротшильд, в свою очередь, уверял Родса: "Наше первое и главное желание в отношении южноафриканских дел состоит в том, что вы должны остаться во главе этой колонии и получить возможность вести ту великую имперскую политику, которая была мечтой вашей жизни".

Собственная страна и собственный империалистический орден были только элементами крупномасштабной "имперской политики" Родса. На своей огромной, размером со стол, карте Африки (ее и сейчас можно увидеть в Кимберли) Родс провел карандашом линию от Кейптауна до Каира. Здесь должна была пройти железная дорога: от мыса Доброй надежды на север через Бечуаналенд, от Бечуаналенда до Родезии, от Родезии до Ньясаленда, затем мимо Великих озер в Хартум и, наконец, вверх по Нилу до Египта. Родс полагал, что весь материк окажется под властью Британии. Его довод был простым: "Мы — раса, первая в мире, и чем большую территорию мы

приобретаем, тем лучше для рода человеческого". Амбиции Родса буквально не имели границ. Он мог говорить с серьезностью об "окончательном восстановлении Соединенных Штатов Америки в качестве неотъемлемой части Британской империи".

В некоторой степени войны вроде той, которую Родс вел с матабеле, были частными, спланированными в закрытых клубах, таких как Кимберли, этом чванливом оплоте капиталистического праздника жизни (среди его основателей был сам Родс). Присоединение Матабелеленда к империи не стоило британскому налогоплательщику ровно ничего: с "дикарями" воевали наемники, нанятые Родсом, а платили им за "работу" акционеры "Де Бирс" и Британской южноафриканской компании. Если бы оказалось, что в Матабелеленде нет никакого золота, в убытке остались бы только они. Фактически процесс колонизации был приватизирован. Так уже бывало на заре существования империи, когда монополистические торговые компании несли британский флаг от Канады до Калькутты. Родс сознательно учился у истории. Британское владычество в Индии началось с Ост-Индской компании. Теперь история повторялась в Африке. В одном из писем к Ротшильду Родс даже назвал "Де Бирс" "второй Ост-Индской компанией".

Родс не был одинок в своих устремлениях. Джордж Д. Т. Голди из семьи контрабандистов с острова Мэн, в юности бывший беспутным "солдатом удачи", тоже мечтал в детстве "окрасить карту в красный цвет". Его великим проектом стал захват территории от Нигера до Нила — целиком. В 1875 году Голди отправился в Западную Африку, чтобы попытаться спасти маленький торговый дом, принадлежащий семье своей невестки. К 1879 году он добился слияния этой фирмы с несколькими другими, производящими пальмовое масло, и учредил Объединенную африканскую компанию (позднее — Национальную африканскую компанию). Голди быстро убедился, что "тщетно пытаться заниматься коммерцией там, где нельзя добиться порядка и соблюдения закона". В 1883 году он

предложил, чтобы Национальная африканская компания взяла под свою "опеку" все земли в нижнем и среднем течении Нигера на основе королевской хартии. Три года спустя он получил, что хотел: возрожденная Королевская Нигерская компания получила хартию. И снова это была модель XVII века: колонизация по контракту, с риском, который несут акционеры компании, а не налогоплательщики. Голди очень гордился собой, видя "что с акционерами, благодаря деньгам которых была создана компания, обошлись по справедливости":

> Говорят, что первопроходец "всегда гибнет", но я сказал, что в этом случае первопроходец погибнуть не должен, и он не погиб. Я пошел на улицу и побудил людей дать мне миллион для этого начинания. Я был обязан проследить, чтобы они получили справедливую прибыль. Если бы я не сделал этого, то злоупотребил бы доверием. Моя задача заключалась в борьбе с другими державами за то, чтобы этой территорией владели британцы, и я могу напомнить, что усилия привели к успеху еще до того, как подошел к концу срок... хартии. Я полагаю, вы согласитесь, что я был всецело обязан в первую очередь защитить интересы акционеров.

Правительство было довольно исходом. Голди заявил в 1892 году, что Британия "восприняла политику расширения силами коммерческих предприятий... Отсутствие одобрения парламента не позволяло задействовать ресурсы империи" для удовлетворения его амбиций.

Для Голди, как и для Родса, то, что было хорошо для его компании, было хорошо и для Британской империи. И, подобно своему южноафриканскому коллеге, Голди видел в пулемете Максима главное средство развития и империи, и компании. К концу 80-х годов он покорил некоторые эмираты фулани и принялся за Биду и Илорин. Хотя в его распоряжении было чуть более пятисот человек, пулеметы позволяли ему побеждать противника в тридцать раз более многочисленного.

Подобное произошло и в Восточной Африке. Фредерик Д. Лугард*, будучи служащим Британской восточноафриканской компании, подчинил британскому владычеству Буганду. Голди был настолько впечатлен успехами Лугарда, что пригласил его в свою Нигерскую компанию. В 1900 году, когда Северная Нигерия стала британским протекторатом, Лугарда назначили ее первым Верховным комиссаром, а двенадцать лет спустя — генерал-губернатором объединенной Нигерии. Трансформация торговой монополии в протекторат была типичной для "драки за Африку". Политики предоставляли бизнесменам действовать и добиваться успеха, а потом сами вступали в дело, чтобы официально закрепить приобретения, учредив колониальное правительство. Хотя новые африканские компании напоминали Ост-Индскую компанию в ее изначальном виде, они управляли Африкой не так долго, как она управляла Индией. С другой стороны, даже когда британское правление приобретало характер "официального", оно имело лишь базовый характер. Лугард в своей книге "Двойной мандат в Британской Тропической Африке" (1922) определил косвенное правление как "систематическое использование традиционных институтов". Иначе говоря, Африкой англичане собирались управлять так, как туземными княжествами Индии: с местными марионеточными правителями и минимальным британским присутствием.

■

Это, однако, была только половина истории "драки за Африку". Пока Родс шел на север из Капской колонии, а Голди — на восток от Нигера, британские политики расширяли английское

* Лугард родился в семье миссионера, ставшего капелланом Индийской армии после провала на экзамене Индийской гражданской службы. Он отправился в Африку после того, как застал жену в постели с другим, что заставило его потерять веру в Бога (не говоря уже о вере в свою жену).

влияние в долине Нила. И делали они это по большей части потому, что опасались конкурентов.

Французы стремились к доминированию в Северной Африке, захватывая окраины Османской империи с большей готовностью, чем британцы. Впервые заявку на владычество в Египте сделал Наполеон, однако его планы совершенно спутал разгром французского флота при Абукире в 1798 году. Впрочем, вскоре после падения Наполеона французы возобновили активность в регионе. Уже в 1830 году они вторглась в Алжир и за семь лет подчинили большую часть страны. Они также поспешили оказать поддержку египетскому хедиву Мухаммеду Али, поборнику модернизации, который оспаривал суверенитет турецкого султана. И прежде всего французские инвесторы взяли на себя инициативу в экономическом развитии Турции и Египта. Фердинанд де Лессепс, спроектировавший и построивший Суэцкий канал, был французом, и капитал, который инвестировался в это грандиозное предприятие, начатое в ноябре 1869 года, большей частью был французским. Однако британцы продолжали настаивать, что будущее Османской империи должно быть решено пятью великими державами: не только Британией и Францией, но также Россией, Австрией и Пруссией.

Невозможно понять суть "драки за Африку", не принимая в расчет, что ей предшествовала постоянная борьба великих держав между собой за поддержание или изменение баланса сил в Европе и на Ближнем Востоке. В 1829–1830 годах они достигли согласия относительно будущего Греции и Бельгии. После Крымской войны (1854-1856) они достигли хрупкого согласия и относительно будущего европейских владений Турции, особенно черноморских проливов. То, что происходило в Африке в 80-х годах, во многих отношениях являлось продолжением европейской дипломатии — с важным уточнением, что ни у Австрии, ни у России не было амбиций на юге Средиземноморья. Таким образом, на Берлинском конгрессе (1878) передача Франции Туниса значилась подпунктом намного более сложных соглашений, достигнутых относительно будущего Балкан.

В 1874 году стало ясно, что правительства Египта и Турции терпят банкротство. Поначалу казалось, что дело будет улажено, как обычно, дружескими соглашениями великих держав. Однако Дизраэли, а после его главный соперник Гладстон не удержались от искушения дать Британии преимущество в регионе. Когда египетский хедив Исмаил-паша предложил продать свою долю (44 %) во "Всеобщей компании морского Суэцкого канала" почти за четыре миллиона фунтов стерлингов, Дизраэли ухватился за эту возможность. Он обратился к своим друзьям Ротшильдам (к кому же еще?) за колоссальным авансом наличными, необходимым для заключения сделки. Правда, распоряжение 44 % акций "Всеобщей компании..." не давало контроля над каналом, тем более что эти акции не позволяли голосовать до 1895 года, а после давали только десять голосов. Правда и то, что обязательство хедива ежегодно выплачивать вместо дивидендов 5 % стоимости акций вызвало у британского правительства живой интерес к египетским финансам. Дизраэли ошибался, думая, что "Всеобщая компания..." имела возможность закрыть канал для растущих британских перевозок. С другой стороны, не было гарантии, что закон, обязывающий компанию держать канал открытым, будет всегда соблюдаться. Как справедливо заметил Дизраэли, владение акциями дало Британии дополнительные "рычаги". Оказалось, что это также было исключительно хорошим вложением государственных средств*.

Недовольство французов смягчила реорганизация египетских финансов. По предложению французского правительства появилась "Международная комиссия египетского государственного долга", в которой были представлены Англия, Фран-

К январю 1876 года котировка акций выросла с 22 фунтов 10 шиллингов 4 пенсов до 34 фунтов 12 шиллингов и 6 пенсов. Приобретенный правительством пакет в 1898 году оценивался в 24 миллиона фунтов стерлингов, накануне Первой мировой войны — в 40 миллионов, к 1935 году — в 93 миллиона (приблизительно 528 фунтов стерлингов за акцию). В 1875–1895 годах Британия получала из Каира двести тысяч фунтов стерлингов в год, а позднее — обычные дивиденды, сумма которых выросла с 690 тысяч (1895) до 880 тысяч фунтов стерлингов (1901).

ция и Италия. В 1876 году учредили Международную комиссию (кассу) египетского государственного долга, а два года спустя Египет получил международное правительство с англичанином в качестве генерального контролера над государственными доходами и французом — контролером государственных расходов. Одновременно английские и французские Ротшильды выпустили заем на восемь с половиной миллионов фунтов стерлингов. Французская газета "Жюрналь де деба" назвала англо-французские договоренности "почти эквивалентом заключению союза". Один британский государственный деятель так описал причину компромисса: "Можно было уйти, забрать все себе либо поделиться. Первое привело бы к тому, что французы перерезали бы нам путь в Индию. Второе было чревато войной. Таким образом, мы решили делиться". Но это не могло длиться долго. В 1879 году хедив сместил международное правительство. В ответ европейцы низложили его самого, заменив бездеятельным сыном Тевфиком. Когда Тевфик был свергнут египетскими военными во главе с антиевропейски настроенным министром Араби-пашой, стало очевидно, что они стремятся освободить Египет от иностранного экономического господства. Александрия была укреплена, а канал перекрыт. Возникла опасность дефолта, а жизнь тридцати семи тысяч европейцев, находившихся в Египте, оказалась под угрозой.

Лидер оппозиции Гладстон яростно критиковал ближневосточную политику Дизраэли. Он не одобрил покупку акций Суэцкого канала и обвинял Дизраэли в том, что тот-де закрывает глаза на злодеяния турок в Болгарии. Теперь же, когда Гладстон сам оказался у власти, он совершил один из радикальных разворотов викторианской внешней политики. Правда, инстинкты побуждали его придерживаться схемы "двойственного" англо-французского контроля над Египтом. Но этот кризис совпал с внутренними потрясениями во Франции, столь обычными для истории Третьей республики. Пока французы ссорились между собой, риск египетского дефолта увеличивался. В Александрии шли антиевропейские бунты. Гладстон,

подталкиваемый воинственными коллегами-министрами и получивший гарантии Ротшильдов, что французы не возражают, 31 июля 1882 года принял решение "раздавить Араби". Британские суда разбомбили александрийские форты. Тринадцатого сентября экспедиционный корпус сэра Гарнета Уолсли напал при Тель-эль-Кебире на численно превосходящие силы Араби и в течение получаса рассеял их. На следующий день англичане заняли Каир. Араби-пашу взяли в плен и сослали на Цейлон. По словам лорда Ротшильда, теперь стало ясно, что Англия должна господствовать над Египтом. Ее господство никогда не принимало форму прямой колонизации. Едва британцы заняли Египет, они заверили другие державы, что их присутствие является целесообразной временной мерой (это заявление в 1882–1922 годах прозвучало не менее шестидесяти шести раз). Формально Египет оставался независимым, фактически же он находился под "негласным" протекторатом: хедив стал марионеточным правителем, реальная власть находилась в руках британского агента и генерального консула.

Оккупация Египта открыла новую главу имперской истории. Она послужила сигналом к началу "драки за Африку". Европейцам (французы недолго проявляли уступчивость) стало ясно, что пора действовать, и действовать быстро, пока англичане не забрали материк. Последние, со своей стороны, изъявляли желание поделиться остатками (при условии, что они сохранят за собой стратегически важные Кейптаун и Каир). Начиналась самая крупная в истории игра в "Монополию". Игровым полем была Африка.

■

Этот колониальный раздел не был чем-то невиданным. Однако прежде будущее Африки волновало только Британию, Францию и Португалию (первую европейскую державу, основавшую там колонии), а теперь за столом появились трое

новых игроков: королевство Бельгия (основано в 1831 году), королевство Италия (основано в 1861 году) и Германская империя (основана в 1871 году). Бельгийский король Леопольд II в 1876 году учредил собственную Африканскую международную ассоциацию, спонсируя изучение Конго для его завоевания и экономической эксплуатации. Итальянцы мечтали о возрождении Римской империи в Средиземноморье. Своей первой целью они наметили Триполитанию и Киренаику (современная Ливия). Позднее итальянцы вторглись в Абиссинию, позорно потерянную ими при Адуа (1896), и принуждены были удовлетвориться частью Сомали. Немцы поначалу вели более тонкую игру.

Канцлер Отто фон Бисмарк был одним из немногих гениев среди государственных деятелей XIX века. Когда он сказал, что его карта Африки — это карта Европы*, он подразумевал, что рассматривает Африку как возможность посеять разногласия между Британией и Францией — и увести избирателей у собственных либеральных и социалистических оппонентов. В апреле 1884 года Бисмарк объявил о протекторате над территорией у залива Ангра-Пекена (современная Намибия). Затем он расширил немецкие притязания на всю территорию между северной границей британской Капской колонии и южной границей португальской Анголы, добавив для ровного счета Камерун и Того на западноафриканском побережье и Танганьику на востоке континента. Добившись того, что Германия стала серьезным африканским игроком, Бисмарк созвал в Берлине крупную конференцию по Африке (15 ноября 1884 года — 26 февраля 1885 года)**. Конференция имела целью предоставле-

* Бисмарк сказал путешественнику Ойгену Вольффу: "Ваша карта Африки весьма замечательна, но моя карта Африки располагается в Европе. Вот Россия, а здесь, — указывая налево, — Франция, и мы находимся посередине; вот моя карта Африки".

** В конференции приняли участие: Австро-Венгрия, Бельгия, Дания, Франция, Германия, Британия, Италия, Нидерланды, Португалия, Россия, Испания, Швеция, Турция и Соединенные Штаты. Примечательно, что там не было ни одного африканского представителя, несмотря на то, что в то время менее пятой части континента находилось под контролем европейцев.

ние всем державам свободы торговли и судоходства по Конго и Нигеру. Эти проблемы затрагивались в большинстве статей "Генерального акта", принятого на конференции. Она также отдала дань болтовне об идеалах эпохи Ливингстона, обязав подписавшие акт державы

> неусыпно заботиться о сохранении туземного народонаселения и об улучшении его нравственного и материального положения и содействовать в особенности уничтожению невольничества и торга неграми; они будут покровительствовать и способствовать, без различия национальностей и вероисповеданий, всяким религиозным, научным и благотворительным учреждениям, основываемым и устраиваемым с этой целью или клонящимся к просвещению туземцев, дабы они могли понимать и оценивать выгоды цивилизации.
>
> Христианские миссионеры, ученые, исследователи, их проводники, имущество и коллекции будут также представлять предмет особого покровительства.
>
> Свобода совести и веротерпимость будут положительно обеспечены как природным жителям, так и туземным подданным и иностранцам*.

Однако главная цель конференции, как ясно дала понять преамбула принятой декларации, заключалась в том, чтобы "предотвратить разногласия и споры, могущие произойти впоследствии при завладении новыми прибрежными землями Африки". Основной проблеме была посвящена статья 34, гласившая:

> Держава, которая впоследствии завладеет какой-либо территорией на берегах Африканского материка, лежащей вне ее нынешних владений, или которая, не имев доселе таких владений, приобретет таковую, а равно держава, которая при-

* Цит. по: Мартенс Р. Р. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. Т. 8. — СПб., 1888. — С. 704. — *Прим. ред.*

мет на себя протекторат, должна препроводить подлежащий о том акт, вместе с объявлением, к подписавшим настоящий акт державам, для того, чтобы дать сим последним возможность заявить, в случае надобности, свои требования*.

Статья 35 уточняла: "Державы, подписавшие настоящий акт, принимают обязательство обеспечить в занимаемых ими на берегах Африканского материка территориях такую власть, которая достаточна для охраны приобретенных ими прав". (Авторы явно не имели в виду права туземных правителей и их народов.)

Это был настоящий сговор, хартия на разделение Африки на "сферы влияния". Остатки начали делить сразу. Уже на конференции были признаны германские притязания на Камерун, а также право Леопольда II распоряжаться Конго. И все же смысл конференции был глубже. В придачу к разделу Африки на манер пирога Бисмарк с блеском добился главной цели: заставил Британию и Францию играть друг против друга. В следующее десятилетие они не раз конфликтовали из-за Египта, Нигерии, Уганды, Судана. Для британского политического руководства активность путешественников вроде Луи Мизона и Тома Маршана представляла в 90-х годах досаднейшую помеху, поскольку приводила к странным инцидентам вроде Фашодского (1898) — неправдоподобного столкновения на "ничьей" земле в Судане. По сути, германский канцлер переиграл британцев дважды: их первой реакцией на его берлинский триумф была дать ему все, что он хочет (или, как казалось, хочет) в Африке, и даже более того.

Вскоре после Берлинской конференции Джон Керк, британский консул в Занзибаре, получил телеграмму. Министерство иностранных дел извещало его, что германский император объявил протекторат над территорией, ограниченной озерами Виктория, Танганьика и Ньяса (на нее заявило права

* Там же. С. 722. — *Прим. ред.*

Общество германской колонизации, возглавляемое Карлом Петерсом). Телеграмма предписывала консулу "во всем сотрудничать с Германией". Он должен был "действовать с большой осторожностью" и не "допускать передачи занзибарскими властями германским агентам или представителям сообщений, недружелюбных по тону".

Джон Керк служил ботаником в неудачной экспедиции Дэвида Ливингстона по Замбези. После смерти Ливингстона он обязался продолжать его работу, чтобы покончить с восточноафриканской работорговлей. Приказ сотрудничать с немцами изумил Керка. Много лет он пытался завоевать доверие правителя Занзибара, султана Баргаша. Была заключена сделка: в обмен на запрет работорговли Керк пообещал султану помочь расширить его восточноафриканские владения и получить прибыль от законной торговли. В 1873 году султан запретил работорговлю в Занзибаре, и к 1885 году владения султана на материке простирались на тысячу миль вдоль африканского побережья, а вглубь Африки — до самых Великих озер. Теперь британское правительство, стремясь удовлетворить притязания Бисмарка, предало султана.

У Керка не было иного выхода, кроме как подчиниться указаниям из Лондона. "Я посоветовал султану, — ответил он покорно, — прекратить сопротивление германскому протекторату и принять требования". Но он не смог скрыть тревогу: "Я попал в весьма деликатное и тяжелое положение и едва ли смогу побуждать султана поступить так, не утратив влияния на него". Керк писал другу в Англию:

> По-моему, нет сомнения в том, что Германия намерена поглотить весь Занзибар, а раз так, почему она об этом не объявит? Я получил... зловещую ссылку на соглашение между Англией и Германией, о котором я ничего не знаю и согласно которому мы не должны противодействовать немецким планам в этом регионе. Конечно, когда это соглашение было принято, немецкие планы были известны, и если так, почему

мне не сказали? Эти планы являются намерениями германского правительства или частных компаний?.. Упомянуты мои инструкции, но я до самого последнего времени не получал никаких инструкций относительно Германии и немецкой политики. Мне предоставили следовать моей прежней, одобренной линии... обобщенной в договоре... который... я получил от султана и который гласит, что он не должен уступать ни одно из своих прав или территорий или передавать протекторат над своим государством или любой его части кому бы то ни было без согласия Англии... Я никогда не получал приказы содействовать Германии, но поскольку я видел, какая сложилась ситуация, я действовал осторожно и, надеюсь, благоразумно... Но почему державы, участвующие в конференции, не пригласили Е [го] В [еличество] [султана в Берлин]? Они открыто проигнорировали его на своей встрече, и насколько я знаю, никогда не сообщали ему о своих решениях.

Керк чувствовал, что его желают "скомпрометировать, хотя мое имя ничем не запятнано". Если бы он стал давить на султана, чтобы тот удовлетворил требования немцев, как желал Лондон, то султан от него "просто отвернулся бы":

На меня падет вина за то, что я не имею никакой власти предотвратить это... Ненавижу бросать все, пока у нас есть шанс... сохранить хотя бы часть из того, что некогда может стать полезным... Этот немецкий план колонизации является фарсом... Или в этой стране все станет хуже, чем когда-либо, или Германия вынуждена будет тратить деньги и силы, чтобы, как и мы в Индии, построить империю. Ей придется заплатить, но нет никаких признаков того, что она думает об этом. Таким образом, у нас есть шанс потерять довольно хороший протекторат и свободу, которую мы имеем при султане, в обмен на долгий период беспорядка, в течение которого все плоды моих трудов будут уничтожены.

Соображение о том, что султана следовало пригласить на Берлинскую конференцию, выдает в Керке старомодность. В имперской "Монополии" действовали аморальные правила "реальной политики", и британский премьер-министр лорд Солсбери был готов принять их, как и Бисмарк. А султан был африканским правителем. Ему не могло найтись места у игрового стола.

Грузный, неряшливый, реакционный и лукавый Солсбери скептически относился к империализму. Его определение ценности империи было простым: "победы, деленные на налоги". "Буффало", как прозвали Солсбери, был совершенно нетерпим к "показной филантропии" и к "плутням" "фанатиков", которые отстаивали расширение в Африке как таковое. Как и Бисмарка, колонии интересовали Солсбери только как фишки на игровой доске великой державы. Он не одобрял планы Родса распространить владычество Британии с севера до юга Африки. В июле 1890 года Солсбери заявил поддерживающим его пэрам, что он находит

> смешной идею, будто наличие непрерывной территории от Кейптауна до истоков Нила дает некое особенное преимущество. Эта полоса земли к северу от Танганьики может быть только очень узкой... Я не могу вообразить торговых потоков в этом направлении... Эта земля совершенно не имеет практического значения и ведет только к португальским владениям, в которых, насколько я знаю, в предыдущие триста лет не наблюдалось бурного роста... Я думаю, постоянное изучение карт приводит к нарушению умственных способностей... Но если, отбросив коммерческие расчеты, взглянуть на стратегический характер, я не могу вообразить более неудобного положения, чем владение узкой полосой земли в самом сердце Африки, на расстоянии трех месяцев пути от побережья, которая должна разделять силы такой могущественной империи, как Германия и... другой европейской державы. Не получив никаких выгод от расположения этих земель, мы получим все опасности, неотделимые от их защиты.

Другими словами, приобретать новую территорию стоит только тогда, когда это усиливает экономическое и стратегическое влияние Британии. Это красиво выглядело бы на карте, но недостающее звено, которое замыкало "красный маршрут Родса" от Кейптауна до Каира, было негодным. Что касается тех, кто жил в Африке, то их судьба Солсбери нимало не беспокоила. "Если бы наши предки заботились о правах других людей, — заявил он коллегам-министрам в 1878 году, — Британской империи никогда не было бы". Султан Баргаш скоро смог оценить силу этой позиции.

В августе 1885 года Бисмарк послал четыре военных корабля в Занзибар и потребовал, чтобы султан передал свое государство Германии. Через месяц, к моменту отплытия на родину, территория султаната была аккуратно поделена между Германией и Британией. Бывшему правителю осталась прибрежная полоса земли. При этом султан не был единственным проигравшим. Труды Джона Керка в Африке были окончены: немцы потребовали его отставки и добились ее. Не то чтобы немцы пеклись о Занзибаре. Всего несколько лет спустя, в июле 1890 года, преемник Бисмарка признал британский протекторат над Занзибаром в обмен на передачу немцам острова Гельголанд, лежащего у германского побережья Северного моря. Это действительно была "Монополия" в глобальном масштабе.

Такая история повторялась по всей Африке: вождей обманывали, племена лишались своих земель, наследство передавалось по бумагам со следом большого пальца или кривым крестом, а сопротивление преодолевалось с помощью пулеметов Максима. Народы Африки были покорены один за другим: зулу, матабеле, машона, государства Нигера, Кано, динка и масаи, суданские мусульмане, Бенин и бечуаны. К началу нового столетия раздел был практически завершен. Англичане почти осуществили мечту Сесила Родса о непрерывных владениях от Кейптауна до Каира: их африканская империя тянулась на север от Капской колонии через Наталь, Бечуаналенд (Ботсвану), Южную Родезию (теперь Зимбабве), Северную Роде-

зию (Замбию), Ньясаленд (Малави), а на юг от Египта — через Судан, Уганду и Восточную Африку (Кению). Германская Восточная Африка была единственным недостающим звеном в намеченной цепи Родса. Кроме того, как мы увидели, у немцев были также Юго-Западная Африка (Намибия), Камерун и Того. Правда, у англичан в Западной Африке имелись Гамбия, Сьерра-Леоне, Золотой Берег (Гана) и Нигерия, а также север Сомали. Но их западноафриканские колонии были островками в настоящем море французских, лежащих от Туниса и Алжира на севере, через Мавританию, Сенегал, Французский Судан, Гвинею, Кот-д'Ивуар, Верхнюю Вольту, Дагомею, Нигер, Чад, Французское Конго и Габон. Большая часть Западной Африки находилась в руках французов. Их единственным владением на востоке Африки был Мадагаскар. Помимо Мозамбика и Анголы, Португалия сохранила анклав в Гвинее. Италия приобрела Ливию, Эритрею и большую часть Сомали. Бельгии (точнее, бельгийскому королю) принадлежала обширная центральная часть Конго. А у Испании был Рио-де-Оро (теперь Южное Марокко). Африка почти целиком оказалась в руках европейцев, и львиная ее доля принадлежала Британии.

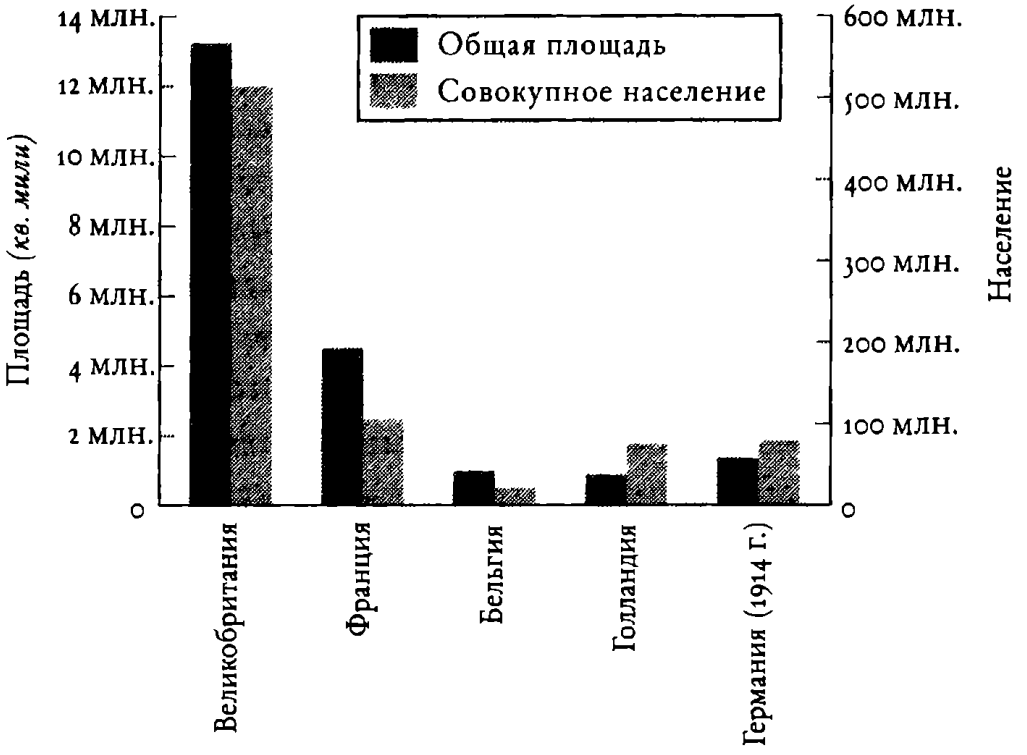
"Еще более великая Британия"

К 1897 году — шестидесятому году правления Виктории — Британская империя стала крупнейшей в истории. В 1860 году площадь ее территории составляла около 9,5 миллиона, к 1909 году — 12,7 миллиона квадратных миль. Теперь она (будучи в три раза больше Французской империи и в десять раз — Германской) занимала приблизительно 25 % мировой суши. Подданные королевы Виктории — около 444 миллионов человек — составляли примерно четверть населения планеты. Мало того, что Британия вышла победителем в "драке за Африку". Она ввязалась в другую "драку" — на Дальнем Востоке. Там империя поглотила северную часть Борнео, юг Малакки,

кусок Новой Гвинеи, не говоря уже о ряде островов в Тихом океане: Фиджи (1874), острова Кука (1880), Новые Гебриды (1887)*, острова Феникс (1889), острова Гилберта и Эллис (1892), Соломоновы острова (1893). Согласно "Сент-Джеймс гэзетт", королева-императрица властвовала над "одним континентом, сотней полуостровов, пятьюстами мысами, тысячей озер, двумя тысячами рек, десятью тысячами островов". Была выпущена почтовая марка с изображением карты мира и подписью: "Мы владеем империей более обширной, чем любая из существовавших прежде". Карты, на которых территория Британской империи была окрашена в ярко-красный цвет, висели во всех школах страны. Неудивительно, что британцы решили, будто имеют данное Богом право править миром. Британская империя была, как отметил журналист Джеймс Луис Гарвин в 1905 году, "державой такого масштаба и великолепия, которые превышают пределы естественного".

Масштаб империи можно оценить не только по атласам и данным переписи населения. Британия была мировым банкиром. К 1914 году ее зарубежные инвестиции оценивались в 3,8 миллиарда фунтов стерлингов, или от двух пятых до половины всех иностранных активов в мире. Это более чем вдвое превышало французские зарубежные инвестиции и в три раза — немецкие. Ни одна другая страна никогда не держала настолько значительную долю своих активов за рубежом. В 1870–1913 годах поток капитала составлял в среднем 4,5 % ВВП, превышая 7 % в 1872, 1890 и 1913 годах. В обеих Америках инвестировали больше британского капитала, привлеченного на фондовом рынке, чем в самой Великобритании. Кроме того, потоки английского капитала были распределены гораздо шире, чем вложения других европейских стран. На Западную Европу приходилось около 6 % британских зарубежных инвестиций, около 45 % — на Соединенные Штаты и "белые" переселенческие колонии, около 20 % — на Латинскую

* Управление Новыми Гебридами осуществлялось совместно с Францией.



Европейские колониальные империи: территория и население (ок. 1939 г.)

Америку, 16 % — на Азию, 13 % — на Африку. Правда, в британские колонии было вложено всего 1,8 миллиарда фунтов, причем почти все — в старые колонии. Новым территориям, приобретенным в ходе "драки за Африку", мало что досталось. Однако значение империи росло. В 1865–1914 годах она привлекала в среднем 38 % портфельных инвестиций. К 90-м годам XIX века ее доля выросла до 44 %. Увеличивалась и доля английского экспорта в остальные части империи — примерно с трети до почти двух пятых в 1902 году.

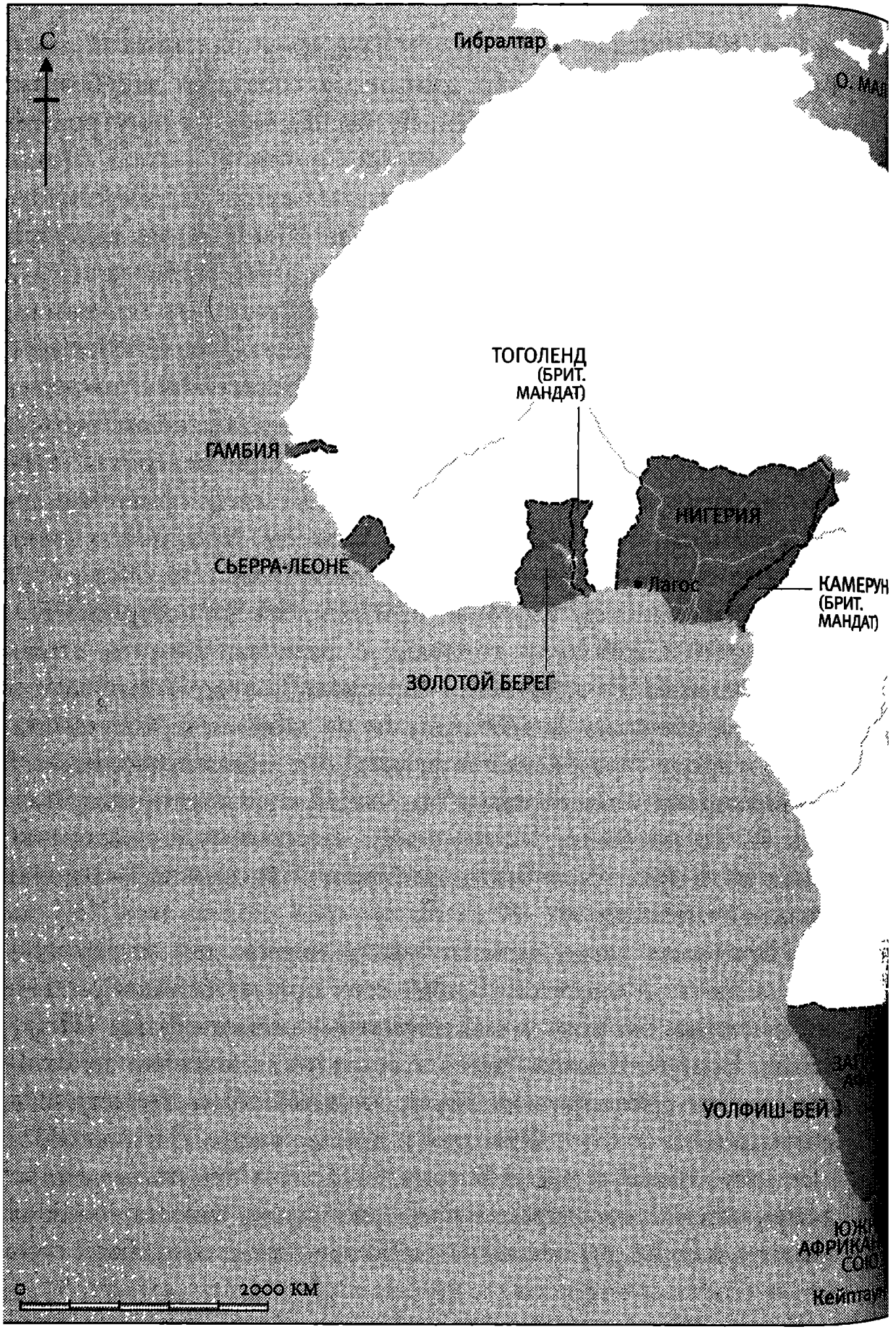
Не вся Британская империя жила под скипетром британского монарха: атласы скрывали действительные границы английского влияния. Например, огромные инвестиции в Латинскую Америку давали Великобритании такое множество рычагов (особенно это касается Аргентины и Бразилии), что было вполне допустимо говорить о некоторых странах как о "неформальных" английских колониях. Можно, конечно, возразить, что для британских инвесторов не было никакого смысла вкладывать капитал в Буэнос-Айрес и Рио-де-Жа-

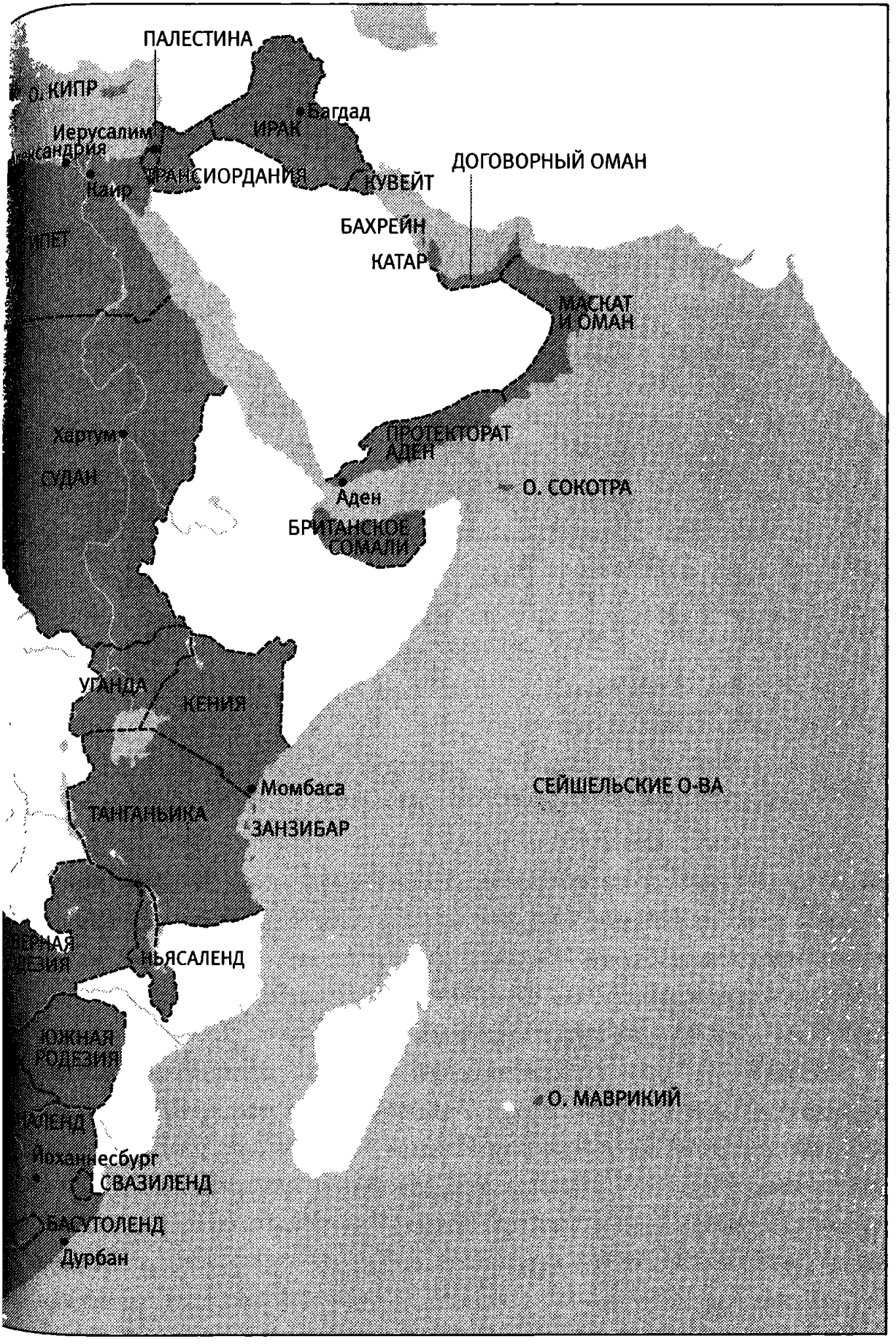
нейро, а следовало модернизировать промышленность самих Британских островов. Но ожидаемая отдача от зарубежных инвестиций была, как правило, выше, чем от внутренних. В любом случае, это не было игрой с нулевой суммой. Новые иностранные инвестиции скоро стали окупаться, так как доходы от зарубежных активов превышали объем оттока капитала: в 1870–1913 годах поступления из-за границы составляли 5,3 % ВВП. При этом нет явных свидетельств того, что британская промышленность до 1914 года испытывала нехватку капитала.

Но британцы расширяли свою неформальную империю не только инвестициями. Коммерция вынудила целые отрасли мировой экономики усвоить принципы фритредерства (вспомним, например, торговые соглашения с латиноамериканскими странами, Турцией, Марокко, Сиамом, Японией и южными островами Тихого океана). К концу XIX века около 60 % объема британской торговли приходилось на неевропейских партнеров. Свободная торговля с развивающимися странами была выгодна Британии. Со своими огромными доходами от зарубежных инвестиций (и не забывая о "невидимых" статьях вроде страхования и фрахта) она могла позволить себе импортировать значительно больше, чем экспортировала сама. Как бы то ни было, соотношение импортных и экспортных цен в 1870–1914 годах было приблизительно на 10 % в пользу Великобритании.

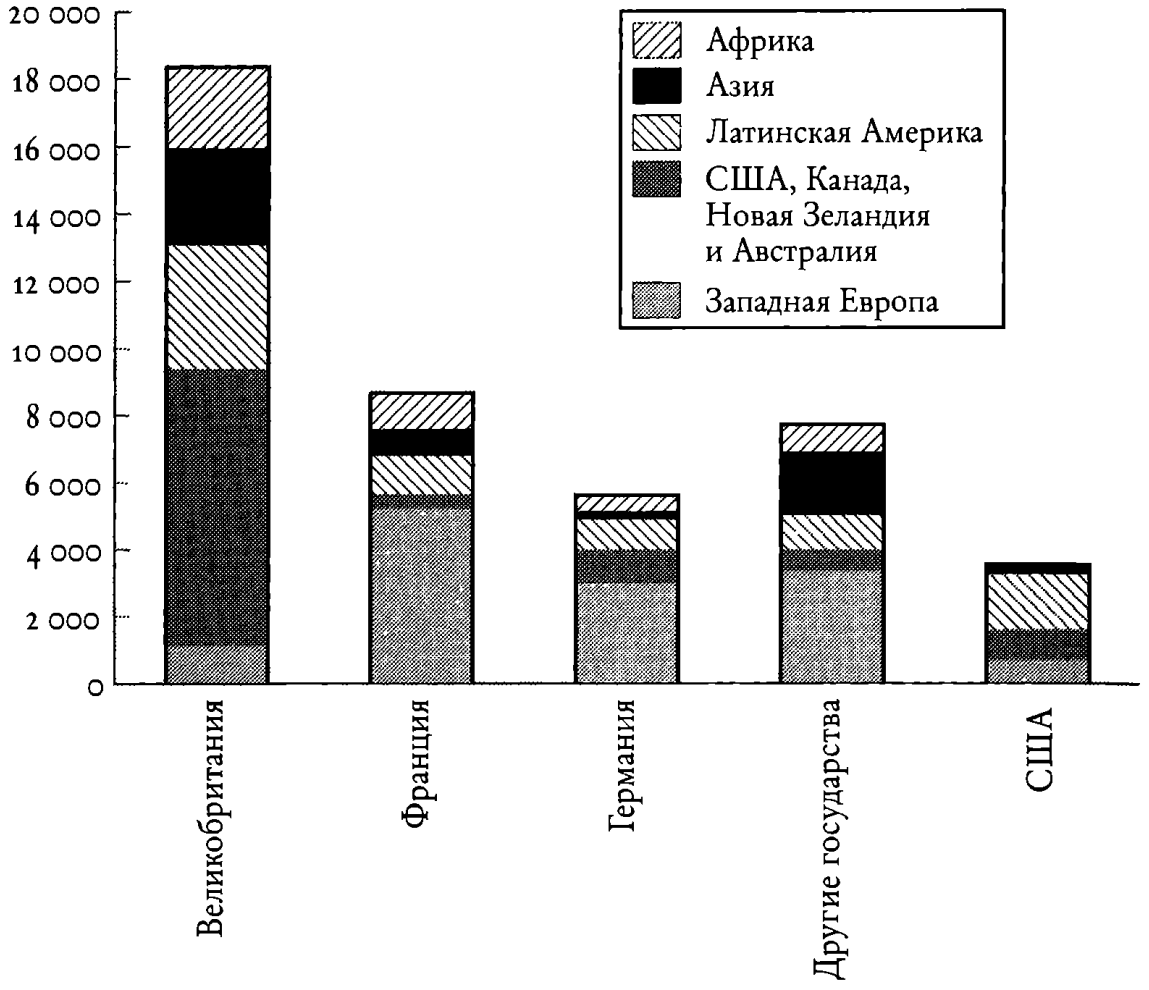
Британия также устанавливала нормы для международной валютной системы. В 1868 году только Великобритания и некоторые экономически зависимые от нее страны (Португалия, Египет, Канада, Чили, Австралия) следовали золотому стандарту, гарантировавшему свободный обмен бумажных ассигнаций на золото. Франция и другие члены Латинского валютного союза*, а также Россия, Персия и некоторые латиноамериканские государства придерживались биметаллической (золото и серебро) системы, а в большинстве остальных стран

* Италия, Бельгия, Швейцария и Греция. — *Прим. ред.*


С
Гибралтар
ТОГОЛЕНД
(БРИТ.
МАНДАТ)
ГАМБИЯ
НИГЕРИЯ
СЬЕРРА-ЛЕОНЕ
Лагос
КАМЕРУН
(БРИТ.
МАНДАТ)
ЗОЛОТОЙ БЕРЕГ
УОЛФИШ-БЕЙ
0
2000 КМ



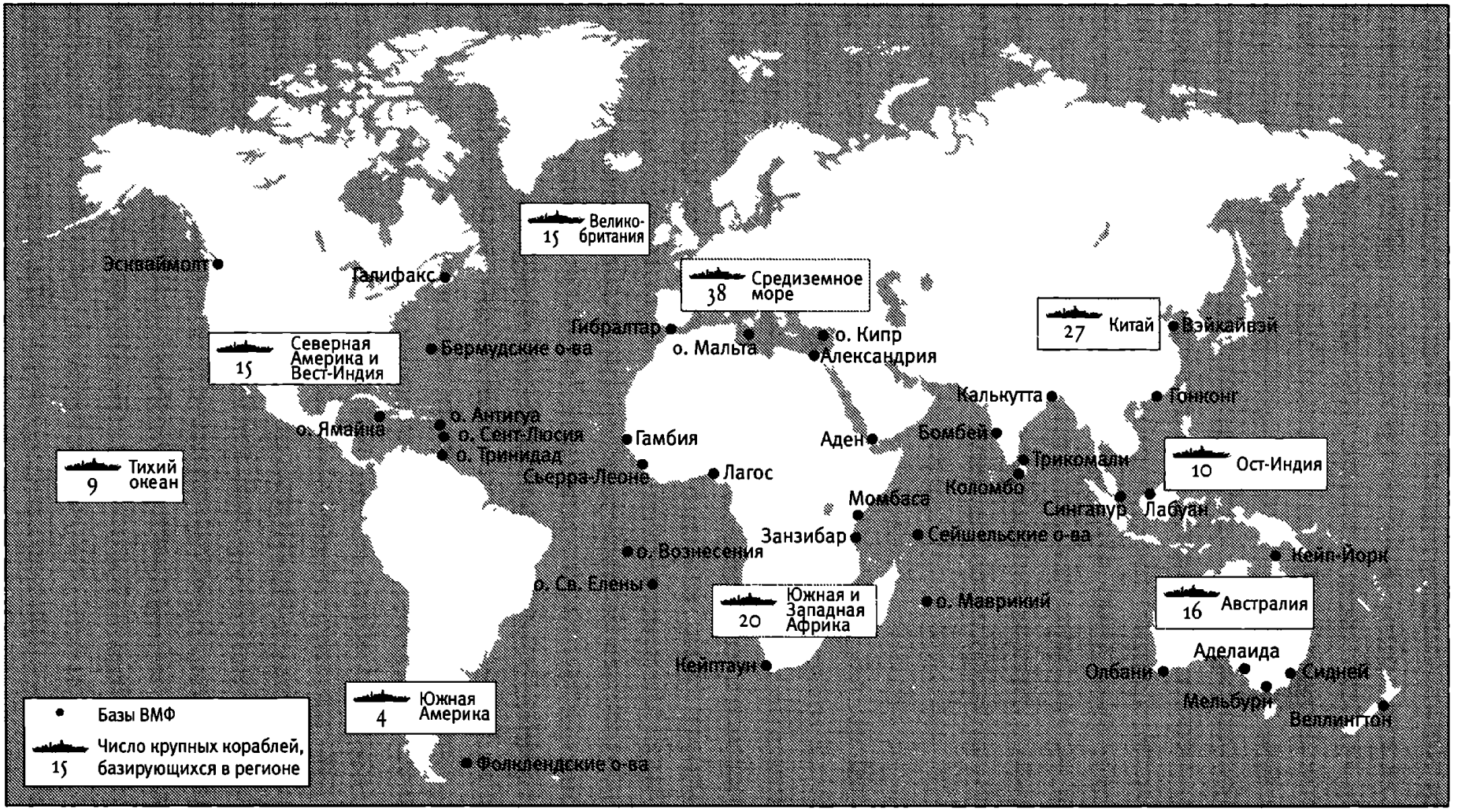
Британские владения в Африке и на Ближнем Востоке (ок. 1939 г.)



Структура зарубежных инвестиций в 1914 году (млн. долл. США)

мира существовал серебряный монометаллизм. К 1908 году, однако, только Китай, Персия и небольшая группа центральноамериканских стран все еще имели дело с серебром. Золотой — стерлинговый! — стандарт фактически стал мировым, хотя и не назывался "стерлинговым".

Возможно, самой замечательной была дешевизна защиты всего этого. В 1898 году в Англии было расквартировано 99 тысяч кадровых военных, в Индии — 75 тысяч, в остальных частях империи — еще 41 тысяча. На флоте служили 100 тысяч человек. Сипаев было еще 148 тысяч. Флот располагал 33 угольными базами по всему миру. Военный бюджет 1898 года составлял немногим более 40 миллионов фунтов стерлингов — всего 2,5 % национального дохода. Этот показатель не намного выше



Военно-морские базы Великобритании (ок. 1898 г.)

доли нынешнего британского оборонного бюджета и гораздо меньше военных затрат во время холодной войны. Причем это бремя не слишком увеличилось, когда Британия смело модернизировала свой флот, создавая "Дредноут" и подобные ему корабли. "Дредноут" с его 12-дюймовыми [304,8 мм] орудиями и революционными турбинами был судном столь совершенным, что его спуск на воду моментально оставил за бортом все существовавшие тогда корабли. В 1906–1913 годах Британия была в состоянии построить 27 таких плавающих крепостей стоимостью 49 миллионов фунтов (это было меньше, чем ежегодные выплаты по государственному долгу). Настоящее мировое господство со скидкой.

■

Англичане знали древнюю историю слишком хорошо, чтобы испытывать самодовольство. Даже на пике могущества они помнили (или им напоминал Киплинг) о судьбе Ниневии и Тира. Многие с беспокойством ожидали упадка и крушения Британской империи — судьбы, постигшей все без исключения империи прошлого. Мэтью Арнольд уже изобразил Британию "утомленным титаном", несущим на натруженных плечах "слишком большой шар своей судьбы". Мог ли титан восстановить силы, удержаться на ногах, мог ли он выстоять? Был человек, который считал: да, мог.

Джон Роберт Сили был сыном издателя-евангелиста, в чьей конторе Миссионерское общество устраивало свои встречи. В меру успешный ученый-классик, Сили прославился в 1865 году своей книгой "Се человек. Обзор жизни и деятельности Иисуса Христа", в которой изложил биографию Христа, тщательно обойдя вопросы сверхъестественного. Четыре года спустя он был избран профессором новой истории в Кембридже и посвятил себя современной дипломатии и изучению биографии прусского реформатора XIX века Генриха Фридри-

ха Карла Штейна. Затем, в 1883 году, к всеобщему удивлению, Сили создал бестселлер — "Расширение Англии". Всего за два года было продано более восьмидесяти тысяч экземпляров. Книга издавалась до 1956 года.

"Расширение Англии" было задумано Сили как история Британской империи с 1688 по 1815 год. Эту книгу и сейчас помнят из-за характеристики империи XVIII века: "Они [англичане] покорили и заселили полсвета, как бы сами не отдавая себе в том отчета". Но именно политический смысл книги захватил воображение читателей Сили. Он признал успехи Британской империи, однако указал на неизбежное сокращение ее территории, если Англия сохранит свое прежнее, "рассеянное", отношение к империализму:

> Не забудем также, что через полстолетия... Россия и Соединенные Штаты превзойдут своим могуществом те государства, которые теперь считаются большими... Разве это не серьезное соображение, особенно для такого государства, как Англия, стоящего на перепутье между двумя дорогами: одна из них может поставить Англию вровень с великими державами грядущей эпохи, другая — низвести ее на степень исключительно европейской державы, обращающей, как теперь Испания, взоры назад в прошлое, когда и она претендовала на роль мировой державы*.

По мнению Сили, Британии пришло время отказаться от непродуманной, беспорядочной экспансии. Она должна использовать в своих интересах два обстоятельства: во-первых, то, что британские подданные в колониях скоро превзойдут численностью население метрополии, а во-вторых, что телеграф и пароходы позволяют им сплотиться как никогда прежде. Только укрепив "еще более великую Британию", империя сможет конкурировать со сверхдержавами будущего.

* Пер. В. Герда. — *Прим. пер.*

Сили не был строителем империи. Он никогда не покидал пределов Европы. Идея книги пришла к нему на каникулах в Швейцарии. Сили, изводимый бессонницей и придирками жены, считался в Кембридже олицетворением педантизма и напыщенности, человеком с "манерами почти неумеренной торжественности", как выразился его современник. Но призыв Сили к укреплению связей между Британией и белыми англоязычными колониями стал сладкой музыкой для ушей империалистов нового поколения. Идея витала в воздухе. Историк Дж. Э. Фроуд в 1886 году после посещения Австралии опубликовал книгу "Океана, или Англия и ее колонии". Четыре года спустя либеральный политический деятель сэр Чарльз Дилк, чья карьера была разрушена скандальным разводом, опубликовал "Проблемы 'еще более великой Британии'". "Еще более великая Британия" — это, вероятно, самое точное выражение того, что имели в виду эти авторы. Как выразился Дилк, цель состоит в том, чтобы "Канада и Австралия стали для нас тем же, что Кент и Корнуолл". Когда идея нашла высокопоставленных сторонников, политика в отношении империи изменилась.

Джозеф Чемберлен был первым английским политиком-империалистом. Бирмингемский фабрикант, заработавший состояние на производстве деревянных винтов, Чемберлен сделал карьеру в Либеральной партии. В итоге он поссорился с Гладстоном по вопросу ирландского гомруля и перешел как "либерал-унионист" на сторону консерваторов. На деле тори никогда не понимали его. Чего можно было ждать от человека, который играл в лаун-теннис в застегнутом на все пуговицы черном сюртуке и цилиндре? Но у них не было лучших средств борьбы с либералами, чем "либеральный унионизм" Чемберлена, скоро превратившийся в "либеральный империализм". Чемберлен с величайшим интересом прочитал "Расширение Англии" Сили. Позднее он утверждал, что это обстоятельство послужило причиной отправки им в Кембридж своего сына Остина. Когда Чемберлен услышал, что Фроуд собирается

посетить Кейптаун, он написал: "Скажите им от моего имени, что они отыщут в Радикальной партии более серьезных империалистов, чем среди самых фанатичных тори".

В августе 1887 года, желая испытать пламенного отступника, Солсбери предложил Чемберлену пересечь Атлантику и стать посредником при заключении между Соединенными Штатами и Канадой соглашения по вопросу о рыболовстве в заливе Святого Лаврентия. Поездка открыла Чемберлену глаза. Он увидел, что в расчете на душу населения канадцы потребляют в пять раз больше британского экспорта, чем американцы, и все же есть много влиятельных канадцев, открыто выступающих за торговый союз с США. Еще не добравшись до Канады, Чемберлен высказался резко против этой идеи: "Коммерческий союз с Соединенными Штатами означает свободную торговлю между Америкой и нашим доминионом* и введение оградительных ввозных пошлин против Британии. Если Канада хочет, она это получит. Но Канаде следует хорошенько уяснить, что [это] означает политическое отделение от Британии". Произнося речь в Торонто, Чемберлен стремился ответить на канадский дрейф страстным обращением "к величию и важности отличия, присущего англосаксонской расе, гордой, стойкой, уверенной в себе и решительной, которую не может поколебать никакое изменение климата или условий".

Вопрос, по словам Чемберлена, заключался в том, лежит ли "интерес истинной демократии" в "распаде империи" либо в "объединении родственных рас со сходными целями". Суть, по его мнению, заключается в "решении великой задачи создания федерального правительства" — того, что канадцы достигли в собственной стране и что должно теперь быть создано для империи в целом. Даже если имперская федерация лишь мечта, заявил Чемберлен, это "великая идея. Она про-

* В 1867 году Канада, Новая Шотландия и Нью-Брансуик были объединены в Единый доминион Канада, к которому постепенно примкнули и другие канадские провинции. С 1907 года статус доминиона был распространен на все самоуправляющиеся колонии белых переселенцев.

буждает патриотизм и интерес к делам государства у каждого, кто любит свою страну. Суждено ли этому намерению осуществиться или нет, по крайней мере, давайте... сделаем все, что в нашей власти, для его реализации". Вернувшись домой, он заявил о своей новой вере в "связи между ветвями англосаксонской расы, которые образуют Британскую империю".

Джозеф Чемберлен желал стать министром по делам колоний. В июне 1895 года он удивил Солсбери, отказавшись от постов и министра внутренних дел и министра финансов и выбрав Министерство по делам колоний. Будучи министром, он неоднократно говорил о своей "вере" в "патриотизм... присущий 'еще более великой Британии'". Если империя остановится, ее обойдут конкуренты. Имперская федерация стала бы шагом вперед, даже если она подразумевала бы компромиссы со стороны и метрополии, и колоний. "Британская империя, — объявил Чемберлен в 1902 году, — основана на жертвенности. Если мы теряем это из виду, то, думаю, можем ожидать, что она канет в забвение, как империи прошлого, которые... явив миру свидетельства своей власти и силы, погибли, не вызывая ни у кого сожалений и оставив после себя летопись, повествующую только об их эгоизме".

Чемберлен не был единственным политиком той эпохи, воспринявшим идеал "еще более великой Британии". Почти так же предан ему был Альфред Милнер, чей "детский сад" (позже воссозданный в Лондоне в виде "Круглого стола")* приблизился к реализации мечты Родса об имперском "иезуитском ордене". Милнер объявил:

> Если я и империалист, то это потому, что английской расе, вследствие ее островного положения и долгого превосходства

Неформальная группа при Милнере, занимавшем пост Верховного комиссара Южной Африки, и его преемнике Уильяме У. Палмере. Группа объединяла молодых чиновников колониальной администрации и политических активистов. Многие из ее членов заняли высокие посты в аппарате управления Британской империи. Идея "Круглого стола" принадлежала Сесилу Родсу. — *Прим. ред.*

> в море, суждено пустить новые корни в отдаленных частях света. Мой патриотизм знает только расовые, но не географические границы. Я — империалист, а не "малый англичанин"*, потому что я — патриот британской расы. Отнюдь не почва Англии... воспитала мой патриотизм, но речь, традиции, духовное наследие, принципы, устремления британской расы.

Эта риторика, заметим, была особенно заразительна для таких аутсайдеров, как Чемберлен и Милнер: им не всегда было просто делить с самодовольными аристократами скамьи членов правительства**.

Конечно, все это предполагало готовность доминионов к изменению отношений с метрополией (которые большинство из них, по зрелом размышлении, предпочло оставить довольно неопределенными, основанными на докладе Дарема). "Белые" колонии не испытывали особенного энтузиазма по поводу "еще более великой Британии". Действительно, они гораздо быстрее, чем англичане, приняли предложения графа Мита о ежегодном праздновании в день рождения королевы (24 мая) Дня империи. Он стал государственным праздником в Канаде в 1901 году, в Австралии в 1905 году, в Новой Зеландии и Южной Африке в 1910 году, но на родине — только в 1916 году. Однако было различие между символикой и сокращением автономии, подразумеваемой идеей империи-федерации. По сути, канадцы были наделены правом устанавливать протекционистские пошлины на британские товары (и делали это с 1879 года). Их примеру вскоре последовали Австралия

* Сторонник Британии без империи и мирового влияния. — *Прим. пер.*

** Радикальные националисты нередко происходили с периферии европейских империй. В этом у движения "еще более великой Британии" было нечто общее с Пангерманской лигой. Милнер вырос в Германии, а Лео Эмери родился в Индии в семье венгерских евреев (хотя он держал это в секрете). Другой относительный аутсайдер, Джон Бакен, также принадлежал к этому кругу. Идея "еще более великой Британии" нигде не подана столь же привлекательно, как в его романах.

и Новая Зеландия. Было очень маловероятно, что эти барьеры сохранились бы в империи-федерации. Другой брешью в аргументации ее сторонников была Индия, роль которой в преимущественно белой "еще более великой Британии" была совсем не ясна*. Еще большие затруднения вызывал ирландский вопрос.

Ирландия, первая из всех переселенческих колоний, последней получила то, что другие "белые" колонии к 80-м годам XIX века считали само собой разумеющимся, — ответственное правительство. Причин тому было три. Во-первых, большинство ирландцев, пусть и безупречно светлокожих, было католиками, а это делало их в глазах многих англичан несколько ниже в расовом отношении, как если бы они были черны как уголь. Во-вторых, меньшинство ирландцев (особенно потомки тех, кто переселился на остров в XVII веке) всему предпочитало условия Акта об унии (1800), согласно которому Ирландией, неотъемлемой частью Соединенного Королевства, управлял Вестминстер. В-третьих (это была главная причина), такие, как Чемберлен, были уверены, что если позволить Ирландии иметь собственный парламент (который у нее был до 1800 года и которые теперь имели "белые" колонии), это подорвет целостность империи. Вот главная причина провала попыток Гладстона предоставить Ирландии гомруль.

Конечно, были еще радикальные ирландские националисты, которых никогда не удовлетворила бы передача небольшой части полномочий, предусматриваемой Гладстоном в двух биллях о гомруле (1885, 1893). В 1867 году фении попытались поднять восстание. Несмотря на неудачу, они оказались в состоянии вести террористическую деятельность. В 1882 году

* Индия ставила в тупик Чемберлена. Она казалось ему, как он написал в 1897 году, "располагающейся между дьяволом и глубоким морем: с одной стороны самая серьезная опасность от внешних врагов и внутренних волнений, пока нет полной готовности к этому, с другой — перспектива самых серьезных финансовых трудностей". Человек, которому тем сильнее нравились иностранные города, чем больше они напоминали Бирмингем, вряд ли был бы очарован Калькуттой.

члены группы "Непобедимые", отколовшейся от фениев, убили в дублинском Феникс-парке лорда Фредерика Кавендиша, секретаря по делам Ирландии, и его заместителя Томаса Генри Берка. Неудивительно, что ирландцы прибегли к насилию, чтобы избавиться от английского владычества. Прямое управление Вестминстера, несомненно, усугубило катастрофу середины 40-х годов XIX века, когда от голода и болезней погибло более миллиона человек. Возможно, картофель погубила *phytophthora infestans*, но именно догматическая политика *laissez-faire* британских администраторов в Ирландии превратила неурожай в настоящий голод. И все же сторонники насилия всегда составляли незначительное меньшинство. Большинство гомрулеров вроде Айзека Батта, основателя Ассоциации самоуправления Ирландии, не стремилось ни к чему большему, чем та степень свободы, которой в то время обладали канадцы и австралийцы*. Он, а также Чарльз С. Парнелл, наиболее харизматический лидер движения, были не просто ирландцами, воспринявшими английский язык и культуру. Они были и добрыми протестантами. Если бы репутация Парнелла не была уничтожена скандалом из-за его связи с Китти О'Ши, он стал бы превосходным колониальным премьер-министром, без сомнения, столь же рьяно защищающим интересы Ирландии, как это делали канадские премьер-министры, но едва ли стал бы проводником влияния папы римского**.

Провал обоих биллей о гомруле свидетельствовал о возвращении либеральных унионистов и консерваторов к недальновидной политике 70-х годов XVIII века, когда их предшественники в парламенте отказались от передачи прав американским

* Гладстон выразился так: "Канада получила гомруль не потому, что была лояльной и дружественной. Она стала лояльной и дружественной потому, что получила гомруль". Это было вполне справедливо, но либерал-унионисты остались глухи к его доводам.

** Как это ни парадоксально, было немного оплотов унионизма прочнее, чем Канада. Уже в 1870 году в Онтарио насчитывалось девятьсот лож Оранжевого ордена, обязующихся "сопротивляться всем попыткам... расчленения Британской империи".

колонистам. Но как "еще более великая Британия" может стать реальностью, если Ирландии, первой из поселенческих колоний, нельзя доверить даже парламент? Это было противоречием между унионистами и новым, "конструктивным", империализмом, с точки зрения которого Чемберлен и его сторонники выглядели слепцами. Правда, Чемберлен подумывал о том, чтобы дать Британским островам федеральную конституцию в американском духе, позволив Ирландии, Шотландии и Уэльсу иметь собственные законодательные органы и оставив имперские связи Вестминстеру. Вряд ли, однако, он рассматривал эти планы всерьез. Учитывая сравнительное безразличие Чемберлена к Ирландии, напрашивается мысль, что его желание "провалить" гомруль объяснялось преимущественно тем, что Гладстон эту идею поддерживал. Унионисты, по словам независимого консерватора лорда Рэндолфа Черчилля, считали, что ирландский гомруль "вонзит нож в сердце Британской империи". На деле именно непредоставление до 1914 года гомруля вонзило нож в сердце Ирландии, поскольку к тому времени дошло до вооруженного сопротивления.

Ни одно из перечисленных обстоятельств не снизило привлекательность "еще более великой Британии" для самой Великобритании. Отчасти это было обусловлено узким экономическим интересом избирателей. Для Чемберлена, бывшего промышленника, империя означала в первую очередь внешние рынки и рабочие места. В этом его опередил Солсбери, в 1889 году попросивший свою аудиторию в Лаймхаузе "представить, чем был бы Лондон без империи... толпами без работы, без индустриальной жизни, погруженными в страдания и распад". Чемберлен расширил экономическое обоснование. Выступая в 1896 году перед Бирмингемской торговой палатой, он заявил:

> Министерство иностранных дел и Министерство по делам колоний заняты главным образом открытием новых рынков и защитой старых. Военное и военно-морское министерства

> по большей части занимаются приготовлениями к защите этих рынков и нашей торговли... Поэтому не будет большим преувеличением сказать, что торговля является самым большим из всех политических интересов и что более всего заслуживает одобрения народа то правительство, которое делает как можно больше для того, чтобы расширить нашу торговлю и поставить ее на прочную основу.

Для Чемберлена было очевидно, что "значительная доля населения зависит... от товарного обмена с нашими соотечественниками в колониях". Следовательно, все эти люди — империалисты.

Однако действительно ли империя была экономически выгодной для британских избирателей? Это далеко не бесспорно. Большинство тех, чьи сбережения (если у них таковые имелись) инвестировались в британские правительственные облигации с помощью сберегательных банков и других финансовых посредников, не получало от зарубежных инвестиций ничего. В то же время расходы на защиту империи, пусть не чрезмерно высокие, несли прежде всего английские налогоплательщики, а не налогоплательщики в белых переселенческих колониях. Можно спорить о том, являлись ли основными бенефициарами империи в это время эмигрировавшие в доминионы британские подданные: их, как мы видели, было очень много. Около двух с половиной миллионов англичан эмигрировали в империю в 1900–1914 годах (три четверти в Канаду, Австралию и Новую Зеландию). В большинстве случаев эмиграция существенно увеличивала их доходы и уменьшала налоговое бремя.

■

Империализм не обязательно должен был покупать популярность. Идея империи была *захватывающей.*

За время правления королевы Виктории британцы предприняли 72 военные кампании, то есть в эпоху *Pax Britannica* более одной ежегодно. В отличие от войн XX века в этих конфликтах участвовало сравнительно немного людей. Солдаты в викторианскую эпоху составляли в среднем 0,8 % населения, причем на военную службу привлекалось непропорционально много людей с кельтской периферии или из городского люмпенизированного слоя. Все же те, кто жил вдали от линии фронта и слышал выстрелы разве что на охоте, жаждали рассказов о боевых подвигах. Нельзя недооценивать важность империи как источника развлечения — явного психологического удовлетворения.

Опасность грозила буквально отовсюду. С пера Джорджа Э. Генти — продукта Вестминстера, Гонвилля и Киза, Крыма и Магдалы — лились бесчисленные романы с названиями вроде "Благодаря лишь мужеству". Прежде всего, Генти был бездарным автором исторических романов, но его откровенно империалистические книги вдохновлялись недавними и не слишком военными кампаниями: "С Клайвом в Индии" (1884), "С Буллером в Натале" (1901), "С Китченером в Судане" (1903). Они были чрезвычайно популярны: к 50-м годам XX века общий тираж романов Генти достиг 25 миллионов экземпляров. Почти столь же мощным был поток стихов на имперскую тему. Это была эпоха "возвышенной декламации", в диапазоне от талантливых стихов Теннисона до тривиальных Альфреда Остина и У. Э. Хенли: эра, когда каждый второй человек был рифмоплетом, не способным найти к "Виктории" иную рифму, кроме *glory*, славы.

Иконография империи была не менее пошлой. Она варьировалась от романтизированных батальных сцен кисти леди Батлер, демонстрирующихся в грандиозных новых музеях, до китчевой рекламы товаров повседневного спроса. Изготовители мыла Пирса особенно любили напоминать об империи:

Первый шаг к облегчению
бремени белого человека —
это приобщение к чистоплотности.
Мыло Пирса —
это мощный фактор просвещения темных углов Земли
и прогресса цивилизации... Это — идеальное туалетное мыло.

Таким образом, этот замечательный продукт был, как уверяли публику, "формулой британской победы": его появление в тропиках ознаменовало "рождение цивилизации". Другие торговцы подхватили этот клич. Пилюли Паркинсона, покрытые сахаром, были "Великим достоянием Британии". Маршрут, которым следовал лорд Робертс во время войны с бурами (из Кимберли в Блумфонтейн), объясняет название бульонных кубиков "Боврил". "Мы собираемся использовать [отбеливатель] 'Хлоринол', — гласила реклама, появившаяся перед 1914 годом, — и стать как *энтот* белый негр*".

Империя поставляла материал и мюзик-холлам. Их нередко называют самым важным институтом пропаганды викторианского джингоизма. Само это слово было выдумано Дж. У. Хантом, песня которого "Бай джинго" была исполнена во время Восточного кризиса 1877–1878 годов артистом мюзик-холла Г. Х. Макдермоттом**. Существовали бесчисленные вариации на тему героического "Томми"***. Одной строфы будет, вероятно, достаточно:

На коралловом берегу Индии
Проливает он свою кровь, или в Судане,
Чтобы реял наш флаг, он сражается и умирает,
Каждым дюймом своего тела солдат и мужчина.

* Реклама изображает троих темнокожих детей, один из которых стал белым благодаря "Хлоринолу", а остальные собираются последовать его примеру. — *Прим. пер.*

** Джинго — окказиональный эвфемизм, обозначающий Иисуса Христа, Восточный кризис — Русско-турецкая война. — *Прим. пер.*

*** Известное стихотворение Киплинга. — *Прим. пер.*

Связь между этим видом развлечения и большими имперскими выставками того периода была тесной. Предназначенное некогда для внешнеполитических и образовательных целей (образцом была Большая выставка 1851 года, устроенная принцем Альбертом), к 80-м годам проходило скорее по ведомству пропаганды и развлечений. В частности, феерии импресарио Имре Киральфи — "Индийская империя" (1895), "Еще более великая Британия" (1899) и "Имперский интернационал" (1909) — устраивались ради денег. Они "торговали" экзотикой: зулусские воины были главным хитом на выставке 1899 года. Империя стала походить на цирк.

Но успехом на родине имперская идея обязана в первую очередь прессе. Вероятно, никто не знал лучше Альфреда Хармсворта, с 1905 года лорда Нортклифа, как удовлетворить общественный аппетит на громкие истории. Хармсворт, родом из Дублина, изучил свое ремесло в новаторском издании "Иллюстрейтед Лондон ньюс" и заработал целое состояние. Иллюстрации, крупные заголовки, подарки от фирмы и материалы с продолжением сделали сначала "Ивнинг ньюс", а после "Дейли мейл" и "Дейли миррор" непреодолимо привлекательными для нового сорта читателей, принадлежащих к мелкой буржуазии (как для мужчин, так и для женщин). Нортклифф быстро открыл ценовую эластичность спроса на газеты, снизив цену "Таймс" после ее приобретения в 1908 году. Но успех газетам Нортклифа обеспечило прежде всего содержание статей. То, что "Дейли мейл" впервые продала более миллиона экземпляров в 1899 году, во время войны с бурами, не было случайностью. Один из ее редакторов так ответил на вопрос, что позволяет продавать газету:

> Первый ответ — война. Она не только поставляет новости, но рождает спрос на них. Войне и всему, что к ней относится, так глубоко присуще свойство завораживать, что... газете нужно только написать "Большое сражение!", и ее продажи тотчас вырастут.

Другой сотрудник Нортклифа оценил "глубину и объем общественного интереса к имперским вопросам" как "одну из великих сил, почти неиспользованную прессой". "Если Киплинга можно назвать голосом империи в английской литературе, — прибавил он, — то о нас ["Дейли мейл"] можно сказать, что мы являемся голосом империи в лондонской журналистике". Рецепт Нортклифа был прост: "Британский народ получает удовольствие от Героя и от Ненависти".

С самого начала газеты Нортклифа тяготели к правым политикам. Но империю можно было поддерживать и слева. Уильям Т. Стид (унаследовал "Пэлл-Мэлл гэзетт" от Джона Морли, горячего сторонника Гладстона, и основал "Ревю оф ревюс") описал себя так: "Империалист плюс десять заповедей и здравый смысл". У Стида было множество увлечений. Его внимание привлекали мирная конференция в Гааге в 1899 году, проект единой европейской валюты, борьба с "белой работорговлей" (в переводе с викторианского — проституцией), но в первую очередь — идея "всемирного прогресса", немыслимого без Британской империи. В глазах таких людей, как Стид, империя была выше партийной политики.

Имперская литература также не делала скидку на возраст; среди ее самых преданных читателей были школьники, поколения которых были воспитаны газетой "Бойз оун пейпер", основанной в 1879 году обществом "Религиозный путь". Наряду со своей сестрицей "Герлз оун пейпер" "Бойз..." печаталась тиражом более полумиллиона экземпляров. Она предлагала юным читателям невероятные приключения в экзотических местах на границах империи. Некоторым, правда, эти издания казались недостаточно откровенными: в октябре 1900 года открылся еженедельник "Бойз оун эмпайр", печатавший статьи под заголовками наподобие "Как стать сильным?", "Герои империи" и "Где воспитываются юные львы: Австралия и ее школы". Последнюю из них можно считать довольно репрезентативной по тону и идеям:

> Проблема туземцев в Австралии никогда не стояла остро... Аборигены были вытеснены и быстро вымирают... Австралийские школы не являются наполовину черными и наполовину белыми, поэтому выражение "шахматная доска" не услышишь ни в одной из столовых австралийской школы, как это случилось по крайней мере в одном колледже древних университетов Оксфорда и Кембриджа.

В том же самом номере еженедельник объявил конкурс, проводимый Лигой имперских мальчиков*:

> Бесплатное путешествие на ферму на Западе... ежегодно двоим мальчикам, которые получат самые высокие оценки на экзаменах.
> Призы включают БЕСПЛАТНОЕ СНАРЯЖЕНИЕ, БЕСПЛАТНЫЙ ПРОЕЗД И БЕСПЛАТНОЕ РАЗМЕЩЕНИЕ у избранного фермера в Северо-Западной Канаде.

Герои "поп-империализма" и многие из его потребителей не были людьми из народа. Чаще они они бывали представителями элиты, получившими образование в британских закрытых школах. Там могли учиться максимум двадцать тысяч учеников в году — немногим более 1 % мальчиков в возрасте 15–19 лет (1901). Все же представляется, что мальчики, оставшиеся вне этой системы, не испытывали трудностей в отождествлении с героями этих вымышленных приключений. Бесчисленные авторы этого чтива ясно дают понять: быть способным на героизм во имя империи учат не в классной комнате, а на игровых площадках.

С этой точки зрения Британская империя в 90-х годах напоминала не что иное, как огромный спорткомплекс. Охота оставалась любимым видом отдыха высших сословий. Правда, теперь она велась как война на уничтожение против дичи, а

* Девиз: "Много стран, одна империя". В 1900 году лига насчитывала семь тысяч членов.

трофеи возрастали по экспоненте от шотландских торфяников к индийским джунглям*. Так, добыча вице-короля Индии лорда Минто и его свиты в 1906 году составила: 3999 рябков, 2827 других диких птиц, пятьдесят медведей, четырнадцать кабанов, двух тигров, пуму и гиену. Охота была коммерциализирована, превратившись в некоторых колониях в род вооруженного туризма. Привлечение состоятельных туристов в Восточную Африку казалось лорду Деламеру единственным способом спасти совершенно неприбыльную железную дорогу Момбаса — Уганда.

Однако именно командные игры внесли самый большой вклад в претворение в жизнь идеала "еще более великой Британии". Соккер, игра джентльменов, в которую играют хулиганы, была, конечно, главной статьей экспорта такого рода. Но футбол всегда был неразборчивым видом спорта, открытым всем, от политически подозрительного рабочего класса до даже более подозрительных немцев; фактически для всех, кроме американцев. Если какой-нибудь спорт действительно выразил дух "еще более великой Британии", то это регби — игра для хулиганов, в которую играют джентльмены. Регби — командный спорт, требующий большой физической силы — стремительно распространялось от Кейптауна до Канберры. Уже в 1905 году команда "Олл блэкс" из Новой Зеландии совершила первое турне по империи, победив все местные команды, кроме уэльской (одолевшей их с первой попытки). Они, вероятно, продолжили бы побеждать "белые" колонии, за исключением Южной Африки, если бы не запрет, введенный на выступления игроков-маори.

Крикет с его ритмом, командным духом и героическим соло у линии подачи преодолел расовые барьеры, распространившись не только в переселенческих колониях, но и в Индии

* Керзон считал убийство тигров самой большой привилегией вице-короля, и находил особенно сильное удовольствие в том, чтобы фотографироваться, сидя на своих жертвах. Он, затаив дыхание, описывал охоту на тигра своему отцу: "Можно услышать удары своего сердца, когда он подходит, невидимый, листья шуршат под его лапами, и вот он внезапно появляется, иногда медленно, иногда на полном галопе, иногда с сердитым ревом".

и британских владениях в Карибском море. В империи в крикет играли с начала XVIII века, но именно в конце XIX века он стал наиболее важной имперской игрой. В 1873–1874 годах английский титан крикета У. Г. Грейс привез в Австралию смешанную команду любителей и профессионалов, легко выиграв пятнадцать трехдневных иннингов. Но когда профессиональная команда "XI" вернулась, чтобы принять участие в первом международном матче в Мельбурне в марте 1877 года, австралийцы выиграли за 45 пробежек. Хуже дело обстояло, когда австралийцы вышли на Овал[*] в 1882 году, одержав победу, которая вдохновила автора знаменитого некролога в "Спортинг таймс": "Светлой памяти английского крикета, который умер в Овале 29 августа 1882 года, оплакиваемый друзьями и знакомыми. Покойся с миром. *N. B.*: Тело будет кремировано, пепел отправится в Австралию".

В течение многих последующих лет английская привычка проигрывать колониальным командам помогла бы скрепить "еще более великую Британию". Имперская конференция крикета собралась в 1909 году, чтобы согласовать правила игры, и они были столь же важны для формирования коллективной имперской идентичности, как то, что написал Сили или сказал Чемберлен.

Возможно, самым типичным продуктом "игрового" империализма был Роберт Стивенсон Смит Баден-Пауэлл — для друзей Стифи. Баден-Пауэлл неуклонно шел от спортивного успеха в Чартерхаузе, где он был капитаном "Первых-XI" (соккер), к военной карьере в Индии, Афганистане и Африке. Именно он, как мы увидим, открыто уподоблял самую известную осаду той эпохи крикетному матчу. И именно он дал кодекс позднеимперского идеала в предписаниях основанного им движения бойскаутов (другой предмет успешного экспорта), стремящегося воплотить дух товарищества, присущий командным играм:

[*] Знаменитое поле в Кеннингтоне, на котором происходят финальные матчи. — *Прим. пер.*

> Все мы — англичане, и обязанность каждого из нас играть на своем месте и помогать соседям. Тогда мы останемся сильными, едиными и не будем бояться, что все здание — а именно наша великая империя — рухнет из-за гнилых кирпичей в стене... "Сначала о стране, потом о себе", — вот каким должен быть ваш девиз.

Что это означало на практике, ясно из списка лучших учеников школы, в которой учился Баден-Пауэлл. Стены крытой аркады в Чартерхаусе увешаны мемориальными досками полузабытых военных кампаний, от Афганистана до Омдурмана, перечисляющими имена сотен выпускников Чартерхауса, которые следовали девизу "держи, держи, держи игру"* и заплатили за это своими жизнями.

■

А что происходило на другой половине поля? Если британцы были, как верили Чемберлен и Милнер, главной расой, с богоданным правом править миром, то из этого, по-видимому, следует, что те, против кого они играли, были прирожденными подчиненными. Разве не такой вывод сделала наука, которая все чаще расценивалась как окончательный авторитет в подобных вопросах?

В 1863 году в Ньюкасле доктор Джеймс Хант встревожил аудиторию на встрече Британской ассоциации содействия распространению науки, заявив, что "негры" являются отдельным видом человека, средним между обезьяной и "европейским человеком". С точки зрения Ханта, "негр" "очеловечился, в силу естественных причин подчиняясь европейцу". Однако Хант с сожалением заключил, что "европейская цивилизация

* Рефрен стихотворения Генри Ньюболта *Vitae Lampada* [Факел жизни] (1897), классического описания школьного крикета как формы военного воспитания. Ньюболт был выпускником Клифтона.

не подходит для потребностей и характера негров". Согласно одному свидетелю, африканскому путешественнику Винвуду Риду, лекция Ханта получила ужасный прием. Его ошикали. И все же в те времена такие представления стали расхожими. Под влиянием искаженных до неузнаваемости трудов Дарвина псевдоученые XIX века разделили человечество на расы на основе их внешнего вида. Англосаксы были, разумеется, наверху, а африканцы — внизу. Работа Джорджа Комба, автора "Системы френологии" (1825), была типична в двух отношениях — в уничижительном тоне и в мошенническом способе объяснения: "Когда мы оцениваем различные уголки земного шара [так пишет Комб], мы поражаемся чрезвычайному несходству навыков различных людей, населяющих их... История Африки (если можно сказать, что у Африки была история)... демонстрирует только непрерывное зрелище морального и интеллектуального опустошения... Негр легко возбудим, в самой высокой степени восприимчив ко всем страстям... Для негра свойственно естественное состояние удовольствия, если устранены боль и голод. Как только тяжелый труд на мгновение приостанавливается, он поет, хватает скрипицу, танцует".

Объяснение этой отсталости, согласно Комбу, заключается в специфической форме "черепа негра": "органы Почитания, Удивления и Надежды... значительны по размеру. Самый большой недостаток — в Добросовестности, Осторожности, Идеальности и Рассудительности". Такие идеи получили успех. Идея неискоренимого "расового инстинкта" стала главным продуктом литературы в конце XIX — начале XX веков, как в рассказе Корнелии Сорабджи об образованной индийской женщине-враче, которая по своей воле (и с печальными последствиями) проходит испытание огнем во время языческого обряда, или описание леди Мэри Энн Баркер, как ее зулусская нянька вернулась к дикому состоянию, возвратившись в свою деревню, или рассказ Сомерсета Моэма "Заводь", в котором несчастный бизнесмен из Абер-

дина тщетно пытается вестернизировать свою невесту, наполовину самоанку.

Френология была одной из многих псевдонаук, узаконивших предположения о расовых различиях, в которых долго были уверены белые колонисты. Еще более коварным ядом оказалась евгеника, поскольку она была интеллектуально строже. Математик Фрэнсис Гальтон в своей книге "Наследственный гений" (1869) развивал идеи, что врожденные способности "человека наследуются", что "из двух видов животных, равных в других отношениях, уверенно преобладать в борьбе за существование будет умный" и что на шкале интеллекта рас, имеющей шестнадцать пунктов, негры стоят на два пункта ниже англичан*. Гальтон стремился подтвердить теорию, сравнивая фотографии, чтобы выявить типы преступников и других дегенератов. Систематически взялся за дело Карл Пирсон, тоже математик, получивший образование в Кембридже. В 1911 году он занял первую профессорскую кафедру евгеники, учрежденную Гальтоном в Лондонском университетском колледже. Блестящий математик, Пирсон был убежден, что его статистические методы (которые он назвал биометрией) могут использоваться, чтобы продемонстрировать опасность, которую представляет для империи расовое вырождение. Проблема состояла в том, что забота об улучшении благосостояния и здравоохранения в метрополии вмешивалась в процесс естественного отбора, позволяя "низшим" выживать и "умножать свою неприспособленность". "Право на жизнь не означает право каждого продолжать свой род, — рассуждал Пирсон в книге "Дарвинизм, прогресс в медицине и происхождение" (1912). — По мере того, как мы снижаем строгость естественного отбора, выживает все больше слабых и никчемных, а мы должны повышать стандарт происхождения, умственный и физический".

Однако была альтернатива вмешательству государства в репродуктивный отбор — война. Для Пирсона, как и для многих

* Шотландец с равнины незначительно превосходил англичанина. На вершине были древние афиняне.

других социальных дарвинистов, жизнь была борьбой, и война была чем-то большим, нежели игра: это была форма естественного отбора. Как он выразился, "национальное развитие зависит от расовой пригодности, и высшим испытанием этой пригодности является война. Когда войны прекратятся, человечество больше не будет развиваться, поскольку не будет ничего, что препятствовало бы низшей массе".

Само собой разумеется, это делало пацифизм особенно порочным убеждением. Но, к счастью, империя постоянно расширялась, и не было нехватки в маленьких победоносных войнах, которые будут вестись против низшего в расовом отношении противника. Британцам было приятно думать, что, уничтожая его при помощи пулемета Максима, они оказывают услугу человечеству.

Но следует отметить одну странность. Социал-дарвинисты, волновавшиеся, что низший в расовом отношении люмпенизированный слой плодится слишком быстро, довольно мало говорили о репродуктивных подвигах тех, которые, как они считали, стояли наверху эволюционной шкалы. В отсутствие древних афинян первенство среди видов, по логике вещей, должно было принадлежать английским офицерам, в которых объединились превосходное происхождение и неуклонение от естественного отбора. Литература этого периода переполнена подобными типажами. Лео Винцей в романе "Она" Генри Райдера Хаггарда, щедрый, храбрый и не чрезмерно сообразительный, которого "в двадцать один год можно было принять за статую юного Аполлона", или лорд Рокстон из "Затерянного мира" Артура Конан Дойла с его "странными, мерцающими, дерзкими глазами, сияющими холодной голубизной, цветом ледяного озера", не говоря уже про "нос с горбинкой, худые, впалые щеки, темно-рыжие волосы, редеющие на макушке, жесткие, мужественные усы, маленькую, энергичную бородку под выдающимся вперед подбородком. Он выражал собой сущность английского джентльмена — сильный, живой, страстно любящий собак и лошадей. Его

кожа от постоянного воздействия солнца и ветра приобрела интенсивно красный оттенок, как у цветочного горшка. Его брови, мохнатые и низко нависшие, придавали его от природы холодным глазам почти свирепое выражение, которое подчеркивалось изборожденным морщинами лбом. Телом он был худощав, но имел крепкое сложение. В самом деле, нередко можно было убедиться, что немного найдется в Англии мужчин, способных переносить постоянные тяготы". Такие мужчины действительно существовали. Но удивительно, что большая часть из них внесла лишь малый вклад (если вообще внесла его) в воспроизводство расы, примерами коей они являлись, — по той простой причине, что они были гомосексуалистами.

Здесь следует провести четкое различие между мужчинами, воспитание и жизнь которых в учреждениях, где они находились в окружении почти исключительно мужчин, склонили их к гомоэротизму и обрекли на трудности в общении с девушками, и теми, кто был истинным гомосексуалистом. К первой категории, вероятно, принадлежали Родс, Баден-Пауэлл и Китченер (о нем расскажем подробнее). К последней категории определенно относился Гектор Макдональд.

Как и отношения Родса с его личным секретарем Невиллом Пикерингом, страстная привязанность Баден-Пауэлла к Кеннету Макларену (офицеру, служившему с ним в 13-м гусарском) почти наверняка обошлась без физической близости. То же самое, несомненно, можно сказать о дружбе Китченера с его помощником Освальдом Фицджеральдом, его постоянным компаньоном в течение девяти лет. Каждый из этих людей, столь мужественных на публике, мог быть необычайно женственным в частной жизни. Китченер, например, делил со своей сестрой Милли любовь к изящным тканям, цветам и тонкому фарфору и в ходе кампаний в пустыне находил время на то, чтобы обсуждать с ней в письмах декорирование интерьера. Но этого, в соединении с обрывками злонамеренных сплетен в барах, едва ли достаточно, чтобы

назвать его геем. Все трое выказывали явные признаки почти сверхчеловеческого подавления — явление, по-видимому, непостижимое для ума начала XXI века, но обязательное как элемент викторианского сверхконтроля. Нянька Китченера, несомненно не бывшая великой фрейдисткой, однажды посетовала: "Я боюсь, что Герберт будет очень страдать от подавления". Она сказала это после того, как он скрыл рану от своей матери. Нед Сесил также попал в десятку, когда заметил, что Китченер "ненавидел любую форму моральной или умственной развязности".

Макдональд представлял совершенно иной случай. Сын арендатора из Россшира, он необычайно быстро поднялся по служебной лестнице, начав карьеру в качестве рядового в полку Гордона и окончив ее генерал-майором и рыцарем. С самого начала получая отличия за свое безрассудство, в частной жизни Макдональд вел себя столь же безрассудно. Хотя он женился и имел ребенка, он сделал это тайно и после свадьбы видел свою жену не больше четырех раз. При этом, будучи за границей, он стал известен своей склонностью к гомосексуальным приключениям и был в конце концов пойман *in flagrante** с четырьмя мальчиками в купе цейлонской железной дороги. Поздневикторианская Британия становилась все более ханжеской, законы против гомосексуализма проводились в жизнь строжайшим образом — а вот империя предлагала таким гомосексуалистам, как "Боевой Мак", безграничные эротические возможности. Другой пример — Кеннет Сирайт. До того как уехать из Англии в возрасте двадцати шести лет, он имел только трех сексуальных партнеров, зато, будучи в Индии, он обнаружил для себя весьма широкое поле деятельности и подробно описал свои многочисленные похождения в стихах.

* На месте преступления. — *Прим. пер.*

Массовое убийство

То, что случилось в Судане 2 сентября 1898 года, было зенитом поздневикторианского империализма, апогеем поколения, которое расценило мировое господство как расовую прерогативу. В сражении при Омдурмане племена пустыни противостояли мощи самой большой империи в истории — поскольку это была официальная кампания, в отличие от прежних и частным образом финансированных войн, ведущихся в Южной и Западной Африке. В одном-единственном сражении было уничтожено по меньшей мере десять тысяч врагов империи, несмотря на их огромное численное превосходство. Как сказано в *Vitae Lampada* Ньюболта, песок пустыни был "мокрым от красного".

Отметим еще раз, британцы стремились расширить пределы империи посредством стратегических и экономических расчетов. Продвижение в Судан частично было реакцией на амбиции других держав, в особенности Франции, которая положила глаз на земли в верхнем течении Нила. Британия обратилась к таким банкирам Сити, как Ротшильды, которые к тому времени сделали крупные инвестиции в соседнем Египте. Но британская общественность видела это в совершено ином свете. Для читателей "Пэлл-Мэлл гэзетт", которая с удовольствием подхватила тему, покорение Судана было исключительно вопросом мести.

В начале 80-х годов XIX века в Судане вспыхнула религиозная революция. Харизматик, утверждавший, что он — Махди, "Долгожданный мессия", последний из двенадцати великих имамов, собрал армию из дервишей с бритыми головами, нищенски одетых, рвущихся в бой за строгий ислам ваххабистского толка. Получив поддержку от племен пустыни, Махди бросил открытый вызов властям только что занятого британцами Египта. В 1883 году его армии хватило отваги, чтобы уничтожить до последнего человека египетскую десятитысячную армию во главе с полковником Уильямом Хик-

сом, отставным британским офицером. После возмущенной кампании в печати, возглавляемой У. Т. Стидом, было решено послать генерала Чарльза Джорджа Гордона, который в 70-х годах провел шесть лет в Хартуме в качестве губернатора подчиняющейся египетскому хедиву территории. Хотя Гордон был прославленным ветераном Крымской войны и командующим армии, которая сокрушила Тайпинское восстание (1863-1864), он всегда считался политическим истеблишментом наполовину безумным, и не без оснований*. Отшельник на грани мазохизма, набожный на грани фанатизма, Гордон рассматривал себя как орудие Бога, что однажды и объяснил своей любимой сестре: "Каждому выпадает поприще, каждому предназначена некая цель, для кого-то быть ошуюю, для кого-то одесную Спасителя... Трудно плоти признать 'ты мертв, тебе нет дела до мира'. Для любого трудно стать отсеченным от мира, стать так безразличным к его удовольствиям, его печалям и его удобствам, как труп! Вот что значит знать о воскрешении".

"Я давно мертв, — заявил он ей в другой раз, — я готов последовать за развернутым свитком**." Посланный для спасения египетских войск, размещенных в Хартуме, он отправлялся один, полный решимости поступить прямо противоположным образом и удержать город. Он прибыл 18 февраля 1884 года, настроенный тотчас же "разбить Махди", и был окружен и — спустя почти год — изрублен на куски.

Сидя в осаде в Хартуме, Гордон доверил своему дневнику растущее подозрение, что правительство в Лондоне бросило его в беде. Он представлял министра иностранных дел, лорда Грэнвила, жалующегося на то, что осада затянулась: "Да ведь

* Ему предложили стать личным секретарем лорда Рипона, когда того назначили вице-королем Индии. Он принял это предложение, но ушел в отставку спустя всего лишь три дня. Камнем преткновения стал случай, когда его попросили написать в ответ на письмо, адресованное вице-королю, что тот прочитал его с интересом. "Вы знаете отлично, — объявил он, — что лорд Рипон никогда не читал его, и я не могу написать такую вещь". Он был также одержим отвращением к званым обедам, что было серьезным препятствием для пребывания на должности секретаря вице-короля.

** Библейский образ конца света (Откр. 5:2, 10:2). — *Прим. пер.*

ОН ясно сказал, что может протянуть только шесть месяцев, и это было в марте (считает месяцы). Август! Разве он не должен сдаться! Что еще нужно сделать? Они напрашиваются на экспедицию... Это нешуточное дело; вот отвратительный Махди! С какой стати он не охраняет свои дороги лучше? Что еще нужно сделать? Чего хочет этот Махди, не могу понять. Почему он не бросит все свое оружие в реку и не прекратит движение? А, что? 'Мы должны идти на Хартум!' Да ведь это будет стоить миллионы, экая неприятность!"

Еще более оскорблен был британский посланник и генконсул в Египте, сэр Ивлин Бэринг, который с самого начала выступал против миссии Гордона. В паранойе Гордона было зерно реализма. У Гладстона, все еще испытывающего трудности от того, что он приказал занять Египет, не было никакого намерения участвовать и в захвате Судана. Он неоднократно уклонялся от предложений спасти Гордона и разрешил отправку вспомогательной экспедиции сэра Гарнета Уолсли только после нескольких месяцев давления. Она опоздала на три дня. К тому времени читатели "Пэлл-Мэлл гэзетт" дозрели до того, чтобы разделить подозрения Гордона. Когда новости о его смерти достигли Лондона, поднялся шум. Сама королева написала сестре Гордона:

> Подумать только, ваш дорогой, благородный, героический брат, который служил своей стране и своей королеве так преданно, так героически, с самопожертвованием, которое может быть примером для всего мира, не был спасен! То, что обещания поддержки не были исполнены — на чем я так часто и неустанно настаивала перед теми, кто приказал ему отправиться туда — является для меня невыразимым горем! В самом деле, это меня очень удручает. Пожалуйста, выразите своим сестрам и старшему брату мою искреннюю симпатию и что я действительно так остро чувствую позор, павший на Англию из-за жестокой, но героической судьбы вашего дорогого брата!

Гладстон был оскорблен: он больше не Великий старец, а "убийца Гордона"! Все же понадобилось тринадцать долгих лет, прежде чем англичанам представился случай отомстить.

Англо-египетскую армию, которая вторглась в Судан в 1898 году, возглавлял генерал Герберт Горацио Китченер. Несмотря на налет солдафонства Китченер, как мы видели, имел сложный, до некоторой степени даже женственный характер. Он не был лишен чувства юмора: всю свою жизнь страдая от плохого зрения, он назвал своих охотничьих собак Выстрел, Промах и Проклятье. Христианский солдат, он заразился аскетизмом Гордона, когда эти два человека ненадолго встретились в Египте. Мысль о мести за Гордона породила в Китченере твердость. Будучи младшим офицером в экспедиции Уолсли и став теперь сирдаром (главнокомандующим) египетской армии, он хорошо знал местность. Когда он привел войска в пустыню, у него была только одна мысль: отдать долг Гордону с большим процентом — или, скорее, заставить убийц Гордона заплатить его. Сам Махди был к тому времени уже мертв, но грехи отца пали на его наследника, Халифу.

В Омдурмане, на берегу Нила, столкнулись две цивилизации: орда живущих в пустыне исламских фундаменталистов и хорошо обученные христианские солдаты "еще более великой Британии" с египетскими и суданскими вспомогательными войсками. Даже то, как выстраивались в линию эти две стороны, выражало различие между ними. Дервиши, которых насчитывалось приблизительно 52 тысячи, располагались на равнине под яркими знаменами черного, зеленого и белого цветов, растянувшись на пять миль. Люди Китченера — их было двадцать тысяч — стояли плечом к плечу в каре, спиной к Нилу. Наблюдал за этим с британских позиций 23-летний Уинстон Черчилль, выпускник Харроу, армейский офицер. Ему следовало находиться в Индии, но он выпросил разрешение отправиться в экспедицию Китченера в качестве военного корреспондента "Морнинг пост" — положение, соответствующее по статусу званию капитана кавалерии. Когда рассвело, он увидел врага:

> Стало ясно, что эти толпы не стоят на месте, но быстро наступают. Вдоль их рядов и между ними галопом скакали их эмиры. Разведчики и патрули рассыпались по всему фронту. Затем они издали боевой клич. Они находились еще в миле от холма и были скрыты от армии сирдара складками местности. Но их крики были слышны, хотя и слабо, тем войскам, которые стояли у реки. До тех же, кто смотрел на них с холма, эти крики долетали волнами страшного рева, подобно вою поднимающегося ветра или моря перед штормом... Одна скала, одна насыпь песка за другой были поглощены этим человеческим потоком. Пришло время наступать*.

Храбрость махдистов произвела на Черчилля глубокое впечатление. Она была связана с религиозным пылом: Черчилль слышал крик противника: "Нет бога, кроме аллаха, и Мухаммед пророк его". Сражение не было лишено риска и для британцев. Действительно, в конце дня был момент, когда только решительные действия Гектора Макдональда — вопреки приказу сирдара — предотвратили большие жертвы среди них. Однако в конечном счете у махдистов не было никаких шансов против, как выразился Черчилль, "механизированного рассеивания смерти, которую цивилизованные народы довели до такого чудовищного совершенства". У британцев были пулеметы Максима, винтовки Ли-Метфорд, гелиографы и канонерки на Ниле. Правда, у махдистов также было несколько "максимов", но главным образом они полагались на устаревшие мушкеты, копья и мечи. Черчилль так описал результат:

> У пулеметов Максима выкипела вода в кожухах, и несколько из них пришлось наполнить из фляг шотландцев Камерона, чтобы пулеметы могли продолжать свою смертельную работу. Гильзы, звякая о землю, образовывали... растущие кучки около каждого человека. И все это время на другом конце

* Пер. А. Никитина и С. Жданова. — *Прим. пер.*

> равнины пули пронзали плоть, разбивая и раскалывая кости; кровь хлестала из ужасных ран; отважные люди продолжали бороться в аду свистящего металла, взрывающихся снарядов и вздымающейся пыли, страдая, отчаиваясь и умирая... Сраженные махдисты падали, тела сплетались, образуя кучи. Массы в тылу остановились в нерешительности.

Это продолжалось пять часов. Согласно одной оценке, армия махдистов потеряла до 95 % людей, по меньшей мере пятую часть — убитыми. Потери англо-египетской стороны составили менее четырехсот солдат (погибли сорок восемь британцев). Осматривая поле боя, Китченер лаконично отметил, что врагу задали "хорошую трепку". Но это не удовлетворило его. Он приказал разрушить мавзолей Махди и, по словам Черчилля, "в качестве трофея увез голову в канистре из-под керосина". Затем Китченер пролил сентиментальную слезу, когда играли военные оркестры. Программа концерта отражает всю гамму викторианских чувств:

1 Боже, храни королеву
2 Гимн хедива
3 Похоронный марш из "Саула" [Генделя]
4 Марш из "Сципиона" [Генделя] (исполняет оркестр Гвардейского гренадерского полка)
5 Похоронная песнь (исполняют волынщики Сифортского полка и полка Камерона)
6 Пребудь со Мной* (исполняет оркестр 11-го Суданского полка)

В частных беседах Черчилль высказывал свое сожаление не только по поводу осквернения останков Махди, но и "жестокой резни раненых" (ответственным за которую он также считал Китченера). Он был глубоко потрясен тем, как британский огонь

* Христианский гимн, сочиненный в 1847 году. — *Прим. пер.*

превратил живых воинов противника в подобие "грязных обрывков газет", которыми была усеяна равнина. Тем не менее во всеуслышание он объявил Омдурман "наиболее значимым триумфом, который когда-либо одерживала над варварами наука". Пятьдесят лет спустя, после уничтожения поблизости от Марианских островов японского авианосного соединения, американцы назвали подобное "охотой на индюков".

Казалось, что урок Омдурмана был твердым и однозначным: никто не может безнаказанно бросить вызов британской власти. Однако можно было вынести и другой урок. В тот день за сражением пристально наблюдал майор фон Тидеманн, германский военный атташе, должным образом отметивший разрушительное действие пулемета Максима, на счет которого, по мнению одного из наблюдателей, следует отнести около трех четвертей потерь махдистов. Тидеманну стало ясно: единственный способ победить британцев — это сравняться с ними в огневой мощи.

Немцы по достоинству оценили потенциал пулемета Максима. Вильгельм II в 1888 году уже присутствовал на демонстрации пулемета. Он отозвался об увиденном так: "Вот это — оружие, другого такого нет". В 1892 году, при посредстве лорда Ротшильда, берлинский производитель станков и вооружения Людвиг Леве получил лицензию на производство пулемета Максима для немецкого рынка. Как непосредственное следствие сражения при Омдурмане было принято решение придать каждому егерскому батальону германской армии батарею из четырех пулеметов Максима. К 1908 году пулеметы имелись во всех немецких пехотных частях.

■

К концу 1898 года в Южной Африке остался только один народ, все еще сопротивлявшийся мощи Британской империи. Эти люди уже переселялись на сотни миль севернее Капской

колонии, чтобы избежать британского влияния. Эти люди уже сражались с британцами за независимость, нанеся им тяжелое поражение у Маджуба-Хилла в 1881 году. Это был единственный белый народ Африки: буры — фермеры, ведущие свое происхождение от ранних голландских колонистов юга Африки.

Для Родса, Чемберлена и Милнера независимый дух буров был невыносим. Как обычно, британские расчеты были и военными, и экономическими. Несмотря на растущее значение Суэцкого канала для британской торговли с Азией, Кейптаун оставался военной базой "огромной важности для Англии" (Чемберлен) по той причине, что Суэцкий канал мог быть уязвим в случае большой европейской войны. Капская колония оставалась, с точки зрения министра по делам колоний, "краеугольным камнем британской колониальной системы". В это же время на территории одной из бурских республик были открыты крупнейшие в мире залежи золота. К 1900 году в Ранде добывали четверть мирового объема золота. Промысел привлек инвестиции на сумму более 114 миллионов фунтов стерлингов (главным образом это был британский капитал). Вдруг оказалось, что захолустный и нищий Трансвааль может превратиться в экономический центр Южной Африки. Но буры не видели причины, по которой они должны делить власть с десятками тысяч британских иммигрантов-ойтландеров*, устремившихся в их страну мыть золото. Они также не принимали несколько более либеральный подход британцев к чернокожему населению Капской колонии. С точки зрения президента Трансвааля Пауля Крюгера, строго кальвинистский образ жизни буров был просто несовместим с британским правлением. Для британцев же проблему составляло то, что этот африканский народ не был похож на другие (прав-

* Ойтландеры (на языке африкаанс *uitlander* — чужеземец), европейские, главным образом английские, переселенцы, прибывшие в 1870–1890-х годах в Трансвааль и Оранжевое Свободное государство после открытия там месторождений золота и алмазов. — *Прим. ред.*

да, в большей степени не то обстоятельство, что буры были белыми, а то, что они были хорошо вооружены).

Едва ли можно отрицать: Чемберлен и Милнер развязали войну с бурами, считая, что их можно быстро принудить к отказу от независимости. Их требование, чтобы ойтландеры после пяти лет проживания в Трансваале получали право голоса ("гомруль для Ранда", по лицемерному выражению Чемберлена), было только предлогом. Настоящие цели британских политиков стали очевидны после их попыток воспрепятствовать постройке бурами железной дороге в контролируемый португальцами залив Делагоа. Это освободило бы их (и их золотые копи) от зависимости от британской железной дороги в Кейптаун. Любой ценой, даже за счет войны, буры должны были потерять свою независимость.

Чемберлен был уверен в победе: разве у него не было предложений военной помощи от Виктории, Нового Южного Уэльса, Квинсленда, Канады, Западной Африки и Малайских федеративных штатов?* Как язвительно заметил Джон Диллон, ирландский член парламента, "Британской империи противостояло 30 тысяч фермеров". Но у буров было достаточно времени, чтобы подготовиться к войне. С 1895 года, когда доктор Линдер Старр Джеймсон, старый приятель Родса, предпринял неудачный рейд в Трансвааль, было очевидно, что прямое столкновение неизбежно. Назначение Милнера Верховным комиссаром Южной Африки два года спустя стало другим однозначным сигналом: его непоколебимая позиция заключалась в том, что в Южной Африке нет места "двум абсолютно несхожим общественно-политическим системам". Буры были надлежащим образом снабжены новейшим оружием. У них имелись, конечно, пулеметы Максима, а еще столько новейшей артиллерии эссенской фирмы Круппа, сколько они могли купить. Кроме того, буры являлись обладателями винтовок Маузера последней модели, точно бьющих более чем на две

* Канада, Австралия и Новая Зеландия действительно прислали тридцать тысяч человек.

тысячи ярдов*. Образ жизни буров сделал их превосходными стрелками. Теперь они были еще и хорошо вооружены. И, разумеется, знали местность гораздо лучше британских *rooinekke*, "красношеих" (их прозвали так из-за загорелой кожи типичного томми). На рождество 1899 года буры нанесли удар вглубь британской территории: "индюки" отстреливались! И, как показал Спион-Коп, делали это отлично.

Генерала сэра Редверса Буллера (вскоре получившего кличку сэр Реверс, *Задний ход*) послали, чтобы спасти двенадцать тысяч британских солдат, осажденных в Ледисмите, в провинции Наталь. Буллер, в свою очередь, возложил на генерал-лейтенанта сэра Чарльза Уоррена задачу прорвать укрепления буров на холмах Спион-Коп. Двадцать четвертого января 1900 года Уоррен приказал солдатам Ланкаширского полка и ойтландерам под покровом ночи и тумана занять крутой скалистый холм. Они столкнулись с вражеским пикетом, который бежал: казалось, буры отдали высоту без боя. В густом предрассветном тумане британцы вырыли неглубокую траншею, уверенные в победе. Однако Уоррен неверно оценил рельеф местности, и позиции англичан оказались открытыми для орудийного и ружейного огня буров с соседних холмов. Англичане даже не достигли высшей точки Спион-Копа. Когда туман рассеялся, началась бойня. На сей раз досталось британцам.

И снова за происходящим наблюдал военный корреспондент Уинстон Черчилль. Контраст между катастрофой Спион-Копа и битвой при Омдурмане всего семнадцатью месяцами ранее едва ли мог быть заметнее. Снаряды сыпались градом ("семь-восемь раз в минуту"), и Черчилль мог только смотреть с ужасом на то, как "плотный, непрерывный поток раненых тек с холма. Целая деревня из санитарных фургонов выросла у подножия холма. Мертвые и раненые, разорванные снарядами, были разбросаны в беспорядке на вершине, пока там не образовалось кровавое, дурно пахнущее месиво". "Увиденное на Спи-

* Более 1830 м. — *Прим. пер.*

он-Копе, — признавался Черчилль в письме другу, — было среди самого странного и ужасного, чему я был когда-либо свидетелем". Заметим, что Черчилль даже не находился в эпицентре стальной грозы. Один из выживших англичан вспоминал, что его товарищи были сожжены, разорваны пополам, обезглавлены. Сам рассказчик потерял левую ногу. Читателям на родине, от которых скрыли эти ужасные детали, новости показались невероятными. "Еще более великую Британию" победила тридцатитысячная толпа голландских фермеров*.

Мафекинг

Англо-бурская война стала для Британской империи почти тем, чем Вьетнам для Соединенных Штатов. Во-первых, война обошлась очень дорого (45 тысяч погибших** и четверть миллиарда фунтов стерлингов), во-вторых, она вызвала раскол в британском обществе. Британцы и прежде терпели в Африке поражения (не только от буров, но и от зулусских *импи* в 1879 году при Исандлване), однако на этот раз все выглядело гораздо серьезнее. К тому же не было ясно, достигли ли британцы своей цели. Задача джингоистов в прессе состояла в том, чтобы представить событие, сильно напоминавшее поражение, еще одной победой империи.

Мафикенг (так сейчас он называется) — пыльный захолустный городок. Здесь даже можно почувствовать запах пустыни Калахари, лежащей к северо-западу. Мафекинг был еще меньше: железнодорожная станция, больница, Масонский зал, тюрьма, библиотека, суд, несколько кварталов и отделение "Стэндарт бэнк" — неказистый аванпост империи. Единственным городским зданием выше одного этажа был

* Это заниженная цифра. По подсчетам буров, оружие взяли в руки 54667 мужчин, а британцы к 1903 году насчитали в общей сложности 72975 противников.

** Следует отметить, что примерно две трети британских безвозвратных потерь составляли погибшие от тифа, дизентерии и других болезней.

явно небританский женский монастырь Св. Сердца. Мафикенг едва ли кажется стоящим того, чтобы за него драться. Но в 1899 году ситуация была иной: Мафекинг являлся приграничным городом, фактически последним в Капской колонии до самого Трансвааля. Именно отсюда начался рейд Джеймсона. Именно здесь перед войной были расквартированы иррегулярные войска с намерением совершить более масштабный набег на бурскую территорию. Этого не произошло: солдаты сами оказались в окружении. Начал расти страх, что если Мафекинг падет, множество буров, живущих в Капской колонии, присоединится к своим собратьям в Трансваале и Оранжевой Республике.

Осада Мафекинга казалась в Британии славнейшим эпизодом войны, моментом, когда в ней возобладал дух школьного матча. Действительно, пресса рассматривала осаду как своего рода игру, семимесячный матч между Англией и Трансваалем. К счастью для англичан, на поле ими руководил идеальный тренер: выпускник Чартер-хауса, полковник Роберт Баден-Пауэлл (Стифи), командир 1-го Бечуаналендского полка. Баден-Пауэллу происходящее казалось финальным крикетным матчем. Он так и выразился в своем характерно беззаботном письме одному из бурских командующих: "Мы ведем уже двести дней, без аутов, отбивая подачи Кронье, Снимана и Бота... и наслаждаемся игрой". Баден-Пауэлл был героем, в котором война (или, по крайней мере, военные корреспонденты) отчаянно нуждалась, тем человеком, который инстинктивно знал, как "держать игру". На окружающих, правда, производило впечатление не столько хладнокровие Баден-Пауэлла, сколько его ребячество, его "удаль" (любимое слово Б.-П.). Каждое воскресенье он организовывал настоящие крикетные матчи, сопровождаемые танцами. Джордж Тай, гражданское лицо, присоединившееся к ополчению, не сомневался, что Баден-Пауэлл "был в состоянии победить буров, игравших 'неважно'". Талантливый пародист, он исполнял на сцене комические номера, чтобы поддержать боевой дух. Были напечатаны даже

юмористические марки "независимой республики Мафекинг" с портретом Баден-Пауэлла вместо королевы. Даже "Бойз оун пейпер" до такого не додумалась бы.

В течение 217 дней Мафекинг сопротивлялся бурам, которых было гораздо больше и которые располагали прискорбно современной артиллерией. У осажденных были две 7-фунтовые пушки, заряжающиеся со ствола, и древнее орудие, посылавшее снаряды "точь-в-точь как крикетные шары" (как же еще!), а у Кронье — девять полевых пушек и 94-фунтовый "Длинный Том" фирмы Крезо (это орудие прозвали "Старина Кричи" — совершенно по-школьному). Сообщения корреспондентов из Мафекинга, особенно леди Сары Вильсон для "Дейли мейл", держали читателей в отчаянном напряжении. Выстоит ли Б.-П.? Или эти буры чересчур ловкие боулеры даже для него? Когда Мафекинг 17 мая 1900 года был наконец освобожден, на лондонских улицах царило истеричное ликование, как если бы, по словам антиимпериалиста Уилфрида С. Бланта, "побили Наполеона". Баден-Пауэллу доверили тренировать новую команду — южноафриканскую полицию, форму для которой он с энтузиазмом взялся придумывать.

Но какую цену заплатили англичане, чтобы удержать захолустный городишко? Правда, сначала в осаде участвовало более семи тысяч буров, хотя они, вероятно, могли бы добиться большего где-либо еще. Но с точки зрения потерь произошедшее вовсе не было крикетным матчем: почти половина из семисот защитников Мафекинга были убиты, ранены, взяты в плен. Пресса умолчала о том, что бремя защиты Мафекинга легло во многом на чернокожее население, хотя тот конфликт считался "войной белых". Баден-Пауэлл не только поставил под ружье более семисот чернокожих горожан (позднее он называл вдвое меньшее число). Он не пускал их в траншеи и убежища в белой части города и постоянно уменьшал пайки своих чернокожих солдат, чтобы накормить белое меньшинство. Потери среди гражданского населения обоих цветов кожи превысили 350 человек. Но количество чернокожих жителей

Мафекинга, умерших от голода, возможно, было вдвое большим. Милнер цинично заметил, что "надо только пожертвовать черномазыми, и игра становится легкой".

Британская общественность получила желанную символическую победу. Теперь рифмоплеты могли поспешить к станку:

Что?! Вырвать скипетр из рук
И предложить ей преклонить колено?!
Нет, пока йомены охраняют землю,
А броненосцы — море!
(Остин, к оружию!)
Так выступи против царств, когда твое дело оклеветано,
Так заклейми их раздражение и бешенство;
И если они бросят вызов, тогда, с Божьей помощью,
Ударь, Англия, ударь, Родина!
(Хенли, во имя Англии!)

Но это был только газетный триумф. Как проницательно отметил Китченер, в Баден-Пауэлле "больше показухи, чем подлинной ценности". Он, возможно, сказал бы то же самое о снятии осады Мафекинга.

■

К лету 1900 года в войне наступил перелом. Британская армия (теперь под началом более умелого полководца — индийского ветерана лорда Робертса) освободила Ледисмит и продвинулась вглубь бурской территории, заняв Блумфонтейн, столицу Оранжевого Свободного государства, и Преторию, столицу Трансвааля. Робертс, уверенный в том, что выигрывает войну, с триумфом прошел по улицам Блумфонтейна и расположился в резиденции. Его офицеры отправились танцевать в просторном зале на первом этаже.

Однако буры, несмотря на потерю главных городов, отказались сдаться. Вместо этого они перешли к партизанской войне. "Буры, — жаловался Китченер, — не походят на суданцев, которые выходят на честный бой; они всегда удирают на своих пони". (Вот бы они бросились на британские "максимы" с копьями — это было бы так спортивно!) Поэтому Робертс в расстройстве избрал новую безжалостную тактику.

Бурские фермы время от времени сжигали и прежде, обычно из-за того, что обитатели некоторых усадеб укрывали снайперов или снабжали партизан провиантом и разведданными. Отныне британские войска получили право методично сжигать дома буров. Около тридцати тысяч домов были уничтожены. При этом возникал вопрос, что делать со ставшими бездомными женами и детьми партизан, которые ушли в вельд. Теоретически тактика "выжженной земли" скоро вынудила бы сдаться буров, желавших защитить свои семьи. Но пока этого не произошло, ответственность за мирное население лежала на британцах. Следует ли считать таких людей военнопленными или беженцами? Вначале Робертс полагал, что "если кормить тех, чьи родственники которых сражаются против нас, то это только поощрит буров продолжать сопротивление, и, кроме того, ляжет на нас тяжким бременем". Но его идея вынудить их "присоединиться к своим родственникам за линией фронта, если те не сдадутся", не была реалистичной. После некоторых колебаний генералы дали ответ. Они согнали буров в лагеря, точнее — концентрационные лагеря.

Английские концлагеря не были первыми (испанцы использовали подобную тактику на Кубе в 1896 году), однако они первыми получили дурную славу*. В концлагерях погибло 27927 буров (большинство из них — дети), то есть 14,5 % всего

* Сэр Невилл Гендерсон, английский посол в Берлине в 30-х годах, вспоминал, что, когда он выразил протест Герингу касательно нацистских концентрационных лагерей, последний взял с полки том немецкой энциклопедии и, "открыв его на статье 'Концентрационный лагерь'... прочитал вслух: 'Впервые были использованы британцами во время войны в Южной Африке'".

бурского населения, — главным образом от недоедания и плохих санитарных условий. Из-за этого погибло больше взрослых буров, чем от действий противника. Кроме того, в отдельных лагерях умерло 14 тысяч из 115,7 тысяч интернированных чернокожих (81 % — дети).

Тем временем в блумфонтейнской резиденции оркестр продолжал играть. В итоге, после нескольких месяцев "Гэй Гордонса" и "Обдери иву"*, пол танцзала износился. Чтобы избежать несчастных случаев, которые могут произойти с женами офицеров, следовало заменить доски пола, что и было сделано. К счастью, был найден способ утилизовать старую древесину. Ее продали бурским женщинам на гробы для их детей, по цене шиллинг и шесть пенсов за доску.

Конечно, комбинация тактики "выжженной земли" и концентрационных лагерей подорвала стремление буров к борьбе. Но только когда Китченер, занявший место Робертса в ноябре 1900 года, покрыл страну сетью колючей проволоки и блокпостов, они были вынуждены сесть за стол переговоров. Но даже это не привело к безоговорочной капитуляции. Согласно мирному договору, заключенному 31 мая 1902 года в Ференихинге, бурские республики потеряли независимость и были аннексированы. Но это означало, что британцы должны были заплатить за восстановление ими же разрушенного. В то же самое время решение вопроса об избирательных правах цветного населения было отложено до предоставления самоуправления. Вследствие этого подавляющее большинство жителей Южной Африки оставались без гражданских прав в течение жизни трех поколений. Но главное, договор не препятствовал тому, чтобы буры пользовались своими привилегиями. В 1910 году, спустя ровно восемь лет после заключения договора, был образован самоуправляющийся Южно-Африканский Союз с трансвальским главнокомандующим Луисом Бота в качестве премьер-министра и некоторыми героями войны на министерских

* Популярные шотландские танцы. — *Прим. ред.*

постах. В 1913 году был принят закон "О землях туземцев", в соответствии с которым чернокожие южноафриканцы получили в собственность десятую часть земель в стране — наименее плодородных*. На самом деле буры, теперь управлявшие не только бывшими Оранжевым Свободным государством и Трансваалем, но и британскими Наталем и Капской колонией, сделали первый шаг к установлению режима апартеида во всей Южной Африке. Милнер видел будущее так: "Две пятых буров и три пятых англичан — мир, прогресс и слияние". Но для этого в Южной Африке оказалось недостаточно английских переселенцев.

Последствия войны с бурами для Британии оказались во многих отношениях серьезнее, чем для Южной Африки. Именно отвращение, которое вызывала в обществе эта война в 1900-х годах, сместило вектор английской политики влево.

В предместье Блумфонтейна установлен мрачный внушительный памятник бурским женщинам и детям, погибшим в концлагерях. Там же, рядом с президентом Оранжевого Свободного государства военного времени [Мартинусом Штейном], покоится прах Эмили Хобхаус, дочери корнуэльского священнослужителя и одной из первых активисток антивоенного движения XX века. В 1900 году до нее дошел слух о "бедных [бурских] женщинах, которых гнали с одного места на другое", и она решила отправиться в Южную Африку, чтобы им помочь. Она учредила Фонд помощи южноафриканским женщинам и детям, "чтобы накормить, одеть, предоставить кров и охранить тех женщин и детей — бурских, английских и других, — кто стал нищ и наг в результате разрушения их собственности, насильственного выселения или других инцидентов в ходе... военных действий". Вскоре после своего прибытия в Кейптаун в декабре 1900 года Хобхаус получила у Милнера разрешение на посещение концлагерей, хотя Китченер и пытался не пустить ее в лагерь в Блумфонтейне, где тогда находились 1800 человек. Совершенно неприемлемые

* Последствия с горечью описаны Соломоном Плаатье в его "Туземной жизни в Южной Африке" (1916).

условия жизни там (представители военных властей расценивали мыло как "предмет роскоши") глубоко потрясли Хобхаус. Несмотря на препятствия, чинимые Китченером, она также посетила лагеря в Норвалспонте, Аливал-Норте, Спрингфонтейне, Кимберли, на реке Оранжевой и в Мафекинге. Везде было одно и то же. И ко времени ее возвращения в Блумфонтейн условия только ухудшились.

Чтобы попытаться положить конец политике интернирования, Эмили Хобхаус вернулась в Англию, но натолкнулась на безразличие военных. Весьма неохотно правительство согласилось назначить женский комитет во главе с Миллисент Фосетт, чтобы оценить данные, представленные Хобхаус, причем ее саму в состав комитета не включили. Она попробовала вернуться в Южную Африку, однако безуспешно: ей не позволили даже сойти на берег. Теперь единственным оружием Хобхаус стала гласность.

В 1901 году условия содержания в лагерях еще ухудшились. В октябре погибли три тысячи заключенных: смертность, таким образом, превысила одну треть. Однако это не было результатом политики, нацеленной на геноцид, а объяснялось скорее недальновидностью и вопиющей некомпетентностью военных властей. Комиссия Фосетт оказалась не столь беззубой, как опасалась Хобхаус: она составила резко критический отчет и быстро обеспечила в лагерях улучшения по части медицинской помощи. Хотя Чемберлен отказался публично критиковать военных, он также был потрясен открытиями Хобхаус и поспешил передать лагеря в распоряжение гражданских властей Южной Африки. С поразительной быстротой условия содержания улучшились, и уровень смертности сократился с 34 % (октябрь 1901 года) до 2 % (май 1902 года)*.

Милнер, по крайней мере, выражал сожаление. Лагеря, признал он, были "плохим делом, и, насколько это меня касается, я чувствую, что обвинения, так обильно взваленные

Условия в лагерях для чернокожих улучшались медленнее. Там пик смертности (38 %) пришелся на декабрь 1902 года.

на нас за все, что мы сделали и не сделали, имеют под собой некоторые основания". Но раскаяние, независимо от того, насколько оно было искренним, не могло возместить ущерб. Разоблачения Хобхаус вызвали резкое недовольство общества политикой правительства. Либералы получили свой шанс: теперь у них появилась прекрасная возможность разделаться с тори и сторонниками Чемберлена, которые доминировали в британской политике почти два десятилетия. Уже в июне 1901 года сэр Генри Кэмпбелл-Баннерман, лидер [Либеральной] партии, осудил "варварские методы", применяемые к бурам. Выступая в Палате общин, Дэвид Ллойд Джордж, любимец радикального крыла партии, заявил:

> Захватническая война... против гордых людей должна быть войной на истребление, и это, к сожалению, то, на что мы, кажется, теперь соглашаемся: на горящие фермы и изгнание женщин и детей из их домов... дикость, которая непременно последует, покроет позором имя этой страны.

Так и случилось. Мало того, что, по мнению критиков, империализм безнравственен. По мнению радикалов, он еще и грабительский. Его оплачивают английские налогоплательщики, за него воюют английские солдаты, но выгоду получают немногочисленные "толстые коты" — миллионеры вроде Родса и Ротшильда. Таков пафос получившей широкую известность книги Джона А. Гобсона "Империализм", изданной в 1902 году. "Всякий крупный политический акт, — рассуждал Гобсон, — должен получить санкцию и практическую поддержку этой небольшой группы финансовых королей":

> Как спекулянты или финансовые дельцы, они являются самым серьезным, единственным... фактором в экономике империализма... Каждое из этих условий... прибыльности их дела... бросает в объятия империализма... Всякая война... или другое общественное потрясение оказывается выгодным

для этих господ. Это гарпии, которые высасывают свои барыши из всякой вынужденной затраты... народного кредита... Богатство этих домов, размах их операций и их космополитическая организация делают их первыми, кто определяет экономическую политику. Они, обладая самой большой ставкой в деле империализма и обширнейшими средствами, могут навязать свою волю международной политике... Финансы... управляют империалистической машиной, направляя ее энергию и определяя ее работу*.

Генри Ноэл Брейлсфорд развил аргументацию Гобсона в своей книге "Война стали и золота: о вооруженном мире" (написанной в 1910, но опубликованной только в 1914 году): "Лик Елены — вот что приводило в движение тысячу кораблей в героическую эпоху. В наш же 'золотой' век это чаще всего лицо с чертами расчетливого еврейского финансиста. Чтобы защитить интересы лорда Ротшильда и акционеров, Египет был сначала оккупирован, а затем фактически аннексирован Британией... Возможно, самый вопиющий случай из всех — наша южноафриканская война". Разве не было очевидно, что война с бурами была развязана, чтобы гарантировать сохранение золотых приисков Трансвааля в руках их владельцев-капиталистов? Разве Родс, по словам радикального либерала, члена Палаты общин Генри Лабушера, не "строитель империи, который всегда прикрывался маской патриота, и не глава банды хитрых еврейских финансистов, с которыми он делил прибыль"?

■

Как и те нынешние теории заговора, которые видят за всякой войной борьбу за контроль над нефтью, критика империализма со стороны радикалов была сверхупрощением. (Гобсон

* Пер. В. Беленко. — *Прим. пер.*

и Брейлсфорд мало знали о том, что пережил Родс во время осады Кимберли.) И как другие нынешние теории, наделяющие некоторые финансовые учреждения зловещей властью, этому антиимпериализму был присущ оттенок антисемитизма. И все же когда Брейлсфорд назвал империализм "извращением целей, ради которых существует государство, когда могущество и престиж, за которые мы все платим, используются для того, чтобы приносить прибыль дельцам", он не слишком ошибся. "Империя торгует, — писал он, — и наш флаг является необходимым активом, при этом прибыль идет исключительно в карманы частных лиц". Это было, в сущности, верно.

Огромные прибыли от британских инвестиций за рубежом почти целиком доставались немногочисленной элите — самое большее нескольким сотням тысяч человек. А над элитой действительно доминировал банк Ротшильдов, объединенный капитал отделений которого в Лондоне, Париже и Вене составлял около сорока одного миллиона фунтов. Это, безусловно, делало его крупнейшим финансовым учреждением в мире. Большую часть активов фирма инвестировала в государственные облигации (в основном колоний вроде Египта и Южной Африки). И при этом не возникает споров относительно того, что распространение британской юрисдикции на эти страны давало Ротшильдам новые возможности для бизнеса и прибыль. Так, в 1885–1893 годах их банки в Лондоне, Париже и Франкфурте были совместно ответственны за четыре выпуска египетских облигаций на общую сумму почти пятьдесят миллионов фунтов. Подозрительны и тесные отношения Ротшильдов с ведущими политиками эпохи. Дизраэли, Рэндольф Черчилль и граф Розбери были связаны с ними как в социальном, так и в финансовом отношении. Случай Розбери (он служил министром иностранных дел при Гладстоне и занял после него, в 1894 году, пост премьера) особенно показателен: в 1878 году он женился на кузине лорда Ротшильда Ханне.

На протяжении всей своей политической карьеры Розбери поддерживал отношения с членами семьи Ротшильдов,

и их переписка демонстрирует связь между деньгами и властью в поздневикторианской Британии. Например, в ноябре 1878 года Фердинанд де Ротшильд предложил Розбери: "Если у Вас есть несколько тысяч фунтов в запасе (от девяти-десяти), Вы смогли бы вложить их в новый... египетский займ, который [наш банкирский] дом выпустит на следующей неделе". Когда Розбери вошел в правительство, из Хартума как раз сообщили о гибели Гордона, и лорд Ротшильд написал ему откровенно: "Ваши рассудительность и ревностный патриотизм помогут правительству и спасут страну. Я надеюсь, Вы позаботитесь, чтобы вверх по Нилу было послано подкрепление. Кампания в Судане должна быть абсолютно успешной — никаких провалов". В течение двух недель после того, как Розбери вошел в правительство, он встречался с Ротшильдами по крайней мере четырежды, включая два обеда. И в августе 1885 года Розбери (всего два месяца спустя после того, как отставка Гладстона временно лишила его поста) выделил пятьдесят тысяч фунтов для новой египетской ссуды, выпущенной лондонскими Ротшильдами. Когда же Розбери стал министром иностранных дел, брат лорда Ротшильда Альфред уверил его, что "со всех сторон, даже из далеких стран, не слышится ничего, кроме изъявления удовлетворения этим назначением".

Хотя трудно найти убедительные доказательства того, что Ротшильды получали выгоду от политики Розбери, по крайней мере однажды он предупредил их о важном дипломатическом решении. В январе 1893 года он использовал Реджиналда Бретта, чтобы сообщить в Нью-Корт* о намерении правительства усилить египетский гарнизон. Бретт сообщил:

> Я видел Нэтти [лорда Ротшильда] и Альфреда и сказал им, что вы очень обязаны им за то, что они предоставили вам

* Место в Лондоне, где находился главный офис Ротшильдов. — *Прим. пер.*

> всю информацию, которая была в их распоряжении, и поэтому желали, чтобы они узнали [об усилении гарнизона] прежде, чем прочитали бы об этом в газетах... Конечно, они были рады и очень благодарны. Нэтти пожелал, чтобы я передал вам, что вы всегда можете рассчитывать на любую информацию, любую помощь, которую он сможет предоставить вам.

При этом Розбери не был единственным политическим деятелем, оказавшимся не в состоянии совершенно отделить собственные интересы от общественных. Одним из тех, кто получил наибольшую выгоду от оккупации Египта, был не кто иной, как сам Гладстон. В конце 1875 года (возможно, как раз перед покупкой Дизраэли, его конкурентом, акций Суэцкого канала) он вложил сорок пять тысяч фунтов стерлингов в турецкие облигации египетской дани 1871 года всего под 38 %*. В 1878 году Гладстон прибавил к ним еще пять тысяч фунтов, а год спустя инвестировал пятнадцать тысяч в турецкие облигации 1854 года (также обеспеченные египетской данью). К 1882 году эти облигации составляли более трети его портфеля. Даже до британской оккупации Египта они показали себя хорошими инвестициями: к лету 1882 года цена облигаций 1871 года выросла с 38 до 57 %. Оккупация принесла премьер-министру еще больше: к декабрю 1882 года цена облигаций 1871 года выросла до 82 %, а к 1891 году цена достигла 97 %. Прибыль составила более 130 % только на первоначальные инвестиции 1875 года. Неудивительно, что Гладстон однажды назвал турецкое государственное банкротство "тягчайшим из *политических* преступлений". И разве удивительно, что британским агентом и генконсулом в Египте в течение почти четверти века после 1883 года был член семьи Бэрингов — второй после Ротшильдов династии из Сити?

* Цены облигаций указаны в процентах от их номинальной ценности. Эти ссуды были турецкими облигациями, обеспеченными вассальной "данью", ежегодно выплачиваемой Турции Египтом.

К общественному недовольству методами, которыми правительство вело войну, примешивалось беспокойство растущей ценой конфликтов и мрачные подозрения о том, кому они могут быть выгодны. Результатом были кардинальные изменения в политике. Мнения в правительстве (теперь во главе с племянником Солсбери — блестящим, но легкомысленным Артуром Бальфуром) разделились по вопросу, как оплачивать войну. Чемберлен воспользовался моментом (что вызвало фатальные последствия), чтобы высказаться в пользу восстановления протекционистских тарифов. Идея состояла в том, чтобы превратить империю в таможенное объединение с едиными тарифами на импорт из-за рубежа. Чемберлен назвал этот проект "имперскими преференциями". Такая политика была даже опробована во время войны с бурами, когда Канаду освободили от небольших и временных тарифов на ввоз пшеницы и кукурузы. Это было еще одним предложением воплотить идеал "еще более великой Британии". Но для большинства британских избирателей это скорее походило на попытку восстановить старые Хлебные законы и взвинтить цены. Кампания либералов против империализма (теперь это слово звучало как ругательство) достигла высшей точки в январе 1906 года, когда они ворвались во власть, получив большинство мест (243) в парламенте. Представление Чемберлена о народе империи, казалось, распалось перед лицом старых, островных принципов британской внутренней политики: дешевый хлеб плюс священный гнев.

Все же, если либералы надеялись, что они в состоянии заплатить избирателям антиимперский мирный дивиденд, они быстро разочаровались, поскольку теперь явно вырисовывалась новая угроза безопасности империи. Она исходила не от недовольных подданных (хотя в Ирландии напряжение росло), а от конкурирующей империи, лежащей через Северное море. Это была угроза, которую даже миролюбивые либералы не могли позволить себе проигнорировать. Ирония заключается в том, что угроза исходила от народа, который

и Сесил Родс, и Джозеф Чемберлен (не говоря уже о Карле Пирсоне) считали равным англоязычной расе: немцев.

■

В 1907 году высокопоставленный чиновник МИДа Айра Кроу (родившийся в Лейпциге) подготовил меморандум о текущем состоянии взаимоотношений Британии с Францией и Германией. В нем прямо говорилось, что желание Германии играть "на мировой арене намного более значительную роль, чем ей предназначена при существующем распределении физической власти", может вынудить ее "ослаблять любых конкурентов, наращивая собственные силы, расширяя владения, препятствовать сотрудничеству других государств и, в конечном счете, разрушить Британскую империю".

В 80-х годах XIX века, когда Франция и Россия, казалось, все еще были главными конкурентами Британии, английская политика в отношении Германии должна была быть умиротворяющей. К началу XX века, однако, именно Германия стала представлять самую большую угрозу Британской империи. Этот вывод было сделать нетрудно. Немецкая экономика догнала английскую. В 1870 году население Германии составляло 39 миллионов, Британии — 31 миллион. К 1913 году эти показатели достигли 65 и 46 миллионов соответственно. В 1870 году ВВП Британии на 40 % превышал немецкий. К 1913 году ВВП Германии был на 6 % больше британского, что означало, что средний ежегодный темп роста ВВП Германии на душу населения был более чем на половину процента выше. В 1880 году на долю Британии приходилось 23 % мирового товарного производства, Германии — 8 %. В 1913 году — 14 % и 15 % соответственно. Тем временем в результате усилий адмирала Тирпица по созданию Флота открытого [Северного] моря (начиная с закона о флоте 1898 года) германский ВМФ быстро становился самым опасным конкурентом английско-

го. В 1880 году соотношение общего водоизмещения британского и германского ВМФ составляло 7:1, в 1914 году — менее чем 2:1*. Кроме того, германская армия намного превзошла британскую: 124 дивизии против десяти, причем каждый немецкий пехотный полк был вооружен в том числе пулеметами Максима *MG*08. Даже семь британских дивизий в Индии не могли покрыть этот огромный разрыв. Что касается людских резервов, то Британия в случае войны могла рассчитывать на мобилизацию 733,5 тысячи человек, немцы — 4,5 миллиона.

Консерваторы и унионисты утверждали, что у них есть ответ на немецкий вопрос: воинская обязанность, которая сравняла бы численность армий, и таможенные пошлины на немецкий манер, чтобы содержать армию нового типа. Но новое либеральное правительство принципиально отвергло оба предложения. Либералы сохранили только два пункта повестки своих предшественников: намерение не отставать от германского ВМФ (если возможно, опережать его рост) и сближение с Францией.

В 1904 году было достигнуто "сердечное согласие" (*l'entente cordiale*) с Францией по широкому спектру колониальных проблем. Французы признали британские притязания в Египте, а британцы предоставили французам свободу действий в Марокко. Несколько маловажных британских территорий в Западной Африке были уступлены Франции в обмен на окончательный отказ от Ньюфаундленда. Возможно, имело бы больше смысла стремиться к договоренности с Германией (Чемберлен носился с этой идеей в 1899 году**), однако в то время казалось, что англо-французское соглашение имеет больший смысл. Существовало мнение, что есть множество потенциальных областей англо-немецкого заграничного со-

Следует отметить, что приготовления немцев отчасти имели защитный характер и были далеки от иррациональных английских планов морской блокады в случае войны с Германией.

Он рассуждал тогда о "новом Тройственном союзе между тевтонской расой и двумя большими ветвями англосаксонской расы".

трудничества: не только в Восточной Африке, но и в Китае, на Тихом океане, в Латинской Америке и на Ближнем Востоке. Британские и германские банки совместно финансировали ряд железнодорожных проектов — от долины Янцзы в Китае до залива Делагоа в Мозамбике. Как позже выразился Черчилль, "мы не были врагами немецкой колониальной экспансии". Германский рейхсканцлер [Теобальд фон Бетман-Гольвег] в январе 1913 года заявил, что "колониальные вопросы будущего указывают на сотрудничество с Англией".

В стратегическом отношении Франция и Россия, ее союзница, до сих пор оставались главными конкурентами Британии, и прекращение старых споров на периферии могло высвободить ресурсы, чтобы справиться с вызовом Германии в Европе. Помощник замминистра иностранных дел Фрэнсис Берти в ноябре 1901 года отметил, что лучшим аргументом против англо-германского альянса является следующий: "Мы никогда не будем в добрых отношениях с Францией, нашим соседом в Европе и других частях света, и с Россией, с которой мы имеем совместную границу (или около того) в значительной части Азии". Именно поэтому Британия поддержала Францию в споре с Германией за Марокко в 1905 и 1911 годах, несмотря на то, что формально правы были немцы.

Галломания политиков-либералов, из-за которой соглашение о взаимопонимании в колониальном вопросе быстро превратилось в потенциальную военную коалицию, в обстановке изоляции была опасна. Без приготовлений к вероятной европейской войне "континентальные обязательства" министра иностранных дел сэра Эдварда Грэя перед Францией были невыполнимы. Теоретически они могли бы удержать Германию от войны, но что если бы это не подействовало и Британии пришлось бы выполнять обещания Грэя? Впрочем, на море Британия сохраняла превосходство над Германией: в этой гонке вооружений либералы не выказали слабость. После того как Черчилль перешел в Адмиралтейство в октябре 1911 года, он даже повысил ставку, заявив о новом "60-процентном стан-

дарте... в отношении не только Германии, но и остального мира". "Тройственный союз будет превзойден тройственной Антантой", — торжественно заявил он Грэю в октябре 1913 года. "Почему, — задавал он вопрос в следующем месяце, — мы должны думать, что не в состоянии победить [Германию]? Сравнение флотов убеждает в обратном". Внешне все так и было. Накануне войны англичане располагали 47 крупными боевыми кораблями (линкоры и линейные крейсера), немцы — 29. Британский флот, кроме того, мог похвастаться аналогичным численным перевесом фактически в любом классе судов.

Сопоставление суммарной огневой мощи было также не в пользу немцев. Но Тирпиц и не стремился построить флот больше британского — только достаточно мощный "даже для противника, располагающего крупнейшими морскими силами, так что война была бы чревата такими опасностями, что поставила бы под угрозу положение в мире". Флот, в количестве от двух третей до трех четвертей от британского, был бы, как объяснял Тирпиц кайзеру в 1899 году, достаточным, чтобы заставить Британию "уступить... такую меру морского влияния, которая позволит... вести большую политику за рубежом". Эта цель была почти достигнута к 1914 году*. К этому времени немцы производили превосходящие в техническом отношении линкоры.

Было также неясно, как превосходство на море повлияет на исход войны на континенте. К тому времени, как британская блокада обрушит немецкую экономику, немецкая армия, возможно, давно возьмет Париж. Даже Комитет защиты империи признал, что единственной помощью, которую можно предложить Франции в случае войны, может быть только армия. Проблема, однако, заключалась в отсутствии всеобщей воинской повинности, из-за чего британская армия многократно уступала германской. Политики могли сколько угодно разглагольствовать о том, что горстка британских частей в со-

* Германский ВМФ к тому времени равнялся двум третям британского.

стоянии решить исход спора немцев с французами, но солдаты в Лондоне, Париже и Берлине знали, что это ложь. Либералы стояли перед выбором: или обязательство защитить Францию и ввести воинскую повинность, или политика нейтралитета — и никакой воинской повинности. Комбинация, которую они предпочли — обязательства перед Францией, но без воинской повинности, — оказалась фатальной. В 1914 году Китченер едко заметил: "Никто не может сказать, что мои коллеги в кабинете не храбры. У них нет армии, и тем не менее они объявили войну самой могущественной нации в мире".

■

В 1905 году появилась книга с интригующим заглавием "Упадок и разрушение Британской империи". Якобы изданная в 2005 году в Токио, она описывала мир, в котором Индией правили русские, Южной Африкой — немцы, Египтом — турки, Канадой — американцы, а Австралией — японцы. То было одно из целого ряда антиутопических сочинений, появившихся перед Первой мировой. Со временем благодаря стараниям газеты "Дейли мейл" лорда Нортклиффа, публиковавшей подобные произведения на щедрых условиях, все больше авторов обращали свое внимание на возможные последствия немецкой угрозы.

На свет появились "Шпионы Уайта" Хедона Хилла (1899), "Загадка песков" Роберта Э. Чайлдерса (1903), "Мальчик-посыльный" Л. Джеймса (1903), "Творец истории" Э. Филлипса Оппенхейма (1905), "Вторжение 1910 года" Уильяма Леке, "Враг среди нас" Уолтера Вуда (1906), "Сообщение" Э.Дж. Доусона (1907), "Шпионы кайзера" Леке (1909) и "Пока Англия спала" капитана Кертиса (1909). Авторы этих сочинений исходили из того, что немцы вынашивали зловещие планы вторжения в Англию или иным образом стремились разрушить Британскую империю. Страх распространялся повсюду,

вплоть до скаутов. В 1909 году школьный журнал Альдебург-Лоджа довольно остроумно представил школьное образование в 1930 году, когда Англия станет просто "маленьким островом у западного побережья Тевтонии". Даже Саки (Гектор Хью Манро) испытал свои силы в этом жанре, сочинив "Когда пришел Уильям: история Лондона при Гогенцоллернах" (1913).

■

Империалистический *гибрис* — высокомерие неограниченной власти — сменился страхом упадка и краха. Родс был мертв. Чемберлен умирал. "Драка за Африку", безмятежные дни "максимов" против матабеле внезапно оказались далеким прошлым. Приближающаяся "драка" за Европу определит судьбу империи. Баден-Пауэлл нашел ответ: бойскауты, самая успешная из попыток того периода мобилизовать молодежь во имя империи. Движение бойскаутов с его находчивым соединением колониального багажа и жаргона в духе Киплинга предложило скучающим горожанам дистиллированную, обеззараженную версию жизни на фронтире. Хотя это было, несомненно, чистое удовольствие (скаутинг вскоре распространился далеко за границами империи), о его политической цели Баден-Пауэлл весьма откровенно высказался в своей популярной книге "Искусство скаута-разведчика" (1908):

> Всегда найдутся члены парламента, которые попытаются сократить армию и флот, чтобы сэкономить деньги. Они только хотят понравиться избирателям Англии, чтобы могли прийти к власти они сами и партия, к которой они принадлежат. Таких людей называют "политиканами". Они не заботятся о пользе своей страны. Большинство из них очень немного знает о наших колониях и мало заботится о них. Если они бы получили власть раньше, то мы сейчас уже должны были бы говорить на французском языке, а если им позво-

лить получить власть в будущем, нам следует изучать немецкий или японский языки, поскольку мы будем завоеваны этими народами.

И все же бойскауты едва ли могли тягаться с прусским Генеральным штабом. Пелэм Г. Вудхаус в романе "Бросок!" (1909) писал, как из "Дейли мейл" бойскаут узнает, что

положение куда серьезней, чем представлялось поначалу. Не только германцы напали на Эссекс, а еще восемь вражеских армий — так удивительно совпало — выбрали то же самое время для нанесения давно задуманного удара. Англия оказалась не просто под пятой завоевателя — под пятой девяти завоевателей. Прямо ступить было некуда. В прессе все было детально расписано. Пока германцы высаживались в Эссексе, российский корпус под командованием великого князя Водкиноффа занял Ярмут. Одновременно Сумасшедший Мулла вторгся в Портсмут, а швейцарский флот обстрелял Лайм-Риджис и высадил десант к западу от кабинок для переодевания. Точно в то же время пробужденный наконец Китай захватил живописный уэльский курорт Лллгстпллл и, несмотря на отчаянное сопротивление экскурсии Эвансов и Джонсов из Кардиффа, занял плацдарм. Пока шла уэльская стычка, армия Монако обрушилась на Охтермахти в устье реки Клайд. Не прошло и двух минут по Гринвичу, как неистовая банда младотурков нагрянула на Скарборо. В Брайтоне и Маргите закрепились небольшие, но решительные вооруженные силы, соответственно, марокканских разбойников под началом Райсули и темнокожих воинов с отдаленного острова Боллиголла. Положение было нешуточное*.

Лидеры международного капитализма — Ротшильды в Лондоне, Париже и Вене, Варбурги в Берлине и Гамбурге — на-

* Пер. Е. Данилиной. — *Прим. пер.*

стаивали, что экономическое будущее за англо-немецким сотрудничеством. Теоретики британского господства были столь же непреклонны, полагая, что будущее мира — за англосаксонской расой. Все же разница между "англо-" и "саксонской" оказалась достаточно серьезной, и отношения "еще более великой Британии" с новой империей, лежащей между Рейном и Одером, не сложились. Возмездие пришло из Германии.

Глава 6
Империя на продажу

Если на сей раз мы будем побеждены, то, возможно, в следующий раз нам повезет больше. Я убежден, что идущая сейчас война является только началом длинного исторического пути, итогом которого будет утрата Англией ее нынешнего положения в мире... [и] революция цветных рас, обращенная против колониального империализма Европы.

Фельдмаршал **Кольмар фон дер Гольц** (1915)

Насмешливые желтые лица молодых людей смотрели на меня отовсюду, ругательства летели мне вслед с безопасной дистанции, и в конце концов все это стало действовать мне на нервы... Все это озадачивало и раздражало. Дело в том, что уже тогда я пришел к выводу, что империализм — это зло и чем скорее я распрощаюсь со своей службой и уеду, тем будет лучше. Теоретически — и, разумеется, втайне — я был всецело на стороне бирманцев и против их угнетателей, британцев... Что касается работы, которую я выполнял, то я ненавидел ее сильнее, чем это можно выразить словами... Однако мне нелегко было разобраться в происходящем... Я даже не отдавал себе отчета в том, что Британская империя близится к краху, и еще меньше понимал, что она гораздо лучше молодых империй, идущих ей на смену.

Джордж Оруэлл,
"Убийство слона"*

Пер. А. Файнгар. — *Прим. пер.*

В последнее десятилетие викторианской эпохи некий школьник предсказал, что ждет Британскую империю в следующем столетии:

> Я вижу, грядут большие перемены в безмятежном ныне мире, великие перевороты, страшные битвы и войны, которые невозможно вообразить. И я говорю, что Лондон окажется в опасности, что Лондон подвергнется нападению, и я приобрету большую известность, защищая Лондон... Я вижу дальше тебя. Я смотрю в будущее. Страна подвергнется какому-то ужасному нашествию... но я... буду руководить обороной Лондона, и я спасу Лондон и империю от беды.

Уинстону Черчиллю было семнадцать, когда он произнес эти слова в разговоре с Мерлендом Эвансом, своим соучеником по Харроу. Черчилль действительно спас Лондон и Британию. Но даже он не смог спасти Британскую империю.

В течение всего одной человеческой жизни империя (в 1892 году, когда Черчилль разговаривал с Эвансом, она даже не достигла пика своего могущества) распалась. Ко времени смерти Черчилля (1965) она утратила все свои важнейшие владения. Почему? Традиционный подход к "деколонизации" видит причину ее успеха в деятельности националистических

движений в колониях, от Шинн фейн в Ирландии до ИНК в Индии. Конец империи изображается как победа "борцов за независимость", от Дублина до Дели восставших, чтобы избавить свои народы от ярма колониального правления. Но это не так. В XX веке главную угрозу — и самые вероятные альтернативы — британскому владычеству представляли не национальные освободительные движения, а империи-соперницы.

Эти империи обращались с подвластными народами гораздо суровее англичан. Еще до Первой мировой войны бельгийское управление формально независимым Конго прочно ассоциировалось с нарушением прав человека. На каучуковых плантациях и железных дорогах, принадлежавших Африканской международной ассоциации, использовался рабский труд. Прибыль шла непосредственно в карман короля Леопольда II. Жадность его была такой, что, если учесть убийства, голод, болезни и снижение рождаемости, владычество бельгийцев обошлось Конго в десять миллионов человеческих жизней — половину населения страны. Джозеф Конрад в "Сердце тьмы" нисколько не преувеличил. На самом деле происходящее в Конго предали огласке как раз англичане: британский консул Роджер Кейсмент и скромный ливерпульский клерк Эдмунд Дин Морел, который заметил, что Бельгия вывозит из Конго огромное количество каучука, не ввозя почти ничего, кроме оружия. Кампания Морела против бельгийского режима, по его словам, "обращалась к четырем принципам: состраданию к людям всего мира, британской чести, британским имперским обязанностям в Африке, праву международной торговли, *с которым согласуются неотъемлемые экономические права и личные свободы туземцев*". Правда, в XVIII веке на Ямайке англичане обращались с рабами-африканцами не намного лучше бельгийцев. Но сравнивать эту ситуацию следует все-таки с XX веком. Эти различия проявились еще до Первой мировой войны — и не только по сравнению с бельгийским владычеством.

В 1904 году немецкий сатирический журнал "Симплициссимус" напечатал карикатуры на колониальные державы.

В германской колонии даже жирафов и крокодилов заставляют передвигаться "гусиным шагом", во французской межрасовые отношения балансируют на грани непристойности, а в Конго Леопольд II просто жарит туземцев на огне и ест. Ситуация в английских колониях заметно сложнее: туземцы, спаиваемые виски бизнесменом и обираемые до нитки солдатом, вынуждены еще и слушать проповедь миссионера. В действительности различия были глубже и со временем становились все значительнее. Французы в своей части Конго вели себя не намного лучше бельгийцев, и сокращение населения там оказалось сопоставимым. В Алжире, Новой Каледонии и Индокитае проводилась политика систематической конфискации земель у местного населения, что делало рассуждения французов об универсальном гражданстве смехотворными. Германская колониальная администрация не была либеральнее. Когда в 1904 году восстали гереро, возмущенные захватом их земель немецкими поселенцами, генерал-лейтенант Лотар фон Трота объявил, что "любой гереро, вооруженный или безоружный, со скотом или без, будет застрелен". Хотя "приказ об истреблении" (*Vernichtungsbefehl*) позднее был отменен, численность гереро сократилась примерно с восьмидесяти тысяч в 1903 до двадцати тысяч в 1906 году. За это Трота был награжден высшим немецким орденом "За заслуги". Восстание Маджи-Маджи в Германской Восточной Африке в 1907 году было подавлено с такой же жестокостью.

К тому же мы должны сравнивать не только западноевропейские державы. Японское правление в Корее (протекторат с 1905 года, с 1910 года — колония, прямо управляемая из Токио) было вопиюще нелиберальным. Когда сотни тысяч людей вышли на демонстрацию в поддержку Декларации независимости Ли Гвансу (так называемое Первомартовское движение 1919 года), японские власти ответили репрессиями. Более шести тысяч корейцев были убиты, четырнадцать тысяч ранены, пятьдесят тысяч приговорены к тюремному заключению. Мы должны помнить и о российском управлении Польшей, этой

центральноевропейской Ирландией, Кавказом (простирающимся от Батуми на Черном море до Астары на Каспийском), Туркестаном и Туркменией, Дальним Востоком (где Транссибирская железная дорога тянулась до самой Маньчжурии). Безусловно, между колонизацией российских степей и происходящей примерно в то же время колонизацией американских прерий было сходство. Однако были и различия. Русские проводили в своих европейских колониях агрессивную политику русификации. Когда англичане уже обсуждали возможность ирландского самоуправления (гомруля), угнетение поляков только усиливалось. В Средней Азии сопротивление российской колонизации жестоко пресекалось. Восстание мусульман в Самарканде и Семиречье в 1916 году было бесжалостно подавлено. Число убитых мятежников достигло, возможно, сотен тысяч.

И все же все это выглядело бледно в сравнении с преступлениями советской, Японской, Германской и Итальянской империй в 30–40-х годах XX века. К 1940 году, когда Черчилль стал премьер-министром, наиболее вероятными альтернативами британскому правлению были "Великая восточноазиатская сфера взаимного процветания" Хирохито, "Тысячелетний рейх" Гитлера и "Новая Римская империя" Муссолини. Нельзя недооценивать и угрозу, которую представлял сталинский СССР, хотя до начала Второй мировой войны он тратил энергию в основном на террор против собственных подданных. И страшной ценой победы в борьбе с этими имперскими конкурентами стало, в конечном счете, разрушение Британской империи. Другими словами, империя была демонтирована не потому, что столетиями угнетала подвластные народы, а потому, что несколько лет противостояла с оружием в руках намного более жестоким империям. Она поступила правильно, независимо от цены, которую пришлось заплатить. И именно это стало причиной того, что наследницей, пусть невольной, британской мировой державы стала не одна из восточных "империй зла", а наиболее преуспевающая из прежних английских колоний.

Weltkrieg*

В 1914 году Уинстон Черчилль был первым лордом Адмиралтейства, несущим ответственность за крупнейший в мире флот. Храбрый и нахальный военный корреспондент, заработавший себе репутацию освещением триумфа Омдурмана и позора войны с бурами, в 1901 году стал членом парламента. После краткого пребывания на задней скамье у консерваторов Черчилль пересек зал Палаты представителей и быстро поднялся в первые ряды Либеральной партии.

Никто лучше Черчилля не знал о германской угрозе положению Англии как мировой державы. Никто не стремился упрочить британское превосходство на море упорнее, чем Черчилль, независимо от того, сколько линкоров построят немцы. И все же к 1914 году, как мы видели, он был уверен в том, что "соперничество на море... теперь не может быть причиной трений" с Германией, так как, "бесспорно, теперь нас нельзя превзойти". Казалось, что и в колониальном вопросе есть место для англо-немецкого компромисса, даже сотрудничества. Еще в 1911 году у британских стратегов господствовало мнение, что в случае войны в Европе английский экспедиционный корпус отправится в Среднюю Азию. Иными словами, считалось, что противником в такой войне будет Россия. Однако позднее, летом 1914 года, кризис в другой империи, Австро-Венгерской, неожиданно вверг Британскую и Германскую империи в губительный конфликт.

Как многие другие государственные деятели того времени, Черчилль поддался соблазну сравнить эту войну со своего рода стихийным бедствием:

> Нации в те дни... подобно небесным телам, не могли сблизиться друг с другом... Если они сближались на такое расстояние, что начинали вспыхивать молнии, то в определенной точке они могли бы вообще сойти со своих орбит... и влекли друг друга к неизбежному столкновению.

Мировая война (*нем.*) — *Прим. пер.*

В действительности Первая мировая война произошла потому, что генералы и политики с обеих сторон просчитались. Немцы не без оснований полагали, что русские сравнялись с ними в военном отношении, и, таким образом, они рисковали попасть под упреждающий удар до того, как разрыв в стратегических возможностях увеличится*. Австрийцы не предусмотрели того, что давление на Сербию (возможно, полезное в борьбе против балканского терроризма) ввергнет их во всеевропейскую войну. Русские сильно переоценили свою военную мощь, почти так же, как немцы. Они проигнорировали сигналы, указывающие на то, что политическая система не перенесет еще одного конфликта, подобного проигранной в 1905 году войне с Японией. Только у французов и бельгийцев не было выбора. Немцы вторглись на их территорию. Им пришлось драться.

Британцам также случилось ошибиться. В то время английское правительство считало, что вмешательство было вопросом соблюдения обязательств: немцы нарушили условия договора 1839 года, провозглашающего нейтралитет Бельгии, который подтвердили все великие державы. На самом деле Бельгия стала удобным предлогом. Либералы поддержали войну по двум причинам. Во-первых, они боялись поражения Франции. Они воображали кайзера новым Наполеоном. Может, эти страхи были обоснованными, а может, и нет. Но если это так, то либералы не сделали достаточно для того, чтобы удержать немцев, и консерваторы были вправе потребовать введения всеобщей воинской повинности. Второй причиной отправиться на войну была внутренняя политика, а не далеко идущие стратегические соображения. С момента своего триумфа в 1906 году либералы теряли поддержку избирателей. К 1914 году правительство Герберта Асквита оказалось на грани падения. При-

* Немцы считали себя скорее слабыми, чем сильными. Начальник Большого генерального штаба Хельмут Иоганн Людвиг фон Мольтке в мае 1914 года сказал министру иностранных дел Готлибу фон Ягову: "Мы должны вести превентивную войну, чтобы разбить противника, пока у нас есть шансы на успех". Мольтке был убежден, что для немцев "ситуация никогда не будет столь же благоприятна, как теперь".

нимая во внимание провал внешней политики, направленной на предотвращение европейской войны, Асквиту и его кабинету следовало уйти в отставку, однако либералов страшило возвращение в оппозицию. Более того, они боялись возвращения к власти консерваторов. Так что либералы пошли на войну отчасти чтобы удержать тори подальше от парламента.

■

Первую мировую войну чаще всего представляют как "стальную бурю" на Сомме и грязный ад Пашендейля. Поскольку война началась в Сараево, а закончилась в Версале, мы все еще думаем о ней прежде всего как о европейском конфликте. Конечно, основные цели немцев были "евроцентричными". Главная заключалась в том, чтобы нанести поражение России, и великолепный прорыв германской армии через Бельгию в северную Францию, предпринятый для того, чтобы прикрыть тылы, был просто средством достижения этой цели: разбить главного союзника царя, или хотя бы сильно его потрепать. При ближайшем рассмотрении война, однако, предстает поистине глобальным столкновением империй, сопоставимым по географическому размаху с англо-французскими войнами XVIII века.

Именно немцы первыми заговорили об этом конфликте как о *Weltkrieg*, "мировой войне". Англичане предпочли называть ее "европейской войной", позднее — "Великой". Осознавая собственную уязвимость в войне на два фронта в Европе, немцы стремились придать конфликту глобальный характер и отвлечь ресурсы противника от Европы, создавая угрозу британскому порядку в Индии. Истинным средством достижения целей этой имперской войны была не Фландрия, а Ближний Восток — ворота в Индию.

Сюжет "Зеленой мантии" Джона Бакена на первый взгляд представляется неправдоподобным: речь идет о германском заговоре против Британской империи — провоцировании му-

сульман на священную войну. На первый взгляд эта история — одна из самых странных у Бакена.

— На Востоке дует сухой ветер, и выжженная трава только ждет искры. И этот ветер дует в сторону индийской границы. Откуда этот ветер, как вы думаете?... Есть ли у вас объяснение, Хэнни?

... — Кажется, ислам в этом замешан гораздо сильнее, чем мы думали, — сказал я.

— Вы правы... Готовится джихад. Вопрос в том, как?

— Будь я проклят, если я знаю, но держу пари, что это дело толстых немецких офицеров в шлемах с пиками...

— Согласен... Но, полагаю, они получили некую священную санкцию — некую священную вещь... которая сведет с ума самого далекого мусульманского крестьянина мечтами о рае. Что тогда, мой друг?

— Тогда в этих местах разверзнется ад, и довольно скоро.

— Ад, который может распространиться. За Персией, помните, лежит Индия.

Сэнди Арбетнот, товарищ Хэнни, обнаруживает, что "Германия могла бы проглотить и французов, и русских, когда ей заблагорассудилось бы, но она стремится сначала заполучить себе Ближний Восток, чтобы стать завоевателем, владеющим половиной мира". Все это звучит совершенно абсурдно, и появление двух карикатурных немецких злодеев, садиста фон Штумма и фам-фаталь фон Айнем, усиливает комический эффект. Тем не менее Бакен построил сюжет на подлинных донесениях разведки, к которым он имел привилегированный доступ*. Последующие исследования подтверждают, что немцы действи-

Бакен в начале войны, до того, как поступить на военную службу, был военным корреспондентом. Он служил в британском штабе во Франции в чине подполковника. Когда Ллойд Джордж стал премьер-министром, Бакена назначили главой Управления военной информации (1917-1918). После этого короткое время он был начальником разведки, но имел неофициальный доступ к развединформации в течение всей войны.

тельно оказывали поддержку исламскому джихаду против британского империализма.

Турции отводилось главное место в глобальных планах немцев — не в последнюю очередь потому, что ее столица Стамбул (тогда город назывался Константинополем) стоит на Босфоре, узком проливе, отделяющем Средиземноморье от Черного моря, Европу от Азии. В эпоху господства военно-морских сил Босфор являлся одним из самых стратегически важных мест на планете: через черноморские проливы осуществлялась большая часть торговли с Россией, и в случае войны враждебная Турция могла бы представлять угрозу не только поставкам в Россию, но также британским линиям коммуникации с Индией. Поэтому немцы до 1914 года упорно стремились сделать Турцию своей союзницей. Кайзер Вильгельм II дважды посетил Константинополь — в 1889 и 1898 годах. С 1888 года "Дойче банк" играл ведущую роль в финансировании Багдадской железной дороги*. Кроме того, немцы предложили туркам услуги своих военных советников. В 1883–1896 годах германский генерал Кольмар фон дер Гольц по приглашению султана занимался реорганизацией турецкой армии. В 1914 году другой немец, Отто Лиман фон Сандерс, стал генеральным инспектором османской армии.

Тридцатого июля 1914 года — прежде, чем турки, наконец, согласились выступить на стороне немцев, — кайзер планировал следующий ход в своей характерной несдержанной манере:

> Наши консулы в Турции, Индии, наши агенты... должны спровоцировать весь магометанский мир на восстание против этой

* Хотя железнодорожное сообщение между Берлином и Константинополем (через Вену) уже существовало, султан желал проложить дорогу через Анкару к Багдаду. Немецкие банкиры соглашались на строительство линии только до Анкары, но в 1899 году были принуждены кайзером тянуть ветку до Багдада. Затем они захотели сделать дорогу прибыльной, продлив ее до Басры. Англичане относились к проекту с подозрением, однако это нельзя считать причиной войны. В канун войны было достигнуто соглашение, дающее немцам право продлить дорогу к Басре в обмен на разрешение британцам осуществлять эксплуатацию месопотамских нефтяных месторождений.

ненавистной, лживой, бессовестной нации лавочников. И если мы истечем кровью, Англия, по крайней мере, потеряет Индию.

В ноябре 1914 года турецкий султан, духовный лидер мусульман-суннитов, должным образом ответил на немецкие призывы, объявив священную войну Англии и ее союзникам. Учитывая, что под британским, французским и российским владычеством находилось чуть менее половины из 270 миллионов мусульман планеты, это, возможно, был гениальный ход германских политиков. Как немцы и рассчитывали, англичане ответили на турецкую угрозу переброской войск и ресурсов с Западного фронта в Месопотамию (современный Ирак) и на Дарданеллы.

■

Германский Генштаб начал войну, не слишком беспокоясь о Британии. В сравнении с огромной германской армией Британский экспедиционный корпус, направленный во Францию, был, как выразился кайзер, "ничтожно" мал. Генри Вильсон из английского Генштаба признавал, что шесть дивизий — "на пятьдесят меньше, чем следовало бы". Однако Германия воевала не только с английской армией, но и с Британией, управляющей четвертью мира. Британии на германскую мировую войну пришлось ответить беспрецедентной мобилизацией имперских сил.

Символично, что первые выстрелы на суше прозвучали 12 августа 1914 года при нападении англичан на немецкую радиостанцию в Камине (Тоголенд). Вскоре борьба распространилась на все германские колонии в Африке (Тоголенд, Камерун, Юго-Западную Африку и Восточную Африку). Хотя об этом часто забывают, Первая мировая война превратилась в Африке в "тотальную", насколько позволяли условия. В отсутствие развитой железнодорожной сети и надежных вьючных животных было единственное решение проблемы логистики: люди. В Первой мировой войне

участвовали более двух миллионов африканцев — почти все в качестве носильщиков и санитаров. И хотя эти люди были далеки от полей Фландрии, вспомогательные части, о которых часто забывают, действовали в таком же аду, как и солдаты на передовой в Европе. Мало того что они недоедали, были перегружены работой, воевали далеко от дома, но они были столь же подвержены болезням, как их белые господа. Примерно пятая часть африканцев, служивших носильщиками, погибла. Многие стали жертвами дизентерии, потрепавшей все колониальные армии, действовавшие в тропиках. В Восточной Африке 3156 белых британских служащих погибло, исполняя свой долг (менее трети — от действий противника). Если прибавить к ним чернокожих солдат и носильщиков, потери превысят сто тысяч человек.

Известное оправдание белого владычества в Африке заключалось в том, что оно несло "черному континенту" блага цивилизации. Война сделала эти притязания смехотворными. Людвиг Деппе, врач, служивший в германской восточноафриканской армии, писал:

> Мы оставляем за собой разоренные поля, разграбленные склады и, в ближайшем будущем, голод. Мы уже не являемся носителями культуры. Наш путь отмечен смертью, разграбленными и опустевшими деревнями, подобно тому, как это происходило при продвижении наших собственных и вражеских армий во время Тридцатилетней войны.

Прежде считалось, что ВМФ — это основа мировой мощи Британии. Однако его участие в войне было скромным. Он оказался неспособен уничтожить германский флот в Северном море. Полномасштабное столкновение надводных сил около Ютландии стало одной из самых потрясающих в военной истории партий, окончившихся вничью.

Этот результат был отчасти обусловлен технической отсталостью британского флота. Хотя Черчилль успел до начала войны перевести флот с угля на нефть, англичане уступали немцам

в точности стрельбы — не в последнюю очередь потому, что военно-морское министерство отказалось от приобретения у компании "Арго" систем управления артогнем, которые учитывали качку. Кроме того, немцы обладали превосходством в радиосвязи, хотя зачастую вели переговоры в открытом эфире или используя легко расшифровываемые коды. Королевский ВМФ пользовался сигнальной системой эпохи Нельсона. Такие сообщения на расстоянии не мог прочитать ни враг, ни их адресат.

При этом флот наносил огромный ущерб германской морской торговле за пределами Балтики. Мало того что немецкий торговый флот в течение нескольких месяцев с начала войны был безжалостно вытеснен с океана. Согласно приказу, отданному в марте 1915 года, даже нейтральные корабли, заподозренные в перевозке грузов в Германию, задерживались и досматривались, а если обнаруживалась контрабанда, то и конфисковывались. Хотя эта практика вызвала негодование за границей, германский ответ в виде неограниченной подводной войны вызвал намного больший резонанс, особенно когда без предупреждения был потоплен британский лайнер "Лузитания" с более чем сотней американских пассажиров. По общему мнению, весной 1917 года казалось, что атаки подлодок подорвут импорт продовольствия в Англию: в апреле погибало каждое четвертое судно, покидавшее британский порт. Восстановление системы конвоев, знакомой Адмиралтейству еще по временам Нельсона, вернуло Англии преимущество на море.

Намного внушительнее были сухопутные силы Британской империи. Треть войск, которые Британия собрала во время Первой мировой войны, дали заморские колонии. Новая Зеландия отправила сражаться за моря сто тысяч мужчин и женщин (в качестве медсестер) — десятую часть населения. В самом начале войны лидер австралийской Лейбористской партии Эндрю Фишер, шотландец по происхождению, пообещал отдать "все до последнего человека, последнего шиллинга, для защиты нашей метрополии". Первый порыв был впечатляющим, хотя, следует заметить, большинство австралийских

добровольцев родилось в Англии (то же верно в отношении канадских добровольцев), а введение всеобщей воинской повинности позднее было отвергнуто на двух референдумах. Дж. Д. Бернс из Мельбурна отметил преданность, которой отличались иммигранты первого поколения:

Горны Англии звучат над морями,
Зовут через время, призывают меня.
Они пробудили меня ото сна на рассвете,
Горны Англии...

Хотя сначала британские командиры не желали положиться на солдат из колоний, они очень скоро сумели оценить их характер. Австралийцы занимали особое положение, как и шотландцы. "Диггеров"* противник боялся так же сильно, как и "дьяволов в юбках".

Возможно, главным достижением имперской мобилизации стал Имперский верблюжий корпус, сформированный в 1916 году. Примерно на три четверти он был укомплектован австралийцами и новозеландцами. В его состав также входили солдаты из Гонконга и Сингапура, добровольцы из Родезийской конной полиции, южноафриканские старатели, которые сражались против британцев в бурской войне, садоводы из канадских Скалистых гор и ловцы жемчуга из Квинсленда.

Все же было бы ошибкой думать, что основной вклад в мобилизацию внесли "белые" доминионы. В начале войны человек, который позднее стал самым известным политическим и духовным лидером Индии, заявил соотечественникам: "Мы — прежде всего... граждане великой Британской империи. Когда ведут борьбу, как сейчас британцы, за правое дело, во имя пользы и славы человеческого достоинства и цивилизации... наш долг очевиден: приложить все усилия, чтобы поддержать англичан, отдав этой борьбе нашу жизнь и собственность".

* Прозвище австралийских и новозеландских солдат. — *Прим. пер.*

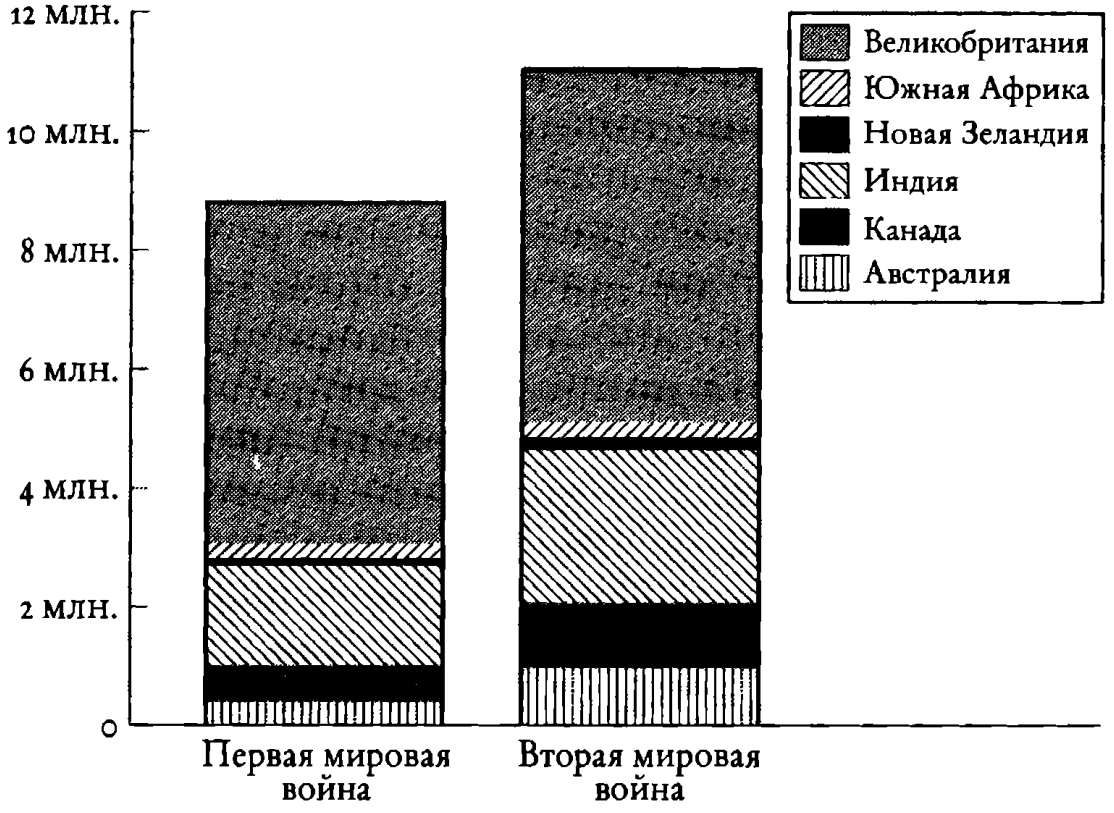
Тысячи индусов разделяли чувства Ганди. Осенью 1914 года около трети британских войск во Франции составляли индийцы. К концу войны за границей служило более миллиона индийцев — почти столько же в целом дали четыре "белых" доминиона. "Война очень необычна, — писал брату с Западного фронта связист Картар Сингх. — [Она идет] на земле, под землей, в небе и на море — везде. Правильно ее называют 'войной королей' — это дело людей большого ума". Индийцев не забривали в солдаты насильно: по сути, все они были добровольцами, притом полными энтузиазма. Картар Сингх писал:

> Мы никогда не получим другого шанса восславить нашу расу, страну, предков, родителей, деревню, братьев, доказать нашу преданность правительству... Никогда больше не будет такой яростной битвы... Пища и одежда лучшие, ни в чем нет недостатка. Машины подвозят продовольствие прямо к окопам... Мы идем с песней, когда мы на марше, и совершенно не боимся того, что идем на смерть.

Это были не только выпускники публичных школ, воспитанные на Горации и Муре, которые верили в то, что *dulce et decorum est pro patria mori*[*]. Правда, было три мятежа, поднятых в Ираке солдатами-мусульманами, которые отказались воевать со своими единоверцами (вот еще один довод в пользу того, что у сюжета "Зеленой мантии" было основание). Но это исключение, правилом же были преданность и выдающаяся доблесть[**].

Колониальные войска подвергали сомнению справедливость требований, предъявляемых к ним империей, только тогда, когда с ними плохо обращались. Например, солдат полка Британской Вест-Индии приводило в негодование то, что их использовали прежде всего для выполнения опас-

"Сладка и прекрасна за родину смерть", — строка из "Од" Горация, III.2.13. Мур — имеется в виду Томас Мур, ирландский поэт-романтик. — *Прим. пер.*
Одним из самых успешных действий при Сомме было наступление Секундерабадской бригады на Морланкур.



Количество мобилизованных
в Британской империи в ходе двух мировых войн

ной, но бесславной задачи доставки боеприпасов. В самом деле, английские офицеры проявляли к ним мало уважения. В 1918 году сержант-тринидадец жаловался:

> С нами обращаются не как с христианами, не как с британскими гражданами, а как с "черномазыми" из Вест-Индии, к которым не нужно проявлять интерес либо заботу. Вместо того, чтобы приблизить к церкви и империи, нас отвращают от них.

Похожие сетования слышались почти во всех частях Британского экспедиционного корпуса* — международного предприятия, которое, в отличие от своего австрийского и россий-

* Полуавтобиографический роман австралийца Фредерика Мэннинга "Средние части Фортуны" уловил такое негативное чувство и среди обычных английских солдат на Сомме. [Название романа — аллюзия на "Гамлета", где идет речь о срамных местах Фортуны. — *Прим. пер.*].

ского аналогов, так или иначе доказало свою самостоятельность, несмотря на глубокие этнические различия и нередко неудовлетворительное командование.

■

Часто говорят, что в Первую мировую войну Австралия и Новая Зеландия дали империи лучших бойцов. Впервые они подверглись проверке на Галлиполийском полуострове.

Было две Галлиполийских кампании: военно-морская операция, имевшая целью прорыв турецкой обороны в Дарданеллах, и наземная операция, направленная на захват Галлиполийского полуострова. Если бы они были совмещены должным образом, они, возможно, привели бы к успеху, но этого не произошло. Человеком, ответственным за военно-морскую часть, был не кто иной, как Черчилль. Он был уверен, что турецкие форты на берегах пролива можно подавить в результате "двух-трех дней упорных боев". Не в последний раз в своей долгой карьере он искал легкий способ выиграть европейскую войну, и не в последний раз "мягкое подбрюшье" врага оказалось тверже, чем он ожидал. Фактически атака на Дарданеллы с моря почти увенчалась успехом. Дважды — 3 ноября 1914 года и 19 февраля 1915 года — турецкие форты были сильно повреждены корабельной артиллерией. Во втором случае был успешно высажен десант из моряков и морской пехоты. Но затем произошла бессмысленная задержка, за которой последовала катастрофа 18 марта. В тот день из-за небрежного разминирования пролива три корабля утонули.

После этого Китченер решил, что работу должна выполнить армия, а не флот. Через пять недель в ходе десантной операции, напоминавшей генеральную репетицию "дня Д" следующей мировой войны, 129 тысяч солдат высадились на берега Галлиполи. Солдаты Австралийского и Новозеландского армейского корпуса (АНЗАК) были только частью огромно-

го корпуса союзников. Она включала британские регулярные части и необстрелянных солдат территориальных формирований, гуркхов, даже французские колониальные войска из Сенегала. Замысел был прост: овладеть прибрежным плацдармом, закрепиться, а после идти на Константинополь, лежащий в ста милях к северо-востоку. Черчилль (любитель казино) в частных беседах признавал, что это была "самая большая ставка", которую он когда-либо делал. Это была игра, стоившая союзникам четверти миллиона солдат.

На рассвете 25 апреля австралийцы и новозеландцы высадились на западной стороне полуострова, на пляже в форме полумесяца, впоследствии известного как "бухта АНЗАКа". Вероятно, из-за сильного течения солдаты высадились приблизительно на милю севернее запланированного места. Однако турки (среди них был будущий президент страны Мустафа Кемаль) быстро прибыли на место, и вскоре на десантирующиеся войска обрушился град пуль и осколков. Только в первый день погибли пятьсот солдат АНЗАКа, еще две с половиной тысячи были ранены. Хотя есть свидетельства, что некоторые солдаты, впервые оказавшись под огнем, запаниковали, настоящей проблемой стала местность: "бухта АНЗАКа" окружена естественной стеной из мягкого коричневого камня, а в качестве укрытия был только кустарник. Люди на пляже стали легкими мишенями для снайперов. Если вы поднимете на холм, то сможете увидеть линии траншей: АНЗАКа — спешно выкопанные в иссушенной солнцем земле, и турецкие — тщательно подготовленные по немецким стандартам.

Среди австралийских пехотинцев были Алекс и Сэм Вейнготты, двое братьев из Аннандейла, пригорода Сиднея. Они были сыновьями преуспевающего портного-еврея, который бежал из российской Польши от преследований, чтобы начать новую жизнь в Британской империи. Старший брат, Алекс, погиб через неделю. Сэм пережил первую атаку. Дневник, который он вел, ни в коем случае не является великим произведением военной литературы, однако ярко отражает ожесточен-

ность боев в "бухте АНЗАКа": близость врага, смертоносное действие осколков и ужасающую краткость жизни на фронте.

25 апреля, воскресенье. Достигли Галлипольского полуострова в 5 часов утра, когда линейные корабли открыли мощный огонь по врагу. Ввязались в бой с турками с 12 часов полудня вс. до рассвета понедельника. Осколок задел локоть. Наши несут большие потери.
26 апреля, понедельник. <... > Бой шел весь день. Вражеские орудия наносят ужасный урон. Кажется, большая часть наших парней погибла.
30 апреля, пятница. <... > Весь день — сильный огонь. Снайперы продолжают стрелять и положили много парней на берегу...
5 мая, среда. Ушли в передовую в 7 часов, вернулись в 1 час пополудни. Повеселились. Сам сделал около 250 выстрелов. Тяжелый ущерб наносят осколки, и я чуть не получил один. Интенсивный огонь в течение дня. У турок хороший диапазон обстрела. Ушел в траншею в 2:00. Все время стрелял. Трупы перед траншеей начали пахнуть.
17 мая, понедельник. Враг продолжает интенсивный обстрел, бьет точно в цель. Мой приятель получил пулю в сердце, когда задремал... Снаряд взорвался в нашей траншее, убив или тяжело ранив капитана Хилла.
18 мая, вторник. Турки задали жару... Ужасные картины. Людей рядом со мной разрывает в клочья. Упало более 50 снарядов. Солдаты морально подавлены. Многие не контролируют себя. Траншеи полностью разворочены, всю ночь восстанавливали.
29 мая, суббота. Враг начал сильную бомбардировку в 3. Стреляли в упор, нанеся большой ущерб нашим траншеям. Один снаряд взорвался у моего лица, и я, хотя не был ранен, потерял сознание на несколько минут. Мою винтовку переломало до неузнаваемости. Остальную часть дня не мог ничего делать.

1 июня, вторник. Артиллерия не умолкала. Инженеры взорвали некоторые траншеи врага... Минометы за ночь нанесли большой ущерб. Назначен младшим капралом, отвечающим за отделение. Очень горд.

2 июня, среда. Услышал, как лейт-т Ллойд сказал: я стал бы хорошим сержантом, поскольку я совсем не боюсь. Вражеская артиллерия довольно активна.

Это была одна из последних записей в дневнике Сэма Вейнготта. Три дня спустя он был ранен в живот. Сэм умер на госпитальном судне через несколько часов после эвакуации.

Несмотря на внезапную высадку в августе, солдаты АНЗАКа не смогли преодолеть турецкую оборону высот. И так происходило везде, где наступали союзные войска. Лобовые атаки пехоты были самоубийственны, если корабельные орудия не могли подавить турецкие пулеметы и артиллерию. Вскоре стало очевидно, что положение безвыходное, как и на Западном фронте. По словам неудачливого британского главнокомандующего сэра Иана Гамильтона, началась "ужасная траншейная война". При этом снабжение и санитарные условия становились все хуже. В разгар взаимных обвинений и споров Черчилль умолял дать ему еще немного времени. Двадцать первого мая он написал Асквиту: "Позвольте мне выстоять или пасть при Дарданеллах — но не вырывайте их из моих рук". Асквит ответил прямо: "Вы должны принять как решенное, что вы не останетесь в Адмиралтействе". После того как от Черчилля отделались герцогством Ланкастерским*, его политическая карьера казалась оконченной. Его жена Клементина думала, что он не "преодолеет Дарданеллы". Какое-то время даже казалось, что он может "умереть от горя"**.

* Канцлер герцогства Ланкастерского — синекура с неопределенными обязанностями для отставных политиков. — *Прим. пер.*

** Он вернулся в правительство два года спустя — в качестве министра вооружений.

Народная память о Галлиполи превозносит храбрость "диггеров" и возлагает вину за их гибель на слабых и некомпетентных офицеров-помми*. Это карикатура, однако в ней есть доля правды. Настоящая проблема заключалась в том, что Британская империя считала, будто имеет дело со слабой восточной деспотией, и проиграла. Турки, хорошо обученные их союзниками-немцами, быстро освоили методы ведения позиционной войны. И их моральный дух — комбинация младотурецкого национализма и мусульманского рвения — был высок. Хасан Этем служил в 57-м полку 19-й дивизии Кемаля. Семнадцатого апреля 1915 года Этем писал матери:

> "Господь мой! Все, что хотят эти героические солдаты, это донести Твое имя до слуха французов и англичан. Пожалуйста, прими это наше благородное желание и сделай наши штыки острее, чтобы мы сокрушили врага. Ты уже уничтожил многих из них, так уничтожь еще больше", — помолившись так, я встал. Не было никого радостнее и счастливее, чем я тогда. Если волею Господа враг высадится на сушу и мы окажемся на передовой, то разве не произойдет бракосочетание [единение мученика с Аллахом]?

Мятежи индийских войск в Ираке и рвение турецких солдат на Галлиполийском полуострове наводят на мысль, что германская стратегия священной войны вполне могла принести плоды.

Британцы терпели неудачу всюду, где пытались ударить по туркам в лоб. Несмотря на первые успехи — взятие Басры, продвижение по Тигру к Багдаду, — захват индийской армией Месопотамии закончился провалом. Девятитысячный экспедиционный корпус генерала Чарльза Тауншенда (две трети составляли индийцы) пять месяцев сидел в осаде в Кут-эль-Амаре. После неудачных попыток деблокировать город Тауншенд был

* Презрительное прозвище англичан. — *Прим. пер.*

вынужден капитулировать*. Несмотря на эти *débâcles*** англичане незамедлительно разработали новую ближневосточную стратегию, почти столь же фантастическую, как и германский план исламского джихада против Британской империи. Идея была в том, чтобы подстрекать к антитурецкому восстанию живущие в пустыне арабские племена под началом шерифа Мекки Хусейна ибн Али. Олицетворял эту новую стратегию Томас Эдвардс Лоуренс — эксцентричный историк из Оксфорда, ставший тайным агентом, археолог, лингвист, умелый картограф и талантливый партизан, склонный к мазохизму гомосексуалист, который стремился к известности и бежал от нее всякий раз, когда она приходила. Лоуренс был незаконнорожденным сыном ирландского баронета и няньки, пламенным востоковедом, испытывавшим удовольствие от ношения арабской одежды, и человеком, который не делал тайны из того, что был изнасилован (или только мечтал об этом?) турецкими охранниками во время своего краткосрочного пленения в Дераа. Его общность с арабами можно оказалось бесценным.

Цель Лоуренса состояла в том, чтобы взорвать Османскую империю изнутри, превратив арабский национализм в новую силу, которая, как он верил, могла бы взять верх над субсидируемой немцами священной войной. Вековому турецкому правлению над Аравией время от времени бросали вызов местные кочевые племена. Приняв их язык и платье, Лоуренс намеревался обратить их недовольство на пользу Британии. Лоуренс, будучи прикомандированным с июля 1916 года к сыну Хусейна Фейсалу, решительно возражал против развертывания британских войск в Хиджазе. Арабы должны были почувствовать, считал он, что борются за свободу, а не за привилегию быть управляемыми британцами, а не турками:

* Последующее пренебрежение судьбой солдат Тауншенда и высокая смертность среди них вызвали скандал, который привел к отставке Остина Чемберлена с поста министра по делам Индии, хотя вина лежит на скупых его подчиненных.

** Крах, разгром (*фр.*). — *Прим. пер.*

> Арабы должны быть первым нашим "коричневым" доминионом, а не последней "коричневой" колонией. Арабы сопротивляются, если вы пытаетесь вести их, и они столь же упрямы, как евреи. Но вы можете привести их куда-либо без насилия, якобы идя рука об руку. Будущее Месопотамии настолько блестяще, что если она всем сердцем будет с нами, мы сможем раскачать весь Ближний Восток.

Это сработало. С помощью Лоуренса арабы начали очень эффективную партизанскую войну и перерезали турецкие коммуникации вдоль Хиджазской железной дороги от Медины до Акабы. К осени 1917 года они испытали на прочность турецкую оборону в Сирии, когда армия генерала Эдмунда Алленби прошла от Синая к Иерусалиму. Девятого декабря Алленби пригласил Лоуренса присоединиться к нему, когда тот, с надлежащим смирением, вошел в Святой город через древние Яффские ворота — пешком ("Да и как можно было поступить иначе, если Он так вошел сюда?"). Это был волнующий момент. После трех долгих лет военных неудач — наконец-то настоящая победа со всеми полагающимися атрибутами: с кавалерийскими атаками, бегущим неприятелем и молодым героем впереди. Романтически настроенным людям то обстоятельство, что Иерусалим теперь был в христианских руках, напомнило о крестовых походах — несмотря на то, что из-за неразберихи сдачу города первым принял повар-кокни, спозаранку пытавшийся найти яйца для завтрака*.

■

К концу лета 1918 года стало ясно, что кайзеровская стратегия глобальной войны провалилась. В конечном счете, дело было не в том, что сюжет "Зеленой мантии" был выдумкой, а в том,

* Получив ключи от города, он будто бы сказал: "Мне не нужен ваш *хород*. Мне нужно *хьяиц* для моих *хофцеров*!"

что немецкая стратегия оказалась далека от реальности. Мировая война, *Weltkrieg*, была неосуществима, как и план поставить кубанских казаков под начало австрийского офицера, который был братом митрополита Галицкого, или столь же безумное предложение немецкого этнографа Лео Фробениуса склонить на свою сторону Лиджа Иясу, императора Абиссинии. Немцам были необходимы люди-хамелеоны вроде Лоуренса, способные понимать неевропейские культуры. Но для появления таких людей требовались столетия связей с Востоком. Типично дилетантским было немецкое посольство к эмиру Афганистана, пятнадцать участников которого пробирались через Константинополь, снабженные викторианскими атласами и замаскированные под бродячий цирк. Неудивительно, что антибританский джихад не привел ни к чему, кроме временного укрепления турецкого духа, и что арабский национализм оказался сильнее.

Война 1914–1918 годов была мировой, но исход ее решился в Западной Европе. Австрийцы, как и хотели, выиграли войну против Сербии. Немцы, как и хотели, выиграли войну против России и, кроме того, победили Румынию. С другой стороны, британцы и французы взяли верх над Османской империей, не говоря уже о Болгарии. Даже итальянцы в конечном счете победили Австрию. Но не это определило исход войны. Она должна была закончиться во Фландрии и Франции: именно там немцы весной 1918 года предприняли последнее решительное наступление, но когда оно провалилось, поражение стало делом времени, и дух германской армии, прежде высокий, начал слабеть. В то же время дела Британского экспедиционного корпуса после четырех лет кровавой бойни пошли на лад. С возвращением мобильности на Западном фронте, была наконец достигнута надлежащая координация действий пехоты, артиллерии и авиации. В мае-июне 1918 года британцы взяли в плен менее трех тысяч немцев. В июле, августе и сентябре количество пленных превысило девяносто тысяч. Двадцать девятого сентября 1918 года германское Верховное командование,

опасающееся бунта, предложило перемирие, предоставив грязную работу по ведению переговоров о капитуляции прежде бездействовавшим немецким парламентариям.

Отчасти поэтому многие немцы не поняли, почему проиграли войну. "Некомпетентные милитаристы" и "ноябрьские преступники"* винили друг друга. На самом же деле поражение было обусловлено внешними, а не внутренними причинами: это был неизбежный результат попытки вмешаться в глобальный конфликт, не будучи при этом мировой державой. Учитывая огромную разницу в ресурсах, единственная загадка заключается в том, почему Британской империи потребовалось столько времени, чтобы одолеть Германскую.

■

Во время Версальской мирной конференции много говорили о новом мировом порядке, основанном на самоопределении и коллективной безопасности. Однако итоговый документ не содержал ничего нового: победителю — трофеи. Как выразился историк Г. А. Л. Фишер, мирные договоры прячут "грубость завоевания" под "покрывалом этики".

Несмотря на обещания Лоуренса арабам, после войны было принято решение придать Ираку, Трансиордании и Палестине статус британских "мандатных территорий" (эвфемизм для колоний), в то время как Франция получила Сирию и Ливан**. Германские колонии Тоголенд, Камерун и Восточная Африка были присоединены к британским. Юго-Западная Африка отошла Южной Африке, Западное Самоа — Новой Зеландии, а Новая Гвинея вместе с архипелагом Бисмарка

* Оборот, используемый нацистскими пропагандистами в адрес тех, кто способствовал заключению перемирия 11 ноября 1918 года. — *Прим. пер.*

** Согласно соглашению Сайкса — Пико (1916), которое неистово отвергал Лоуренс. Он сказал Фейсалу, что "намеревается поддерживать его несмотря ни на что и в случае необходимости бороться против французов за восстановление Сирии".

и северной частью Соломоновых островов — Австралии. Богатый фосфоритами остров Науру был разделен между двумя австралазийскими доминионами и Британией. Теперь даже у колоний были собственные колонии. Империя получила приблизительно 1,8 миллиона квадратных миль территории и приблизительно тринадцать миллионов подданных. Министр иностранных дел Артур Бальфур с удовлетворением отметил, что на карте мира стало "больше красного". Министр по делам Индии Эдвин Монтегю сухо прокомментировал, что хотел бы услышать какие-либо возражения против британской аннексии всего мира. Год спустя министр по делам колоний Лео Эмери предъявил права на Антарктиду.

Заключив союз с турками, немцы сделали Ближний и Средний Восток театром военных действий. В итоге регион достался Британии. Еще перед войной Аден, Египет, Судан, Кипр, Северное Сомали, Договорный Оман, а также Маскат, Оман, Кувейт и Катар прямо или косвенно находились под британским владычеством. Теперь ко всему этому прибавились мандатные территории (как выразился один чиновник, без "официальной пантомимы, известной как протекторат"). Кроме того, англичане укрепили свои позиции в Иране при Пехлеви благодаря контрольному пакету акций Англо-персидской нефтяной компании (позднее "Бритиш петролеум"). В меморандуме Адмиралтейства (1922) говорилось: "Самое важное со стратегической точки зрения — Британия должна контролировать территории, где есть нефть". Хотя в то время Ближний и Средний Восток производил всего 5 % мировой нефти, британцы строили империю с расчетом.

Одних территориальных приобретений казалось мало. В 1914 году Германия была основным конкурентом Британии на море. Война, перемирие и мирный договор уничтожили Германию как морскую державу. Британцы захватили все немецкие корабли, что смогли: и военные, и торговые. Несмотря на то, что немцы затопили свой ВМФ в бухте Скапа-Флоу вместо того, чтобы отдать его, у Британии (считая только корабли

класса "Дредноут" и последующие) было сорок два крупных боевых корабля против сорока четырех кораблей у всех остальных государств мира. Соединенные Штаты со своими шестнадцатью кораблями оказались на втором месте.

Известно, что в Версале было принято решение сделать Германию ответственной не только за компенсацию ущерба, нанесенного военными действиями, но также за военные пенсии и пособия семьям военнослужащих. Немцам был предъявлен огромный счет. Менее известно (британцы позднее попытались переложить вину на французов), что это было сделано в значительной степени по настоянию австралийского премьер-министра Уильяма М. Хьюза, который считал, что его страна ничего не получит, если размер репараций будет сокращен. Хьюз, амбициозный уроженец Уэльса, эмигрировавший в Австралию в возрасте около двадцати лет, подошел к участию в мирном урегулировании с деликатностью рабочих сиднейского порта, где он впервые добился политического успеха как организатор профсоюза. Пусть кайзер, заявил Хьюз, вел Германию,

> однако она следовала за ним не только по своей воле, но и с охотой. Вина ложится на плечи всех классов и всех частей общества. Они все были опьянены животной страстью, надеждой на завоевание мира — и помещик, и торговец, и рабочий, — все надеялись поучаствовать в грабеже. Таким образом, ответственность за войну ложится на немецкую нацию, и она должна искупить свое преступление.

Возможно, самое яркое выражение послевоенного триумфального настроения — это грандиозная аллегорическая фреска Сигизмунда Гетце *Britannia Pacifatrix*, заказанная Министерством иностранных дел и законченная в 1921 году. Британия стоит, исполненная великолепия, в римском шлеме и красном плаще. Слева от нее — четыре фигуры, подобные Адонису, олицетворяющие "белые" доминионы, справа — несколько ее

более экзотических союзников, Франция, Соединенные Штаты и (источник необычной республиканской формы правления) Греция. У ног Британии — дети побежденного врага. Едва различим под ногами великих белых богов чернокожий мальчик с корзиной фруктов. По-видимому, он олицетворяет вклад Африки в победу.

Однако для Британии мир оказался иллюзорен. Правда, империя никогда не была больше, но ей никогда и не приходилось платить за победу такую цену, в сравнении с которой экономическое значение новых территорий было незначительным, если не отрицательным. Ни одна держава не потратила на войну так много, как Британия: немногим менее десяти миллиардов фунтов стерлингов. Это была высокая цена даже за миллион квадратных миль, тем более что управление ими требовало больше расходов, чем они приносили дохода. Приведем пример: стоимость управления Ираком составила в 1921 году 23 миллиона фунтов стерлингов — больше, чем расходы Британии на здравоохранение.

До 1914 года большинству казалось, что прибыль от империи превышает расходы. После 1918 года расходы перевесили.

Сомнения

Почти весь XX век бетонные башни-близнецы стадиона Уэмбли были символом английского футбола, местом ежегодного финала Кубка Футбольной лиги. Однако сначала они стали символом британского империализма.

Король Георг V открыл Выставку Британской империи 23 апреля 1924 года. Она предназначалась для широкого празднования мировых достижений, для утверждения тезиса, что у империи не только великолепное прошлое, но также и грандиозное будущее, в особенности экономическое. Авторы официального проспекта весьма ясно высказывались о цели выставки. Она должна была помочь

> найти... новые источники благосостояния империи; способствовать торговле внутри империи и открыть новые мировые рынки для продукции доминионов и метрополии; помочь различным расам Британской империи лучше узнать друг друга и продемонстрировать народам Британии почти неограниченные возможности доминионов, колоний и зависимых территорий.

По этому случаю унылые окраинные улицы были переименованы Редьярдом Киплингом в честь героев империи вроде Дрейка. Но тон задал сам Уэмбли. То, что стадион был построен из бетона и ужасно выглядел, было знаком современности. Открытие выставки также стало поводом для первого выступления короля по радио.

В одном отношении выставка имела большой успех. Более 27 миллионов человек посетили эти двести акров земли. Выставка была настолько популярной, что работала и в 1925 году. В День империи более девяноста тысяч человек пришли на стадион для участия в благодарственной службе. Не так много, конечно, как когда "Болтон вандерерс" играли с "Вестхэм юнайтед" (127 тысяч зрителей), но все же много. Посетители могли посмотреть на конную статую принца Уэльского, целиком сделанную из канадского масла, а также стать свидетелями зрелищного боя с зулусами, инсценированного на стадионе. Они могли передвигаться от павильона к павильону на поезде, оптимистично названном "никогда не останавливающимся". Везде, куда бы они ни взглянули, были осязаемые признаки жизнеспособности империи — прежде всего экономической.

Ирония заключалась в том, что, несмотря на правительственную субсидию (2,2 миллиона), выставка принесла убытков на полтора миллиона фунтов стерлингов: явный контраст с доходностью выставок, проводившихся до 1914 года. Находились те, кто усматривал параллели между удручающим состоянием имперской выставки и самой империей. Возможно, еще тревожнее было то, что над выставкой стали потешаться.

Пелэм Г. Вудхаус в своем очерке для "Сэтердей ивнинг пост" командировал на Уэмбли своего самого известного персонажа, Берти Вустера, вместе с его другом Биффи. Будучи озабочены размолвкой последнего с девушкой, оба вскоре утомились от достойных, но унылых экспонатов:

> Знаете, по правде говоря, я не знаток и не любитель разного рода выставок. Большое количество граждан отбивает у меня всякую охоту смотреть на экспонаты, и когда меня толкают со всех сторон, мне через полчаса начинает казаться, что я хожу по раскаленным углям. Что же касается балагана, в котором я тогда оказался, ничего заслуживающего внимания там, с моей точки зрения, не было. Нет, нет, я не спорю, несомненно, миллионы людей визжат от восторга и приходят в возбуждение при виде чучела ежа-рыбы под стеклянным колпаком или зерна из Западной Австралии, но Бертрам к их числу не относится. Да, Бертрам не из их числа, можете мне поверить. К тому времени, как мы закончили осмотр типичной деревни Золотого Берега и направились к Индустриальному павильону, все признаки указывали на то, что скоро я потихоньку улизну и отправлюсь в бар "Упрямая Лошадь", расположенный в секторе Вест-Индии... Я никогда не был в Вест-Индии, но теперь могу засвидетельствовать, что они там обскакали Европу на несколько голов. Парень за стойкой — хотел бы я, чтобы все были такими, как он, — угадал наши желания, едва мы появились на горизонте. Не успели наши локти опереться о деревянную поверхность, любитель скачек начал носиться как угорелый, наливая в бокалы то из одной бутылки, то из другой. По-моему, он считал, что напиток никуда не годится, если в нем нет по меньшей мере семи разнообразных жидкостей, и, обратите внимание, я не стану утверждать, что он был не прав. Называлась эта смесь "Зеленый Змий", и если я когда-нибудь женюсь и у меня родится сын, я запишу его в регистрационную книгу под именем Зеленый Змий Вустер в память

о том дне, когда чудодейственный напиток спас жизнь его отца в Уэмбли*.

Уэмбли посетили также Билли Бантер из журнала "Мэгнет" и Ноэль Ковард ("Я привел вас сюда, чтобы вы увидели чудеса империи, но все, чего вы хотите, — кататься на электрических машинках?"). Генри М. Бэйтмен, автор карикатуры в "Панче", задает вопрос: "А вы уже уэмблились?"

До 20-х годов британцы были замечательно стойкими в нежелании "уэмблиться" и в серьезном отношении к своей империи. Это было источником силы. Много героических дел было сделано просто потому, что этого ждали от белых. Джордж Оруэлл во время своей службы в полиции в Бирме в 20-х годах был вынужден стрелять в бешеного слона "с одной целью — не стать посмешищем":

> Но даже тогда я думал не столько о собственной шкуре, сколько о следящих за мною желтых лицах. Потому что в тот момент, чувствуя на себе глаза толпы, я не испытывал страха в обычном смысле этого слова, как если бы был один. Белый человек не должен испытывать страха на глазах 'туземцев', поэтому он, в общем и целом, бесстрашен. Единственная мысль крутилась в моем сознании: если что-нибудь выйдет не так, эти две тысячи бирманцев увидят меня удирающим, сбитым с ног, растоптанным, как тот оскаленный труп индийца на горе, с которой мы спустились. И если такое случится, то, не исключено, кое-кто из них станет смеяться. Этого не должно произойти**.

Эрик Блэр (под этим именем он был тогда известен) едва ли мог быть лучше подготовлен к своей работе. Он родился в Бенгалии, был сыном чиновника таможенного управления в Ин-

* Пер. М. Гилинского. — *Прим. пер.*

** Пер. А. Файнгар. — *Прим. пер.*

дии и учился в Итоне. Даже он нашел, что теперь уже трудно играть роль мирового полицейского с невозмутимым лицом.

Случай Оруэлла совсем не уникален. Поколение испытывало надлом. Леонард Вулф, муж Виржинии Вулф, в 1904 году поступил на Цейлоне на колониальную службу и был послан управлять территорией в тысячу квадратных миль внутри страны. Он ушел в отставку еще перед войной, убежденный в "нелепости того, что люди, принадлежащие к одной цивилизации и ведущие один образ жизни, пытаются навязывать свое правление тем, кто принадлежит к совершенно иной цивилизации и ведет иной образ жизни". Большее, на что имперский администратор мог надеяться, это

> помешать тому, чтобы люди убивали или грабили друг друга, или сжигали дотла поселки, или заболевали холерой, чумой или оспой, и если удастся выспаться в одну ночь из трех, можно быть действительно довольным... Там... все происходит медленно, согласно судьбе, а вы — вы не делаете ничего, вы наблюдаете за тремястами миллионами.

В молодости Фрэнсис Э. Янгхазбенд пересек пустыню Гоби, стал свидетелем рейда Джеймсона, а в 1904 году возглавил первую британскую экспедицию в Лхасу, где находился двор Далай-ламы. Однако к 1923 году он стал адептом идеи свободной любви и взял себе имя Свабхава, "последователь Света". Четыре года спустя он написал книгу под названием "Жизнь среди звезд: изложение точки зрения, что на некоторых планетах, вращающихся вокруг некоторых звезд, обитают существа, более высокоразвитые, чем мы сами, а на одной из них — Правитель Мира, высшее воплощение вечного духа, который оживляет целое". Роберта Э. Чайлдерса сейчас знают как автора триллера "Загадка песков". Однако этот ветеран бурской войны доставлял ирландским волонтерам оружие из Германии в 1914 году, был секретарем ирландской делегации на переговорах 1921 года и, наконец, предстал перед расстрельной коман-

дой за то, что примкнул к крайним республиканцам в гражданской войне.

Особенно странный случай являет собой Гарри Сент-Джон Бриджер Филби. Сын кофейного плантатора с острова Цейлон, Филби имел все задатки имперского героя со страниц скаутской газеты: королевский стипендиат в Вестминстере, лучший студент кембриджского Тринити-колледжа, чиновник Индийской гражданской службы. Подвиги Филби на Ближнем Востоке в Первую мировую войну и после нее меркли только перед подвигами Лоуренса. Однако, поддерживая притязания ибн Сауда на господство над постосманской Аравией, Филби пошел против линии Уайтхолла, поставившего на Хусейна — кандидата Лоуренса. В 1921 году Филби ушел в отставку прямо перед тем, как его собирались уволить. К 1930 году он принял ислам и усердно защищал интересы ибн Сауда, который к тому времени изгнал Хусейна. Кульминацией отступничества Филби были его успешные переговоры относительно важной сделки в 1933 году между саудовцами и представителями "Стандарт ойл", что в итоге дало Америке преимущество над Британией. Сын Филби, советский шпион Ким Филби, позднее вспоминал, что под влиянием отца стал "безбожным маленьким антиимпериалистом", когда ему не исполнилось и десяти лет. Утрата веры в империю часто шла рука об руку с утратой веры в бога.

Даже Лоуренс, герой войны в пустыне, испытал надлом. Он стал знаменитостью благодаря американскому импресарио Лоуэллу Томасу, премьера фильма которого "С Алленби в Палестине" состоялась в Ковент-Гардене в августе 1919 года. Однако Лоуренс ушел в тень: сначала в оксфордский колледж Олл-Соулз, затем, тайно, в королевские ВВС, базирующиеся в Аксбридже, где принял псевдоним Росс. Уволившись из авиации, он завербовался в танковый корпус под именем Шоу, в честь своего нового неожиданного наставника — вольнодумца-драматурга Джорджа Б. Шоу. Чтобы избежать шума, вызванного публикацией сокращенных "Семи столпов мудро-

сти", Лоуренс вновь поступил в BBC и был послан в Карачи, а после удалился в Дорсет. Он погиб в 1935 году в бессмысленной аварии — разбился на мотоцикле.

Если даже герои испытывали сомнения, то неудивительно, что сомневались и люди с небольшим имперским опытом. Э.М. Форстер ненадолго задержался в Индии, когда согласился стать личным секретарем махараджи Деваса в 1921 году. Этот опыт вдохновил Форстера на сочинение "Поездки в Индию" (1924) — вероятно, самого влиятельного литературного обвинения британцев в Индии, где самодовольные молодые люди говорят нечто вроде "Мы здесь не затем, чтобы вести себя хорошо", а чопорные молодые особы жалуются на то, что "всегда чувствуешь себя, как при свете рампы". Сомерсет Моэм (хотя свои познания он приобрел в ходе туристических поездок) всегда радовался трещинам в фасаде господства, как в "Открытой возможности", в которой трусость, единожды проявленная в отдаленном районе, стоила человеку и карьеры, и жены. Ключевой вопрос здесь был: "Вы хоть понимаете, что... покрыли правительство позором... [и] сделались посмешищем для всей колонии?" Ивлин Во, другой литературный турист, своей "Черной бедой" (1932) сделал нечто еще более разрушительное для британцев в Африке: он высмеял их всех — от бессовестного авантюриста Бэзила Сила до получившего образование в Оксфорде императора Сета. В "Дейли экспресс" (чье вмешательство в колониальные дела вдохновило Во на сочинение "Сенсации") колонка Дж.Б. Мортона (под псевдонимом Бичкомбер) явила ряд еще более смехотворных имперских персонажей: "Большой белый Карстайрс", резидент в Джабуле, и Мбабва из Мгонкавиви. Но, вероятно, ничто не выразило лучше новое дискредитированное изображение империи, чем фигура полковника Блимпа. Персонаж карикатур Дэвида Лоу, состарившийся на колониальной службе полковник Блимп — толстый, лысый, раздражительный и никому не нужный — олицетворял все то, что презирало в империи межвоенное поколение. Позднее Лоу так описывал своего персонажа:

> Блимп не испытывал энтузиазма по поводу демократии. Он был нетерпим к простым людям и их жалобам. Средством против общественных волнений он считал сворачивание образования, чтобы люди не смогли прочитать о кризисах. Крайний изоляционист, не любящий иностранцев (к которым он причислял евреев, ирландцев, шотландцев, валлийцев и жителей колоний и доминионов), сторонник насилия, одобряющий войну. Он не видел пользы ни в Лиге Наций, ни в международных усилиях по предотвращению войн. Особенно он возражал против любого экономического перераспределения мировых ресурсов, подразумевающего изменение статус-кво.

Незаметно даже сверхимпериалист превращался в "малого англичанина".

В этом коллективном приступе сомнения любопытно вот что: наиболее восприимчивой к нему оказалась традиционная имперская элита. Расхожие представления об империи оставались позитивными — не в последнюю очередь благодаря новому, вскоре повсеместно распространившемуся медиа — кино. Империя (множество кинозалов назывались "Империя") была естественным источником кассовых сборов. Она предполагала динамику, экзотику, а если приложить немного воображения, то и гетеросексуальную романтическую историю. Неудивительно, что британские кинематографисты создавали фильмы на имперские темы, такие как "Барабан" (1938) и "Четыре пера" (1939). Последний фильм был настолько впечатляющим, что даже "Нью-Йорк таймс" назвала его "империалистической симфонией". Удивительнее было воодушевление Голливуда в 30-х годах, где в течение всего четырех лет сняли не только классическую "Жизнь бенгальского улана" (1935), но и фильмы "Клайв Индийский" (1935), "Солнце никогда не заходит", "Ганга Дин" и "Стэнли и Ливингстон" (вышли в 1939 году). Так или иначе, это была империя для узколобых. Всего год спустя Джон Бакен с унынием написал: "Сегодня слово [империя],

к сожалению, поблекло... Империю отождествили с уродствами вроде крыш из рифленого железа и сырых городков, либо, что еще хуже, с расовым высокомерием... Фразы, достойные идеалов и поэзии, были затерты авторами плохих виршей и застольными ораторами".

■

Близящийся кризис доверия к империи коренился в слишком высокой цене, которую Британия заплатила за победу над Германией в мировой войне. Список убитых на одних только Британских островах включал приблизительно три четверти миллиона человек (каждый шестнадцатый мужчина 15–50 лет). Экономическую цену победу определить труднее. В 1919 году Джон Мейнард Кейнс с нежностью вспоминал "удивительный момент экономического развития человека... который закончился в августе 1914 года":

> Среднему и высшему классу... предлагалась дешевая жизнь почти без бед, с удобствами, комфортом и удовольствиями, которые были недоступны богатейшим и могущественнейшим монархам других эпох. Житель Лондона мог заказать по телефону, потягивая поутру чай в постели, товары со всей земли в том количестве, какое он находил нужным, и резонно ожидал их скорую доставку к своему порогу. Он мог... при помощи все того же средства вкладывать состояние в природные ресурсы или новые предприятия в любой точке мира...

Теперь, после спада, оказалось очень трудно вернуться к устоям довоенной эпохи. Еще перед войной были предприняты первые попытки ограничить свободное движение трудовых ресурсов, но впоследствии ограничения стали куда жестче, к 30-м годам почти перекрыв поток эмигрантов в США. В довоенное время были увеличены тарифы во всем мире,

но они главным образом были нацелены на увеличение дохода. В 20-х — 30-х годах барьеры против свободной торговли были вдохновлены идеалом автаркии.

Самое значительное экономическое изменение из всех, вызванных войной, случилось на международном финансовом рынке. Внешне это выглядело как возвращение (в 20-х годах) к обычному порядку вещей. Золотой стандарт был в целом восстановлен, и меры военного времени, направленные на регулирование движения капитала, были отменены. Британия вернула себе роль всемирного банкира, хотя теперь Соединенные Штаты почти столь же активно инвестировали за рубежом*. Но великолепная, некогда отлаженная машина начала сильно вибрировать и глохнуть. Одной из причин были огромные военные долги: не только немецкие репарации, но и целый комплекс долгов союзников-победителей друг другу. Другой причиной был отказ американского и французского центральных банков следовать "правилам игры" золотого стандарта, поскольку они накопили недостаточно золота. Главная проблема, однако, состояла в том, что экономическая политика (в прошлом основавшаяся на классических либеральных принципах, гласящих, что бюджет должен быть сбалансирован, а банкноты — обеспечены золотом) теперь подвергалась давлению демократической политики. Инвесторы более не могли быть уверены как в том, что у обремененных долгами правительств появится желание сокращать расходы и поднимать налоги, так и в том, что в случае сокращения объема золотого запаса процентные ставки будут подняты, чтобы поддержать конвертируемость валюты, независимо от кредитной рестрикции, которую этот шаг повлек бы.

Британия, крупнейший исключительный бенефициар первой эпохи глобализации, на ее закате вряд ли могла выиграть. В 20-х годах казалось, что прежняя, проверенная политика уже не действовала. Военные расходы привели к десяти-

* Зарубежные инвестиции Великобритании в 1930 году оценивались в 18,2 миллиарда долларов, инвестиции США — в 14,7 миллиарда долларов.

кратному увеличению государственного долга. Одна только выплата процентов по нему в середине 20-х годов составляла около половины расходов правительства. Однако предположение, что бюджет должен быть сбалансирован, а в идеале иметь профицит, означало, что в сфере государственных финансов доминировала передача дохода налогоплательщиков держателям облигаций. Решение вернуться к золотому стандарту вместо переоцененного обменного курса 1914 года обрекло Британию более чем на десятилетие дефляционной политики. Влияние профсоюзов, возросшее за годы войны и в послевоенное время, не только обострило борьбу в промышленности, наиболее явно проявившуюся во Всеобщей стачке 1926 года. Она подразумевала также, что зарплата снижалась медленнее, чем цены. Рост реальной заработной платы привел к безработице: в низшей точке Депрессии в январе 1932 года почти три миллиона человек (около четверти всех застрахованных рабочих) были безработными.

Однако замечательно в британской рецессии не то, что она была не настолько глубокой, как кризис в Соединенных Штатах и Германии. Это обстоятельство не имело никакого отношения к кейнсианской революции в экономической теории. Хотя "Общая теория занятости, процента и денег" (1936) обосновывала государственное регулирование совокупного спроса (то есть использование бюджетного дефицита для стимулирования ослабленной экономики), к нему прибегли значительно позднее. Восстановление принесло пересмотр экономических принципов империи. Британия возвратилась к прежнему золотому стандарту отчасти из-за опасения, что доминионы перейдут на доллар, если фунт обесценится. В 1931 году оказалось, что фунт может быть девальвирован и что доминионы останутся ему верны. Стерлинговая зона неожиданно стала крупнейшей в мире системой фиксированных валютных курсов, причем освобожденной от привязки к золотому стандарту. В торговой политике также произошла радикальная перемена. Прежде британские избиратели дважды отвергли голосова-

нием протекционистский курс. Но то, что считалось невероятным в старые добрые времена, во время всеобщего кризиса стало неизбежным. Как и надеялся Джозеф Чемберлен, "имперские преференции" (установленные в 1932 году льготные пошлины на колониальные товары) оживили торговлю между частями империи. В 30-х годах экспорт из метрополии в колонии и доминионы увеличился с 44 до 48 %, а доля импорта оттуда в Великобританию — с 30 до 39 %. Таким образом, хотя политические связи Британии с ее доминионами и были ослаблены Вестминстерским статутом 1931 года, экономические связи между ними стали прочнее*.

Выставка в Уэмбли не вводила в заблуждение: в империи еще водились деньги. Об этом жителям метрополии неустанно напоминали такие, например, организации, как Имперский торговый совет (ИТС). Он был учрежден Лео Эмери для того, чтобы подспудно внушать людям "имперские преференции". В одном только 1930 году в 65 британских городах прошло более двухсот "недель имперских покупок". По предложению ИТС королевский повар придумал рецепт "имперского рождественского пудинга":

1 фунт кишмиша (Австралия),
1 фунт коринки (Австралия),
1 фунт изюма без косточек (Южная Африка),
6 унций нарезанных яблок (Канада),
1 фунт хлебных крошек (Соединенное Королевство),
1 фунт говяжьего нутряного сала (Новая Зеландия),
6 унций цукатов (Южная Африка),

* В Декларации Бальфура (1926) было предложено определить доминионы как "автономные общества внутри Британской империи, равные по статусу, ни в каком отношении не подчиненные одно другому в каком бы то ни было смысле в их внутренних и иностранных делах, хотя и объединившиеся в качестве членов Британского Содружества наций", и эта формулировка была повторена в Вестминстерском статуте (1931). Доминионы могли выйти из Содружества, если пожелают. Интересно, что Австралия и Новая Зеландия не выразили особенного энтузиазма по поводу децентрализации и не принимали статут до 40-х годов.

8 унций муки (Соединенное Королевство),
1 фунт тростникового сахара (Вест-Индия),
4 яйца (Ирландское Свободное государство),
1/2 унции молотой корицы (Цейлон),
1/2 унции молотой гвоздики (Занзибар),
1/2 унции молотого мускатного ореха (Стрейтс-Сеттлментс),
1 щепотка пряностей для пудинга (Индия),
1 столовая ложка бренди (Кипр),
2 столовых ложки рома (Ямайка),
1 пинта пива (Англия).

Месседж был ясен: пудинг — это империя. Без нее пудинга не было бы, а были бы просто крошки, мука и пиво. Или, как сказал Оруэлл, Британия без своей империи была бы просто "холодным незначительным островком, где мы только и делали бы, что вкалывали, пробавляясь сельдью и картофелем".

Ирония заключалась в том, что одновременно с ростом экономической мощи империи в списке ее политических приоритетов оборона уходила вниз. Под давлением избирателей, требующих соблюдать обязательства военного времени и строить "дома, достойные героев", не говоря уже о больницах и школах, британские политические деятели сначала пренебрегали защитой империи, а после просто забыли о ней. В течение десятилетия, предшествующего 1932 году, бюджетные ассигнования на оборону сократились более чем на треть, в то время как расходы итальянцев и французов на вооружение увеличились на 60 и 55 % соответственно. В августе 1919 года на заседании военного кабинета было принято удобное правило:

> Следует предположить, что, согласно пересмотренной оценке, Британская империя в следующие десять лет не будет вовлечена ни в одну масштабную войну и что не потребуется снаряжать экспедиционный корпус... Основная функция сухопутных и военно-воздушных сил — это комплектование гарнизонов в Индии, Египте, на новых мандатных террито-

риях и всех территориях, находящихся под британским контролем (кроме самоуправляющихся), а также оказание необходимой поддержки гражданским властям в метрополии.

До 1932 года "десятилетнее правило" ежегодно подтверждалось, и ежегодно новые расходы отклонялись. Обоснование было простым: министр финансов Невилл Чемберлен*, сын Джозефа Чемберлена, объявил в 1934 году, что "для нас невозможно помыслить одновременную войну против Японии и Германии. Мы просто не можем позволить себе такие расходы". "Единственной мыслью" сэра Арчибальда Монтгомери-Массингберда, главы имперского Генштаба в 1928–1940 годах, было "отложить войну, не смотреть в будущее".

В 1918 году Британия выиграла войну на Западном фронте благодаря огромному подвигу военной модернизации. В 20-х годах почти все, чему тогда научились, забыли во имя экономики. Жестокая действительность состояла в том, что, несмотря на победу и приобретенную территорию, Первая мировая война сделала империю уязвимее, чем когда-либо. Война сыграла роль теплицы для многих военных технологий: танка, субмарины, самолета. После войны империя должна была продолжать "подкармливать" их деньгами. Этого не было сделано. Британцы очень гордились "красной линией" гражданского воздушного сообщения, связывающей Гибралтар с Бахрейном и далее с Карачи, но не сделали почти ничего для обеспечения противовоздушной обороны своей империи. В 20-х годах на авиашоу в Хэндоне главным аттракционом была имитация бомбежки "туземных" деревень: вот, пожалуй, и все, на что были способны королевские ВВС. В 1927 году генерал сэр Р. Дж. Эгертон гневно возражал против замены кавалерии бронетехникой на том курьезном основании, что "лошадь оказывает на людей гуманизирующее воздействие". Несмотря

* Невилл Чемберлен никогда не разделял любовь отца к империи, возможно потому, что в молодости был принужден управлять семейной плантацией сизаля (двадцать тысяч акров) на Багамах. Предприятие окончилось крахом.

на поддержку Черчиллем внедрения танков и бронеавтомобилей (или, возможно, как раз из-за нее), решение о моторизации кавалерийских полков откладывалось до 1937 года. Тем, кто был ответственным за вооружение кавалерии, казалось важнее проектирование короткой пики наподобие той, которая использовалась в Индии для охоты на кабанов. В 1939 году, когда Британия снова отправилась на войну, основную часть парка ее полевых орудий составляли еще модели, выпущенные до Первой мировой и имевшие вдвое меньшую дальность стрельбы, чем немецкие.

■

Политикам некоторое время это сходило с рук, поскольку основная угроза стабильности империи тогда исходила изнутри ее, а не извне.

В полдень пасхального понедельника 1916 года около тысячи крайних ирландских националистов во главе с поэтом Патриком Пирсом и социалистом Джеймсом Конноли вошли в Дублин и заняли некоторые общественные здания, в частности огромный Главный почтамт. Пирс провозгласил Ирландскую республику. После трех дней ожесточенной, но бесполезной борьбы, в ходе которой британская артиллерия нанесла существенный ущерб центру города, мятежники сдались. Восстание было явным предательством: мятежники просили у немцев оружие и почти получили его. Первая британская реакция была жесткой: главных заговорщиков казнили. (Чтобы расстрелять умирающего от ран Конноли, его пришлось привязать к стулу.) После войны правительство стремилось использовать бывших военных, печально известных "черно-пегих", чтобы попытаться искоренить воинственный республиканизм, теперь ставший чем-то большим, чем массовое движение под знаменами партии Шин фейн и ее боевого крыла — Ирландской республиканской армии. Но, как часто

случалось в этот период, британцы испытывали недостаток смелости для осуществления репрессий. Когда "черно-пегие" открыли огонь по толпе на матче гэльского футбола в Кроук-парке, это вызвало почти такое же сильное отвращение в Англии, как и в Ирландии. К 1921 году, когда потери англичан достигли 1400 человек, желание сражаться прошло. Было торопливо заключено мирное соглашение. В 1920 году Ирландия уже была разделена на две части: северную (шесть округов), где преобладали протестанты, и южную (двадцать шесть округов), где преобладали католики. Единственным достижением Ллойд Джорджа теперь было удержание обеих частей в рамках империи. Но, несмотря на присягу Ирландии короне и предоставление статуса доминиона, Свободное государство на юге было прямым путем к независимости и республике (которой Ирландия стала в 1948 году).

В межвоенный период история повторялась снова и снова: незначительное возмущение, жесткий ответ, потеря британцами уверенности в себе, заламывание рук, запоздалые размышления, поспешные уступки и вновь уступки. Но случай Ирландии стал прецедентным. Допустив раскол в самой первой своей колонии, британцы послали сигнал всей империи.

■

Хотя мы редко слышим об этом, Индия внесла более весомый вклад в имперскую войну, чем Австралия — и в финансовом отношении, и в отношении людских резервов. Имена более шестидесяти тысяч индийских солдат, павших на полях сражений от Палестины до Пашендейля, написаны на огромной арке Ворот Индии в Нью-Дели. В знак признания этих заслуг и, возможно, чтобы гарантировать, что индийцы проигнорируют немецкие уговоры, Монтегю пообещал в 1917 году "постепенное введение ответственного правительства". Это было одно из тех обещаний, ждать выполнения которых иногда

приходится очень долго. Для радикально настроенных членов ИНК, как и для бенгальских террористических групп, темп реформ был невыносимо медленным. Правда, индийцы теперь могли хотя бы выбирать своих представителей. Центральная законодательная ассамблея в Дели была даже похожа на миниатюрную Палату общин (вплоть до зеленых кожаных сидений в зале). Но это было представительство без власти. Решение правительства еще на три года продлить срок ограничения политических свобод, введенного в военное время (эти правила давали властям право проводить обыск без ордера, задерживать без предъявления обвинения и судить без присяжных) казалось подтверждением того, что обещание ответственного правительства было пустым. Индийцы взглянули на Ирландию и сделали очевидный вывод: ждать, пока будет предоставлено самоуправление, бесполезно.

Британцы часто сталкивались с насильственным сопротивлением в Индии. Фигура Мохандаса Карамчанда Ганди (для своих последователей — Махатма, "мятежный факир" — для Черчилля) стала чем-то новым. Это был адвокат-барристер, получивший образование в Англии; отмеченный наградами ветеран Англо-бурской войны*; человек, любимым стихотворением которого было "Если" Киплинга, — и тем не менее (если судить по его худобе и набедренной повязке) — праведник-традиционалист. В знак протеста против ограничений военного времени Ганди призвал индийцев к сатьяграхе (на хинди — упорство в истине). Это был религиозный призыв, чтобы сделать сопротивление пассивным, ненасильственным. Британцы восприняли происходящее с подозрением. Хартал (буквально — закрытие лавок), предложенная Ганди идея национального дня "самоочищения", был, на их взгляд, просто мудреным словом, обозначающим всеобщую забастовку. Они решили ответить на сатьяграху "силой кулака", как выразился вице-губернатор Пенджаба, сэр Майкл О'Двайер.

* В битве при Спион-Копе Ганди участвовал в качестве санитара.

Весной 1919 года, несмотря на призывы Ганди (хотя часто только от его имени), индийское сопротивление перестало быть пассивным. Насилие вспыхнуло, когда толпа попыталась провести в жизнь хартал на железнодорожной станции Дели 30 марта. Солдаты открыли огонь, три человека погибли. Однако самое печально известное столкновение произошло в Амритсаре, в Пенджабе, где один человек попытался предотвратить, по его мнению, повторение Сипайского восстания. В Амритсаре, как и в других местах, люди ответили на призыв Ганди. Тридцатого марта 1919 года тридцатитысячная толпа собралась на демонстрацию "пассивного сопротивления". Шестого апреля прошел еще один хартал. Ситуация оставалась спокойной, но все же были задержаны и высланы два местных националистических лидера. Когда распространились известия об их аресте, вспыхнуло насилие. Зазвучали выстрелы. Банки подверглись нападениям. Телефонные линии были обрезаны. Одиннадцатого апреля Мануэллу Шервуд, миссионера англиканской церкви, толпа сорвала с велосипеда и избила до потери сознания. Гражданские власти передали полномочия военным. Прибывший той же ночью бригадный генерал Реджинальд Дайер принял командование.

Подход Дайера — человека несдержанного, привыкшего все решать кулаком, заядлого курильщика — не отличался тонкостью. В военном колледже Дайеру дали следующую характеристику: он "наиболее счастлив тогда, когда перелезает через бирманский частокол с револьвером в зубах". Однако теперь ему было 44 года, и он постоянно страдал от боевых ран и травм, полученных на скачках. Настроен Дайер был решительно. После прибытия в Амритсар он получил однозначные инструкции: "Массовые собрания и шествия запрещены. По любому скоплению людей будет открыт огонь". На следующий день он формально запретил "все митинги и собрания". Когда 13 апреля 20-тысячная толпа заполнила амритсарскую площадь Джаллианвалла-баг, он не колеблясь вывел два бронеавтомобиля, полсотни гуркхов и белуджей и, как только они построи-

лись, приказал открыть огонь. Предупреждения не прозвучало. У толпы не было возможности рассеяться, так как участок в восемь акров, на котором шел митинг, был окружен со всех сторон стенами и имел только один узкий вход. Через десять минут непрерывной стрельбы 379 демонстрантов были убиты, более полутора тысяч ранены. После расстрела Дайер приказал публично пороть подозреваемых, принадлежащих к высшей касте. Любой индиец, входящий на улицу, где Мануэлла Шервуд подверглась нападению, должен был ползти на животе*.

Так же, как в Ирландии, жесткий курс первоначально получил поддержку. О'Двайер одобрил шаг Дайера. Его командиры быстро подыскали ему новую работу в Афганистане. Некоторые сикхи даже провозгласили его почетным сикхом на церемонии в Золотом храме, уподобляя его "Никалсейн-саибу" (Джону Николсону, легендарному герою подавления восстания 1857 года). На родине газета "Морнинг пост" открыла фонд помощи Дайеру, собрав для него более 26 тысяч фунтов (среди жертвователей был Редьярд Киплинг). Однако вновь самодовольство англичан быстро сменилось раскаянием. Уничтожение Дайера началось, когда два адвоката, поддерживающих Индийский национальный конгресс, сумели призвать его к ответу. Невозмутимое признание генерала в том, что он намеревался "навести ужас на весь Пенджаб", выбило почву из-под его ног. В парламенте [министр по делам Индии] Монтегю сердито вопрошал тех, кто защищал Дайера: "Вы собираетесь поддерживать вашу власть над Индией террором, оскорблениями на расовой почве, подчинением и запугиванием?" Менее предсказуемой стала оценка Черчиллем этой бойни как "чудовищной":

> Она не имеет прецедента или аналогии в современной истории Британской империи. Этот случай отличен от любого

* К этому эпизоду отсылает Э.М. Форстер в "Поездке в Индию": "Да ведь они должны ползти отсюда до пещер на руках и коленях всякий раз, когда англичанка появляется в поле зрения... они должны падать наземь в пыль".

> из тех, когда войска приходили в столкновение с гражданским населением. Это экстраординарный случай, чудовищный случай, случай исключительный и жуткий.

Черчилль, настаивающий, что стрельба по невооруженным гражданским лицам — "не британский способ вести дела", обвинил Дайера в том, что тот подрывает британское владычество в Индии вместо того, чтобы спасать его. Это было "самое ужасное из того, что видел мир — сила цивилизации без ее милосердия". Дайер был поспешно отправлен в отставку. Хотя он никогда не преследовался по суду, его карьера была кончена.

Индия стала Ирландией в ином масштабе, а Амритсарская бойня стала индийским Пасхальным восстанием. Она породила мучеников националистического движения с одной стороны и кризис доверия — с другой. В обеих странах националисты начали с мирных просьб о гомруле — самоуправлении в рамках империи. В обоих случаях потребовалось насилие, чтобы заставить британцев согласиться. И в обоих случаях британский ответ на насилие был шизофреническим: резким внизу, мягким наверху. Если, как сказал Ганди, Амритсар "потряс фундамент" империи, то первое потрясение вызвали события в Дублине тремя годами ранее. Фактически индусы некоторое время учились у ирландцев. Когда молодой Джавахарлал Неру посетил Дублин, он счел партию Шин фейн "самым интересным движением... Их доктрина — не просить о милостях, но вырывать их". Когда индийский визионер Бал Гангадхар Тилак хотел выразить протест против разделения Бенгалии, он воспринял ирландскую тактику бойкота. Даже президентом ИНК в декабре 1918 была избрана ирландка — Анни Безант, полубезумная теософка, которая полагала, что ее приемный сын [Джидду Кришнамурти] был "новым воплощением Мирового Учителя", и которая видела в гомруле ответ на индийский вопрос.

Но важны были не националистические потрясения сами по себе, а тот факт, что они потрясли империю. Прежде бри-

танцы не испытывали сомнений в допустимости стрельбы в защиту своей империи. После восстания в Морант-Бэе настроения начали меняться. К моменту Амритсарской бойни решимость, некогда проявленная людьми, подобными Клайву, Николсону и Китченеру, казалось, совершенно испарилась.

■

В этот тревожный межвоенный период был человек, продолжавший верить в Британскую империю. Британцы для него были "восхитительно подготовленными людьми", которые "триста лет работали, чтобы добиться доминирования в мире в течение двух столетий". Они "изучили искусство быть господами, искусство, как держать узду так, чтобы туземцы даже не замечали ее". Даже его любимый фильм — "Жизнь бенгальского улана" — был на имперскую тему.

Адольф Гитлер в "Моей борьбе" и застольных беседах неоднократно выражал свое восхищение британским империализмом. Что следует делать Германии, рассуждал он, так это учиться у англичан. "Богатство Британии, — говорил он, — является результатом... капиталистической эксплуатации 350 миллионов рабов-индийцев". Именно это наиболее восхищало Гитлера: эффективное притеснение "низшей" расы. И было очевидно, где то место, в котором Германия могла попытаться повторить этот опыт. "Территория России станет для нас тем же, — провозгласил он, — чем была Индия для Англии". Если Гитлер и критиковал британцев, то только за то, что те слишком самокритичны и снисходительны к подвластным народам:

> Англичане теперь упрекают себя в том, что неправильно управляли этой страной, поскольку там не наблюдается особого подъема. Поступили они правильно. Но было бы неразумно ожидать от индийцев воодушевления.

В 1937 году Гитлер дал министру иностранных дел лорду Галифаксу совет, как быть с индийскими националистами. Англичанам, по его мнению, следовало "расстрелять Ганди. Если этого окажется недостаточно, чтобы принудить [индийцев] к подчинению, — расстрелять дюжину ведущих членов [Индийского национального] конгресса. Если и этого мало, расстрелять двести и так далее, пока порядок не будет восстановлен".

Гитлер не сомневался в том, что империи-конкуренты, а не туземцы-националисты представляют реальную угрозу британскому владычеству:

> Англия могла бы потерять Индию, если бы английская администрация в Индии сама подверглась расовому разложению (о чем в данный момент в Индии не может быть и речи), либо в том случае, если Англия потерпит крах в войне с каким-нибудь более могучим, чем она, противником... Но о том, чтобы английскую власть в Индии могли свергнуть сами индийские бунтовщики, не может быть и речи. Если англичане вернут Индии свободу, в течение двадцати лет Индия утратит ее снова.

Он был столь же обезоруживающе откровенен, признаваясь, что его собственная версия империализма будет ужаснее британской:

> Какими бы несчастными народы Индии ни были бы при британцах, они точно не будут жить лучше, если британцы уйдут... Если мы приобретем Индию, индийцы, конечно, не обрадуются этому, а немедленно пожалеют о старых добрых временах английского правления.

Тем не менее Гитлер отрицал, что испытывает желание "приобрести" Индию: "Я, германец, все же предпочту видеть Индию под властью Англии, чем кого-либо другого". По его словам, у него не было никакого желания способствовать разрушению Британской империи, поскольку это, как он выразился в ок-

тябре 1941 года, "не принесло бы никакой выгоды Германии — только Японии, Соединенным Штатам и другим". Гитлер сказал Муссолини в июне 1940 года, что Британская империя является "важным фактором равновесия в мире".

Именно это англофильство представляло, возможно, самую серьезную из всех угроз Британской империи: угрозу дьявольского искушения. Двадцать восьмого апреля 1939 года Гитлер произнес в Рейхстаге речь, которая достойна обширного цитирования:

> Все время своей политической деятельности я разъяснял идею близкой дружбы и сотрудничества Германии и Англии... Это желание англо-немецкой дружбы и сотрудничества отвечает чувствам, которые проистекают из расового родства двух наших народов, но также соответствует осознанию мною важности для всего человечества существования Британской империи. Я никогда не давал повода усомниться в моей вере в то, что существование этой империи является неоценимым фактором, имеющим значение для культурной и экономической жизни всего человечества. Какими бы средствами Британия ни приобрела свои колониальные территории, — я знаю, что это было сделано путем применения силы и нередко жестокости, — однако я очень хорошо знаю, что ни одна империя не возникла как-либо иначе, и что, в конечном счете, история принимает во внимание не сколько методы, сколько успех, и не успех методов как таковых, а скорее общую пользу, которую они приносят. Сейчас нет сомнений, что англосаксонский народ выполнил необъятную работу по колонизации мира. Это вызывает у меня искреннее восхищение. Мысль об уничтожении плодов этого труда казалась и кажется мне... ничем иным, как проявлением бессмысленной человеческой склонности к разрушению... Однако мое искреннее уважение к этим достижениям не означает отказа от защиты моего собственного народа. Я считаю, что прочная дружба немецкого и англосаксонского народов невозможна, если другая сторона не признает, что существуют

> как британские, так и немецкие интересы, и что важным является не только сохранение Британской империи, что является смыслом и целью жизни англичан, но и свобода и сохранение Рейха, являющиеся целью жизни немцев.

Это была тщательно продуманная преамбула к предложению предотвратить войну с Британией, заключив сделку, основанную на сосуществовании. Британцам разрешили бы сохранить их империю, если они дадут Гитлеру свободу для выкраивания немецкой империи в Центральной и Восточной Европе. Двадцать пятого июня 1940 года Гитлер позвонил Геббельсу, чтобы подробно объяснить суть сделки:

> Фюрер... полагает, что [Британская] империя должна быть сохранена, если это возможно: если она потерпит крах, то не мы унаследуем ее, а иностранные, нередко враждебные нам державы. Но если не будет другого выхода, Англию нужно поставить на колени. Однако фюрер согласился бы с миром на следующих условиях: Англия не вмешивается в европейские дела, колонии и мандаты возвращаются. Выплачиваются компенсации за то, что было украдено у нас после [Первой] мировой войны.

К этой идее Гитлер еще неоднократно возвращался. Даже в январе 1942 года он был еще убежден, что "у англичан есть две возможности: или оставить Европу и держаться за Восток, или наоборот".

Мы знаем, что некоторые члены британского военного кабинета соблазнились таким "миром", основанным на капитуляции континента перед нацизмом. Тот же Галифакс 25 мая обратился к итальянскому послу, чтобы предложить подкуп (Гибралтар или, возможно, Мальта) в обмен на неучастие Муссолини в войне и посредничество в организации мирной конференции. Чемберлен негласно признавал, что если бы он верил в то, "что мы могли купить... длительный мир, передав Танганьи-

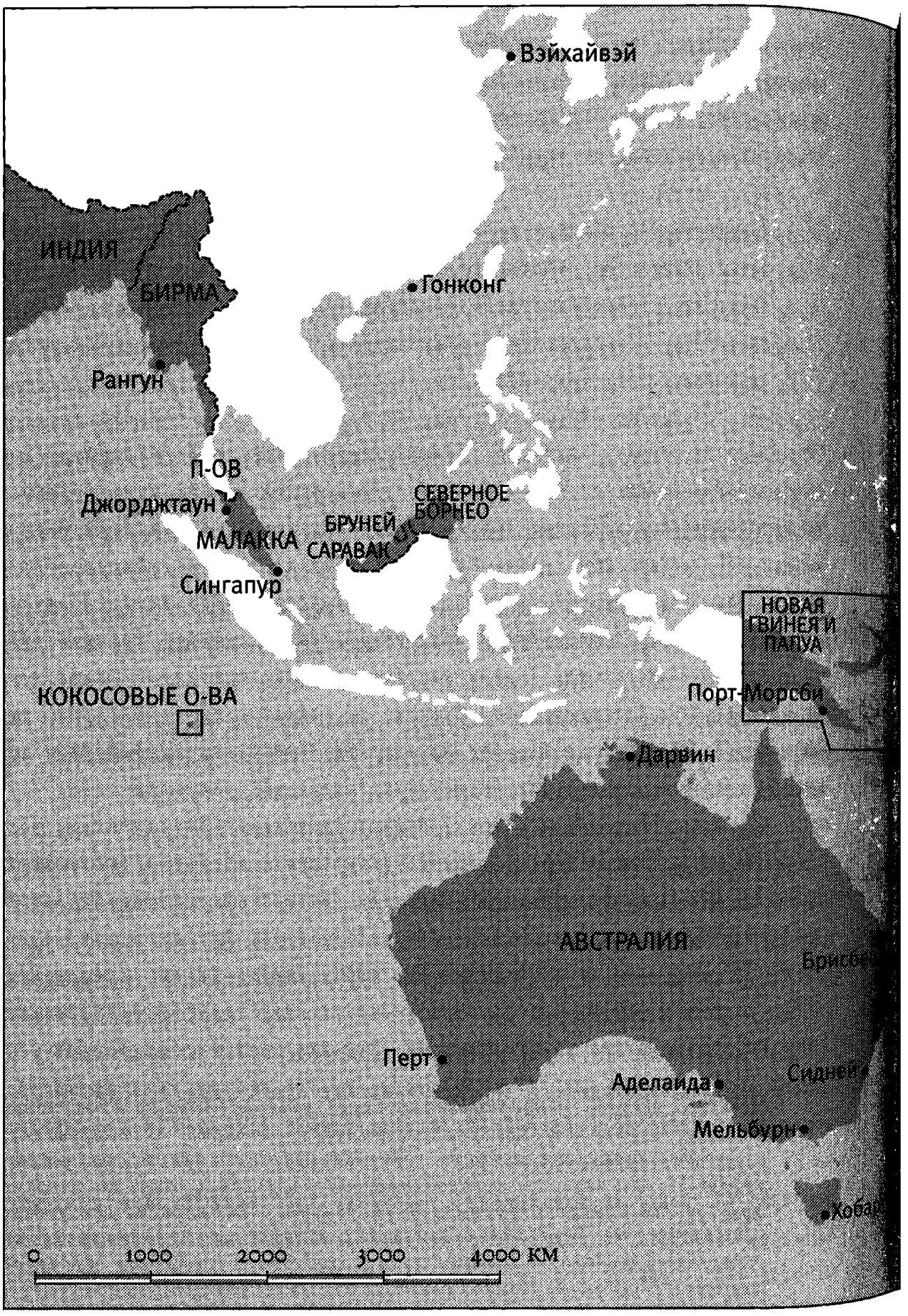
ику немцам", он "не колебался бы ни мгновения". Но Черчилль, честь ему и хвала, видел Гитлера насквозь. Три дня спустя, обращаясь не только к военному кабинету, следовавшему политике умиротворения, но и ко всему правительству, Черчилль заявил:

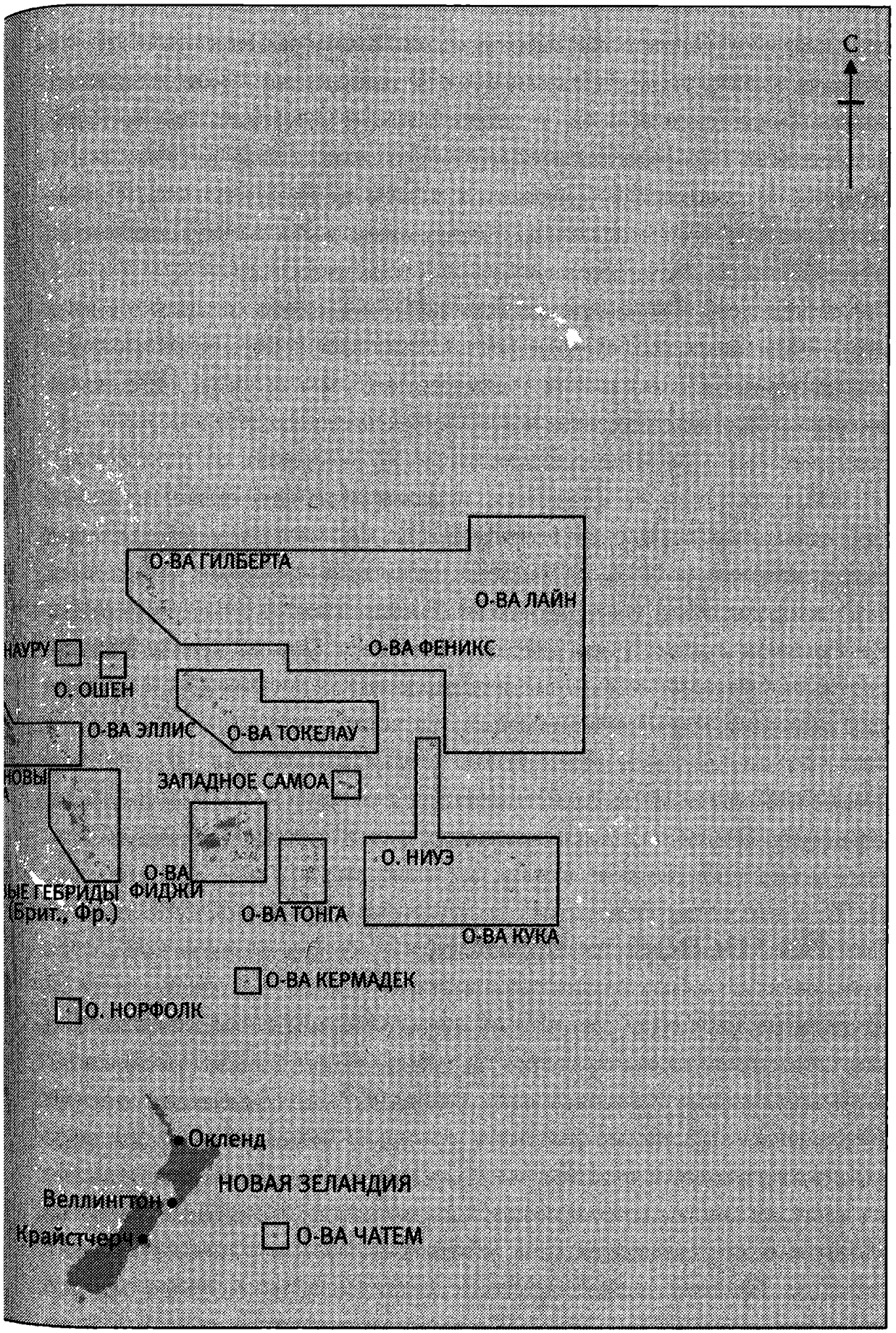
> Было бы наивно полагать, что если мы попытаемся заключить мир сейчас, то получим лучшие условия, чем если бы мы победили. Немцы потребовали бы наш флот, назвав это разоружением, морские базы и многое другое. Мы стали бы тогда рабским государством...

Это было вполне верно. Предложения Гитлера о мирном сосуществовании с Британской империей были совершенно неискренними. Иначе почему он называл Англию "заклятым врагом" (например, 5 ноября 1937 года во время своей беседы с военачальниками и министром иностранных дел)? В этом случае Гитлер говорил о Британской империи совсем другим тоном. Вот что Гитлер действительно думал об империи: что она была "нежизнеспособна... с точки зрения военной политики". Немецкие планы насчет атлантического флота и африканской колониальной империи говорят о том же.

Однако Черчилль бросал вызов не только Гитлеру. Он в какой-то мере также бросал вызов разрыву в военных возможностях. Конечно, британский флот все еще был гораздо сильнее немецкого (если бы немцы не овладели и французским флотом). Конечно, у королевских ВВС было такое преимущество перед люфтваффе, с которым можно было рассчитывать на победу в битве за Британию*. Но 225 тысяч английских сол-

* Девятого августа, непосредственно перед началом немецких воздушных атак, у английских ВВС было 1032 истребителя, у немцев — 1011. Кроме того, у англичан было 1400 пилотов — на несколько сотен больше, чем у люфтваффе. И, что важно, в течение решающих месяцев, с июня до сентября 1940 года, на британских заводах были собраны 1900 истребителей (немцы построили 775). Техническое преимущество (радары) и превосходная система оперативного управления также значительно улучшили положение англичан. В целом же немецкие потери (включая бомбардировщики) почти вдвое превысили британские (1733 и 915 соответственно).


Вэйхайвэй
ИНДИЯ
БИРМА
Гонконг
Рангун
П-ОВ
Джорджтаун
МАЛАККА
СЕВЕРНОЕ БОРНЕО
БРУНЕЙ
САРАВАК
Сингапур
НОВАЯ ГВИНЕЯ И ПАПУА
КОКОСОВЫЕ О-ВА
Порт-Морсби
Дарвин
АВСТРАЛИЯ
Брисбен
Перт
Аделаида
Сидней
Мельбурн
Хобарт
0
1000
2000
3000
4000 КМ



Британские владения в Юго-Восточной Азии и на Тихом океане (1920 г.)

дат, которые были эвакуированы из Дюнкерка вместе с 120 тысячами французов, оставили во Франции не только одиннадцать тысяч погибших и сорок тысяч пленных товарищей, но и почти все свое вооружение. У немцев было десять бронетанковых дивизий, у британцев почти не было танков. Кроме того, теперь Франция была повержена, а Россия приняла сторону Гитлера. Британия осталась в одиночестве.

Или нет? Финал речи Черчилля в Палате общин 4 июня 1940 года хорошо помнят из-за звучного призыва драться "на побережье... на полях и на улицах", и так далее. Но на самом деле имело значение заключение:

> Мы никогда не сдадимся, и даже если (во что я ни мгновение не верю) этот остров или большая его часть будет покорена и станет голодать, то наша империя за морями, вооруженная и охраняемая британским флотом, будет бороться до тех пор, пока в указанное Богом время Новый Свет со всей его силой и мощью не выступит для спасения и освобождения Старого.

Европа была потеряна. Но империя осталась. И это было достигнуто без дальнейших переговоров с "этим человеком".

Из господ — в рабы

В декабре 1937 года китайский город Нанкин пал к ногам солдат японского императора. Армия, получившая недвусмысленный приказ "убивать всех пленных", впала в неистовство. От 260 до 300 тысяч мирных граждан были убиты, до восьмидесяти тысяч китаянок — изнасилованы. Пленных вешали за язык на мясницких крюках, скармливали голодным собакам. Военные соревновались в убийстве военнопленных. Один офицер бросил вызов другому: кто первым пошлет на тот свет сто китайских солдат. Кого-то из пленных зарубили, ко-

го-то закололи штыком, кого-то застрелили или облили бензином и сожгли заживо. Половина города лежала в руинах. "Женщины пострадали больше всех, — вспоминал один ветеран 114-й дивизии, — независимо от того, молодой была женщина или старой, все они не могли избежать этой участи — быть изнасилованными. Мы посылали грузовики... на городские улицы и в деревни, чтобы захватить много женщин. Затем каждую отдавали 15–20 солдатам для изнасилования и надругательств". "Это было еще хорошо, если мы только насиловали их, — признавался один из его товарищей, — 'Хорошо' — это, конечно, неподходящее слово. Но обычно мы рубили и убивали их. Трупы ведь не говорят". С полным основанием произошедшее назвали Нанкинской резней.

Это был империализм в худшем его виде. Однако это был японский империализм, а не британский. Нанкинская резня отчетливо показывает, какой была главная альтернатива британскому владычеству в Азии. Легко представить себе войну между Британской и Японской империями как конфликт старой, усомнившейся в себе державы, и новой, совершенно безжалостной, как столкновение заходящего и восходящего солнца. Но это было также столкновение империи, у которой было некоторое представление о правах человека, с империей, которая считала, что другие расы не лучше свиней. Вот слова подполковника Танака Рюкити, главы японской разведки в Шанхае: "Мы можем делать с этими существами все, что хотим". К 30-м годам XX века у многих британцев вошло в привычку ругать империю. Но возвышение Японской империи в то десятилетие показало, что альтернативы британскому правлению не обязательно лучше. У империализма есть градация, и Япония в своей жестокости по отношению к покоренным зашла гораздо дальше, чем британцы. В этот раз они и сами оказались среди покоренных.

Морская база в Сингапуре была построена в 20-х годах XX века как ключевое звено британской обороны на Дальнем Востоке. По словам главы Генштаба, "безопасность Со-

единенного Королевства и Сингапура являлись краеугольными камнями сохранения Британского Содружества наций*". Принятая в межвоенный период стратегия защиты Сингапура сотояла в том, чтобы в случае нападения послать туда флот. Но к 1940 года командование осознало, что это невозможно, и к концу 1941 года даже Черчилль отводил защите Сингапура более низкий приоритет по сравнению с тремя другими задачами: защите Британии, помощи Советскому Союзу и удержании Ближнего Востока. Для защиты базы от японской угрозы было сделано недостаточно. Накануне вторжения японцев в Малайе было всего 158 боевых самолетов вместо необходимой тысячи и три с половиной пехотных дивизии вместо необходимых восьми дивизий и двух бронетанковых полков. И, разумеется, достойно сожаления то, что не была организована надлежащая оборона (минные поля, доты и противотанковые заграждения) подступов к Сингапуру. Когда японцы пришли, они обнаружили, что неприступная с виду цитадель — на самом деле легкая добыча. Когда снаряды градом посыпались на Сингапур, его защитникам пришлось выбирать между кошмаром в нанкинском духе и позорным пленом. Пятнадцатого февраля 1942 года в четыре часа пополудни, несмотря на отчаянный призыв Черчилля драться до последнего, был поднят белый флаг.

Около ста тридцати тысяч солдат империи — британцы, австралийцы и индийцы — сдались противнику, которого более чем вдвое превосходили в численности. Никогда в истории Британской империи так много солдат не сдавалось в плен столь немногим. Слишком поздно выяснилось, насколько сами японцы были вымотаны маршем по джунглям. Оказавшийся в плену английский артиллерист Джек Чалкер вспоминал позднее: "Было трудно вообразить, что мы попали в руки японцев. Мы гадали, что нас ждет, и не могли не думать о Нан-

Термин "Британское Содружество наций" впервые был использован в Англо-ирландском договоре 1921 года, чтобы подчеркнуть почти полное самоуправление доминионов.

кинской резне... Перспективы не были обнадеживающими". Чалкера и его товарищей терзало унижение, которое им причинили азиаты. Выяснилось, что японская антизападная риторика не предполагала лучшего обращения с цветным населением Сингапура. Японцы просто поставили себя на то место, которое прежде занимали британцы. Более того, их обращение с другими азиатами оказалось даже хуже: китайское население подверглось истреблению. Однако ничто яснее не выражало суть "нового порядка" в Азии, чем обращение японцев с британскими пленными.

Японское верховное командование считало сдачу в плен бесчестьем и с презрением относилось к врагу, сложившему оружие. Джек Чалкер однажды спросил одного из своих тюремщиков, почему тот настолько жесток к военнопленным. "Я — военный, — ответил тот. — Быть военнопленным — немыслимо". Однако дурное обращение с британскими пленными было обусловлено чем-то большим, чем, как иногда утверждают, неправильным переводом Женевской конвенции. К 1944 году британские власти начали подозревать японцев в проведении "политики унижения белых военнопленных, чтобы уронить их престиж в глазах туземцев". Это было верно. В 1942 году Итагаки Сэйсиро, командующий японскими силами в Корее, заявил премьер-министру Тодзе Хидеки:

> Интернирование американских и английских военнопленных в Корее нацелено на то, чтобы заставить корейцев полностью осознать мощь нашей империи, а также способствовать психологической пропагандистской работе, направленной на искоренение мыслей о преклонении перед Европой и Америкой, которые еще вынашивает большинство корейцев.

Тот же принцип был применен японцами повсюду в занятой ими Азии.

Британцы строили железные дороги руками азиатских рабочих-кули. Японцы произвели один из крупнейших символических переворотов в истории: привлекли шестьдесят тысяч британских и австралийских военнопленных, а также голландских заключенных и подневольных индийских рабочих, к постройке 250 миль железной дороги через горы и джунгли на таиландско-бирманской границе. С середины XVIII века Британская империя обещала, что "британцы никогда не будут рабами". Однако как раз рабами и стали военнопленные на строительстве той железной дороги. Один из английских пленных горько заметил: "Должно быть, японцам довольно забавно видеть, как 'белые господа' тащатся по дороге с корзинами и сваями, в то время как они сами катят мимо в своих грузовиках!"

Джек Чалкер, до войны учившийся в художественной школе, тайно, рискуя жизнью, делал яркие наброски, изображающие то, как обходились с ним и его товарищами. Изможденные и полуголодные люди были вынуждены работать, страдая от малярии, дизентерии и, хуже всего, от тропических язв, разъедавших плоть до костей:

> Сон был неглубоким, напряженным. Нас могли вызвать из наших хижин в любое время, чтобы выстроить для переклички, собрать рабочую партию или избить. Даже безнадежно больные должны были идти, вне зависимости от их состояния. Такие сборы могли длиться много часов, и даже целый день или ночь... В некоторых случаях больные падали замертво.

Фильм Пьера Буля и Дэвида Лина прославил мост через реку Квай. На самом деле условия там были гораздо хуже, чем показано в фильме. Еще страшнее дело обстояло дальше, на "железной дороге смерти" недалеко от бирманской границы.

Безжалостное, зачастую садистское обращение с заключенными в лагере Хинток подробно описано в дневнике, который

вел все время после сдачи в плен австралийский хирург, подполковник Эдвард Данлоп (Утомленный). Это прозвище командующий военнопленными Данлоп получил отчасти из-за того, что он, будучи высоким человеком, вынужден был сутулиться, разговаривая со своими низкорослыми охранниками, чтобы не уронить их достоинства и не вызвать опасный гнев.

> *19 марта 1943 года.* Завтра для железной дороги нужны шестьсот человек... Должны идти все: и те, у кого легкие обязанности, и те, кто освобожден от обязанностей, и те, у кого нет обуви. Это почти убийство. Очевидно, япошки имеют большой запас трудовых ресурсов здесь и в Сингапуре, и они выказывают явное намерение сломать людей этой работой, не обращая ни малейшего внимания на их жизни или здоровье. Это может быть расценено только как хладнокровное, беспощадное преступление против человечности, явно преднамеренное...
>
> *22 марта 1943 года.* Я пришел в ярость... и сердито сказал Хироде [японский офицер, ответственный за строительство], что я резко против того, чтобы он посылал на работу больных... Я предложил ему выполнить свою угрозу и застрелить меня (винтовки были направлены на меня): "Вы можете убить меня, но мой заместитель так же упрям, как я, и после того, как вы расстреляете и его, вам придется расстрелять всех. Вы останетесь без рабочих. В любом случае это приблизит день, когда тебя повесят, злобный ублюдок!"

С точки зрения Данлопа, железная дорога, которую строили японцы (точнее, их пленники), была "удивительной затеей": она, казалось, "шла без какого-либо учета местности, будто кто-то провел линию на карте". В Конъю полотно шло напрямик сквозь скальный массив длиной 73 метра и высотой 25 метров. Работая круглосуточно, по сменам, люди Данлопа должны были взрывать, сверлить и пробиваться сквозь камень. Несмотря на начало сезона дождей и чудовищную эпидемию

холеры, они закончили работу всего через двенадцать недель. Из-за света, во время ночной смены испускаемого мерцающими карбидными лампами, этот проход получил у измученных военнопленных прозвище "геенны огненной". Из дневника Данлопа ясно, кто был там дьяволами:

> *17 мая 1943 года.* В эти дни, когда я вижу, как люди неуклонно превращаются в измученные, жалкие обломки, раздутые от бери-бери, истощенные от пеллагры, дизентерии и малярии, покрытые отвратительными язвами, жгучая ненависть возникает во мне всякий раз, когда я вижу японца. Отвратительная, позорная, ненавистная шайка людей-обезьян. Вот горький урок всем нам: не сдаваться этим зверям в плен, пока есть хоть капля жизни в теле.

Данлопа дважды жестоко избили. Его привязывали к дереву, чтобы заколоть штыками: японцы заподозрили его в хранении радиопередатчика. За мгновение до смерти экзекуция была отменена. Однако не это, а обращение с одним из его людей, сержантом С.Р. Холлэмом (Микки), показалось Данлопу верхом бессмысленной жестокости японцев:

> *22 июня 1943 года.* Сержант Холлэм с малярией был зарегистрирован японцами в лагере, ему позволили отправиться в госпиталь... [Его] выволокли из госпиталя, очень больного (он упал в обморок в пути на работу) и неописуемо избили сержант и другие японцы. Вот как это было: удары кулаками; удары по лицу и голове деревянными колодами; неоднократные сильные броски через плечо на землю... затем пинки в живот, мошонку и ребра и т.д., с частыми ударами бамбуком по голове, другие обычные меры... Это отвратительное и зверское дело в целом продолжалось несколько часов... Сержант Холлэм был совершенно ослаблен: температура 103,4 [почти 40°C], лицо в сильных ушибах, травмы шеи и груди, ссадины и травмы конечностей.

Холлэм умер четыре дня спустя. Данлоп отметил: "Он был убит этими японскими садистами вернее, чем если бы они его застрелили".

Данлоп подсчитал пленных, умерших в лагере Хинток с апреля 1943 года по январь 1944 года. Общее количество дошло до 676 человек: каждый десятый был австралийцем, двое из троих — англичанами. В целом около 9 тысяч британцев не пережили пребывание у японцев — примерно четверть всех пленных. Никогда еще британские войска не переносили такое ужасное обращение.

Это были страсти империи, ее крестные муки. Могла ли она воскреснуть после такого?

■

Теперь, когда империя ослабела, а ее солдаты превратились в рабов у азиатских хозяев, для индийских националистов настал подходящий момент, чтобы восстать и сбросить британское ярмо. Субхас Чандра Бос провозгласил падение Сингапура "концом Британской империи... и зарей новой эры индийской истории".

Тем не менее события показали слабость националистического движения и гибкость английской политики в Индии. Вице-король объявил о вступлении Индии в войну, не советуясь с лидерами ИНК. Кампания "Вон из Индии", начатая в 1942 году, прекратилась в течение шести недель после ареста Ганди и других лидеров кампании, газетной цензуры и усиления полицейских сил войсками. ИНК раскололся, причем сотрудничество с японцами выбрало незначительное меньшинство, подстрекаемое Босом — потенциальным индийским Муссолини*. Но даже боеспособность Индийской

Выступая в Токио в 1944 году, Бос явно призывал к созданию индийского государства "авторитарного характера". К этому времени он называл себя *нетажди*, вождь, и предпочитал отчетливо фашистскую униформу.

национальной армии Боса оказалась низкой. Единственную серьезную угрозу для британцев в Индии представляли японские дивизии в Бирме, но британская Индийская армия наголову разбила их в Импхале (март — июнь 1944 года). Оглядываясь назад, можно сказать, что предложение в 1942 году сэром Ричардом Стаффордом Криппсом статуса полного доминиона для Индии после войны или возможность выйти из империи было избыточным. Догматичный марксист в той степени, в какой им может быть только миллионер*, Криппс объявил: "Глядя на страницы истории Британской империи, можно только закрыть лицо от стыда, что ты британец". Но индийцам стоило лишь посмотреть на то, как японцы вели себя в Китае, Сингапуре и Таиланде, чтобы понять, насколько хуже была эта альтернатива. Ганди мог отклонить предложение Криппса как "просроченный чек терпящего крах банка". Но как кто-либо мог всерьез утверждать, будто уход англичан улучшит жизнь, если вместо них пришли японцы? (Филдинг усмехался в "Поездке в Индию": "Кого вы хотите вместо англичан? Японцев?")

Не следует недооценивать роль империи — не только рослых парней из доминионов, но и обычных, лояльных индусов, жителей Вест-Индии, а также африканцев — в победе над державами Оси. В армии служили почти миллион австралийцев и более двух с половиной миллионов индийцев (около десятой части — за границей Индии). Без канадских летчиков битва за Англию, возможно, была бы проиграна. Без канадских летчиков битва за Атлантику была бы проиграна наверняка. Несмотря на все усилия Боса, большинство индийских солдат стойко сражалось, периодически сетуя на низкое жалование (75 рупий в месяц платили британскому солдату, 18 рупий — индийскому). Действительно, боевой дух укреплялся по мере того как распространялись известия о японских злодеяниях. "Я вдохновлен чувством долга, — писал солдат-

* Он был сыном лорда Пармура и мужем наследницы состояния "Энос фрут солтс".

индиец семье, — и возмущен зверствами нецивилизованных японцев". Королевские западноафриканские пограничные войска испытали свой миг славы, когда группа японских солдат совершила невероятное и сдалась в плен — из-за страха перед тем, что "африканские солдаты едят убитых в сражении, но не пленных... а съеденных африканцами не примут предки в потустороннем мире". Даже Ирландское Свободное государство (единственный доминион, принявший позорную политику нейтралитета) дало 43 тысячи добровольцев. В целом империя мобилизовала более пяти миллионов солдат — почти столько же, сколько само Соединенное Королевство. Учитывая отчаянное положение Англии в 1940 году, это была еще более славная демонстрация имперского единства, чем в Первую мировую войну. Лозунг Дня империи в 1941 году был почти пародией на нацистский: "Один король, один флаг, один флот, одна империя", но в нем была некоторая истина.

И все же империя в одиночку не выиграла бы. Победа — и будущее самой империи — зависели, по иронии, от бывшей английской колонии, от народа, некогда пренебрежительно названного премьер-министром Новой Зеландии* "расой полукровок". И это означало, что, по словам одного старого сотрудника Министерства по делам колоний, "результатом победы будет не сохранение, а торжественное погребение старой системы".

■

В Первую мировую войну экономическая, а позднее и военная помощь США была важной, но не критически важной. Во Вторую мировую она оказалась жизненно необходимой. С первых дней войны Черчилль связывал свои надежды с Соединенными Штатами. "Голос и сила Соединенных Штатов

* Уильям Фергюсон Мэсси, новозеландский премьер-министр в 1912–1925 годах.

могут не иметь никакого значения, если их слишком долго сдерживают", — сказал он Рузвельту уже 15 мая 1940 года. В своих речах и радиопередачах он неоднократно намекал, что спасение придет с другого берега Атлантики. Двадцать седьмого апреля 1941 года, более чем за семь месяцев до того, как США вступили в войну, он процитировал строки Артура Хью Клафа в радиопередаче Би-би-си на Америку:

И не только через восточные окна,
Когда начинается утро, приходит свет.
Солнце встает медленно, так медленно,
Но на западе, взгляни, земля светла.

Имея англо-американское происхождение*, Черчилль был уверен, что ключ к победе, которая, конечно, вернет Британской империи ее *status quo ante*** — это альянс англоязычных народов. Когда он услышал вечером 7 декабря, что японцы напали на Перл-Харбор, он едва смог скрыть волнение. До этого, после обеда с двумя американскими гостями, он пребывал в самом мрачном настроении, "некоторое время сидел, схватившись за голову". Но услышав по радио новости, Черчилль, по словам американского посла Джона Г. Уайнанта,

вскочил и устремился к двери с восклицанием:
— Мы объявим войну Японии.
— О Боже! — сказал я. — Вы не можете объявить войну из-за сообщения по радио.
Он остановился и, смотря на меня полусерьезно-полунасмешливо, сказал спокойно: "Что же мне делать?" Вопрос был задан не потому, что ему был нужен мой совет, а в качестве жеста вежливости по отношению к представителю страны, на которую напали.

Его матерью была рожденная в Бруклине Дженни Джером, дочь Леонарда Джерома, владельца "Нью-Йорк таймс".
Прежний статус (*лат.*). — *Прим. пер.*

> Я сказал: "Я позвоню президенту и узнаю, каковы факты". Он добавил: "Я тоже поговорю с ним".

Первым, что Рузвельт сказал Черчиллю, было: "Мы теперь в одной лодке".

Все же с первых дней "особые отношения" между Британией и Соединенными Штатами отличались некоторой двусмысленностью, обусловленной иным видением американцами империи. Для американцев, выросших на мифе о своей борьбе за свободу от британского угнетения, прямое управление подчиненными народами было неприемлемым. Эти отношения также подразумевали зарубежные дрязги, от участия в которых их предостерегали "отцы-основатели". Рано или поздно все должны научиться быть такими, как американцы — самостоятельными и демократичными (если необходимо, находясь на мушке). В 1913 году в Мексике, к величайшему неудовольствию Вудро Вильсона, произошел военный переворот, и Вильсон решил "научить южноамериканские республики выбирать хороших людей". Уолтер Пейдж, тогда официальный представитель Вашингтона в Лондоне, сообщил о своей беседе с британским министром иностранных дел сэром Эдвардом Греем. Англичанин спросил:

> — Предположим, вы должны вмешаться, и что тогда?
> — Заставим их голосовать и жить согласно своим решениям.
> — Предположим, что они не будут так жить. Что тогда?
> — Мы войдем и заставим их голосовать снова.
> — И это будет продолжаться двести лет? — спросил он.
> — Да, — ответил я, — Соединенные Штаты будут там в течение двухсот лет и будут продолжать стрелять в людей до тех пор, пока те не научатся голосовать и управлять сами собой.

Иначе говоря, британским решением был бы отказ от ответственности за Мексику.

Что такое отношение значило для будущего Британской империи, было ясно изложено в открытом письме редакторов

американского журнала "Лайф", опубликованном в октябре 1942 года и обращенном к "английскому народу": "В одном мы уверены. Мы сражаемся не за то, чтобы сохранить Британскую империю. Нам не нравится ставить вопрос прямо, но мы не хотим, чтобы у вас были какие-либо иллюзии. Если ваши стратеги задумывают войну, чтобы укрепить Британскую империю, они рано или поздно обнаружат, что разрабатывают свои стратегии в полном одиночестве".

Американский президент Франклин Д. Рузвельт был согласен с этим взглядом. "Колониальная система означает войну, — сказал он своему сыну во время войны. — Если вы эксплуатируете ресурсы Индии, Бирмы, Явы, забираете богатства этих стран, но ничего не возвращаете... то все, что вы делаете, это создаете проблемы, которые ведут к войне". Краткая остановка в Гамбии по пути на конференцию в Касабланке подтвердила эти подозрения. Это была, как он сообщал, "чертова дыра... Самое ужасное место из всех, что я видел в жизни":

> Грязь. Болезни. Очень высокая смертность... С этими людьми обращаются хуже, чем со скотом. Их скот живет дольше... За каждый доллар, которые британцы... вложили в Гамбию [как он позже утверждал], они получили десять. Это неприкрытая эксплуатация.

Наивно доверяющий Сталину, явно заискивающий перед лидером китайских националистов Чан Кайши, Рузвельт с глубоким подозрением относился к старомодному империализму Черчилля: "Британцы готовы захватить любой клочок земли, даже если это только скала или отмель". "В вашей крови четыреста лет ненасытного инстинкта, — заявил он Черчиллю в 1943 году, — и вы совершенно не понимаете, как страна может не желать приобрести землю где-либо, если она может получить ее". Рузвельт желал видеть вместо колониальной систему временной "опеки" для колоний всех европейских держав, ведущую к независимости. Они подчинялись бы не-

коему международному контролирующему органу. Такие антиимпериалистические взгляды были свойственны не только президенту. В 1942 году Бенджамин Самнер Уэллс, заместитель американского госсекретаря, объявил: "Эпоха империализма закончилась". Риторика Уэнделла Л. Уилки, кандидата в президенты от Республиканской партии, была похожей.

Итак, американцы были во многих отношениях враждебнее настроены к Британской империи, чем даже Гитлер. Атлантическая хартия (1941), в которой были изложены цели союзников, вроде бы отказалась от имперской формы правления в пользу "права всех народов избирать форму правления, при которой они будут жить". В 1943 году американский проект Декларации национальной независимости пошел еще дальше: один британский чиновник жаловался, что "ее главный мотив — нетерпеливое ожидание идеала, заключающегося в распаде Британской империи". Однако американцы не ограничивались общими рассуждениями. Однажды Рузвельт надавил на Черчилля, чтобы вернуть Гонконг Китаю в качестве жеста "доброй воли". Он поднял вопрос об Индии. Черчилль взорвался и заявил, что на американский Юг следует отправить международную группу наблюдателей. "Мы приняли декларацию по этому вопросу", — уверил Черчилль членов Палаты общин. Британское правительство уже занимается "постепенным развитием институтов самоуправления в британских колониях". "'Руки прочь от Британской империи!' — был его лозунг в декабре 1944 года. — Она не должна быть ослаблена или опозорена, как бы это ни понравилось сентиментальным торговцам на родине или каким бы то ни было иностранцам". Он призывал американцев вступить в войну. Теперь он горько негодовал, ощущая, что империя "была обманута и находилась на краю пропасти". Он совершенно не был согласен,

> чтобы сорок или пятьдесят наций запустили свои руки в дела Британской империи... После того как мы приложили все усилия, чтобы выиграть в этой войне... я не могу допустить,

чтобы Британская империя была помещена в док и исследовалась всеми желающими на предмет того, соответствует ли она стандартам.

С точки зрения англичан, система "опеки" была бы только фасадом, за которым была бы установлена неформальная американская экономическая империя. Как выразилось Министерство по делам колоний, "американцы были готовы сделать свои зависимые территории 'политически независимыми', в то же время экономически связывая их по рукам и ногам". Любопытно, что "опека" не распространялась на Гавайские острова, Гуам, Пуэрто-Рико и Виргинские острова, де-факто являющимися американскими колониями. Также освобождался от этого длинный список островов Атлантики и Тихого океана, подходящих для баз ВМС США, составленный для Рузвельта Объединенным комитетом начальников штабов. Алан Уотт, член австралийской дипмиссии в Вашингтоне, проницательно заметил в январе 1944 года: "В этой стране наблюдаются признаки появления... империалистических замашек". В этом заключался большой парадокс войны, отметил бежавший из Германии еврей, экономист Мориц Бонн: "Соединенные Штаты были колыбелью современного антиимпериализма и в то же самое время — фундаментом могущественной империи"*.

■

Военный союз с США был удушающим, однако он был заключен в минуту нужды. Без американских денег британская мобилизация провалилась бы. Система ленд-лиза, посредством которой США снабжали союзников оружием в кредит, Бри-

* Примечательно, что Рузвельт, кажется, не стремился к тому, чтобы система "опеки" стала фундаментом будущей обширной евразийской империи России. Британские чиновники назвали это "аргументом к соленой воде": отношение к колонии менялось, если она была отделена морем от метрополии.

тании обошлась в 26 миллиардов долларов (приблизительно одна десятая всей военной продукции). Это было вдвое больше того, что Британия могла заимствовать у доминионов и колоний. Как выразился один американский чиновник, Америка была "приходящей властью", Британия — "уходящей". Поэтому британские чиновники, посланные на переговоры с американскими кредиторами в Вашингтоне, оказались в положении скромного просителя. Это было положение, которое, конечно, не было подобающим для главной фигуры британской делегации — Джона Мейнарда Кейнса.

Кейнс был самым великим экономистом XX века, и он это понимал. В Лондоне все, включая Черчилля, трепетали перед его умом, его блеском, не потускневшим от болезни сердца, которая вскоре убьет его. Но когда он в Вашингтоне встретился с чиновниками из американского казначейства, это была другая история. Для американцев Кейнс был "одним из тех парней, у которых на все есть ответ". Кейнс также терпеть их не мог*. Ему не нравилось, когда американские адвокаты пытались ослепить его жаргоном — разговаривая, как выразился Кейнс, "на языке чероки". Он ненавидел, когда политики отвечали на телефонные звонки во время встречи с ним. И, прежде всего, Кейнс не выносил того, что американцы стремились использовать в своих интересах британскую финансовую слабость. По его собственному выражению, Америка пыталась "выклевать Британской империи глаза". Кейнс не был единственным, кто это чувствовал. Один из его коллег с горечью заметил: "Пришельцу с Марса было бы простительно, если бы он подумал, что мы были представителями побежденного народа, обсуждающими экономические санкции за поражение".

Это была типичная реакция на быстро изменяющееся соотношение сил. За немногими исключениями британская политическая элита, в отличие от элиты интеллектуальной

* Как он сказал другу в 1941 году: "Я всегда расцениваю посещение [США] как нечто вроде тяжелого заболевания, которое будет сопровождаться выздоровлением".

(главным образом симпатизирующей социалистам), находила невероятно трудным признать, что Британии за победу придется заплатить своей империей. В ноябре 1942 года Черчилль заявил, что стал премьер-министром Его Величества не для того, чтобы "возглавить ликвидацию Британской империи". Даже министр внутренних дел лейборист Герберт Моррисон сравнил идею предоставления независимости некоторым британских колониям с "позволением ребенку десяти лет иметь отмычку, счет в банке и дробовик". Но собственный английский счет в банке был пуст. Некогда Британия была всемирным банкиром. Теперь она задолжала иностранным кредиторам более сорока миллиардов долларов. Основания империи были экономическими, и теперь они были разъедены войной. Тем временем лейбористское правительство 1945 года решило строить государство всеобщего благоденствия, а этот план мог осуществиться, если только британские заграничные обязательства были бы решительно уменьшены.

Когда фирма начинает переворачиваться вверх брюхом, очевидный выход для кредиторов, конечно, заключается в том, чтобы взять под контроль ее активы. Британия задолжала США миллиарды. Так почему не продать империю? В конце концов, Рузвельт полушутя предложил "унаследовать Британскую империю" после "разорившихся" владельцев. Но могли ли британцы выставить себя на продажу? И — что, возможно, еще важнее — могли ли американцы позволить себе их купить?

Передача власти

Было что-то очень английское в военной базе на Суэцком канале, территория которой примерно равнялась Уэльсу и которая в 1954 году еще была домом приблизительно для восьмидесяти тысяч военных. На железнодорожной станции Эль-Кантара было десять уборных: три для офицеров (европейцев, азиа-

тов и "цветных"), три для зауряд-офицеров* и сержантов, три для других чинов, один — для небольшого количества женщин-военнослужащих. По крайней мере, здесь сохранялась имперская иерархия.

Атмосфера в американском посольстве в Каире была совершенно иной. Посол Джефферсон Кэффери и политический советник Уильям Лейкленд находились под впечатлением от молодых армейских офицеров, захвативших в 1952 году власть в Египте, особенно от их лидера, полковника Насера. Госсекретарь США Джон Фостер Даллес был согласен с ними. Когда Насер нажал на британцев, чтобы ускорить их уход из зоны Суэцкого канала, те не препятствовали. В октябре 1954 года британцы согласились начать поэтапную эвакуацию базы, и завершили ее к лету 1956 года. Однако когда Насер приступил к национализации канала (у британского правительства был существенный пакет его акций, приобретенный еще Дизраэли), терпению англичан пришел конец. "То, что происходит здесь [в Египте], — объявил в 1953 году Черчилль, — станет примером для всей Африки и Ближнего Востока". Как показало будущее, он был прав. Премьер-министр Энтони Иден, убежденный, что имеет дело с Гитлером Ближнего Востока, решил нанести "пирату" Насеру ответный удар.

Американцы высказывались откровенно против английской интервенции. Они были готовы оказать давление на Насера, отказавшись финансировать строительство Асуанской плотины, однако военная оккупация в духе 1882 года была им не по нраву. Американцы боялись, что вторжение подтолкнет арабские страны к переходу в советский лагерь. Односторонние шаги в Египте или где-либо еще, предупредил Даллес, "разобьют коалицию свободного мира в пух и прах". Эйзенхауэр позднее спросил: "Как можем мы поддерживать Британию... если при этом мы потеряем весь арабский мир?" Эти предупреждения остались без внимания. Пятого ноября 1956 года в зоне Суэцкого кана-

* Зауряд-офицер (англ. *warrant officer*) занимает промежуточное положение между сержантами и офицерами. — *Прим. пер.*

ла высадился англо-французский десант, целью которого якобы было предотвращение войны между Израилем и Египтом.

Ничто не показало слабость британцев яснее, чем то, что случилось потом. Во-первых, интервенты оказались бессильны воспрепятствовать блокированию египтянами канала и остановке транзита нефти. Затем курс фунта стерлингов пошел вниз. Инвесторы побежали. На самом деле империя была потеряна именно в Английском банке. Поскольку золотые и долларовые запасы истощились во время Суэцкого кризиса, Гарольду Макмиллану (тогда — канцлеру казначейства) пришлось выбирать между девальвацией фунта стерлингов (он предупредил, что этот шаг станет "катастрофой, которая повлияет не только на стоимость жизни в Англии, но и... на все наши внешнеэкономические связи") и просьбой об американской помощи. Выбор англичанами второго варианта дал США возможность диктовать свои условия. Только после того, как Иден безоговорочно согласился оставить Египет, Эйзенхауэр предложил кредиты на сумму миллиард долларов от МВФ и Экспортно-импортного банка США.

Отказ американцев одобрить свержение Насера, как оказалось, был ошибкой. Насер продолжил флиртовать с Советами. Очень скоро Эйзенхауэр обвинил его в попытке "взять под контроль поставки нефти, чтобы получить доход и возможность разрушить западный мир". Суэцкий кризис стал сигналом националистам всей Британской империи: пришел час освобождения. И этот час был выбран американцами.

■

Распад Британской империи произошел с удивительной, в некоторых случаях чрезмерной быстротой. Решившие уйти англичане стремились попасть на первый же корабль, независимо от последствий для своих бывших колоний. Канцлер-лейборист Хью Дальтон заметил: "Если вы находитесь там, где

вас не хотят видеть, и у вас нет возможности раздавить тех, кто не хочет вас видеть, единственное, что можно сделать — это уйти".

У этой позиции были серьезные недостатки. Англичане, спешно избавившись от Индии, оставили после себя хаос, который почти уничтожил плоды двух столетий их управления. Первоначально правительство намеревалось покинуть Индию во второй половине 1948 года. Но последний вице-король, лорд Маунтбеттен*, из-за своей природной склонности к спешке назначил датой передачи полномочий 15 августа 1947 года. Он открыто занял сторону ИНК, в котором доминировали индуисты, в споре с Мусульманской лигой** (предпочтение довольно удивительное — или неудивительное, если учесть, что леди Маунтбеттен, по слухам, имела роман с лидером ИНК Джавахарлалом Неру). Маунтбеттен оказал давление на сэра Сирила Д. Рэдклиффа (безжалостно высмеиваемого в это время У.Х. Оденом), предположительно непредвзятого главу комиссии по демаркации индо-пакистанской границы, чтобы тот сделал важные уступки Индии при разделе Пенджаба. В результате поднялась волна насилия между [религиозными] общинами, приведшая к гибели по меньшей мере двухсот тысяч человек (возможно, даже полумиллиона). Еще больше было изгнано из своих домов. В 1951 году приблизительно семь миллионов человек (каждый десятый пакистанец!) были беженцами.

Из Палестины англичане бежали в 1949 году, оставив нерешенным вопрос отношений Израиля с "не имеющими соб-

* Если быть точным — лорд Луис Френсис Альберт Виктор Николас Маунтбеттен, кавалер Ордена Подвязки, член Тайного совета, рыцарь Большого креста Ордена Бани, кавалер ордена "За выдающиеся заслуги", кавалер ордена Звезды Индии, кавалер ордена Индийской империи, кавалер Королевского Викторианского ордена, кавалер Британского ордена Заслуг, член Королевского общества, почетный доктор гражданского права, почетный доктор права, почетный доктор наук (и он часто напоминал об этом). Маунтбеттену нравилось рисовать генеалогическое древо, доказывающее королевское происхождение его семьи, используя систему, разработанную для заводчиков племенного рогатого скота.

** Мусульманская лига была основана в 1906 году, но стала выступать за создание независимого мусульманского государства только в 1940 году, под руководством Мухаммада Али Джинны.

ственного государства" палестинцами и соседними арабскими государствами*. Однако только после Суэца костяшки домино действительно начали падать.

Сразу же после войны начали появляться проекты "новой" империи. Министр иностранных дел Эрнест Бевин был убежден, что дорога к восстановлению национальной экономики начинается в Африке. Сотрудник Министерства по делам колоний Артур Хилтон Пойнтон заявил в ООН в 1947 году:

> Основные цели в Африке состоят в том, чтобы способствовать появлению крупномасштабных обществ, объединенных для самоуправления эффективными, демократическими политическими и экономическими институтами, как национальными, так и местными, вдохновленными общей верой в прогресс и западные ценности, вооруженными эффективными техническими методами производства и модернизации.

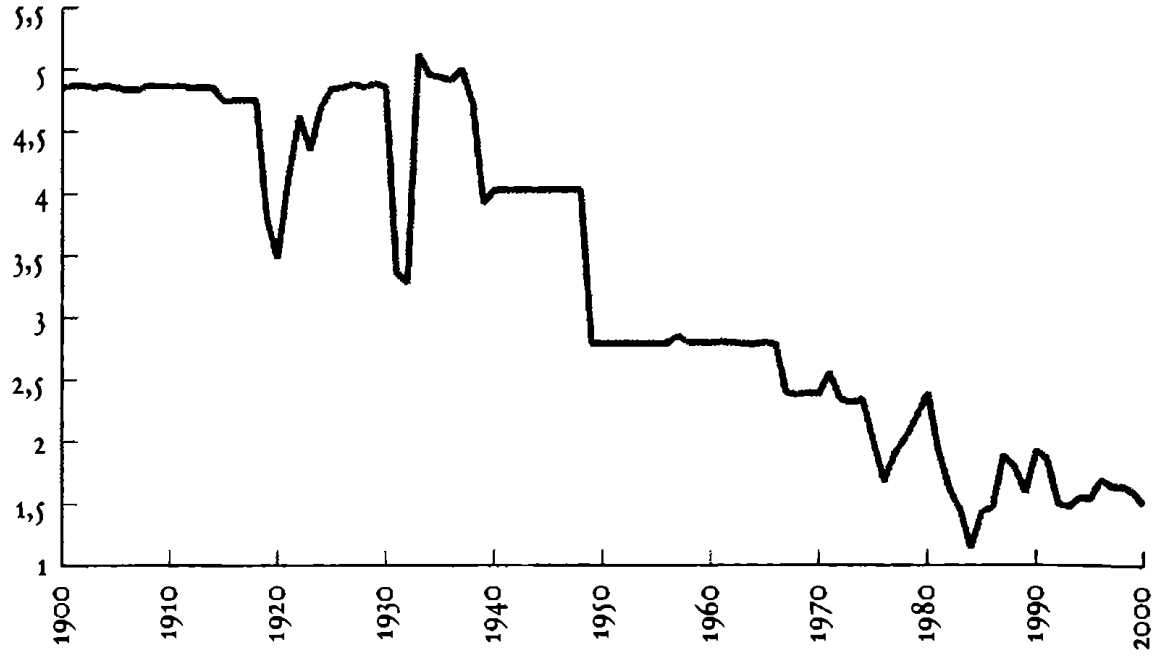
Появились Корпорация по развитию колоний и Корпорация по развитию пищевой промышленности заморских территорий, а также восхитительные планы выращивать арахис в Танганьике и кур-несушек — в Гамбии. Представители Инвестиционного агентства путешествовали по миру, продавая старые британские поезда и корабли любому колониальному правительству, которое могло заплатить, и иногда даже тем, которые заплатить не могли. Существовали честолюбивые планы насчет федераций Вест-Индских, Восточно-Африканских колоний, обеих Родезий и Ньясаленда, Малайи, Сингапура, Саравака и Борнео. Шел даже разговор о постройке нового здания Министерства

* И еврейское государство, и арабский национализм были в какой-то мере порождениями британской политики времен Первой мировой войны. Оказалось, что Декларация Бальфура (1917) содержит неразрешимое противоречие: "Правительство Его Величества относится благосклонно к установлению в Палестине национального очага для еврейского народа и приложит все свои усилия, чтобы облегчить достижение этой цели. Само собой разумеется, что при этом не должен быть нанесен ущерб гражданским и религиозным правам существующих в Палестине нееврейских общин, а также политическому статуту, которым пользуются евреи в любой другой стране".

по делам колоний. Старая империя тем временем продолжала привлекать эмигрантов: с 1946 по 1963 год четверо из пятерых уехавших из Британии оказались в странах Содружества.

Этот имперский ренессанс, возможно, продолжался бы, если Соединенные Штаты и Британия действовали бы сообща, поскольку американская поддержка была непременным условием восстановления империи. Первый послевоенный премьер-министр Клемент Р. Эттли, конечно, видел потребность в этом. Эттли — "скромный маленький человек, весьма озабоченный тем, чтобы быть скромным", как несправедливо высказался о нем Черчилль, — из этих двоих, однако, реалистичнее относился к будущему Британии. Он признал, что появление бомбардировщиков дальнего действия и атомного оружия означало, что "Британское Содружество и империя уже не являются образованием, которое может само себя защитить... Времена, когда владения, рассеянные по пяти континентам, мог защитить флот, базирующийся в островных крепостях, прошли". В марте 1946 года он заявил, что сейчас необходимо "рассматривать Британские острова скорее как восточное расширение стратегической дуги, центром которой является Американский континент, чем как державу, нацеленную на Средиземноморье и Восток".

На деле было много мест, где американцы и британцы успешно сотрудничали в послевоенный период. На Кипре, в Адене, Малайе, Кении британское правление было по сути "гарантировано" США. Этот поворот политики отражал растущую озабоченность американцев тем, что Советский Союз представлял гораздо более серьезную угрозу американским интересам и идеалам, чем Британская империя. "Если бы внезапно началась неизбежная борьба между Россией и нами, — заметил один американский чиновник еще до холодной войны, — то встал бы вопрос, кто наши друзья... Те, кого мы ослабили в борьбе, или те, кого мы усилили?" В конце концов, было что сказать в защиту британского империализма. Так, Генеральный совет ВМФ США и Комиссия стратегического



Снижение курса английского фунта стерлингов
к доллару США (1900–2000 гг.)

планирования Объединенного комитета начальников штабов США согласились, что британская сеть военных баз могла бы стать полезным дополнением к американской. Это позволяло Бевину играть на повышение:

> Западная Европа, включая ее зависимые заморские территории, теперь явно зависит от американской помощи... [тогда как] Соединенные Штаты признают, что Соединенное Королевство и Содружество... крайне важны для их защиты и безопасности. Уже это... говорит о частичной взаимозависимости, а не полной [нашей] зависимости. С течением времени (в следующие десять-двадцать лет) признаки зависимости будут слабеть, а взаимозависимости — усиливаться.

Этого не произошло. Напротив, египетские события показали, что американцы сохранили изначальную враждебность по отношению к империи. И когда американцы наложили свое вето, фасад неоимперской власти разрушился. Высокопоставленный чиновник МИДа в 50-х годах констатировал: "Обдумывая наши трудности в Египте, мне кажется, что они проистекают

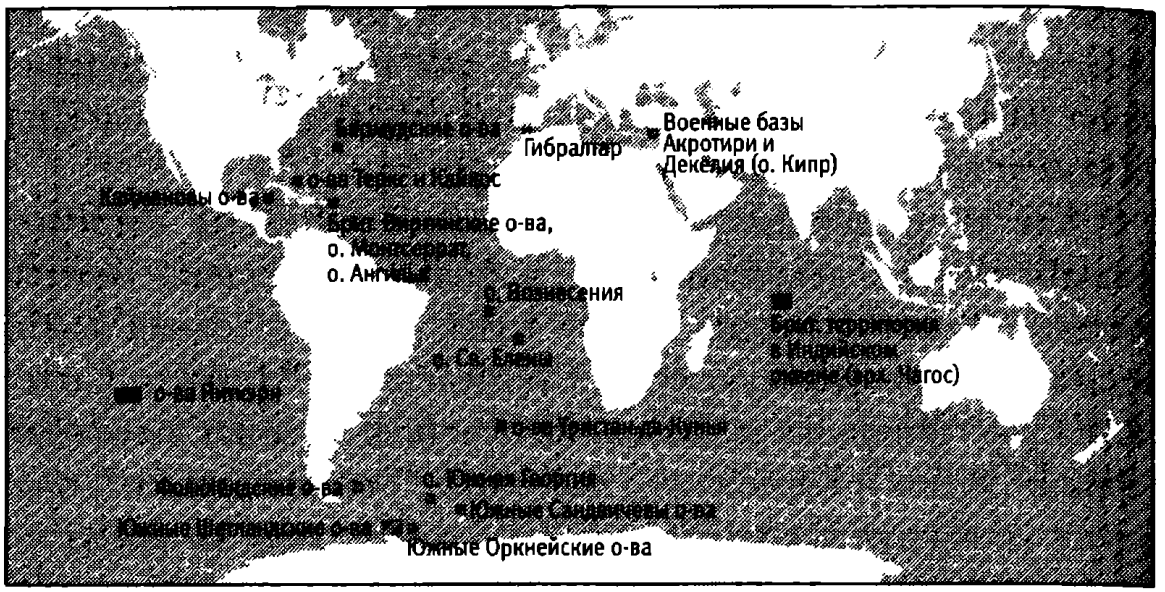
из того очевидного факта, что мы испытываем нехватку сил... Следует признать, что эта нехватка сил должна ограничивать наши возможности и при необходимости вынуждать нас к политике уступок или вроде того".

Как и предсказывал Гитлер, конкурирующие империи способствовали деколонизации в большей степени, нежели местные националисты. В 60-е годы, когда холодная война вошла в самую горячую фазу, Соединенные Штаты и Советский Союз боролись за внимание освободительных движений Африки, Азии и Карибского бассейна. "Ветры перемен", о которых упомянул Гарольд Макмиллан в 1960 году во время поездки по Африке, подули не из Виндхука или Малави, а из Вашингтона и Москвы. Трагедия заключалась в том, что взамен колониального правления эти "ветры" нередко не приносили ничего, кроме гражданской войны.

Наиболее важным аспектом была, разумеется, экономика. Истощенная, не имеющая возможности начать с нуля, как разгромленные Япония и Германия, Британия была больше не в состоянии тратиться на империю. Националистические повстанческие движения и прогресс военной техники сделали защиту империи делом гораздо более затратным, чем прежде. В 1947–1987 годах расходы Великобритании на оборону составляли 5,8 % ВВП, столетием раньше — всего 2,6 %. В XIX веке Британия восполняла хронический дефицит торгового баланса доходами от иностранных инвестиций. Теперь на страну легло бремя огромного внешнего долга, и Министерство финансов вынуждено было покрывать намного выросшие затраты на национализированные здравоохранение, транспорт и промышленность.

Было необходимо, по мнению Кейнса, "прежде всего... оплатить политические и военные расходы", чтобы Британия вернула США ссуду, когда война — и ленд-лиз — завершатся в 1945 году. Но сами условия кредита подорвали могущество Британии. Одалживая англичанам 3,75 миллиарда долларов*,

Последний платеж осуществлен в 2006 году.



Обломки империи (2002 г.)

американцы настояли на том, чтобы фунт стал конвертируемым в доллар в течение года. Истощение резервов Английского банка, которое это вызвало, стало первым в череде кризисов фунта стерлингов, отмечавших британский отход от империи. Ко времени Суэцкого кризиса это стало обычным делом. В начале 50-х годов Гарольд Макмиллан объявил, что страна стоит перед выбором: "соскальзывание к дрянному, глупому социализму (в качестве второразрядной страны) или решительное движение к третьей Британской империи". После Суэца, казалось, оставался только первый вариант.

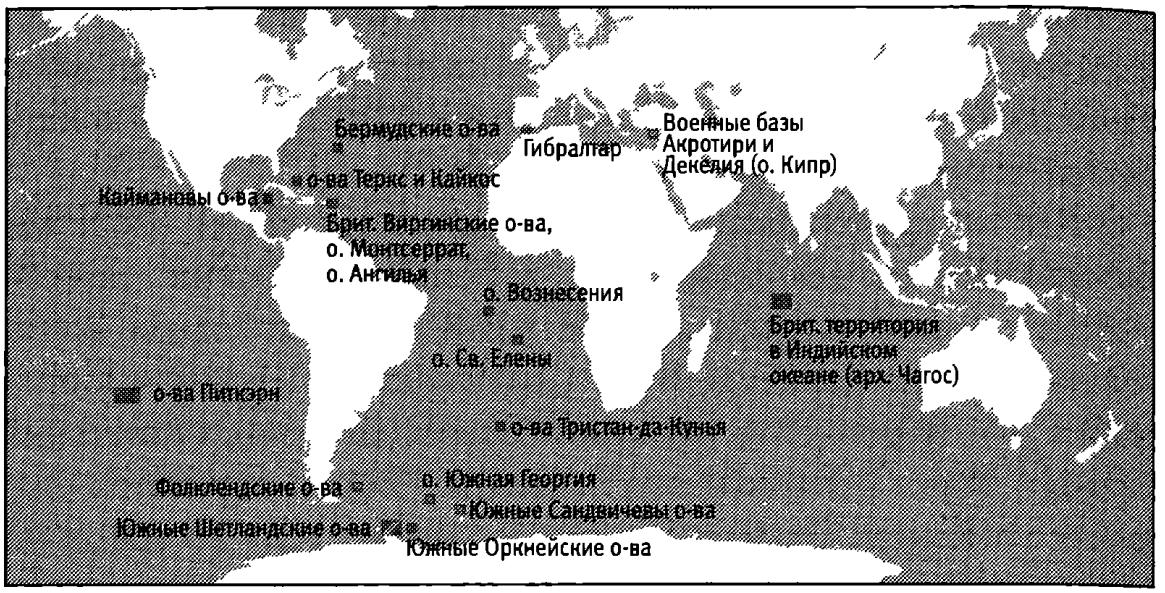
Снижение курса фунта стерлингов по отношению к доллару стало одним из признаков резкого экономического спада в Великобритании. Ее показатели заметно снизились: с 25 % мирового промышленного экспорта в 1950 году до 9 % в 1973 году; с более чем 33 % мировых морских торговых перевозок до менее чем 4 %; с 15 % мирового экспорта стали до 5 %. Поскольку Британия была менее затронута войной, она вышла из нее крупнейшей европейской экономикой. К 1973 году ее догнали Германия и Франция, почти догнала Италия. Британский показатель роста ВВП на душу населения в 1950–1973 годах был самым низким в Европе — вдвое меньше немецкого.

И все же мы не должны торопиться с выводом, будто это сделало британскую переориентацию с Содружества на континентальную Европу экономически неизбежной (так нередко объясняли и вхождение Великобритании в Европейское экономическое сообщество). В самом деле, объем ее торговли со странами ЕЭС в 1952–1965 годах вырос с 12 до 18 %. Однако доля стран Содружества осталась выше. Хотя она снизилась с 45 до 35 %, масштаб торговли с Содружеством все же оставался вдвое больше, чем с ЕЭС. Только после вступления Британии в Общий рынок европейские протекционистские тарифы, особенно на сельскохозяйственную продукцию, вызвали переориентацию на континент. Как это часто бывает, политическое решение вызвало экономические перемены, а не наоборот.

Сложности с Содружеством заключались не столько в его уменьшающейся экономической важности для Британии, сколько в его политическом бессилии. Первоначально Содружество включало только Британию и "белые" доминионы. В 1949 году к нему присоединились Индия, Пакистан и Цейлон (ныне Шри-Ланка). К 1965 году в Содружество входило двадцать одно государство. Еще десять присоединились к нему в следующее десятилетие. В настоящее время в Содружестве состоят пятьдесят четыре страны. Оно почти стало чем-то вроде подразделения ООН или Международного олимпийского комитета. Его единственной заслугой является экономия на услугах переводчиков: английский язык — единственное, что осталось общего у государств-членов Содружества.

■

Итак, Британская империя, которая, по сути, была выставлена в 1945 году на торги, была расчленена вместо того, чтобы перейти по наследству, прекратила свое существование вместо того, чтобы получить нового хозяина. Около трех веков ушло на ее строительство. На пике своего могущества Бри-



Обломки империи (2002 г.)

американцы настояли на том, чтобы фунт стал конвертируемым в доллар в течение года. Истощение резервов Английского банка, которое это вызвало, стало первым в череде кризисов фунта стерлингов, отмечавших британский отход от империи. Ко времени Суэцкого кризиса это стало обычным делом. В начале 50-х годов Гарольд Макмиллан объявил, что страна стоит перед выбором: "соскальзывание к дрянному, глупому социализму (в качестве второразрядной страны) или решительное движение к третьей Британской империи". После Суэца, казалось, оставался только первый вариант.

Снижение курса фунта стерлингов по отношению к доллару стало одним из признаков резкого экономического спада в Великобритании. Ее показатели заметно снизились: с 25 % мирового промышленного экспорта в 1950 году до 9 % в 1973 году; с более чем 33 % мировых морских торговых перевозок до менее чем 4 %; с 15 % мирового экспорта стали до 5 %. Поскольку Британия была менее затронута войной, она вышла из нее крупнейшей европейской экономикой. К 1973 году ее догнали Германия и Франция, почти догнала Италия. Британский показатель роста ВВП на душу населения в 1950–1973 годах был самым низким в Европе — вдвое меньше немецкого.

И все же мы не должны торопиться с выводом, будто это сделало британскую переориентацию с Содружества на континентальную Европу экономически неизбежной (так нередко объясняли и вхождение Великобритании в Европейское экономическое сообщество). В самом деле, объем ее торговли со странами ЕЭС в 1952–1965 годах вырос с 12 до 18 %. Однако доля стран Содружества осталась выше. Хотя она снизилась с 45 до 35 %, масштаб торговли с Содружеством все же оставался вдвое больше, чем с ЕЭС. Только после вступления Британии в Общий рынок европейские протекционистские тарифы, особенно на сельскохозяйственную продукцию, вызвали переориентацию на континент. Как это часто бывает, политическое решение вызвало экономические перемены, а не наоборот.

Сложности с Содружеством заключались не столько в его уменьшающейся экономической важности для Британии, сколько в его политическом бессилии. Первоначально Содружество включало только Британию и "белые" доминионы. В 1949 году к нему присоединились Индия, Пакистан и Цейлон (ныне Шри-Ланка). К 1965 году в Содружество входило двадцать одно государство. Еще десять присоединились к нему в следующее десятилетие. В настоящее время в Содружестве состоят пятьдесят четыре страны. Оно почти стало чем-то вроде подразделения ООН или Международного олимпийского комитета. Его единственной заслугой является экономия на услугах переводчиков: английский язык — единственное, что осталось общего у государств-членов Содружества.

■

Итак, Британская империя, которая, по сути, была выставлена в 1945 году на торги, была расчленена вместо того, чтобы перейти по наследству, прекратила свое существование вместо того, чтобы получить нового хозяина. Около трех веков ушло на ее строительство. На пике своего могущества Бри-

танская империя занимала четверть земной суши и управляла примерно такой же долей населения планеты. На ее демонтаж ушло всего три десятилетия. В качестве сувениров британцам осталось несколько клочков земли — от острова Вознесения до Тристан-да-Кунья.

В 1892 году молодой Черчилль оказался совершенно прав, ожидая "большие перевороты" в ходе его длинной жизни. К моменту его смерти (1965) стало ясно, что его надежды на спасение империи были не более чем мечтами.

Когда Британская империя столкнулась с выбором, умиротворять ли худшие империи, которые знала история, либо бороться с ними, она сделала правильный выбор. Даже Черчиллю, убежденному империалисту, не пришлось долго думать, прежде чем отклонить подлое предложение Гитлера, позволявшее Великобритании уцелеть в захваченной нацистами Европе. В 1940 году, под вдохновенным, непреклонным, несравненным руководством Черчилля, империя восстала в одиночку против по-настоящему злого империализма Гитлера. И, хотя Британская империя не просуществовала тысячу лет, как надеялся Черчилль, то был ее звездный час.

Да, ее победа не могла не стать пирровой. Британия пожертвовала своей империей, чтобы немцы, японцы и итальянцы не смогли сохранить собственные. Так не окупает ли одна эта жертва остальные ее грехи?

Заключение

Великобритания потеряла империю и пока не нашла своей роли в мире.

Дин Ачесон
(1962)

Британской империи давно нет, остались только обломки. Плоды коммерческого и финансового превосходства Англии в XVII и XVIII веках, а также промышленного преобладания, достигнутого ею в XIX веке, неизбежно погибли под бременем двух мировых войн. Преуспевающий кредитор превратился в должника. Миграционные потоки, некогда способствовавшие британской экспансии, в 50-х годах XX века изменили свое направление. Эмиграция из Англии уступила место иммиграции. Что касается миссионерского импульса, который побуждал тысячи молодых мужчин и женщин идти проповедовать по всему миру христианство и "евангелие чистоты"*, то он затух, а популярность церковных служб упала. Сейчас позиции христианства во многих бывших колониях Англии крепче, чем в самой Англии.

Сэр Ричард Тернбулл, предпоследний губернатор Адена, однажды сказал политику-лейбористу Дэннису Хили, что "когда Британская империя наконец скроется в волнах истории, она оставит после себя только два памятника: первый — футбол, второй — выражение *fuck off*". На самом деле империя оказала на современный мир настолько глубокое влияние, что мы воспринимаем ее наследие почти как само собой разумеющееся.

* Оборот из прессы XIX века, обозначающий распространение гигиены и санитарии, сопутствующее распространению христианства. — *Прим. пер.*

Сложно даже вообразить, что без помощи британцев либерально-капиталистический уклад успешно прижился бы в столь различных странах по всему миру. Российская и Китайская империи, выбравшие альтернативные модели, навлекли на свои народы неисчислимые беды. Трудно вообразить, что без британского влияния институты парламентарной демократии были бы восприняты большинством современных государств. Индия, крупнейшая в мире демократическая страна, больше, чем это принято признавать, обязана британцам. Ее элитарные школы, университеты, государственная служба, армия, пресса, система представительного правления: все это построено по явно британским моделям. Наконец, сам английский язык, возможно, самая важная статья экспорта в последние триста лет. В наши дни английский язык является родным примерно для 350 миллионов человек, а еще примерно для 450 миллионов английский — второй язык (то есть приблизительно для одного из семи жителей планеты).

Разумеется, нельзя сказать, что репутация Британской империи безупречна. Напротив, я попытался показать, как часто империя оказывалась не в состоянии соответствовать собственному идеалу свободы личности, особенно в эпоху порабощения коренных народов, насильственного переселения людей и этнических чисток. Тем не менее в XIX веке она проложила путь свободной торговле, свободному движению капитала и — после отмены рабства — свободному труду. Империя тратила огромные деньги на развитие глобальной сети современных коммуникаций. Она обеспечивала верховенство права на обширных территориях. Хотя империя вела множество локальных войн, она сохраняла мир в глобальном масштабе, и это была беспрецедентная ситуация. В XX веке империя совершенно оправдала свое существование, поскольку альтернативы британскому правлению, представленные Германской и Японской империями, явно оказались много хуже. Не будь у Британии своей империи, она попросту не смогла бы противостоять им.

■

Если бы не Британская империя, в 1840-х — 1930-х годах свободная торговля не достигла бы столь большого масштаба. Отказ британцев от колоний во второй половине XIX века привел бы к повышению таможенных пошлин и, вероятно, к торговой дискриминации в других формах. Это не просто предположение: вспомним, например, жесткую протекционистскую политику Соединенных Штатов и Индии после обретения ими независимости, а также пошлины, установленные в 70-х годах XIX века и позднее империями-конкурентами Британии: Францией, Германией и Россией. Поэтому британский военный бюджет перед Первой мировой войной можно рассматривать как удивительно низкий страховой взнос, защищавший от международного протекционизма. Согласно некоторым оценкам, экономическая выгода Соединенного Королевства от свободной торговли могла составлять 6,5 % ВНП. Никто еще не пытался подсчитать, какую выгоду извлекла мировая экономика. Однако то, что это была выгода, а не потери, кажется несомненным, учитывая катастрофические последствия всемирного увлечения протекционизмом в 30-х годах XX века, после того, как британская мощь стала таять.

Без Британской империи не было бы и столь высокой мобильности рабочей силы, и, следовательно, глобальной конвергенции доходов до 1914 года. Правда, Соединенные Штаты в XIX веке были самой привлекательной целью для эмигрантов из Европы, однако не все эмигранты происходили из метрополий. И, конечно, нельзя забывать, что костяк США сложился во время британского правления, за полтора столетия до Войны за независимость, так что различия между Британской Северной Америкой и независимой Северной Америкой были по-прежнему невелики.

Следует также помнить, что привлекательность "белых" доминионов для британских эмигрантов заметно выросла по-

сле 1914 года, когда США ограничили иммиграцию (а после 1929 года испытали намного более тяжелый экономический спад, чем наблюдавшиеся когда-либо в стерлинговой зоне). Наконец, мы должны помнить о множестве азиатов, в XIX веке уехавших из Индии и Китая, чтобы стать наемными рабочими, в том числе на британских плантациях и шахтах. Конечно, большинство таких рабочих испытывало лишения и многим, по правде говоря, было бы лучше остаться на родине. Но, подчеркну, мы не можем притворяться, будто у этой мобилизации дешевого и, как правило, низкоквалифицированного труда по выращиванию каучуконосов и добыванию золота не было экономического значения.

Не забудем и о роли Британской империи в содействии экспорту капитала в менее развитые страны и регионы. Хотя некоторые данные о международной финансовой интеграции свидетельствуют о том, что в 90-х годах XX века динамика международного капитала была выше, чем в 90-х годах XIX века, большая доля зарубежных инвестиций приходится на развитые страны. В 1996 году всего 28 % прямых зарубежных инвестиций приходилось на развивающиеся страны, а в 1913 году этот показатель составлял 63 %. Другие, более строгие данные показывают, что в 1997 году всего около 5 % основного капитала инвестировалось в страны с доходом на душу населения в 20 или менее процентов от американского. В 1913 году этот показатель составлял 25 %. Вот вполне правдоподобная гипотеза: империи, особенно Британская, поощряли частные инвестиции в развивающиеся страны. Логика проста: инвестиции такого рода вообще рискованны, поскольку эти страны, как правило, лежат далеко, они сильнее подвержены экономическим, социальным и политическим кризисам. Имперская экспансия, прямо или косвенно устанавливая в этих странах европейские порядки, повлекла за собой снижение инвестиционных рисков. На деле инвестировать капитал в британскую колонию де-юре вроде Индии (или в неофициальную колонию вроде Египта) было безопаснее, чем в "колонию" де-факто наподо-

бие Аргентины. Этот "сертификат качества" был лучше даже принятия страной золотого стандарта (который надежно защищал инвесторов от инфляции), хотя у большинства британских колоний было и то и другое.

В силу этого представление, будто британский империализм стремился разорить колонизированные страны, представляется очень спорным. Я не отрицаю, что во многих прежних английских колониях дела идут из рук вон плохо. Сегодня, например, ВВП на душу населения в Британии примерно в 28 раз выше, чем в Замбии, и, следовательно, средний замбиец живет менее чем на два доллара в день. Но предположение о вине колониализма в этом случае не очень убедительно, поскольку разница между доходами британцев и замбийцев в конце колониального периода была гораздо меньше. В 1955 году ВВП на душу населения в Британии был всего в семь раз выше, чем в Замбии. Именно начиная с обретения независимости, разрыв между бывшей метрополией и бывшей колонией превратился в пропасть. То же самое верно в отношении почти всех бывших колоний в Африке южнее Сахары (кроме Ботсваны).

Экономическое состояние страны определяется сочетанием природных ресурсов (то есть ее географией в широком смысле) и человеческой деятельности (в узком смысле — историей). Это экономическая версия спора о роли наследственности и среды. Можно привести убедительные примеры в доказательство важности для экономики таких факторов, как средняя температура, влажность, распространенность болезней, качество почв, близость к морю, географическая широта и наличие полезных ископаемых. Есть доказательства того, что и история неимоверно важна. Так, насаждение институтов британского типа улучшало экономические перспективы страны, особенно если местные культуры были относительно слабы из-за немногочисленного (или убывающего) населения. Это обеспечивало "концентрированное" воздействие британских институтов. Там, где британцы, как и испанцы,

завоевывали уже развитые урбанизированные общества, колонизация имела скорее негативный эффект, поскольку колонизаторы подвергались искушению заниматься грабежом, вместо того, чтобы думать об институтах. Это, вероятно, лучшее из имеющихся объяснений "большой дивергенции", лишившей Индию и Китай возможности стать наиболее развитыми экономически странами мира в XVI веке и к началу XX века приведшей их к относительной бедности. Это также объясняет, почему Британия оказалась в состоянии перегнать своих иберийских конкурентов: опоздав к началу имперской гонки, она вынуждена была довольствоваться неперспективными пустошами Виргинии и Новой Англии вместо соблазнительно богатых городов Мексики и Перу.

Но какие именно британские институты способствовали развитию? Во-первых, не стоит недооценить преимущества британской правовой системы и принципов управления. Недавнее исследование 49 стран показало, что "в странах общего права инвесторы [акционеры и кредиторы] пользуются наибольшей правовой защитой, а в странах романо-германского права — наименьшей". Это имеет огромное значение для накопления капитала, без которого предприниматели могут достигнуть немногого. А то, что 18 из 49 обследованных стран относятся к странам общего права, почти наверняка обусловлено тем, что в какой-то период своей истории они находились под властью Британии.

Подобное можно сказать и о методах управления. В сравнении со многими современными режимами в Азии и Африке особенно поражают две особенности английской колониальной администрации в период ее расцвета в середине XIX века. Во-первых, британская бюрократия была удивительно дешевой и эффективной. Во-вторых, она была на диво неподкупной. Ее грехи были в целом грехами бездействия, а не действия. Это немаловажно, учитывая доказанную в наше время взаимозависимость экономической неразвитости и чрезмерных правительственных расходов, а также коррупции в бюджетной сфере.

Историк экономики Дэвид Лэндис недавно составил список мер, которые нужны для развития:

1 защита частной собственности, чтобы поощрять накопление и инвестиции;
2 гарантия личных свобод... против как злоупотреблений тирании, так и... против преступных посягательств и коррупции;
3 обеспечение свободы договора;
4 стабильное правительство... руководствующееся общеизвестными правилами;
5 ответственное правительство;
6 честное правительство... не извлекающее какой-либо выгоды из своего положения;
7 умеренное, эффективное, неалчное правительство... которое сдерживает рост налогов [и] как можно меньше претендует на чистый доход общества.

Поразительно, как много в этом перечне соответствует тому, что, по их собственному мнению, делали британские колониальные чиновники в XIX и XX веках. Очевидные исключения представляют пункты 2 и 5. Все же британский аргумент в пользу отсрочки, иногда неопределенно долгой, перехода к демократии состоял в том, что многие из колоний еще не были к ней готовы. На самом деле, неизменная и отнюдь не лицемерная политика Министерства по делам колоний в XX веке как раз указывала на такую миссию Британии.

Следует подчеркнуть, что британское правление в значительной степени привело к благоприятному результату. Согласно исследованиям таких политологов, как, например, Сеймур Мартин Липсет, у бывших британских колоний шанс достижения устойчивой демократии после обретения независимости был заметно выше, чем у стран, которыми управляли другие метрополии. Действительно, почти все государства с населением не менее миллиона человек, возникшие в резуль-

тате крушения колониальной системы и не скатившиеся к диктатуре, — бывшие английские колонии. Правда и то, что многим прежним колониям не удалось сохранить институты свободного общества: приходят на ум Бангладеш, Бирма, Кения, Пакистан, Танзания и Зимбабве. Но в 1993 году из 53 государств, прежде бывших британскими колониями, 26 были демократическими. Это можно объяснить характером британского владычества, особенно косвенного: англичане поощряли формирование сотрудничающих элит. Можно упомянуть и о роли протестантских миссионеров, которые играли явную роль в поощрении стремления африканских и карибских подданных к политической свободе в западном духе.

Короче говоря, Британская империя доказала, что империя как форма правления может работать, и не только во благо метрополии. Она стремилась сделать глобальными не только экономическую, но и правовую, и, в конечном счете, политическую систему.

И последний вопрос: можем ли мы научиться чему-либо у Британской империи?

■

Нужно сказать, что эксперимент по управлению миром без Британской империи нельзя признать безусловно успешным. Постимперская эпоха характеризовалась двумя противоположными тенденциями: экономической глобализацией и политической фрагментацией. Первая способствовала экономическому росту, но его плоды распределялись очень неравномерно. Вторая тенденция приводила к гражданской войне и политической нестабильности, которые вели к обнищанию наиболее бедных стран мира.

В целом во второй половине XX века положение в мире улучшилось значительнее, чем когда бы то ни было. В основном этот результат достигнут, несомненно, благодаря быстро-

му росту в период восстановления после Второй мировой войны. Согласно оценкам, средний годовой темп роста мирового ВВП на душу населения в 1950–1973 годах составил 2,93 % (в период с 1913 по 50-е годы, отмеченные экономическим упадком и войнами, этот показатель составлял всего 0,91 %). Период с 1913 до 1973 года был временем экономической дезинтеграции, которой, однако, предшествовала (а также наследовала) экономическая глобализация. И эти времена отличаются замечательно схожими темпами роста ВВП на душу населения: в 1870–1913 годах — 1,3 %, в 1973–1998 годах — 1,33 %. Однако ранний период глобализации был связан со сближением уровня дохода различных стран, особенно атлантических, а поздний — с расхождением, особенно когда африканские страны, лежащие южнее Сахары, остались далеко позади остального мира. Вне сомнения, это произошло отчасти благодаря перекосу: тому, что капитал циркулирует главным образом в развитых странах, а торговля и движение трудовых ресурсов все еще ограничиваются различными способами. Это было менее характерно для глобализации до 1914 года, когда, отчасти под влиянием имперских структур, поощрялись инвестиции в экономику развивающихся стран.

Накануне Первой мировой войны в результате империалистической политики количество независимых государств сократилось до 59. С начала деколонизации их число постоянно росло: в 1946 году было 74 независимых государства, в 1950 году — 89. К 1995 году это число составляло 192, причем всплеск пришелся на 60-е (главным образом на Африку, где в 1960–1964 годах появилось 25 государств) и 90-е годы (главным образом Восточная Европа, в результате развала советской империи). Многие молодые государства очень малы. Общее население не менее 58 стран составляет около двух с половиной миллионов человек, 35 государств — менее полумиллиона. У политической фрагментации два недостатка. Малые страны нередко формируются в результате гражданской войны в прежде многонациональном государстве — наиболее распростра-

ненная форма конфликта с 1945 года. Это само по себе подрывает экономику. Кроме того, они могут быть экономически неэффективными даже в мирное время, будучи слишком малы, чтобы оплачивать все атрибуты государственности, на которую они претендуют: пограничные посты, бюрократию и прочее. Политическое размножение делением — фрагментация — и сопутствующие ему экономические затраты были среди основных источников нестабильности в послевоенном мире.

Наконец, хотя англоязычный экономический и политический либерализм остается самой привлекательной из мировых культур, со времен иранской революции он испытывает серьезную угрозу со стороны исламского фундаментализма. В отсутствие формальной империи остается открытым вопрос, насколько распространение западной "цивилизации" — то есть той смеси протестантизма, деизма, католицизма и иудаизма, которая продуцируется современной Америкой, — может быть поручено Диснею и "Макдоналдс".

Эти тенденции дают лучшее объяснение тому, что после краха советской империи в 1989–1991 годах не наступает "конец истории", что после холодной войны сохраняется нестабильность, самым очевидным симптомом которой стали, террористические атаки 11 сентября 2001 года.

Новый империализм?

Менее месяца спустя после атак на Всемирный торговый центр и Пентагон британский премьер-министр Тони Блэр на ежегодной конференции Лейбористской партии в Брайтоне произнес мессианскую речь. Он с жаром говорил о "политике глобализации", о "другом измерении" международных отношений, о потребности "переупорядочить окружающий нас мир". Предстоящая война, направленная на свержение режима Талибана в Афганистане, по его мнению, была не первым шагом — но и не последним — в этом направлении. Уже

были прецеденты успешных операций против стран-изгоев — режима Милошевича в Сербии и "смертельно опасной группы гангстеров", которая пыталась захватить власть в Сьерра-Леоне. "И, говорю вам, — объявил Блэр, — если бы сегодня в Руанде повторилось то, что произошло там в 1993 году, когда миллион человек были хладнокровно убиты, то у нас была бы моральная обязанность действовать и там". Случаи Косова и Сьерра-Леоне явно следовало понимать как модели того, чего можно достичь благодаря интервенции, а случай Руанды — как печальный пример последствий невмешательства. Конечно, поспешил прибавить Блэр, не следует ждать, что Британия станет регулярно прибегать к таким операциям. Но "силы международного сообщества" смогут "это делать... если захотят":

> С нашей помощью можно было бы устранить пагубные последствия конфликта, продолжающегося в Демократической Республике Конго, где в прошлое десятилетие три миллиона человек погибли на войне и от голода. Если мы проявим решимость, будет учреждено партнерство во благо Африки, которое объединило бы развитые и развивающиеся страны.

Сутью этого партнерства была бы прямая "сделка", предполагающая

> с нашей стороны: предоставление помощи в большем объеме, необусловленной торговыми отношениями, списание долгов, помощь в налаживании системы управления и инфраструктуры, обучение солдат... участие в предотвращении конфликтов, поощрение инвестиций, доступ на наши рынки... С африканской стороны: настоящая демократия, никаких оправданий диктатуры и нарушений прав человека, никакой терпимости к плохому управлению... [и] коррупции, свойственной некоторым государствам... Надлежащие торговая, правовая и финансовая системы.

Это не все. После 11 сентября г-н Блэр выразил желание добиться "правосудия"

> не только для того, чтобы наказать виновных, но и чтобы нести ценности демократии и свободы людям всего мира... Голодные, несчастные, невежественные, живущие в нужде и нищете от пустынь Северной Африки до трущоб Газы и горных цепей Афганистана, — мы должны позаботиться и о них.

Со времен Суэцкого кризиса британский премьер-министр не говорил с таким энтузиазмом о том, что Британия могла бы сделать для остального мира. Действительно, трудно припомнить премьер-министра, начиная с Гладстона, который был бы готов сделать основанием своей внешней политики чистый альтруизм. Однако поразительная вещь заключается в том, что с небольшими поправками этот проект может показаться зловещим. Рутинная интервенция против правительства, признанного "плохим", программа экономической помощи в обмен на установление "хорошего" режима и "надлежащих торговой, правовой и финансовой систем", мандат, позволяющий "нести ценности демократии и свободы людям всего мира". Если поразмыслить, этот проект очень похож на экспорт викторианцами их "цивилизации". Как мы видели, викторианцы расценивали свержение режимов-изгоев от Абиссинии до Ауда как совершенно законную часть цивилизационного процесса. Индийская гражданская служба гордилась заменой "дурного" управления "хорошим", а викторианские миссионеры в то же время были абсолютно уверены, что их роль состоит в том, чтобы принести ценности христианства и торговли все тем же "людям всего мира", которым г-н Блэр желает принести "демократию и свободу".

Этим сходство не заканчивается. Когда британцы пошли на войну против махдистов в Судане в 80-х — 90-х годах XIX века, они не сомневались, что несут "справедливое возмездие" режиму-изгою. Махди во многом был ибн Ладеном викторианской эпохи, исламским фундаменталистом-ренега-

том, а убийство генерала Гордона — событиями 11 сентября в миниатюре. Сражение при Омдурмане стало прообразом войн, которые США вели с 1990 года против Ирака, Сербии и Талибана. Так же, как ВВС США бомбили Сербию в 1999 году во имя "прав человека", так и королевский ВМФ в рамках кампании по пресечению работорговли в 40-х годах XIX века предпринимал рейды вдоль западноафриканского побережья и даже угрожал Бразилии войной. И когда г-н Блэр оправдывает вмешательство в дела "плохих" режимов, обещая взамен помощь и инвестиции, он подсознательно повторяет либералов, сторонников Гладстона, которые почти так же оправдывали оккупацию Египта в 1881 году. Даже возмущение феминисток тем, как члены Талибана обращаются с женщинами, напоминает стремление британских администраторов искоренить в Индии сати и женский инфантицид.

В статье, опубликованной несколько месяцев спустя после речи г-на Блэра, у британского дипломата Роберта Купера хватило храбрости назвать новую политику "переупорядочения мира" ее настоящим именем. Если "досовременные" государства-изгои стали "слишком опасны, чтобы состоявшиеся государства терпели их, — писал Купер, — то можно подумать об оборонительном империализме... Самый разумный и наиболее часто используемый в прошлом способ преодолеть хаос — это колонизация". К сожалению, замечает Купер, слова "империя и империализм" в "постсовременном" мире стали "оскорблением":

> Сегодня нет колониальных держав, согласных взяться за эту работу, хотя возможности или даже потребности в колонизации столь же велики, как в XIX веке... Есть все условия для империализма, однако и спрос, и предложение империализма исчерпаны. И все же слабые все еще нуждаются в сильном, а сильные все еще нуждаются в упорядоченном мире. Мир, в котором эффективные и хорошо управляемые экспортируют стабильность и свободу, мир, который открыт для инвестиций и роста, кажется чрезвычайно желательным.

Решение этой проблемы, предлагаемое Купером, состоит в "империализме нового типа, единственно приемлемом для мира, признающего права человека и космополитические ценности... империализме, который (как и всякий империализм) стремится нести порядок и организацию, но который опирается на принцип добровольности". Природа этого "постмодернистского империализма", по мнению Купера, проистекает из существующего "добровольного империализма мировой экономики", подразумевающего власть Международного валютного фонда и Всемирного банка, и из "соседского империализма", под которым Купер понимает постоянную практику вмешательства в дела сопредельного государства, неустойчивость которого угрожает выплеснуться за границу. Институциональным воплощением нового империализма, по Куперу, является Европейский Союз, который

> предлагает видение коллективной империи, общую свободу и безопасность без этнического доминирования и централизованного абсолютизма, характерных для империй прошлого, а также без этнической исключительности, которая является признаком национального государства... Коллективная империя могла бы стать... структурой, в которой каждый участник принимает участие в управлении, в которой не доминирует какая-либо одна страна, которая управляется исходя из правовых, а не этнических принципов... "Имперская бюрократия" должна находиться под полным контролем, нести ответственность и быть слугой, а не господином содружества. Такое образование должно быть привержено свободе и демократии в той же мере, как и его части. Как и Рим, это содружество дало бы своим гражданам некоторые свои законы, денежную систему и дороги.

Возможно, и речь Блэра, и статья Купера демонстрируют, как прочно питомцы Оксфорда усвоили имперские идеи. Тем не менее в аргументации обоих есть заметный изъян.

На самом деле ни международное сообщество, на которое уповает Блэр, ни ЕС, на который надеется Купер, не в состоянии сыграть роль новой Британской империи: у них просто нет достаточных финансовых и военных ресурсов. Ежегодные эксплуатационные расходы ООН и аффилированных с ней структур составляют приблизительно восемнадцать миллиардов долларов, то есть около 1 % американского федерального бюджета. А бюджет ЕС немногим превышает 1 % европейского ВВП. Расходы национальных правительств составляют менее 50 %. В этом отношении ООН и ЕС напоминают не столько Рим императоров, сколько Рим пап, об одном из которых Сталин как-то спросил: "А сколько у него дивизий?"

В современном мире есть только одна держава, способная играть роль империи, и это Соединенные Штаты. Фактически, в некоторой степени США уже играют эту роль.

Бремя

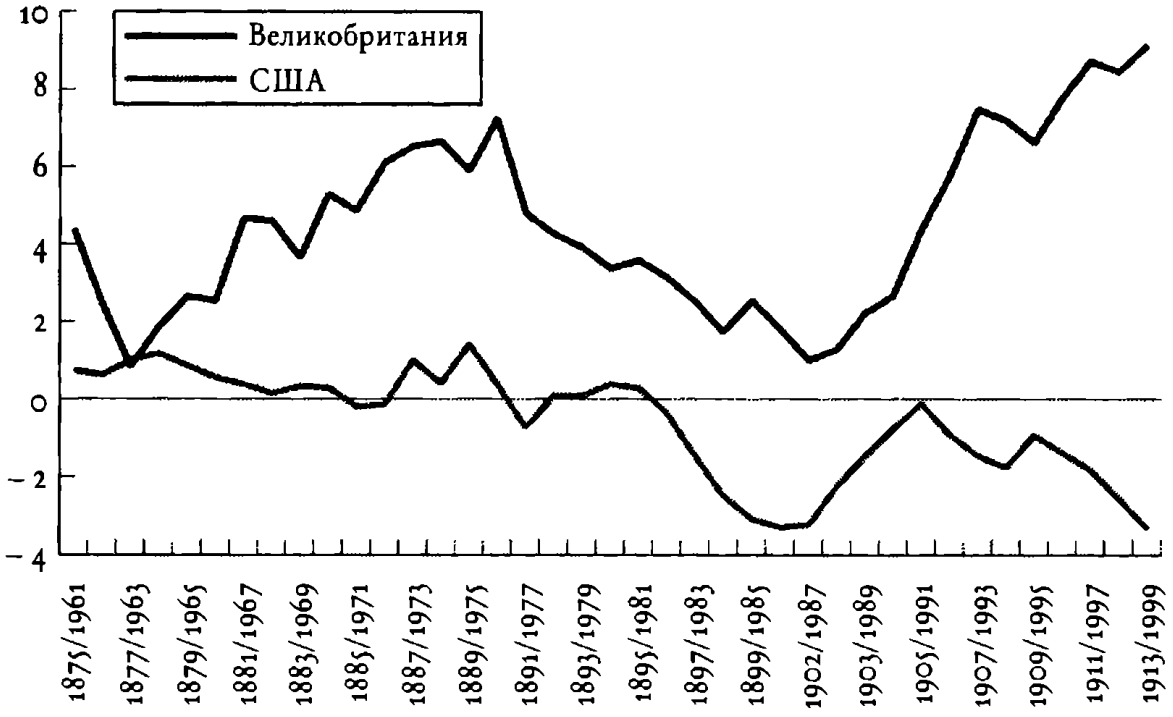
Какие уроки Соединенные Штаты могут извлечь из английского имперского опыта? Очевиднейший состоит в том, что самая развитая экономически страна мира (каковой была Британия в XVIII и XIX веках) может преуспеть в навязывании своих ценностей менее развитым в техническом отношении обществам. И удивительно, что Британия была в состоянии управлять столь большой частью мира, не наделав военных долгов. Если быть точным, британские расходы на оборону в 1870–1913 годах составляли в среднем немногим более 3 % чистого национального продукта и были еще меньше прежде, в XIX веке.

Это были деньги, потраченные правильно. Теоретически для империализма предпочтительнее открытые мировые рынки. Но глобальная свободная торговля не возникала и не возникает естественным путем. Именно Британская империя воплотила ее в жизнь.

Современные Соединенные Штаты гораздо богаче в сравнении с остальным миром, чем когда-либо была Британия. В 1913 году британская доля в совокупном мировом производстве товаров и услуг составляла 8 %, показатель США в 1998 году — 22 %. При этом не стоит притворяться, что, по крайней мере в финансовом отношении, стоимость расширения Американской империи (даже если оно подразумевает множество локальных войн вроде операции в Афганистане) чрезмерна. В 2000 году американские расходы на оборону составляли менее 3 % ВНП (в 1948–1998 годах — примерно 6,8 %). Даже после значительного сокращения военных расходов Соединенные Штаты остаются единственной в мире сверхдержавой с непревзойденными финансовыми и военно-техническими возможностями. Ее военный бюджет в четырнадцать раз больше, чем у Китая, и в двадцать два раза больше, чем у России. Британия никогда не обладала таким преимуществом по отношению к империям-конкурентам.

Иными словами, речь может идти о тенденции к политической глобализации и превращении Соединенных Штатов из неформальной империи в формальную, как это произошло с поздневикторианской Британией. Если история действительно повторяется, то именно этого следует ожидать. Хотя английский империализм не был вызван "рассеянностью", изначально Британия не стремилась овладеть четвертью земной суши. Теперь мы знаем, что та империя началась с сети морских баз и неофициальных сфер влияния, совсем как американская "империя" после 1945 года. Потенциальные и действительные угрозы коммерческим интересам англичан постоянно искушали их переходом от неформального к формальному империализму. Именно поэтому большая часть атласа окрасилась в имперский красный цвет.

Невозможно отрицать расширение неофициальной американской империи — империи транснациональных корпораций, голливудских кинофильмов, даже телевизионных евангелистов. Так ли уж это отличается от Британской империи в начале ее пути — империи торговых монополий и миссионеров? Случай-



Чистые зарубежные инвестиции:
соотношение британского валового национального
продукта (1875–1913 гг.) и американского (1961–1999 гг.)

но ли карта основных американских военных баз удивительно похожа на карту угольных станций королевского ВМФ столетней давности? Даже недавняя американская внешняя политика напоминает английскую "дипломатию канонерок" времен королевы Виктории, когда небольшие проблемы на периферии можно было решить молниеносным "точечным ударом". Единственное отличие заключается в том, что современные канонерки летают.

И все же нынешняя "англобализация" фундаментально отличается от прежней. При внимательном рассмотрении может оказаться, что Америка по сути не является имперским гегемоном. Начать хотя бы с того, что имперское могущество Англии зиждилось на вывозе капитала и массовой эмиграции. Но с 1972 года американская экономика является чистым *импортером* капитала (5 % ВВП в 2002 году). К тому же страна остается заветной целью иммигрантов, а не производит потенциальных колонистов. Британия в пору своего расцвета опиралась на культуру беззастенчивого империализма, который

восходил к елизаветинскому времени, тогда как Соединенные Штаты (появившиеся в результате войны с Британской империей, а не войны против рабства, на что намекнул г-н Блэр в своем выступлении на одной конференции) всегда неохотно будут править другими народами. Начиная с интервенции, предпринятой Вудро Вильсоном в 1913 году с целью восстановления избранного мексиканского правительства, американцы нередко поступали так: давали пару артиллерийских залпов, вводили войска, проводили выборы и убирались к чертям — до следующего кризиса. Недавние примеры — Гаити, Косово. Следующим может оказаться Афганистан или, возможно, Ирак*.

■

В 1899 году Редьярд Киплинг, величайший поэт империи, послал Соединенным Штатам звучный призыв принять имперские обязанности:

Неси это гордое Бремя —
Родных сыновей пошли
На службу тебе подвластным
Народам на край земли —
На каторгу ради угрюмых
Мятущихся дикарей,
Наполовину бесов,
Наполовину людей.
...Неси это гордое Бремя —
Ты будешь вознагражден
Придирками командиров
*И криками диких племен***.

Оригинальное издание этой книги было опубликовано до Иракской войны, начавшейся весной 2003 года. — *Прим. ред.*
Пер. А. Сергеева. — *Прим. пер.*

Сегодня никто не посмел бы использовать политически столь некорректный язык. Однако реальность такова, что Соединенные Штаты (признают они это или нет) в некотором смысле взвалили на себя глобальное бремя, как и убеждал Киплинг. Соединенные Штаты считают себя ответственными не только за ведение войны с терроризмом и странами-изгоями, но также за распространение за границей благ капитализма и демократии. И так же, как прежде Британская империя, Американская неизменно действует во имя свободы, даже когда ее интерес очевиден. Джон Бакен, оглядываясь на золотую пору империалистических "яслей" Милнера, заметил в мрачном 1940 году:

> Я мечтал о всемирном братстве, основанном на общей расе и вере, посвятившем себя служению делу мира, о Британии, обогащающей остальные страны своей культурой и традициями, о духе доминионов, подобно ветру освежающем атмосферу старых земель... Мы думали, что закладываем фундамент всемирной федерации... "Бремя белого человека" является теперь почти бессмысленной фразой, тогда как прежде эти слова означали новую философию политики и этические нормы, серьезные и определенно не постыдные.

Но Бакен, как и Черчилль, нашел наследника через Атлантику:

> На земном шаре есть только две доказавшие свою пригодность крупномасштабные организации социальных единиц — Соединенные Штаты и Британская империя. Последняя уже не может экспортировать себя... Соединенные Штаты... являют собой высший пример живой федерации... Если в мире когда-либо наступят процветание и мир, то появится федерация, — не демократических государств, но штатов, которые признают верховенство права. В решении этой задачи США представляются мне предопределенным лидером.

Принимая поправку на риторику военного времени, заметим, что в этом есть немалая доля правды. И все же империя, которая управляет миром сегодня, и больше, и меньше своего британского предка. Ее экономика намного мощнее, население гораздо больше, арсенал гораздо обширнее. Но эта империя испытывает нежелание экспортировать свой капитал, людей и культуру в те отсталые регионы, которые наиболее в этом нуждаются, и которые, если этим пренебречь, породят наибольшую угрозу для нее. Короче говоря, это империя, которая не смеет называть себя империей. Это империя, отрицающая то, что она — империя.

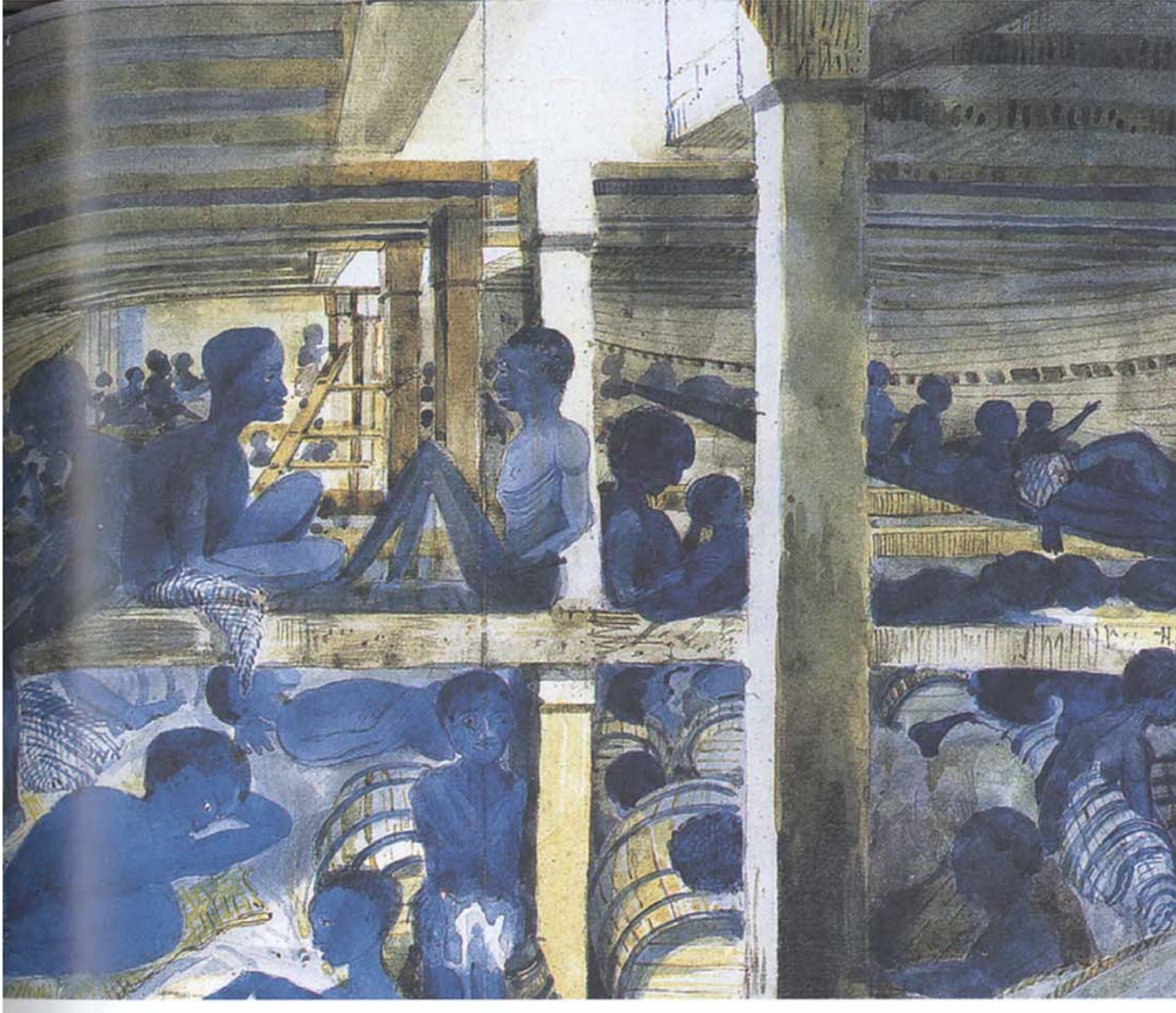
Госсекретарю США Дину Ачесону принадлежит известное высказывание о том, что Англия потеряла империю, но не смогла найти для себя новую роль. Возможно, американцы взяли на себя нашу прежнюю роль, но пока не осознали, что она ведет к империи. Методы управления заокеанскими территориями изменились: дредноуты уступили место истребителям Ф-15. Но нравится нам это или нет, в наши дни империя так же реальна, как и в течение тех трехсот лет, когда миром правила Британия.

Стр. 1–3: **Из Шотландии — в Саскачеван**
Агнес Браун, урожденная Фергюсон, со своей семьей в Гленроке (ок. 1911–1921)

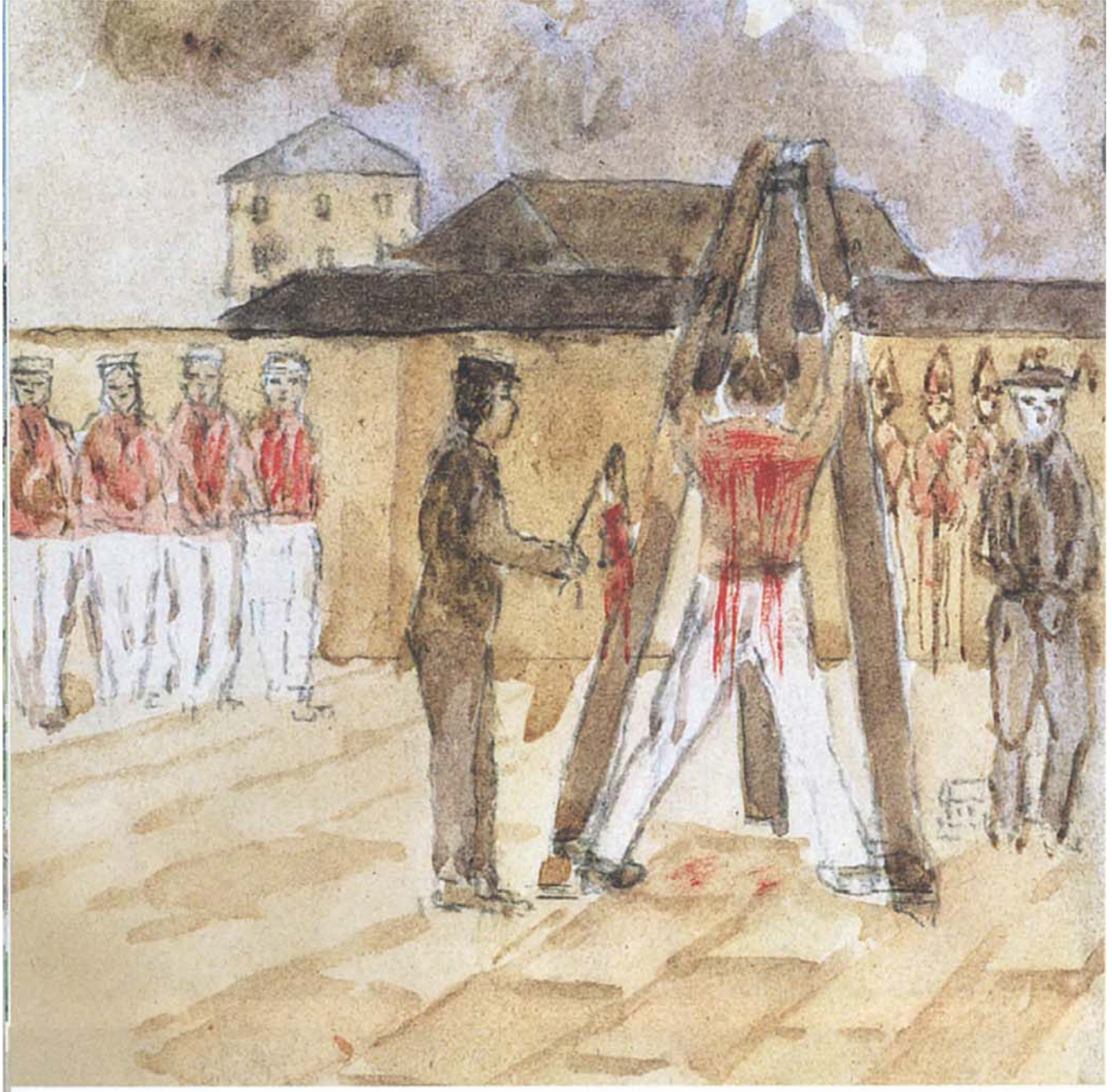
Борьба за господство на глобальном рынке
а) Стычка французов с португальцами у берегов Бразилии (ок. 1562)
б) Мачтовая мастерская в Блэкуоле (1803)
в) Томас Питт (ок. 1710–1720)

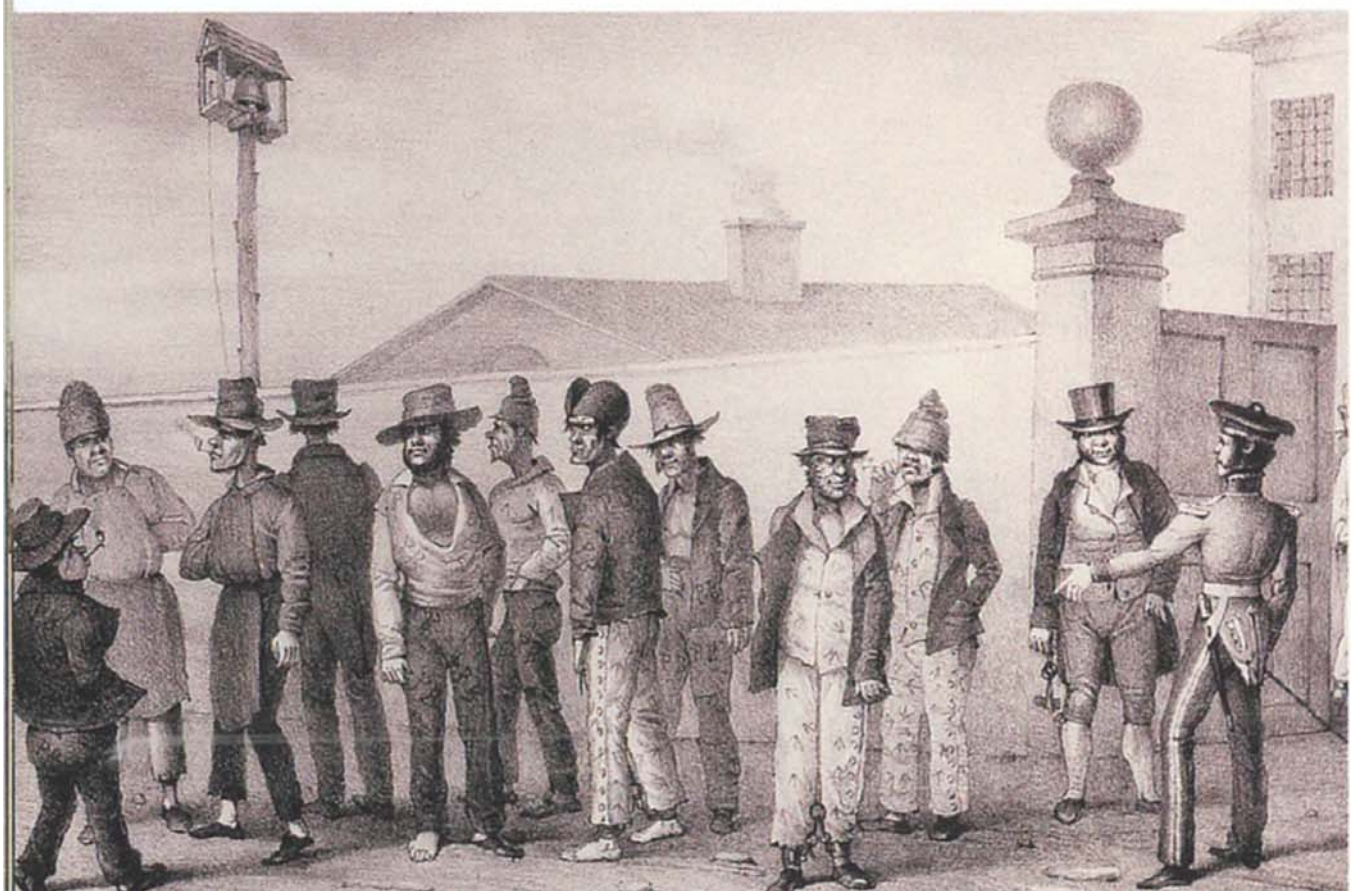
Англо-индийские контакты
А) Полковник Джеймс Тодд на слоне в сопровождении кавалерии и сипаев
Б) Восемь гуркхов (ок. 1815)
В) Сэр Джошуа Рейнольдс, "Роберт Клайв со своей семьей и индийской служанкой" (ок. 1765–1766)

Рабство и свобода в Новом Свете
а) Рабы в корабельном трюме. Недатированный акварельный набросок лейтенанта Фрэнсиса Мейнелла
б) Сахарная плантация на юге острова Тринидад (1850)
в) Сражение при Банкер-Хилле (1775)



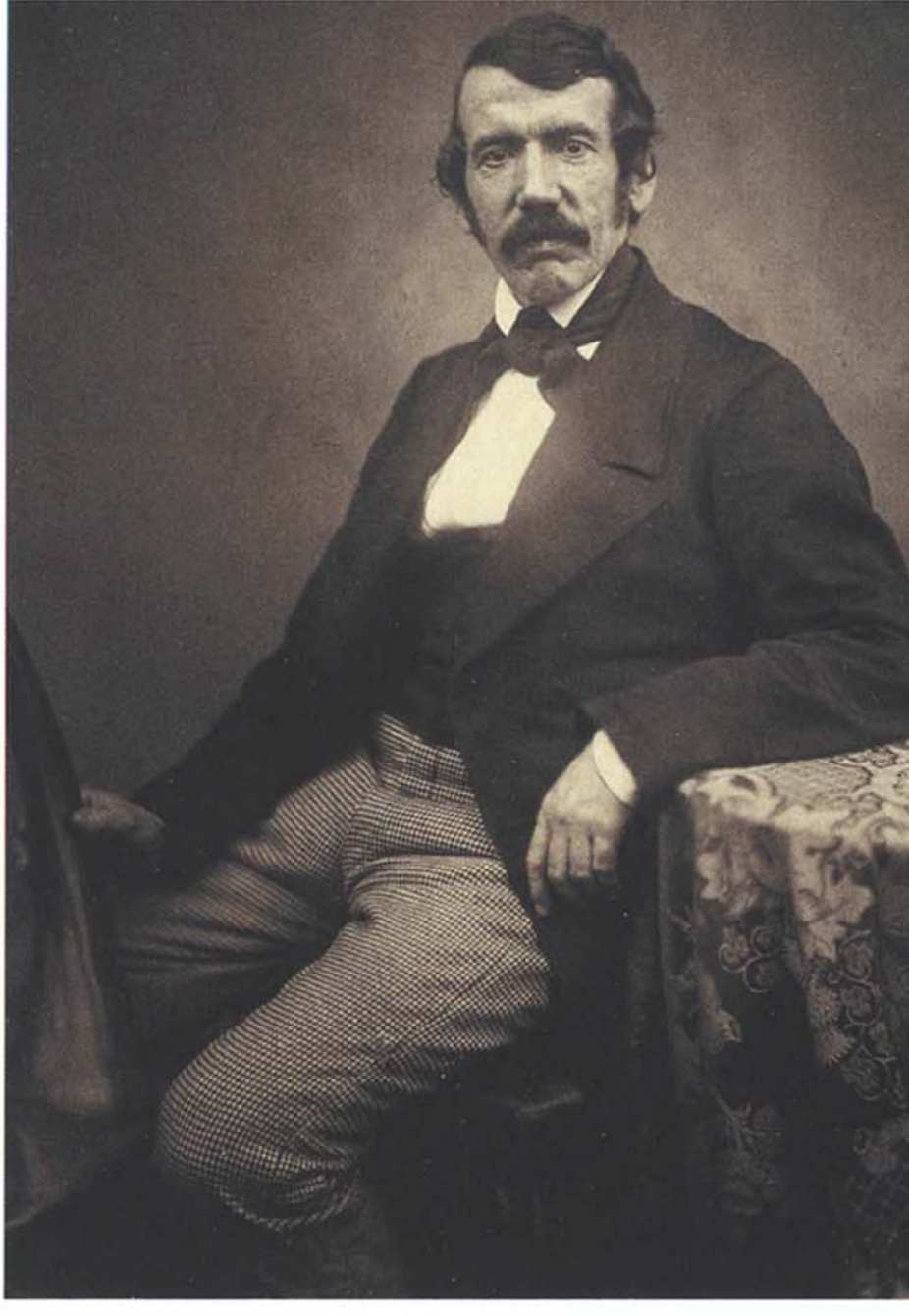
CHARLES TOWN
BOSTON





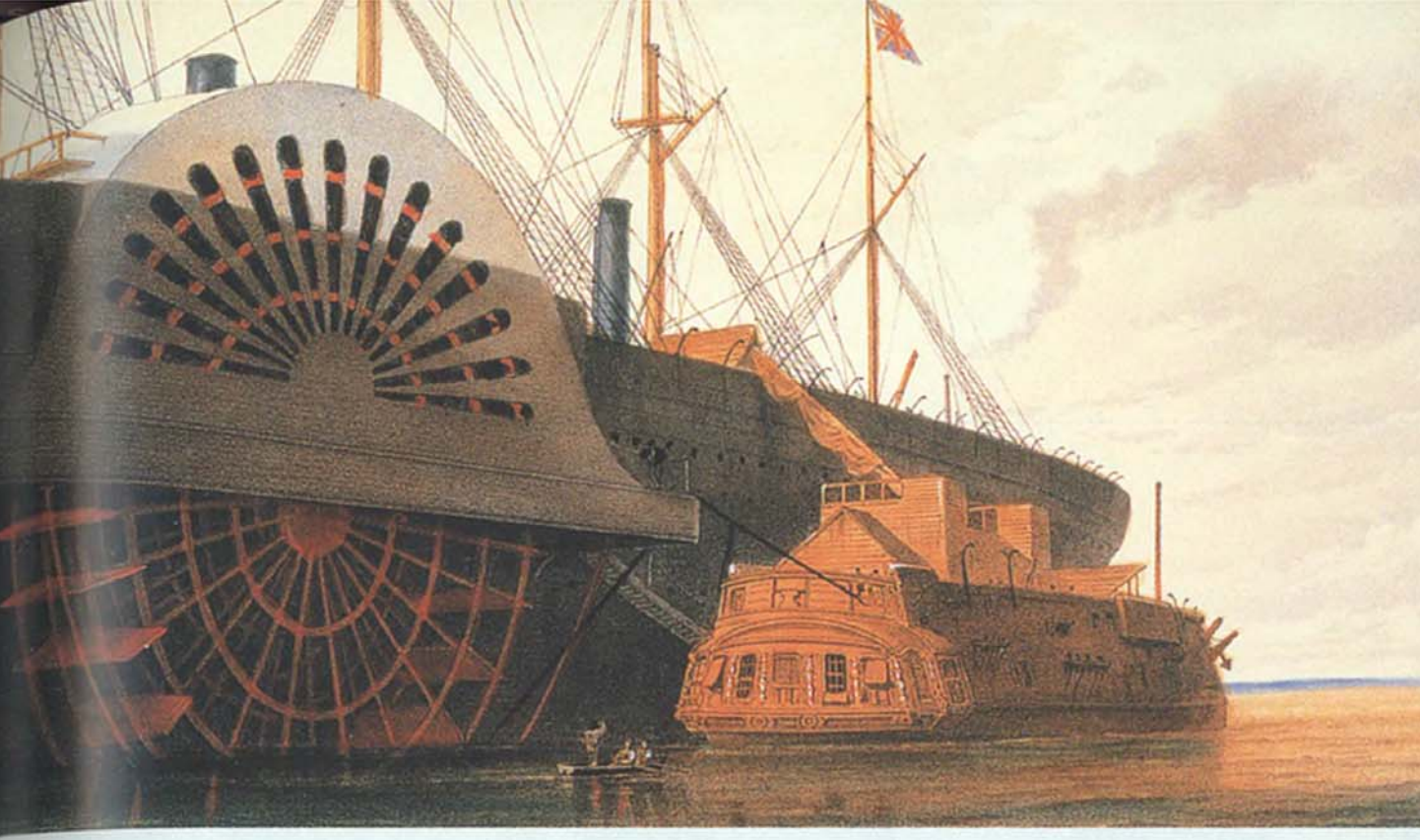
Слева:
“Жизнь на Марсе”
А) Порка каторжника Чарльза Маэра на острове Норфолк (1823)
Б) Шайка в сиднейской тюрьме (1830)

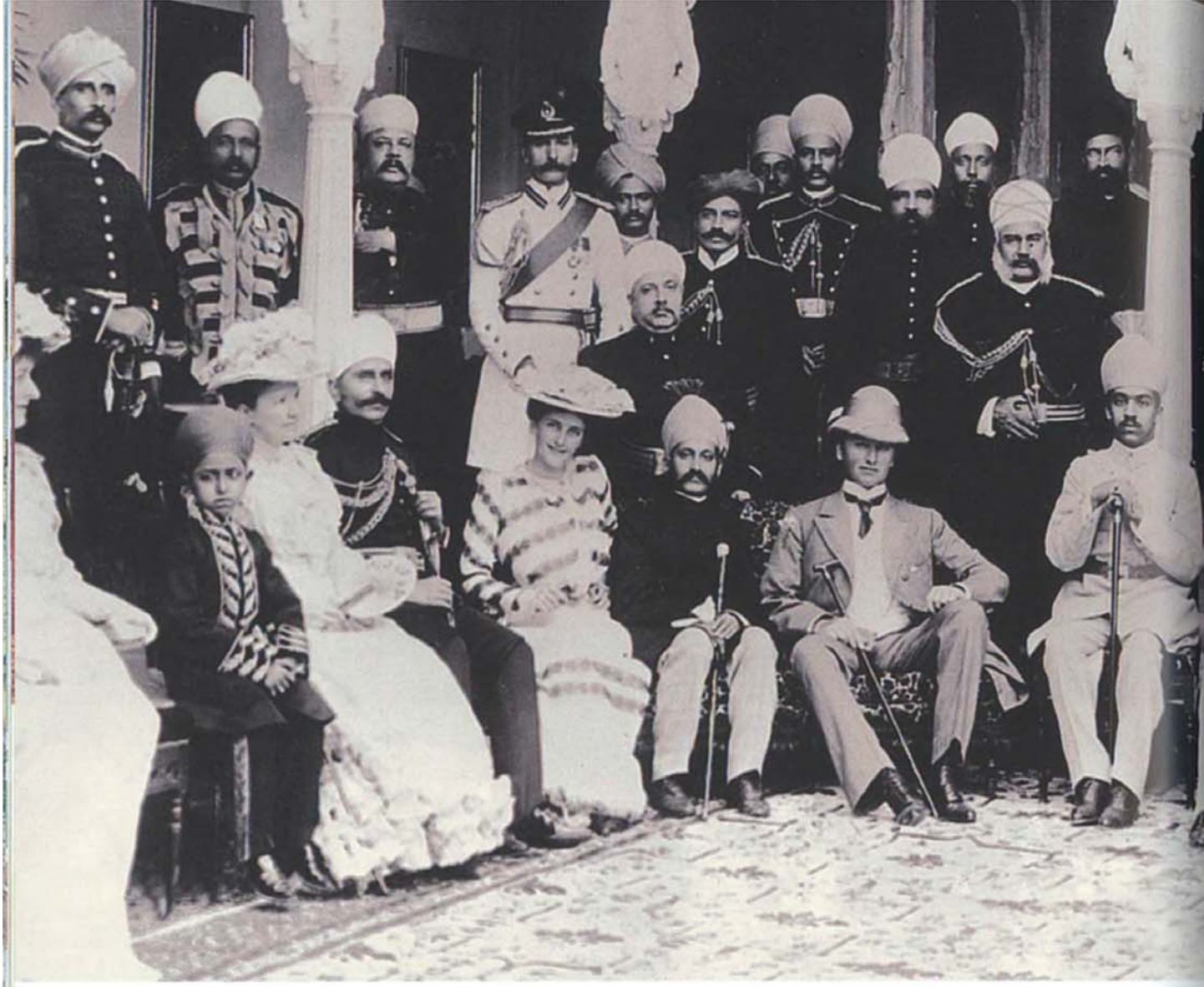
На этой странице:
Евангелический этос
А) Дэвид Ливингстон (ок. 1864–1865)
Б) Рабы на Занзибаре



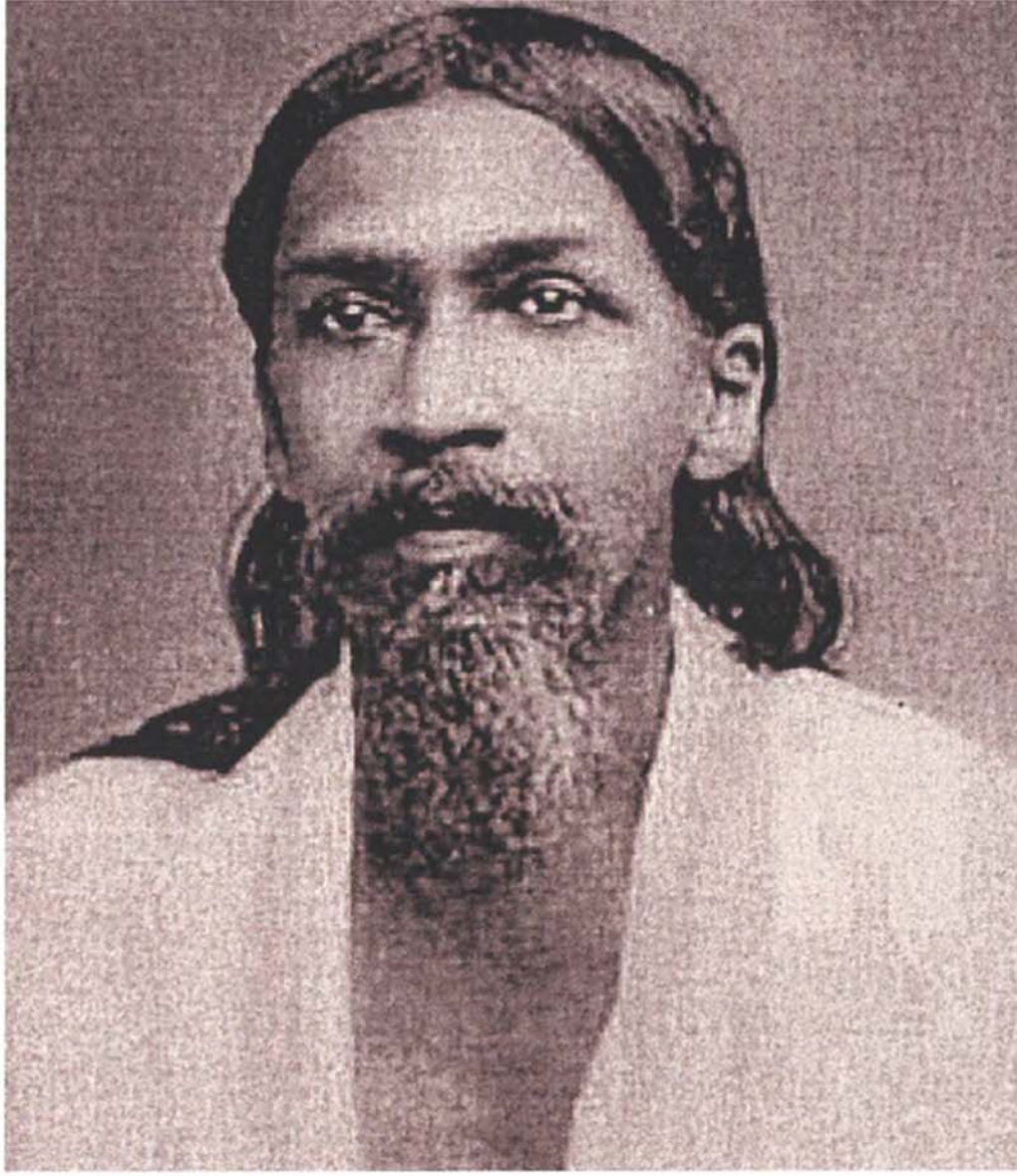
На этой странице:
Сипайское восстание
А) Странствующий проповедник "распространяет свет и благое влияние истины" в Индии
Б) Фредерик Гудолл, "Снятие осады Лакнау: сон Джесси Браун" (1857)

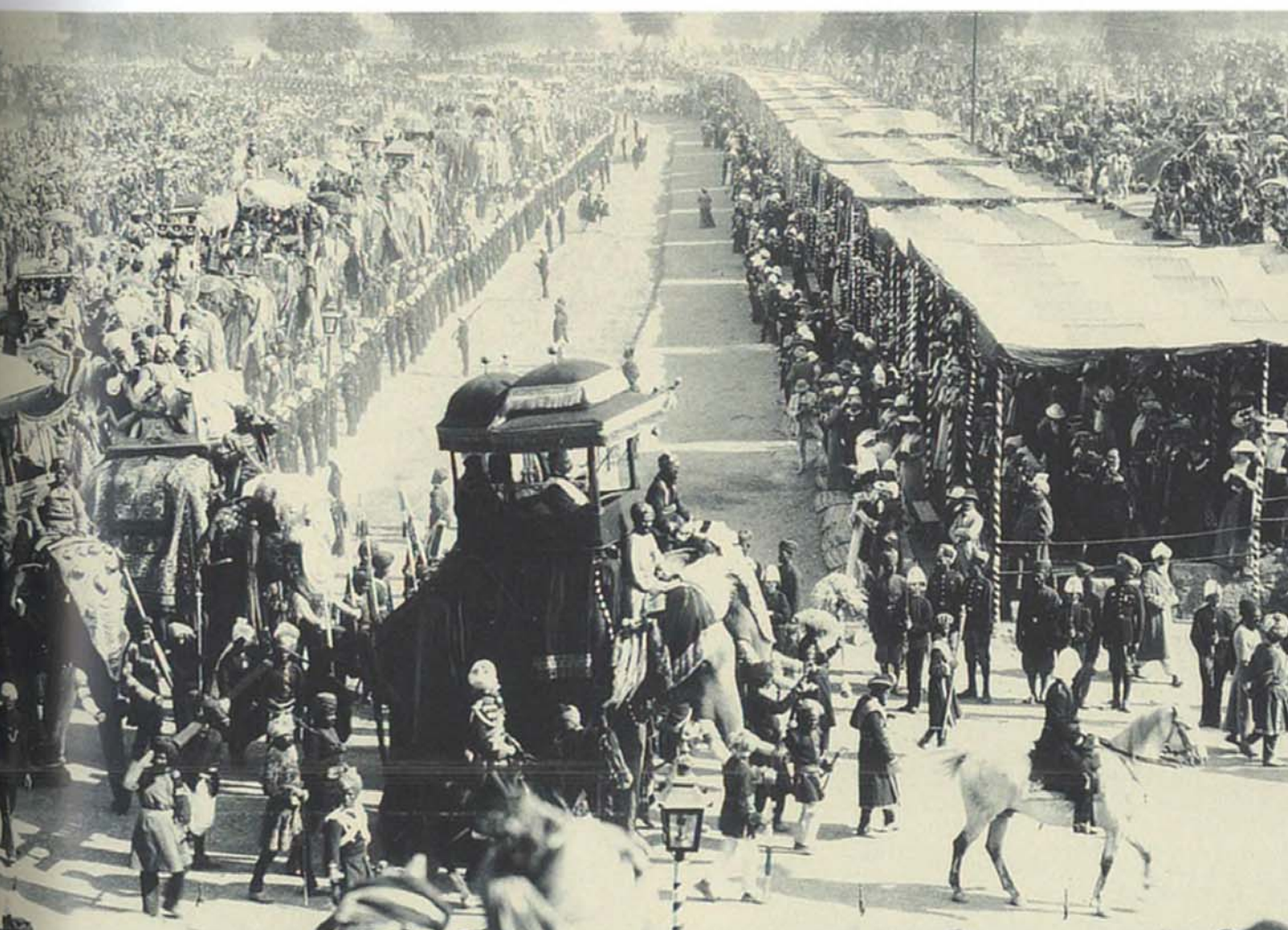
Справа:
Мускулы викторианской Англии
А) Прокладка кабеля судном "Грейт-Истерн" (1866)
Б) Индийские солдаты со слонами, английские — с орудием (1897)
В) Пароходы на реке Хугли (1900)





“Ториентализм” и терроризм
а) Лорд Керзон и аристократы в Айна-Хана,
дворце махараджи Пешкаи (1900)
б) “Университеты” Ауробиндо Гхоша: лондонская школа Св. Павла,
кембриджский Кингс-колледж, Алипурская тюрьма
в) Делийский дурбар (1903)



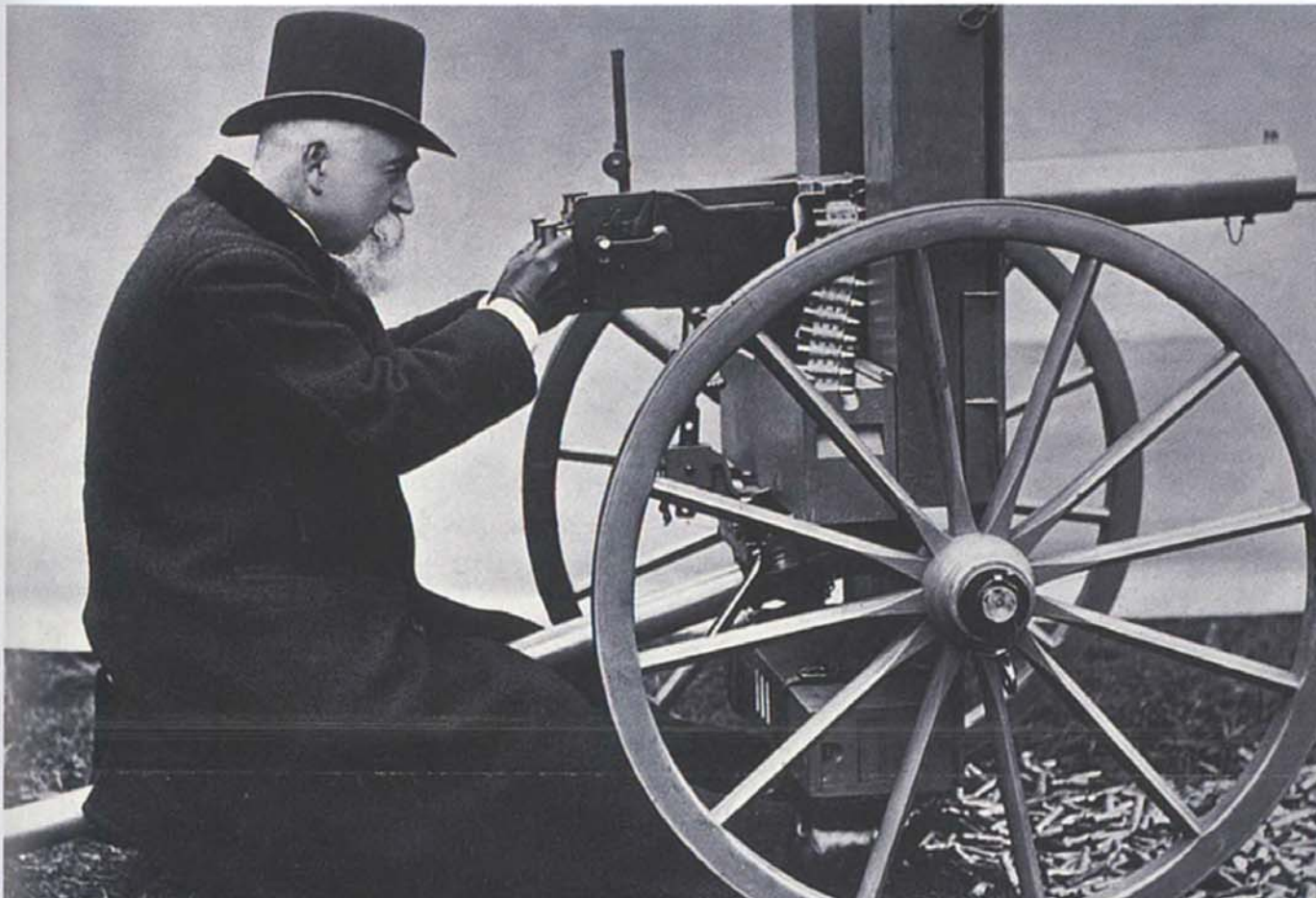


Имперская спесь...

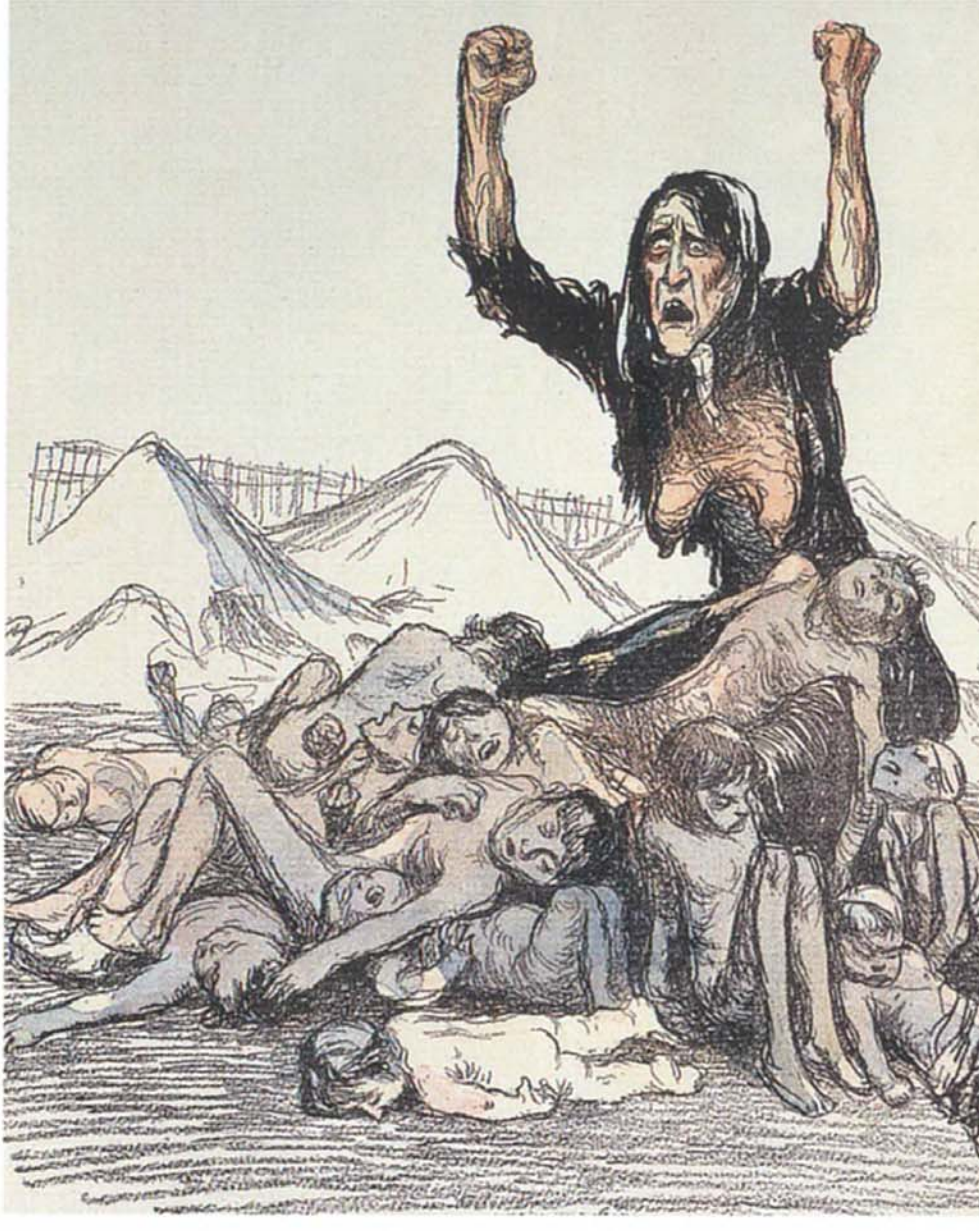
А) Солдаты-шотландцы у Большого сфинкса в Гизе (1882)

Б) Махдисты, погибшие в Омдурманском сражении (1898)

В) Хайрем С. Максим со своим пулеметом (1880)



...и расплата за нее
а) Черчилль, возвращающийся в Англию (1899)
б) Французская карикатура на британские концлагеря в Южной Африке (1901)
в) Спион-Коп (1900)



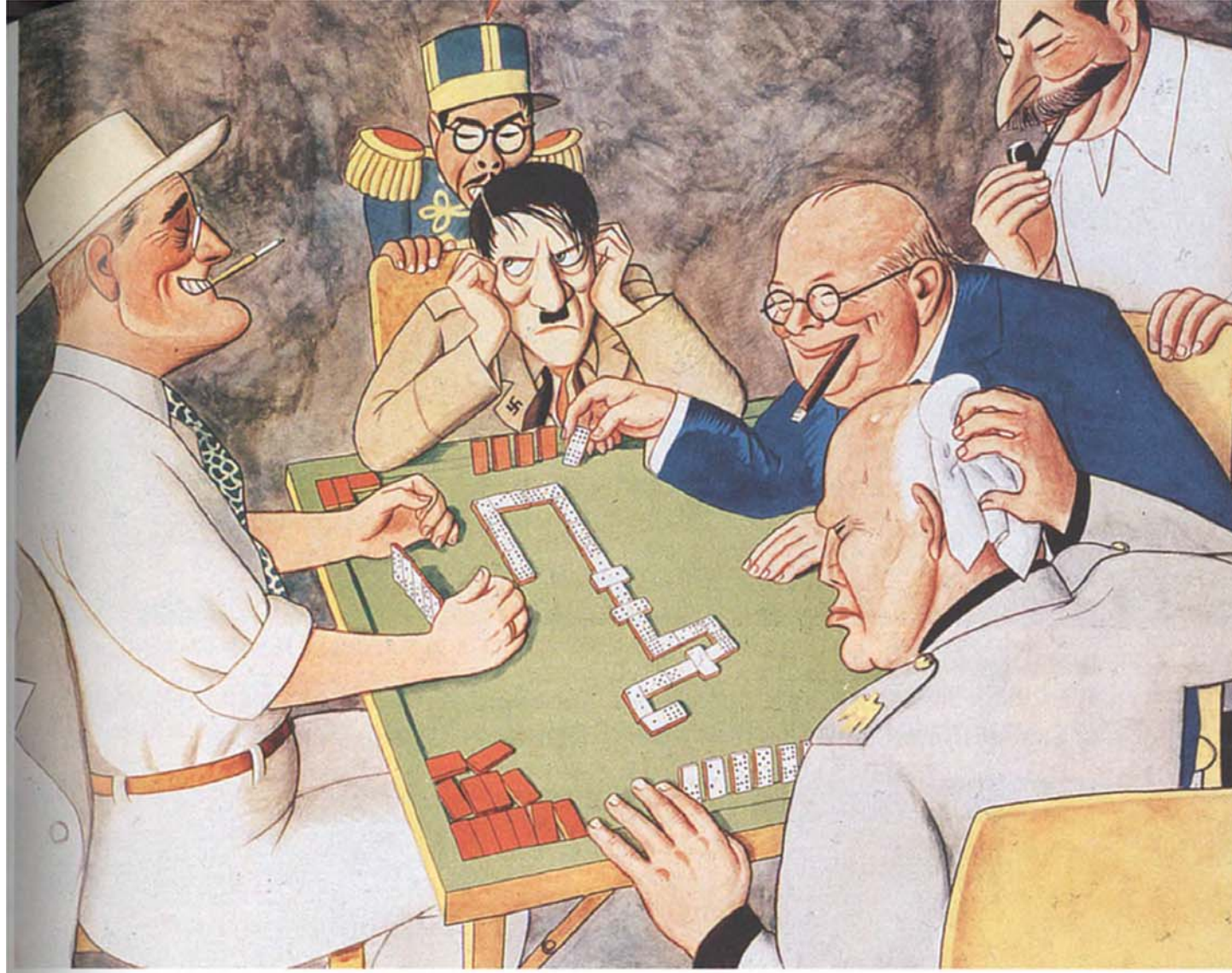
Первая империалистическая война
а) Английские и индийские солдаты в Нанте. Французская открытка (ок. 1916)
б) Франция, Англия, Россия, Япония и Германия терзают Китай (немецкая карикатура, 1900)
в) Томас Э. Лоуренс (1917)

Вторая империалистическая война

а) Строительство военнопленными Адского прохода в Таиланде. Рисунок Джека Чалкера (1942)

б) "Сыгранность — залог успеха". Карикатура Конрадо Массагера

в) Японская листовка, призывающая индийцев покончить с британским владычеством (1942)



ज के सब उपनिवेश खड़े हो गये हैं॥ हम भारतवासीओं को और
जों के पांव के नीचे दबे रहने की जरूरत नहीं। आओ, हम भी
ही जायें और इस सुयोग को हाथ से जाने न दें॥
सकल उपनिवेस जागिया उठियाछे। इंरेजेर दासत्वे भारतवाजीदेर
जीवन कटाइबार कि प्रयोजन। जागो, उठिया दाड़ाओ एई सुयोग आर
हाराइओ ना।

Гибнущая империя

А) Египтяне толпятся вокруг полковника Гамаля Абдель Насера (29 марта 1954 года)
Б) Блокада Порт-Саида во время Суэцкого кризиса (19 ноября 1956 года)

Благодарности

Книги, подобные этой, в огромной степени являются плодами коллективных усилий. Хотя многие из тех, кого я хочу поблагодарить, полагают, что занимались в продюсерской компании или на телеканале тем, что снимали сериал ["Империя"], они приняли участие и в сочинении этой книги.

Прежде всего я хочу поблагодарить Дженис Хэдлоу, редактора исторических передач на Четвертом канале: по ее инициативе на свет появились и эта книга, и сериал. При этом также присутствовал Хэмиш Микура, помощник Дженис, который первоначально был продюсером сериала. Среди сотрудников компании "Блейкуэй продакшенс" я хотел бы выразить признательность исполнительному продюсеру Деннису Блейквею, Чарльзу Миллеру (он стал продюсером сериала после Микуры), ассоциированному продюсеру сериала Мелани Фолл, ассистентам продюсера Хелен Бриттон и Роузи Шелленберг, ресерчеру сериала Грейс Чапмен, ресерчерам Алексу Уотсону, Джоанне Поттс и Розалинд Бентли, постановщику Эмме Макфарлэйн, директору Клэр Оджерс и офис-менеджеру Кейт Макки.

Я многому научился у режиссеров "Империи" Рассела Барнса, Эдриена Пеннинка и Дэвида Уилсона. Я также обязан операторам Дьюолду Окема, Тиму Крэггу, Воэну Мэттьюсу и Крису Опеншоу, помощнику оператора Друву Сингху, звукорежиссерам Адаму Прескоду, Мартину Гейссманну, Тони Бенсусану и Полу Кеннеди.

Фиксеры — невероятно важные фигуры на съемках любого телесериала. Я приношу особенную благодарность Максин Уолтерс и Эле Рикхэм (Ямайка), Мэтту Бейнбриджу (США), Сэму Дженнингсу (Австралия), Лансане Фофана (Сьерра-Леоне), Горану Мушичу (Южная Африка), Алану Харкнессу (Замбия), Ники Сейер (Занзибар), Фунде Одемишу (Турция), Тоби Синклеру и Рейни Гхош (Индия).

За доброту и помощь я также хочу поблагодарить: Альрика, Назира, директора колледжа "Ла Мартиньер", Джоан Абрамс, Ричарда и Джейн Айткен, Гураба Банерджи, Рода Битти, профессора А. Чатерджи, Дейна Купера, Тома Каннингема, Стива Додда, Эрика Дуко, Тессу Флейшер, Роба Франсиско, Пенни Фастл, Алана Харкнесса, Питера Жака, пастора Хендрика Джеймса, Жана-Франсуа Лесажа, Свапну Лиддел, Нила Маккендрика, Рави Мане, Джона Мэнсона, Билла Маркхэма, Саида Сулеймана Мохаммеда, Джорджа Мудаванху, вождя Мукуни, Гремлина Нейпира, Трейси О'Брайан, Адольфа Оппонга, Мабвуто Фири, Викторию Фири, Г.С. Равата, Луди Шульце, Его Превосходительство Вирена Шаха, Марка Шоу, Ратанджита Сингха, Джейн Скиннер, Мэри Слаттери, Айону Смит, Саймона Смита, Ангуса Стивенса, Колина Стейна, Филипа Тетли, епископа Дугласа Тото, лейтенанта Криса Уотта и Элрию Весселс.

Писатели не могут жить без хорошего литагента; мне повезло встретить Клэр Александр, Салли Райли и других сотрудников "Гилтон-Айткен", а также Сью Эйтон из "Найт-Эйтон". Кроме того, я должен выразить благодарность Энтони Форбсу-Уотсону, Хелен Фрэзер, Сесилии Маккей, Ричарду Марстону и Эндрю Розенхейму из издательства "Пингвин". И, конечно, я хотел бы поблагодарить своего редактора Саймона Уиндера, энтузиазм и помощь которого выходили далеко за рамки его служебных обязанностей.

Без поддержки своих оксфордских коллег из Колледжа Иисуса и с исторического факультета я не сумел бы найти время для того, чтобы написать книгу, а тем более снять сериал. В частности, я хотел бы поблагодарить Бернхарда Фульду, Фелисити Хил и Торлу Стоуна.

Моя семья помогла мне больше узнать о собственном имперском прошлом. Я особенно хотел бы поблагодарить родителей — Молли и Кэмпбелла Фергюсонов, мою бабушку Мэй Гамильтон, родителей моей жены — Кена и Вивьен Дуглас, мою кузину Сильвию Питерс из Канады. Наконец, я должен поблагодарить Сьюзен, Феликса, Фрейю и Лахлана — тех, кто нес вахту дома, как и многие семьи в прошлом, дожидавшиеся своих кормильцев, которые дрались за империю.

В труде, требующем совместных усилий, неизбежны ошибки. Многие внимательные читатели любезно сообщили о тех, которые закрались в текст издания в твердом переплете. В частности, я хотел бы поблагодарить зоркого г-на Л. В. Хэя. Я несу полную ответственность за все оставшиеся ошибки.

Колледж Иисуса, Оксфорд,
июль 2003 года

Иллюстрации

1–6. Агнес Фергюсон со своей семьей в Гленроке, ок. 1911–1921 гг. *By courtesy of Campbell Ferguson*

7. "Французские и португальские корабли у Буттугара", гравюра Теодора де Брайя из "Плавания в Бразилию" Жака ле Муана де Морга, 1562 г. *Musée de la Marine, Paris/The Art Archive*

8. "Мачтовая мастерская в Блэкуоле", Уильям Дэниелл, 1803 г. © *National Maritime Museum, London*

9. Томас Питт. Портрет Джона Вандербанка, ок. 1710–1720 гг. *Частная коллекция*

10. "Полковник Джеймс Тодд на слоне, с кавалерией и сипаями", анонимный художник из Ост-Индской компании, XVIII в. *Victoria & Albert Museum/Bridgeman Art Library*

11. Гуркхи. Групповой портрет, выполненный одним из членов семьи Гулама Али Хана, Дели, ок. 1815 г. *The Gurkha Museum, Winchester*

12. "Роберт Клайв со своей семьей и индийской служанкой", сэр Джошуа Рейнольдс, ок. 1765–1766 гг. *Gemäldegalerie, Berlin/© Bildarchiv Preußischer Kultbesitz/Jörg P Anders*

13. Рабы под палубой. Акварельный набросок лейтенанта Мейнелла, 1844–1846 гг. © *National Maritime Museum, London*

14. Сахарная плантация на юге Тринидада. К. Бауэр, ок. 1850 г. *Частная коллекция/Bridgeman Art Library*

15. "Сражение при Банкер-Хилле", амер. школа, 1783 г. или позднее. *Gift of Edgar William and Bernice Chrysler Garbisch. Photograph © Board of Trustees, National Gallery of Art, Washington*
16. "Бичевание преступника Чарльза Маэра", набросок Дж. Л., 1823 г., из "Дневника тринадцати лет жизни [на острове Норфолке и Земле Ван-Димена]" Роберта Джонсона. *Mitchell Library, State Library of New South Wales, Sydney*
17. "Шайка в сиднейской тюрьме", Августус Эрл, 1830 г. © *National Maritime Museum, London*
18. Дэвид Ливингстон. Фотография *Maull & Co.*, ок. 1864–1865 гг. *By courtesy of National Portrait Gallery, London*
19. Рабы в цепях, Занзибар, XIX в. *Bojan Brecelj/Corbis*
20. Странствующий проповедник в Индии. Автор неизвестен, XIX в. *United Society for the Propagation of the Gospel/Eileen Tweedy/The Art Archive*
21. "Снятие осады Лакнау, 1857 г.: сон Джесси", Фредерик Гудолл, 1858 г. *Sheffield City Art Galleries/Bridgeman Art Library*
21. "Прокладка кабеля с борта корабля 'Грейт-Истерн'", рис. Роберта Дадли из книги Уильяма Г. Рассела "Атлантический телеграф", 1866 г. *Science & Society Picture Library*
22. Индийская армия, 1897 г. *Public Record Office Image Library*
23. Пароходы на реке Хугли, Калькутта, 1900 г. *Hulton Archive*
24. Лорд Керзон и Его Высочество Низам в Айна-Хана, дворце махараджи Пешкаи, ок. 1900 г. *Hulton Archive*
25. Ауробиндо Гхош
26. Процессия у Лал-Кила во время Делийского дурбара, 1903 г. © *The British Library*
27. Победители при Тель-эль-Кебире: солдаты-шотландцы у Большого сфинкса в Гизе, 1882 г. *Bettmann/Hulton Archive*
28. Павшие при Омдурмане, 1898 г. *By courtesy of the director, National Army Museum, London*
29. Хайрем С. Максим со своим пулеметом, ок. 1880 г. © *Bettmann/Corbis*
30. Черчилль, возвращающийся в Англию, 1899 г. © *Bettmann/Corbis*

31. Карикатура Жана Вебэра на концентрационные лагеря, *L'Assiette au Beurre* от 28 сентября 1901 г. *Archives Charmet/ Bridgeman Art Library*
32. Павшие при Спион-Копе, Наталь, 1900 г. *Hulton Archive*
33. "Наши союзники": французская открытка, изображающая английских и индийских солдат, Нант, 1914 г. *Private collection/AKG London*
34. "Призрак при свете дня": карикатура с обложки *Der Wahre Jacob* от 11 сентября 1900 г. *AKG London*
35. Томас Э. Лоуренс. Фотография Б. Э. Лисона, 1917 г. *By courtesy of National Portrait Gallery, London*
36. Строительство военнопленными туннеля Коную-Хинток, Таиланд, 1942 г. Рис. Джека Чалкера. *By courtesy by Jack Walker*
37. Карикатура Конрадо Массагера. © *Estate of Conrado Massaguer/Franklin D. Roosevelt Library, New York/Bridgeman Art Library*
38. Японская листовка, призывающая индийцев свергнуть англичан, ок. 1942 г. *Imperial War Museum, Department of Printed Books*
39. Гамаль Абдель Насер на демонстрации против роспуска Революционного совета, 29 марта 1954 г. *Hulton Archive*
40. Блокада Порт-Саида во время Суэцкого кризиса, 19 ноября 1956 г. © *Hulton-Deutsch Collection/Corbis*

Библиография

Я не стремился привести здесь исчерпывающую библиографию по имперской истории: она заняла бы слишком много места. Ниже я перечислил основные труды, на которые опирался в своем исследовании, а также книги для дополнительного чтения, на которые я хотел бы обратить внимание читателей.

ABERNETHY, DAVID B. *The Dynamics of Global Dominance: European Overseas Empires 1415–1980* (New Haven, 2001)

BROWN, JUDITH M. and LOUIS, WM. ROGER (eds.) *The Oxford History of the British Empire, vol. IV: The Twentieth Century* (Oxford/New York, 1999)

CANNY, NICHOLAS (ed.) *The Oxford History of the British Empire, vol. I: The Origins of Empire* (Oxford/New York, 1998)

FIELDHOUSE, DAVID *The Colonial Empires* (London, 1966)

HARLOW, BARBARA and CARTER, MIA *Imperialism and Orientalism: A Documentary Sourcebook* (Oxford/ Malden, Massachusetts, 1999)

HYAM, RONALD *Britain's Imperial Century, 1815–1914* (Basingstoke, 1993)

JAMES, LAWRENCE *The Rise and Fall of the British Empire* (London, 1994)

JUDD, DENNIS *Empire: the British Imperial Experience from 1765 to the Present* (London, 1996)

LLOYD, TREVOR *Empire: The History of the British Empire* (London, 2001)
MADDISON, ANGUS *The World Economy: A Millennial Perspective* (Paris, 2001)
MARSHALL, P. J. (ed.) *The Cambridge Illustrated History of the British Empire* (Cambridge, 1996)
MARSHALL, P. J. (ed.) *The Oxford History of the British Empire, vol. II: The Eighteenth Century* (Oxford/New York, 1998)
MORRIS, JAMES *Heaven's Command: An Imperial Progress* (London, 1992 [1973])
MORRIS, JAMES *Pax Britannica: The Climax of an Empire* (London, 1992 [1968])
MORRIS, JAMES *Farewell the Trumpets: An Imperial Retreat* (London, 1992 [1979])
PAGDEN, ANTHONY *Peoples and Empires: Europeans and the Rest of the World, from Antiquity to the Present* (London, 2001)
PALMER, ALAN *Dictionary of the British Empire and Commonwealth* (London, 1996)
PORTER, ANDREW N. (ed.) *Atlas of British Overseas Expansion* (London, 1991)
PORTER, ANDREW N. (ed.) *The Oxford History of the British Empire, vol. III: The Nineteenth Century* (Oxford, New York, 1999)
WINKS, ROBIN W. (ed.) *The Oxford History of the British Empire, vol. V: Historiography* (Oxford, New York, 1999)

Глава 1

ANDREWS, KENNETH R. *Drake and South America* / In: THROWER, NORMAN J. W. (ed.) *Sir Francis Drake and the Famous Voyage, 1577–1580* (Berkeley/Los Angeles/London, 1984). — Pp. 49–59
ARMITAGE, DAVID *The Ideological Origins of the British Empire* (Cambridge, 2000)

BARUA, PRADEEP *Military Developments in India, 1750–1850* // Journal of Military History, 58/4 (1994). — Pp. 599–616

BAYLY, C. A. *Indian Society and the Making of the British Empire* (Cambridge, 1988)

BAYLY, C. A. *Imperial Meridian: The British Empire and the World, 1780–1830* (London, 1989)

BERNSTEIN, JEREMY *Dawning of the Raj: The Life and Trials of Warren Hastings* (London, 2001)

BOXER, C. R. *The Dutch Seaborne Empire, 1600–1800* (London, 1965)

BRENNER, ROBERT *The Social Basis of English Commercial Expansion, 1550–1650* // Journal of Economic History, 32/1 (1972). — Pp. 361–84

BRIGDEN, SUSAN *New Worlds, Lost Worlds* (London, 2000)

CARLOS, ANN M. and NICHOLAS, STEPHEN AGENCY PROBLEMS IN EARLY CHARTERED COMPANIES: THE CASE OF THE HUDSON'S BAY COMPANY // Journal of Economic History, 50/4 (1990). — Pp. 853–75

CARNALL, GEOFFREY AND NICHOLSON, COLIN (eds.) *The Impeachment of Warren Hastings: Papers from a Bicentenary Commemoration* (Edinburgh, 1989)

CELL, GILLIAN T. (ed.) *Newfoundland Discovered: English Attempts at Colonisation, 1610–1630* (London, 1982)

CHAUDHURI, K. N. *The English East India Company* (London, 1963)

CHAUDHURI, K. N. *The Trading World of Asia and the English East India Company* (Cambridge, 1978)

CRUIKSHANK, E. A. *The Life of Sir Henry Morgan, with an Account of the English Settlement of the Island of Jamaica, 1655–1688* (London/Basingstoke/Toronto, 1935)

DALTON, SIR CORNELIUS NEALE *The Life of Thomas Pitt* (Cambridge, 1915)

DICKSON, P. G. M. *The Financial Revolution in England: A Study in the Development of Public Credit, 1688–1756* (London/Melbourne/Toronto, 1967)

EDNEY, MATTHEW H. *Mapping an Empire: The Geographical Construction of British India, 1765–1843* (Chicago/London, 1997)

EHRMAN, JOHN *The Younger Pitt*, 3 vols. (London, 1969–1996)

EXQUEMLIN, A. O., TRANS. ALEXIS BROWN *The Buccaneers of America. Comprising a Pertinent and Truthful Description of the Principal Acts of Depredation and Inhuman Cruelty committed by the English and French Buccaneers against the Spaniards in America* (London, 1972)

FORREST, DENYS *Tea for the British: The Social and Economic History of a Famous Trade* (London, 1973)

FRASER, J. BAILLIE *Military Memoirs of Lieut. Col. James Skinner, C. B.* (Mussoorie, 1955 [1856])

HAGEN, VICTOR WOLFGANG VON *The Gold of El Dorado: The Quest for the Golden Man* (London/Toronto/Sydney/New York, 1978)

HAKLUYT, RICHARD, edited, abridged and introduced by JACK BEECHING *Voyages and Discoveries: The Principal Navigations Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation* (London, 1985 [1598–1600])

HEATHCOTE, T. A. *The Military in British India: The Development of British Land Forces in South Asia, 1600–1947* (Manchester/New York, 1995)

HEMMING, JOHN *The Search for El Dorado* (London, 1978)

HOSSEIN KHAN, SIED GHOLAM *The Seir Mutaqherin: or Review of Modern Times: Being an History of India, From the Year 1118 to the Year 1194* (Calcutta, 1903 [1789])

IRWIN, DOUGLAS A. *Mercantilism and Strategic Trade Policy: The Anglo-Dutch Rivalry for the East Indian Trade* // Journal of Political Economy, 99/6 (1991). — Pp. 1296–1314

IRWIN, DOUGLAS A. *Strategic Trade Policy and Mercantilist Trade Rivalries* // American Economic Review, 2 (1982). — Pp. 134–139

KELSEY, HARRY *Sir Francis Drake: The Queen's Pirate* (New Haven/London, 1998)

KENNEDY, PAUL *The Rise and Fall of British Naval Mastery* (London, 1976)

KOEHN, NANCY F. *The Power of Commerce, Economy and Governance in the First British Empire* (Ithaca, New York, 1995)

LEMIRE, BEVERLY *Fashion's Favourite: The Cotton Trade and the Consumer in Britain, 1660–1800* (Oxford, 1991)

LINDSAY, PHILIP *Morgan in Jamaica: Being an Account Biographical and Informative of the Latter Days of Sir Henry Morgan, Admiral of Buccaneers, Captain of Privateers... also Twice Acting Governor of Jamaica* (London, 1930)

LYTE, CHARLES *Sir Joseph Banks: 18th Century Explorer, Botanist and Entrepreneur* (Devon, 1980)

MACINNES, C. M. *The Early English Tobacco Trade* (London, 1926)

MILLER, DAVID PHILIP and REILL, PETER HANNS (eds.) *Visions of Empire: Voyages, Botany, and Representations of Nature* (Cambridge/New York/ Melbourne, 1996)

NEAL, LARRY *The Rise of Financial Capitalism: International Capital Markets in the Age of Reason* (Cambridge, 1990)

PAGDEN, ANTHONY *Lords of All the World: Ideologies of Empire in Spain, Britain and France, 1500–1800* (New Haven, 1996)

PARRY, JOHN H. *Drake and the World Encompassed* / In: THROWER, NORMAN J. W. (ed.) *Sir Francis Drake and the Famous Voyage, 1577–1580* (Berkeley/Los Angeles/London, 1984). — Pp. 1–11

PEARSON, N. M. *Shivaji and the Decline of the Mughal Empire* // Journal of Asian Studies, 35/2 (1976). — Pp. 221–235

PILLAI, ANANDARANGA *The Private Diary of Ananda Ranga Pillai, Dubash to Joseph Francois Dupleix: A Record of Matters Political, Historical, Social, and Personal, from 1736 to 1761, 12 vols.* (Madras, 1904)

POCOCK, TOM *Battle For Empire: The Very First World War, 1756–63* (London, 1998)

POPE, DUDLEY *The Buccaneer King: The Biography of Sir Henry Morgan, 1635–1688* (New York, 1977)

POPE, PETER E. *The Many Landfalls of John Cabot* (Toronto/Buffalo/London, 1997)

PRICE, JACOB M. *What Did Merchants Do? Reflections on British Overseas Trade, 1660–1790* // Journal of Economic History, 49/2 (1989). — Pp. 267–284

QUINN, DAVID BEERS *England and the Discovery of America, 1481–1620: From the Bristol Voyages of the Fifteenth Century to the Pilgrim Settlement at Plymouth — The Exploration, Exploitation, and Trial-and-Error Colonization of North America by the English* (London, 1974)

RIDDY, JOHN *Warren Hastings: Scotland's Benefactor* / In: G. CORNALL and C. NICHOLSON *The Impeachment of Warren Hastings: Papers from a Bicentenary Commemoration* (Edinburgh, 1989). — Pp. 30–57

ROWSE, A. L. AND DOUGAN, ROBERT O. (eds.) *The Discoverie of Guiana by Sir Walter Ralegh, 1596 and The Discoveries of the World by Antonio Galvao, 1601: Historical Introductions and Bibliographical Notes* (Cleveland, Ohio, 1966)

RUVILLE, ALBERT VON, TRANS. H. J. CHAYTOR *William Pitt, Earl of Chatham* (London, 1907)

SINCLAIR, ANDREW *Sir Walter Raleigh and the Age of Discovery: The Extraordinary Life and Achievements of a Renaissance Explorer, Sailor and Scholar* (Harmondsworth, 1984)

WILLIAMS, GLYN *"The Prize of all the Oceans": The Triumph and Tragedy of Anson's Voyage round the World* (London, 1999)

WILLIAMSON, JAMES A. *The Cabot Voyages and Bristol Discovery under Henry* VII (Cambridge, 1962)

Глава 2

ANDERSON, FRED *Crucible of War: The Seven Years' War and the Fate of Empire in British North America, 1754–1766* (London, 2000)

ANSTEY, ROGER *The Atlantic Slave Trade and British Abolition, 1760–1810* (London, 1975)

BAILYN, BERNARD *The Ideological Origins of the American Revolution* (Cambridge, Mass., 1967)

BAILYN, BERNARD *The Peopling of British North America* (New York, 1986)

BARBOUR, PHILIP L. *The Jamestown Voyages under the First Charter 1606–1609, vol. I: Documents Relating to the Foundation of Jamestown and the History of the Jamestown Colony up to the Departure of Captain John Smith, Last President of the Council in Virginia under the First Charter, Early in October 1609* (London/New York, 1969)

BARDON, JONATHAN *A History of Ulster* (Belfast, 1992)

BAUMAN, RICHARD *For the Reputation of Truth: Politics, Religion, and Conflict among the Pennsylvania Quakers 1750–1800* (Baltimore/London, 1971)

BELICH, JAMES *Making Peoples: A History of the New Zealanders from Polynesian Settlement to the End of the Nineteenth Century* (London, 1997)

BELICH, JAMES *Paradise Reforged: A History of the New Zealanders from the 1880s to the Year 2000* (London, 2001)

BERLIN, IRA *Many Thousands Gone: The First Two Centuries of Slavery in North America* (Cambridge, Mass., 1998)

BLACKBURN, ROBIN *The Making of New World Slavery: From the Baroque to the Modern, 1492–1800* (New York, 1997)

BOOGART, E. VAN DEN and EMMER, P. C. *Colonialism and Migration: An Over-view* / In: P. C. EMMER (ed.) *Colonialism and Migration: Indentured Labour before and after Slavery* (Dordrecht, 1986)

BROGAN, HUGH *The Pelican History of the United States of America* (Harmondsworth, 1986)

CALDER, ANGUS *Revolutionary Empire: The Rise of the English-Speaking Empires from the Fifteenth Century to the 1780s* (London, 1981)

CALHOON, ROBERT M., BARNES, TIMOTHY M., and RAWLYK, GEORGE A. (eds.) *Loyalists and Community in North America* (Westport/Connecticut/ London, 1994)

CAMPBELL, MAVIS C. *The Maroons of Jamaica 1655–1796* (Massachusetts, 1988)

CECIL, RICHARD, ED., ROUSE, MARYLYNN *The Life of John Newton* (Fearn, 2000)

CHISWICK, BARRY AND HATTON, TIMOTHY *International Migration and the Integration of Labour Markets* / In: MICHAEL BORDO, ALAN TAYLOR and JEFFREY WILLIAMSON (eds.) *Globalization in Historical Perspective* (Chicago, 2003)

CHRISTIE, I. R., LARABEE, B. W. *Empire and Independence, 1760–1776* (Oxford, 1976)

CLARK, J. C. D. *The Language of Liberty, 1660–1832: Political Discourse and Social Dynamics in the Anglo-American World* (Cambridge, 1993)

CURTIN, PHILIP D. *Death by Migration: Europe's Encounter with the Tropical World in the Nineteenth Century* (Cambridge, 1989)

CURTIN, PHILIP D. *The Atlantic Slave Trade: A Census* (Madison/London, 1969)

DRAPER, THEODORE *A Struggle for Power: The American Revolution* (New York, 1996)

DRAYTON, RICHARD *The Collaboration of Labour: Slaves, Empires and Globalizations in the Atlantic World, c. 1600–1950* / In: A.G. HOPKINS (ed.) *Globalization in World History* (London, 2002). — Pp. 98–114

ELTIS, DAVID *Europeans and the Rise and Fall of African Slavery in the Americas: An Interpretation* // American Historical Review, 98/5 (1993). — Pp. 1399–1423.

EMMER, P. C. (ed.) *Colonialism and Migration: Indentured Servants before and after Slavery* (Dordrecht, 1986)

ENGERMAN, STANLEY L., GALLMAN, ROBERT E. (eds.) *The Cambridge Economic History Of The United States, vol. 1: The Colonial Era* (Cambridge, 1997)

FOSTER, ROY *Modern Ireland, 1600–1972* (London, 1988)

FRANK FELSENSTEIN (ed.) *English Trader, Indian Maid: Representing Gender, Race, and Slavery in the New World: An Inkle and Yarico Reader* (Baltimore/London, 1999)

GALENSON, D. W. *White Servitude in Colonial America: An Economic Analysis* (London, 1981)

GEMERY, HENRY A. *Markets for Migrants: English Indentured Servitude and Emigration in the Seventeenth and Eighteenth Centuries*

/ In: P. C. EMMER (ed.) *Colonialism and Migration: Indentured Labour before and after Slavery* (Dordrecht, 1986)

GRANT, DOUGLAS *The Fortunate Slave: An Illustration of African Slavery in the Early Eighteenth Century* (New York/Toronto, 1968)

HUGHES, ROBERT *The Fatal Shore: A History of the Transportation of Convicts to Australia, 1787–1868* (London, 1987)

HUNTER, JAMES *A Dance Called America: The Scottish Highlands, the United States and Canada* (Edinburgh, 1994)

INIKORI, J. E. *Market Structure and the Profits of the British African Trade in the Late Eighteenth Century* // Journal of Economic History, 41/4 (1981). — Pp. 745–776

JEFFERY, KEITH (ed.) *An Irish Empire: Aspects of Ireland and the British Empire* (Manchester, 1996)

JONES, MALDWYN A. *The Limits of Liberty: American History, 1607–1980* (Oxford, 1983)

JONES, RUFUS M. *The Quakers in the American Colonies* (London, 1911)

KNIGHT, FRANKLIN W. (ed.) *General History of the Caribbean, vol. III: The Slave Societies of the Caribbean* (London, 1997)

LANGLEY, LESTER D. *The Americas in the Age of Revolution, 1750–1850* (New Haven, 1997)

LONG, EDWARD *The History of Jamaica, or General Survey of the Ancient and Modern State of that Island: With Reflections on its Situations, Settlements, Commerce, Laws and Government* (London, 1970 [1774])

MAIN, GLORIA L. *Tobacco Colony: Life in Early Maryland, 1650–1720* (Princeton, New Jersey, 1982)

MARTIN, BERNARD *John Newton: A Biography* (Melbourne/London/Toronto, 1950)

MARTIN, BERNARD, SPURRELL, MARK (eds.) *The Journal of a Slave Trader (John Newton) 1750–1754, with Newton's "Thoughts upon the African Slave Trade"* (London, 1962)

MIDDLETON, ARTHUR PIERCE *Tobacco Coast: A Maritime History of Chesapeake Bay in the Colonial Era* (Newport News, Virginia, 1953)

NEWTON, JOHN *Letters to a Wife, by the Author of Cardiphonia* (Edinburgh, 1808)

NEWTON, JOHN and CECIL, REVD R. *An Authentic Narrative of Some Remarkable and Interesting Particulars in the Life of John Newton; Memoirs of Mr. Newton; Forty-One Letters Originally Published under the Signatures of Omicron and Virgil* (Edinburgh, 1825)

OXLEY, DEBORAH *Convict Maids: The Forced Migration of Women to Australia* (Cambridge, New York, Melbourne, 1996)

PESTANA, CARLA GARDINA *Quakers and Baptists in Colonial Massachusetts* (Cambridge, 1991)

QUINN, DAVID B. *Explorers and Colonies: America, 1500–1625* (London/Ronceverte, 1990)

RICE, C. DUNCAN *The Missionary Context of the British Anti-Slavery Movement* / In: WALVIN, JAMES (ed.) *Slavery and British Society 1776–1846* (London/ Basingstoke, 1982). — Pp. 150–164

RILEY, EDWARD MILES (ed.) *The Journal of John Harrower: An Indentured Servant in the Colony of Virginia, 1773–1776* (Williamsburg, Virginia, 1963)

ROUSE, PARKE JR. *Planters and Pioneers: Life in Colonial Virginia — The Story in Pictures and Text of the People who Settled England's First Successful Colony from its Planting in 1607 to the Birth of the United States in 1789* (New York, 1968)

SMITH, ABBOT EMERSON *Colonists in Bondage: White Servitude and Convict Labour in America, 1607–1776* (Chapel Hill, 1947)

THOMAS, HUGH *The Slave Trade: The History of the Atlantic Slave Trade 1440–1870* (New York, 1997)

WALVIN, JAMES *England, Slaves and Freedom, 1776–1838* (Basingstoke, 1986)

WALVIN, JAMES *Britain's Slave Empire* (London, 2000)

WARD, J. M. *Colonial Self-Government: The British Experience 1759–1856* (London, 1976)

WHITELEY, PETER *Lord North: The Prime Minister who Lost America* (London, 1996)

Глава 3

BLAIKIE, W. *The Personal Life of David Livingstone LL.D. D. C. L.* (London, 1880)

CHINNIAN, P. *The Vellore Mutiny —1806: The First Uprising Against the British* (Erode, 1982)

GELFAND, MICHAEL *Livingstone the Doctor, His Life and Travels: A Study in Medical History* (Oxford, 1957)

HELLY, DOROTHY O. *Livingstone's Legacy: Horace Waller and Victorian Mythmaking* (Athens, Ohio/London, 1987)

HIBBERT, CHRISTOPHER *The Great Mutiny: India 1857* (London, 1978)

HOLMES, TIMOTHY *Journey to Livingstone: Exploration of an Imperial Myth* (Edinburgh, 1993)

JEAL, TIM *Livingstone* (London, 1973)

LIEBOWITZ, DANIEL *The Physician and the Slave Trade: John Kirk, the Livingstone Expeditions, and the Crusade Against Slavery in East Africa* (New York, 1999)

METCALFE, C. T. *Two Native Narratives of the Mutiny* (London, 1898)

MURRAY, JOCELYN *Proclaim the Good News: A Short History of the Church Missionary Society* (London, 1985)

PANIGRAHI, LALITA *British Social Policy and Female Infanticide in India* (New Delhi, 1972)

PHILIPS, C. H. (ed.) *The Correspondence of Lord William Cavendish Bentinck: Governor-General of India 1828–1835, vol. I: 1828–1831; vol. II: 1832–1835* (Oxford, 1977)

RAY, AJIT KUMAR *Widows are not for Burning: Actions and Attitudes of the Christian Missionaries, the Native Hindus and Lord William Bentinck* (New Delhi, 1985)

SEN, SURENDRANATH *1857* (New Delhi, 1957)

SODERLUND, JEAN R. *Quakers and Slavery: A Divided Spirit* (Princeton, New Jersey, 1985)

STANLEY, B. *The Bible and the Flag: Protestant Missions and British Imperialism in the Nineteenth and Twentieth Centuries* (Leicester, 1990)

Глава 4

ALLEN, CHARLES *Soldier Sahibs: The Men who Made the North-West Frontier* (London, 2000)

ALLEN, CHARLES (ed.) *Plain Tales from the Raj* (London, 1976)

BABER, ZAHEER *The Science of Empire: Scientific Knowledge, Civilization, and Colonial Rule in India* (Albany, 1996)

BEAGLEHOLE, T. H. *Thomas Munro and the Development of Administrative Policy in Madras 1792–1818: The Origins of "The Munro System"* (Cambridge, 1966)

BEJOY KRISHNA BOSE, VAKIL *The Alipore Bomb Trial, with a foreword by Mr Eardley Norton, Bar-at-Law* (Calcutta, 1922)

BENNETT, MARY *The Ilberts in India, 1882–1886: An Imperial Miniature* (London, 1995)

BHASIN, RAJA *Viceregal Lodge and the Indian Institute of Advanced Study, Shimla* (Shimla, 1995)

BLUNT, SIR EDWARD *The I.C. S.: The Indian Civil Service* (London, 1937)

BROOK, TIMOTHY and WAKABAYASHI, TADASHI (eds.) *Opium Regimes: China, Britain, and Japan, 1839–1952* (Berkeley/Los Angeles/London, 2000)

CANNADINE, DAVID *Ornamentalism: How the British Saw Their Empire* (London, 2001)

CLIVE, JOHN *Thomas Babington Macaulay: The Shaping of the Historian* (London, 1973)

DAUMAS, MAURICE *A History of Technology and Invention: Progress through the Ages, vol. III: The Expansion of Mechanization 1725–1860* (London, 1980)

DAVIS, MIKE *Late Victorian Holocausts: El Niño Famines and the Making of the Third World* (London, 2001)

DEWEY, CLIVE *Anglo-Indian Attitudes: The Mind of the Civil Service* (London, 1993)

DUTTON, GEOFFREY *The Hero as Murderer: The Life of Edward John Eyre* (Sydney, 1967)

ENDACOTT, G. B. *A History of Hong Kong* (Hong Kong, 1973)

FRYKENBERG, ROBERT ERIC *Modern Education in South India, 1784–1854: Its Roots and Its Role as a Vehicle of Integration under Company Raj* // American Historical Review, 91/1 (supplement to vol. 91) (1986). — Pp. 37–65

GILBERT, MARTIN (ed.) *Servant of India: A Study of Imperial Rule from 1905 to 1910 as Told through the Correspondence and Diaries of Sir James Dunlop Smith* (London, 1966)

GILMOUR, DAVID *Curzon* (London, 1994)

GILMOUR, DAVID *The Long Recessional: The Imperial Life of Rudyard Kipling* (London, 2002)

HEEHS, PETER *The Bomb in Bengal: The Rise of Revolutionary Terrorism in India, 1900–1910* (Oxford, 1993)

HEUMAN, GAD *"The Killing Time": The Morant Bay Rebellion in Jamaica* (London/Basingstoke, 1994)

HIRSCHMANN, EDWIN *"White Mutiny": The Ilbert Bill Crisis in India and the Genesis of the Indian National Congress* (New Delhi, 1980)

HOLT, EDGAR *The Strangest War: The Story of the Maori Wars 1860–1872* (London, 1962)

HUTCHINS, FRANCIS G. *The Illusion of Permanence: British Imperialism in India* (Princeton, New Jersey, 1967)

IRVING, R. G. *Indian Summer: Lutyens, Baker and Imperial Delhi* (New Haven, 1981)

JAMES, LAWRENCE *Raj: The Making and Unmaking of British India* (London, 1997)

KANWAR, P. *Imperial Simla: The Political Culture of the Raj* (Delhi, 1990)

KIEVE, JEFFREY *The Electric Telegraph: A Social and Economic History* (Newton Abbot, 1973)

KIPLING, RUDYARD *Kim* (Oxford, 1987 [1901])

KIPLING, RUDYARD *Plain Tales from the Hills* (London, 1987 [1890])

KIPLING, RUDYARD *The Man Who Would Be King and Other Stories* (Oxford, 1987 [1885–1888])

KIPLING, RUDYARD *Traffics and Discoveries* (London, 2001 [1904])

KIPLING, RUDYARD *War Stories and Poems* (Oxford, 1990)

KNIGHT, IAN (ed.) *Marching to the Drums: Eyewitness Accounts of War from the Charge of the Light Brigade to the Siege of Ladysmith* (London, 1999)

MACHONOCHIE, EVAN *Life in the Indian Civil Service* (London, 1926)

MACLEOD, ROY and KUMAR, DEEPAK (eds.) *Technology and the Raj: Western Technology and Technical Transfers to India, 1700–1947* (New Delhi/Thousand Oaks/London, 1995)

MEHTA, UDAY SINGH *Liberalism and Empire: A Study In Nineteenth-Century British Liberal Thought* (Chicago, 1999)

MISRA, MARIA *Business, Race and Poliitics in British India, c.1850–1960* (Oxford, 1999)

NAPIER, LT.-COL. *The Hon. H. D., Field Marshal Lord Napier of Magdala GCB, GCSI: A Memoir* (London, 1927)

NAPIER, LT.-COL. (ed.) *Letters of Field Marshal Lord Napier of Magdala concerning Abyssinia, Egypt, India, South Africa* (London, 1936)

NARASIMHAN, SUKUNTALA *Sati: A Study of Widow Burning in India* (New Delhi, 1998)

OLDENBURG, VENNA TALWAR *The Making of Colonial Lucknow, 1856–1877* (Princeton, New Jersey, 1984)

SAMANTA, AMIYA K. (ed.) *Terrorism in Bengal: A Collection of Documents on Terrorist Activities from 1905 to 1939, 6 vols.* (Calcutta, 1995)

SEAL, ANIL *The Emergence of Indian Nationalism: Competition and Collaboration in the later Nineteenth Century* (Cambridge, 1968)

SPANGENBERG, BRADFORD *The Problem of Recruitment for the Indian Civil Service during the Late Nineteenth Century* // Journal of Asian Studies, 30/2 (1971). — Pp. 341–360

STEEDS, DAVID, NISH, IAN *China, Japan and Nineteenth-Century Britain* (Dublin, 1977)

SULLIVAN, EILEEN *Liberalism and Imperialism: J.S. Mill's Defense of the British Empire* // Journal of the History of Ideas, 44/4 (1983). — Pp. 595–617

TINKER, HUGH *A New System of Slavery: The Export of Indian Labour Overseas, 1830–1920* (London/New York/Bombay, 1974)

TOMLINSON, B. R. *The Economy of Modern India, 1860–1970* (Cambridge, 1989)
TREVELYAN, GEORGE OTTO (ed.) *The Life and Letters of Lord Macaulay, 2 vols.* (London, 1876)
WALEY COHEN, ETHEL A. (ed.) *A Young Victorian in India: Letters of H. M. Kisch of the Victorian Civil Service* (London, 1957)
WONG, J. Y. *Deadly Dream: Opium, Imperialism and the "Arrow" War (1856–1860) in China* (Cambridge, 1998)
YALLAND, ZOE *Traders and Nabobs: The British in Cawnpore 1765–1857* (Wilton, 1987)

Глава 5

BOEHMER, ELLEKE (ed.) *Empire Writing: An Anthology of Colonial Literature, 1870–1918* (Oxford, 1998)
BRAILSFORD, HENRY NOEL *The War of Steel and Gold: A Study of the Armed Peace* (London, 1917 [1914])
DAVIS, LANCE E. AND HUTTENBACK, R. A. *Mammon and the Pursuit of Empire: The Political Economy of British Imperialism, 1860–1912* (Cambridge, 1986)
ELLIS, JOHN *The Social History of the Machine Gun* (London, 1993)
FERGUSON, NIALL *The World's Banker: The History of the House of Rothschild* (London, 1998)
FIELDHOUSE, D. K. *Economics and Empire, 1830–1914* (London, 1973)
FLINT, JOHN E. *Sir George Goldie and the Making of Nigeria* (London, 1960)
FORD, ROGER *The Grim Reaper: The Machine-Gun and Machine-Gunners* (London/Basingstoke, 1996)
FRIEDBERG, AARON *The Weary Titan: Britain and the Experience of Relative Decline, 1895–1905* (New York, 1987)
GALLAGHER, JOHN and ROBINSON, RONALD *The Imperialism of Free Trade* // Economic History Review, 2nd ser., 6 (1953). — Pp. 1–15
GOLDSMITH, DOLF *The Devil's Paintbrush: Sir Hiram Maxim's Gun* (Toronto/London, 1989)

HEADRICK, DANIEL R. *The Tools of Empire* (Oxford, 1981)
HOBHOUSE, EMILY *The Brunt of War, and Where it Fell* (London, 1902)
HOBSBAWM, E. J. *The Age of Empire, 1875–1914* (London, 1987)
HOBSON, J. A. *Imperialism: A Study* (London, 1988 [1902])
HYAM, RONALD *Empire and Sexuality* (Manchester, 1992)
IMLAH, ALBERT H. *Economic Elements in the Pax Britannica* (Cambridge, Mass., 1958)
JEAL, TIM *Baden-Powell* (London, 1989)
LYONS, F. S. L. *Ireland Since the Famine* (London, 1982)
MACKENZIE, JOHN M. *Propaganda and Empire: The Manipulation of British Public Opinion, 1880–1960* (Manchester, 1984)
MACKENZIE, JOHN M. (ed.) *Imperialism and Popular Culture* (Manchester, 1986)
MARKHAM, GEORGE *Guns of the Empire: Automatic Weapons* (London, 1990)
MARPLES, MORRIS *A History of Football* (London, 1954)
MARSH, PETER T. *Joseph Chamberlain: Entrepreneur in Politics* (New Haven/London, 1994)
MARTIN, A. C. *The Concentration Camps: 1900–1902: Facts, Figures, and Fables* (Cape Town, 1957)
MCCALLUM, IAIN *Blood Brothers: Hiram and Hudson Maxim — Pioneers of Modern Warfare* (London, 1999)
MCCLINTOCK, ANNE *Imperial Leather: Race, Gender and Sexuality in the Colonial Contest* (New York, London, 1995)
MOOREHEAD, ALAN *The White Nile* (London, 1971)
MUFFETT, D. J. M. *Empire Builder Extraordinary: Sir George Goldie — His Philosophy of Government and Empire* (Douglas, Isle of Man, 1978)
NEILLANDS, ROBIN *The Dervish Wars: Gordon and Kitchener in the Sudan, 1880–1898* (London, 1996)
PAKENHAM, THOMAS *The Boer War* (London, 1991)
PAKENHAM, THOMAS *The Scramble for Africa* (London, 1991)
PLATT, D. C. M. *Finance, Trade, and Politics in British Foreign Policy 1815–1914* (Oxford, 1968)

POLLOCK, JOHN *Kitchener* (London, 2001)
ROBERTS, ANDREW *Salisbury: Victorian Titan* (London, 1999)
ROBINSON, RONALD AND GALLAGHER, JOHN *Africa and the Victorians: The Official Mind of Imperialism* (London, 1961)
ROSENTHAL, ERIC *Gold! Gold! Gold! The Johannesburg Gold Rush* (New York/London/Johannesburg, 1970)
ROTBERG, ROBERT I. *The Founder: Cecil Rhodes and the Pursuit of Power* (New York/Oxford, 1988)
SEELEY, J. R. *The Expansion of England: Two Courses of Lectures* (London and New York, 1886)
SHANNON, RICHARD *Gladstone, vol. II: Heroic Minister, 1865–1898* (London, 1999)
SPIES, S. B. *Methods of Barbarism? Roberts and Kitchener and Civilians in the Boer Republics: January 1900 — May 1902* (Cape Town, 1977)
STALEY, EUGENE *War and the Private Investor: A Study in the Relations of International Politics and International Private Investment* (Chicago, Illinois, 1935)
STRACHEY, LYTTON *Eminent Victorians* (Harmondsworth, 1948 [1918])
TAYLOR, S. J. *The Great Outsiders: Northcliffe, Rothermere, and The Daily Mail* (London, 1996)
WYNNE-THOMAS, PETER *The History of Cricket: From the Weald to the World* (Norwich, 1988)

Глава 6

ALDRICH, ROBERT *Greater France: A History of French Overseas Expansion* (Basingstoke, 1996)
ANDREW, CHRISTOPHER M. and KANYA-FORSTNER, A. S. *France Overseas: The Great War and the Climax of French Imperial Expansion* (London, 1981)
BOND, BRIAN *British Military Policy between the Two World Wars* (Oxford, 1980)

BROCKINGTON, LEONARD *John Buchan in Canada* / In: TWEEDSMUIR, SUSAN (ed.) *John Buchan by his Wife and Friends* (London, 1947)

BROOK, TIMOTHY (ed.) *Documents on the Rape of Nanking* (Ann Arbor, 1999)

BROWN, ANTHONY CAVE *Treason in the Blood: H. St. John Philby, Kim Philby and the Spy Case of the Century* (London, 1995)

BROWN, JUDITH M. *Modern India: The Origins of an Asian Democracy* (Oxford, 1994)

BUCHAN, JOHN *Greenmantle* (London, 1916)

BUCHAN, JOHN *Memory Hold-The-Door* (London, 1941)

BUCHAN, WILLIAM *John Buchan: A Memoir* (London, 1982)

CHAKRABARTY, BIDYUT *Subhas Chandra Bose and Middle Class Radicalism: A Study in Indian Nationalism, 1928–1940* (London/New York, 1990)

CHALKER, JACK *Burma Railway Artist: The War Drawings of Jack Chalker* (London, 1994)

CHANG, IRIS *The Rape of Nanking: The Forgotten Holocaust of World War* II (New York, 1997)

CHARMLEY, JOHN *Churchill's Grand Alliance. The Anglo-American Special Relationship, 1940–1957 (London, 1995)*

COHEN, MICHAEL J. and KOLINSKY, MARTIN (eds.) *Demise of the British Empire in the Middle East: Britain's Response to Nationalist Movements, 1943–1955* (London, 1998)

COLVIN, IAN *The Life of General Dyer* (London, 1929)

CONRAD, JOSEPH *Heart of Darkness* (London, 1973 [1902])

CONRAD, JOSEPH *Lord Jim* (Oxford, 1983 [1921])

DANIELL, DAVID *The Interpreter's House: A Critical Assessment of John Buchan* (London, 1975)

DARWIN, JOHN *Britain and Decolonization: The Retreat from Empire in the Post-War World* (Basingstoke, 1988)

DELONG, BRAD *Slouching Towards Utopia: The Economic History of the Twentieth Century*, 'OLD DRAFT' (http://www.j-bradford-delong.net, 2000)

DRAPER, ALFRED *The Amritsar Massacre: Twilight of the Raj* (London, 1985)

DUNLOP, E. E. *The War Diaries of Weary Dunlop: Java and the Burma-Thailand Railway, 1942–1945* (London, 1987)

ELLIS, JOHN *The World War* II *Databook: The Essential Facts and Figures for all the Combatants* (London, 1993)

ELLIS, JOHN and MICHAEL COX *The World War* I *Databook: The Essential Facts and Figures for all the Combatants* (London, 1993)

FERGUSON, NIALL *The Pity of War* (London, 1998)

FORSTER, E. M. *A Passage to India* (London, 1985 [1924])

FORTH, NEVILL DE ROUEN *A Fighting Colonel of Camel Corps: The Life and Experiences of Lt.-Col. N. B. de Lancey Forth, DSO (& Bar), MC 1879–1933 of the Manchester Regiment and Egyptian Army* (Braunton, Devon, 1991)

FRENCH, PATRICK *Younghusband: The Last Great Imperial Adventurer* (London, 1994)

GALLAGHER, JOHN *The Decline, Revival and Fall of the British Empire* (Cambridge, 1982)

GEYER, DIETRICH RUSS*ian Imperialism: The Interaction of Domestic and Foreign Policy, 1860–1914* (Leamington Spa/Hamburg/New York, 1987)

GILBERT, MARTIN *In Search of Churchill: A Historian's Journey* (London, 1994)

GILBERT, VIVIENT MAJOR *The Romance of the Last Crusade: With Allenby to Jerusalem* (New York, 1923)

GOLDSWORTHY, DAVID (ed.) *British Documents on the End of Empire, The Conservative Government and the End of Empire, 1951–1957 Part I: International Relations; Part 2: Politics and Administration; Part 3: Economic and Social Policies* (London, 1994)

GREENE, GRAHAM *The Heart of the Matter* (London, 1962 [1948])

HAUNER, MILAN *India in Axis Strategy: Germany, Japan and Indian Nationalists in the Second World War* (Stuttgart, 1981)

HENDERSON, W. O. *The German Colonial Empire 1884–1919* (London/ Portland, 1993)

HOCHSCHILD, ADAM *King Leopold's Ghost: A Story of Greed, Terror, and Heroism in Colonial Africa* (London/Basingstoke/Oxford, 1998)

INCHBALD, GEOFFREY *Imperial Camel Corps* (London, 1970)

KENT, JOHN (ed.) *Egypt And The Defence Of The Middle East* [*British Documents on the End of Empire*], 3 vols. (London, 1998)

KERSHAW, IAN HITLER, 1936–1945: NEMESIS (London, 2000)

LOUIS, WM. ROGER *Imperialism at Bay: The United States and the Decolonization of the British Empire 1941–1945* (New York, 1978)

LOUIS, WM. ROGER and ROBINSON, RONALD *The Imperialism of Decolonization* // Journal of Imperial and Commonwealth History 22 (1995). — Pp. 462–511

LOWE, PETER *Great Britain and the Coming of the Pacific War, 1939–1941* // Transactions of the Royal Historical Society (1974). — Pp. 43–62

MAUGHAM, W. SOMERSET *Far Eastern Tales* (London, 2000)

MAUGHAM, W. SOMERSET *Collected Short Stories, 4 vols.* (Harmondsworth, 1963 [1951])

MONROE, ELIZABETH *Britain's Moment in the Middle East, 1914–1956* (London, 1981)

MURFETT, MALCOLM H., MIKSIC, JOHN N., FARRELL, BRIAN P. AND SHUN, CHIANG MING *Between Two Oceans: A Military History of Singapore from First Settlement to Final British Withdrawal* (Oxford/New York, 1999)

NEIDPATH, JAMES *The Singapore Naval Base and the Defence of Britain's Eastern Empire, 1919–1941* (Oxford, 1981)

OFFER, AVNER *The First World War: An Agrarian Interpretation* (Oxford, 1989)

OVERY, RICHARD *Why the Allies Won* (London, 1995)

OWEN, GEOFFREY *From Empire to Europe: The Decline and Revival of British Industry since the Second World War* (London, 1999)

PERKINS, ROGER *The Amritsar Legacy: Golden Temple to Caxton Hall, The Story of a Killing* (Chippenham, 1989)

PICKERING, JEFFREY *Britain's Withdrawal From East Of Suez: The Politics Of Retrenchment* (London, 1998)

RABE, JOHN *The Good Man of Nanking: The Diaries of John Rabe* (New York, 1998)

REYNOLDS, DAVID *Rich Relations: The American Occupation of Britain, 1942–1945* (London, 1995)

RHEE, M. J. *The Doomed Empire: Japan in Colonial Korea* (Aldershot/Brookfield/Singapore/Sydney, 1997)

RITCHIE, HARRY *The Last Pink Bits* (London, 1997)

SCHMOKEL, WOLFE W. *Dream of Empire: German Colonialism, 1919–1945* (New Haven/London, 1964)

SMITH, JANET ADAM *John Buchan: A Biography* (London, 1965)

SWINSON, ARTHUR *Six Minutes to Sunset — the Story of General Dyer and the Amritsar Affair* (London, 1964)

THIO, EUNICE *The Syonan Years, 1942–1945* / In: CHEW, ERNEST C. T. and LEE, EDWIN (eds.) *A History of Singapore* (Singapore, 1991). — Pp. 95–114

THOMAS, LOWELL WITH BROWN COLLINGS, KENNETH *With Allenby in the Holy Land* (London/Toronto/Melbourne/Sydney, 1938)

TOMLINSON, B. R. *The Political Economy of the Raj, 1914–1947: The Economics of Decolonization* (London, 1979)

TRAVERS, TIM *Gallipoli 1915* (Stroud/Charleston, 2001)

TREVOR-ROPER, H. R. (ed.) *Hitler's Table Talk 1941–1944: His Private Conversations* (London, 1973 [1953])

WAUGH, EVELYN *Black Mischief* (London, 1962 [1932])

YAMAMOTO, MASAHIRO *Nanking: Anatomy of an Atrocity* (Westport, Connecticut/London, 2000)

YARDLEY, MICHAEL *Backing into the Limelight: A Biography of T. E. Lawrence* (London, 1985)

Заключение

ACEMOGLU, DARON, JOHNSON, SIMON and ROBINSON, JAMES A. *Reversal of Fortune: Geography and Institutions in*

the Making of the Modern World Income Distribution // NBER Working Paper W8460 (Sept. 2001)

COOPER, ROBERT *The Postmodern State* / In: FOREIGN POLICY CENTRE (ed.) *Reordering the World: The Long-term Implications of September 11* (London, 2002)

EDELSTEIN, MICHAEL *Imperialism: Cost and Benefit* / In: RODERICK FLOUD and DONALD MCCLOSKEY (eds.) *The Economic History of Britain since 1700*, vol. II (Cambridge, 1994)

FERGUSON, NIALL *The Cash Nexus: Money and Power in the Modern World, 1700–2000* (London, 2001)

LA PORTA, RAFAEL, LOPEZ-DE-SILANES, FLORENCIO, SHLEIFER, ANDREI AND VISHNY, ROBERT W. *Law and Finance* // Journal of Political Economy, 106/6 (1998). — Pp. 1113–1155

LANDES, DAVID S. *The Wealth and Poverty of Nations* (London, 1998)

OBSTFELD, MAURICE and TAYLOR, ALAN M. *The Great Depression as a Watershed: International Capital Mobility over the Long Run* / In: MICHAEL D. BORDO, CLAUDIA GOLDIN and EUGENE N. WHITE (eds.) *The Defining Moment: The Great Depression and the American Economy in the Twentieth Century* (Chicago, 1998). — Pp. 353–402

Предметно-именной указатель

Аахенский мирный договор (1748) 73
аборигены 16
Австралии 163–165, 272, 350
Америки 17, 20, 74, 108, 112, 114, 115, 116, 134, 138, 155, 163, 165
Австралия 21, 29, 33, 75, 122, 156, 157, 166, 168, 176, 243, 268, 272, 331, 338, 341, 343, 345, 349, 350, 352, 387, 406, 432, 462
как место ссылки 156, 158, 159, 162, 163, 180
в войнах 367, 407, 409, 410, 411, 419, 420, 450, 452, 455, 456
Австрия 73, 317, 321, 399, 400, 417
Адамс, Джон 144
Адамс, Сэмюэль 139
Аден 419, 469, 479
Александрия 319–320
Алжир 317, 328, 397
Алипур 293–294
Аллахабад 214, 284
Аллахабадский договор (1765) 79
Алленби, Эдмунд 426
алмазы 16, 28, 84–85, 308–308, 366
Амбоина 61
Амритсарская бойня (1919) 33, 438–441
Амстердам 24, 58, 60
Амхерст, лорд 258

Ананда Ранга Пиллаи 72
английский язык 29, 33, 71, 86, 133, 267, 343, 473, 480
англиканская церковь 109, 110, 148, 149, 180, 183, 184, 229, 438
Англо-американская телеграфная компания 243
Англо-бурская война (1899–1902) 369
Англо-голландские войны (XVII век) 62, 70
Ангола 191, 321, 328
Андерхилл, Эдвард 270, 271
Андижан 249
Ансон, Джордж 74, 75
Антанта 384, 386
Антарктида 419
антисемитизм 379
Араби-паша 319–320
Аргентина 330, 483
Арнольд, Мэтью 336
Арчдейл, Джон 116
Асквит, Герберт 400, 413
Асквит, Марго 286
Атлантический океан 47–48, 192, 241, 243
Ауд 88, 92, 93, 205, 215, 490 *также см.* Лакнау
Аурангзеб, император 69
Афганистан 69, 92, 242, 249, 352, 353, 417, 439, 488, 490, 494, 496
Ахмед-шах Абдали 69
Ачесон, Дин 477, 498

Багдад 403, 414
Балканы 317, 400
Балкаррес, лорд 135
Балтимор, лорд 116
Бальфур, Артур 282, 419
Бальфура декларация (1917) 432, 468
Бангладеш 249, 486
Банкс, Джозеф 75
Баптистское миссионерское общество 270

Барбадос 65, 123–124, 125, 132
Баргаш, султан 324, 327
Баркер, Мэри Энн 354
Барлоу, сэр Джордж 211
Барнато, Барни 308
Барракпур 213, 253
Батлер, леди 346
Батт, Айзек 343
Бахадур-шах II, император 216
Бевин, Эрнест 468, 470
Бедингфилд, Норман 224, 225
Безант, Анни 440
Бейкер, Герберт 295
Бельгия 231, 317, 321, 328, 331, 396, 397, 400, 401 *также см.* Конго; Леопольд II
Бентинк, Уильям 208–210
Берк, Томас Генри 343
Берк, Эдмунд 92, 94, 101, 151, 180
Беркли, Джордж 76
Берлинская конференция (1884–1885) 321–323, 325, 326
Берлинский конгресс (1878) 317
Бернс, Дж. Д. 407
Бернс, Роберт 88–90
Беррап, Генри де Винт 223, 225
Беррио-и-Орунья, Антонио де 45
Берти, Фрэнсис 385
Бечуаналенд 185, 313, 327
Бечуаналенда компания 310
Би-би-си, корпорация 17, 458
Бинг, адмирал Джон 75
Бирма *см.* Мьянма
Бисмарк, Отто фон 321, 323, 324, 326, 327
Бисмарка архипелаг 418
битва за Англию (1940–1941) 456
битва за Атлантику (1939–1945) 456

Блант, Уилфрид Скоуэн 371
Ближний и Средний Восток 317, 319, 332, 333, 385, 401, 402, 415, 416, 419, 450, 465 *также см.* Иран; Ирак; Османская империя
Блумфонтейн 30, 347, 372, 354, 375, 376
Блэр, Тони 488–490, 491, 492, 493, 496
Богл, Джордж 82, 83
Богл, Пол 270, 271, 272
"Большая игра" 249
Бомбей 28, 65, 67, 199, 214, 227, 243, 244, 251, 252, 258, 265, 277, 283
Бонн, Мориц 462
Борнео 328, 468
Бос, Джанакинат 267, 284
Бос, Субхас Чандра 284, 455
"Бостонское чаепитие" (1773) 139, 143
Босуэлл, Джеймс 121, 131, 151, 180
Бота, Луис 374
Ботани-Бей 157, 162
Ботсвана 191, 483
Бразилия 41, 181, 239, 330, 491
Брайт, Джон 23
Брайт, Чарльз 243
Браун, Сэмюэль Снид 199
Брейлсфорд, Генри Ноэл 378–379
Бретт, Реджиналд 380
Бристоль 44
Британская ассоциация содействия распространению науки 353
Британская Гвиана 131
Британская империя
полномочия парламента 43
государственный долг 63, 76, 89, 336, 430, 431
концепция "еще более великой Британии" 337, 338, 340, 341, 342, 344, 351, 352, 382
отношения с доминионами 341
зарождение 39–40
затраты и прибыли 55, 89, 421, 430, 484

наследие 27–30
размеры 328
и глобализация 23, 24, 25–27, 30–34, 430, 486, 487, 494, 495
концепция "косвенного правления" 289, 316
военные расходы 62, 76, 90, 345, 421, 434, 471, 493
распад 466–473
также см. Британское содружество; Первая мировая война
Баден-Пауэлл, Роберт Стивенсон Смит 352, 353, 357, 370, 371, 372, 388
Бакен, Джон 20, 341, 401–402, 428, 497
Британская южноафриканская компания 310, 311, 314
Британское Содружество 16, 432, 450, 469, 470, 473
"Бритиш петролеум", компания 419
Брукс, Томас 134
Брюнель, Изамбар-Кингдом 243
буканьеры 39, 40, 51, 59
Буллер, сэр Редверс 346, 368
Буллер, Чарльз 167
буры 366, 367, 368, 373, 374, 375
Бут, Чарльз О'Хара 163
Бутан 83
Бэйнс, Томас 224, 225
Бэринг, сэр Ивлин 361, 381

Вайли, Маклеод 172
Варбург, семья 389
Вахунсонакок, вождь 113
ваххабизм 359
Вашингтон, Джордж 137, 151, 152, 153, 168
Веджвуд, Джозайя 180
Великая депрессия (1929–1939) 431
Венесуэла 50, 118
Версальский мирный договор (1919) 418–419
Вест-Индия 46, 49, 55, 65, 77, 118, 122, 125, 128, 138, 154, 163, 180, 181, 408, 409, 423, 433, 456, 468

Вестминстерский статут (1931) 432
Виктория, водопад 28, 194–195, 224, 228
Виктория, королева 175, 218, 222, 237, 238, 239, 242, 251, 254, 268, 270, 276, 285, 307, 328, 346, 495
Вильгельм II, император 365, 403
Вильгельм III, король 63, 76,
Вильсон, Вудро 459, 496
Вильямсбург 28, 120
Винсент, Маттиас 67
Винтроп, Джон 111, 114
Виргиния 45, 46, 54, 107, 108, 109, 110, 112, 113, 119–123, 132, 137, 142, 152, 154, 155, 163, 484
Во, Ивлин 427
Война за Австрийское наследство (1740–1748) 73
Война за Испанское наследство (1701–1714) 71
Война за независимость в Северной Америке (1775–1783) 135–137, 148–154, 166, 481
Всемирная конференция ООН против расизма, расовой дискриминация, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости (2001) 16
Всемирный банк 492
Всемирный торговый центр, нападение на (Нью-Йорк, 2001) 488, 490, 491
Вторая мировая война (1939–1945) 18, 220, 284, 398, 457, 487
Вудхаус, Пелэм Грэнвил 389, 423
Вулф, Леонард 425
Вьетнам 369

Гаагская мирная конференция (1899) 349
Гаити 135, 496
Галифакс, лорд 444
Галлоуэй, Джозеф 145
Гальтон, Фрэнсис 355
Гамбия 46, 125, 308, 460, 468
Гамильтон, Александр 153

Гамильтон, сэр Иан 413
Гана (Золотой Берег) 308, 328, 423
Ганди, Мохандас Карамчанд 17, 408, 437, 438, 440, 442, 455, 456
Гарвин, Джеймс Луис 329
Гарравей, Томас 53
Гейтс, сэр Томас 44
Гендерсон, сэр Невилл 373
Генрих VII, король 41, 44
Генрих VIII, король 48, 102, 109
Генти, Джордж Элфорд 346
гереро 397
Германия 321, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 365, 383, 384, 385, 386, 397, 398, 399, 401, 404, 405, 406, 417, 418, 419, 420, 425, 431, 441, 471, 472, 480, 481 *также см.* Гитлер, Адольф; Фашодский кризис (1899)
Германская Юго-Западная Африка *см.* Намибия
Гетце, Сигизмунд 420
Гибралтар 71, 134, 240, 434
Гилберт, Хамфри 46, 106
Гитлер, Адольф 32, 298, 398, 441, 442, 443, 444, 445, 448, 461, 465, 471, 474
Гладстон, Уильям Юарт 276, 318, 319, 338, 342, 343, 344, 349, 361, 362, 379, 380, 381, 490, 491
Гобсон, Джон Аткинсон 23, 377, 378
Годжерли, Джордж 202–203
Голам Хосейн Хан 22, 78, 84, 85, 90
Голди, Джордж Дашвуд Таубмен 314, 315, 316
Голландия 24, 30, 58–65, 67, 70, 72, 76, 101, 110, 116, 146, 296, 366
голод 372, 396, 405, 489
в Индии 27, 90, 91, 92, 265, 298
в Ирландии 27, 33, 343
Гольц, Кольмар фон дер 393, 403
гомосексуализм 357–358
Гонконг 237, 240, 407, 461
Гордон, Джордж Уильям 272–273
Гордон, Чарльз Джордж 360, 361, 362, 380, 491

Грант, Чарльз 201
Грей, Роберт 113
Грейвз, Томас 152
Грейнджер, Джеймс 131
Грейс Уильям Гилберт 352
"Грейт-Истерн", корабль 243
Гренвилл, Джордж 138
Гренвилл, сэр Ричард 44
Гринуэй, Фрэнсис Говард 161
Грэнвил, лорд 360
Гудзонова залива компания 60, 62, 114
гуркхи 83, 218, 248, 411, 438
Гхош, Ауробиндо 293–294

Дайер, Реджинальд 438, 439, 440
Даллес, Джон Фостер 465
Дальтон, Хью 466
Дандас, Генри 82, 92
Дандас, Роберт 200
Данлоп, Эдвард 453, 454, 455
Данмор, лорд 155
Дарвин, Чарльз 273, 354
Дарджилинг 257
Дарем, граф (Джон Джордж Лэмбтон) 166, 167, 168, 169
Дарьен 83
Дауд-хан, наваб 69
"Де Бирс", компания 309, 310, 311, 314
Дейл, сэр Томас 113
Деламер, лорд 351
Дели 30, 57, 67, 68, 69, 84, 95, 198, 213, 214, 216, 217, 218, 219, 257, 285, 294, 295, 396, 436, 437, 438
Демократическая Республика Конго 489
День империи 341, 422
Деппе, Людвиг 405
Дефо, Даниэль 51, 52, 54, 55, 56, 63, 119

Джеймсон, Линдер Старр 367
Джеймстаун 108, 112, 115
Джефферсон, Томас 145, 146, 147, 154, 155
джингоизм 307, 347, 369
Джинджи 70, 76
Джонсон, Сэмюэль 37, 54, 85, 121, 150, 155
Дизраэли, Бенджамин 252, 253, 318, 319, 379, 381
Диккенс, Чарльз 185, 196, 197, 274
Дилк, сэр Чарльз 338
Диллон, Джон 367
Договорный Оман 419
Дрейк, сэр Фрэнсис 44, 46, 48, 422
Дурбан 16
Душе, Джейкоб 148, 149
Дэвис, сэр Джон 104
Дюплекс, Жозеф Франсуа 72, 73

евангелическое движение 31, 124, 179, 180, 182, 183, 184, 187, 189, 200, 201, 202, 208, 210, 216, 217, 219, 220, 222, 227, 231, 479
евгеника 355
Европейский Союз 492
Европейское экономическое сообщество 473
Египет 317, 318, 319, 320, 331, 359, 360, 361, 378, 380, 381, 419, 466, 470
также см. Суэцкий канал
Екатерина Брагансская, королева 53, 65
Елизавета I, королева 47, 48, 58, 95, 102, 103, 104, 106, 107, 109

"Зерцало моряков" 49
Замбези 191, 194, 195, 224, 225, 226, 227, 324
Замбия 228, 328, 483
Занзибар 192, 227, 228, 323, 324, 327, 433
Западная Африка 60, 61, 125, 135, 177, 180, 181, 192, 289, 308, 314, 321, 328, 359, 367, 384, 491
Западное Самоа 418
Зимбабве 327, 486

золото 16, 39, 41, 43, 44, 45, 46, 47, 60, 86, 106, 111, 167, 176, 194, 309, 314, 331, 366, 367, 430, 466, 482
золотой стандарт 331, 334, 430, 431, 483

Иден, Энтони 465
иерархия социальная 116, 146, 285, 287, 289, 290, 465
Иерусалим 416
Израиль 466, 467
Ильберт, Кортни Перегрин 277, 280, 283
Ильберта законопроект 277, 279, 280, 281, 282, 283, 284
империализм 22–24, 26, 29, 31, 34, 39, 184, 204, 313, 326, 337, 338, 339, 340, 344, 345, 346, 349, 350, 359, 377, 378, 379, 382, 442, 449, 460, 462, 469, 474, 491–495, 497
инвестиции заграничные 296, 329, 330, 331, 334, 359, 366, 379, 381, 430, 471, 482, 491, 495
Исандлвана, битва при (1879) 369
Индийская армия
экспедиция в Эфиопию 250–255
в Первой мировой войне 407–408, 414, 436
во Второй мировой войне 455–456
также см. сипаи; Сипайское восстание (1857–1859)
Индийская гражданская служба 260, 261, 266, 277, 288, 294, 297, 316, 426
Индийский национальный конгресс 284, 292, 396, 437, 439, 440, 442, 455, 467
Индонезия 41, 64, 296
инфантицид женский 205, 210, 491
Ирак 403, 404, 408, 414, 416, 418, 421, 491, 496
Иран (Персия) 69, 192, 331, 334, 402
Ирландия 44, 46, 76, 82, 102–105, 112, 117, 121, 122, 144, 157, 158, 162, 169, 211, 243, 248, 338, 342, 343, 344, 382, 396, 425, 433, 435, 436, 437, 439, 440, 450, 457
ислам, мусульмане 81, 83, 203, 211, 212, 213, 216, 248, 258, 283, 359, 362, 398, 402, 403, 404, 408, 414, 415, 426, 488, 490

Испания 31, 39–47, 49, 50, 58, 60, 65, 73, 76, 83, 101, 103, 104, 106, 112, 133, 150, 156, 157, 181, 321, 328, 337, 373, 483
Итагаки, Сейсиро 451
Италия 24, 319, 321, 328, 331, 472

Кабот, Джон 42, 44
Кавендиш, лорд 343
Кавказ 249, 398
Калькутта 28, 57, 65, 66, 78, 80, 81, 82, 95, 167, 199, 202, 208, 237, 259, 266, 267, 276, 277, 279, 280, 282, 286, 287, 290, 292, 293, 295, 314, 342
Камберленд, герцог 62
Камерон, сэр Дональд 289
Камерун 321, 323, 328, 404, 418
Канада 20, 29, 60, 73, 76, 114, 122, 154, 165, 166–169, 268, 314, 331, 338, 339, 341, 343, 345, 367, 382, 407, 456
Канпур 57, 214, 215, 218, 219, 221, 275, 276, 281
капитала потоки 329
Капская колония 316, 321, 327, 366, 370, 375
Карл I, король 116
Карл II, король 53, 62, 65, 116
Карлейль, Томас 167, 274
Карлтон, сэр Гай 151
Катар 419
каторга 158, 161, 162, 163, 167, 180
Квай, река 30, 452
квакеры 117, 179, 180, 200
Квебек 29, 71, 75, 76, 151, 154, 158, 166, 167
Кейнс, Джон Мейнард 429, 463, 471
Кейптаун 66, 157, 184, 185, 241, 307, 313, 320, 326, 327, 339, 351, 366, 375
Кейсмент, Роджер 396
Кемаль, Мустафа 414
Кения 18, 328, 469
Кеннеди, Чарльз Прэтт 257

Керзон, Джордж Натаниэль 26, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 294, 295, 296, 299, 300, 351
Керк, Джон 224, 226, 323, 324, 325, 326, 327
Киберон 75
Кимберли 308, 309, 313, 314, 347, 376, 379
Кимберли, лорд 278, 289
кино 428, 494
Киплинг, Локвуд 285
Киплинг, Редьярд 80, 250, 258, 259, 260, 261, 276, 280, 282, 285, 299, 336, 349, 388, 422, 437, 439, 496
Кипр 419, 469
Киральфи, Имре 348
Китай 158, 187, 240, 298, 334, 389, 448, 451, 460, 484
Китченер, Герберт Горацио 346, 357, 358, 362, 364, 372, 373, 374, 376, 387, 410, 441
Клайв, Роберт 77, 78, 79, 80, 81, 85, 86, 92, 346, 428, 441
Клаф, Артур Хью 458
Клэпхемская секта 178, 179, 180, 182, 201, 202, 208, 273, 280
Кобден, Ричард 23, 24, 25, 26, 28
Коканд 249
Колумб, Христофор 40, 41
Кольридж, Сэмюэль Тейлор 180
Конан Дойл, Артур 356
Конго Бельгийское 231, 323, 328, 396, 397
Конго Французское 328, 397
Конго, река 227, 231, 321, 322
Конноли, Джеймс 435
Конрад, Джозеф 9, 396
концентрационные лагеря 373, 375
Корея 397, 451
Корнуоллис, Чарльз 95, 152, 153
Королевское географическое общество 190, 191
Коромандельский берег 64, 70, 73
коррупция 25, 26, 86, 95, 484, 489
Косово 489

кофе 52, 55, 106, 136, 185, 194, 270, 426
крикет 137, 351, 352, 353, 370, 371
Криппс, сэр Ричард Стаффорд 456
Кроу, Айра 383
Крымская война 317, 360
Кувейт 419
Кук, Джеймс 74, 75, 156
Купер, Роберт 491, 492, 493
Куруман 28, 185, 188, 190, 226
Кут-эль-Амара 414
Кэмпбелл, сэр Арчибальд 82
Кэмпбелл-Баннерман, сэр Генри 377
Кэри, Уильям 183
Кэффери, Джефферсон 465

Лабушер, Генри 378
Ладен, Усама ибн 490–491
Лакнау 215, 219, 245, 254, 255, 256, 300
Латинская Америка 106, 112, 181, 329, 330, 385 *также см.* Бразилия; Испания
Латинский валютный союз 331
Левантийская компания 60
Леве, Людвиг 365
Ледисмит, осада (1899–1900) 368, 372
Лейкленд, Уильям 465
Лексингтон, сражение при (1775) 135, 136, 137, 152, 168
Леопольд II, король 231, 321, 323, 396, 397
Лессепс, Фердинанд де 317
Лестер, граф (Роберт Дадли) 103
Ли, Артур 121
либерализм, либералы 25, 26, 29, 204, 208, 248, 267, 273, 274, 276, 277, 280, 284, 321, 338, 343, 377, 378, 382, 384, 385, 387, 430, 488, 491
Либеральная партия (Великобритания) 338, 377, 384, 399, 400
Либерия 177, 308
Ливан 418

Ливерпуль 24, 126, 180, 241, 396
Ливингстон 28, 228
Ливингстон, Дэвид 176, 180, 186–198, 205, 221–228, 229, 230, 231, 232, 273, 322, 324, 428
Ливингстон, Мэри 190, 191, 225
Лиман фон Сандерс, Отто 403
Липсет, Сеймур Мартин 485
Литтлтон, Эдвард 132
Литтон, лорд 289, 295, 298
Ллойд Джордж, Дэвид 289, 377, 402, 436
Лобенгула, вождь 309, 310
Логан, Патрик 163
Локк, Джон 113, 114
Лонг, Эдвард 130–131, 132
Лонг-Айленд 114, 151
Лондондерри 105
Лондонское миссионерское общество 186, 187, 197, 220, 223
Лоу, Дэвид 427
Лоуренс, Генри 212, 215
Лоуренс, Томас Э. 415–416, 417, 418, 426–427
Лугард, Фредерик Джон 289, 316
"Лузитания", корабль 406
Лэндис, Дэвид 485
Людовик XVI, король 150
Лютьенс, сэр Эдвин 258, 295

Магдала 229, 250, 252, 255, 346
Мадагаскар 328
Мадейра 41, 125
Мадрас 28, 65, 67, 69, 71, 72, 73, 82, 84, 92, 199, 200, 277
Майсур 88, 92, 95, 211, 287, 288
Макартни, сэр Джордж 76
Макдермотт, Г. Х. 347
Макдональд, Гектор 357–358
Маккензи, Чарльз Фредерик 223, 225

Маккуори, Лаклан 160, 161, 162, 163, 164
Макларен, Кеннет 357
Макмиллан, Гарольд 466, 471, 472
Маколей, Захария 178, 179, 182, 201
Маколей, Томас Бабингтон 219, 267, 298, 299
макололо 190, 193
Максвелл, Джон 83
Максвелл, Хью 275, 276
Максим, Хайрем 312
Максима пулемет 310, 311, 312, 315, 327, 356, 363, 365, 367, 373, 384
Макхоноки, Эван 263, 264, 265, 266, 287, 288, 292, 298
Малакка 260, 328
Мальтус, Роберт 167
Манро, Томас 200, 201
Манстер 102, 104, 105
маратхи 69, 92, 95
Марвел, Эндрю 99
Марианские острова 365
Мария I, королева 102, 103
марксизм 22, 456
Марокко 328, 331, 384, 385, 389
Марсден, Сэмюэль 183
Маскат 419
Массачусетс 111, 135, 137, 139, 142, 143
Массачусетского залива компания 111, 113
матабеле 309, 310, 311, 312, 314, 327, 388
Маунтбеттен, граф 467
Мафекинг 369, 370, 371, 372, 376
Махди 359, 360, 361, 362, 364, 490
Международный валютный фонд 466, 492
Мексика 41, 46, 49, 459, 484, 496
меркантилизм 61
методизм, методисты 179, 183, 184, 211
миграционные потоки 102, 479
Милль, Джон Стюарт 26, 204, 273

Милнер, Альфред 340, 341, 353, 366, 367, 372, 375, 376, 497
Минто, лорд 200
Мирут 213, 214
миссионеры 31, 34, 176, 187, 188, 191, 479, 486
в Африке 189, 190, 193, 195, 197, 198, 222, 223, 224, 226, 229, 322, 397
в Индии 200–205, 217, 218, 220, 221
миссионерские общества 182, 183, 184, 185, 186
Митра, Праматанат 293
Молуккские острова 59
Мольтке, Хельмут Карл Бернхард фон 400
Монтгомери-Массингберд, сэр Арчибальд 434
Монтегю, Эдвин 419, 436, 439
Морган, сэр Генри 39, 40, 49, 50, 51
Морел, Эдмунд 396
мореплавание 48–49, 208
Морли, Джон 349
Моррисон, Герберт 464
Мортон, Дж. Б. 427
Московская компания 59
Моффат, Роберт 188, 190
Моэм, Уильям Сомерсет 354, 427
Муссолини, Бенито 398, 443, 444, 455
Мусульманская лига 467
Мухаммед Али, хедив 317
Мьянма 249, 282, 393, 424, 438, 452, 486
Мэннинг, Фредерик 409
Мэнсфилд, лорд 81, 144, 155
мюзик-холлы 248, 347

Навигационные акты 61, 142
Намибия 321, 328
Нанкинская резня (1937) 448–449, 450
Нанкинский договор (1842) 240
наррагансетт 114
Насер, Гамаль Абдель 465, 466

Науру 419
национализм 22, 341, 395, 466, 471
арабский 415, 468
еврейский 468
индийский 216, 284, 292, 293, 294, 297, 298, 438, 440, 442, 455
ирландский 435
китайский 455
младотурецкий 414
Национальная африканская компания 314, 315
Нейпир, сэр Роберт 251, 252, 253, 254, 255, 256
Неру, Джавахарлал 440, 467
Неру, Мотилал 284
нефть 194, 378, 403, 405, 419, 466
Нигер 190, 314, 315, 316, 322, 327
Нигерия 125, 176, 229, 316, 323, 328
Нил 227, 231, 313, 314, 317, 326, 359, 362, 363, 380
Новая Англия 110, 111, 112, 114, 115, 122, 136, 137, 139, 142, 484
Новая Гвинея 33, 329, 418
Новая Зеландия 21, 29, 33, 122, 268, 342, 345, 351, 367, 457
маори 164, 183, 184, 351
в Первой мировой войне 406, 407, 410, 411
Новая Каледония 397
Новая королевская африканская компания 62, 125
Новый Южный Уэльс 156, 157, 159, 160, 162, 165
Норт, лорд 139, 143, 145
Нортклифф, лорд (Альфред Хармсворт) 348, 349, 387
Норткот, сэр Стаффорд 252
Норфолк, остров 159, 163
Ньюболт, Генри 353, 359
Нью-Йорк 30, 62, 116, 122, 137, 142, 152, 155, 241
Ньюпорт, Кристофер 45, 49
Ньютон, Джон 124, 125, 126, 128, 129, 130, 131, 180
Ньюфаундленд 44, 110, 243, 384
Ньяса 225, 227, 323
Ньясаленд 313, 328, 468

О'Двайер, сэр Майкл 437, 439
О'Нил, Гуг (граф Тирон) 103
О'Нил, Шан 103
образование 33, 70–71, 130, 137, 266, 267, 269, 278, 279, 283, 294, 350, 355
общее право 29
Общество германской колонизации 324
Общество за искоренение работорговли 180
Объединенных концессий компания 310
Оден Уистен Хью 467
Оливер, Питер 99
Ольстер 102, 103, 105, 112
Омдурман, сражение при (1898) 353, 359, 362, 365, 368, 399, 491
Опиумные войны (1840–1842, 1856–1860) 240, 241
Организация Объединенных Наций 13, 16, 468, 473, 493
Ориноко 45
Оруэлл, Джордж 393, 424, 425, 433
Осборн-хаус 238, 239, 242, 285, 307
Османская империя 317, 403, 415, 417
Остин, Альфред 346
Ост-Индская компания (британская) 52, 59–70, 73, 77, 79–82, 84, 85, 88, 91, 92, 94, 95, 139, 198, 199, 200, 201, 202, 210, 222, 240, 241, 248, 253, 263, 287, 314, 316
Ост-Индская компания (голландская) 57, 58, 59, 60, 61, 296
Ост-Индская компания (французская) 71, 72
"отцы-пилигримы" 110, 111, 117, 159

Пакистан 249, 467, 473, 486
Палестина 426, 436, 467, 468
Пальмерстон, лорд 226, 239
Панама 40, 50, 83
Парк, Мунго 190
Парнелл, Чарльз Стюарт 343
Пейдж, Уолтер 459
Пейн, Томас 146

Пен, Уильям (младший) 116, 117
Пенн, Уильям (старший) 116, 117, 133
Пенсильвания 116, 145, 155, 179
Пентагон 488
Первая мировая война (1914–1918) 25, 27, 318, 387, 396, 399–421, 426, 429, 435, 444, 457, 468, 481, 487
Перл-Харбор, нападение на (1941) 458
Перу 41, 46, 484
Петти, Уильям 60
Пешавар 218, 219
Пикеринг, Невилл 357
Пинто, Исаак де 76
Пипс, Сэмюэль 53, 56
пиратство 31, 39, 40, 46, 47, 49, 50, 51, 57, 80
Пирс, Патрик 435
Пирсон, Карл 355, 383
Питт, Томас 66, 67, 69, 84, 85, 263
Питт, Уильям (младший) 94, 180
Питт, Уильям (старший) 73, 74, 76, 77, 122, 145
Плесси, битва при (1757) 78
Плэйфер, Уильям 209, 210
поватены 113, 115
Пойнтон, Артур Хилтон 468
Покахонтас 113
Покок, Джордж 75
Польша 397, 411
Пондишери 30, 71, 72, 76
Понтиак, вождь 155
Портсмут 157, 239, 389
Португалия 31, 41, 42, 47, 48, 53, 59, 65, 73, 101, 106, 112, 125, 181, 193, 320, 321, 326, 328
права человека 146, 396, 449, 489, 491, 492
Прайс, Джон Джайлс 163
Прайс, Роджер 223
пресса 32, 348, 349, 369, 370, 371, 389, 480

приватиры 40, 47, 50, 51
Промышленная революция 239, 275
протекционизм 84, 341, 382, 432, 473, 481
протестантство 29, 33, 42, 52 ,63, 103, 105, 109, 486, 488
пряности 31, 41, 57, 58, 60, 61, 64, 258
пуритане 110, 111, 159

рабовладение и работорговля 15, 16, 17, 27, 30, 31, 33, 39, 41, 47, 60, 73, 108, 112, 124, 125, 126, 128–135, 137, 154, 155, 159, 175–182, 184, 192, 193, 194, 195, 196, 201, 204, 223, 227, 228, 232, 239, 240, 270, 273, 298, 308, 324, 396, 452, 480, 491, 496
Ревир, Пол 136
Редферн, Уильям 160
Рейби, Мэри 162
Рескин, Джон 274, 305
Реформация 109
римско-католическая церковь 20, 42, 62, 103, 104, 105, 109, 183, 276, 313, 342, 436, 488
Роанок 54, 106, 107, 108
Род-Айленд 114, 143, 152, 155, 326
Родезия 311, 313, 327, 468
Родс, Сесил 305, 308–310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 327, 328, 340, 357, 366, 367, 378, 379, 383, 388
Родса стипендия 305, 313
Розбери, граф 379, 380, 381
Рональдс, Фрэнсис 242
Ронг, Джордж М. 13
Россия 59, 73, 249, 307, 317, 321, 331, 337, 383, 385, 397, 398, 399, 401, 403, 404, 411, 417, 441, 448, 480, 481, 494 *также см.* Советский Союз
Ротшильд, Альфред де 380
Ротшильд, Натаниэль де 309, 310, 311, 313, 314, 377, 378, 380
Ротшильд, Фердинанд де 380
Ротшильд, Ханна 379
Ротшильдов банк 308, 318, 319, 320, 359, 365, 379, 389
Руанда 489

Рузвельт, Франклин Делано 458, 459, 460, 461, 462, 464
Рэдклифф, сэр Сирил Д. 467
Рэли, сэр Уолтер 45, 46, 47, 54, 104, 106, 107
Рэли-младший, Уолтер (Уот) 46

Саки (Гектор Хью Манро) 388
Сан-Томе 41, 46, 47, 125
сати 205, 207–210, 491
сахар 31, 41, 50, 51, 52, 53, 56, 71, 76, 118, 122, 123, 125, 131, 132, 163, 178, 194, 226, 270, 298
Седжвик, Адам 224
Семилетняя война (1756–1763) 30, 73, 76, 77, 78, 88, 94, 122, 137, 138, 143, 150, 154, 155
Сентлежер, сэр Уорхэм 103
Серампур 200
Сербия 400, 417, 489, 491
серебро 41, 43, 44, 46, 83, 106, 167, 331, 334
Серингапатам 95
Сечеле, вождь 189, 190
Сиам *см.* Таиланд
Сидней 28, 157, 158, 160, 161, 162, 165, 411, 420
Сили, Джон Роберт 336
Симла 257, 258, 259, 260, 265, 267, 279, 280, 282, 284, 290
Сингапур 407, 449, 450, 453, 456, 468
сипаи 211, 212
Сипайское восстание (1857–1859) 30, 214, 216, 217, 221, 242, 245, 254, 281, 293, 298, 438
Сирайт, Кеннет 358
скауты 352, 388, 389, 426
Скиннер, Джеймс 83
Скотт, Пол 275, 281
"Славная революция" (1688–1689) 63, 143
Слиман, Уильям 206
смертность
во время Англо-бурской войны 376

в Австралии 160
в Вест-Индии 123, 132
в Индии 245
среди рабов 129
в японских лагерях 455
Смит, Адам 22, 23, 92, 144, 145, 179, 204
Смит, Джон 108, 110–111, 113,
Смит, Роберт 198, 199, 210
Смит, Фрэнсис 136
Смэтс, Ян Христиан 26
Советский Союз 398, 450, 465, 487, 488 *также см.* Россия
Соединенные Штаты Америки 29, 164, 166, 169, 181, 224, 229, 297, 308, 339, 429, 430, 457, 458, 462, 463, 464, 466, 469, 470, 471, 481, 482, 491, 493, 494, 497, 498
Солсбери, маркиз 45, 248, 285, 326, 327, 339, 340, 344, 382
Сомали 321, 328, 419
Сомма, сражение при (1916) 401, 408, 409
Сорабджи, Корнелия 354
социал-дарвинизм 356
Спенсер, Эдмунд 104
Сперджен, Чарльз 218
Спион-Коп, битва при (1900) 368, 437
спорт 21, 29, 207, 288, 350, 351–352
Средняя Азия 398, 399
Сталин, Иосиф 398, 460
Стид, Уильям Томас 349, 360
Стэнли, Генри Мортон 229, 230, 231, 232, 428
Судан 323, 327, 328, 346, 347, 359, 361, 362, 373, 380, 419, 490
Сурат 59, 61, 64
Суэцкий канал 317, 319, 366
"Всеобщая компания морского Суэцкого канала" 318, 381
Суэцкий кризис (1956) 464, 465, 466, 468, 472, 490
Сьерра-Леоне 28, 60, 124, 126, 135, 177, 239, 308, 328, 489
Сьерра-Леоне компания 60, 178

табак 46, 52, 54–55, 89, 106, 108, 109, 118, 122, 135, 163, 256
Тагор, Рабиндранат 293
Тагор, Сатьендранат 267
Таиланд 331, 452, 456
Тай, Джордж 370
Тайпинское восстание (1863–1864) 360
Танганьика (колония) 289, 321, 445, 468
Танганьика 230, 323, 326
Танзания 486
Тасмания 163, 164
Тауншенд, Чарльз (генерал) 414, 415
Тауншенд, Чарльз 138, 139, 147
Тевфик, хедив 319
Теккерей, Уильям Мейкпис 86
текстильная промышленность 56, 59, 64, 84, 110, 176, 196, 275–276, 297
телеграф 28, 229, 242, 243, 251, 266, 282
Тель-эль-Кебир, сражение при (1882) 320
Теннисон, Альфред 215, 274, 346
Тернбулл, сэр Ричард 479
Тидеманн фон, майор 365
Типу 92, 95, 211, 287
Тирпиц, Альфред фон 383, 386
Тихий океан 74, 157, 297, 331, 462
Тоголенд 404, 418
Тодзе, Хидеки 451
толерантность 16, 33, 117, 175, 199, 201, 322
Томасон, Джеймс 205
Торнтон, Генри 178, 179
Торнтон, Ричард 224, 225
Трансиордания 418
Тревельян, Чарльз 209
Трелфол, Уильям 184
треска 44, 111
Тринити-хаус 49

Троллоп, Энтони 164–165
Трота, Лотар фон 397
Труганини 164
туги 206
Тукер, Джозайя 144, 145
туризм 138, 351, 427
Тэтчер, Джеймс 147

Уайт, Джон 108
Уайт, остров 328
Уайт, Фрэнсис 113
Уганда 323, 328, 351
Уджиджи 230, 231
Уилберфорс, Уильям 179, 201, 203
Уилки, Уэнделл Л. 461
Уилсон, Хорас Хайман 210
Уильямс, Генри 184
Университетская миссия в Центральной Африке 228
Уоллер, Эдмунд 53
Уолпол, Хорас 95
Уолсли, сэр Гарнет 320, 361, 362
Уоррен, сэр Чарльз 368
Уотт, Алан 462
Уэйкфилд, Эдвард Гиббон 167
Уэллс, Бенджамин Самнер 461
Уэлсли, Ричард 95
Уэмбли 422, 423, 432

Фаррер, Томас 280
Фашодский кризис (1899) 323
Федор II (Теодрос II), император 250–253
Фелкнер, Карл С. 184
Фенианское братство 342, 343
Фергюсон, Адам 179
Ференихингский мирный договор (1902) 374

Филадельфия 17, 28, 117, 144, 148, 152
Филби, Гарри Сент-Джон Бриджер 426
Филби, Ким 426
финансовые рынки
Фицджеральд, Освальд 357
Фицджеральд, Ричард 161
Фишер, Г. А. Л. 418
Фишер, Эндрю 406
Флетчер, Эндрю 47
Фокс, Люк 49
Фокс, Чарльз Джеймс 151
Форстер, Уильям Эдвард 248
Форстер, Эдвард Морган 275, 281, 427, 439
Фосетт, Миллисент 376
фрагментация политическая 486, 487, 488
Франклин, Бенджамин 137, 143, 145, 147, 148
Франклин, Уильям 148
Франция 31, 48, 52, 62, 70, 71, 72, 73, 85, 88, 89, 90, 106, 123, 135, 157, 160, 168, 181, 241, 329, 331, 397, 430, 433, 472
и Американская война за независимость 150, 152, 153, 154
и Египет 318, 319, 320
в Первой мировой войне (1914–1918) 383, 384, 385, 387, 400, 401, 404, 408, 411, 417, 418, 420, 481
во Второй мировой войне (1939–1945) 445, 448, 466
в Семилетней войне (1756–1763) 74, 75, 76, 77, 137, 138, 150, 155
и "драка за Африку" 317, 320, 321, 323, 328, 359, 397
Французская революция (1789–1794) 27, 90
Фритаун 28, 177, 178, 181, 183
Фробениус, Лео 417
Фробишер, Мартин 44, 45
Фроуд, Джеймс Энтони 338
Фрэзер, Стюарт 288
Фрэзер, Уильям 83
футбол 421, 479

Хаггард, Генри Райдер 356
Хайберский проход 21, 250
Хайдар Али 92
Хайдарабад 69, 88
Хаклюйт, Ричард 42, 43, 44, 113
Халифа (Абдаллах ибн аль-Саид) 362
Хант, Дж. У. 347
Хант, Джеймс 353–354
Харрисон, Джон 74
Харроуэр, Джон 120, 121, 122
Хартум 313, 360, 361, 380
Хебер, Реджинальд 202
Хейстингс, Уоррен 81, 82, 83, 84, 86, 92, 93, 95, 263
Хелмор, Холлоуэй 223
Хериот, Томас 54
Хирохито, император 398
хлопок 24, 52, 56, 64, 194, 196, 226, 275, 285
Хобхаус, Леонард 23
Хобхаус, Эмили 375, 376, 377
Ходсон, Уильям 219
Хокинс, сэр Джон 46, 47
холодная война 336, 471, 488
Хоук, сэр Эдвард 75
Хугли, река 57, 65
Хусейн ибн Али 415, 426
Хьюз, Уильям Моррис 420

Церковное миссионерское общество 183, 202, 203
цинга 49, 53, 74, 75

чай 31, 52–55, 139, 186, 277, 279, 429
Чайлдерс, Роберт Эрскин 387, 425
Чайльд, Джозайя 61
Чалкер, Джек 450–451, 452
Чан Кайши 460

Чарнок, Джоб 208
Чемберлен, Джозеф 305, 338–340, 341, 342, 344, 345, 352, 353, 366, 367, 376, 377, 382, 383, 384, 388, 432
Чемберлен, Невилл 434
Чемберлен, Остин 338, 415
Черное море 317, 398, 403
Черчилль, Рэндолф 311, 344, 379
Черчилль, Уинстон 33, 363, 364, 368, 369, 385, 395, 398, 399, 405, 410, 411, 413, 435, 437, 439, 440, 445, 448, 450, 457–459, 460, 461, 463, 465, 469, 474, 497
Чинсура 57, 58, 59, 65

Шангани, битва при (1893) 310–311
Шарп, Гренвил 180
шелк 56, 57, 89, 279
Шеридан, Ричард 94
Шотландия, шотландцы 19, 20, 29, 48, 60, 71, 82, 83, 87, 92, 103, 104, 105, 110, 121, 122, 138, 144, 158, 169, 183, 185, 186, 196, 238, 257, 258, 344, 351, 355, 406, 428
Шотландская компания по торговле с Африкой и обеими Индиями 60

Эдуард VI, король 109
Эйзенхауэр, Дуайт 465, 466
Эйр, Эдвард 272, 273, 274
Эквиано, Олауда 126–127, 128
Элиот, Хью 44
Эмери, Лео 341, 419, 432
Эссекс, граф (Уолтер Девере) 103
Эттли, Клемент Ричард 469
Эфиопия (Абиссиния) 229, 250, 251, 252, 308, 321, 417, 490

Южная Африка 16, 21, 27, 184, 187, 196, 197, 308, 311, 313, 340, 341, 351, 359, 365, 366, 367, 371, 373, 374, 375, 376, 378, 379, 407, 418
Южных морей компания 60

Юм, Аллен Октавиан 284
Ютландское сражение (1916) 405

Ява 58
Яков I, король 46, 54, 71, 104, 105, 110, 113
Яков II, король 62, 63
Ямайка 27, 28, 39, 40, 50, 51, 52, 88, 116, 122, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 137, 178, 268, 270, 272, 273, 274, 275, 289, 396, 433
Янгхазбенд, Фрэнсис 425
Япония 18, 25, 30, 44, 52, 331, 365, 387, 389, 397, 398, 434, 443, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 471, 474, 480

CORPUS 173

НИАЛ ФЕРГЮСОН

ИМПЕРИЯ

ЧЕМ СОВРЕМЕННЫЙ МИР ОБЯЗАН БРИТАНИИ

Главный редактор Варвара Горностаева
Художник Андрей Бондаренко
Редактор Илья Кригер
Ответственный за выпуск Мария Косова
Технический редактор Татьяна Тимошина
Корректор Инна Безрукова
Верстка Марат Зинуллин

ООО "Издательство Астрель",
обладатель товарного знака "Издательство Corpus"
129085, г.Москва, пр-д Ольминского, 3а

Подписано в печать 18.01.13. Формат 60×90 1/16
Бумага офсетная. Гарнитура "*OriginalGaramondC*"
Печать офсетная. Усл. печ. л. 35
Тираж 3000 экз. Заказ № 8269/13

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 – книги брошюры.

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги
или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

**Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь, www.pareto-print.ru**

По вопросам оптовой покупки книг
обращаться по адресу:
г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Тел.: (495) 615-01-01, 232-17-16

ИЗДАТЕЛЬСТВО CORPUS ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Петер Энглунд

Восторг и боль сражения

Петер Энглунд (р. 1957) — историк, всемирно известный ученый, председатель жюри Нобелевской премии по литературе. Он автор семи книг по мировой истории, из которых "Полтава. Рассказ о гибели одной армии" стала очень популярна в России. "Восторг и боль сражения. Первая мировая в 211 эпизодах" построена на дневниках и воспоминаниях ее участников, написана историком и адресована всем, кого интересует, что происходит с миром сегодня и что будет дальше.

УЖЕ В ПРОДАЖЕ!

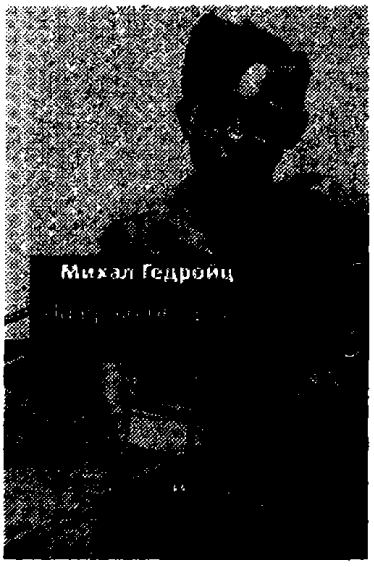
ИЗДАТЕЛЬСТВО CORPUS ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Нина Шнирман
Счастливая девочка растет

Не так давно увидела свет первая книга воспоминаний Н. Шнирман "Счастливая девочка", где рассказ велся от лица маленькой Нины, чье раннее детство пришлось на предвоенные и военные годы. "Счастливая девочка растёт" — продолжение истории этой удивительной и далеко не рядовой семьи (отец, Г.Л. Шнирман, — ученый, вся жизнь которого прошла под грифом "совершенно секретно", четырежды лауреат Государственной премии). Автор восстанавливает картины быта той эпохи и рисует очень частный ее портрет. Голос девочки воссоздан блестящей рассказчицей — Н.Г. Шнирман, чей талант дарит нам ощущение близости к миру, описанному в книге.

УЖЕ В ПРОДАЖЕ!

ИЗДАТЕЛЬСТВО CORPUS ПРЕДСТАВЛЯЕТ

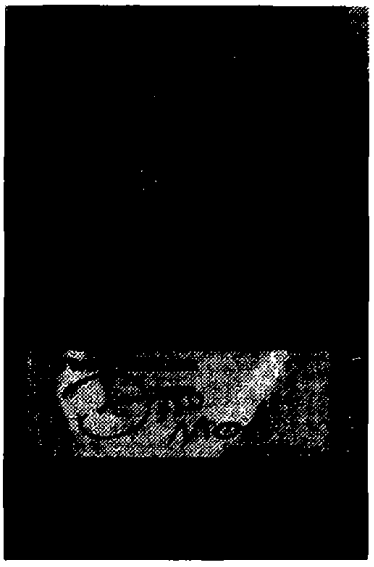


Михал Гедройц
По краю бездны

Михал Гедройц родился в Польше в 1929 году. В 1939 году, когда страну захватили Германия и СССР, отца, который был юристом и видным политическим деятелем, посадили в тюрьму, а мать, сестер и Михала депортировали. Они жили в Сибири, затем в Иране, Палестине, Ливане, а в конце войны оказались в Великобритании. В своих воспоминаниях Гедройц рассказывает о том, как быстро ему пришлось взрослеть. В его истории много драматичных и даже трагических моментов, но вся она пронизана удивительным достоинством и оптимизмом.

УЖЕ В ПРОДАЖЕ!

ИЗДАТЕЛЬСТВО CORPUS ПРЕДСТАВЛЯЕТ



Евгений Ухналев
Это мое

Народный художник России, бывший главный архитектор Государственного Эрмитажа, член Геральдического совета при Президенте РФ, художник-нонконформист, в сталинские годы прошедший через Воркуту, — все это Евгений Ухналев, один из наиболее значительных российских художников конца XX века. Его книга мемуаров "Это мое" — не просто воспоминания, но точный портрет времени. "Меня всегда мучает досада: когда человек умирает, с ним умирают все его эмоции, воспоминания, реакции, — пишет Ухналев. — Возможно, эта книга — попытка сохранить эмоции. Во всяком случае, насколько это возможно".

УЖЕ В ПРОДАЖЕ!